

А.И. МАЙКОВ

, 1984

FB2: , 16.03.2023, version 1.1

UUID: AE71463F-1A07-429E-BE67-B9D76E8BE0C5

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Аполлон Николаевич Майков

Сочинения в двух томах

Содержание

ПОЭЗИЯ А. Н. МАЙКОВА	0006
ЛИРИКА	0095
В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ	0095
ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ	0135
ИЗ ВОСТОЧНОГО МИРА	0150
ЭЛЕГИИ	0156
ОЧЕРКИ РИМА	0169
ЖИТЕЙСКИЕ ДУМЫ	0219
ФАНТАЗИИ	0243
КАМЕИ	0254
ПОСЛАНИЯ	0268
НА ВОЛЕ	0280
ИЗ ДНЕВНИКА	0303
ДОЧЕРИ	0309
ИЗ СТРАНСТВОВАНИЙ	0312
НЕАПОЛИТАНСКИЙ АЛЬБОМ (МИСС МЕРИ)	0318
ДОМА	0353
СТРАНЫ И НАРОДЫ	0366
ПЕРЕВОДЫ И ВАРИАЦИИ ГЕЙНЕ	0393
EXCELSIOR	0431
АКВАРЕЛИ	0454
АЛЬБОМ АНТИНОЯ ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «АДРИАН И АНТИНОЙ»	0466
ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ	0471

НАБРОСКИ	0478
О ПАМЯТЬ СЕРДЦА! ТЫ СИЛЬНЕЙ РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ!	0481
ИЗ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА	0489
КАРТИНЫ	0500
ВЕКА И НАРОДЫ	0500
ИЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА	0592
НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ	0627
ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ	0658
ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ	0745
В ГОРОДЦЕ В 1263 ГОДУ	0749
ЮБИЛЕИ	0802
СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ	0829
ПОЭМЫ	0860
ТРИ СМЕРТИ	0860
СТРАННИК	0886
ИЗ АПОКАЛИПСИСА	0919
БАЛЬДУР	0936
ПУЛЬЧИНЕЛЬ	0970
КНЯЖНА ***	0992
КАССАНДРА	1062
ДВА МИРА	1106
БРИНГИЛЬДА	1218
ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 1893 ГОДА	1249
СТИХОТВОРЕНИЯ	1249
ПОЭМЫ	1421
ПРИМЕЧАНИЯ (неполные)	1647

Аполлон Николаевич Майков

Сочинения в двух томах

ПОЭЗИЯ А. Н. МАЙКОВА

А. Н. Майков (1821-1897) вышел на литературное поприще в начале 40-х годов прошлого века, когда мыслящая Россия с нетерпением ждала появления нового певца, способного хотя бы частично возместить ущерб, нанесенный отечественной поэзии безвременной гибелью Пушкина и Лермонтова. И в унисон этим надеждам в статье о первой книжке стихотворений А. Н. Майкова (1842) В. Г. Белинский писал: «Даровита земля русская: почва ее не оскудевает талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывом отчаяния, — как вдруг новое явление привлекает к себе ваше внимание, возбуждает в вас робкую и трепетную надежду... Заменит ли оно то, утрата чего была для вас утратою как будто части вашего бытия, вашего сердца, вашего счастья: это другой вопрос, — и только будущее может решить его... Явление подобного таланта особенно отрадно теперь... когда в опустевшем храме искусства, вместо важ-

ных и торжественных жертвоприношений жрецов, видны одни гримасы штукмейстеров, потешающих тупую чернь; вместо гимнов и молитв слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличные клятвы торгашей и спекулянтов...»[1]

Признав Майкова «сильным дарованием» (VI, 7), Белинский подошел к его стихам строго критически: разделив их на «два разряда», он заявлял, что «повод к надежде на будущее его развитие» (VI, 9) дает лишь «первый разряд» — антологические стихи молодого поэта, созданные в духе древнегреческой поэзии. Об одном из них, стихотворении «Сон», критик успел дать восторженный отзыв еще в 1840 году, когда оно впервые появилось в «Одесском альманахе» за подписью М., ничего не говорившей тогдашнему литературному миру. Теперь, в статье 1842 года, Белинский выписывал это стихотворение полностью вторично:

*Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скир-*

дами,
На синие леса, на влажный злак
лугов;
Когда над озером белеет столп
паров
И в редком тростнике, медли-
тельно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на
влаге отражаясь, —
Иду я под родной соломенный
свой кров,
Раскинутый в тени акаций и ду-
бов;
И там, с улыбкой на устах своих
приветных,
В венце из ярких звезд и маков
темноцветных
И с грудью белою под черной кисе-
ей,
Богиня мирная, являясь предо
мною,
Сияньем палевым главу мне обли-
вает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, головой скло-
няясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тиши-
не.

«Одного такого стихотворения, — писал Белинский, — вполне достаточно, чтоб признать в авторе замечательное, выходящее за черту обыкновенности, дарование. У самого Пушкина это стихотворение было бы из лучших его антологических пьес» (VI, 10-11).

На первый взгляд может показаться странной для радикального демократа столь высокая аттестация написанных в античной манере стихотворений, плотно населенных фавнами, нимфами, наядами и прочими мифологическими существами. Хорошо известно, с какой неотразимой иронией отзывался позднее, в конце 1850-х годов, Н. Г. Чернышевский об антологических стихотворениях поэта Н. Ф. Щербины. У революционеров-шестидесятников этот вид лирики, несозвучный духу новой эпохи, вызывал неизменный и вполне объяснимый протест. Но Белинский начала 1840-х годов имел все основания видеть в антологической лирике не до конца еще исчерпанные ресурсы для художественного развития русского общества. Кроме того, если вернуться к Н. Ф. Щербине, следует отметить, что он вдохновлялся образцами эллинистической лите-

ратуры периода ее упадка; в стихотворении «Волосы Береники» поэт, по остроумному выражению Чернышевского, «вместо плача женщины о волосах... придумал плач волос о женщине»[2], в то время как превосходная эстетическая интуиция Майкова предохраняла его от подобного рода начетнических кунштюков и вовлекала в русло бессмертных традиций античной классики. Именно поэтому *вторичность* антологических стихотворений Майкова не смущала Белинского, и он находил в них и «целомудренную красоту», и «грациозность образов», и «виртуозность резца» (VI, 10). Полагая, что не головоломная эллинистическая книжность, а «природа с её живыми впечатлениями» является «исходным пунктом», «наставницей и вдохновительницей поэта» (VI, 12-13), критик приводил для подтверждения своей мысли стихотворение «Октава»:

*Гармонии стихи божественные
тайны
Не думай разгадать по книгам
мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя,*

*случайно,
Прислушайся душой к шептанью
тростников,
Дубравы говору; их звук необычай-
ный
Прочувствуй и пойми... В созвучии
стихов
Невольно с уст твоих размерные
октавы
Польются, звучные, как музыка
дубравы.*

К пьесам «второго разряда» Белинский отнес стихи Майкова, посвященные современной русской действительности. Примечательно, что именно они заслужили упрек в «несовременности». «В этих стихотворениях мы желали б найти поэта, современного и по идеям, и по формам, и по чувствам, по симпатии и антипатии, по скорбям и радостям, надеждам и желаниям, но — увы! — мы не нашли в них, за исключением слишком немногих, даже и просто поэта...» (VI, 25).

К трактовке современной темы в книжке Майкова приближалось стихотворение «Кто он?» («Лесом частым и дремучим...»), изображавшее Петра I и ставшее впоследствии хре-

стоматийным, и стихотворение «Два гроба», посвященное победе России над Карлом XII и Наполеоном Бонапартом. Однако если первое из них критик удостоил все же назвать «недурной пьеской» (VI, 28), то «изысканную и натянутую мысль» (VI, 27) второго он осудил безоговорочно.

Щадя самолюбие Майкова, Белинский воздержался не только от конкретного разбора, но даже и от упоминания наиболее пространныго из «современных» стихотворений рецензируемого сборника — дружеского литературного послания «В. Г. Бенедиктову», но он нашел способ охарактеризовать его косвенным образом: на протяжении своей статьи он не преминул трижды напомнить молодому автору об опасности злоупотребления версификаторской риторикой в духе Бенедиктова.

Вошедшие в сборник четыре стихотворения «неантологического рода», в которых Белинский увидел свидетельство «духовной подвижности поэта» (VI, 29), заслуживают нашего внимания.

На первое место среди них критик поставил стихотворение «Ангел и демон», навеян-

ное неопубликованной лермонтовской поэмой «Демон», многочисленные списки которой ходили в то время по рукам. Заметим между прочим, что, ознакомившись с поэмой Лермонтова в рукописи, Белинский уже в 1841 году писал, что она «превосходит все, что можно сказать в ее похвалу» (IV, 544). Поставленное рядом с «Ангелом и демоном» стихотворение «Раздумье», по-видимому, вызвало положительную реакцию критика тем, что оно изображало героя, мечтавшего вырваться из-под «крыла своих домашних лар», жаждавшего «и бури, и тревог, и вольности святой» (VI, 30). В третьем из этих стихотворений («Зачем среди общего волнения и шума...») мучимый сомнениями молодой поэт, в духе героя лермонтовской «Родины», отделял себя от тех, кто «сохранил еще знаменованье обычаев отцов, их темного преданья», «Зародыш новой для него (Майкова. — Ф. П.) эпохи творчества» (VI, 29) увидел Белинский, наконец, и в небольшой пьеске «Жизнь без тревог — прекрасный, светлый день...», звавшей читателя туда, где есть «и гром, и молния, и слезы» (VI, 29).

Датированное сентябрем 1841 года майковское стихотворение «На смерть Лермонтова» не вошло в сборник, рецензируемый Белинским, и, следовательно, оставалось ему неизвестным; тем не менее чутким слухом своим он уловил едва ощутимое присутствие в поэтических эскизах Майкова протестующего лермонтовского начала. В неудовлетворенности «сей жизнью без волненья», в жажде «вольности святой», по-видимому, и увидел критик залог грядущих творческих взлетов начинающего поэта.

Забегая вперед, скажем, что поэтом современности, в том смысле, как понимал эту миссию Белинский, Майков не стал. Но значит ли это, что критик дал прогноз, слишком обнадеживающий автора? Нам известно около десяти отзывов на первую книжку стихов поэта, и среди них лишь отзыв Белинского поражал своей парадоксальностью. Никто из рецензентов не воздавал таких непомерно высоких похвал дарованию Майкова и в то же время никто из них не испытывал такой «отеческой» тревоги за его литературную будущность, как Белинский, деликатно напоми-

навший молодому поэту, что присущую его дарованию созерцательность можно преодолеть лишь собственными героическими усилиями, решительной волевой акцией.

Уже в 1842 году Белинскому несомненно было известно, что незадолго перед этим закончивший Петербургский университет двадцатилетний поэт был сыном известного академика живописи Н. А. Майкова и что это обстоятельство отразилось на круге интересов и симпатий сына. Он, в частности, тоже занимался живописью, и античная тема потому и заняла столь значительное место в его поэтической деятельности. Общаясь с М. А. Языковым, Белинский тогда уже обладал кое-какими сведениями и о салоне Майковых, творческую атмосферу которого создавали не только художники, но и литераторы. Можно предположить, что не одной только книжкой стихотворений, но и всей суммой названных выше обстоятельств было продиктовано смелое заявление Белинского о том, что Майкова-поэта ожидает славное будущее.

Критические замечания Белинского в статье 1842 года были с удовлетворением приня-

ты А. Н. Майковым, что подтверждается документально, — поэт при переиздании своих стихотворений вносил в них исправления в духе замечаний критика[3]. Возможно, что уважительное отношение к его эстетическим декларациям подсказывалось своеобразным «культом» Белинского в семье Майковых, к возникновению которого непосредственное отношение имел И. А. Гончаров. Горячий поклонник великого критика, Гончаров, будучи в конце 1830-х годов преподавателем литературы в семье Майковых, не мог не внушать своим ученикам Аполлону и Валерьяну восторженного отношения к автору «Литературных мечтаний» и нашумевшей етатьи о знаменитой комедии А. С. Грибоедова.

Отзвуки идей великого предшественника «революционеров 61-го года» обнаруживаются в майковской поэме «Две судьбы» (1844), посвященной проблеме «лишнего человека» 40-х годов:

*Он дома, видя всё одно, скучал
И увлечен всеобщим был потоком:
Наполнить жизнь и душу он хо-*

*тел,
Оставивши отеческий предел,
Среди иных людей, в краю дале-
ком.*

Мотивировка странствий Владимира чрезвычайно близка той, которая была задана «Кавказским пленником» Пушкина («Отступник света, друг природы, Покинул он родной предел» и т. д.). Несмотря, однако, на ученическую зависимость Майкова от поэтов романтического толка, поэма «Две судьбы» во многих отношениях оригинальное произведение, характеризующееся если не художественной зрелостью, то, во всяком случае, смелостью положенной в его основу общественно-политической мысли:

*Владимир часто думал: «Боже мой!
Ужели плод наук и просвещенья
Купить должны мы этой пусто-
той,
Ничтожностью, развратом уни-
женья?
О русские, ведь был же вам разгул
Среди степей, вдоль Волги и Ура-
ла,*

*Где воля дух ваш в брани укрепля-
ла;
Ведь доблестью горел ваш гордый
взор,
Когда вы шли на Ярославов двор
И вдохновленные отчизной речи
Решали спор на Новгородском ве-
че...»*

Как видно из приведенного отрывка, герою Майкова свойственна «декабристская» интерпретация русской истории. Не останавливаясь на рубеже 1826 года, автор делает Владимира свидетелем и участником наиновейших событий, в том числе и своеобразного состязания западника («Всё русское ругает наповал; Всё чуждое превыше всех похвал») со славянофилами («Те чужды всем идеям басурманским, Им храм Петра ничто перед Казанским И лучше винограда огурцы»).

Типичный «лишний человек», Владимир в конце концов сгибается под ударами судьбы, опускается нравственно и становится байбаком и «коптителем неба», помещиком-крепостником. Важно отметить, что автор дискредитирует своего героя оружием сатиры,

идейный пафос и изобразительные средства которой формировались под прямым воздействием статей Белинского.

Если поэма «Две судьбы» в стилистическом отношении не отличалась целостностью, то вторая поэма Майкова, «Машенька», которую было бы правильнее назвать стихотворной повестью, по всем признакам отвечала требованиям «натуральной школы», и поэтому появление этого произведения в некрасовском «Петербургском сборнике» (1846) — факт вполне закономерный. Симптоматично и то, что окруженная авторским сочувствием героиня этой поэмы-повести взята из мелкочиновнической среды, в то время как ее похититель и обольститель Клавдий — это облаченный в мундир представитель паразитирующего и морально деградирующего дворянства, и хотя столкновение сословных интересов в повести не декларируется прямо, оно подсказывается и подтверждается всей системой ее образов. Сравнительно со стихами первой книжки поэма характеризуется углублением психологизма, попыткой дополнить новыми средствами обычные способы

изображения сложных душевных переживаний, прибегая, в частности, к «языку жестов»:

*Недвижная, поникши головою,
Она, казалось, силилась понять,
Что было с ней... Хваталась руками
За голову, как будто удержатъ
Стараясь разум; мутными глазами
Искала всё кого-то... Давит грудь
Стесненное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы..? Но — увы! — в
страданьи
И слезы даже могут обмануть...
Потом как бы вернулась сила снова,
И вырвались из уст и стон и слово:
«Он обманул!.. Я всем теперь чужда...»*

Поэме «Машенька» свойственны раскованность повествования, соединение элементов возвышенного и низменного, трагического и комического, эпоса и лирики, типичные для реалистического метода. Об этом же свидетельствует и стремление автора расширить

круг наблюдаемой действительности, изобразить многоголосую уличную толпу. Наиболее показательна в этом отношении седьмая глава, где еще не оправившегося от сердечного приступа Василия Тихоновича (отца героини) увозит в праздничный день на острова его старинный приятель по службе:

«Как пыльно! Уф! Дышать почти нет сил!

Да слезем тут, пройдемте до гулянья,

*Смотрите-ка, народу что идет,
Чай, всякие — держитесь за карманы,*

Кто их теперь в толпе-то разберет...

Глядите-ка, пристал какой-то пьяный

К купчихе, знать: повязана платком.

*Здоровая, ей-ей, кровь с молоком!
Чай, ест за трех! Ишь жирная какая!*

*Эге, ругнула! Вот люблю, лихая!
...Послушаем шарманки. Ишь какой*

Тальянец — мальчик, а уж черно-

мазый.

Чай, сколько он проходит день-
деньской!

Как вертится! Ах, дьявол пучегла-
зый!

...Подвинемтесь туда,
К каретам. Ты, седая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись,
аршинник!

Не видишь, что чиновники...
Скорей, Василий Тихоныч, не про-
пустите,

Директорша. Да шляпу-то снимите.

Проехала. Директор не при ней.
А вон коляска... Да кто в ней, гля-
дите —

Не знаете? Ведь стыдно и ска-
зать...

Вся в кружевах теперь и блондах...

Танька,

Та, что жила у Прохорова нянь-
кой!

И шляпка вниз торчит... Тож ле-
зет в знать!

Чуфарится! Туда ж с осанкой бар-
ской!..»

Это изображение празднично настроенной

толпы, способное вызвать улыбку читателя, необходимо автору не только для полноты картины городской жизни, но и для контраста, поскольку оно непосредственно переходит в зарисовку иной тональности — драматической встречи обезумевшего отца с падшей дочерью.

Отправившись осенью 1842 года в Италию, Майков прожил за границей около двух лет. Итогом итальянских впечатлений явился новый сборник стихов «Очерки Рима» (1847), замысел которого возник у поэта не без воздействия повести Н. В. Гоголя «Рим», опубликованной в журнале «Москвитянин» в 1842 году. В гоголевской повести Белинский увидел встревожившие его своим «славянофильством» «косые взгляды на Париж и близорукые взгляды на Рим» (VI, 427, ср. 661). Как и в повести Гоголя, в новом сборнике Майкова еще не вовлеченный в круговорот капиталистической цивилизации Рим противопоставлялся кипящему социально-политической борьбой и конфликтами Парижу («Северу»):

*Сидя в тени виноградника, жадно
порою читаю*

*Вести с далекого Севера — попри-
ща жизни разумной...*

*Шумно за Альпами движутся в
страшной борьбе поколенья...*

*...Здесь же всё тихо: до сени спо-
койно-великого Рима*

*Громы борьбы их лишь эхом глу-
хим из-за Альп долетают...*

(«Газета»)

Правда, в отличие от героя повести «Рим», разочаровавшегося в культуре, созданной французами — этой «заживо умирающей нацией», — лирический герой Майкова, прислушиваясь к политическим бурям во Франции, полон желаний стать их участником:

*Так бы хотелось туда! Тоже сме-
ло бы, кажется, бросил
Огненный стих с сокрушитель-
ным словом!..*

Но благородный порыв этот был паразитично кратковременным. Корысть «жалких Ахиллов» и «мелких Улиссов» французской оппозиции отвращает героя Майкова от участия в «торжественной драме» общественной борьбы и толкает его на путь увлечений и на-

слаждений, чуждых какой бы то ни было духовности.

Мир умонастроений поэта и его героя не сводится, однако, к узко понятой философии эпикуреизма. Так, в стихотворении «Palazzo» автор вводит нас в чертоги старинного итальянского феодального рода, покинутые молодыми владельцами, променявшими спокойную привилегированную жизнь на скитальческую судьбу поборников итальянской свободы;

*Благословенье вам! Не злато, не гербы
Вам стали божеством, а разум и природа,
И громко отреклись вы от даров судьбы —
От прав, украденных отцами у народа,
И вняли вы призыв торжественной борьбы,
И движет вами клик: «Италии свобода!»
И гордо шелестит, за честь страны родной,
Болонская хоругвь над вашей го-*

ловой!

В этих стихах Майков выступал не только сторонником права Италии на государственную независимость перед лицом несправедливых притязаний австро-венгерской монархии, но и противником угнетения итальянских народных масс отечественными поработителями — аристократией. И не случайно поэтому строка «От прав, украденных отцами у народа» в издании «Очерков Рима» 1846 года была вычеркнута царской цензурой.

Каким бы искренним ни было, однако, сочувствие поэта поборникам итальянской свободы, он был далек от того, чтобы сделать это сочувствие сюжетной осью сборника.

Герою стихотворения «Анахорет» (1846), так же, как, по-видимому, и самому автору, рисовалась утопическая картина «золотого века», в котором

*Бедный сверг оковы;
Сильны и прекрасны
Разумом и волей
Племена земные...
Лжи не воздвигают
Пышные кумирни,*

*Ловкого злодея
Не чествят, как бога...*

Однако активно сражаться за осуществление этой мечты у анахорета не хватало решимости. Он пробыл двадцать лет в пустыне и убедился, что мир за время его отшельничества ни на йоту не изменился к лучшему. У анахорета нет никаких планов переустройства жизни, может быть, еще и потому, что его социальный идеал обращен в прошлое, реставрировать которое он бессилён. Так же, как и молодой князь из гоголевской повести «Рим», лирический герой Майкова симпатизирует в конечном счете «классическому Риму», природа и люди которого напоминают ему «картины Из ярких стихов антологии древней Эллады». Добрую половину стихотворений второй книжки Майкова можно назвать скорбными размышлениями над руинами Древнего Рима («Игры», «Древний Рим», «После посещения Ватиканского музея», «Campagna di Roma», «Нимфа Эгеря», «Тиволи» и др.). В тех случаях, где Майков пытается запечатлеть черты современности, образам его не хватает подвижности и выразительно-

сти. Девушки из Альбано (предместье Рима), наполняющие водой кувшины у фонтана («Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!..»), — это набросок поэта-живописца, воспринимающего современную итальянскую жизнь сквозь призму произведений искусства. При этом автор не только не скрывает, но и подчеркивает эту *вторичность* восприятия, вводя в эскиз, кроме девушек-альбанок, художника-германца, изображающего их на картине, и, наконец, самого себя, замыслившего написать стихотворение с такого рода трехчастной композицией: девушки-альбанки, германец-художник и русский поэт, их изображающий.

Занятия живописью оставили заметный след в творчестве Майкова-поэта: это проявилось в повышенном внимании к точности изображения предметного мира и в колористической выразительности рисунка. Вместе с тем увлеченность эта повлекла за собой и некоторые издержки: «линейная» красота нередко заслоняла у него интерес к красоте внутренней, пути к которой проходят через познание сущности явлений.

Поэтическое творчество Майкова 1843-1846 годов характеризовалось заметным преодолением антологической заданности. В духе «натуральной школы» поэт создает в «Очерках Рима» небольшую галерею портретов различных обитателей древнего города, в каждом из которых просвечивает та или иная черта итальянского национального характера («Нищий», «Капуцин», «Logenzo» и др.). Тематика этих набросков не оригинальна. Мы не увидим здесь образов итальянских крестьян или тружеников города, хотя к ним и весьма близок портрет обладающего чувством личного достоинства и бесстрашного чичероне Пеппо («В остерии»). Вместе с тем даже в традиционно экзотических типах римских лаццарони, в портретах «эмансипированных», игривых и лукавых итальянок мы замечаем известное тяготение поэта к изображению народной жизни.

«Очерки Рима» не стали выдающимся событием в истории русской поэзии. В развитии же самого поэта они явились значительной вехой, обогатив его изобразительные средства и подсказав ему новые возможности

для раскрытия собственного дарования.

«Жизнь Майкова, — писал в конце прошлого века Д. Мережковский, — светлая и тихая жизнь артиста, как будто не наших времен. ...Судьба сделала жизненный путь Майкова ровным и светлым. Ни борьбы, ни страстей, ни врагов, ни гонений»[4]. Эта ультра-суммарная характеристика весьма далека от истины. В действительности жизненный путь поэта не походил на укатанную дорогу, и отнюдь не благосклонной была к нему судьба. В одном из стихотворений, созданном в 1843 году и не вошедшем в «Очерки Рима» (хотя оно и было присоединено к этому циклу много лет спустя), поэт писал:

*Во мне сражаются, меня гнетут
жестoko
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекут мечты, во мне бун-
тует кровь,
И знаю я, что всё — и пылкая лю-
бовь,
И пышные мечты пройдут и охла-
дятся
Иль к бездне приведут... Но с ними
жаль расстаться!*

Мечты Аполлона Майкова в период, к которому относится цитируемое стихотворение, имели непосредственное отношение к социал-утопическим проектам передовой молодежи. Именно в это время и приобщается А. Майков к движению петрашевцев, в которое еще в большей мере, чем он, был вовлечен его младший брат Валериан. Впоследствии, летом 1854 года, в письме к М. А. Языкову Майков напишет следующее: «При этой сбивчивости общих идей, все-таки вращался я в кружке, где были систематическое преследование всех действий правительства и безусловное толкование их в дурную сторону, и многие радовались — пусть путают, тем скорей лопнет»[5].

В письме же к П. А. Висковатову, написанному в 1880-х годах, А. Майков рассказал не только о своем участии в собраниях петрашевцев, но и о том, что Ф. М. Достоевский в 1848 году доверительно поделился с ним сведениями об организации петрашевцами тайной типографии и т. д.[6].

В связи с раскрытием в мае 1847 года тайного Кирилло-Мефодиевского общества цар-

ское правительство повело усиленную атаку как на действительные, так и на мнимые очаги вольномыслия. Задавшись целью парализовать политическую активность молодежи, оно реорганизует систему жандармского надзора в университетах, призывает к повышенной бдительности цензуру и т. п. В начале 1849 года царской агентурой были обнаружены признаки деятельности кружка петрашевцев. Арестами членов кружка и устроенной над его «зачинщиками» инсценировкой смертной казни 22 декабря 1849 года царизм продемонстрировал свою беспощадную решимость бороться с «инакомыслящими». Общественную атмосферу после «дела Петрашевского» охарактеризовал впоследствии Н. А. Некрасов в стихотворении «Недавнее время»:

*Молодежь оно сильно пугнуло;
Поседали иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.*

Одним из «поседевших» с той поры был и А. Н. Майков. Он долго находился под страхом надвигающегося ареста, его вызывали на до-

прос в Петропавловскую крепость, и избежать заключения под стражу ему удалось лишь потому, что степень его близости к «центру» петрашевцев осталась для следствия не до конца раскрытой.

Впрочем, преувеличивать стойкость «социалистических» убеждений Майкова нет оснований. Со временем в увлечениях своей молодости он увидит даже слепое следование идеям французской революции 1848 года — «много вздору, много эгоизма и мало любви», утопизм, не соответствующий «идеалу человеческого нравственного совершенства».

Став на позиции примирения с существующей действительностью и с «прочим образованным обществом», Майков постепенно отмежевывается идейно от западнически настроенных сотрудников журнала «Современник». Западнический «блок», на плечах которого лежала основная тяжесть издания этого журнала, был, как известно, образованием весьма непрочным. Во второй половине 1850-х годов либеральная часть этого «блока» (А. В. Дружинин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др.) вступит в конфликт с радикальной его ча-

стью (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов), что и приведет его в 1860 году к распаду. Расходясь во взглядах и с либералами и тем более с радикалами «Современника», Майков в начале 1850-х годов отдает свои симпатии «молодой редакции» славянофильского журнала «Москвитянин». Не останавливаясь на полпути в эволюции своих общественно-политических взглядов, Майков достигает крайних пределов — откровенно монархических убеждений, до которых, кстати сказать, не доходил друживший с поэтом духовный глава «молодой редакции» Аполлон Александрович Григорьев.

Годы 1848-1852 были периодом крушения и ломки социал-утопических воззрений автора, чем и следует, по-видимому, объяснить относительно слабую в это время его творческую активность. Только начавшаяся в 1853 году Крымская война пробудила Майкова к интенсивной поэтической деятельности, итоги которой были объединены в сборничке «1854-й год. Стихотворения». В нем автор прямо осуждал свое ведав, нее недоверие к утилитарному искусству.

В стихотворении «Клермонтский собор» (1853) Майков выступает в роли публициста, развивавшего мысль об исторической заслуге России, преградившей полчищам Батыя путь на Запад и предотвратившей тем самым возможную гибель европейской цивилизации:

*Уж недра Азии бездонной,
Как разгоравшийся вулкан,
К нам слали чад своих миллионы:
Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан, —
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом,
И уж за веру кровь лила...*

Об исторической миссии России примерно в таких же словах говорил в письме своем к П. Я. Чаадаеву (19 октября 1836) Пушкин («Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары... отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена»). Однако письмо Пушкина к моменту написания «Клермонтского собора» еще не было напечатано, и, следовательно, автор последнего в данном слу-

чае от Пушкина не зависел.

Стихи Майкова, посвященные Севастопольской обороне, приветствовала не только официозная, но и демократическая печать. С положительными откликами на них неоднократно выступали Некрасов и Чернышевский, хотя они и не смешивали стихийный патриотизм народных масс с лжепатриотизмом официальных кругов. Исходя из правильной предпосылки, что отпор нападению союзнических войск может дать только *сильная* Россия, Майков ошибочно полагал, что отразить удар врагов в состоянии лишь Россия самодержавная. Нотки казенного патриотизма особенно настойчиво звучали в стихотворении «Памяти Державина» и «Послание в лагерь». Размышления демократов о войне чем дальше, тем настойчивее связывались с сознанием необходимости радикальных социальных реформ. Подобного рода тенденций не найдем мы у Майкова, — даже в стихах, адресованных читателю из народной среды и написанных в форме народного сказа («О том, как отставной солдат Перфильев пошел во вторичную службу» и «Пастух»). Автор преис-

полнен в них надежд на благоденствие народа под скипетром монарха:

*И постой, годок ли, два ли.
Как в порядок всё войдет,
Жизнь без горя и печали
То есть вот как потечет!*

*(«О том, как отставной солдат
Перфильев...»)*

Из стихотворений «севастопольского» цикла искренностью интонаций и попыткой взглянуть не войну глазами тех, на чьи плечи пала ее основная тяжесть, отличается лишь стихотворение «Генерал-лейтенанту Хрулеву», написанное несколько позднее, в 1856 году:

*Их много разбрелось — безруких и
безногих,
И люди русские, в палате и в избе,
Рассказы слушают воителей убогих.
Во всех рассказах их есть повесть
о тебе.
...Хрулев! Ты победил любовь
солдатской —
Наградой верною достоинствам*

вождя.

Она нам говорит, что сам любовью братской

*Ты меньших возлюбил, их к чести
приведа.*

*В том тайна русских сил, доступная
немногим, —*

*На подвиг доблести, и в мире, и в
войне,*

*Не нужно русских звать команды
словом строгим,*

Но встанут все на клик: «Голубчики, ко мне!»

Стихотворение «Арлекин», замыкавшее сборник 1854 года, наилучшим образом раскрывало глубину идейного кризиса Майкова. Фигурка висящего на стене бумажного арлекина, шута и балагура, вдруг оживает и приобретает зловещие черты. Это он, как оказывается, стал в Европе XVIII века носителем разрушительных по отношению к старому порядку идей. На первых порах, когда порода «арлекинов» была еще малочисленной, их смех был небесполезен. Однако не знающий разумных пределов критицизм «арлекинов» с течением времени стал пробуждать темные

инстинкты черни и опрокинул складывавшиеся веками представления о чести, совести и справедливости:

*Добро упало вместе с злом!
Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Воя, по улицам влекла...*

Господство денежного мешка и система государственных коррупции, лицемерно прикрываемые парламентским красноречием, разъедают тело Европы. Поставить преграду разрушительной деятельности «арлекинов» могла, по мысли Майкова, лишь Россия, избавленная от язв буржуазного правопорядка. Только в мире «пахарей печальных», в среде «отцов семейств патриархальных» можно обрести источники нравственного обновления общества.

Отрицая принципы западноевропейской цивилизации огульно, не отделяя ее «добро» от ее «зла», Майков становился на реакционную позицию, на что и не преминула указать современная ему прогрессивная критика. Обороняясь от ее нападков, поэт заявлял, что

он осуждал в «Арлекине» не сами «начала» западноевропейской общественной жизни, а лишь «спекуляторов на эти начала».

В идейно родственной «Арлекину» «Коляске», написанной 5 марта 1854 года, адресатом верноподданнических признаний Майкова становится особа здравствующего императора. При жизни автора стихотворение не появилось в печати, тем не менее вскоре после написания оно в рукописном виде получило довольно широкое распространение. Вид проезжающего в откинутой коляске царя приводил поэта в восторженное состояние духа. Называя Николая I «державным повелителем», «первым тружеником народа своего» и вместе с тем жертвой «клеветы и злоязычья» иностранцев, Майков выражал надежду на то, что незаурядную личность царя сумеет разгадать лишь потомство и что это произойдет лишь тогда,

*Когда история пред миром изум-
ленным
Плод слезных дум твоих о Руси
обнажит
И, сдернув с истины завесу лжи*

*печальной,
В ряду земных царей твой образ
колоссальный
На поклонение народам водрузит.*

О реакции на поведение Майкова литераторов, тесно связанных с редакцией «Современника», можно судить по написанному Некрасовым, Тургеневым и Дружининым «Посланию к Лонгинову», в котором имеются следующие строки:

*И Майков Аполлон, поэт с гнилой
улыбкой,
Вконец оподлился, конечно, не
ошибкой...*

«Коляска» вызвала бурную отрицательную реакцию даже среди сторонников монархического строя: многими она воспринималась как сочинение, продиктованное корыстными расчетами, как выражение ничем не оправданной лести и низкопоклонства. Подозрения последнего рода особенно сильно уязвляли самолюбие автора. Именно поэтому в цитированном выше письме к М. А. Языкову, называя «Коляску» «смелым и резким стихом», поэт настойчиво отводил от себя обвинения в

беспринципности и пресмыкательстве перед особой самодержца.

Как ни старался, однако, Майков убедить своих друзей в том, что «Коляска» написана «языком сердца», она на долгое время стала предметом его мучительных раздумий и переживаний. И приблизительно через год после ее написания, вскоре после смерти Николая I, в беседе с Я. П. Полонским он сделал следующее самокритическое признание: «Я был просто дурак, когда видел что-то великое в Николае. Это была моя глупость, но не подлость»[7].

В атмосфере наступившей после николаевского царствования «оттепели» Майков частично освобождается от своей политической слепоты и пытается критически взглянуть на окружающую действительность. Симптоматично в этом отношении его стихотворение «Окончена война. Подписан подлый мир...» (1856), не предназначавшееся для печати и обращенное к вдохновителям внешней политики царизма:

*Чего еще вам ждать — написано
красно!*

*Не в первый раз бумажным крючкотворством
Пришлось вам прикрыть отечества пятно,
Подъячие в звездах, с умом и сердцем черствым.*

Критическими элементами пронизано и стихотворение «Вихрь» (1856), написанное в духе Дантова «Ада». По воле автора преисподняя оказалась заполненной «блудным и ветреным племенем», паразитирующим на теле государства. Там и привыкшие к роскоши франты, и погрязшие в разврате львицы лешего света, и бездушные канцеляристы, и высокопоставленные бюрократы. Объединяющая их всех черта — безразличие к народным нуждам.

*Педантов вмиг узнал я в сей ватаге:
Их жалкий круг когда-то охранял
Наук святыню и, в слепой отваге,
Дорогу к ней народу преграждал...*

В эпиграмме «Бездарных несколько семей...» (1855 или 1856), направленной против правительственной бюрократии, граждан-

ский критицизм поэта приобретает еще большую выразительность:

*Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей.
Стоят превыше всех законов,
Стеной стоят вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И простодушно говоря:
«Ведь только мы и есть Россия!»*

У нас нет никаких данных о том, чтобы эта также не предназначавшаяся для печати смелая стихотворная инвектива получила известность хотя бы в кругу близких автору лиц. Вместе с тем ненависть к «двигателям» бездушно-бюрократической государственной машины самодержавия нередко врывается и в подцензурные стихи Майкова, становилась заметным общественно-нравственным мотивом его творчества. Сошлемся для примера на стихотворение «Он и она» (1857), в котором мастерски воспроизведен портрет чиновника-бюрократа,

*И вот — идет он в блеске власти,
Весь в холод правды облечен;*

*В груди молчат людские страсти,
В груди живет один закон.*

*Его ничто не возмущает:
Как жрец, без внутренних тревог,
Во имя буквы он карает
Там, где помиловал бы бог...*

Среди рассчитанных на публикацию произведений поэта были такие, идейный смысл которых встречал сопротивление царской цензуры. Такова поэма «Сны» (1856-1858), таково стихотворение «Поля» (1861) и написанное в жанре послания стихотворение «Другу Илье Ильичу» (1861, 1863). К ним же следует отнести и опубликованное в 1863 году стихотворение «На белой отмели Каспийского моря...»; оно посвящено пребыванию в мангышлакской ссылке Т. Г. Шевченко. Вид Каспия вдохновляет изнеможенного солдатской муштрой народного поэта на песнопенье, но творческий его порыв заглушается ружейным лязгом и окриками часовых, готовых

*...выстрелить по первому стиху
И в крепости поднять военную*

тревогу.

Изображение государства, превращенного в казарму, где свободе творческой мысли угрожают штык и пуля, спрессовано в этом майковском эскизе до степени символа.

Новые общественные веяния, вызванные революционной ситуацией в России, проникают в содержание майковского «Неаполитанского альбома» (1858-1860). Лишь в отдаленной степени новый цикл напоминал «Очерки Рима». Там преобладали закованные в традиционные размеры размышления о величии античного мира и бессмертии созданного им искусства. В «Неаполитанском альбоме» поэт делает крутой поворот к современности, более того — к народной теме. Изображать народную жизнь на итальянском материале было для Майкова гораздо легче, чем на русском, где он встретил бы немало достойных соперников. К тому же иностранная тема предоставляла поэту возможность преподнести ее русскому читателю без особых оглядок на цензуру, в своеобразной экзотической оправе, широко используя при этом право на художественный эксперимент. В одном

из писем 1856-1868 годов к И. С. Никитину Майков писал: «Больше нам надо писать *бликами*, чем контурами»[8]. Опытom подобного рода раскованного, *бесконтурного* письма и был «Неаполитанский альбом». Автор отказался в нем от жестких жанровых конструкций и тематической строгости, задавшись целью передать подвижность итальянской национальной жизни, Противоречивость проявляющихся в ней тенденций.

*Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!*

(«Тарантелла»)

Наряду с народным танцем, *тарантеллой*, в «Неаполитанский альбом» проникает народная итальянская песня. Беззаботное веселье и смех образуют ведущую стихию неаполитанской народной жизни:

*Смех нам хартия! Захочет
Деспот сжать нас — смех уж
тут:*

*Знак, два слова — и хохочет
Весь Неаполь, всякий люд!*

(«Два карлика»)

Но народ не может довольствоваться одним смехом. Простодушная народная толпа доверчиво внимает ханжеским призывам монаха проповедника и тут же, по выходе из храма, охотно отдает себя во власть сугубо плотских увлечений. В этой смене настроений толпы есть что-то родственное смене природных стихий, увековеченной поэтом в картине, изображающей Неаполитанский залив после грозы:

*И — след утихнувшего гнева —
Бурун вскипает здесь и там,
И слышен гул глухого рева
Вдоль по отвесным берегам...*

(«Какое утро! Стихли громы...»)

Картина природных стихий неожиданно оттесняется образом эмансипированной и экзальтированной мисс Мери, он, в свою оче-

редь, сменяется видом группы праздных иностранцев, бросающих червонцы в морскую пучину.

*За червонцем в ту ж минуту
Мальчик — прыг! исчез в водах —
И уж вынырнет наверно
С золотым кружком в зубах...*

(«К NN и граф фон Дум-ен...»)

Вслед за этой проходит ряд картин в чисто национальном стиле:

*Пульчинелль вскочил на бочку,
И толпа уж собралась;
Жест лишь сделал — и вся площадь
Ярким смехом залилась...*

Наряду с зарисовками разнообразных примет неаполитанской жизни, не претендующих на значительность, в альбоме изображены также и события подлинно исторические, например, гарибальдийское движение.

Гражданскую инертность народной массы («Всё равно, кто правит нами!», «Были б праздники народу!» и т. д.) побеждает в конце концов сознание общности национальных

интересов. В страстном томлении ждут неаполитанцы общественного «грома»:

*Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!
Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!*

*Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народ вокруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки!*

(«Душно! Иль опять сирокко?..»)

К образу Гарибальди автор возвращается трижды, причем последний раз в стихотворении, которым завершается цикл:

*Народный вождь вступает в го-
род...
Всё ближе он... Всё громче крик...
И вот он сам, среди этих криков
От счастья тих... О, чудный миг!*

*...И загорелый лик героя,
И пестрых волн народных плеск,
И вокруг на всем, с высот лазур-
ных,
Луча полуденного блеск!*

Счастливо найденный пейзажный штрих (блеск солнечного луча), венчающий стихотворение, становится своеобразным символом единства природных стихий и народной толпы, нашедшей себя в своем герое.

Современная Майкову критика чрезвычайно сдержанно, а порою и отрицательно отзывалась о «Неаполитанском альбоме». Автора упрекали в неуместно шутливом тоне зарисовок итальянской национальной жизни, в немотивированном появлении отдельных персонажей (князь NN, артист Бурдин и др.), в незавершенности сюжетных линий и т. д.

Далеко не безупречный в художественном отношении, «Неаполитанский альбом» обладал тем не менее существенными достоинствами. Сохраняя тематическую целостность цикла, подчиненного изображению народной неаполитанской жизни, автор отказался в нем не только от шаблонов антологической поэзии, но и от жанрово-стилевой монотонии вообще. Вошедшие в цикл 32 стихотворения в жанровом отношении делятся не менее чем на десять разновидностей. Народная песня со-

седствует с диалогом, романс с преданием. Баллада о замке любвеобильной королевы Иоанны (стихотворение «Вот смотрите, о мисс Мери...») выступает в обрамлении ироничных стихов. Преобладающий жанр цикла — миниатюра, в которой скорбные интонации переплетаются с шуткой.

*Всем ты жалуешься вечно,
Что судьбой гоним с пелен,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чином обойден!*

*Друг! не ты один страдаешь!
Вон, взгляни: осел стоит
И с горы на весь Неаполь
О бедах своих кричит.*

Подобного рода «философических» миниатюр не знала прежняя поэзия Майкова. Не прибегал ранее поэт и к смелым, едва ли не рискованным сравнениям вроде: шутка — исчезающая в камнях ящерица, сердце — морская бездна и т. д. Не употребляя ранее поэт и четверостиший, где рифмуются лишь два стиха (второй и четвертый).

Свойственное «Неаполитанскому альбо-

му» тяготение к техническому эксперимента- торству как будто не захватило дальнейшего творчества Майкова, он, как и ранее, продол- жал со. хранить верность эстетическим нор- мам, выработанным русской поэзией в эпоху Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Кольцова. Вместе с тем приобретенный в период созда- ния «Неаполитанского альбома» опыт не про- шел для поэта даром, он служил отправной точкой и источником последующего совер- шенствования майковского реализма и пси- хологизма.

Наращение обличительно-гражданских мотивов в поэзии Майкова второй половины 1850-х годов было обусловлено общим подь- емом общественного движения в эту пору в стране. У поэта не было персональной заинте- ресованности в защите феодально-крепостни- ческих отношений. Дворянин по паспорту, он был по общественному положению своему и образу жизни разночинцем, прошедшим все низовые ступени чиновнической службы, прежде чем дослужиться в 1888 году по коми- тету иностранной цензуры до ранга тайного советника.

С детских лет Майков выработал в себе привычку к регулярному и упорному труду, постоянно предохранявшему его от любых форм высокомерно-аристократического отношения к «низшим» сословиям, к их складу мышления и мировосприятия. Однако демократизм образа жизни, привычек и нравственно-эстетических симпатий сочетался у Майкова с консерватизмом его общественных взглядов. Вместе с друзьями из кружка петрашевцев он мечтал в молодости о переустройстве существующего строя на республиканских, справедливых началах. Пережив после 1849 года разочарование в идеях утопического социализма, Майков приходит к выводу, что самодержавно-крепостническая форма «еще далеко не кончила своей программы, начертанной Петром»; отдавая предпочтение этой форме, поэт, впрочем, не был вполне уверен в ее универсальной пригодности.

Демократические элементы мировоззрения Майкова в трактовке иностранной темы, например, в «Неаполитанском альбоме», проявились весьма рельефно. Там есть народная

толпа, есть даже образ народного героя. О создании образа народного героя на русском материале поэт не мог и мечтать, даже если бы этому не препятствовала цензура. Вряд ли нашел бы Майков в себе силы изобразить в годы революционной ситуации 1859-1861 годов крестьянскую толпу. В творчестве поэта 1850-1860-х годов даже отдельные типы, представляющие народную массу, сравнительно редки и выступают порой в виде дополнения к его пейзажным зарисовкам. Пейзаж у поэтов «чистого искусства», как правило, оторван от народной жизни и больших гражданских дум, У Майкова 40-х годов «природоописания» подчинены основному пафосу произведения, в чем убеждает нас поэма «Две судьбы» (1843, 1844):

*Да, посреди полуденной природы
Он вспоминал про шум своих дуб-
ров,
И русских рек раскатистые воды,
И мрак и тайну вековых лесов.
Он слышал гул их с самой колыбе-
ли
И помнил, как, свои качая ели,
Вся стоном стонет русская зем-*

ля;
Тот вопль был свеж в душе его,
как стоны
Богатыря в цепях. Средь благовон-
ной
Страны олив он вспоминал поля
Широкие и пруд позеленелый,
Ряд дымных изб, дом барский опу-
стелый,
Где рос он, — дом, исполненный
затей
Тогда, псарей, актеров, трубачей,
Всех прихотей российского бояр-
ства,
Умевшего так славно век конать,
Успевшего так дивно сочетать
Европы лоск и варварство татар-
ства.

Приведем (да не посетует на нас за это чи-
татель!) и второй огрызок из той же поэмы —
место, повторяющее мысли Белинского о воз-
действии на характер русской народной пес-
ни «степного положения России» и «кроваво-
го самовластительства Грозного» (V, 440-441):

*Прислушайтесь... звучат иные зву-
ки...*

Унынье и отчаянный разгул.

*Разбойник ли там песню затянул
Иль дева плачет в грустный час
разлуки?*

Нет, то идут с работы косари...

*Кто ж песнь сложил им? Как
кто? Посмотри*

*Кругом: леса, саратовские степи,
Нужда, да грусть, да думушка, да
цепи.*

Подобного рода многозначительных и, если угодно, «некрасовских» пейзажных зарисовок у Майкова после 1849 года мы не найдем, точнее, почти не найдем. Но связующие нити между пейзажем и народной темой у поэта все же останутся надолго. В качестве примера можно указать на стихотворение 1853 года под названием «Пейзаж». На фоне осеннего леса, осинника, «бьющего тревогу», возникает фигура старика, помогающего кляче вывезти тяжелый воз из болотистого места. В стихотворении «И город вот опять!..» (1856) лирический герой уносится мечтою из сияющего бального зала в лоно сельской тишины, к осыпавшемуся речному скату, и несказанно изумлен неожиданной встречей с «лесной нимфочкой», крестьянской девочкой,

раздвигающей стебли тростника и протягивающей ручонки к ягодам земляники. Аналогична структура стихотворений «Весна! Выставляется первая рама...», «Сенокос», «Ночь на жнитве» и др. Но и в тех пьесах, где видимой связи пейзажа с человеком нельзя обнаружить («Звуки ночи», «Гроза», «Голос в лесу» и др.), он всякий раз воспринимается как часть национального ландшафта, а не как автономно существующий фрагмент природы.

Особо выделяется в этом ряду «Нива», где пейзажная зарисовка («По ниве прохожу я узкою межой...» и т. д.) — всего лишь увертюра к изображению крестьянской жатвы «на всем полях просторе». Жнецы и жницы, весело вяжущие тяжелые снопы, стук проворных цепов на токах, возы, скрипящие под тяжестью собранного хлеба, — картина этого мнимого материального изобилия сопровождалась обращением автора к богу с единственной мольбой: в избытке родине «духовного дать хлеба». Воодушевленное ложной идеей — изобразить материальное благоденствие деревенских тружеников — стихотворение не могло, разумеется, претендовать на широкое

обобщение народной жизни. Появившуюся в печати «Ниву» Н. А. Добролюбов назвал «дидактическим» и «плохо сделанным»[9] стихотворением. Если собственно пейзажная и антологическая лирика Майкова и в годы революционной ситуации получала на страницах «Современника», как правило, положительные оценки, то освещение поэтом крестьянского вопроса в духе правительственных предначертаний подвергалось справедливой критике общественности. Неодоволением встретили революционные демократы майковскую «Картинку» (1861), прославлявшую «кущую» крестьянскую реформу 1861 года. «Здесь что ни слово, то фальшь», — писал о «Картинке» М. Е. Сатыков-Щедрин[10].

Более снисходительно было оценено демократической критикой стихотворение Майкова «Поля» (1861), представлявшее собой своеобразное переосмысление гоголевского образа степных просторов России и русской тройки. Погоняемая свистом молодого ямщика тройка летит «в пространство без конца»:

*Но мы неслись, как от волков,
Как из-под тучи грозовой,*

*Как бы мучителей-бесов
Погоню слыша за собой...*

«Мучители-бесы» — это тревоживший сознание поэта при. зрак новых, буржуазно-крепостнических форм жизнеустройства, проникавших во все поры русской жизни после реформы 1861 года. Своеобразно воплощает эту тревогу старик — бывший дворовый человек, представитель того многочисленного слоя «крещеной собственности», который после реформы 1861 года остался не у дел, лишился прочного места в системе новых производственных отношений.

*«Да, вспомянешь про старину! —
Он заключил. — Был склад да лад!
Э, ну их с волей! Право, ну!
Да что она — один разврат!*

*Один разврат!» — он повторял...
Отживший мир в его лице,
Казалось, силы напрягал,
Как пламя, вспыхнуть при конце...*

В свое время приветствовавший назревавшую отмену крепостного права, автор и теперь вспоминает о нем с отвращением; явно

противоцензурный характер имели черновые строки к стихотворению, в которых на фоне бескрайних полей выступала фигура того,

*...кто, дни свои губя
В натуге сил, в поту лица,
Трудился здесь не для себя.*

И вместе с тем и вид этой бесшабашно летящей вперед русской тройки, и образ этого неустроенного старика дворового внушали поэту чувство растерянности, вселяли сомнение в жизнетворной силе правительственных «великих реформ», а заодно — и в правомерности его собственных либерально-реформистских надежд и иллюзий.

Не будучи человеком в строгом смысле этого слова религиозным, Майков восхищался проявлением религиозного чувства в народной массе, считая его исконно присущим ей свойством и видя в нем опору и залог ее нравственного здоровья и сил. Подобного рода рационально сконструированная религиозность нашла свое вершинное выражение в следующем стихотворении 1857 года:

*Когда, гоним тоской неутоли-
мой,
Войдешь во храм и станешь там
в тиши,
Потерянный в толпе необозри-
мой,
Как часть одной страдающей ду-
ши, —
Невольно в ней твое потонет го-
ре,
И чувствуешь, что дух твой вдруг
влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...*

Чувством «соборной» религиозности под-
сказан ряд майковских стихотворений 1850-
1860-х годов («Здесь весна, как художник,...»,
1859; «Дорог мне перед иконой...», 1868; «Чу-
жой для всех...», 1872, и др.). Нельзя, разумеет-
ся, утверждать, что элемент религиозности и
даже мистицизма Майков вносил в свое твор-
чество механически, отдавая дань литератур-
ной моде. В 1892 году поэт скажет:

*Катись, катися надо мной,
Всё просвещающее Время!
Завесу тьмы влеки с собой,*

*Что нам скрывает Свет святой
И на душе лежит как бремя, —
Чтобы мой дух, в земных путях
Свершив свое предназначенье,
Мог воспринять в иных мирах
И высшей Тайны откровенье.*

Однако как это, так и другие абсолютно чуждые духу «эллинского язычества» стихотворения («Оставь, оставь!..», «Заката тихое сиянье...», «Близится Вечная ночь...» и др.) начинают появляться у Майкова лишь с конца 1880-х годов.

Вера в то, что религиозное смирение составляет главную особенность духовного склада простого русского человека, отразилась на понимании Майковым проблемы народности русской литературы. В отличие даже от близко стоявшего к нему А. А. Фета, избегавшего изображения народной жизни, автор «Машеньки» и «Неаполитанского альбома», как об этом уже отчасти говорилось выше, испытывал потребность в художественном общении с народной толпой, предпринимал попытки заглянуть в душу народа, — и не только в начальный период своей литера-

турной деятельности. В разработке народной темы Майков в меру своего разума и сил пробовал идти путями, проложенными Пушкиным и Лермонтовым, Крыловым и Кольцовым. Осваивая формы народности, выработанные литературой первой половины XIX века, Майков в то же время с недоверием отнесся к той интерпретации проблемы народности, с которой в конце 50-х годов выступили лидеры революционной демократии во главе с Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским. В статьях Добролюбова 1858-1860 годов («О степени участия народности в развитии русской литературы», «Черты для характеристики русского простонародья» и др.) новая концепция, несмотря на суровые цензурные условия, была обоснована с исчерпывающей глубиной. Литература не может ограничиться выражением сочувствия народным бедствиям, она должна активно выступить на защиту интересов народа и готовить его к самым действенным формам борьбы с помещиками-крепостниками и самодержавием. Добролюбов с уверенностью заявлял, что «народ способен ко всевозможным возвышенным чувствам и

поступкам наравне с людьми всякого другого сословия, если еще не больше, и что следует строго различать в нем последствия внешне-го гнета от его внутренних и естественных стремлений, которые совсем не заглохли, как многие думают. <...> С таким доверием к силам народа и с надеждою на его добрые расположения можно действовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дело крепкие, свежие силы и предохранить их от того искажения, какому они так часто подвергаются при настоящем порядке вещей» [11].

Как в предреформенный, так и в пореформенный период революционно-демократическая критика звала литературу к пробуждению вольнолюбивых инстинктов мужика. Не отличавшийся твердостью общественно-политических убеждений и заметно уставший к тому же от житейских невзгод, Майков не мог, разумеется, возвыситься до уровня тех требований, которые выдвигала перед ним новая эпоха. В его произведениях, написанных после 1849 года, мы не найдем ни мужика, восстающего против помещичьего или

правительственного произвола, ни политически мыслящего интеллигента, ставшего на защиту народных прав и интересов. Ознакомившись в 1853 году с некрасовской «Музой», Майков написал стихотворение «Н. А. Некрасову», в котором призывал последнего растворить гражданскую злобу в гармонии природы и отказаться от клятвы «начать упорный бой... с неправдою людской»:

Склони усталый взор к природе. Смотри, как чудно здесь в глуши: Идет обрывом лес зеленый, Уже румянит осень клены...

Важно отметить при этом, что воинствующую некрасовскую музу Майков отрицал не без сомнений и колебаний; недаром же 20 октября 1854 года он сообщал И. С. Никитину: «Одна только душа здесь есть поэтическая — это Некрасов»[12].

Не менее любопытна также запись в дневнике Майкова от 26 декабря 1855 года: «Был у Некрасова. Он читал *Сашу*. Лучшая часть ее первая. Жизнь молодой девушки в деревне и лес. Просто и верно природа, совсем хорошо. <...> вся вторая половина кажется слабее. Вообще же это лучшая его вещь и всей совре-

менной поэзии»[13].

Различие в общественных взглядах, симпатиях и антипатиях двух поэтов не могло не приводить к различного рода осложнениям в их взаимоотношениях. Так, в 1856 году Майковым была написана эпиграмма «На выздоровление Некрасова», повторявшая обывательскую сплетню об «эксплуататорских замашках» редактора «Современника»:

*Но радуйтесь, друзья! Опасный
час минул.
Смирите скорбную души своей
тревогу.
Сегодня уж меня обидел и надул...
Стал выздоравливать, должно
быть, слава богу![14]*

Как упомянутая эпиграмма, так и другие антинекрасовские, вспышки Майкова последовательностью все же не отличались, и автор никогда не делал их достоянием гласности, подобно А. А. Фету, опубликовавшему в 1867 году стихотворение «Псевдопоэту», дышащее откровенно сословной злобой к поэту-гражданину («Влача по прихоти народа В грязи низкопоклонный стих, Ты слова гордо-

го свобода Ни разу сердцем не постиг»).

Общение Майкова с Некрасовым продолжалось и после упомянутой эпитафии. Майков был исключительно высокого мнения о таланте Некрасова, хотя и не принимал политическую направленность его творчества.

В 1861 году Майковым было опубликовано стихотворение «Бабушка и внучек». Случайно увиденный внуком в святцах у бабушки засохший цветок послужил поводом для ее взволнованного рассказа. Ради спасения этого цветка, ставшего бесценной реликвией, ее покойный супруг, рискуя жизнью, бросился когда-то в клокочущие речные волны. Он был богатым барином, человеком крутого нрава и не без причуд, но отчаянной смелости и высоких понятий о дворянской чести. В ином свете, в виде помещика-тирана, рисуется образ деда «передовому» внуку. Свои симпатии автор отдает героине, а вместе с нею и поколению «отцов», осуждая при этом заносчивых «детей», подверженных воздействию идей «нигилизма».

Не исключена возможность, что майковские «Бабушка и внучек» послужили для

Некрасова своеобразным трамплином при создании поэмы «Дедушка» (1870), Оглядываясь в поисках положительного героя на поколение 1820-х родов, великий поэт-демократ остановил свой взгляд не на блюстителе кодекса дворянской чести, а на аристократе-декабристе, нашедшем полное взаимопонимание с поколением мыслящей молодежи 1870-х годов. Если для Некрасова высший тип положительного героя, выдвинутого «культурным слоем», рисовался в образе «нигилиста» Гриши Добросклонова, то Майков видел в «нигилистах» лишь сонмище сбившейся с правильного пути молодежи. «Незаконная» дочь княжны Женя в его поэме «Княжна» (1876) является одной из таких примкнувших к кружку радикалов-заговорщиков барышень, поступки которых являются сплошным вызовом каким бы то ни было нормам религиозной, общественной и семейной морали.

*«Наш век, — слова чеканила она,
—
Век личности. И разум и свобода
—
Его девиз. Былая жизнь должна*

*Окончиться для всякого народа;
И будет жизнь людей везде одна,
Без государств и без различья ро-
да
И племени».*

Путь к лучшему будущему члены кружка видят в насильственном низвержении существующего правопорядка — в «топорах», в кровавой борьбе, и автор осуждает эти «фанатические» планы. Правда, Майков был далек от мысли видеть в «нигилистах» физических и нравственных уродов, как это было свойственно, например, авторам антинигилистических романов В. В. Крестовскому и В. П. Ключникову. «Нигилисты» для него — невольные жертвы того общественного вихря, который по окончании Крымской войны был поначалу очистительным, но в дальнейшем рушил на своем пути все, в том числе и превозносимые писателем устойчивые патриархальной нравственности:

*В то время все, севастопольским
громом
От гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ло-*

мом
Всё старое за все его вины;
Вдруг очутились в мире незнако-
мом,
Где снились всем блистательные
сны:
Свобода, правда, честность, про-
свещение
И даже — злых сердец перерожде-
нье...

Дочь княжны Женя — невольная виновница смерти матери. Но в глубине ее натуры есть все необходимое для искупления непреднамеренно совершенного проступка. Как бы ни была велика пропасть во взглядах между дочерью и матерью, они разительно схожи в одном: каждая из них плоть от плоти той русской дворянской элиты, тяжкий грех которой состоял в отрыве от народных начал, в низкопоклонстве перед Западом, в утрате собственной нравственной физиономии. Образ старушки няни, этой, по замыслу автора, носительницы глубинных народных и религиозных инстинктов, призывающей непокорную дочь преклониться перед прахом гордой матери, воплощает в себе идею поэмы.

*Счастлив, тысячекрат счастлив
народ,
В чьем духе есть те ж глубины
святы,
Невозмутимые и в дни невзгод,
Где всякие страдания земные
Врачуются, где разум обретет
И нищий духом на дела благие,
Затем что там от искони веков
Царит всецело чистый дух Хри-
стов.*

Там, где Майков прикасался, как в «Княж-не», к злободневным темам общественно-политической жизни, его народолюбие приобретало не только усеченные, но и явно искаженные формы. Родственная позднему славянофильству и почвенничеству концепция «единения сословий», которую разделял поэт, мешала ему обратиться к непосредственному освещению «крестьянского вопроса», несколько не утратившего своей остроты для литературы пореформенного периода. Однако в тех случаях, когда поэт уходил в сферу истории или жизни, не связанной с современными политическими проблемами России, его народолюбие находило менее скованные

формы выражения. В духе лучших традиций русской демократической литературы написал он около 1870 года стихотворение «Петрусь», представляющее собою вольный перевод белорусской народной песни. Вельможная пани полюбила Петруся, мужицкого сына. Противозаконная тайная любовь открывается, и вся тяжесть расплаты за нее падает не на привилегированную лани, а на бесправного юношу. Выполняя приказание пана, холопы избивают Петруся до полусмерти и бросают его в Дунай.

*Вельможная пани
В сени выходила,
Пани рыболовам
По рублю дарила...*

.....
*Вельможная пани
Бродит как шальная,
О своем Петрусе
Плачет мать родная.*

Редкий для Майкова протест против социальной несправедливости выступает в этом стихотворении в его предельной напряженности. Мотивы национально-освободитель-

ной, а вместе с тем и социальной борьбы явственно проступают в выполненных поэтом в 1858-1860 годах переводах из новогреческой народной поэзии. Гораздо смелее, чем это сделал за сорок лет перед ним Н. И. Гнедич, Майков акцентировал в своих переводах свободулюбие и непреклонную решимость *клефтов* в их борьбе с чужеземными поработителями. В стихотворении «Завещание» умирающего от ран паликара страшит не сама смерть, а сознание своей замогильной отрешенности от участия в общем деле священной борьбы:

*Нет, меня не зарывайте.
Братцы, в землю! На горе
Вы меня поставьте стоямя
Во гробу, лицом к заре.
В гробе окна прорубите,
Чтоб мне веяло весной,
Чтобы ласточки, кружась,
Щебетали надо мной!
Чтоб из гроба я далеко
Мог бы турок различать,
Чтоб направо и налево
Мог им пулю посылать.*

Сочувственным отношением Майкова к национально-освободительной борьбе, неза-

висимой от того, каким народом она велась, был продиктован также и ряд его переводов (количественно небольшой) из сербских юнацких песен («Сабля царя Вукашина», «Сербская церковь», «Радойца», «Конь» и др.). Отсюда становится понятным и повышенное внимание поэта к периоду татарского нашествия в истории древней Руси («В Городце в 1263 году», «Клермонтский собор» и др.). О том, насколько проникновенно в художественном отношении осмысливалась поэтом тема монгольского нашествия, можно судить по небольшому отрывку из майковского стихотворения «Полдень», навеянного видом южнорусской степи перед грозой:

*Орды ль идут кочевые?
Рев верблюдов, скрип телег?
Не стрельцы ль сторожевые?
Не казацкий ли набег?*

*Полоняночка ль родная
Песню жалкую поет
И, татарчонка качая,
Голос милым подает?..*

В силу отмеченных выше причин глубоко

интересовал Майкова и период борьбы Киевской Руси с кочевой степью. Вышедший в свет в 1870 году перевод «Слова о полку Игореве» на современный русский язык явился результатом напряженной четырехлетней работы поэта над летописными и другими источниками, помогавшими ему погрузиться в историческую, культурно-бытовую и художественную атмосферу эпохи.

В «Нескольких замечаниях», предваряющих публикацию этой работы, Майков объяснил, что важнейшим стимулом, побуждавшим его к переводу, было стремление доказать подлинность памятника. Поэта нимало не смущало то обстоятельство, что И. А. Гончаров (дававший в свое время Майкову уроки по истории родной словесности), сомневаясь в подлинности «Слова о полку Игореве», отрицал целесообразность предпринятого поэтом перевода. Упорство, проявленное Майковым для осуществления намеченной цели, обеспечило успех предприятия. Поэт вооружил русского читателя первым поэтическим и одновременно научным переводом полного текста древнего памятника. В переводе «Слова» и

в комментариях к нему Майков отдал незначительную дань некоторым положениям мифологической школы, теперь уже устаревшим; это, однако, не снижает сколько-нибудь заметно весомость вклада, внесенного им не только в изучение древней поэмы, но и в развитие русской филологической науки в целом. Заслуживают внимания предложенные Майковым истолкования ряда недостаточно проясненных мест памятника («Владимир по вся утра уши закладаше», «Трубы трубят горденский», фрагмент о реке Стугне и др.). Не потеряли своего научного значения также и отдельные суждения переводчика о времени создания «Слова» и среде, в которой оно возникло, о его жанровом своеобразии.

Находя в древней поэме черты, сближающие ее с новой русской литературой, Майков отдавал себе вместе с тем отчет в том, что семь веков развития отечественной культуры создали перед русским читателем XIX века труднопреодолимый барьер для постижения как коренного смысла, так и художественной самобытности древнего памятника. С другой стороны, поэт-переводчик правильно осознал

также и опасность модернизации языка и художественных образов гениального творения древнерусской письменности. Несмотря на советы Ф. М. Достоевского и других своих братьев по перу, Майков отказался от соблазна применить в переводе рифмованный стих и осовременить другие компоненты эстетической системы поэмы. Майковский перевод «Слова о полку Игореве» по своей художественной ценности и по сию пору занимает одно из первых мест.

В 1875 году Майков публикует стихотворение «Емшан», поэтическую обработку одного из преданий, вошедших в Ипатьевскую летопись. Вынужденно проведшего многие годы среди кавказских горских племен половецкого хана Отрока родной его брат замыслил вернуться домой, в родные степи. Через посланного певца он вручает изгнаннику засохший пучок емшана (полыни) как лучшее напоминание о родине.

*И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,*

*За грудь схватился... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это зна-
чит?
Он, пред которым все дрожат,
Пучок травы целуя, плачет!*

Поэт проявил в данном случае чутье большого художника как в самом выборе летописного предания, так и в его поэтической интерпретации. Стихотворение «Емшан» сразу же после своего появления в свет вошло в разряд вещей хрестоматийных, стало жемчужиной русской поэтической культуры.

Испытывая на себе известное воздействие славянофильской идеологии в оценке «злобы дня», Майков проявлял вместе с тем большую самостоятельность и независимость от групповых позиций в истолковании различных исторических проблем. У него не было, например, никакого славянофильского скептицизма в подходе к Петру Первому (см. «Кто он?», «Сказание о Петре Великом»). Изобразив в 1860 году Иоанна IV в виде царя-тирана (в стихотворении «Упраздненный монастырь»), в 1887 году, вразрез с известной концепцией А. К. Толстого, Майков сочувственно изобра-

зил Грозного как устроителя русской земли и предшественника Петра I («У гроба Грозного»). О той же свободе и непредвзятости взглядов писателя на события русской истории свидетельствует его незаконченная поэма «Странник» (1866) и тяготеющие к ней рукописные наброски из жизни русского старообрядчества. В неопубликованной наброске «Из Аввакума» Майков дает свое поэтическое истолкование «пятой челобитной» опального протопопа к царю. Поэт изображает Аввакума в сочувственных тонах, однако видит в нем не страстного обличителя царской и патриаршей власти, а скорее носителя царистских иллюзий:

*Не со скиптром Мономаха,
Не в челе своих полков,
Но исполнен слез и страха
Ты придешь на суд Христов,*

*Не один — мы все предстанем
В белых саванах, — в ряду
Всех, от века живших, встанем
По делам приять и мзду.*

Ты нас жжешь огнем палящим;

*Мы ж, не мысля о себе,
Распаляемся лишь вящим
Сокрушеньем по тебе;*

*И средь пламени не стоны
Издаем, а токмо глас —
Да господь тебя в дни оны
Не осудит ради нас...[15]*

Длительная работа мысли и глубокое погружение в материал предшествовали появлению каждого из стихотворений Майкова на самые разнообразные сюжеты мировой истории («Жанна д'Арк», «Приговор (легенда о Констанцском соборе)», «Савонарола», «Исповедь королевы», «Юбилей Шекспира» и др.).

Предметом непреходящего творческого интереса для поэта на протяжении всей его литературной деятельности была эпоха крушения античного рабовладельческого общества и становления мира новых общественно-культурных отношений в крупнейших европейских странах, духовная жизнь которых формировалась под эгидой христианской церкви.

Первая попытка Майкова изобразить

столкновение язычества с христианством была дана в его юношеской поэме «Олинф и Эсфирь» (1841), сурово раскритикованной Белинским. Внимая советам критика, новую картину крушения античного общества поэт попытался дать в лирической драме «Три смерти» (1851), работа над которой продолжалась десять лет. Не удовлетворенный завершённой работой, Майков продолжал настойчиво трудиться над новым вариантом второй ее части («Смерть Люция»), законченным лишь в 1863 году. С большой художественной убедительностью автор изобразил в этом произведении цезарский деспотизм, подавление прав личности, растление нравов. Строго следуя историческим фактам, поэт с присущим ему творческим тактом вводил в поэму элемент собственного художественного вымысла. Любопытным примером в этом отношении может служить беседа Ювенала с Люцием, в которой последний немощным звукам римской лиры противопоставляет ночные пиршественные костры скифов (автор видел в скифах предков славянских племен):

Среди глухих лесных притонов

*Зажгут они свои костры,
В кругу усядутся в долине
И пьют меда, а посредине
Поет певец. Напев их дик,
Для нас, пожалуй, неприятен,
Но как могуч простой язык!
Как жест торжествен и поня-
тен!*

*И кто там больше был поэт:
Певец иль слушатели сами?*

.....
*А мы? Куда нас повлекут?
И что нам слушатели скажут?
Какие цели нам укажут?
И в наши песни что вольют?*

С созданием драмы «Три смерти» не прервались авторские раздумья над волновавшей его темой. Трансформируясь и разрастаясь, она оформляется в трагедию «Два мира», пер. вый этап работы над которой завершается в 1872 году, а окончательная редакция ее относится к 1881 году. Картина языческого и христианского миров обогащается новыми персонажами и деталями. Мастерской кистью изображает поэт жизнь в катакомбах приверженцев новой религии. Следуя давне-

му совету Белинского, роль немощного эпикурейца Люция автор препоручает новому герою, патрицию Децию, который сосредоточил в себе все «возвышенное», что только было создано Древним Римом. Приговоренный Нероном к смерти, Деций выгодно отличается от всех гостей, приглашенных на его предсмертный пир. Он принадлежит к мыслящей прослойке своего сословия и сочувственно оценивает республиканские доблести Рима. Но даже в ненависти своей к деспотизму Нерона он остается идеологом своей касты, ее предрассудков, ее тупой и слепой бесчеловечности:

*Рабы и в пурпуре мне гадки!
Как? Из того, что той порой,
Когда стихии меж собой
Боролись в бурном беспорядке,
Земля, меж чудищ и зверей,
Меж грифов и химер крылатых,
Из недр извергла и людей,
Свирепых, диких и косматых, —
Мне из того в них братьев
читать?..
Да первый тот, кто возложить
На них ярмо возмог, тот разом*

Стал выше всех, как власть, как разум!

Деций не может не видеть, как рушатся один за другим устои, создававшие могущество Древнего Рима. Но он не теряет веры в то, что «временные тучи» пройдут и его отечество снова обретет былую силу. Он призывает Ювенала оружием сатиры способствовать возрождению древних традиций. Однако нравственные принципы самого Деция — гордость и эгоизм — ведут лишь к усилению общественного зла и ускорению гибели «вечного» Рима.

Автор не прельстился мыслью слепо следовать идее, подсказанной учением христианской церкви. Недаром же стоявшие на позициях православно-христианской ортодоксии критики упрекали поэта в том, что он в «Двух мирах» «в значительной мере оставался язычником» и не смог проникнуть в сущность христианских идей[16]. Работая над любимым замыслом с фанатическим упорством, Майков добивался возможно большей глубины и объективности в изображении «двух миров». Ему удалось уловить и воссоздать как

антагонистические элементы, так и черты преемственности, с одной стороны, между культурами древнегреческой и римской, а с другой — между традициями римской цивилизации и культурой рождающегося на ее развалинах мира. Образы «Двух миров» — не бесплотные манекены отошедших веков. «Античность» у Майкова «живет и дышит; она у него все, что угодно, но только не скучна»[17].

Дискредитация патрициански-аристократических предубеждений Деция, равно как и мастерски нарисованная в «Двух мирах» картина разложения рабовладельческого строя в целом, проецировалась в сознании русского читателя на аналогичные явления отечественной истории. В подобного рода проецировании, по-видимому, был заинтересован и сам автор. В обширной записке, составленной по поводу «Двух миров» и адресованной Я. К. Гроту, он писал: «События минувших веков я старался вообразить себе по их аналогии с тем, что прожил и наблюдал сам на своем веку, а переживаемая нами историческая полоса так богата подъемами и падениями человеческого духа, что внимательному взору

представляет богатый материал для сравнения даже с далекими минувшими эпохами. <...> В этих наших героях *demi-monde*'а, добрых и веселых по природе, остроумных, даже и знакомых с последними словами «науки», при всем том скучающих и обремененных долгами, истощенных оргиями и наслаждениями и часто готовых не все (как Катилииа) для стяжания чести и денег, — разве не узнаете вы в этой бледной толпе юных патрициев, из которых у меня на Дециев пир выхвачены Лелий, Клавдий, мечтающие об отцеубийстве, аплодирующие скептикам-адвокатам в их глумлении над великим жрецом, а втайне, в минуты страха и отчаяния, тихонько, впрочем, друг от друга, приносящие козлят в жертву богам...»[18].

В «Трех смертях» и «Двух мирах» Майкова особенно зримо проявились гуманистические тенденции его поэтического таланта.

Последняя четверть века в жизни Майкова (он умер 8(20) марта 1897 года) отнюдь не сопровождалась спадом его творческой активности. Утрата поэтом связей с передовой журналистикой, уход от злобы дня в сферу «веч-

ных вопросов» и участившиеся обращения его к религиозной теме — все это не однажды давало критике конца века повод зачислять Майкова по ведомству «чистого искусства». Подобного рода взгляд нельзя назвать состоятельным. Изредка встречающиеся у Майкова противопоставления поэта толпе («Ты на горе — они в долине»), а поэтического горения — «базарной суете» были скорее данью поэтической традиции периода романтизма, чем выражением сущности его природного дарования. В действительности таланту Майкова было не свойственно чувство снобизма и ощущение собственного превосходства над толпой. Трудно вообразить у поэта «чистого искусства» такую потребность в общении с народной массой, какую ощущаем мы в майковских «Летнем дожде», «Сенокосе», «Ночи на жнитве», в его «Неаполитанском альбоме». Трудно себе представить поэта-небожителя, который бы записанное из народных уст «Сказание о Петре Великом» охарактеризовал так, как Майков: «описание бури и потопления свейских лодок — такая живая, сжатая и верная природе картина, что было бы жаль,

если б эти красоты народного творчества прошли незаметно в истории нашей поэзии».

Заложенным в даровании Майкова возможностям его как выразителя народной жизни не суждено было, однако, проявиться в полной мере. Духовно возмужавший в окружении Белинского и М. В. Петрашевского, Майков был непоправимо надломлен террором «мрачного семилетия». И тем не менее в никогда не исчезавшей устремленности поэта «туда! туда!» — к снежным вершинам человеческого духа (см. «Ласточки», «Альпийские ледники», «Excelsior», «Из темных долов этих...», «Гроза» и др.) сказывались настроения его юных лет, родственные пафосу лермонтовской поэзии. И как бы ни смущала тень Лермонтова дряхлеющего Майкова своей «байронической» мятежностью, в майковском поэтическом творчестве никогда не исчезали полностью целенаправляющие и стилеобразующие лермонтовские ферменты. Порывы *ввысь* и боязнь *высоты* — такова амплитуда идейно-поэтических колебаний зрелого Майкова, составлявших драму его жизни.

Достижения русской поэзии XIX века определяются прежде всего теми ценностями, которые созданы ее корифеями: Пушкиным, Лермонтовым, Кольцовым, Некрасовым. Каждый из них дал художественное выражение коренных потребностей своей эпохи, создал свои традиции, оставил своих последователей.

Майков не возвышается до уровня великих поэтических имен. Он поэт второго ряда, но в этом ряду ему принадлежит одно из наиболее почетных и незаменимых мест. Без художественных «приращений», им созданных, поэтическая культура России была бы значительно беднее.

К моменту выхода Майкова на литературную арену русская поэзия на отдельных направлениях еще не завершила ученического этапа своего развития, еще не успела освоить те ценности мировой культуры, которые были ей необходимы для соревнования «на равных» с европейскими «партнерами». Отсюда ясно, что одна только «культуртрегерская» роль энциклопедической по своему диапазо-

ну поэзии Майкова была поистине неопцененной. Блистательные поэтические опыты Майкова в антологическом роде, равно как и его переводы античных классиков, по определению Ф. Ф. Зелинского, образовали своеобразный античный «Гольфстрим», благотворно сказавшийся на дальнейшем развитии всей русской литературы. Зрелый Майков заметно обогатил русскую поэтическую культуру превосходными переводами из Гёте, Шиллера, Гейне, Шенье, Лонгфелло и других иностранных авторов.

Огромная доля участия принадлежала Майкову также и в процессе возвращения русской поэзии к «собственным началам», которым в свое время придавал большое значение Пушкин[19]. Борьба за них, растянувшаяся на целые десятилетия, отнюдь не ограничивалась сближением литературного языка с просторечием. «Галлицизмы или русизмы, — утверждал В. Г. Белинский, — бывают не в одном языке, но и в понятиях...» (VIII, 674). Блуждая творческой мыслью по разным странам и векам, А. Н. Майков и в языке и «в понятиях» своих всегда оставался поэтом русским, впол-

не осознававшим истерическую обусловленность выработанных предшествующим развитием национальных художественных форм. Отвергая установку западников на эстетический *европоцентризм*, Майков осуждал также и эстетический *изоляционизм* славянофилов. Именно поэтому поэт не принимал, например, ни *ухарского* тона, ни *щегольства* созвучий в «русских былинах» А. К. Толстого (см. наст. изд., т. 2, с. 352).

Несмотря на свое почти безбрежное жанровое и тематическое разнообразие, майковское поэтическое наследие монолитно в стилевом отношении; в нем весьма ощутима инерция строго реалистического письма. Переболев еще в юные годы легкой формой «бенедиктовщины», Майков возвращается к Пушкину и ученическую верность его заветам сохраняет до конца жизни. Он проявлял последовательную непримиримость к напускному глубокомыслию, цветистой фразеологии и стихотворному гримасничанью. В конце своей жизни Майков резко отрицательно отнесся к первым поэтическим экспериментам русских декадентов (см. наст. изд.,

т. 2, с. 353-354). Это не значит, однако, что он был сторонником узко понятого эстетического традиционализма. Новаторские приемы автора «Неаполитанского дневника» были направлены всецело на усиление реалистической выразительности стиха и не имели ничего общего с претенциозным формотворчеством.

Поэзия Майкова при всей ее непритязательности захватывает нас гармоническим слиянием мысли и чувства, чистотой художественного вкуса, напевностью и музыкальностью. Совсем не случайно по количеству положенных на музыку стихотворений Майкову среди русских поэтов XIX века принадлежит одно из первых мест.

Сформировавшись как поэт на лучших общественно-политических и эстетических традициях 1840-х годов, Майков, несмотря на небезупречность своей дальнейшей общественно-политической биографии, постоянно испытывал на себе их притягательную силу. Это обстоятельство и обусловило значительность его вклада в сокровищницу русской литературы. Стихи Майкова не теряют своей

свежести и красоты и сегодня. Лучшая часть его поэтического наследия продолжает обогащать художественную культуру советского общества.

Ф. Я. Прийма

ЛИРИКА

В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

ОКТАВА

*Гармонии стиха божественные
тайны*

*Не думай разгадать по книгам
мудрецов:*

*У берега сонных вод, один бродя,
случайно,*

*Прислушайся душой к шептанью
тростников,*

*Дубравы говору; их звук необычай-
ный*

*Прочувствуй и пойми... В созвучии
стихов*

*Неволью с уст твоих размерные
октавы*

*Польются, звучные, как музыка
дубравы.*

1841

РАЗДУМЬЕ

*Блажен, кто под крылом своих
домашних лар*

Ведет спокойно век! Ему обиль-
ный дар
Прольют все боги: луг его забле-
щет; нивы
Церера озлатит; акации, оливы
Ветвями дом его обнимут; над
прудом
Пирамидальные, стоящие венцом,
Густые тополи взойдут и засреб-
рятся,
И лозы каждый год под осень
отягчатся
Кистями сочными: их Вакх благо-
словит...
Не грозен для него светильник эв-
менид:
Без страха будет ждать он ужа-
сов эреба;
А здесь рука его на жертвенники
неба
Повергнет не дрожа плоды, ян-
тарный мед,
Их роз гирляндами и миртом
обовьет...
Но я бы не желал сей жизни без
волненья:
Мне тягостно ее размерное тече-
нье.

Я в тайне бы страдал и жаждал
бы порой
И бури, и тревог, и воли дорогой,
Чтоб дух мой крепнуть мог в бо-
рени мятёжном
И, крылья распустив, орлом широ-
кобежным,
При общем ужасе, над льдами гор
витать,
На бездну упадать и в небе уто-
пать.

1841

СОН

Когда ложится тень прозрачны-
ми клубами
На нивы желтые, покрытые скир-
дами,
На синие леса, на влажный злак
лугов;
Когда над озером белеет столп
паров
И в редком тростнике, медли-
тельно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на
влаге отражаясь, —
Иду я под родной соломенный
свой кров,

Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там, в урочный час, с улыбкой
уст приветных,
В венце дрожащих звезд и маков
темноцветных,
С таинственных высот, воздуш-
ною стезей,
Богиня мирная, являясь предо
мною,
Сияньем палевым главу мне обли-
вает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, головой скло-
нясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тиши-
не.

1839

«ВХОЖУ С СМУЩЕНИЕМ В ЗАБЫТЫЕ
ПАЛАТЫ...»

Вхожу с смущением в забытые
палаты,
Блестящий некогда, но ныне сном
объятый
Приют державных дум и цар-
ственных забав.
Всё пусто. Времени губительный

устав

Во всем величии здесь блещет: всё
мертвее!

В аркадах мраморных молчанье
цепенеет;

Вкруг гордых колоннад с старин-
ною резьбой

Ель пышно разрослась, и в зелени
густой,

Под сенью древних лип и золотых
акаций,

Белеют кое-где статуи нимф и
граций.

Грепевший водомет из пасти
медных львов

Замолк; широкий лист висит с
нагих столбов,

Качаясь по ветру... О, где в аллеях
спящих

Красавиц легкий рой, звон колес-
ниц блестящих?

Не слышно уж литавр бряцанья;
пирный звук

Умолк, и стих давно оружия бран-
ный стук;

Но мир, волшебный сон в забытые
чертоги

Вселились, — новые, неведомые

боги!

10 апреля 1840, Ораниенбаум

КАРТИНА ВЕЧЕРА

*Люблю я берег сей пустынный,
Когда с зарею лоно вод
Его, ласкаясь, обоймет
Дугой излучистой и длинной.
Там в мелководье, по песку,
Стада спустилися лениво;
Там темные сады в реку
Глядятся зеленью стыдливой;
Там ива на воды легла,
На вервях мачта там уснула,
И в глади водного стекла
Их отраженье потонуло.*

1838, Санкт-Петербург

ВОСПОМИНАНИЕ

*В забытой тетради забытое сло-
во!
Я всё прожитое в нем вижу
опять;
Но странно, неловко и мило мне
снова
Во образе прежнем себя узна-
вать...*

Так путник приходит чрез многие
годы
Под кровли отеческой мирные
своды.
Забор его дома травкою оброс,
И привязи псов у крыльца позабы-
ты;
Крапива в саду прорастает меж
роз,
И ласточек гнезда над окнами
свиты;
Но всё в тишине ему кажется
вкруг —
Что жив еще встарь обитавший
здесь дух.

7 июня 1838, Ораниенбаум

ГЕЗИОД

Во дни минувшие, дни радости
блаженной,
Лились млеко и мед с божествен-
ных холмов
К долинам бархатным Аонии свя-
щенной
И силой дивною, как нектаром бо-
гов,
Питали гения младенческие си-
лы;

И нимфы юные, толпою легко-
крылой,
Покинув Геликон, при блеске звезд
златых,
Руками соплетясь у мирной колы-
бели,
Венчанной розами, плясали вокруг
и пели,
Амброзией дитя поили и в густых
Дубравах, где шумят из урн каска-
да воды,
Лелеяли его младенческие годы...
И рано лирою певец овладевал:
И лес и водопад пред нею умолкал,
Наяды, всплыв из волн, внимали
ей стыдливо,
И львы к стопам певца золотой
склонялись гривой.

1839

ЭХО И МОЛЧАНИЕ

Осень срывала поблекшие листья
С бледных деревьев, ручей покры-
вала
Тонкою слюдой блестящего
льда...
Грустный, блуждая в лесу обна-
женном,

*В чаще глубокой под дубом и елью
Мирно уснувших двух нимф я уви-
дел.*

*Ветер играл их густыми власами,
Веял, клубил их зеленые ризы,
Нежно их жаркие лица лобзая.
Вдруг за горами послышался то-
пот,*

*Лаянье псов и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за ку-
стами,
Шумом испугана, в чащу сокры-
лась,
Робко дыханье тая; а другая,
С хохотом резким, с пригорка к
пригорку,
С холма на холм, из лощины в ло-
щину
Быстро кидалась, и вот, за гора-
ми,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лесу голос ее повторялся.*

1840

«Я В ГРОТЕ ЖДАЛ ТЕБЯ В УРОЧНЫЙ
ЧАС...»

*Я в гроте ждал тебя в урочный
час.*

Но день померк; главой качаясь
сонной,
Заснули тополи, умолкли гальци-
оны:
Напрасно!.. Месяц встал, сребрил-
ся и угас;
Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса, —
Ты не являлась...

1840-1841

ПУСТЫННИКУ

Дай нам, пустынный, дубовые ча-
ши и кружки,
Утварь, которую режешь ты сам
на досуге;
Ставь перед нами из глины кув-
шины простые
С влагой студеной, почерпнутой в
полдень палящий
В этом ручье, что так звонко
меж камнями льется,
В мраке прохладном, под сенью
дуплистя липы!
Вкусим, усталые, сочных плодов и

кореньев;
Вспомним, как в первые веки от-
шельники жили,
Тело свое изнуря постом и мо-
литвой;
И, в размышлениях строгих и
важных,
Шутку порой перекинем мирскую.
<1840>

ПРИЗЫВ

Уж утра свежее дыханье
В окно прохладой веет мне.
На озаренное созданье
Смотрю в волшебной тишине:
На главах смоляного бора,
Вдали лежащего венцом,
Восток пурпуровым ковром
Зажгла стыдливая Аврора;
И, с блеском алым на водах,
Между рядами черных елей,
Залив почиет в берегах,
Как спит младенец в колыбели;
А там, вокруг холма, где шумит
По ветру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкруг яркой озими бежит...
Как темен свод дерев ветвистых!

Как зелен бархат луговой!
Как сладок дух от сосн смоли-
стых
И от черемухи молодой!
О други! в поле! Силой дивной
Мне утро грудь животворит...
Чу! в роще голос заунывный
Весенней иволги гремит!

1838, Ораниенбаум

ПРИАПУ

Сад я разбил; там, под сенью раз-
весистых буков,
В мраке прохладном, статую воз-
двиг я Приапу.
Он, возделатель мирный садов,
охранитель
Гротов и рощ, и цветов, и орудий
садовых,
Юным деревьям даст силу расти,
увенчает
Листьем душистым, плодом
сладкосочным обвесит.
Подле статуи, из грота, шумя
упадает
Ключ светловодный; его осеняют
ветвями
Дубы; на них свои гнезда дрозды

укрепляют...

Будь благосклонен, хранитель пустынного сада!

Ты, увенчанный венком из лозы виноградной,

Плюща и желтых колосьев! пролей свою благодать

Щедрой рукою на эти орудья простые,

Заступ садовый, и серп полукруглый, и соху,

И нагруженные туго плодами корзины,

1840, Каболовка

«НА МЫСЕ СЕМ ДИКОМ, УВЕНЧАННОМ
БЕДНОЙ ОСОКОЙ...»

На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой,

Покрытом кустарником ветхим и зеленью сосен,

Печальный Мениск, престарелый рыбак, схоронил

Погибшего сына. Его возлелеяло море,

Оно же его и прияло в широкое лono,

И на берег бережно вынесло

мертвое тело.

*Оплакавши сына, отец под разве-
систой ивой*

*Могилу ему ископал и, накрыв ее
камнем,*

*Плетеную вершу из ивы над нею
повесил —*

*Угрюмой их бедности памятник
скудный!*

1840

«ВСЁ ДУМУ ТАЙНУЮ В ДУШЕ МОЕЙ
ПИТАЕТ...»

*Всё думаю тайную в душе моей пи-
тает:*

*Леса пустынные, где сумрак оби-
тает,*

*И грот таинственный, откуда
струйка вод*

*Меж камней падает, звенит и
брызги бьет,*

*То прыгает змеей, то нитью из
алмаза*

*Журчит между корней раскиди-
стого вяза,*

*Потом, преграду пней и камней
раздробив,*

Бежит средь длинных трав, под

сенью темных ив,
Разрозненных в корнях, но сплет-
шихся ветвями...
Я вижу, кажется, в чаще, порос-
шей мхом,
Дриад, увенчанных дубовыми ли-
стами,
Над урной старика с осоковым
венком,
Сильвана с фавнами, плетущего
корзины,
И Пана кроткого, который у клю-
ча
Гирлянды вешает из роз и из плю-
ща
У входа тайного в свой грот тем-
нопустынный.

Январь 1840

«Я БЫЛ ЕЩЕ ДИТЯ — ОНА УЖЕ
ПРЕКРАСНА...»

(Из Андрея Шенье)

Я был еще дитя — она уже пре-
красна...
Как часто, помню я, с своей улыб-
кой ясной,
Она меня звала! Играя с ней, рез-
вась,

Младенческой рукой запутывал
не раз
Я локоны ее. Персты мои скользи-
ли
По груди, по челу, меж пышных
роз и лилий...
Но чаще посреди поклонников сво-
их
Надменная меня ласкала, а на
них
Лукаво-нежный взор подняв как
бы случайно,
Дарила поцелуй, с насмешливо-
стью тайной,
Устами алыми младенческим
устам.
Завидуя в тиши божественным
дарам,
Шептали юноши, сгорая в неге
страстной:
«О, сколько милых ласк потеряно
напрасно!»

1840, Каболовка

ОВИДИЙ

Один, я погребен пустыней снего-
вою.
Здесь всем моих стихов гармония

чужда,
И некому над ней задуматься по-
рою,
Ей нет ни в чьей душе отзыва и
следа.
Зачем же я пою? Зачем же я сла-
гаю
Слова в размерный стих на языке
родном?
Кто будет их читать и чувство-
вать?.. О, знаю,
Их ветер разнесет на берегу пу-
стом!
Лишь эхо повторит мои мечты и
муки!..
Но всё мне сладостно обманыва-
вать себя:
Я жажду услышать страны роди-
мой звуки,
Свои элегии читаю громко я,
И думаю (дитя!), что это голос
друга,
Что я в кругу друзей... зову их име-
на, —
И вот — мне кажется, что дым-
ная лачуга
Присутствием гостей невидимых
полна.

Январь 1841

ИСКУССТВО

*Срезал себе я тростник у побере-
жья шумного моря.*

*Нем, он забытый лежал в моей
хижине бедной.*

*Раз увидал его старец прохожий,
к ночлегу*

*В хижину к нам завернувший. (Он
был непонятен,*

Чуден на нашей глухой стороне.)

Он обрезал

*Ствол и отверстий наделал, к
устам приложил их,*

*И оживленный тростник вдруг
исполнился звуком*

*Чудным, каким оживлялся порою
у моря,*

*Если внезапно зефир, зарябив его
воды,*

*Трости коснется и звуком напол-
нит поморье.*

1841

«МУЗА, БОГИНЯ ОЛИМПА, ВРУЧИЛА ДВЕ
ЗВУЧНЫЕ ФЛЕЙТЫ...»

Муза, богиня Олимпа, вручила две

звучные флейты
Рощ покровителю Пану и светло-
му Фебу.
Феб прикоснулся к божественной
флейте, и чудный
Звук полился из безжизненной
трости. Внимали
Вкруг присмирившие воды, не смея
журчаньем
Песни тревожить, и ветер заснул
между листьев
Древних дубов, и заплакали, тронуты звуком,
Травы, цветы и деревья; стыдливые нимфы
Слушали, робко толпясь меж
сильванов и фавнов.
Кончил певец и помчался на огненных конях,
В пурпуре алой зари, на золотой колеснице.
Бедный лесов покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и их воскресить своей флейтой:
Грустный, он трели выводит, но трели земные!..
Горький безумец! ты думаешь,

небо не трудно
Здесь воскресить на земле? По-
смотри: улыбаясь,
С взглядом насмешливым слуша-
ют нимфы и фавны,

Февраль 1841

ВАКХАНКА

Тимпан и звуки флейт и плески
вакханалий
Молчанье дальних гор и рощей по-
трясали.
Движеньем утомлен, я скрылся в
мрак дерёв;
А там, раскинувшись на мягкий
бархат мхов,
У грота темного, вакханка моло-
дая
Покоилась, к руке склонясь, полу-
нагая.
По жаркому лицу, по мраморной
груди
Луч солнца, тень листов скользи-
ли, трепетали;
С аканфом и плющом власы ее
спадали
На кожу тигрову, как резвые
струи;

*Там тирс изломанный, там чаша
золотая...*

*Как дышит виноград на персях у
нея,*

*Как алые уста, улыбкою играя,
Лепечут, полные томленья и ог-
ня!*

*Как тихо всё вокруг! лишь слыш-
ны из-за дали*

*Тимпан и звуки флейт и плески
вакханалий...*

Март 1841

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

*Откуда ты, о ключ подгорный,
Катишь звенящие струи?*

*Кто вызвал вас из бездны черной,
Вы, слезы чистые земли?*

*На горных главах луч палящий
Кору ль льдяную растопил?*

*Земли ль из сердца ключ шипя-
щий*

Истоки тайные пробил?

*Откуда б ни был ты, но сладко
В твоих сверкающих зыбях*

*Дремать наяде иль украдкой
Свой лик купать в твоих водах;*

Отрадно пастырям долины

У вод твоих в свой рог играть
И девам звонкие кувшины
В студенной влаге погружать.
Таков и ты, о стих поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвал в бездну света?
Кого ты ищешь среди него?
То тайно всем; но всем отрадно
Твоей гармонии внимать,
Любить твой строй, твой лепет
складный,
В тебе усладу почерпать.

Февраль 1841

ЭПИТАФИЯ

Здесь, в долине скорби, в мирную
обитель
Нас земля приемлет:
Мира бедный житель отдохнуть
приляжет
На груди родимой.
Скоро мох покроет надпись на
гробнице
И сотрется имя;
Но для тех бессильно времени
крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузит в раздумье и из сердца

слезы
Сладкие исторгнет.

1841

МЫСЛЬ ПОЭТА

*О мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!
В тебе самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажет молнии: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажет горному орлу:
Ты не ширяй под небесами,
На солнце гордо не смотри
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блеске розовой зари?*

1839, Петербург

ВАКХ

*В том гроте сумрачном, покры-
том виноградом,
Сын Зевса был вручен элидским
ореадам.
Сокрытый от людей, сокрытый
от богов,
Он рос под говор вод и шелест*

тростников.

Лишь мирный бог лесов над тихой
колыбелью

Младенца услаждал волшебною
свирелью...

Какой отрадою, средь сладост-
ных забот,

Он нимфам был! Глухой внезапно
ожил грот.

Там, кожей барсовой одетый, как
в порфиру,

С тимпаном, с тирсом он являл-
ся божеством.

То в играх хмелем и плющом
Опутывал рога, при смехе нимф,
сатиру,

То гроздия срывал с изгибистой
лозы,

Их связывал в венок, венчал свои
власы,

Иль нектар выжимал, смеясь,
своей ручонкой

Из золотых кистей над чашей
среброзвонкой,

И тешился, когда струей ему в
глаза

Из ягод брызнет сок, прозрачный,

как слеза.

1840

ЗИМНЕЕ УТРО

Морозит. Снег хрустит. Туманы
над полями.

Из хижин ранний дым разносится
клубами

В янтарном зареве пылающих
небес.

В раздумий глядит на обнажен-
ный лес,

На дома, крытые ковром младо-
го снега,

На зеркало реки, застынувшей у
берега,

Светила дневного кровавое ядро.

Отливом пурпурным блестит
снегов сребро;

Иглистым инеем, как будто пу-
хом белым,

Унизана кора по ветвям померт-
велым.

Люблю я сквозь стекла блиста-
тельный узор

Картиной новою увеселять свой
взор;

Люблю в тиши смотреть, как

раннюю порою
Деревня весело встречается с зи-
мою:
Там по льду гладкому и скользко-
му реки
Свистят и искрятся визгливые
коньки;
На лыжах зверолов спешит к ле-
сам дремучим;
Там в хижине рыбак пред пламе-
нем трескучим
Сухого хвороста худую сеть чи-
нит,
И сладостно ему вспомнить
прежний быт,
Взирая на стекло окованной пучи-
ны, —
Про зори утренни и клики лебеди-
ны,
Про бури ярые и волн мятежный
взрыв,
И свой хранительный под ивами
залив,
И про счастливый лов в часы без-
молвной ночи,
Когда лишь месяца задумчивые
очи
Проглянут, озлатят пучины смя-

щей гладь
И светят рыбаку свой невод поды-
мать.

1839, Санкт-Петербург

ДУМА

Жизнь без тревог — прекрасный,
светлый день;
Тревожная — весны младья гро-
зы.
Там — солнца луч, и в зной оливы
сень,
А здесь — и гром, и молния, и сле-
зы...
О! дайте мне весь блеск весенних
гроз
И горечь слез и сладость слез!

Март 1841

СОМНЕНИЕ

Пусть говорят: поэзия — мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир ее есть мир пустой и
ложный,
И бледный вымысл — красота;
Пусть нет для мореходцев даль-
ных

Сирен опасных, нет дриад
В лесах густых, в ручьях кри-
стальных
Золотовласых нет наяд;
Пусть Зевс из длани не низводит
Разящей молнии поток
И на ночь Гелиос не сходит
К Фетиде в пурпурный чертог;
Пусть так! Но в полдень листьев
шепот
Так полон тайны, шум ручья
Так сладкозвучен, моря ропот
Глубокомыслен, солнце дня
С такой любовью приемлет
Пучина моря, лунный лик
Так сокровен, что сердце внемлет
Во всем таинственный язык;
И ты невольно сим явленьям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь и не веришь ты!

1839

ПЛЮЩ

Зачем, о плющ, лозой своей
Гробницы мрамор повиваешь
И прахом тлеющих костей
Свой корень темный ты пита-

ешь?

Не лучше ль там, у звонких
струй,

У грота, подле водопада,

Где тайно юноше наяда

Дарит свой влажный поцелуй,

Тебе гранитовый осколок

Кудрявой зеленью убрать,

Или над ними брачный полог

Прозрачных листьев разостлать?

«Прекрасны звук речей нескром-
ных,

Свиданья тайные в тени;

Но мне милей на листьях тем-
ных

Слеза прощальная любви:

Прияв на зелень молодую,

Ее как жемчуг я храню;

Объемля урну гробовую,

Я всем забытое люблю!»

1839

ПРОЩАНИЕ С ДЕРЕВНЕЙ

О други! прежде чем покинем
мирный кров,

Где тихо протекли дни нашего
безделья

Вдали от шумного движенья го-

родов,
Их скуки злой, их ложного весе-
лья,
Последний кинем взгляд с про-
щальной слезой
На бывший наш эдем!.. Вот домик
наш укромной:
Пусть век благой пенат хранит
его покой
И грустная сосна объемлет вет-
вью темной!
Вот лес, где часто мы внимали
шум листов,
Когда сквозит меж них луч солн-
ца раскаленной..
Склонитесь надо мной с любовью
вожделенной,
О ветви мирные таинственных
дубров!
Шумы, мой светлый ключ, из ур-
ны подземельной
Шумы, напомни мне игривою
струей
Мечты, настроены под сладкий
говор твой,
Унывно-сладкие, как песни колы-
бельны!..
А там, — там, на конце аллеи

лип и ив,
Колодезь меж дерев, где часто,
ночью звездной,
Звенящий свой кувшин глубоко
опустив,
Дочь поля и лесов, склонясь над
темной бездной,
С улыбкой образ свой встречала
на водах
И любовалась им, и тайно по-
мышляла
О стройном юноше, — а небо об-
вивало
Звездами лик ее на зыблемых
струях.

1841

СВИРЕЛЬ

Вот тростник сухой и звонкой...
Добрый Пан! перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И в свирель его сложи!
Поделись со мной искусством
Трели в ней перебирать,
Оживлять их мыслью, чувством,
Понижать и повышать,
Чтоб мне в зной полдня златого
Рощи, горы усыпить

*И из волн ручья лесного
В грот наяду приманить.*

21 апреля 1840

«Я ЗНАЮ, ОТЧЕГО У ЭТИХ БЕРЕГОВ...»

*Я знаю, отчего у этих берегов
Раздумье тайное объемлет дух
пловцов:*

*Там нимфа грустная с распущен-
ной косою,*

*Полузакрытая певучей осокою,
Порою песнь поет про шелк своих
власов,*

*Лазурь заплаканных очей, жемчуг
зубов*

*И сердце, полное любви неразде-
ленной.*

*Проедет ли челнок — пловец обво-
роженный,*

*Ее заслушавшись, перестает гре-
сти;*

*Замолкнет ли она — но долго на
пути*

*Ему всё чуждятся напевы над во-
дою*

*И нимфа в камышах, с распущен-
ной косою.*

1841

ГОРЫ

*Люблю я горные вершины.
Среди небесной пустоты
Горят их странные руины,
Как недоконченны мечты
И думы Зодчего природы.
Там недосозданные своды,
Там великана голова
И неизваянное тело,
Там пасть разинутая льва,
Там профиль девы онемелый...*

1841

ДИОНЕЯ

*Право, завидно смотреть нам,
как любит тебя Дионейя.
Если ты в цирке на бой гладиато-
ров смотришь, иль внемлешь
Мудрым урокам в лицее, иль
учишься мчатся на конях, —
Плачет, ни слова не скажет! Ко-
гда же в пыли ты вернешься, —
Вдруг оживет, и соскочит, и ки-
нется с воплем,
Крепче, чем плющ вокруг колонны,
тебя обвивает руками;*

*Слезы на длинных ресницах, в
устах поцелуй и улыбка.*

1840

НА ПАМЯТНИКЕ

*Он рано уж умел перебирать ис-
кусно
Свирели скважины; то весело, то
грустно
Звучала трель его; он пел про
плеск ручья,
Помоной щедрою убранные поля,
Про ласки юных дев, и сумрачные
гроты,
И возраста любви тревожные за-
боты.*

<1841>

«ДИТЯ МОЕ, УЖ НЕТ БЛАГОСЛОВЕННЫХ
ДНЕЙ...»

*Дитя мое, уж нет благословен-
ных дней,
Поры душистых лип, сирени и ли-
лей;
Не свищут соловьи, и иволги не
слышно...
Уж полно! не плести тебе гирлян-*

ды пышной
И незабудками головки не вен-
чать;
По утренней росе уж зорек не
встречать,
И поздно вечером уже не любо-
ваться,
Как легкие пары над озером клу-
бятся
И звезды смотрятся сквозь них в
его стекле.
Не вереск, не цветы пестреют по
скале,
А мох в расселинах пушится ран-
ним снегом.
А ты, мой друг, всё та ж: резва,
мила... Люблю,
Как, разгоревшись и утомившись
бегом,
Ты, вея холодом, врываешься в
мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри
снежны,
Хохочешь и меня целуешь звонко,
нежно!

1841

«ПУСТЬ ПОЛУДИКИЕ СКИФЫ, С

ГЛАЗАМИ, НАЛИТЫМИ КРОВЬЮ...»

Пусть полудикие скифы, с глазами,
налитыми кровью,
Бьются, безумные, кубками пьяного
пира, —
Други! оставимте им, дикарям
кровожадным, обычай
Сладкие Вакховы вина румянить
пирующих кровью...
Бранные копья средь кубков и факелов
пира!..
Где мы, скажите?.. Какое безумство:
веселье — и битва!
Полноте спорить! умолкните,
други! вражду утопите
В чашах, у коих, чем более пьете,
всё глубже и глубже
Кажется звонкое дно. Возлежите
и пейте смиренно,
На руку мудрые головы важно и
тяжко уставив.

1841

ЧЕРЕП

Глухо мой заступ, о череп ударясь,
звенит. Замогильный
Гость, выходи-ко! Вокруг тебя

панцирь, перчатки и бердыш —
Пусть истлевают! Тебя ж отлучу
я, о череп, от тлена!
Ты не услышишь ни кликов воин-
ских, ни бранных ударов.
Мирно лежи у подножия лиры эл-
линской и миртом
Вечнозеленой Эллады венчайся,
порой наполняясь
Гулким ответом на струны ее,
потрясенные ветром.
Так же не в вечных ли миртах, не
в звуках ли горних гармоний
Прежний хозяин твой, дух, утопа-
ет теперь?..

1840

ПОЭЗИЯ

Люби, люби камеи, кури им фими-
ам!
Лишь ими жизнь красна, лишь
ими милы нам
Панорма небеса, Фетиды блеск
неверный,
И виноградники богатого Фалер-
на,
И розы Пестума, и в раскаленный
день

Бландузия кристалл, и мир его
прохлады,
И Рима древнего священные гро-
мады,
И утром ранний дым сабинских
деревень.

13 апреля 1840

БАРЕЛЬЕФ

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плеяд
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтелый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровою кожей
И Силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

Октябрь 1842

Е. П. М.

Люблю я целый день провесть
меж гор и скал...
Не думай, чтобы я в то время
размышлял
О благости небес, величии приро-
ды
И, под гармонию ее, я строил
стих.
Рассеянно гляжу на дремлющие
воды
Лесного озера и верхи сосн густых,
Обрывы желтые в молчаньи их
угрюмом;
Без мысли и ленив, смотрю я, как
с полей
Станицы тянутся гусей и журав-
лей
И утки дикие ныряют в воду с шу-
мом;
Бессмысленно гляжу я в зыбле-
мых струях
На удочку, забыв о прозе и сти-
хах...

Но после, далеко от милых сих яв-

лений,
В ночи, я чувствую, передо мной
встают
Виденья милые, пестреют и жи-
вут,
И движутся, и я приветствую их
тени,
И узнаю леса и дальних гор ступе-
ни,
И озеро... Тогда я слышу, как ки-
пит
Во мне святой восторг, как кровь
во мне горит,
Как стих слагается и прозябают
мысли...

1841

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

Сафо

«ЗАЧЕМ ВЕНКОМ ИЗ ЛИСТЬЕВ ЛАВРА...»

*Зачем венком из листьев лавра
Себе чело я обвила
И лиру миртом убрала?..
Так! мне оракул Эпидавра
Предрек недаром чашу мук:
Ты мне неверен, милый друг!
Ты очарован новой страстью
У ног красавицы другой.
Но овладеть она тобой,
Скажи, какой умела властью?
Ничто, ни мысль, ни чувство, в
ней
Границ холодных не преступит:
Она бессмысленных очей
Не озарит огнем страстей
И вдруг стыдливо не потупит;
Не может локонов убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечам как бы случайно
Широко ризы разметать.*

1841

«ЗВЕЗДА БОЖЕСТВЕННОЙ КИПРИДЫ!..»

*Звезда божественной Киприды!
Люблю я ранний твой восход
В часы, как ночь своей хламидой
Восток туманный обовьет.
Твоя блестящая лампада
Трапезы наши золотит,
Где Вахх, в венце из винограда
И тигра кожей покрыт,
С кипящей чашей председатель.
Ты мир вселяешь средь дубров,
Где нимфа робко пробегает,
За ней влюбленный бог лесов.
Твой луч дрожащий вызывает
Гимн Филомелы над ручьем.
Милей в сиянии твоём
Любви мечтательность и неж-
ность,
И взором отраженный взор,
Одежды легкая небрежность
И полускромный разговор.*

1841

Анакреон

«ПУСТЬ ГОРДИТСЯ СТАРЫЙ ДЕД...»

*Пусть гордится старый дед
Внуков резвою семьею,
Витязь — пленников толпою
И трофеями побед;*

*Красота морей зыбучих —
Паруса судов летучих;
Честь народов — мудрый круг
Патриархов в блеске власти;
Для меня ж милей, мой друг,
В пору бури и ненастий
В теплой хижине очаг,
Пня дубового отрубков
Да в руках тяжелый кубок,
В кубке хмель и хмель в речах.*

1843

Проперций
ТУЛЛУ

*Ты счастлив, Тулл, сидя безмолв-
но
Под сельским портиком своим
За чашей греческою, полной
Лесбийским соком золотым.
Ты взором следуешь спокойно
За бегом лодок по реке,
Пловцов внимая песни стройной,
Ловя их парус вдаль,
Или любуясь важным ходом
Влекомых вервями судов,
И на приветствия пловцов
Главой киваешь мимоходом.
Но, друг мой, Пафоса жрецу,*

Мне не вкусить тех наслаждений!
Зато, когда на ложе лени,
Склонясь ко мне, лицом к лицу,
Задремлет Цинтия; когда я
В ее запутаю власах
Свои персты, в тиши внимая
Сквозь сонный лепет на устах
И ей любуясь, — что Пактолы
Златая россыпь для меня,
Всемирный скиптр, венец тяжё-
лый
И бармы пышные царя!

1841

ЦИНТИИ

О Цинтия! вдали от друга своего,
Когда взираешь ты на волны голу-
бые,
Обнявшие берега Неаполя златые,
И пальмы, и холмы, и портики
его,
Ко мне ль летят твои игривые
мечтанья?
Меня ли ищет взор на этих челно-
ках,
Мелькающих вдали на белых парус-
сах?
Всё та же ль ты, как в час послед-

него свиданья?
Быть может... страшная мечта!
.. перед тобой
Иной на гимн любви кифары
строй наладил...
Ты улыбаешься... а дерзкою рукой
Он имя Цинтии в стихах моих из-
гладил...
Быть может, на берегу зеле-
но-теплых вод,
Под тенью маслины, густым
плющом увитой,
Доверчиво ему внимаешь ты — и
вот
Моя любовь и я — тобою всё забы-
то!..
Прочь! прочь, коварный сон! рас-
сейся ты как дым!
Иль лучше ты яви мне Цинтию
младую,
Как бродит, грустная, над озером
лесным
И, в легком челноке, равнину водя-
ную
Браздя веслом, собой любится в
водах,
Теряя розаны в взволнованных
струях;

Иль в полдень у ручья, за рощею
зеленой,
Одежды сбросивши на бархат лу-
говой,
Спускается в ручей робеющей но-
гой,
Невольным визгом вдруг долину
оглашает
И, воды расплеснув, как лебедь вы-
плывает.

1841

Гораций

«СКАЖИ МНЕ: ЧЕЙ ЧЕЛНОК К СКАЛЕ СЕЙ
ПРИПЛЫВАЕТ?..»

*Скажи мне: чей челнок к скале сей
приплывает?*

*Кто этот юноша, в венке из алых
роз,*

*Укрыв свой челн в кустах, избега-
ет на утес*

*И в гроте на скале тебя он обни-
мает?..*

*Как счастлив он!.. Любовь в очах
его горит!..*

*Но он, неопытный, не знает, как
неверно*

То море! как оно обманчиво бле-

стит,
Подобно женщине, темно и лице-
мерно!
Твоя золотая речь — крыло его ла-
ды.
Он думает найти любовь и насла-
ждение,
Но, боже мой! он бурь не слышит
приближенья,
Свирепых моря бурь и страшных
бурь любви!
Но мне уж этих гроз не страшно
дуновенье:
Я вышел на берег, во храм, богам
своим
Гирлянды возложил на жертвен-
ник спасенья
И ризы влажные развесил перед
ним.

1841

«ЛЕГЧЕ ЛАНИ ЮНОЙ ТЫ...»

Легче лани юной ты
Убегаешь предо мною.
Залепечут ли листья,
Ветерок ли над водою
Пробежит, или в кустах
Слышен ящерицы шорох —

*Уж ее объемлет страх,
Гнутся ноги, огонь во взорах.
Но я жду, что на бегу
Ты оглянешься к врагу,
И замедлишь шаг, и рядом
Вдруг очутишься со мной,
Страх забыв, потупясь взглядом,
Мне внимая всей душой!*

1841

Марциал
«ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ПРОЖИТЬ
БЕЗМЯТЕЖНО, БЕЗБУРНО...»

*Если ты хочешь прожить безмя-
тежно, безбурно,
Горечи жизни не зная, до старо-
сти поздней, —
Друга себе не ищи и ничьим не зо-
ви себя другом:
Меньше ты радостей вкусишь,
меньше и горя!*

1842

Овидий
ПОСЛАНИЕ С ПОНТА
*Здорово, добрый друг! здорово,
консул новый!*

Я знаю, — в пурпуре, и с консуль-
ским жезлом,
И в сонме ликторов, покинул ты
свой дом
И в храм Юпитера течешь те-
перь, готовый
Пролить пред алтарем дымящу-
юся кровь...
Уверен, что купил народную лю-
бовь,
Взираешь ты, как чернь бросае-
тся толпами
На жареных быков с злачеными
рогами...
Но если вдруг тебе твой раб пись-
мо вручит,
Начертанное здесь изгнанника ру-
кою, —
Как встретишь ты его? Чем взор
твой заблестит?
Кивнешь ли вестнику приветно
головою
Иль кинешь гневный взор дрожа-
щему рабу?
Что б ни было! ты всё стоишь пе-
редо мною
Как прежний добрый друг... и я
клянусь судьбу,

Стократ ее клянупу, что разлучен с
тобою,
Что нет на торжестве твоём
моих даров;
Что мне не суждено с сверкаю-
щим фалерном
Подняться со скамьи и голосом
неверным —
От чувства полноты — прочесть
тебе стихов!
Увы! мне самый стих латинский
изменяет!
Уж мысль моя двойной одеждой
щеголяет...
Уже Авзонии блестящие цветы
Бледнеют предо мной, а мирная
долина,
Пустынные берега шумящего Эвк-
сина
Да быта скифского суровые чер-
ты
Мне кажутся венцом высокой
красоты!..
А песни дикарей!.. Меж скифов, в
их пустыне,
Я сам стал полускиф. Поверишь
ли, я ныне
Их диким языком владею как сво-

им!

Я приучил его к себе, как зверя. Им
Я властвую: в ярмо он выю пре-
клоняет,

Я правлю, и на Пинд как вихорь он
взлетает...

Пойми меня, мой друг! пойми:
мой грубый стих

Не втуне уж звучит среди пу-
стынь нагих,

А принят, повторен и понят чело-
веком!

И скифы дикие, подобно древним
грекам,

С улыбкою зовут меня своим пев-
цом!

Поэму я сложил их варварским
стихом;

Для них впервые я воспел величье
Рима

И всё, с чем мысль моя вовек
неразлучима...

О дивном Августе звучала песнь
моя...

Я пел Германика, им Друза славил
я;

Я пел, как, победив батавов и тев-
тонов,

Они вступали в Рим, и пленные
цари,
Окованные, шли средь римских ле-
гионов,
И сыпались цветы, дымилась ал-
тари,
И Август их встречал, подобный
полубогу,
И слезы лил тайком на праздни-
чную тогу...
Еще не кончил я, а эти дикари
Сверкали взорами, колчаны по-
трясали
И, изумленные, в восторге повто-
ряли:
«Ты славись Августа — зачем же
ты не с ним?»
То скифы говорят, — а вот семь
лет уж ныне,
Как, всеми позабыт, томлюся я в
пустыне...

1842, 1857

ЭПИКУРЕЙСКИЕ ПЕСНИ[20]

Мирта Киприды мне дай!
Что мне гирлянды цветные?
Миртом любви увенчай,
Юноша, кудри золотые!

Мирта зеленой лозой
Старцу венчавшись, отрадно
Пить под беседкой густой,
Крытой лозой виноградной.

<1840>

Блестит чертог; горит елей;
Ясмин и мирт благоухает;
Фонтан, шумя, между огней
Златыми брызгами играет.
Греми, волшебный гимн пиров!
Несите, юноши, плодов,
И роз, и листьев винограда:
Венчайте нас! Что в жизни нам?
Мы в жертву суждены богам
ужасным ада,
А жертва пышная в богатствах
вертограда —
Угоднее богам!
Настанет час — воззрим сурово
Мы на гремящий жизни пир,
Как сей скелет белоголовый,
Беглец могил! На звуки флейт и
лир
Он безответен, гость гробовый!
Но он ведь пел, и он любил,
И богу гроздий он служил...
О други! сыпьте роз Горациева са-

да
По сим белеющим костям
И свежей кистью винограда
Венчайте череп — этот храм,
Чертог покинутый и сирый,
Где обитал животворящий дух
Во дни, когда кифара с звонкой ли-
рой
Его пленяли чуткий слух,
И пил он роз благоуханье,
Любил кристалл амфоры золо-
той,
И дев горячие лобзанья,
И трепет груди молодой!

Июль 1840, Каболовка

Остроумица, плясунья,
Неумолчная болтунья,
Жизнь, душа моих пиров,
Ты, мой маленький философ,
Пристыжаешь мудрецов
Разрешеньем их вопросов,
Пытки мудрых их голов!

И твержу я за тобою:
Смертный! с жизнью земною
Ты не много рассуждай!
Раньше чар ее приманку

И смелее разгадай!
Ты поймай ее, вакханку,
И из рук не выпускай!

Пусть, капризная, вертится,
И царапает, и злится,
Ты покров с нее сорви,
Мни гирлянды, плющ и розы,
В миг всю жизнь переживи,
Счастье, клятвы, ласки, слезы,
Всё безумие любви!

Те, которые узнали
В жизни бури вакханалий, —
Нет уж новости им в ней!
О, людская бестолковость!
Смертный! знай, что в жизни сей
Для тебя одна лишь новость:
Смерть — и тайный мир теней.

1850

ИЗ ВОСТОЧНОГО МИРА

ЕВРЕЙСКИЕ ПЕСНИ

1

*Торжествен, светел и румян
Рождался день под небесами;
Белел в долине вражий стан
Остроконечными шатрами.
В уныньи горьком и слезах,
Я, пленник в стане сем великом,
Лежал один на камне диком,
Во власянице и в цепях.
Напрасно под покровом ночи
Я звал к себе приветный сон;
Напрасно сумрачные очи
Искали древний наш Сион...
Увы! над берегом Иордана
Померкло солнце прежних дней;
Как лес таинственный Ливана,
Храм без молитв и без огней.
Не слышно лютен вдохновенных,
Замолк тимпанов яркий звук,
Порвались струны лир священных*
—
*Настало время слез и мук!
Но ты, господь, в завет с отцами
Ты рек: «Не кину свой народ!*

*Кто сеет горькими слезами,
Тот жатву радости сберет».
Когда ж, на вопль сынов унылых,
Сзовешь ко бранным знаменам
Оружеборцев молньекрылых
На месть неустовым врагам?
Когда с главы своей усталой
Израиль пепел отряхнет,
И зазвелят его кимвалы,
И с звоном арф он восплет?*

1838, Санкт-Петербург

2

(К картине «Введение во храм»)

*Колыбель моя качалась
У Сиона, и над ней
Пальма божия склонялась
Темной купою ветвей;*

*Белых лилий Идумей
Снежный венчик цвел кругом,
Белый голубь Иудей
Реял ласковым крылом.*

*Отчего ж порой грущу я?
Что готовит мне судьба?
Всё смиренно, всё приму я,
Как господняя раба!*

<1840>

МОЛИТВА БЕДУИНА

*О солнце! твой щит вечным золотом
блещет —*

*А море племен здесь клокочет и
плещет...*

*Вдали от серебряных рек и ручьев,
Там бродит и гибнет в степи ка-
раван позабытый;*

*Напрасно ждут люди от вихрей
песчаных защиты*

*Под грудью верблюдов и сенью ша-
тров.*

*О солнце! накрой ты порфирой зе-
леной*

*Пустыни нагие; росой благовон-
ной*

*Кокос наш, и финик, и пальму пи-
тай;*

*Смягчи серебро ты овнов белорун-
ных Кедара;*

*Верблюдам дай силу идти средь
безводья и жара;*

*Коням легкость ветра пустынно-
го дай!*

Самума от нас отврати ты зара-

зы;

А к вечеру звезд сыпь на небе ал-
мазы:

Пусть кроткий их блеск в сень ра-
душных шатров

К нам путников степи ведет на
ночлег издалёка!

И ярче лей пурпур и розы с злато-
го востока

На люльки детей и гробницы от-
цов!

1839

ВЕРТОГРАД

Посмотри в свой вертоград:

В нем нарцисс уж распустился;

Зелен кедр; вокруг обвился

Ранний, цепкий виноград;

Яблонь в цвете благовонном,

Будто в снежном серебре;

Резвой змейкой по горе

Ключ бежит к долинам сонным...

Вертоград свой отопри:

Чтоб зацвести, твой розан снеж-
ной

Ждет твоей улыбки нежной,

Как луча молодой зари.

Сентябрь 1841

ЕДИНОЕ БЛАГО

*Печальный кипарис, холодный
мох забвенья,
В земле сокрытый гроб, и в гробе
этом тленье:*

*Вот каждого удел за жизненной
тропой!*

*Прах внидет снова в прах; пловец
к стране родной*

*Причалит, и душа в отчизну воз-
вратится,*

*И в двери райские к ночлегу по-
стучится...*

*Блажен, кого тогда небесный се-
рафим*

*Приосенит крылом приветливо
своим,*

*И двери отперет, и тот пришлец,
усталый*

*Блеснет в ряду лучей зари, от ве-
ка алой!*

1837, Санкт-Петербург

АНГЕЛ И ДЕМОН

*Подъемлют спор за человека
Два духа мощные: один —*

Эдемской двери властелин
И вечный страж ее от века;
Другой — во всем величьи зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.

Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?
Господень ангел тих и ясен:
Его живет смиренья луч;
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

1841

ЭЛЕГИИ

ИСПОВЕДЬ

Так, ветрен я, друзья! Напрасно я
учусь
Себя обуздывать: всё тщетно!
Тяжких уз
Мой дух чуждается... Когда на
взор мой томный
Улыбку вижу я в устах у деви
скромной —
Я сам не свой! Прости Сенека,
Локк и Кант,
И пыльных кодексов старинный
фолиант,
Лицей блистательный и портик
величавый,
И знаменитый ряд имен, венчан-
ных славой!
Опять ко мне придут игривая
мечта,
И лики бледные, и имя на уста,
И взоры томные, и трепет слад-
кой неги,
И стих таинственный задумчи-
вых элегий.

1841

«О ЧЕМ В ТИШИ НОЧЕЙ ТАИНСТВЕННО
МЕЧТАЮ...»

*О чем в тиши ночей таинственно
мечтаю,
О чем при свете дня всечасно по-
мышляю,
То будет тайной всем, и даже ты,
мой стих,
Ты, друг мой ветренный, услада
дней моих,
Тебе не передам души своей меч-
танья,
А то расскажешь ты, чей глас в
ночном молчаньи
Мне слышится, чей лик я всюду
нахожу,
Чьи очи светят мне, чье имя я
твержу.*

Март 1841

«ЗАЧЕМ СРЕДЬ ОБЩЕГО ВОЛНЕНИЯ И
ШУМА...»

*Зачем среди общего волнения и
шума
Меня гнетет одна мучительная
дума?
Зачем не радуюсь при общих кли-*

как я?
Иль мира торжество не праздник
для меня?..
Блажен, кто сохранил еще знаме-
нованье
Обычаев отцов, их темного пре-
данья,
Ответствовал слезой на пение
псалма;
Кто, волей оторвав сомнения
ума,
Святую Библию читает с умиле-
ньем,
И, вняв церковный звон, в ночи, с
благоговеньем,
С молитвою зажег пред образом
святым
Свечу заветную, и плакал перед
ним.

28 марта 1841

ЖИЗНЬ

Грядущих наших дней святая глу-
бина
Подобна озеру: блестящими вода-
ми
Оно покоится; волшебного их сна
Не будит ранний ветер, играя с ка-

мышами.

Пытливый юноша, годов пронзая
мглу,

Подходит к берегам, разводит
осторожно

Густые ветви ив и мыслию тре-
возной

За взором следует... По водному
стеклу

Аврора пурпур свой рассыпала
струисто...

Как темны гряды скал! как небо
золотисто!

Как стаду мелких рыб, блистая в
серебре,

На солнце радостно играть и по-
лоскаться!

Но... юноша, беги! на утренней за-
ре

Опять не приходи смотреть и
любоваться

На это озеро! Теперь внимаешь
ты

Лишь шепоту деревьев и плеску волн
шумливых;

А там, под образом блестящей
красоты,

С приманкою любви, с приманкой

ласк стыдливых,
Красавиц легкий рой мелькнет пе-
ред тобой;
Ты кинешься за ней, за милою
толпой,
С родного берега... Паденья шум
мгновенный,
Урчание и стон пучины пробуж-
денной
Окрестность огласит, и скоро
смокнет он,
И стихнет всё. И что ж, под зер-
калом кристалла,
Увидишь ты?.. Увы! исчезнет всё,
как сон!
Ни рощ коралловых, ни храмов из
опала,
Ни скал, увенчанных в золотые
тростники,
Ни нимф, свивающих в гирлянды и
венки
Подводные причудливые травы...
Нет! ты падешь к одним скалам
немым,
К растеньям, дышащим губи-
тельной отравой, —

И, вызвана падением твоим,

Толпа алкающих чудовищ
На жертву кинется, низвергну-
тую к ним
Приманкой красоты, и счастья, и
сокровищ.

1839

БЕЗВЕТРИЕ

Как часто, возмущен сна груст-
ным обаяньем,
Мой дух кипит в избытке сил!
Он рвется в облака мучительным
желаньем,
Он жаждет воли, жаждет крыл.
О! молодая мысль с презреньем и
тоскою
Глядит на жизни темной даль,
На труд, лелеемый пурпурною за-
рею,
На скорбь, на радость, на печаль...
Питая свой восторг, безумный и
строптивый,
Мятежно рвется ввысь она...
В чертоги вымысла влекут ее по-
рывы, —
Уж вот пред ней блестит волна,
Корабль готов отплыть, натяну-
ты канаты,

Вот якорь поднят... с берегов
Народ подьѐмлет крик... вот па-
руса подъяты:
Лишь ветра ждут, чтоб грудь ва-
лов
Кормою рассекають... на палубе
дрожаший
Пловец желанием горит:
«Простите, берега!..» Но — моря в
влаге спящей
Ни зыби вокруг не пробежит,
Не будит ветерок игривыми кры-
лами
Отяжелевших моря вод,
И туча сизая с сребристыми куд-
рями
Грозы дыханьем не пахнет...
На мачте паруса висят и упада-
ют
Без силы долу... и половец
В отчаяньи глядит, как воды за-
сыпают,
Везде недвижны, как свинец;
Глядит на даль... но там лишь ча-
ек слышит крики
И видит резкий их полет.
Вдали теряется в извилах берег
дикий:

Там беспредельность настаёт...
Он смотрит с грустию — ни облака,
ни тучи
Не всходит в синих небесах,
Не плещет, не шумит на мачте
флаг летучий...
Уж ночь ложится на водах:
Он всё ещё глядит на руль, где
клубы пены
Облиты месячным лучом,
На мачты тонкий верх, туманом
покровенный,
На флаг, обвившийся кругом...

1839, Санкт-Петербург

МРАМОРНЫЙ ФАВН

Бродил я в глубине заброшенного
сада.
Гас красный блеск зари. Деревья
без листьев
Стояли черные. Осенняя прохлада
Дышала в воздухе. Случайно меж
кустов
Открыл я статую: то фавн был,
прежде белый,
Теперь в сору, в пыли, во мху, позе-
ленелый.
Умильно из ветвей глядел он, а

оне,
Качаясь по ветру, в лицо его хлестали
И мраморного пня подножие
скрывали.
Вкруг липы древние теснились, в
глубине
Иные статуи из-за деревьев мелькали;
Но мне была видна, обнятая кустом,
Одна лишь голова с смеющимся
лицом.

Я долго идолом забытым любовался,
И он мне из кустов лукаво улыбался.
Мне стало жаль его. «Ты некогда
был бог,
Цинический кумир! Тебе, при
флейте звонкой,
Бывало, человек костер священный жег,
На камне закалал с молитвою ягненка
И кровью орошал тебя... О, расскажи:

Что, жаль тебе тех дней? Как ты
расстался с властью,
Развенчанный? Тогда — бывали
ближе ль к счастью
Младые племена? Иль это умной
лжи
Несбытный вымысел — их мир и
наслажденья?
Иль век одни и те ж земные поко-
ленья?
Ты улыбаешься?.. Потом была по-
ра,
Ты был свидетелем роскошного
двора;
Тебя в развалинах как чудо отыс-
кали,
Тебе разбили сад; вокруг тебя со-
брали
Тритонов и наяд, афинских мудре-
цов,
И римских цезарей, и греческих бо-
гов;
А всё смеялся ты, умильно
ослабляясь...
Ты видел бальный блеск. По саду
разливаясь,
Гремела музыка. В аллее темной
сей

Чета любовников скрывалась от
гостей:

Ты был свидетелем их тайного
свиданья,

Ты видел ласки их, ты слышал их
лобзанья...

Скажи мне: долго ли хранились
клятвы их

Ненарушимыми? любовь в серд-
цах у них

Горела вечно ли, и долее ль, чем
имя

И уверенья их, на мраморе твоём
Напечатленные и... смытые до-
ждем?

Иль, может быть, опять под ли-
пами твоими

Являлись они, условившись с дру-
гими?

И твой лукавый смех из-за густых
ветвей

С любви их не сорвал предатель-
скую маску,

Не бросил им в лицо стыда живую
краску?

.....

Так, молча, взором я статую во-
прошал,

А циник мраморный язвительно
смеялся.

1841

ПРИЗВАНИЕ

Шумя, на полных парусах,
Как на распущенных крылах,
Летел корабль, бесстрашно споря
С волнами девственного моря.
Казалось, чуждо было им
Досель неведомое бремя;
Спокойно венчанное темя
Они склоняли перед ним.
Был вечер. Палуба безмолвна:
Один пловец в плаще стоял
И взор на запад устремлял,
Где вечер гас, краснели волны.
Он видит — слева, между вод,
Громады скал. Их очерк странный
Ему знаком. В выси туманной
Из-за утесов восстает
Немая конная статуя,
Одета броней, со щитом,
И гордо каменным перстом
Ему на запад указуя.
Корабль летел, за водный склон
Зеленый остров погружался,
Тонули скалы, — только он,

Недвижный всадник, оставался,
На дальний запад обращен.

И понял странствователь света
Сокрытый смысл скалы немой:
То божий перст! не столп запре-
та!..

Вперед! за гаснущей зарей!
Ни безграничность синей дали,
Ни яд, ни ропота гроза,
Ни глубь, ни в гневе небеса
Его полет не устрашали.
Он плыл... И скоро, будто дым,
Под небом вечера златым
Открылись очерки утесов,
Под сенью пальм, в венце кокосов.
И пали ниц пловцы пред ним,
Познав в нем божьего пророка...
Что ж думал он, пловец высокий,
Когда на землю он взирал,
Молился и рукою смелой,
Во имя мудрой Изабеллы,
Кортесов знамя водружал?
Блажен, кто понял с колыбели
Свое призванье в жизни сей
И смело шел между зыбей
К пределу избранный цели;
Кто к ней всегда руководим

*Единой мыслью неизменной,
Как Генуэзец, вдохновенный
Гранитным всадником своим!*

4 апреля 1841

ОЧЕРКИ РИМА

НА ПУТИ

*Долин альпийских сын, хозяин
мирный мой,
С какою завистью гляжу на до-
мик твой!
Не здесь ли счастье? Лишь с юною
весною
Нагорные ручьи журчащею стру-
ею
С холмов меж зеленью младую
утекут,
Твой стол обеденный искусно убе-
рут
Младыми розами и почками ли-
леи
Подруги дней твоих игривые за-
теи;
И стадо дар несет, с полей его со-
брав,
Дышащий запахом новорожден-*

ных трав;
И голос соловья в саду звучит и
блещет,
И ласточек семья под кровлею
щебежит,
И пчелы шумною гирляндой ле-
тят
К цветущим яблоням, в твой бла-
говонный сад...
Ты любишь ближнего и горд своей
свободой,
Ты всё нашел, чего веками ждут
народы...

1843

CAMPAGNA DI ROMA[21]

Пора, пора! Уж утро славит
птичка,
И свежестью пахнуло мне в окно.
Из города зовет меня давно
К полям широким старая привыч-
ка.
Возьмем коней, оставим душный
Рим,
И ряд дворцов его тяжеловесных,
И пеструю толпу вдоль улиц тес-
ных,
И воздухом подышим полевым.

О! как легко! как грудь свободно
дышит!
Широкий горизонт расширил ду-
шу мне...
Мой конь устал... Мысль бродит в
тишине,
Земля горит, и небо зноем пы-
шет...
Сабинских гор неровные края
И Апеннин верхи снеговенчанны,
Шум мутных рек, бесплодные по-
ля,
И, будто нищий с ризою раздран-
ной,
Обломок башни, обвитой плю-
щом,
Разбитый храм с остатком сме-
лых сводов
Да бесконечный ряд водопроводов
Открылися в тумане голубом...
Величие и ужас запустенья...
Угрюмого источник вдохнове-
нья...
Всё тяжело спит, всё умерло по-
чти...
Лишь простучит на консульском
пути
По гладким плитам конь поселя-

нина,
И долго дикий всадник за горой
Виднеется, в плаще и с палкой
длинной,
И в шапке острой... Вот в тени ру-
ины
Еще монах усталый и босой,
Окутавшись широким капюшо-
ном,
Заснул, склонясь на камень голо-
вой,
А вдалеке, под синим небоскло-
ном,
На холме мазанка из глины и вет-
вей,
И кипарис чернеется над ней...

Измученный полудня жаром
знойным,
Вошел я внутрь руин, безвестных
мне.
Я был объят величьем их спокой-
ным.
Глядеть и слушать в мертвой
тишине
Так сладостно!.. Тут целый мир
видений!..
То цирк был некогда; теперь он

опустел,
Полынь и терн уселись на ступе-
ни,
Там, где народ ликующий шумел;
Близ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильниц и ам-
фор:
Как будто бы они здесь восседали
Еще вчера, увеселяя взор
Ристанием... но по арене длинной
Цветистый мак пестреет меж
травой
И тростником, и розой полевой,
И рыщет ветер, один, что конь пу-
стынный.
Лохмотьями прикрыт, полуна-
гой,
Глаза как смоль и с молнией
взгляда,
С чернокудрявой, смуглой голо-
вой,
Пасет ребенок коз пугливых ста-
до.
Трагически ко мне он руку протя-
нул,
«Я голоден, — со злобою взывая. —
Я голоден!..» Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обозревая,

Промолвил: «Вот она — Италия святая!»

1844

**«АХ, ЧУДНОЕ НЕБО, ЕЙ-БОГУ, НАД ЭТИМ
КЛАССИЧЕСКИМ РИМОМ!..»**

*Ах, чудное небо, ей-богу, над этим
классическим Римом!*

*Под таким небом невольно ху-
дожником станешь.*

*Природа и люди здесь будто дру-
гие, как будто картины*

*Из ярких стихов антологии древ-
ней Эллады.*

*Ну, вот, поглядите: по каменной
белой ограде разросся*

*Блуждающий плющ, как разве-
шанный плащ иль завеса;*

*В середине, меж двух кипарисов,
глубокая темная ниша,*

*Откуда глядит голова с преурод-
ливой миной*

*Тритона. Холодная влага из па-
сти, звеня, упадает.*

*К фонтану альбанка (ах, что за
глаза из-под тени*

*Покрова сияют у ней! что за стан
в этом алом корсете!)*

Подставив кувшин, ожидает, как
скоро водою
Наполнится он, а другая подруга
стоит неподвижно,
Рукой охватив осторожно кув-
шин на облитой
Вечерним лучом голове... Худож-
ник (должно быть, германец)
Спешит срисовать их, довольный,
что случай нежданно
В их позах сюжет ему дал для
картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовал в то же время и
чудное небо,
И плющ темнолистый, фонтан и
свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже — его самого с
его кистью!

1844

AMOROSO[22]

Выглянь, милая соседка,
В окна комнаты своей!
Душит запертая клетка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Лик твой ясный озарит

*И угаснет, оживляя
Алый блеск твоих ланит.*

*Выглянь! глазками легонько
Или пальчиком грозя,
Где ревнивец твой, тихонько
Дай мне знать, краса моя!*

*О, как много б при свиданье
Я хотел тебе сказать;
Слышать вновь твое признание
И ревнивца поругать...*

*Чу! твой голос! песни звуки...
И гитары тихий звон...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... что?.. заснул уж он?*

*Ты в мантилье, в маске черной
Промелькнула пред окном;
Слышу, с лестницы проворно
Застучала башмачком...*

1843 или 1844

ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ВАТИКАНСКОГО МУЗЕЯ

*Еще я слышу вопль и рев Лаокоо-
на,*

В ушах звенит стрела из лука
Аполлона,
И лучезарный сам, с дрожащей
тетивой,
Восторгом дышащий, сияет пре-
до мной...
Я видел их: в земле открытые ан-
тики,
В чертогах дорогих воздвигнутые
лики
Мифических богов и доблестных
людей:
Олимпа грозного властителей
священных,
Весталок девственных, вакханок
исступленных,
Брадатых риториков и консульских
мужей,
Толпе вещающих с простертыми
руками...

Еще в младенчестве любил блуж-
дать мой взгляд
По пыльным мраморам потем-
кинских палат.
Там, в зале царственном, меж
пышными столбами,
Увитыми кругом сребристыми

листами,
Как часто я стоял и с думой, и без
дум
И с строгой красотой дружил
свой юный ум.
Антики пыльные живыми мне ка-
зались,
Как будто бы и мысль, и чувство
в них скрывались...

Забывтые в глуши блистатель-
ным двором,
Казалось, радостно с высоких пье-
десталов
Они внимали шум шагов моих
вдоль залов,
И, властвуя моим младенческим
умом,
Они роднились с ним, как сказки
умной няни,
В пластической красе мифиче-
ских преданий...

Теперь, теперь я здесь, в отчизне
светлой их,
Где боги меж людей, прияв их об-
раз, жили
И взору их свой лик бессмертный

обнажили.

Как дальний пилигрим среди свя-
тынь своих,
Средь статуй я стоял... Мне было
дико, странно:
Как будто музыке безвестной я
внимал,
Как будто чудный свет вокруг ме-
ня сиял,
Курился мирры дым и нард благо-
уханный,
И некто дивный был и говорил со
мною...

С душой, подавленной восторжен-
ной тоской,
Глядел в смущеньи я на лики веко-
вые,
Как скифы дикие, пришедшие с
Днепра,
Средь блеска пурпура царьградско-
го двора.
Пред благолепием маститой Ви-
зантии,
Внимали музыке им чуждой ли-
тургии...

1845

«НА ДАЛЬНОМ СЕВЕРЕ МОЕМ...»

*На дальнем Севере моем
Я этот вечер не забуду.
Смотрели молча мы вдвоем
На ветви ив, прилегших к пруду;
Вдали синел лавровый лес
И олеандр блестел цветами;
Густого мирта был над нами
Непроницаемый навес;
Синели горные вершины;
Тумана в золотой пыли
Как будто плавали вдали
И акведуки, и руины...
При этом солнце огнем,
При шуме водного паденья,
Ты мне сказала в упоенье:
«Здесь можно умереть вдвоем...»*

1844

НИЩИЙ

*Джузеппе стар и дряхл; на площа-
дах лежит
С утра до вечера, читает вслух
каноны
И молит помощи он именем Ма-
донны;
И в тридцать лет себе, как то*

молва гласит,
Два дома выстроил, и третий
кончит скоро,
Женил двух сыновей, и внучек лю-
бит страх.
На пышной лестнице старинного
собора,
Красиво развалясь на мраморных
плитах,
Картинно голову прикрыв лохмо-
тьем старым,
Казалось, он заснул... А тут, в его
ногах,
Сидела девочка. Под этим жгу-
чим жаром —
С открытой шеею, с открытой
головой,
С обрывком на плечах какой-то
ткани грубой, —
Но — волосы, глаза — и точно
перлы зубы —
И взгляд, поднявшийся на нас как
бы с мольбой:
«Его не разбудить». Худые ноги,
руки —
Мурильо!.. Но старик Джузеппе не
дремал:
Во всем величии отчаянья и муки

Он вдруг приподнялся и глухо про-
стонал:
«Я три дня голодал»... Ресницы
опустила
Невольню девочка — и точно охва-
тила
Ее внезапная и жгучая тоска...
Она вся вспыхнула и что-то нам
хотела,
Казалось, сказать — но говорить
не смела
И — быстро спряталась в лохмо-
тья старика...

1844

КАПУЦИН

Разутый капуцин, веревкой опоя-
сан,
В истертом рубище, с обритой
головой,
Пред раболепною народною тол-
пой,
Восторженный, держал евангель-
ское слово.
Он слезы проливал, полн рвения
святого,
Рвал клочья бороды, одежду раз-
дирал,

В нагую грудь себя нещадно уда-
ряя.

Народ, поверженный во прах пред
ним, рыдал,

Проклятьям и слезам молитвен-
но внимая.

Колено преклонил и я между тол-
пой,

Но строгой истины оракул громо-
вой

Не потрясал души моей. Иные ду-
мы

Тревожили мой дух суровый и
угрюмый.

Провиденно мой взор в сердца лю-
дей проник.

Там плакал и стонал, как маль-
чик, ростовщик,

Там, бледен, слезы лил разбойник
закоснелый;

Блудница дряхлая, узрев могилы
сень,

Молилась о грехах душою оробе-
лой.

Но ты, дитя мое, ты, чистая как
день,

Как первые цветы весны благо-
уханной,

Что плачешь ты? о чем? Беды ль
тебя нежданной
Томит предчувствие? Иль, с
страстию в борьбе,
Ты хочешь выплакать мятежных
чувств избыток?
Иль дух твой напугал теперь рас-
крытый свиток
Пороков и злодейств, и мысль
страшна тебе,
Что, может, и в твоей начерта-
но судьбе
Пройти чрез тот же путь и у мо-
гильной сени
Слезами смыть клеймо таких же
заблуждений?

1844

В ОСТЕРИИ

Пепло, выпьем!.. Видишь, буря
Разыгралася в горах!
В блеске молний, очи жмуря,
Кони бесятся впотьмах.

Что колпак остроконечный
Ты надвинул на глаза?
Или есть недуг сердечный,
Иль на совести гроза?

*Знаю, за дурное слово,
За обиду острый нож,
Не боясь суда людского,
Прямо в сердце ты воткнешь;*

*Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую речь
Смело в бой полезешь жаркой
И готов в могилу слечь...*

*Ведь таков и лев свирепой;
Был Андрокл... слышал ли ты?..
Нет? Так выпьем лучше, Пенно,
Без ученой пустоты!*

1844

FORTUNATA[23]

*Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты
мой!*

*Всё забудь, всё брось, мне весь от-
дайся!..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце, — не пы-
тайся!*

Весь ему отдайся — и иди!

Я любви не числю и не мерю,
Нет, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смеюсь, клянусь и ве-
рю...
Ах, как жизнь, мой милый, хоро-
ша!..

Верь в любви, что счастьем не
умчатся,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам век с тобой не расста-
ваться
И не кончить поцелуя век...

1845

НИМФА ЭГЕРИЯ

*Fecetti la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.
Dante, Inf. Cant. III[24].*

Жила я здесь, во мраке дубов мши-
стых;
Молчание пещеры, плеск ручья,
Густая синь небес, лесов тени-
стых

Далекий гул, и жар златого дня,
И ночи тишь — всё было полно
мною.

Учила здесь и царствовала я.

Во время оно муж, с седой главою,
С челом, на коем дума с юных
лет

Изваялась, со свитком и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный
свет

Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный был оживлен ске-
лет.

Он, грозный, думал; после, на ко-
лено

Склонивши доску, думал и чертил
Закон или кровавый, иль смирен-
ный.

Он иногда довольством светел
был;

Порой, смотря на роковые стро-
ки,

Взор отвращал, бледнел и слезы
лил.

Являлась я ему в тот миг жесто-
кий.

Он голову склонял к моей груди,
Как человек, прошедший путь да-
лекий

И утомленный ношею в пути,
Иль как отец, свершая суд суро-
вый,
На казнь велевший сына отвести.

«Ужель векам пишу закон громо-
вый?

Чтоб меж людей добро укорен-
нять,
Ужель нужна лишь плаха да око-
вы?..»

Вздыхала я, упорствуя молчать.
Старик опять читал свои скри-
жали,
И снова думал, и писал опять.

1844

ТИВОЛИ

Боже! как смотришь на эти лило-
вые горы,
Ярко-оранжевый запад и бледную

синь на востоке,
Мраком покрытые виллы и рощи
глубокой долины;
На этот город, прилепленный к
горному склону,
Белые стены, покрытые плющем
густым, кипарисы,
Лавры, шумящие воды, и там на
скале, озаренный
Слабым сияньем зари, на колон-
нах изящных,
Маленький храмик Цибелы, ал-
тарь и статуи, —
Грустно подумать, что там за
горами, на полночь,
Люди живут и не знают ни гор в
багряницах
Огненных зорь, ни широких кру-
гом горизонтов!..
Больно; сжимается сердце и
мысль... Но грустнее
Думать, что бродишь там в поле,
богатом покосом,
В темных лесах, и ничто в этой
бедной природе
Мысли твоей утомленной не ска-
жет, как этой
Виллы обломки: «Здесь некогда, с

чашей фалерна,
В мудрой беседе, за долгой трапезой с друзьями,
Туллий отыскивал тайны законов
созданья»;
Розы лепечут: «Венчали мы дев
смуглолицых,
Сладко поющих Милета и Делоса
дщерей,
Лирой и пляской своей потешавших
Лукулла»;
Воды: «Под наше паденье, под музыку нашу
Ямб и гекзаметр настроивал умный
Гораций»;
Гроты, во мраке которых шумят
водопады:
«Здесь говорила устами природы
Сивилла;
Жрец многодумный таинственно
в лунные ночи
Слушал глаголы богини и после
вещал их
Робкой толпе со ступеней Цибелина
храма...
В недрах горы между тем собирались,
как тени,
Ратники новья веры, и раб и пат-

риций;
Слышались странные звуки и
чуждое пенье.
Будто Везувий, во мраке клокочу-
щий лавой, —
И выходили потом, просветлен-
ные свыше,
В мир на мученье, с глаголом
любви и смиренья...»

1844

««СКАЖИ МНЕ, ТЫ ЛЮБИЛ НА РОДИНЕ
СВОЕЙ?..»

«Скажи мне, ты любил на родине
своей?
Признайся, что она была меня
милей,
Прекраснее?»
— «Она была прекрасна...»
«Любила ли она, как я тебя, так
страстно?
Скажи мне, у нее был муж, отец
иль брат,
Над чьим дозором вы смеялись
заочно?
Всё расскажи... и как порою полу-
ночной
Она спускалася к тебе в тени-

стый сад?

Могла ль она, как я, так пламен-
но руками,

Как змеи сильными, обвить тебя?

Уста,

Ненасытимые в лобзаньи нико-
гда,

С твоими горячо ль сливались
устами?

В те ночи тайные, когда б заста-
ли вас,

Достало ли б в ней сил, открыто,
не страшась,

В глаза им объявить, что ты ее
владенье,

Жизнь, кровь, душа ее? На строгий
суд людей

Глядела ли б она спокойным, сме-
лым взором?

Гордилась ли б она любви своей
позором?..

Ты улыбаешься... ты думаешь о
ней...

О, хороша она... и образ ненавист-
ный

Я вырвать не могу из памяти
твоей!..»

«Ах, не брани ее! Глубоко, беско-

рыстно
Любили мы. Но верь, ни разу ни
она,
Ни я, любви своей мы высказать
не смели.
Она была со мной как будто хо-
лодна;
Любя, друг друга мы стыдились и
робели:
Лишь худо скрытый вздох, случай-
ный, беглый взор
Ей изменял. У нас всегда был раз-
говор
Незначащ, о вещах пустых, обык-
новенных,
Но как-то в тех словах, в той бол-
товне пустой,
Угадывали мы душою смысл иной
И голос слышали страданий со-
кровенных.
И только раз уста мои ее руки
Коснулись; но потом мне стыдно,
больно было,
Когда она ко мне безмолвно обра-
тила
Взор, полный слез, мольбы, укора
и тоски...
Тот взор мне всё сказал; он тре-

бовал пощады...

Он говорил мне: нам пора, рас-
статься надо...»

«И вы расстались?»

— «Расстались. Я сказать

Хотел ей что-то, и она, казалось,
тоже;

Но тут вошли — должны мы бы-
ли замолчать...»

«Любить! Молчать!! И вы люби-
ли?!. Боже, Боже!..»

1844

ХУДОЖНИК

Кисти ты бросил, забыл о палит-
ре и красках,

Проклял ты Рим и лилово-сребри-
стые горы;

Ходишь как чумный; на дев смуг-
лолицых не смотришь;

Ночью до утра сидишь в остерии
за кружкой,

Хмурый, как родина наша... И Ло-
ра горюет,

Тщетно гадая, о чем ты тоску-
ешь, и смотрит

В очи тебе, и порой ловит бред
твой сквозь сонный.

Что, не выходит твой Рим на
картине? Что, воздух
Тонкой струей не бежит между
листьев? Солнце
Легким, извивым лучом не сколь-
зит по аллее?
Горы не рядятся в легкую дымку
туманов полудня?
Руку, художник! ты тайну приро-
ды постигнешь!
Думать будет картина — ты
сам, негодую,
Выносил в сердце тяжелую думу.

1845

FIORINA

«Смуглянка милая, я из страны
далекой,
И здесь в развалинах блуждаю
одинокой,
И всё-то чудно мне... Скажи, ты
рождена
В долине здесь: скажи, какое это
зданье?
Ты знаешь, ангел мой, как гово-
рит преданье,
Кем строено, зачем, в какие вре-
мена?»

— «Не знаю, мы сюда за земляни-
кой ходим,
А на зиму стада пастись сюда
приводим.
Бывают многие и смотрят. Кар-
динал
Сюда с двором своим намерен
приезжал.
Я ягод подала ему; он взял немно-
го,
Благословил меня, велел молить-
ся богу,
Красавицей меня и умницей на-
звал...
На мне в тот день венок был из
листочков дубовых,
А в косы я вплела нить бисеров
перловых».

1845

ДВОЙНИК

Назвавши гостей, приготовил я
яств благовонных,
В сосуды хрустальные налил вина
золотого,
Убрал молодыми цветами свой
стол, и, заране
Веселый, что скоро здесь клики и

смех раздадутся,
Вокруг я ходил, поправляя приборы,
плоды и гирлянды.
Но гости не идут никто... Изменила
и ты, молодая
Царица стола моего, для которой
нарочно
Я лучший венок приготовил из лилий
душистых,
Которой бы голос и яркие очи,
уста и ланиты
Служили бы солнцем веселости
общей, законом
И сладкой уздой откровенному
Вакху... Что ж делать?
Печально гляжу я на ясные свечи,
ряд длинный приборов...
А где же друзья? Где она?.. Отчего
не явилась?..
Быть может...
Ведь женское сердце и женская
клятва что ветер...
Эх, сяду за кубок один я... Один
ли?.. А он, неотступный,
Зачем он, непрошенный гость, пре-
до мною уселся,
С насмешкой глядит мне в глаза?
И напрасно движенья

Досады и ревности скрыть перед
ним я стараюсь...

Ох, трудно привыкнуть к нему,
хоть давно мы знакомы!

Всё страшно в нем видеть свой
образ, но только без сердца,
Без страсти и с вечно холодной
логической речью...

Софист неотступный, оставь ме-
ня! Что тебе пользы,
Хирург беспощадный, терзать
мою душу?..

1843, 1844

LORENZO

Слава богу, деньги есть
Шляпу на брови надвину,
Плащ широкий перекину
Через плечо... войду я в честь.

Встретит князь меня с почте-
ньем,
И поклонится аббат,
И маркизы с приглашеньем
Мне навстречу полетят.

Я высок, красив и ловок...
Речь — серебряная нить;

Знаю тайну всех уловок
Сердце женщины дразнить.

В будуар благоуханный
В ночь прокрадусь я тайком...
Потоскует сердце Нанны,
Знаю я... да что ж мне в том?

Деньги выйдут... что ж за дело?
Молоток возьму я свой,
Буду сечь я мрамор белый
У скульптора в мастерской.

А наскучит — повалюся
Я на паперти церковей
И калекой притворюся,
Мол, уродец с детских дней!

Стыдно, что ль? Пускай пеняют,
Что казны не клал под спуд!..
А маркизы?.. Не узнают!
А узнают — прочь пойдут.

Что мне в них? Всегда от Нанны,
Будь в чести ль, в лохмотье ль я,
Я услышу: «Друг желанный,
Гость мой милый, я твоя!»

«ВСЁ УТРО В ПОИСКАХ, В ПЕЩЕРАХ,
ПОД ЗЕМЛЕЙ...»

*Всё утро в поисках, в пещерах, под
землей,
В гробницах, в цирках!.. Ну, пусть
труд
свершают свой
Сопутники мои — этрурский ан-
тикварий
И немец, кропотун в разборе вся-
кой стари!
Довольствуюся я, как славянин
прямой,
Идеей общею в науке Винкельма-
на.
Какое дело мне до точности го-
дов,
До верности имен! Голодный, я го-
тов
Хоть к черту отослать Метелла
и Траяна...
И жар невыносим! Вся выжжена
земля!
Зеленых ящериц пугливая семья
Под листья прячется, шумя плю-
щом руины;
Далекий горизонт в серебряной
пыли...*

А! вот под аркою старинною в те-
ни
Домишко, слепленный из трост-
ника и глины!
Прощайте! Ну, мой конь! вот бе-
рег! берег! в путь!
Ведь в этой хижине живет ка-
кой-нибудь
Потомок Ромула, Помпея иль
Нерона!
Стучусь: «Э-ге! кто там! Signor
padron! padrona!..»[25]
О Рим, о чудный край! Всё кажется
здесь сном!
Передо мной стоит, с широкими
косами,
Хозяйка стройная, с блестящими
очами,
Со смугло-палевым классическим
лицом
И южной грацией движений и
улыбок...
А как роскошный стан изваян!
как он гибок!..
Я с жадностью следил, как стави-
ла она
Передо мною сыр с фиаскою ви-
на...

«Вы замужем?» — «Мой муж
уехал в город». — «Долго
Пробудет?» — «Дня два, три...»
Тут говорил я ей
О мнимой святости супружеско-
го долга,
Что вообще любить не надобно
мужей,
А сердцу выбор дать. Она сперва
молчала
Иль с миной набожной серьезно
отвечала:
«Так бог велит». Потом, вдруг
пальчик свой прижав
К устам и глазками на угол ука-
зав,
Шепнула: «Завтра». Я взглянул на
угол темный
И вижу: капюшон спустивши, ти-
хо, скромно,
Храня смирения и умиленья вид,
Молитву набожно свершает иезу-
ит.

1845

ГАЗЕТА

Сидя в тени виноградника, жадно
порою читаю

Вести с далекого Севера — попри-
ща жизни разумной...

Шумно за Альпами движутся в
страшной борьбе поколенья:
Ломятся с треском подмостки
старинной громады, и смело
Мысль обрывает кулисы с плачев-
ного зрелища правды.

Здесь же всё тихо: до сени спокой-
но-великого Рима

Громы борьбы их лишь эхом глу-
хим из-за Альп долетают;

Точно из верной обители смот-
ришь, как молнии стрелы

Тучи чертят, вековые леса зажи-
гают,

Крест золотой с колокольни уда-
ром сорвут и разгонят

В страхе людей, как пугливое ста-
до овец изумленных...

Так бы хотелось туда! Тоже сме-
ло бы, кажется, бросил

Огненный стих с сокрушитель-
ным словом!.. Поникнешь в разду-
мье

Вдруг головой: выпадает из рук
роковая газета...

Но как припомнишь подробности

в целом торжественной драмы,
Жалких Ахиллов журнального ми-
ра и мелких Улиссов;
Вспомнишь корысть их, как дви-
гатель — впрочем, великого дела,
—

Точно как сон отряхнув, погля-
дишь на тебя, моя Нина,
Как ты, ревнуя меня не к газете, а
к Нанне-соседке,
Сядешь напротив меня, сохраняя
серьезную мину,
Губки надув, и нарочно не смот-
ришь мне в очи... Мгновенно
Всё позабудешь: и грязь, и величье
общественной драмы,
Бросишься мигом тебя целовать.
Ты противишься, с сердцем,
Чуть не сквозь слез, уклоняя уста
от моих поцелуев, и после
Легкой борьбы добровольно усту-
пишь, и долгим лобзаньем
Я заглушаю в устах у тебя и уко-
ры, и брань.

1845

АНТИКИ

О мрамор, хранилище мысли бы-

лых поколений!
В могилах тебя отыскали средь
пепла и камней;
Художник сложил воедино разби-
тые члены,
Трудясь с любовью, как будто бы
складывал вместе
Куски драгоценные писем от ми-
лой, безумно
Разорванных в гнев... Изранен-
ный, ныне пред нами
Стоишь ты в чертогах, и люди к
тебе издалёка
Стремятся, как к чудной святы-
не толпы пилигримов...
Творцы твои были, быть может,
честимы и славны,
На площади града венчанны шу-
мящим народом,
В палаты царей приходили, как
лучшие гости!..
Иль, может быть, в жизни узна-
ли лишь горе да голод,
Труда вдохновенные ночи да твор-
чества гордость,
И ныне их имя погибло, и, может
быть, поздно
Узнали их гений... и им неизвестно

осталось,
Какой фимиам воскурен им дале-
ким потомством,
Нелживый и чистый, подобный
тому, что курили
В Афинах жрецы алтарям Неиз-
вестного бога...

<1843>

ИГРЫ

«Хлеба и зрелищ!»

Кипел народом цирк. Дрожащие
рабы
В арене с ужасом плачевной ждуют
борьбы.
А тигр меж тем ревел, и прыгал
барс игривой,
Голодный лев рычал, железо
клетки грыз,
И кровью, как огнем, глаза его за-
жглись.
Отворено: взревел, взмахнув хво-
стом и гривой,
На жертву кинулся... Народ руко-
плескал...
В толпе, окутанный льняною, гру-
бой тогой,

С нахмуренным челом седой старик стоял,
И лик его сиял, торжественный и строгий.
С угрюмой радостью, казалось, он взирал,
Спокоен, холоден, на страшные забавы,
Как кровожадный тигр добычу раздирал
И злился в клетке барс, почуя дух кровавый.
Близ старца юноша, смущенный шумом игр,
Воскликнул: «Проклят будь, о Рим, о лютый тигр!
О, проклят будь народ без чувства, без любви,
Ты, рукоплещущий, как зверь, при виде крови!»
— «Кто ты?» — спросил старик.
«Афинянин! Привык
Рукоплескать одним я стройным лиры звукам,
Одним жрецам искусств, не воплям и не мукам...»
— «Ребенок, ты не прав», — отвечивал старик.

— «Злодейство хладное душе
невыносимо!»

— «А я благодарю богов-пенатов
Рима».

— «Чему же ты так рад?» — «Я
рад тому, что есть
Еще в сердцах толпы свободы го-
лос — честь:

Бросаются рабы у нас на растер-
занье —

Рабам смерть рабская! Собачья
смерть рабам!

Что толку в жизни их — привык-
нувших к цепям?

Достойны их они, достойны пору-
ганья!»

1846

«СИЖУ ЗАДУМЧИВО С ТОБОЙ
НАЕДИНЕ...»

Сижу задумчиво с тобой наедине;
Как прежде, предо мной синют
даль и горы...

Но с тайной робостью покоишь
ты на мне

Внимательной тоски исполнен-
ные взоры...

Ты чувствуешь, что есть соперни-

ца тебе —
Не дева юная... ты слышишь, при-
зывает
Меня немая даль, влечет к иной
судьбе...
Ты чувствуешь, мой дух в тоске
изнемогает,
Как пленный вождь, восстал от
сладких снов любви
И силы новые он чувствует в кро-
ви,
И, зодчий ревностный, упрямое
мечтанье
Уже грядущего сооружает зда-
нье...

1843

ДРЕВНИЙ РИМ

Я видел древний Рим: в развалине
печальной
И храмы, и дворцы, поросшие тра-
вой,
И плиты гладкие старинной мо-
стовой,
И колесниц следы под аркой три-
умфальной,
И в лунном сумраке, с гирляндой
аркад,

Полуразбитые громады Колизея...
Здесь, посреди сих стен, где плющ
растет, чернея,
На прахе Форума, где у телег сто-
ят
Привязанные вокруг коринфской
капители
Рогатые волы, — в смущеньи я чи-
тал
Всю летопись твою, о Рим, от ко-
лыбели,
И дух мой в сладостном восторге
трепетал.
Как пастырь посреди пустыни
одинокой
Находит на скале гиганта след
глубокой,
В благоговении глядит, и, полн
тревог,
Он мыслит: здесь прошел не чело-
век, а бог, —
Сыны печальные бесцветных по-
колений,
Мы, сердцем мертвые, мы, нищие
душой,
Считаем баснею мы век громад-
ный твой
И школьных риториков созданием

твой гений!..
Иные люди здесь, нам кажется,
прошли
И врезали свой след нетленный на
земли —
Великие в бедах, и в битве, и в се-
нате,
Великие в добре, великие в развра-
те!
Ты пал, но пал, как жил... В паде-
нии своем
Ты тот же, как тогда, когда, хра-
ня свободу,
Под знаменем ее ты бросил кров
и дом,
И кланялся сенат строптивому
народу...

.....

Таким же кончил ты... Пускай со
всей вселенной
Пороков и злодейств неслыханных
семья
За колесницу твоею позлащен-
ной
Вползла в твой вечный град, как
хитрая змея;

Пусть голос доблести уже толпы
не движет;
Пускай Лициния она целует прах,
Пускай Лициний сам следы сми-
ренно лижет
Сандалий Клавдия, бьет в грудь
себя, в слезах
Пред статуей его пусть падает в
молитве —
Да полный урожай полям он нис-
пошлет
И к пристани суда безвредно при-
ведет:
Ты духу мощному, испытанному
в битве,
Искал забвения... достойного те-
бя.
Нет, древней гордости в душе не
истребя,
Старик своих сынов учил за чашей
яду:
«Покуда молоды — плюща и вино-
граду!
Дооблачных палат, танцовщиц и
певиц!
И бешеных коней, и быстрых ко-
лесниц,
Позорищ ужаса, и крови, и муче-

ний!
Взирая на скелет, поставленный
на пир,
Вконец исчерпай всё, что может
дать нам мир!
И, выпив весь фиал блаженств и
наслаждений,
Чтоб жизненный свой путь до-
стойно увенчать,
В борьбе со смертью испробуй ду-
ха силы,
И, вокруг созвав друзей, себе от-
крывши жилы,
Учи вселенную, как должно уми-
рать».

<1843>

PALAZZO [26]

Войдемте: вот чертог с богаты-
ми столбами,
Земным полубогам сооруженный
храм.
Прохлада царствует меж этими
стенами,
Лениво бьет фонтан по мрамор-
ным плитам;
Террасы убраны роскошными цве-
тами,

*И древние гербы блистают по
стенам —
Эмблемы доблести фамилий, гор-
дых властью:
Кабаньи головы да львы с откры-
той пастью.*

*Здесь всё еще хранит следы вре-
мен былых;
Везде минувшего остатки веко-
вые,
Вот груды пышные доспехов бое-
вых,
И исполинский меч, и латы пудо-
вые,
И Палестины ветвь, и кость мо-
щей святых;
Там пыток варварских орудья ро-
ковые,
Колеса и зубцы; вокруг дивный дар
руин —
Антики желтые и длинный ряд
картин:*

*То предки гордые фамилии высо-
кой.
Там старцы: латы их изрублены в
боях,*

И страшен яркий взгляд с улыб-
кою жестокой...
Там красный кардинал, в масти-
тых сединах,
Коленопреклонен, с молитвою
глубокой,
Перед мадонною с младенцем на
руках;
Там юноша, средь муз, любимый
Аполлоном,
Венчаный миртами лукавым Ку-
пидоном.

Там жены: та бела, как мрамор
гробовой,
В потускшем взгляде скорбь и
ужас затаенный...
То жизнь, убитая боязнью и тос-
кой,
То жалоба души, судьбою обречен-
ной
Служить для деспота свирепого
рабой
И сластолюбия забавою презрен-
ной;
Как будто говорит она: «Здесь
дни губя,
Жила и умерла я в муках, не лю-

бя...»

Та — жизни полная и в блеске са-
мовластья —
Сомкнутые уста, нахмуренная
бровь...
Обыкновенных жен ей мало было
счастья,
И гордая душа прорвалась из оков;
Служили ей кинжал, и яд, и сладос-
страстье
На шумных оргиях, и мщенье, и
любовь, —
И взор ее горит насмешкой ис-
ступленной,
Всей гордостью души, глубоко
оскорбленной...

.....

И ныне пусто всё в блестящей га-
лерее...
На этих мраморах густая пыль
лежит;
Оборванный лакей, в истасканной
ливрее,
На креслах бархатных раскинув-
шись, храпит;
И в залах, как среди развалин Ко-

лизея,
Семейство англичан кочует и шумит...
А вы — вы кинули отцов чертог
печальный,
Наследники их прав и чести фео-
дальной?

Благословенье вам! Не злато, не
гербы
Вам стали божеством, а разум и
природа,
И громко отреклись вы от даров
судьбы —
От прав, украденных отцами у
народа,
И вняли вы призыв торжествен-
ной борьбы,
И движет вами клик: «Италии
свобода!»
И гордо шелестит, за честь стра-
ны родной,
Болонская хоругвь над вашей го-
ловой!

Благословенье вам! Италии спа-
сенной
В вас избавителей увидеть сужде-

но!..

Но тише... Здесь живут: раскинут
стол зеленый,

Вчера здесь пир был: всё исписано
сукно;

Там дребезги стекла... бокал
неосушенный...

И солнце облило лучами, сквозь
окно,

Перчатки женские и бюст Сокра-
та важный,

Накрытый шляпкою красавицы
продажной.

1847

ЖИТЕЙСКИЕ ДУМЫ

ПОСЛЕ БАЛА

*Мне душно здесь! Ваш мир мне
тесен!*

*Цветов мне надобно, цветов,
Веселых лиц, веселых песен,
Горячих споров, острых слов,
Где б был огонь и вдохновенье,
И беспорядок, и движенье,
Где б походило всё на бред,
Где б каждый был хоть миг — по-
эт!*

*А то — сберетесь вы чинно;
Гирлянды дам сидят в гостиной;
Забава их — хула и ложь;
Танцует в зале молодежь —
Девицы с уст улыбку гонят,
По лицам их не разберешь,
Тут веселятся иль хоронят...
Вы сами бьетесь в ералаш,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете —
И это праздник званый ваш!
Недаром, с бала исчезая
И в санки быстрые сядя,
Как будто силы управляя,*

Корнет кричит: «Пошел в танц-класс!»

А ваши дамы и девицы
Из-за кулис бросают взор
На пир разгульный модной льви-
цы,
На золотой ее позор!

1850

УТОПИСТ

Свои поместья умным немцам
На попечение отдав,
Ты сам меж ними чужеземцем
Проводишь век — и что ж? ты
прав...

Твои мечты витают выше...
Что перед ними — нищих полк,
Да избы с сломанною крышей,
Да о житейских дразгах толк?
Подобно мудрому Зевесу,
Ты в олимпийской тишине,
На мир накинув туч завесу,
Сидишь с собой наедине.
Сидишь, для мира вымышляя
И лучший строй, и новый чин, —
И весь Олимп молчит, гадая,
Чем озабочен властелин...
И лишь для резвого Эрота

У жизнедавца и отца
Миродержавная забота
Спадает с грозного лица.

1857

«ПЕРЕД ТВОЕЙ ДУШОЙ ПУГЛИВОЙ...»

*Перед твоей душой пугливой
Титаном гордым он предстал,
В котором мир непрозорливый
Родства с богами не признал.
И ты, воспитанная в горе,
Внезапным светом залита,
В замаскированном актере
Не разгадала ты — шута!
И, как обманутая Геба,
Ты от Зевесова стола,
Скорбя, ему, как сыну неба,
Зевесов нектар подала...
Чтоб заглушить его угрозы
Всему, что дорого тебе,
Ты падаешь, глотая слезы,
К его стопам в немой мольбе.
Но тщетно трепетные руки
Зажать уста его хотят!
Твои младенческие муки
Его смешат и веселят...
Ему так новы дум свобода
И свежесть чувств в твоих речах,*

*Как горожанину природа
В весенних красках и лучах.*

1853

**«УЙДИ ОТ НАС! ЯЗЫК ТВОЙ НАС
ПУГАЕТ!..»**

Уйди от нас! Язык твой нас пугает!

*У нас сердце восторженный порыв
Перед твоим бездушьем замирает —*

Ты желчен, зол, самолюбив...

*Меж тем как мы из жизненного
мрака,*

Стряхнувши прах вседневной суеты,

Вступаем в царство света — создай ты

За икры нас кусаешь, как собака.

1852

**«НАД ПРАХОМ ГЕНИЯ СВЕРШАТЬ
СВЯТУЮ ТРИЗНУ...»**

(Отрывок)

Над прахом гения свершать святую тризну

Народ притек. Кто холм цвета-

ми осыпал,
Кто звучные стихи усопшего чи-
тал,
Где радовался он и плакал за от-
чизну;
И каждый повторял с слезами на
глазах:
«Да, чувства добрые он пробуж-
дал в сердцах!»
Но вдруг среди толпы ужасный
крик я внемлю...
То наземь кинулся как жердь су-
хой старик.
Он корчился, кусал и рыл ногтя-
ми землю,
И пену ярости точил его язык.
Его никто не знал. Но старшие в
народе
Припомнили, что то был старый
клеветник,
Из тех, чья ненависть и немощ-
ная злоба
Шли следом за певцом, не смолк-
ли и у гроба,
Дерзая самый суд потомства пре-
зирать.
И вот, поднявшись и бормоча без
связи,

На холм могильный стал кидать
он комья грязи;
Народ, схватив его, готов был
растерзать,
Но Вождь мой удержал. «Ваш гнев
певца обидит, —
Сказал. — Стекайтесь, как
прежде, совершатъ
Поминки над певцом и гроб его
венчать,
А сей несчастный — пусть живет
и видит!»

1855

НА СМЕРТЬ М. И. ГЛИНКИ

Еще печаль! Опять утрата!
Опять вопрос в душе заныл
Над прахом бедного собрата:
Куда ж он шел? Зачем он жил?

Ужель затем, чтоб сердца муки
На песни нам перевести,
Нам дать в забаву эти звуки
И неразгаданным уйти?..

Я эти звуки повторяю —
Но песням, милым с давних дней,
Уже иначе я внимаю...

Они звучат уже полней...

Как будто в них теперь всецело
Вошла, для жизни без конца,
Душа, оставившая тело
Их бездыханного творца.

1857

ЭЛОВЫ АРФЫ

Засуха!.. Воздух спит... И небеса
молчат...
И арф эловых безмолвен груст-
ный ряд...
Те арфы — это вы, певцы моей от-
чизны!
То образ ваших душ, исполненных
тоской,
Мечтой заоблачной и грустной
укоризной!..
Молчат они, молчат, как арфы в
этот зной!..
Но если б мимо их промчался вих-
рем гений
И жизни дух пахнул в родимой
стороне —
Навстречу новых сил и новых от-
кровений
Какими б звуками откликнулись

оне!..

1856

«КАК ЧУДНЫХ СТРАННИКОВ
СКАЗАНЬЯ...»

*Как чудных странников сказанья
Про дальние края,
О прошлых днях воспоминанья
В душе читаю я...*

*Как сон блестящий, вижу горы,
Статуи, ряд дворцов,
Резные, темные соборы
Старинных городов...*

*Гремят веселые напевы
За дружеским столом;
В золотом тумане идут девы
Под розовым венком...*

*Но клики пира, дев улыбки
Меня не веселят,
И прежде милые ошибки
Соблазном не манят...*

*Иного счастья сердце просит...
Уж из знакомых вод
В иные воды ветер вносит*

Мой челн; волна ревет;

*Кругом угрюмей вид природы,
И звезд иных огнем
Небес таинственные своды
Осыпаны кругом...*

*К ним так и тянет взор мой жад-
ный,
Но их спокойный вид,
Их блеск холодный, безотрадный
Мне душу леденит!*

*За всё, чем прежде сердце жило,
Чем билось, я дрожу,
И в даль туманную уныло,
Оставив руль, гляжу, —*

*И не садится ангел белый
К рулю в мой утлый челн,
Как в оны дни, когда так смело
Он вел его средь волн...*

1857

*«КОГДА, ГОНИМ ТОСКОЙ
НЕУТОЛИМОЙ...»*

*Когда, гоним тоской неутоли-
мой,*

Войдешь во храм и станешь там
в тиши,
Потерянный в толпе необозри-
мой,
Как часть одной страдающей ду-
ши, —
Невольно в ней твое потонет го-
ре,
И чувствуешь, что дух твой вдруг
влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

1857

ФИЛАНТРОПЫ

Они обедали отлично:
Тепло вращается их кровь,
И к человеку безгранично
Их разгорелась любовь.

Они — и мухи не погубят!
И — дай господь им долги дни! —

Мне даже кажется, что любят
Друг друга искренно они!

Октябрь 1853

МАТЬ И ДОЧЬ

Опрятный домик... Сад с плодами...

*Беседки, грядки, цветнички...
И всё возделывают сами
Мои соседи старички.*

*Они умеют достохвально
Соединить в своем быту
И романтизм сентиментальный,
И старых нравов простоту.*

*Полна высоких чувств святыней
И не растратив их в глуши,
Старушка верует и ныне
В любовь за гробом, в жизнь души.*

*Чужда событий чрезвычайных,
Вся жизнь ее полна была
Самопожертвований тайных
И угождений без числа.*

*Пучки цветов, венки сухие
Хранятся в комнате у ней,
Она святит в них дорогие
Воспоминанья прошлых дней.*

*Порою в спальню к дочке входит,
Рукою свечку заслоня,*

Глядит и плачет... и приводит
Себе на память, день от дня,

Всё прожитое... Там всё ясно!
О чем же сетует она?
Иль в сердце дочери прекрасной
Она читает и сквозь сна?

Старушка мучится сомненьем,
Что чужд для дочки отчий кров;
Что дочь с упрямым озлобленьем
Глядит на ласки стариков;

Что в ней есть странная забо-
та...
Отсталый лебедь — точно ждет
Свободной стаи перелета,
И клик заслышит — и вспорх-
нет?..

Но не вспорхнет она на небо!
Уж демон века ей шептал,
Что жизнь — не мука ради хлеба,
Что красота есть капитал!..

Ей снится огненная зала...
Ей снятся тысячи очей,
За ней следящих в шуме бала,

Как за царицей бальных фей...

Полночный пир... шальные речи...
Бокалы вдребезги летят...

Покровы прочь! открыты плечи,
Язвит и жжет прекрасной взгляд,

И перед нею на коленях
Толпа вельмож и богачей
В мольбах неистовых и пенях —
И сыплют золото пред ней!

Уйди, старушка!.. Бог во гневе
Шлет бич нам в детище твоём
За попеченье лишь о чреве,
И зло карает тем же злом!

Великолепные чертоги
Твою возлюбленную ждут;
К ней века денежные боги
На поклонение придут

И, осмеявшие стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узнают жгучие мученья
В крови родившихся страстей!

*И будут, млея в жажде страст-
ной,
Искать божественной любви
Под этой маской вечно ясной,
Под этой грацией змеи!*

*Напрасно! нет!.. Один уж лопнет,
Другой пойдет открыто красть,
Острог за третьим дверь захлоп-
нет,
Кто пулю в лоб... благая часть!*

*Одна владычица их мира —
Она лишь блеском залита...
Спокойный профиль... взгляд вам-
пира...
И неподвижные уста...*

1857

СТАРЫЙ ХЛАМ

*В мебельной лавчонке, в старо-
модном хламе,
Старые портреты в полинялой
раме.*

*Всё-то косы, пудра, мушки и румя-
ны,
Через плечи ленты, с золотом*

кафтаны:

*Дней давно минувших знатные
вельможы —
Полны и дородны, жир сквозит
под кожей.*

*Между ними жены с лебединой
шеей:*

*Грудь вперед, как панцирь, мрамор
ра белее,*

*Волосы горою над челом их взби-
ты,*

*Перьями, цветами пышно переви-
ты...*

*И во всех-то лицах выразил искус-
но*

*Гордость ловкий мастер... И
смешно, и грустно!*

*Кто они такие? Этим лиц не вид-
но*

*В пышных галереях, где почет за-
видный*

Век наш предкам добрым воздает

исправно,
Где живут в портретах старины
недавной

Главные актеры, главные актри-
сы...
Эти ж, видно, были веку лишь ку-
лисы!

Высших потешали пошлым обе-
зьянством,
Низших угнетали мелочным ти-
ранством;

А сошли со сцены — всем вдруг
стали чужды,
И до их портретов никому нет
нужды,

И стоят у лавки, точно как при-
вратник,
Старая кокетка, ветреный раз-
вратник!..

Но — вот лик знакомый, и свежее
краски...
Скоро ж до печальной дожил он
развязки!

*Грубо намалеван — а ведь образ
чудный!
И его никто-то, в час развязки
трудной,*

*Не сберег от срама, — и свезен
жидами
Он с аукциона вместе с зеркала-
ми!..*

*Крышку ль над прекрасной гроб
уже захлопнул?
Биржа ль изменила? откуп, что
ли, лопнул?..*

*В Риме и Афинах Фрины были, Ли-
ды,
Ветреные жрицы пламенной Ки-
приды;*

*Но с Кипридой музы в двери к ним
влетали,
И у них Сократа розами венчали...*

*Злая Мессалина, в диком сладо-
страстье,
В Вандале косматом обнимала
счастье...*

Ныне чужды музам корифейки ор-
гий;
Чужды Мессалинам страстные
восторги;

Через них карьеру создают фран-
ты,
И связей и денег ищут спекулян-
ты...

Узнаю в портрете этом я торгов-
ку!
Вряд ли разрешала страсть у ней
снуровку;

Но она немало жертв с сумой пу-
стила,
И еще робевших воровать учила!

Помню я, бывало, как сидит в те-
атре —
Ей партер дивится, точно Клео-
патре.

Плечи восковые, голова Медеи,
Смоляные косы сплетены, как
змеи;

Руку на коленях на руку сложив-
ши,
Смотрит исподлобья, губу заку-
сивши,

И из полумрака, в углубленьи ло-
жи,
Точно выбирает жертву в моло-
дежи, —

Так вот и казалось — кинется
тигрица!..
Не любви, а денег жаждала блуд-
ница!

1856

ОН И ОНА (Четыре картины)

Давно ль была она малютка,
Давно ль вся жизнь ее была
Лишь смех, да беганье, да шутка,
Как сон легка, как май светла?
И вот — ласкаясь и безгласно,
Она глядит ему в глаза
С такой доверчивостью ясной,
Как смотрят дети в небеса.
А он, ребенок милый века,
Лепечет вдохновенно ей

Про назначенье человека,
Про блеск и славу наших дней,
Про пальмы светлого Востока,
Про Рафаэлевых мадонн;
Но о любви своей намека
Не смеет выговорить он.
Их милый лепет, их мечтанья
Порой подслушиваю я —
И точно роз благоуханье
Пахнет внезапно на меня.

Гремит оркестр, вино сверкает
Пред новобрачную четой.
Счастливец муж в толпе сияет
И сединами, и звездой.

На молодой — горят алмазы;
Блестящий свет у ног ее;
Картины, мраморы и вазы —
Всё ей твердит: здесь всё твое!

И зажигается румянец
В ее лице, и вдруг она
Летит безумно в шумный танец,
Как бы очнувшись ото сна, —

Все рукоплещут!.. Им не слышно,
Из них никто не угадал,

Что в этот миг от девы пышной
На небо ангел отлетал!

И, улетаая, безотрадно
Взирал на домик, где дрожит
Сожженных писем пепел хлад-
ный,
Где о слезах всё говорит!

Он снес удар судьбы суровой,
Тоску любви он пережил;
В сухом труде для жизни новой
Он зачерпнул отважно сил...

И вот — идет он в блеске власти,
Весь в холод правды облечен;
В груди молчат людские стра-
сти,
В груди живет один закон.

Его ничто не возмущает:
Как жрец, без внутренних тревог,
Во имя буквы он карает
Там, где помиловал бы бог...

И если вдруг, как стон в пустыне,
Как клик неведомой борьбы,
Ответит что-то в нем и ныне

На вопль проклятья и мольбы —

Он вспомнит всё, что прежде было,
Любви и веры благодать,
И ту, что сердце в нем убила, —
И проклянет ее опять!

Как перелетных птичек стая
Встречать весну у теплых вод,
Готова в путь толпа густая.
Ворча, дымится пароход.

Средь беготни, под смех и горе,
Смягчают миг разлуки злой
И солнца блеск, и воздух с моря,
И близость воли дорогой.

Но вот среди блестящей свиты
Жена прекрасная идет;
Лакей, весь золотом залитый,
Пред ней расталкивал народ...

И все сторонятся с молчаньем,
С благоговейною душой,
Пред осиянною страданьем
И миру чуждой красотой.

Как будто смерти тихий гений
Над нею крылья распростер,
И нам неведомых видений
Ее духовный полон взор...

Свистя, на палубу змеєю
Канат откинутый взвился,
И над качнувшейся волною
Взлетела пыль от колеса:

Она на берег уходящий
Едва глядит; в тумане слез
Уже ей виден Юг блестящий,
Отчизна миртов, царство роз, —

Но этот темный мирт уныло,
Под гнетом каменного сна,
Стоит над свежеею могилой,
И в той могиле спит она —

Одна, чужда всему живому,
Как бы на казнь обречена —
За то, что раз тельцу златому
На миг поверила она.

1857

ПРИДАНОЕ

По городу плач и стенанье...

Стучит гробовщик день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просватал красавицу дочь!

Сидит гробовщица за крепом
И шьет — а в глазах, как узор,
По черному так и мелькает
В цветах подвенечный убор.

И думает: «Справлю ж невесту,
Одену ее, что княжну, —
Княжон повидали мы вдоволь, —
На днях хоронили одну:

Всё розаны были на платье,
Почти под венцом померла,
Так, в брачном наряде, и клали
Во гроб-то... красотка была!

Оденем и Глашу не хуже,
А в церкви все свечи зажжем;
Подумают: графская свадьба!
Уж в грязь не ударим лицом!..»

Мечтает старушка — у двери ж
Звонок за звонком... «Ну, житье!
Заказов-то — господи боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

ФАНТАЗИИ

РОЗЫ

*Вся в розах — на груди, на легком
платье белом,
На черных волосах, обвитых жем-
чугами, —
Она покоилась, назад движеньем
смелым
Откинув голову с открытыми
устами.
Сияло чудное лицо живым румян-
цем...
Остановился бал, и музыка мол-
чала,
И — соблазнительным ошелом-
ленный танцем,
Я, на другом конце блистатель-
ного зала,
С красавицею вдруг очами по-
встречался...
И — как и отчего, не знаю! — мне
в мгновенье
Сорренто голубой залив нарисо-
вался,
Пестумский красный храм в ту-*

манном отдаленье,
И вилла, сад и пир времен горацци-
анских...
И по заливу вдруг, на золотой га-
лере,
Плывет среди толпы невольниц
африканских,
Вся в розах — Лидия, подобная Ве-
нере...
И что ж? Обманутый блиста-
тельной мечтою,
Почти с признанием очнулся я от
грезы
У ног красавицы... Ах, вы всему ви-
ною,
О розы Пестума, классические ро-
зы!..
1857

РАЗМЕН

«Нет! прежней Нины нет! Когда я
застаю,
Опомнясь вдруг, себя пред обра-
зом лежащей,
Молиться жаждущей, но слов не
находящей,
И чувствую, как жжет слеза ще-
ку мою,

И наболела грудь, тоскуя в жаж-
де знойной, —
Я прежней девочки, беспечной и
спокойной,
В себе не узнаю!

Я всё ему — всё отдала ему!
Он, бедный, чах душою безнадеж-
ной!
Не верил он, покорный лишь уму,
В возможность счастья, в воз-
можность страсти нежной...

Он всё — мои мечты, мой чистый
идеал
И сердце, склонное к блаженству
и надежде, —
Как бы свое, потерянное прежде,
Сокровище нашел во мне — и
взял!..

Взамен он дал мне, что его томи-
ло:
Сомнение, и слезы, и печаль...
Но я не плачу, нет! Мне ничего не
жаль,
Лишь только б то, что было мне
так мило,

Что взял он у меня, — ему б во
благо было...»

1852

ПЕРИ

*Грехи омывшая слезами,
Еще тех слез не осуша,
В селенья горние взлетает
Творцом прощенная душа.*

*Ее обняв, в пространстве звезд-
ном
С ней пери чистые летят:
Толпы малюток херувимов
При встрече песнями гремят...*

*О, ей восторженным бы кликом
Пустыни неба огласить,
Благодарить, и веселиться,
И всё земное позабыть, —*

*Но пери смотрят с любопыт-
ством,
И, с лаской вокруг нее вясь,
Умильно просят им поведать
Ее падения рассказ...*

Отрадно ль им утешить душу,

*В земных возросшую скорбях,
Иль ходят чудные преданья
Про грешный мир на небесах?*

1857

ДОПОТОПНАЯ КОСТЬ

*Я с содроганием смотрел
На эту кость иного века...
И нас такой же ждет удел:
Пройдет и племя человека...*

*Умолкнет славы нашей шум;
Умрут о людях и преданья;
Всё, чем могуч и горд наш ум,
В иные не войдет созданья.*

*Оледенелою звездой
Или потухнувшим вулканом
Помчится, как корабль пустой,
Земля небесным океаном.*

*И, странствуя между миров,
Воссядет дух мимолетающий
На остов наших городов,
Как на гранит неговорящий...*

*Так разум в тайнах бытия
Читает нам... Но сердце бьется,*

Надежду робкую тая —
Авось он, гордый, ошибется!

1857

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Мерцает по стене заката от-
блеск рдяный,
Как уголь искряся на раме, золо-
той...
Мне дорог этот час. Соседка за
стеной
Садится в сумерки порой за фор-
тепьяно,
И я слежу за ней внимательной
мечтой.
В фантазии ее любимая есть ду-
ма:
Долина, сельского исполненная
шума,
Пастушеский рожок... домой ста-
да идут...
Утихли... разошлись... земные зву-
ки мрут
То в беглом говоре, то в песне оди-
нокой, —
И в плавном шествии гармонии
широкой
Я ночи, сыплющей звездами, слы-

шу ход...

Всё днем незримое таинственно
встает

В сияньи месяца, при запахе фиалок,

В волшебных образах каких-то
чудных грез —

То фей порхающих, то плещущих
русалок

Вкруг остановленных на мельнице
колес...

Но вот торжественной гармонии
разливы

Сливаются в одну мелодию, и в
ней

Мне сердца слышатся горячие по-
рывы,

И звуки говорят страстям души
моей.

Crescendo...[27] Вот мольбы, борьба
и шепот страстный,

Вот крик пронзительный и — ряд
аккордов ясный,

И всё сливается, как сладкий го-
вор струй,

В один томительный и долгий по-
целуй.

Но замиравшие опять яснее
звучат...

И в песни страстные вторгается
струей

Один тоскливый звук, молящий,
полный муки...

Растет он, всё растет и льется
уж рекой...

Уж сладкий гимн любви в одном
воспоминанье

Далеко трелится... но каменной
стопой

Неумолимое идет, идет страда-
нье,

И каждый шаг его грохочет надо
мною...

Один какой-то вопль в пустыне
беспредельной

Звучит, зовет к себе... Увы! на-
дежды нет!..

Он ноет... И среди громов ему в
ответ

Лишь жалобный напев пробился
колыбельной...

Пустая комната... убогая по-
стель...

Рыдающая мать лежит, полужив-

вая,
И бледною рукой качает колы-
бель,
И «баюшки-баю» поет, изнемо-
гая...
А вокруг гроза и ночь... Вдали под
этот вой
То колокол во тьме гудит и при-
зывает,
То, бурей вырванный, из мрака за-
летает
Вакхический напев и танец уда-
лой...
Несется оргия, кружась в вальсе
диком,
И вот страдальца ему отозва-
лась
Внезапно бешеным и судорожным
криком
И в пляску кинулась, безумно весе-
лясь...
Порой сквозь буйный вальс звучит
чуть слышным эхом,
Как вопль утопшего, потерянный
в волнах,
И «баюшки-баю», и песнь о лучших
днях,
Но тонет эта песнь под кликами

*и смехом
В раскате ярких гамм, где каж-
дая струна
Как веселящийся хохочет сатана,*

*И только колокол в пустыне бес-
конечной
Гудит над падшею глаголом кары
вечной...*

1856

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Апол. Алекс. Григорьеву

*Долго ночью вчера я заснуть не
могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь немая меня и томила, и
жгла,
Ароматом цветов опьяняла.*

*Только вдруг шелестнули кусты
под окном,
Распахнулась, шумя, занавеска —
И влетел ко мне юноша, светел
лицом.
Точно весь был из лунного блеска.*

Разодвинулись стены светлицы
моей,
Колоннады за ними открылись;
В пирамидах из роз вереницы ог-
ней
В алебастровых вазах светились...

Чудный гость подходил всё к по-
стели моей;
Говорил он мне с кроткой улыб-
кой:
«Отчего предо мною в подушки
скорей
Ты нырнула испуганной рыбкой!

Оглянися — я бог, бог видений и
грез,
Тайный друг я застенчивой девы...
И блаженство небес я впервые
принес
Для тебя, для моей королевы...»

Говорил — и лицо он мое отрывал
От подушки тихонько руками,
И щеки моей край горячо целовал,
И искал моих уст он устами...

Под дыханьем его обессилела я...

*На груди разомкнулись руки...
И звучало в ушах: «Ты моя! Ты
моя!» —
Точно арфы далекие звуки...*

*Протекали часы... Я открыла глаза...
Мой покой уж был облит зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась
коса...
Я не знаю, что было со мною...
1857*

КАМЕИ

У ХРАМА

*Что это? прямо на нас и летят
вперегонки,
Прямо с горы и несутся, шалуны!
Знаю их: эта, что с тирсом, — Аг-
лая,
Сзади — Коринна и Хлоя;
Это идут они с жертвами Вакху!
Роз, молока и вина молодого,
Меду несут и козленка молочного
тащат!
Так ли приходит молиться сте-*

пенная дева!
Спрячемся здесь, за колонной у
храма...
Знаю их: резвы они уже слишком
и бойки —
Скромному юноше с ними опасно
встречаться.

Ну, так и есть! быстроглазые!
нас увидали!
Смотрят сюда исподлобья,
Шепчут, друг друга толкая;
Щеки их сдержанным смехом
так и трепещут!
Если бы только не храм здесь, не
жрец величавый,
Это вино, молоко, и цветы, и коз-
ленок —
Всё б полетело на нас и пошли б
мы, как жертвы
Вечным богам на закланье,
Медом обмазаны, политы винами
Вакха!

Право, уйдем-ка, уж так они нас
не отпустят!
Видишь — с жрецом в разговоры
вступили,

Старый смеется и щурит глаза
на открытые плечи.
Правду сказать, у них плечи как
будто из воску,
Чудные, полные руки, и — что все-
го лучше —
Блеск и движенье, здоровье и нега,
Грация с силой во всех сочетались
формах.

1851

АНАКРЕОН
(И. А. Гончарову)

В день сбирания винограда
В дверь отворенного сада
Мы на праздник Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На руках с собой несли.

Много юношей нас было.
Бодрых, смелых, каждый с милой,
Каждый бойкий на язык;
Но — вино сверкнуло в чашах —
Мы глядим — красавиц наших
Всех привлек к себе старик!..

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,

Череп розами покрытый, —
Чем им головы вскружил?
А они нам хором пели,
Что любить мы не умели,
Как когда-то он любил!

1852

ЮНОШАМ

Будьте, юноши, скромнее!
Что за пыл! Чуть стал живее
Разговор — душа пиров —
Вы и вспыхнули, как порох!
Что за крайность в приговорах,
Что за резкость голосов!

И напиться не сумели!
Чуть за стол — и охмелели,
Чем и как — вам всё равно!
Мудрый пьет с самосознаньем,
И на свет, и обоняньем
Оценивает он вино.

Он, теряя тихо трезвость,
Мысли блеск дает и резвость,
Умиляется душой,
И, владея страстью, гневом,
Старцам мил, приятен девам
И — доволен сам собой.

1852

АНАКРЕОН СКУЛЬПТОРУ
(Графу Ф. П. Толстому)

*Что чинится нам, ваятель!
Оба мы с тобой, приятель,
Удостоены венца;
Свежий лавр — твоя награда,
Я в венке из винограда
Век слыву за мудреца.*

*Так под старость, хоть для сме-
ху,
Хоть для юношей в потеху,
Мне один вопрос реши!
Видел я твои творенья;
Формы, мысли выраженье —
Всё обдумал я в тиши.*

*Но одним смущен я крепко...
В них совсем не видно слепка
С наших модных героинь,
Жриц афинского разврата, —
А с любимых мной когда-то
Юных дней моих богинь!*

*Горлиц, манною вскормленных!
Купидоном припасенных*

Мне, как баловню его!
А с красот их покрывало,
Милый друг, не упало,
Знаю я, ни для кого!

Вот хоть Геба молодая.
Что, кувшин с главы спуская,
Из-за рук, смеясь, глядит —
Это Дафна! та ж незрелость
Юных форм, девчонки смелость
И уж взрослой девы стыд!

Дафну я таил от света!
Этой розы ждал расцвета —
Но напрасно! Раз она,
Искупавшись, нагая,
В воду камешки кидая,
Веселилася одна...

Я подкрался... обернулась,
Увидала, поскользнулась
И с уступа на уступ —
В самый омут... К ней лечу я,
Всплыл — и что же? Выношу я
Из воды холодный труп!

Знал еще я дочь сатрапа!
Подкупив ее арапа,

Проникал в гарем я к ней...
Что же? лик ее надменный,
Нетерпеньем оживленный,
Вижу в Гере я твоей!

Та ж игра в ланитах смуглых,
Та же линия округлых,
Чудно выточенных ног,
То ж изнеженное тело,
И спины волнистость белой...
Нет! ты видеть их не мог!

Иль художники, как боги,
Входят в Зевсовы чертоги
И, читая мысль его,
Видят в вечных идеалах
То, что смертным, в долях ма-
лых,
Открывает божество?

1853

АЛКИВИАД

Внучек, верь науке деда:
Верь — над женщиной победа
Нам трудней, чем над врагом.
Здесь всё случай, всё удача!
Сердце женское — задача,
Не решенная умом!

Ты слышал ли имя Фрины?
Покорялися Афины
Взгляду гордой красоты, —
Но на нас она взирала,
Как богиня, с пьедестала
Недоступной высоты.

На пирах ее быть званым —
Это честь была избранным, —
Принимала, как сатрап!
Всем серебряные блюда
И хрустальные сосуды,
И за каждым — черный раб!

Раз был пир... то пир был граций!
Острых слов, импровизаций
И речей лился каскад...
Мне везло: приветным взглядом
Позвала уж сесть с ней рядом —
Вдруг вошел Алкивиад.

Прямо с оргии он, что ли!
Но, крича, как варвар в поле,
Сшиб в дверях двух скифов с ног,
Оттолкнул меня обидно
И к красавице бесстыдно
На плечо лицом прилег!

Были тут послы, софисты,
И архонты, и артисты...
Он беседой овладел,
Хохотал над мудрецами
И безумными глазами
На прекрасную глядел.

Что тут делать?.. Полны зло-
сти,
Расходиться стали гости...
Смотрим — спит он! Та — мол-
чит
И не будит... Что ж? Добился!
Ей повеса полюбился,
Да и нас потом стыдит!

1853

АСПАЗИЯ

Что скажут обо мне теперь мои
друзья?
Владычица Афин, Периклова по-
друга,
Которую Сократ почтил назва-
нием друга,
Как девочка, люблю, томлюсь и
плачу я...
Всё позабыто — блеск, правленье,
государство,

Дела, политики полезное коварство,
И даже самые лета... но, впрочем,
нет!
У женщин для любви не существует лет;
Хоть, говорят, глупа последней
страсти вспышка,
Пускай я женщина, а он еще мальчишка,
Но счастье ведь не в том, чтобы
самой любить
И чувством пламенным сгорать
и наслаждаться;
Нет, счастьем его дышать и любоваться
И в нем неопытность к блаженству
приучить...
А он — он чистое подобье полубога!..
Он робок, он стыдлив и даже дик
немного,
Но сколько гордости в приподнятых
губах,
И как краснеет он при ласковых
словах!
Еще он очень юн: щека блестит
атласом,

Но рано слышится в нем страсть
повелевать,
И позы любит он героев принимать,
И детский голос свой всё хочет
сделать басом.
На играх победив, он станет как
Ахилл!
Но, побежденный, он еще мне
больше мил:
Надвинет на чело колпак он свой
фригийский
И, точно маленький Юпитер
Олимпийский,
Глядит с презрением, хотя в душе
гроза
И горькою слезой туманятся гла-
за...
О, как бы тут его прижать к го-
рячей груди
И говорить: «Не плачь, не плачь,
то злые люди...»
В ланиты, яркие румянцем веш-
них роз,
И в очи целовать, блестящие от
слез.
Сквозь этих слез уста заставить
улыбаться,

*И вместе плакать с ним, и вме-
сте с ним смеяться!*

1853

ПРЕТОР

*Как ты мил в венке лавровом,
Толстопузый претор мой,
С этой лысой головой
И с лицом своим багровым!
Мил, когда ты щуришь глаз
Перед пленницей лесбийской,
Что выводит напоказ
Для тебя евнух сирийской;
Мил, когда тебя несут
Десять ликторов на форум,
Чтоб творить народу суд
И внушать покорность взором!
И люблю я твой порыв,
В миг, когда, в носилках лежа,
С своего ты смотришь ложа,
Как под гусли пляшет скиф,
Выбивая дробь ногами,
Вниз потупя мутный взгляд
И подергивая в лад
И руками, и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Сам готов бы дробь под стать —
Так и рвется дух твой пылкий!*

*Покрывало теребя,
Ходят ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечах рабов твоих,
Как корабль средь волн морских.*

1857

**АРКАДСКИЙ СЕЛЯНИН
ПУТЕШЕСТВЕННИКУ**

*Здесь сатиры прежде жили;
Одного мы раз нашли
И живого изловили,
И в деревню привели.*

*Все смотреть пришли толпами;
Он на корточках сидел
И бесцветными глазами
На людей, дичась, глядел.*

*Страх однако же унялся;
С нами ел он, пил вино,
Объедался, опивался,
Впрочем, вел себя умно.*

*Но весна пришла — так мочи
Нам не стало от него.
Не пройдет ни дня, ни ночи
Без лихих проказ его...*

Женщин стал ловить и мучить!..
Чуть увидит — задрожит,
Ржет, и лает, и мяучит,
Целоваться норовит.

Стали бить его мы больно;
Он исправился совсем,
Стал послушный, богомольный,
Так что любо было всем.

Бабы с ним смелее стали
Обходиться и играть,
На работы в поле брали,
Стали пряников давать.

Не прошло, однако, года,
Как у всех у нас — дивись —
В козлоногого уroda
Ребятишки родились!

Да! У всех на лбу-то рожки
С небольшой лесной орех,
Козьи маленькие ножки,
Даже хвостики у всех.

К нам в деревню прошлым летом
Русский барин заезжал.
Обо всем услыша этом,

Усмехнувшись, он сказал:

*«Хорошо, что мы с папашей
Без хвоста и с гладким лбом,
Быть иначе б дворне нашей
И с рогами, и с хвостом».*

1853

ПОСЛАНИЯ

П. М. ЦЕЙДЛЕРУ

*Вот он по Гатчинскому саду
Идет с толпой учеников;
Вот он садится к водопаду
На мшистый камень, в тень де-
рёв;
Вкруг дети жмутся молчаливо
К нему всё ближе. Очи их
Или потуплены стыдливо,
Иль слез полны, и сам он тих,
Но ликом светел. Он читает
В младых сердцах. Он их проник;
Один душой он понимает
Неуловимый их язык.
В сердцах, забитых от гоненья,
Ожесточенных в цвете лет,
Он вызвал слезы умиленья,*

Он пролил в них надежды свет;
И, указуя в жизнь дорогу,
Он человека идеал
Пред ними долго, понемногу
И терпеливо раскрывал...
И вот открыл! — и ослепило
Его сиянье юный взгляд,
И дети с робостию милой
И изумлением глядят.
И каждый сам в себя невольно
Ушел и плачет о себе,
И за прошедшее им больно —
И все готовятся к борьбе.
Ах, Цейдлер! в этом идеале
Ведь ты себя нарисовал;
Но только дети не узнали,
Да ты и сам того не знал!

1856

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Твой стих, красой и ароматом
Родной и небу и земле,
Блуждает странником крыла-
тым
Между миров, светя во мгле.
Люблю в его кудрях я длинных
И пыль от Млечного Пути,
И желтый лист дубрав пустынь-

ных,
Где отдыхал он в забвенье;
Стремится речь его свободно;
Как в звоне стали чистой, в ней
Закал я слышу благородной
Души возвышенной твоей.

1855

Полонский! суждено опять судь-
бою злою
Нам розно дни влачить;
Меж тем моя душа сроднилась
уж с тобою —
Ей нужно так любить!
Да! в мире для нее нужна душа
другая,
Которой бы порой
Хоть знак подать, что мы, друг
друга понимая,
Свершаем путь земной!
И часто я, когда иду лесной опуш-
кой
И, прячась за ель,
Стараюсь обмануть искусствен-
ную мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумит ручей сту-
деноводный,

А ров, где льется он,
Уж тени полн, и пар над ним бе-
жит холодный,
Меж тем как озарен
Вверху растущий лес последним
солнца светом, —
От сердца полноты
Я б перемолвиться желал тогда с
поэтом,
И думаю — где ты?
Где ты?.. О, боже мой! ты там,
где в оны годы
Беспечно я бродил...
Прости невольный вздох!.. полу-
денной природы
И Рим я не забыл!
Обломки красные средь рощи ки-
парисной,
Под небом голубым, —
Величием своим и грязью живо-
писной
Он по душе мне, Рим!
Как часто на конях мы римскою
долиной
Неслись во весь опор;
Коней остановив, снимали вид ру-
ины
И очерк дальних гор,

И града вечного в тумане купол
гордый,
А там водопровод
И черных буйволов к нам подня-
тые морды
В осоке, из болот...
И эти городки, куда в веселье ди-
ком,
Как будто ошалев,
Врывались мы потом, преследуе-
мы криком
Старух, детей и дев...
Там с громом подскакав к радуш-
ной австери,
Суровых поселян
Напаивали мы, крича «ура!» Рос-
сии,
Ругая Ватикан
И вековой союз монахов и герман-
цев...
А пламенный народ
На ветреную речь безвестных чу-
жестранцев,
Бывало, слезы льет...
Средь этих шалостей высокий
труд и дума,
Вазари и Тацит,
И сладостный певец Тибура и Пе-

стума,
И Дант, и Феокрит...
А ночи лунные в руинах Колизея!..
Мне кажется теперь,
Что игры зверские я видел и,
немея,
Внимал, как злится зверь,
Как шумно валит чернь, толка-
ясь, на ступени,
При кликах торжества,
А на арене две белеющие тени
Ждут, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! о, годы золо-
тые!
О, как светла тогда
Казалась наших дней над милою
Россией
Всходившая звезда!
Где ж сверстники мои? Где
Штернберг? Где Иванов?
Ставассер милый мой?
Где наши замыслы? Где ряд бле-
стящих планов?
Где гений их живой?
Где пышные мечты о русском
пантеоне,
Где б наших имена
Сиять должны в веках, как звезды

в небосклоне,
Как вечная весна?..
О, милые мои!.. Слезой не прово-
жая,
Как чуждых всем сирот,
Их Рим похоронил, кого, увы! не
зная,
Земле он предает!..
А брат мой, милый брат... Ах,
многие почили!
И имя их звучит
Воспоминанием какой-то чудной
были,
И сердце мне щемит...
Все сгибли, полные надеждами
святыми
И в блеске сил своих,
И я, осиротев, я плачу и над ними,
И над мечтами их!..
Ах, жизнь моя уже печальями бо-
гата;
Уже за мной в пути
Есть несколько могил, есть горе
и утрата...
Прости мне, друг, прости...
Я больше наводить тоски тебе не
буду
Непрошеной слезой,

*И в воды быстрые закидываю уду,
На всё махнув рукой.*

1857

П. А. ПЛЕТНЕВУ

*За стаю орлов двенадцатого го-
да
С небес спустилася к нам стая ле-
бедей,
И песни чудные невиданных го-
стей
Доселе памятны у русского наро-
да.
Из стаи их теперь один остался
ты,
И грустный между нас, задумчи-
вый ты бродишь,
И, прежних звуков полн, всё взора
с высоты,
Куда те лебеди умчались, не сво-
дишь.*

1855

М. Л. МИХАЙЛОВУ

*Урала мутного степные берега,
Леса, тюльпанами покрытые лу-
га,*

Амфитеатры гор из сизого пор-
фира,
Простые племена, между кото-
рых ты
Сбирал предания исчезнувшего
мира,
Далекая любовь, пустынные меч-
ты
Возвысили твой дух: прощающим,
любящим
Пришел ты снова к нам — и, чут-
ко слышу я,
В стихах твоих, ручьем по ка-
мешкам журчащим,
Уж льется между строк поэзии
струя.

1857

И. А. ГОНЧАРОВУ

Море и земли чужие,
Облик народов земных —
Все предо мной, как живые,
В чудных рассказах твоих.

Север наш бледный, но милый,
Милый затем, что родной,
Ныне опять мне унылой
Вдруг показался тюрьмой.

*В сердце судьбы оскорбленья
Злее, что раны, горят,
И золотые виденья
В даль голубую манят...*

*Так, над рекою ширяя,
В город, где пыль и гранит,
Белая чайка морская
В солнечный день залетит;*

*Жадно следим мы очами
Гостьи нежданной полет —
Точно в тот миг перед нами
Воздухом с моря пахнет.*

1855

**«В НАШ ГОРОД СЛУХ ПРИШЕЛ, ЧТО
САФО БУДЕТ К НАМ...»**

(В альбом гр. Е. П. Ростопчиной)

*В наш город слух пришел, что Са-
фо будет к нам.*

*Столпился к пристани народ
нетерпеливо —*

*И вот — ее корабль уже среди за-
лива...*

*Причалили. Ее на берег по коврам
Свели и встретили с архонтами,
с жрецами,*

Вели по улице, усыпанной цветами...

Я, пылкий юноша, ее воображал
С осанкой царственной, с поднятой
головой,
И в лавровом венке, и с лирой золотой,
И взор властительный я встретить
ожидал —
И что ж? она прошла, потупив
очи, просто,
Такая слабая и маленького роста.
И пышной встречей и кликами
она,
Как робкое дитя, казалось, смущена;
Казалось, риторам болезненно
внимала
И взором тихого убежища искала,
Куда бы кинулась и, кажется,
тотчас
Неудержимыми б слезами залилась.

1859

Е. А. ШЕНШИНОЙ

Как резвым нимфам, спутницам

Дианы,
Тебе бы смех, да беганье, да шут-
ка.
Хоть не один уже сатир румяный,
Осклабясь, на тебя глядит, ма-
лютка!
Он — старый плут! На, помани
цветами,
Пусть за тобой бежит он и, со-
слепа
Завязнув в топь козлиными нога-
ми,
Смешит богов гримасою нелепой.

1859

НА ВОЛЕ

ВЕСНА

*Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...*

*Последние слезы
О горе былом
И первые грезы
О счастья ином...*

1857

«ВЕСНА! ВЫСТАВЛЯЕТСЯ ПЕРВАЯ
РАМА...»

Весна! Выставляется первая рама

—

*И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.*

*Мне в душу повеяло жизнью и во-
лей:*

*Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами*

весна!

1854

«БОЖЕ МОЙ! ВЧЕРА — НЕНАСТЬЕ...»

*Боже мой! Вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! Блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...*

*А еще ты в сладкой лени
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду нарву сирени
Да холодной росой*

*Вдруг на сонную-то брызну...
То-то сладко будет мне
Победить в ней укоризну
Свежей вестью о весне!*

1855

«ПОЛЕ ЗЫБЛЕТСЯ ЦВЕТАМИ...»

*Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.*

Взор мой тонет в блеске полдня...

*Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...*

*И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.*

1857

ПОД ДОЖДЕМ

*Помнишь: мы не ждали ни дождя,
ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко
от дома;
Мы спешили скрыться под мохна-
той елью...
Не было конца тут страху и весе-
лью!
Дождик лил сквозь солнце, и под
елью миистой
Мы стояли точно в клетке золо-
тистой;
По земле вокруг нас точно жем-
чуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с
игол,
Падали, блистая, на твою голов-*

ку
Или с плеч катились прямо под
снуровку...
Помнишь, как всё тише смех наш
становился?..
Вдруг над нами прямо гром пере-
катился —
Ты ко мне прижалась, в страхе
очи жмуря...
Благодатный дождик! Золотая
буря!

1856

ЗВУКИ НОЧИ

О ночь безлунная!.. Стою я, как
влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обворо-
женный...
Какая музыка под ризою твоей!
Кругом — стеклянный звон люю-
щихся ключей;
Там — листик задрожал под кап-
лею алмазной;
Там — пташки полевой свисток
однообразный;
Стрекозы, как часы, стучат меж-
ду кустов;
По речке, в камышах, от топких

островов,
С разливов хоры жаб несутся, как
глухие
Органа дальнего аккорды басовые,
И царствует над всей гармонией
ночной,
По ветру то звончей, то в тихом
замиранье,
Далекой мельницы глухое клоко-
танье...
А звезды... Нет, и там, по тверди
голубой,
В их металлическом сиянье и дви-
женье
Мне чувствуется гул их вечного
теченья.

1856

УТРО

(Предание о виллисах)

Близко, близко солнце!
Понеслись навстречу
Грядки золотые
Облачков летучих,
Встрепенулись птицы,
Заструились воды;
Из ущелий черных
Вылетели тени —

*Белые невесты:
Широко в полете
Веют их одежды,
Головы и тело
Дымкою покрыты,
Только обозначен
В них лучом румяным
Очерк лиц и груди.*

1856

В ЛЕСУ

*Шумит, звенит ручей лесной,
Лиясь блистающим стеклом
Вокруг ветвей сосны сухой,
Давно, как гать, лежащей в нем.
Вкруг темен лес и воздух сыр;
Иду я, страх едва тая...
Нет! Здесь свой мир, живущий
мир,
И жизнь его нарушил я...
Вдруг всё свершившееся тут
Остановилось при мне,
И все следят за мной и ждуют,
И злое мыслят в тишине;
И точно любопытный взор
Ко мне отвсюду устремлен,
И слышу я немой укор,
И дух мой сдавлен и смущен.*

1857

«МАСТИТЫЕ, ВЕТВИСТЫЕ ДУБЫ...»

*Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,
Что старцы древние на вече пред
толпами,*

*Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к их прислушиваюсь
шуму:*

*Всё не поймать мне тайны их бе-
сед...*

*Ах, жаль, что подле них тут рез-
вой речки нет:*

Она б давно сказала мне их думу...

<1869>

ГОЛОС В ЛЕСУ

*Давно какой-то девы пенье
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленье,
То гулко по лесу звеня.*

*И, возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чащу, где средь мглы
Блестят на солнце листья, тра-
вы*

И сосен красные стволы.

*Идти ль за девой молодою?
Иль сохранить, в душе тая.
Тот милый образ, что мечтою
Под чудный голос создал я?..*

1856

«ВСЁ ВОКРУГ МЕНЯ, КАК ПРЕЖДЕ...»

*Всё вокруг меня, как прежде —
Пестрота и блеск в долинах...
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах...*

*Отчего ж так сердце ноет,
И стремится, и болеет,
Неиспытанного просит
И о прожитом жалеет?*

*Не начать ведь жизнь сначала —
Даром сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...*

*А вокруг меня, как прежде,
Пестрота и блеск в долинах!
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах!..*

1857

«ВОТ БЕДНАЯ ЧЬЯ-ТО МОГИЛА...»

*Вот бедная чья-то могила
Цвeтами, травой зарастает;
Под розами даже не видно,
Чье имя плита возглашает...*

*О, бедный! И в сердце у милой
О жизни мечты золотые
Не так же ль, как розы, закрыли
Когда-то черты дорогие?*

1857

ЖУРАВЛИ

*От грустных дум очнувшись, очи
Я поднимаю от земли:
В лазури темной к полуночи
Летят станицей журавли.*

*От криков их на небе дальнем
Как будто благовест идет, —
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..*

*Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...*

1855

ОБЛАЧКА

*В легких нитях, белой дымкой,
На лазурь сквозясь,
Облачка бегут по небу,
С ветерком резвясь.*

*Любо их следить очами...
Выше — вечность, бог!
Взор без них остановиться б
Ни на чем не мог...*

*Страсти сердца! Сны надежды!
Вдохновенья бред!
Был бы чужд без вас и страшен
Сердцу божий свет!*

*Вас развеять с неба жизни, —
И вся жизнь тогда —
Сил слепых, законов вечных
Вечная вражда.*

1857

БОЛОТО

*Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка
жесткий;*

Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на
подмостки,
На старый пенёк, торчащий из во-
ды,
На солнце нежится и дремлет...
Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем це-
лым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в
глаза,
Да оживляют бедный мир болот-
ный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запу-
стенье!..
А были дни, мое воображенье
Пленял лишь вид подобных тучам
гор,
Небес глубоких праздничный про-
стор,
Монастыри, да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...

Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчали-
вой,
Над серебром с горы падающих
вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безгра-
ничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул
упорный,
По погремушкам вьючных лоша-
дей,
Тропинкою спускающихся гор-
ной...
И вот — теперь такую же меч-
той
Душа полна, как и в былые годы,
И так же здесь заманчиво со-
мной
Беседует таинственность приро-
ды.

1856

ПАН

Пан — олицетворение природы;

по-гречески ??? значит: всё.

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Не то разбудишь!
Полдневный жар
И сладкий дух
Поспелых трав
Умаял бога —
Он спит и грезит,
И видит сны...

По темным норам
Ушло зверье;
В траве недвижно
Лежит змея;
Молчат стада,
И даже лес,
Певучий лес,
Утих, умолк...
Он спит, он спит,
Великий Пан!..

Над ним кружит,
Жужжит, звенит,
Блестит, сверкает
И вверх и вниз
Блестящий рой

Жуков и пчел;
Сереброкрылых
Голубок стая
Кругами реет
Над спящим богом;
А выше — строем
Иль острым клином,
Подобно войску,
Через всё небо
Перелетает
Полк журавлей;
Еще же выше,
На горнем небе,
В густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышен голос...
Все словно бога
Оберегают
Глубокий сон,
Чудесный сон, —
Когда пред ним
Разверзлось небо,
Он зрит богов,
Своих собратий,
И, как цветы,
Рои видений
С улыбкой сыплют
К нему с Олимпа

Богини-сестры...

*Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядем
В траве густой
И будем слушать, —
Как спит он, слушать,
Как дышит, слушать;
К нам тоже тихо
Начнут слетать
Из самой выси
Святых небес
Такие ж сны,
Какими грезит
Великий Пан,
Великий Пан...*

<1869>

ПЕЙЗАЖ

*Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;*

Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дрем-
лет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уй-
дет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя.
И деда страхом тешит внучка;
А хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суется жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу

Пустое гнездо над окном:
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых голо-
вок
Выглядывать стали с гнезда!

*И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!*

*И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!*

1856

«ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ ПО ВЕТРУ
КРУЖАТ...»

*Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! Ты черен
и гол,
О лес наш родимый, конец твой
пришел!»*

*Не слышит тревоги их царствен-
ный лес.
Под темной лазурью суровых
небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой вес-
ны.*

ОСЕНЬ

*Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.*

*С холоду щеки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!*

*Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;*

*Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;*

*Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...*

*Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
И, как безумный, пою!*

*Знаю, недаром средь мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал.*

*Что им сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!*

*Листья шумят под ногой...
Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!*

1856

«И ГОРОД ВОТ ОПЯТЬ! ОПЯТЬ СИЯЕТ
БАЛ...»

*И город вот опять! Опять сияет
бал,
И полн жужжания, как улей,
светлый зал!
Вот люди, вот та жизнь, в кото-*

рой обновленья
Я почерпнуть рвался из сельской
тишины...
Но, боже! как они ничтожны и
смешны!
Какой в них жалкий вид тоски и
принужденья!
И слушаю я их... Душа моя скор-
бит!
Под общий уровень ей подогнуть-
ся трудно;
А резвая мечта опять меня ма-
нит
В пустыни божии из сей пустыни
людной...
И неба синего раздолье вижу я,
И жаворонок в нем звенит на пол-
ной воле,
А колокольчиков бесчисленных се-
мья
По ветру зыблется в необозри-
мом поле...
То речка чудится, осыпавшийся
скат,
С которого торчит корней мох-
натых ряд
От леса, наверху разросшегося ди-
ко.

Чу! шорох — я смотрю: вокруг
гнилого пня,
Над муравейником, алеет земля-
ника,
И ветки спелые манят к себе ме-
ня...
Но вижу — разобрав тростник су-
хой и тонкий,
К пурпурным ягодам две бледные
ручонки
Тихонько тянутся... как легкий,
резвый сон,
Головка детская является, роняя
Густые локоны, серебристые как
лен...
Одно движение — и нимфочка
лесная,
Мгновенно оробев, малиновки
быстрей,
Скрывается среди качнувшихся
ветвей.

1856

МЕЧТАНИЯ

Пусть пасмурный октябрь осен-
ней дышит стужей,
Пусть сеет мелкий дождь или по-
рою град

В окошки звякает, рябит и пенит
лужи,
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдаёт угрюмый день, больной и бесприветный,
Природу грустную ночной холодной мгле, —
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; вспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные созданыя
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю
И так уж наконец в присутствие их верю,
Что даже кажется, их видит чёрный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желты-

*ми глазами
По темной комнате, мурлыча,
поведет...*

1855

ИЗ ДНЕВНИКА

«ЗАЧЕМ, ШУТЯ НЕОСТОРОЖНО...»

*Зачем, шутя неосторожно,
В мою ты вкрадывалась душу?
Я знал, что, мир карая ложный,
Я сон души твоей нарушу...*

*И что ж! Мы смотрим друг на
друга:
Ты — в изумленье и бессилье,
Как ангел чистый, от испуга
Расправить не могущий крылья...*

*А я... я чувствую — над бездной
Теперь поставлена ты мною...
Ах, мчись скорей в свой мир над-
звездный
И — не зови меня с собою!*

*Нет, не одна у нас дорога!
То, чем я горд, тебя пугает,*

*И не уверуешь ты в бога,
Который грудь мне наполняет...*

1857

«ЕЩЕ Я ПОЛН, О ДРУГ МОЙ МИЛЫЙ...»

*Еще я полн, о друг мой милый,
Твоим явленьем, полн тобой!..
Как будто ангел легкокрылый
Слетал беседовать со мной, —*

*И, проводив его в преддверье
Святых небес, я без него
Сбираю выпавшие перья
Из крыльев радужных его...*

1852

«ЛЮБЛЮ, ЕСЛИ, ТИХО К ПЛЕЧУ МОЕМУ
ГОЛОВОЙ ПРИСЛОНИВШИСЬ...»

*Люблю, если, тихо к плечу моему
головой прислонившись,
С любовью ты смотришь как, очи
потупив, я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Неволь-
но, проникнут тобою,
Я очи к тебе обращаю и с твоими
встречаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, как*

*будто бы в сладком молчаньи
Мы мыслью сошлись и много ска-
зали улыбкой и взором.*

Август 1842

**«ИСТОМЛЕННАЯ ГОРЕМ, ВСЕ ВЫПЛАКАВ
СЛЕЗЫ...»**

*Истомленная горем, все выпла-
кав слезы,
На руках у меня, как младенец,
ты спишь:
На лице твоём кротком послед-
няя дума
С неотертой последней слезинкой
дрожит.
Ты заснула, безмолвно меня уко-
ряя,
Что бесчувствен к слезам я ка-
зался твоим...
Не затем ли сквозь сон ты теперь
улыбнулась.
Точно слышишь, что, грустно
смотря на тебя,
Тихо нянча тебя на руках, как
младенца,
Я страдаю, как ты, и заплакать
готов?,*

1851

«ПОРЫВЫ НЕЖНОСТИ ОБУЗДЫВАТЬ
УМЕЯ...»

*Порывы нежности обуздывать
умея,
На ласки ты скупа. Всегда собой
владея,
Лелеешь чувство ты в безмолвии,
в тиши,
В святилище больной, тоскующей
души...
Я знаю, страсть в тебе питается
слезами.
Когда ж, измучена ревнивыми
мечтами,
Сомненья, и тоску, и гордость по-
беда,
Отдашься сердцу ты, как слабое
дитя,
И жмешь меня в своих объятиях,
рыдая, —
Я знаю, милый друг, не может
так другая
Любить, как ты! Нет слов милее
слов твоих,
Нет искреннее слез и клятв тво-
их немых,*

*Красноречивее — признанья и укоро-
ра,
Признательнее нет и глубже
нету взора,
И нет лобзания сильнее твоего,
Которым бы сказать душа твоя
желала,
Как много любишь ты, как много
ты страдала.*

1852

«ТОЧНО ГОЛУБЬ СВЕТЛОЮ ВЕСНОЮ...»

*Точно голубь светлую весною,
Ты веселья нежного полна,
В первый раз, быть может, всей
душою
Долго сжатой страсти предана...*

*И меж тем как, музыкою сча-
стья
Упоен, хочу я в тишине
Этот миг, как луч среди нена-
стья,
Охватить душой своей вполне,*

*И молчу, чтоб не терять ни зву-
ка,
Что дрожат в сердцах у нас с то-*

бой, —
Вижу вдруг — ты смолкла, в сердце мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мне, что проникло
В грудь твою, чем сердце сражено,
Говоришь: ты к счастью не привыкла
И страшит тебя — к добру ль оно?..

Ну, так что ж? Пусть снова идут грозы!
Солнце вновь вослед проглянет им,
И тогда страдания и слезы
Мы опять душой благословим.

1855

В АЛЬБОМ

Жизнь еще передо мною
Вся в видениях и звуках,
Точно город дальний утром,
Полный звона, полный блеска!..

*Все минувшие страданья
Вспоминаю я с восторгом,
Как ступени, по которым
Восходил я к светлой цели...*

1857

ДОЧЕРИ

«НОВАЯ, СВЕТЛАЯ ЗВЕЗДОЧКА...»

*Новая, светлая звездочка
В сумрак души моей глянула!
Это она, моя девочка!
В глазках ее уже светится
Нечто бессмертное, вечное,
Нечто, сквозь мир сей веществен-
ный
Дальше и глубже глядящее...*

1856

«ОНА ЕЩЕ ЕДВА УМЕЕТ ЛЕПЕТАТЬ...»

*Она еще едва умеет лепетать,
Чуть бегать начала, но в малень-
кой плутовке
Кокетства женского уж видимы
уловки:
Зову ль ее к себе, хочу ль поцело-
вать*

*И трачу весь запас ласкающих на-
званий —*

*Она откинется, смеясь, на шею
няни,*

Старушку обовьет руками горячо

*И обе щеки ей целует без пощады,
Лукаво на меня глядит через пле-
чо*

*И тешится моей ревнивою доса-
дой.*

1857

«ЭТИ ДЕТСКИЕ ГЛАЗКИ...»

Эти детские глазки

Полны счастья и ласки,

Так же смело глядят

В очи людям проходим,

Как и ангелам божьим,

Что над ними кружат.

1858

«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!..»

*Не может быть! не может
быть!*

Она жива!.. сейчас проснется...

Смотрите: хочет говорить,

Откроет глазки, улыбнется,

Меня увидит, обоймет
И, вдруг поняв, что плач мой зна-
чит,
Ласкаясь, нежно мне шепнет:
«Какой смешной! о чем он пла-
чет!..»

Но нет!.. лежит... тиха, нема,
Недвижна...

23 апреля 1866

«ВОТ УЖ И ГРОБ!.. И ОНА...»

Вот уж и гроб!.. и она
Тихо лежит меж цветов...
Что же за призраки вокруг
В белых одеждах стоят?
Светлых ли грез ее рой,
Светлых мечтаний, надежд, —
Спутницы жизни ее?
Те, с кем она по часам
Тихие речи вела,
Что провожали ее
Всюду — в полях и лесах?..
Смолкли и плачут они,
Тихо обнявшись вокруг
Бедной подруги своей...
Плачут — она ж и теперь
Им улыбается... Да!

*Да, улыбается им...
О, беспощадная смерть!
1867*

ИЗ СТРАНСТВОВАНИЙ НА БЕРЕГАХ НОРМАНДИИ

*Больное, тихое дитя
Сидит на берегу, следя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...*

*Вкруг берег пуст — скала, песок...
Тростник, накиданный волною,
В поморье тянется каймою...
И так покой кругом глубок,*

*Так тих ребенок, что садится
Вблизи его на тростнике,
Играя, птичка; на песке
По мели рыбка серебрится...*

*К ним взор порою обратя,
Так улыбается дитя,
Глядит на них с таким участием
И так сияет кротким счастьем,*

Что если, бедный, промелькнет
Он на земле, как гость залетный,
И скоро в небе в сонм бесплотный
Господних ангелов войдет,

То там, меж них вспоминая
Свой берег, дикий и пустой,
«Прекрасна, — скажет, — жизнь
земная!
Богат и весел край земной!»

1858

«О ВЕЧНО РОПЩУЩИЙ, УГРЮМЫЙ
ОКЕАН!..»

О вечно ропщущий, угрюмый Оке-
ан!
С богами вечными когда-то в гор-
дом споре
Цепями вечными окованный ти-
тан
И древнее свое один несущий горе!
Ты успокоился... надолго ли?.. О,
миг —
И, грозный, вдруг опять подымет-
ся старик,
И, злобствуя на всё — на солнце
золотое,
На песни nereid, на звездный ти-

хий свет,
На счастье, каким исполнился по-
эт,
Обретший свой покой в его свя-
том покое, —
Ударит по волнам, кляня суровый
рок
И грозно требуя в неистовой гор-
дыне,
Чтобы не смел глядеть ни чело-
век, ни бог,
Как горе он свое несет в своей пу-
стыне...

1859, Биарицца

АЛЬПИЙСКИЕ ЛЕДНИКИ

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там — как призраки легки,
В стыдливом девственном весе-
лье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,

*И нет людского там следа, —
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «Туда! Туда!»*

1858

АЛЬПИЙСКАЯ ДОРОГА

*На горе сияньем утра
Деревянный крест облит,
И малютка на коленях
Перед ним в мольбе стоит...*

*Помолись, душа святая,
И о странных и чужих,
О тоскующих, далеких,
И о добрых, и о злых...*

*Помолись, душа святая,
И о том, чей путь далек,
Кто с душой, любовью полной,
В мире всюду одинок...*

1858

«ВСЁ — СЕРЕБРЯНОЕ НЕБО!...»

*Всё — серебряное небо!
Всё — серебряное море!
Теплой влагой воздух полон!
Тишина такая в мире,*

Как в душе твоей бывает
После слез, когда, о Нина,
Сердце кроткое осилит
Страстью поднятую бурю,
И на бледные ланиты
Уж готов взойти румянец,
И в очах мерцает тихий
Свет надежды и прощенья...

1858, Ницца

«ЗДЕСЬ ВЕСНА, КАК ХУДОЖНИК УЖ
СЛАВНЫЙ, РАБОТАЕТ ТИХО...»

Здесь весна, как художник уж
славный, работает тихо,
От цветов до других по неделе
проходит и боле.
Словно кончит картину и публи-
ке даст наглядеться,
Да и публика знает маэстро — и
уж много о нем не толкует:
Репутация сделана — бюст уж
его в Пантеоне.
То ли дело наш Север! Весна, как
волшебник нежданный,
Пронесется в лучах, и растопит
снега и угонит,
Словно взмахом одним с яркой
озими сдернет покровы,

Вздует почки в лесу, и — цветами
уж зыблется поле!
Не успеет крестьянин промол-
вить: «Никак нынче ведро»,
Как — и соху справляй, и сырую
разрыхливай землю!
А на небе-то, господи, праздник, и
звон, и веселье!
И летят надо всею-то ширью от
моря и до моря птицы —
К зеленым беспредельным, к широ-
ким зеркальным разливам!
Выбирай лишь, где больше приво-
лья, в воде им и в лесе!
И кричат как, завидя знакомые
реки и дебри,
И с соломенных крыш беловатый
дымок над поляной!..
Унеси ты, волшебник, скорее меня
в это царство,
Где по утренним светлым зарям
бодро дышится груди,
Где пред ликом господних чудес
умиляется всякое сердце...

1859, Неаполь

НЕАПОЛИТАНСКИЙ АЛЬБОМ
(МИСС МЕРИ)

1858-1859
ДОН-ПЕППИНО

*Жар упал. На берег моря
Шумно в сад толпа валит,
И кругом, по звонкой лаве,
Экипажей рой летит...*

*Звон колес, и блеск, и хохот...
Крик и щелканье бичей!..
Всё-то к саду мчится, к морю,
В сень каштановых аллей.*

*«Что за женщины!» — бормочет
Северянин от души;
Северянки ж прибавляют:
«И мужчины хороши!»*

*Хороши! но вот, смотрите —
Из красавцев Аполлон!
Как он божески спокоен,
Точно нектаром впоен!*

Даже эта эспаньолка,

*С шиком лондонским наряд,
Даже розочка в петлице
Сходству с богом не вредят!*

*Вот он бросил свой миланский
Щегольской кабриолет,
Входит в сад — в толпе движенье,
Все глядят ему вослед...*

*Аполлон!.. Но вот к мисс Мери
Олимпиец подошел...
Вкруг нее как будто вспыхнул
Тотчас светлый ореол...*

*Ах, я чувствую, неловко
Ей от этих черных глаз,
Хоть глядит он так покорно,
Говорит полусмеясь...*

*И, должно быть, в этом взгляде
Власть и сила без границ!
Ледяных я знал красавиц,
Величавых, гордых львиц...*

*Но взглянул он — прочь величье!
Эта львица перед ним
Тише, тише — и уж смотрит
Вдруг зверком совсем ручным!*

*Так и ластится, и ходит,
И с него не сводит глаз...
О, мисс Мери, о, мисс Мери!
Признаюсь — дрожу за вас!*

«БОЖЕ МОЙ, КАКАЯ НЕГА...»

*Боже мой, какая нега
В этих палевых ночах!
Всё как будто замирает
В сладострастных, жарких снах!*

*На цветы посмотришь — право,
—*

*Покраснееешь со стыда!
Как ласкаются, что шепчут
И что делают — беда!*

*Нет, домой скорей, мисс Мери!
На замок скорей балкон!
Прогоните дон-Пеппино...
Он отважен и влюблен...*

*В эту ночь как раз забудешь,
Что дозволено, что грех,
И в одну минуту сердце
Скажет вам: всё вздор и смех*

«ВОТ СМОТРИТЕ, О МИСС МЕРИ...»

Вот смотрите, о мисс Мери,
Весь на арках, весь сквозной,
Королевы Иоанны
Замок темный и немой.

Днем в тот замок ездят даже
Кушать устрицы — там вид
Чудный к морю, и беседка
Виноградная стоит.

По ночам — другое дело!
Не пройдет вблизи руин
Без воззвания к мадонне
Босоногий капуцин;

В страхе ослика колотит
Здесь погонщик в поздний час,
И бежит проворной рысью
Сам, за хвост его держась;

И с компанией веселой
Из Пуццоло каретьер
Только с хлопаньем и гиком
Пролетит во весь карьер.

Слух идет о королеве,
Будто черт, поспоря с ней,
По ночам ей обязался

Приводить богатырей;

*Что в своих объятьях много
Их замучила она,
Но доселе не сказала:
«Мне довольно, сатана!..»*

*И в урочный час, сияя
Красотой могучей жен
Тех железных, тех кровавых,
Полуварварских времен,*

*В замок свой она приходит...
Стражи тут тревогу бьют,
Видно, как пажы в аркадах
С канделябрами бегут,*

*И в короне многоцветной
В свой чертог она идет,
И с своей порфирой алой
То мелькнет, то пропадет...*

*И безумцев так и тянет
С ней, женой богатырей,
Испытать и пыл, и негу
Нам неведомых страстей.*

Раз и я был, о мисс Мери,

Этой чарою объят...
Долго ждал я, скоро ль в окнах
Канделябры заблестят...

И когда б тут не промчался
Мистер Джона экипаж,
И при белом лунном свете
Не мелькнул мне образ ваш —

Образ, полный тем прозреньем,
Торжеством и тишиной,
Что в страдальцах пред кончиной
Поражает нас порой, —

Я клянусь вам, о мисс Мери,
В эту ночь с ее луной,
С этой негой — я не знаю,
Что бы сделалось со мной!

К МИСС МЕРИ
(Романс дон-Пеппино)

Se io fossi un angelo[28]

Andante[29]

Когда б я ангел был небесный,
Тебя б на небо я умчал,
И, полон радости чудесной,
С тобой к всевышнему предстал,

*Чтобы — о чистое созданье! —
Средь ликования горних сил
Он красоты твоей сиянье
Лучом бессмертья озарил!*

Allegro[30]

*«Океан кидает волны!
Всё глядит к звезде своей!
И в волнах, на каждом взломе,
Блещет свет ее лучей.
Упади, звезда золотая,
Упади ко мне на грудь,
А не то ведь я сумею
И до неба достгнуть!»*

«ВЕСЬ НЕАПОЛЬ ЗАЛИТ ГАЗОМ...»

*Весь Неаполь залит газом,
Шумом улицы полны,
Но в Hotel di Gran-Bretagna[31]
Окна все затворены.*

*Лишь в одном окошке лампа:
За газетой мистер Джон...
Точно саван примеряя,
Times[32] разворачивает он...*

*За работой вы, мисс Мери!
Как идет румянец к вам*

*И рассыпанные просто
Ваши кудри по плечам!*

*Блеск в глазах... и грудь как ды-
шит...*

*Так, я видывал не раз,
Дышит птичка, из-под лапы
У кота освобождаясь...*

«Я ЛЮБЛЮ В САФЕ D'EUROPA...»

*Я люблю в Cafe d'Europa[33]
Смех и шум во всех углах,
Серебро, хрусталь на звонких
Беломраморных столах.*

*Всем тут весело: французам
С вечной сахарной водой,
Савве Саввичу с шампанским
И с котлетой отбивной.*

*Итальянцы ж, как на бале,
Все во фраках щегольских...
Лишь блестящий дон-Пеппино
Нынче что-то приутих.*

*«Вот уж каменное сердце! —
Он шипит. — Невмоготу!..
И дает же им Создатель*

Неземную красоту!..

*Чай, сидит теперь и пишет
Про Неаполь чепуху
Своему такому ж точно
Ледяному жениху!*

*Вздохи шлет свои в Калькутту,
Где Альфред ее лет пять
Сеет мак, во имя Мери, —
Чтоб китайцев отравлять!»*

«КАКОЕ УТРО! СТИХЛИ ГРОМЫ...»

*Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца луч,
Горят серебряные комы
За горы уходящих туч...*

*Какое утро!.. Море снова
Приемлет свой зеркальный вид,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вздох еще бежит;*

*И — след утихнувшего гнева —
Бурун вскипает здесь и там,
И слышен гул глухого рева
Вдоль по отвесным берегам...*

Плыву я, счастьем тихим пол-
ный,
И мой гребец им дорожит:
Чуть-чуть по влаге, сам безмолв-
ный,
Веслом сверкающим скользит...

Молчит — и лишь с улыбкой
взглянет,
Когда на нас от берегов
Чуть слышным ветерком потя-
нет
Благоухание цветов:

Как будто сиффов резвых стая,
Спрыгнув со скал, дыша теплом,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться в воздухе морском...

7 мая 1859, Неаполь

К МИСС МЕРИ

Перед тобой синее море,
Заря играет по горам,
Но как тоскующая лебедь
Блуждаешь ты по берегам;

За убегающей волною,
Сжимая руки, ты следишь,

*И «где он? где? скажи, о море!»
В пустыню с воплем говоришь!*

«КНЯЗЬ NN И ГРАФ ФОН ДУМ — ЕН...»

*Князь NN и граф фон Дум — ен,
Мичман С., артист Б — ин,
Мечут с хохотом червонцы
В глубину морских пучин.*

*За червонцем в ту ж минуту
Мальчик — прыг! исчез в водах, —
И уж вынырнет наверно
С золотым кружком в зубах...*

*Молодец!.. Но, милый мальчик,
Знаю бездну я одну..
Сам господь червонцев всыпал
Много в эту глубину, —*

*Только дна ты в ней не сыщешь!
Эта бездна, милый мой,
Сердце мраморной мисс Мери,
Англичанки ледяной!*

«В ТЕМНЫЙ ХРАМ ОДИН ПРОКРАЛСЯ...»

*В темный храм один прокрался
Луч полдневный, озаря
Два-три белых покрывала*

Из толпы у алтаря.

*Тихо! точно как на отдых
Собрались в прохладный храм —
Эти ангелы под своды,
Эти люди к алтарям.*

*Вы войдете: что малюток
Улыбается! что глаз —
Черных глаз — в толпе безмолв-
ной
Подымается на вас!*

«ВОТ С РЕЗНОЙ КАФЕДРЫ ГРОЗНО...»

*Вот с резной кафедры грозно
Держит речь к толпе монах
И к огромному распятью
Припадает весь в слезах.*

*«Се страдалец! — восклицает —
Острый терн чело язвит!
Се божественные ребра!
Кровь ручьем из них бежит!*

*Он за вас приемлет муки!
Вам же трудно для него
Обуздать порывы плоти,
Страсти сердца своего!..»*

*И толпа вокруг рыдает,
Всё готова обуздать, —
Лишь бы, выйдя вон из храма,
Черных глаз не повстречать.*

«АХ, МЕЖ ТЕМ КАК ВЫ СТОЯЛИ...»

*Ах, меж тем как вы стояли,
На решетку опершись,
В темном храме, и душою
В светлый купол унеслись, —*

*Я глядел на вас, мисс Мери,
Понял я ваш грустный взор! —
Этих ангельчиков с вами
Я подслушал разговор.*

*«Жаль, что ты для нас чужая!» —
Вам сказали. «Но, увы!
Воротиться невозможно!» —
Отвечали кротко вы.*

*«У тебя так много горя!
С кем ты выплачешь его?»
— «С кем? Одна! сама с собою!
Вкруг — пустыня! никого!»*

*«Кто в пути тебя наставит?»
— «Ум!» — «Всё ум!.. а сердце что*

ж?»

— «Ум для сердца лучший корм-
чий!»

— «Лжешь, мисс Мери, право,
лжешь!»

Мы ведь знаем — как ребенок,
Сердце скажет вдруг: «хочу» —
И прощаем!..» — Вы ж с улыбкой:
«Но сама я не прощу!»

Тут поднялись вы — и легким
Наклоненьем головы
С светлым сонмом сил небесных,
Как с детьми, простились вы...

«ЗОЛОТОЙ АРХИЕПИСКОП...»

Золотой архиепископ,
Signoria[34] и народ,
Иностранцы в черных фраках,
Весь Неаполь — чуда ждет.

Взоры всех на склянке с кровью...
Только кровь всё не кипит...
Сан-Дженнаро, Сан-Дженнаро!
Или ты на нас сердит?

Или есть меж нами грешник?

Бейте ж в грудь себя сильней!
Бейтесь об пол головами!
Плачьте громче, горячей!

Донна Анна! ты, Джульетта!
Подвели ль вы счет грехам?
И на исповеди всё ли
Перечли духовникам?..

Да не я ли уж помеха?
Я ведь здесь совсем чужой!
Не мисс Мери ль? Но мисс Мери
Уж уехала домой.

Мимоездом в Сан-Дженнаро,
В амазонке и с хлыстом,
Появлялася мисс Мери...
Взгляд лишь бросила кругом —

Боже! точно льдом пахнуло
От нее на всех на нас —
Льдом полярным, правда, чистым
И прозрачным, как алмаз!..

Мистер Джон один остался
И во все глаза следит
За движеньями прелата,
Что пред склянкою стоит.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

*Далеко, на самом море,
Я построю дом
Из цветных павлиньих перьев,
С звездами кругом.*

*Вставлю в них кругом сапфиры,
Жемчуг, бирюзу,
Жить туда со мной навеки
Нину увезу.*

*И едва кругом с балкона
Нина поглядит —
«Солнце всходит! Солнце всхо-
дит!» —
Всё заговорит!*

ЕЩЕ ИЗ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

*Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой,
Умирать — так умирать
От ножа, в глазах у милой!
Станет вдруг она тогда
Говорить — о чем молчала,
Целовать — как никогда
До того не целовала!*

«ЧТО ЗА ШУМ И КРИК? О БОЖЕ!..»

Что за шум и крик? О боже!
Нина! Ты ль, моя краса,
Так безжалостно вцепилась
Лоренцино в волоса!

Точно молния блеснула,
Видел я, в глазах твоих —
И из ангела в тигрицу
Превратилась ты вмиг!

А всё вы виной, мисс Мери,
Что смотрели на него
И этюд нашли в нем чудный
Для альбома своего!

«ВЫ ПОВСЮДУ — О МИСС МЕРИ!..»

Вы повсюду — о мисс Мери! —
В этот зной!.. Лучи палят,
Сотни каторжников красных
Гору белую сверлят...

Что вы взорами впились
В этот пестрый сброд людей,
В эти бронзовые лица?
Иль вам чуден стук цепей?

Или вам в толпе несчастных
Дико видеть смех и спор,

*И трагические позы,
И комический задор?*

*Знаю — «мучеников мысли»
Всё вы ищете меж них,
Чтобы несколько им бросить
Утешенья слов святых!*

*О, под этим ясным небом,
Посреди счастливых лиц —
Эти люди ведь опасней
И бандитов, и убийц!*

*Их катоновская мрачность
И улыбка злая их
Навели б и страх, и скуку
На людей и на святых!*

*И, спасибо, их далёко
Убирают здесь — туда,
Где и солнце ненароком
Не бывает никогда!*

ДВА КАРЛИНА

*Эй, синьор! хоть два карлина
Дайте мне за что-нибудь!
Спеть вам «Bella Sorrentina»? [35]
Или пыль с сапог стряхнуть?.*

Боже мой! С какою злобой
Вы кричите: «Негодяй!»
Здесь Неаполь! Здесь особый
И народ, и самый край!

Много есть народов умных,
Но философ — наш один,
Хоть живет средь улиц шумных,
Как поэт и арлекин!

Богачи и ладзароны —
Всё одна душа! У всех
Счастье — те же макароны,
Те же песни, тот же смех!

Наши песни — что их краше?
Как цветы из недр земных,
Из груди певучей нашей
Так и тянет солнце их!

Смех нам хартия! Захочет
Деспот сжать нас — смех уж
тут:
Знак, два слова — и хохочет
Весь Неаполь, всякий люд!

Мирно с церковью он ладит,
Да и церковь ко двору!

Для него мадонну рядит,
Как невесту на пиру!

Галлы, немцы, арагонцы
Спор вели из-за него —
Он, от всех лоя червонцы,
Не стоял ни за кого!

Возвестил ему свободу
Гарибальди — *perche* по?[36]
Были б праздники народу,
Были б песни и вино!

Всё равно, кто правит нами —
Тот иль этот!.. Здесь один
Над рабами и царями
Есть повыше господин...

Вон — чудовище! — открыло
К ночи огненную пасть —
Точно ждет, собираясь с силой,
Только знака, чтоб напасть!

Не минуем верной кары!
Нынче ль, завтра ль — всё одно!..
Уж подземные удары
Ночью будят нас давно,

*И колеблющейся лентой
По прозрачным небесам
От Пуццоло до Сорренто
Дым стоит и здесь, и там...*

*Всё, что дышит, — гибель чувствует
И, боясь опоздать,
Веселится и ликует...
Человеку ль отставать?*

*Лучше петь, забывши горе,
Перед часом роковым,
Как поглотит огонь иль море
Почву шаткую под ним...*

*Ах, ужасная картина!
Вдруг порвется жизни нить...
Так что... ваши два карлина...
Перед смертью, может быть!*

ТАРАНТЕЛЛА

**(На голос: «Gie la luna e mezz'al
mare...»)[37]**

*Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко уж идет!
Вон уж скрипка загудела!
В круг становится народ!
Приударил Чьеко старый...*

Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вон — уж кружатся давно!

Как стройна, гляди, Аглая!
Вот помчалась в круг живой —
Очи долу, ударяя
В тамбурин над головой!
Ловок с нею и Дженнаро!..
Вслед за ними нам — смотри!
После тотчас третья пара...
Ну, Нинета... раз, два, три...

Завязалась, закипела,
Всё идет живею, живею,
Обуяла тарантелла
Всех отвагою своею...
Эй, простору! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,

Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, синьора? Вы б и рады,
К нам сердечко вас зовет...
Да снуровка без пощады
Вашу грудь больную жмет...
Ну, так мимо! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда!
Иль кто раз вкусил науки —
Не смеется никогда?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин?
В сердце памятью былова,
Чай, отдался тамбурин?
Ну — так к нам — и шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,

*Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!*

*Словно в вихре мчатся пары,
Не сидится старикам...
Расходился Чьеко старый
И подплясывает сам...
Мудрено ль! Вкруг старой скрипки
Так и носятся цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!*

*Не робейте! Смейтесь дружно!
Пусть детьми мы будем век!
Человеку знать не нужно,
Что такое человек!..
Что тут думать!.. шибче, скрипки!
Наши — юность и цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!*

LACRYMAE CHRISTI [38]

*На Везувии пустынный
Жил уж много лет;
Был здоров, румян и весел,
Хоть давно уж сед;
Но, живя в уединенье,*

Говорить отвык
И что год, то становился
Туже на язык.

Жил он, жил, молился богу,
Виноград садил —
Виноград же этот в мире
Всем известен был:
Только он давал густое,
Темное вино...
Под названьем Слез Христовых
Славилось оно.
И хотя к нему названье
Не Христовых слез,
А скорее Слез Титана
Лучше бы пришлось —
Жгло оно и страсть будило —
Но, увы! старик
В мифологии не смыслил,
В жизнь не видел книг...
А могучих лоз обилье,
В простоте своей,
Всё приписывал мадонне,
И молился ей,
И за каменной оградой
У своих ворот
Ей часовенку поставил —
От всех бед оплот!

Так шли годы. На Везувий
Вечно шел народ;
К старику уж верно каждый
За вином зайдет;
Только вот — уже с неделю
Стал вулкан бурлить;
Старика предупреждали,
Что уж худу быть!
Что геологи пугают
Близкою бедой, —
Но старик лишь улыбался
И махал рукой.
Только вот с своей постели
Он был сброшен вдруг
От подземного удара...
Смотрит — ад вокруг!
Из жерла вулкана — пламя
Огненным снопом!
Гром — как будто сотни пушек
Грянули кругом.
Всюду лопают вулкана
Черные бока —
И течет из недр их лавы
Светлая река...

Ослеплен и задыхаясь,
Еле жив старик;
Чуть дополз он до часовни,

К ней лицом приник,
Лоз пригнул к себе — но листья
Свертывает жар,
Кисти лопают и каплют,
И идет с них пар...

Этих лоз, что возвращал он,
Что в его дому
Разливали столько счастья —
Стало жаль ему,
И, себя забыв, к мадонне
Вдруг он простонал:
«Сохрани мой виноградник» —
И без чувств упал.
Вопль услышала мадонна:
Лава обошла
Вкруг стены и знаменитых
Лоз не обожгла.
И старик потом был найден,
В чувство приведен,
И досель живет, остывшей
Лавой окружен.
Только вот что вышло худо:
К кратеру горы
Уж совсем другой дорогой
Ходят с той поры;
Пьют вино уж у другого!
Старец перестал

*Виноградник свой лелеять —
Виноград пропал...
С ним он сам почти что высох:
Вечерком сидит
У ворот и на часовню
Грустно он глядит:
«Помолился я мадонне, —
Думает, — тогда,
Да не выразился ясно!
Вот моя беда!»*

«ВСЁ ТЫ БРЕДИШЬ АНГЛИЧАНКОЙ...»

*Всё ты бредишь англичанкой,
Что сегодня на заре
Оссиановскую тенью
Пронеслася по горе...*

*Я уверен, Савва Саввич,
Что и ослик серый твой
Всё арабской кобылицей
Нынче бредит день-деньской.*

*Странно б было, если б даже
Вы в сужденьях разошлись —
Он — о кровной кобылице,
Ты — о кровной этой мисс!*

«ВСЕМ ТЫ ЖАЛУЕШЬСЯ ВЕЧНО...»

*Всем ты жалуешься вечно,
Что судьбой гоним с пелен,
Что влюбляешься несчастно,
Дважды чином обойден!*

*Друг! не ты один страдаешь!
Вон, взгляни: осел стоит
И с горы на весь Неаполь
О бедах своих кричит.*

«ФЕРДИНАНД-КОРОЛЬ БЫЛ РЫЦАРЬ...»

*Фердинанд-король был рыцарь,
Деликатности пример!
Он за собственной печатью
Запер всех нагих Венер,*

*А раздетых Геркулесов
Всех оставил по местам...
Не боясь мужчин обидеть,
Обижать не смел он дам.*

«ВНЕ ОГРАДЫ CAMPO SANTO...»

*Вне ограды Campo Santo,[39]
Не в ряду святых могил,
Нынче с почестью Неаполь
Примадонну хоронил.*

Без военного конвоя,

Без монахов и попов,
Сам народ «комедиантку»
Провожал дождем цветов.

Каждый чувствовал, что город
Точно вдруг осиротел,
Ото всех сердец как будто
Добрый гений отлетел...

Не без зависти, мисс Мери,
Вы смотрели из окна,
Как за гробом примадонны
Шла народная волна.

Как, в своих лохмотьях, важно
Ладзароны гроб несли,
Как по их угрюмым лицам
Слезы тихие текли...

Хоть вы знали, пуританка,
Что ценою жгучих слез,
Бурной жизнью, трудной школой
Всё божественной далось...

Мистер Джон об этом знает,
Но молчит ваш мистер Джон...
Вспоминая, сколько фунтов
На нее потратил он...

*Но зато мой Савва Саввич,
С простодушием детей,
Бескорыстно рад поплакать
Чуждой скорби, как своей.*

«МИСС! НЕ БОЙТЕСЬ ЛЕГКОЙ ШУТКИ!...»

*Мисс! не бойтесь легкой шутки!
Мы ведь шутим надо всем,
Шутим даже над героем
Наших собственных поэм...*

*Да и что моя вам шутка!
Вдруг у ваших ног блеснет
И, как ящерица в камнях,
Шаловливо пропадет.*

«ДОН-ПЕППИНО РУССКОЙ БРЕДИТ...»

*Дон-Пеппино русской бредит,
Щеголяет в бирюзе
И в Cafe d'Еуропа[40] всюду
Чертит пальцем букву З.*

*Повторяет беспрестанно
При других и про себя:
«Зина, Зина — she bel' pote!»[41]
И потом: «Люблю тебя».*

Так, по-русски... Вот нескромник!

*Здесь ведь редкость бирюза,
И, любуясь ею, денди
Шепчет всем: «Ее глаза».*

«ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ ВСКОЧИЛ НА БОЧКУ...»

*Пульчинелль вскочил на бочку,
И толпа уж собралась;
Жест лишь сделал — и вся пло-
щадь
Ярким смехом залилась.*

*Берегись, смотри, проказник!
Этот смех ведь обезжит
Целый город — там, как эхо,
В Апеннинах прогремит,*

*Здесь раскатится по морю
И ударит по скалам
Капри, Исхиц, Прочиды,
В дома к смелым рыбакам!*

*Берегись! хоть Сан-Дженнаро
И с тобою заодно —
Но уж с фортов этих пушки
На тебя глядят давно!*

«МНЕ НЕАПОЛЬ ОПРОТИВЕЛ...»

Мне Неаполь опротивел,

*Опротивел, как тюрьма!
Это скал на груди груди,
На домах еще дома!*

*Продавцов, мальчишек крики!
Крики взбалмошных ослов...
Точно город этот вечно
Занят пробой голосов!*

*Нынче ж, кажется, и в море,
Заглушая всё, идут
Репетиции трескучей
Оперетты «Страшный суд».*

«ДУШНО! ИЛЬ ОПЯТЬ СИРОККО?..»

*Душно! Иль опять сирокко?
И опять залив кипит,
И дыхание Сахары
В бурных тучах вихорь мчит?*

*В лицах страх, недоуменье...
Средь безмолвных площадей
Люди ждут в томленьи страст-
ном,
Грянул гром бы поскорей...*

*Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!*

*Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!*

*Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народ вокруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки!*

«ГОВОРЯТ, СО ВСЕХ СОБОРОВ...»

*Говорят, со всех соборов
Нынче статуи святых
Собирались в Сан-Дженнаро
О делах судить своих.*

*Несогласье вышло в мненьях,
Кто храбрился, кто робел;
Порешили напоследок —
Ожидать исхода дел.*

«БЛЕСТИТ САЛОН КНЯГИНИ ЗИНЫ...»

*Блестит салон княгини Зины,
Но в шумном говоре гостей —
Над мягкой красною фланелью
Сверкают иглы русских фей.*

*Но как пугливы эти феи!
От бурь войны они бегут:
Княгини Зины чемоданы*

Лишь утра завтрашнего ждут!

**«НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ ВСТУПАЕТ В
ГОРОД...»**

*Народный вождь вступает в го-
род...*

*Всё ближе он... Всё громче крик...
И вот он сам, среди этих криков
От счастья тих... О, чудный миг!*

*К нему все рвутся, как на при-
ступ;*

*Но вот дорвалась одна —
И уж с цветком из рук героя
Уходит, гордая, она!*

*О, сколько там, в стране туман-
нов,
Средь вечных будничных тревог,
Напомнит Мери этот скромный,
С трудом доставшийся цветок —*

*И загорелый лик героя,
И пестрых волн народных плеск,
И вокруг на всем, с высот лазур-
ных,
Луча полуденного блеск!*

ДОМА

МАТЬ

*«Бедный мальчик! Весь в огне,
Всё ему неловко!
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик с пальчик...»*

*Нет! не хочешь?.. Сказки — вздор!
Песня лучше будет...
Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
Тише! Засыпает...
Словно птенчик, всё в жару
Губки открывает...»*

*«Во сыром бору» поет
Мать и ходит, ходит...*

Тихо, долго ночь идет...
Ночь уж день выводит —
Мать поет... Рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...
И едва дитя, в жару,
Вдрогнув, встрепенётся —
«Во темном-сыром бору»
Снова раздаётся...

Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!
Заслонит средь всех тревог
Всей душой своею
Жизни чудный огонек,
Что затеплен ею!
И едва он засветил —
Вдруг ей ясно стало,
Что любви, что чудных сил
Сердце в ней скрывало!..

1861

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчел рои шумят
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

<1880>

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!»

—
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зер-
ном
В полных амбарах душистого хле-
ба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий.
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,

Скачет, лая впопыхах.

1856

НОЧЬ НА ЖНИТВЕ

*Густеет сумрак, и с полей
Уходят жницы... Уж умолк
Вдали и плач и смех детей,
Собачий лай и женский толк.*

*Ушел рабочий караван...
И тишина легла в полях!..
Как бесконечный ратный стан,
Кругом снопы стоят в копнах;*

*И задымилася роса
На всем пространстве желтых
нив,
И ночь вошла на небеса,
Тихонько звезды засветив.*

*Вот вышел месяц молодой...
Одно, прозрачное, как дым,
В пустыне неба голубой
Несется облачко пред ним:*

*Как будто кто-то неземной,
Под белой ризой и с венцом,
Над этой нивой трудовой*

Стоит с серебряным серпом

*И шлет в сверкании зарниц
Благословенье на поля:
Вознаградила б страду жниц
Их потом влажная земля.*

1862

В СТЕПЯХ

1

НОЧНАЯ ГРОЗА

*Ну уж ночка! Воздух жгучий
Не шелохнется! Кругом
Жарко вспыхивают тучи
Синей молнии огнем.*

*Словно смотр в воздушном стане
Духам тьмы назначен! Миг —
И помчится в урагане
По рядам владыка их!*

*То-то грянет канонада —
Огнь и гром, и дождь и град,
И по степи силы ада
С диким свистом полетят!..*

*Нет, при таком невзгодье,
В этом мраке, предоставь*

*Всё коню! Отдай поводья
И не умничай, не правь:*

*Ровно, ровно, верным шагом,
Не мечая как шальной,
По равнинам, по оврагам
Он примчит тебя домой...*

2

РАССВЕТ

*Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;*

*Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — всё черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней...*

3

*Мой взгляд теряется в торже-
ственном просторе...
Сияет ковыля серебряное море
В дрожащих радугах, — незримый
хор певцов
И степь и небеса весельем напол-
няет,*

*И только тень порой от белых
облаков
На этом празднике, как дума,
пролетает.*

1862

4
ПОЛДЕНЬ

*Пар полуденный, душистый
Подымается с земли...
Что ж за звуки в серебристой
Всё мне чудятся дали?*

*И в душе моей, как тени
По степи от облаков,
Ряд проносится видений,
Рой каких-то давних снов.*

*Орды ль идут кочевые?
Рев верблюдов, скрип телег?..
Не стрельцы ль сторожевые?
Не казацкий ли набег?*

*Полоняночка ль родная
Песню жалкую поет
И, татарченка качая,
Голос милым подает?..*

СТРИБОЖЬИ ВНУКИ

*Се ветри, Стрибожьи внуци, веют с
моря...
на силы Дажьбожья внука, храбрых ру-
сичей...
«Слово о полку Игореве»*

*Стрибожьи чада! это вы
Несетесь с шумом над степями,
Почти касаяся крылами
Под ними гнущейся травы?
Чего вам надо? Эти степи
Уже не те, что в дни, когда
Здесь за ордою шла орда,
Неся на Русь пожар и цепи!
Ушел далеко Черный Див
Перед Дажьбожьиими сынами,
Им, чадам света, уступив
Свое господство над степями!
И Солнца русые сыны
Пришли — и степь глядит уж са-
дом...
Там зреют жатвы; убранны
Там холмы синим виноградом;
За весью весь стоит; косцов
Несется песня удалая,
И льется звон колоколов*

*В степи от края и до края...
И слух пропал о временах,
Когда, столь грозное бывало,
Здесь царство темное стояло;
И путник мчится в сих местах,
Стада овец порой пугая,
Нигде засад не ожидая;
Спокойно тянутся волы;
И падших ратей ищут тщетно
В степи, на клёкт их безответ-
ной,
С высот лазуревых орлы...*

1863

НИВА

*По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебе-
дой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь
густая!
Иду, с трудом ее руками разби-
рая.
Мелькают и жужжат колосья
предо мной
И колют мне лицо... Иду я накло-
няясь,
Как будто бы от пчел тревожных
отбиваясь,*

Когда, перескочив через ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день.

О, божья благодать!.. О, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надомной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемя, вижу я: на всем полей просторе
И жницы, и жнецы, ныряя точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы;
Вон на заре стучат проворные цепи;
В амбарах воздух полн и розана, и меда;
Везде скрипят возы; средь шумного народа
На пристанях кули валяются;
вдоль реки
Гуськом, как журавли, проходят

бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напи-
рая
И длинной бичевой по влаге уда-
ряя...

О боже! ты даешь для родины мо-
ей
Тепло и урожай, дары святые
неба, —
Но, хлебом золотя простор ее по-
лей,
Ей также, господи, духовного дай
хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами не сгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои про-
ворно, —
О, дай нам солнышка! Пошли ты
ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным
бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на вну-
ков, стариками
Прийти на тучные их нивы поды-
шать
И, позабыв, что мы их полили сле-

зами,

Промолвить: «Господи! какая благодать!»

1856

«ДОРОГ МНЕ, ПЕРЕД ИКОНОЙ...»

*Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я: свеча пылает,
Клир торжественно поет —
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет,
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — медный грош вдовицы,
Это — лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это — светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...*

1868

СТРАНЫ И НАРОДЫ

«СИДЕЛИ СТАРЦЫ ИЛИОНА...»

*Сидели старцы Илиона
В кругу у городских ворот;
Уж длится града оборона
Десятый год, тяжелый год!
Они спасенья уж не ждали,
И только павших поминали,
И ту, которая была
Виною бед их, проклинали:
«Елена! ты с собой ввела
Смерть в наши дома! ты нам
плена
Готовишь цепи!!!...»
В этот миг
Подходит медленно Елена,
Потупя очи, к сонму их;
В ней детская сияла благодать
И думы легкой чистота;
Самой была как будто в тягость
Ей роковая красота...
Ах, и сквозь облако печали
Струится свет ее лучей...
Невольно, смолкнув, старцы
встали
И расступились перед ней.*

1869

ПЛАТОНА ЕДИНСТВЕННЫЕ ДВА СТИХА
ДО НАС ДОШЕДШИЕ

*Небом желал бы я быть, звезд-
ным, всевидящим небом
Чтобы тебя созерцать всеми оча-
ми его!*

1883

ИЗ САФО

*Он — юный полубог, и он — у ног
твоих!..
Ты — с лирой у колен — поешь ему
свой стих,
Он замер, слушая, — лишь жадны-
ми очами
Следит за легкими перстами
На струнах золотых...
А я?.. Я тут же! тут! Смотрю,
слежу за вами —
Кровь к сердцу прилила — нет
сил,
Дыханья нет! Я чувствую, теряю
Сознанье, голос... Мрак глаза мои
затмил —
Темно!.. Я падаю... Я умираю...*

РЫЦАРЬ
(Из Berirand de Born)

Смело, не потупя взора,
Но как праведник, на суд
К вам являюсь я, синьора,
И скажу одно: вам лгут.
Пусть при первом же сраженьи
Я бегу, как подлый трус;
Пусть от вас я предпочтенья
Пред соперником лишусь;
Пусть в азарте, в чет и нечет,
Всё спущу я — меч, коня,
Латы, замки и поля;
Пусть мной выхоженный кречет
На глазах моих с высот
Наземь камнем упадет,
В бой вступив в воздушном поле
С целой стаяй соколов;
Наконец, я сам готов
Сгнуть у мавров в злой неволе
От истомы и оков, —
Коль не ложь — моя измена,
Не гнуснейшая из лжей,
Что я рвусь уйти из плена
У владычицы моей.

ИЗ ПЕТРАРКИ

Когда она вошла в небесные селенья,
Ее со всех сторон собор небесных сил,
В благоговении и тихом изумлении,
Из глубины небес слетевшись, окружил.
«Кто это? — шепотом друг друга вопрошали. —
Давно уж из страны порока и печали
Не восходило к нам, в сияньи чистоты,
Столь строго девственной и светлой красоты».

И, тихо радуясь, она в их сонм вступает,
Но, замедляя шаг, свой взор по временам
С заботой нежною на землю обращает
И ждет, иду ли я за нею по следам...
Я знаю, милая! Я день и ночь на страже!

*Я господу молю! Молю и жду —
когда же?*

1860

МАДОННА

*Стою пред образом Мадонны:
Его писал монах святой,
Старинный мастер, не ученый;
Видна в нем робость, стиль сухой;*

*Но робость кисти лишь сугубит
Величье девы: так она
Вам сострадает, так вас любит,
Такою благостью полна,*

*Что веришь, как гласит преданье,
Перед художником святым
Сама пречистая в сиянье
Являлась, видима лишь им...*

*Измучен подвигом духовным,
Постом суровым изнурен,
Не раз на помосте церковном
Был поднят иноками он, —*

*И, призван к жизни их мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Он братью раздвигал руками*

И шел к холсту, душой молясь.

*Брался за кисть, и в умиление
Он кистью то изображал,
Что от небесного виденья
В воспоминаньи сохранял, —*

*И слезы тихие катились
Вдоль бледных щек... И, страх
тая,
Монахи вокруг него молились
И плакали — как плачу я...*

1859, Флоренция

**МИНЬОНА
(Из Гёте)**

*Ах, есть земля, где померанец зре-
ет,
Лимон в садах желтеет круглый
год;
Таким теплом с лазури темной
веет,
Так скромно мирт, так гордо
лавр растет!
Где этот край? Туда, туда
Уйти бы нам, мой милый, наве-
гда!
Я помню зал: колонна за колон-*

ной,
И мраморы стоят передо мной,
И, на меня взирая благосклонно,
Мне говорят: «Малютка, что с
тобой?»

Ах, милый мой! Туда, туда
Уйти бы нам с тобою навсегда!

А там — гора: вдоль сыплющихся
склонов

Средь облаков карабкается мул...
Внизу — обрыв, где слышен рев
драконов,

Паденье скал, потоков пенных
гул...

Где этот край?.. Туда, туда
Уйти бы нам, мой милый, наве-
гда!

<1866>

ИЗ ГЕТЕ

Кого полюбишь ты — всецело
И весь, о Лидия, он твой,
Твой всей душой и без раздела!
Теперь мне жизнь, что предо
мной

Шумит, и мчится, и сверкает,
Завесой кажется прозрачно-золо-

той,
Через которую лишь образ твой
сияет
Один — во всех своих лучах,
Во всем своем очарованье,
Как сквозь дрожащее полярное си-
янье
Звезда недвижимая в глубоких небе-
сах...

<1874>

ИЗ ГЁТЕ
ЛИЛЛИ

1

*Эта маленькая Лилли —
Целый мир противоречий,
То трагедий, то идиллий!
Что за ласковые встречи!*

*Льнет к тебе нежней голубки,
А обнять хочу — отскочит!
Засмеюсь — надует губки,
Рассержусь — она хохочет.*

*Вон в сердцах хочу бежать я —
Дверь собою застановит,
Открывает мне объятья,
Умоляет, руку ловит.*

Сдался — уж глядит лукаво, —
Так и знай, что будет худо...
Это бес какой-то, право, —
Только бес такой, что чудо!

2

«Надо кончить», — порешили
Мы вчера. Финал любви!
Съехать надо: с этой Лилли
Вот уж где мне vis-a-vis![42]

Занавесилась... Уф! злится!
Но ведь в щелочку глядит...
Уголок-то шевелится
Занавески... Пусть сидит!

Я уж выдержу. Уткнуся
Носом в книгу. Позовет —
И тогда не оглянуся!..
Только долго что-то ждет...

Как так?.. Ветер кисею
Размахнул до потолка —
И всё пусто! Я-то строю
Перед кем же дурака!

Бросил книгу я с досадой.
«Ха-ха-ха!» — вдруг слышу. «Ты?»

— «Ну и что ж?» — И всё как надо

—
Смех опять, любовь, цветы...

1864, 1889

ИЗ ГАФИЗА

*Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сетями
Ты у розы огневой,
Что ты в сети к ней попалось,
А не в сети к мудрецам,
Что не им внимать досталось
Дивным песням и слезам;
И хоть слез, с твоей любовью,
Ты моря у ней прольешь
И из ран горячей кровью
Всё по капле изойдешь,
Но зато умрешь мгновенно
Вместе с песнею своей
В самый пыл — как вдохновенный
Умирает соловей.*

<1874>

ИЗ ИСПАНСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

Эти черные два глаза

С их глубоким, метким взглядом
—

*Два бандита с наведенным
Из засады карабином.*

2

*Против глаз твоих ничуть,
Верь, я злобы не питаю.
На меня ведь им взглянуть
Страх как хочется, я знаю.
Это ты в душе своей
Строишь ковы! ты хлопчешь
О гибели моей —
И позволить им не хочешь.*

3

*Я — король. Ты — королева.
Мы в войне. Я главных сил
И фельдмаршала их Гнева
Не боюсь. Я б их разбил.
Но как двинешь ты резервы,
В бой войти велишь слезам —
Тут беда! Пожалуй, первый
Брошусь я к твоим ногам!..*

4

*Эти очи — свет со тьмою,
Очи, полные зарниц!*

*Окаймленные густою
Ночью черною ресниц!
Но был миг — и ночь вдруг стала
Раздвигаться, мрак исчез —
И мне в сердце засияла
Глубина святых небес.*

5

*Холодный, смертный приговор
Твои глаза мне произносят;
Мои ж, снедая свой позор,
Лишь о помилованьи просят.*

6

*В тихой думе, на кладбище,
Златокудрое дитя,
Ты стоишь, к холмам печальным
Кротко очи опустя.
Знаешь? Спящим тут во мраке,
В забвенье глубоком их,
Снится в райской ореоле
Светлый ангел в этот миг.*

<1878>

ИЗ ТУРЕЦКОЙ АНТОЛОГИИ

1

*Длинные кудри твои вдоль висо-
кого стана*

Прячутся в кольцах, но глаз не
спускают с меня,
Скажешь: виясь, с кипариса спус-
каются змеи,
Чтобы поющего в розах схватить
соловья.

2

На миг упал с лица прекрасной
Ее скрывающий покров...
Я думал: месяц глянул ясный
В разрыве быстрых облаков.

3

Я сказал ей: «Дай твои мне губки,
Поцелуем их не опорочишь!»

А она мне: «Дам тебе я губки,
Ты обнять и всю меня захочешь!»

«Эти руки знает враг Корана, —
Я сказал, — ты в них как за сте-
ною!»

«Но мои, — она в ответ, — силь-
нее,
Если их я подыму с мольбою!»

<1872>

ДВЕ БЕЛОРУССКИЕ ПЕСНИ

1

ПЕТРУСЬ

Ой, худые вести
Люди приносили:
Бедного Петруся
До смерти забили.
А за что ж забили,
За вину какую?
От своей-то женки
Полюбил чужую!
Как же мог подумать
О такой он пани?
Пани — вся в атласах,
Ты ж — в худом кафтане!
Пани трех служанок
За Петрусем слала;
Не дождалась пани,
В поле поскакала:
«Ой, бросай, Петрусик,
Соху середь поля!
Пана нету дома —
Полная нам воля!»
Верные холопы
Пана повестили;
Панские хоромы
Крепко оцепили.
Выглянула пани,

Видит — хлопов кучи;
Панский конь весь в мыле,
Пан — чернее тучи...
«Серденько Петрусик,
Утекай скорее!
Пан приехал, тучи
Громовой чернее!»
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети.
Бьют и бьют Петруся
Час, другой и третий,
Парень уж не дышит;
Хлопцы бить устали,
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли к Дунаю...
Быстр Дунай раскрылся...
«Вот тебе, голубчик,
Что пригож родился!»

Вельможная пани
В сени выходила,
Пани рыболовам
По рублю дарила:
«Будет вам и больше!
Рыбачки, идите,
Моего Петруся
Тело изловите!»

Рыбаки искали
В омуте и тине —
И нашли Петруся
В Жалинской долине.
Некого им к пани
Вестником отправить,
Чтобы приезжала
Похороны справить.

Вельможная пани
Бродит как шальная;
О своем Петрусе
Плачет мать родная;
Плачет мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплет
Белыми рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство с сыном
Я твоим утрачу!»

И ходила пани
Борами, лесами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Все об остры камни
Ноженьки избила;

Бархатное платье
По росе смочила.

Ходит пан по рынку,
Тяжело вздыхает,
На себя сам горько
Плачется, пеняет:
«Ведай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мешал Петрусю б
Тешиться я вволю!»

2

«Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Как придет мой час, помирать
начну,
Соберитесь вокруг меня!»

Ходят в горенке, сынки шепчутся,
Как им мать хоронить;
Ходят в горенке, зятья шепчутся,
Как добро разделить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкруг матушки вьются!
А невестушки ходят в горенке,
Над ними смеются.

<1870>

СОН НЕГРА (Из Лонгфелло)

*Измучен зноем и трудом,
Он наземь бросился ничком...
Недвижно рис над ним стоял.
Палимый зноем, он дремал...
То был ли бред, то был ли сон —
Родимый край увидел он.*

*Увидел он: в степи глухой
Несется Нигер голубой;
Под сенью пальм стоят шатры;
К ним караван ползет с горы,
И люди веселы кругом:
Он в том народе был царем.*

*Среди цветов стоит жена,
Толпой детей окружена;
И дети к ней, ласкаясь, льнут,
И в лес, отца искать, зовут...
И вот сквозь сон, горячий сон,
В бреду заплакал тихо он...*

*И снова чудится во сне:
На борзom мчится он коне.
Как вольный вихорь, конь летит,*

*Взбивая прах из-под копыт,
Златою сбруею звеня,
И сабля бьет в бока коня...*

*Что миг — свободней дышит
грудь!
Что шаг — торжественнее путь,
Всё ближе горы. Лев рычит,
Кричит гиена, змей свистит,
И тяжело по тростникам
Идет в реке гиппопотам.*

*Под небом темно-голубым
Фламинго красный, перед ним
Несясь вдали, крылами бьет,
Как знамя красное, — и вот
Ему открылся кафров стан
И в очи глянул океан!*

*И встал он там, и слышит: вдруг
Подобный трубам, мощный звук
Поколебал и дол, и лес,
И глубь пустынь, и глубь небес...
То звал к свободе из оков
Великий дух своих сынов.*

*И вздрогнул он, услыша клич...
И уж не чувствовал, как бич*

*По нем скользнул, и как ногой
Его толкнул хозяин злой,
Как он, сдавив досады вздох,
Пробормотал потом: «Издох!..»*

1859

**КУПАЛЬЩИЦЫ
(Мелодия с берегов Ганга)**

*Люблю тебя, месяц, когда озаря-
ешь
Толпу шаловливых красавиц, иду-
щих
С ночного купанья домой!*

*Прекрасен ты, воздух, неся издале-
ка
С венков их роскошных волну аро-
мата,
Их нам возвещая приход.*

*Прекрасно ты, море, когда твою
свежесть
Я слышу у них на груди и ланитах,
И в черных, тяжелых косах...*

1862

ИЗ «КРЫМСКИХ СОНЕТОВ» МИЦКЕВИЧА

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

В простор зеленого врываю океана;

Телега, как ладья в разливе светлых вод,

В волнах шумящих трав среди цветов плывет,

Минуя острова колючего бурьяна.

Темнеет: впереди — ни знака, ни кургана.

Вверяясь лишь звездам, я двигаюсь вперед...

Но что там? облако ль? денницы ли восход?

Там Днестр; блеснул маяк, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небе слышен лет,

*А их — и сокола б не уловило око!
Былинку мотылек колеблет; вот ползет*

Украдкой скользкий уж, шурша в траве высокой, —

Такая тишина, что зов с Литвы б далекой

*Был слышен... Только нет, никто
не позовет!*

2

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА

*Скачу, как бешеный, на бешеном
коне;*

*Долины, скалы, лес мелькают
предо мною,*

*Сменяясь, как волна в потоке за
волною...*

*Тем вихрем образов упиться —
любо мне!*

*Но обессилел конь. На землю ти-
хо льется*

*Таинственная мгла с темнеющих
небес,*

*А пред усталыми очами всё
несется*

*Тот вихорь образов — долины,
скалы, лес.*

*Всё спит, не спится мне — и к мо-
рю я сбегая;*

*Вот с шумом черный вал подхо-
дит, жадно я*

К нему склоняюсь и руки прости-

раю...

Всплеснул, закрылся он; хаос повлек меня —
И я, как в бездне челн крутимый, ожидаю,
Что вкусит хоть на миг забвенья мысль моя.

3

АЛУШТА ДНЕМ

Пред солнцем гребень гор снимает свой покров,
Спешит свершить намаз свой ни-ва золотая,
И шелохнулся лес, с кудрей своих роняя,
Как с ханских четок, дождь камней и жемчугов;

Долина вся в цветах. Над этими цветами
Рой пестрых бабочек — цветов летучих рой —
Что полог зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымает завес свой.

Над бездною морской стоит ска-
ла нагая.

Бурун к ногам ее летит и, раздро-
бясь

И пеною, как тигр глазами, весь
сверкая,

Уходит с мыслию нагряться в
тот же час.

Но море синее спокойно — чайки
реют,

Гуляют лебеди и корабли белеют.

1869

РАЗРУШЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Ущельем на гору мы шли в ту
ночь, в оковах.

Уже багровый блеск на мутных
облаках,

Крик пролетавших птиц и смех
вождей суровых

Давно питали в нас зловещий,
тайный страх.

Идем... И — ужас! — вдруг сверк-
нул огонь струею

На шлемах всадников, предше-
ствовавших нам...

Пылал Ерусалим! Пылал священный храм,
И ветер пламя гнал по городу рекою...

И вопли наши вдруг в единый вопль слились...
«Ах, мщенья, мщения!..» Но дико загремели
Ручные кандалы... «О бог отцов! ужели
Ты медлишь! Ты молчишь!.. Восстань! Вооружись

В грома и молнии!..» Но всё кругом молчало...
С мечами наголо, на чуждом языке
Кричала римская когорта и скакала
Вкруг нас, упавших ниц в отчаянной тоске...

И повлекли нас прочь... И всё кругом молчало...
И бог безмолвствовал... И снова мы с холма
Спускаться стали в дол, где уле-

галасть тьма,
А небо на нее багряный блеск ро-
няло.

<1862>

ВАЛКИРИИ

Высоко, безмолвно
Над полем кровавым
Сияет луна;

Весь берег — далёко
Оружьем и храбрых
Телами покрыт!

Герои! Им слава
И в людях, и в небе
Почет у богов!

Вон — тень пролетает
По долам, по скалам,
На блеске морском:

То, светлые, мчатся
Валкирии-девы
С эфирных высот!

Одежд их уж слышен
И крыл лебединых

По воздуху свист,

*Доспехов бряцанье,
Мечей ударенье
По звонким щитам,*

*И радостный оклик,
И бурные песни
Неистовых дев:*

*«В Валгаллу! В Валгаллу!
Один-Вседержитель
Уж пир зачинал!*

*От струнного звона,
От трубного звука
Чертоги дрожат!*

*И светочи жарко
Горят смоляные,
И пенится мед, —*

*В Валгаллу, герои!
Там вечная юность —
Ваш светлый удел,*

*Воздушные кони,
Одежды цветные,*

Мечи и щиты,

*Рабыни и жены,
И в пире с богами
Места на скамьях!»*

1873

ПЕРЕВОДЫ И ВАРИАЦИИ ГЕЙНЕ

ГЕЙНЕ (Пролог)

*Давно его мелькает тень
В садах поэзии родимой,
Как в роще трепетный олень,
Врагом невидимым гонимый.
И скачем мы за ним толпой,
Коней ретивых утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И криком воздух оглашая.
Олень бежит по ребрам гор
И с гор кидается стрелой
В туманы дремлющих озер,
Осеребренные луною...
И мы стоим у берегов...
В туманах — замки, песен звуки,
И благовония цветов,
И хохот, полный адской муки...*

1857

«ПОРА, ПОРА ЗА УМ МНЕ ВЗЯТЬСЯ!..»

*Пора, пора за ум мне взяться!
Пора отбросить этот вздор,
С которым в мир привык являть-
ся
Я, как напыщенный актер!*

*Смешно всё в мантии иль тоге,
С партера не сводя очей,
Читать в надутым монологе
Анализ сердца и страстей!..*

*Так... но без ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смешон был пафос ложный;
Противен смех теперь ему!*

*Ведь всё ж, на память роль чи-
тая,
В ней вопли сердца я твердил
И, в глупой сцене умирая,
Взаправду смерть в груди носил!*

1857

«СЕРДЦЕ, СЕРДЦЕ! ЧТО ТЫ ПЛАЧЕШЬ?..»

Сердце, сердце! что ты плачешь?

*Иль судьба тебе страшна?
Полно! что зима отымет —
Всё отдаст тебе весна!*

*А ведь что еще осталось!
Божий мир не обойдёшь!
Выбирай себе любое,
Что полюбишь — всё возьмешь!*

1857

«ОСЕННЕГО МЕСЯЦА ОБЛИК...»

*Осеннего месяца облик
Сквозит в облаках серебром.
Стоит одинок на кладбище
Пастора умершего дом.*

*Уткнулася в книгу старуха;
Сын тупо на свечку глядит;
Две дочери сидят сложа руки;
Зевнувши, одна говорит:*

*«Вот скука-то, господи боже!
В тюрьме веселее живут!
Здесь только и есть развлеченья.
Как гроб с мертвецом принесут!»*

*Старуха в ответ проронила:
«Всего четверых принесли*

С тех пор, как отца схоронили...
Ох, дни-то как скоро прошли!»

Тут старшая дочка очнулась:
«Нет, полно! Невмочь голодать!
Отправлюсь-ка лучше я к графу!..
С терпеньем-то нечего взять!..»

И вторит ей брат, оживившись:
«И дело! А я так в шинок,
У добрых людей научиться
Казной набивать кошелек!»

В лицо ему книгу швырнула
Старуха, не помня себя:
«Издохни ты лучше, проклятый!
Отец бы услышал тебя!»

Вдруг все на окно оглянулись,
Оттуда рука им грозит:
Умерший пастор перед ними
Во всем облаченьи стоит...

1857

«НЕ ТЕРЯЙ, МОЙ ДРУГ, ТЕРПЕНЬЯ...»

Не теряй, мой друг, терпенья,
Что в стихах моих порой
Слышно старое мученье,

Веет прежнюю тоской!..

*Дай, умолкнет в сердце эхо
Прежних бед и мук моих —
Полон счастья, полон смеха,
Из души польется стих.*

1857

**«МНОГО СЛЫШАЛ ДОБРЫХ Я
СОВЕТОВ...»**

*Много слышал добрых я советов,
Наставлений, ласки и обетов;
Говорили: «Только не ропщите,
Мы уж вас поддержим, погоди-
те!»*

*Я поверил, ждал, заботы кинул,
И едва от голоду не сгинул...
Да нашелся добрый человек,
Поддержал, спасибо, он мой век.*

*Каждый день он хлеба мне прино-
сит,
И в награду ничего не просит...
Обнял бы его я — да нельзя!
Человек-то добрый этот — я.*

1852

НА МОРЕ

Тишь и солнце! спят пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудные морщины
Вкруг бегут от корабля.

В штиль о море не тревожась,
Спит, как мертвый, рулевой.
Весь в дегтю, у мачты съезжась,
Мальчик чинит холст худой.

С грязных щек румянец пышет,
Рот, готовый всхлипнуть, сжат;
Грудь всё чаще, чаще дышит,
Лоб наморщен, поднят взгляд,

Перед ним, багров от водки,
Капитан стоит, вопя:
«Негодяй! ты — красть селёдки!
Вот я вышколю тебя!»

Тишь и солнце!.. В влаге чистой
Рыбка прыгает; кольцом
Вьет свой хвостик серебристый,
Шутит с солнечным лучом.

Вдруг по небесам пустынным
Свищет чайка как стрела,

*И, нырнувши клювом длинным,
С рыбкой в небо поплыла.*

1857

«ОСЕРДИВШИСЬ, КАСТРАТЫ...»

*Осердившись, кастраты,
Что я грубо пою,
Злобным рвеньем объаты,
Песнь запели свою.*

*Голоса их звенели,
Как чистейший кристалл;
В их руладе и трели
Колокольчик звучал;*

*Чувства в дивных их звуках
Было столько, что вокруг
В истерических муках
Выносили старух.*

1857

«НУ, ВРЕМЯ! КОНЦА НЕ ДОЖДЕШЬСЯ!...»

*Ну, время! конца не дождешься!
И ночь-то! и дождик-то льет!
К окну подойдешь, содрогнешься,
И за сердце злоба возьмет.*

А вон — с фонарем через лужи
Ведь вышел же кто-то бродить...
Старушка-соседка! дрожит, чай,
от стужи,
Да надобно мучки купить.

Чай, хочет, бедняжка, для дочки,
для крошки
Пирог она завтра испечь...
А дочка, поджавши ленивые нож-
ки,
Изволили в кресла залечь...

И шурят на свечку глазенки...
И рады, что пусто вокруг.
Лепечут, шая, их губенки
Заветное имечко вслух,

1857

«ПЛАЧУ Я, В ЛЕСУ БЛУЖДАЯ...»

Плачу я, в лесу блуждая.
Дрозд за мной по веткам скачет,
На меня он всё косится
И щебечет: «Что он плачет?»

«Ты спроси своих сестричек,
Умных ласточек спроси ты,
У которых гнезда прямо

Над окошком милой свиты!»

1857

«СИЯЛ ОДИН МНЕ В ЖИЗНИ...»

*Сиял один мне в жизни,
Один чудесный лик!
Но он угас — и мраком
Я был затоплен вмиг...*

*Когда детей внезапно
В лесу застигнет ночь,
Они заводят песню,
Чтоб ужас превозмочь;*

*И я, чтобы не думать,
Пою среди людей...
Скучна им эта песня —
Да мне не страшно с ней!*

1857

«Я ВГЛЯДЫВАЮСЬ ЖАДНО...»

*Я вглядываюсь жадно
В портрет ее немой —
И, мнится, оживает
Она передо мной;*

Глядит мне прямо в очи,

*С улыбкой и слезой,
И, точно сожалея,
Качает головой...*

*Невольню слезы льются
Из глаз моих в ответ...
Не верится! ужели
Ее уж больше нет!..*

1856

«ОДИНОКАЯ СЛЕЗКА...»

*Одинокая слезка
По ланитам прокралась...
Лишь одна от бывшего
Мне она оставалась...*

*Ее светлые сестры —
Их развеяли годы!
С ними радость и горе
Унесли непогоды...*

*Расплылися в туманы
Прежних звезд мириады,
Проливавших так много
Мне на сердце отрады...*

*В самом сердце уж нету
На любовь отголоска...*

*Уж и ты проливайся,
Одинокая слезка!*

1857

«В ТОЛПЕ ОПЯТЬ Я СЛЫШУ ПЕСНЮ...»

*В толпе опять я слышу песню,
Что пела милая когда-то...
Ах, в это праздничное солнце
Еще страшней ее утрата!*

*И, уронить бояся слезы,
При всех я очи потупляю,
И в лес спешу, но за слезами
Едва дорогу различаю...*

1857

«ЧТО ЗА МИЛЫЙ ЭТО МАЛЬЧИК!..»

*Что за милый это мальчик!
Как он рад всегда поэту
Предложить отведать устриц,
Сделать честь его Моэту!*

*Вечно — фрак и белый галстук;
Тон хорошего сословья;
По утрам ко мне он ходит
О моем узнать здоровье;*

*О моей хлопочет славе,
Остроты мои собирает;
Мне в делах или в безделье
Услужить не пропускает;*

*Декламирует в салонах,
Дам пленяя слух и взгляды,
Из моих творений дивных
Вдохновенные тирады...*

*О, такие люди — редкость,
Хоть смешны порой, как дети,
В век, когда уж лучших нету,
Да выводятся и эти!*

1856

«МНЕ СНИЛОСЬ: НА РЫНКЕ, В
НАРОДЕ...»

*Мне снилось: на рынке, в народе,
Я встретился с милой моей;
Но — как она шла боязливо,
Как бедно всё было на ней!*

*В лице исхудалом и бледном,
С своею ресницей густой,
Глаза только прежние были
И чудной сияли душой.*

У ней на руке был ребенок;
За палец держась, попевать
За нею другой торопился —
Румяный... как некогда мать...

И с ними пошел я, тоскливо
Потупивши в землю глаза.
В груди моей точно проснулись
Подавленных чувств голоса.

«Пойдем, — я сказал ей, — жить
вместе;
Я нянчиться буду с тобой,
Ходить за детьми и работать,
И вновь расцветешь ты душой!»

Она подняла ко мне очи,
И очи сказали без слов,
Одной только грустью: «Уж поздно!»
И я зарыдать был готов...

И в очи смотрели ей дети,
Вдруг обняли мать горячо...
Их крик уязвил мою душу...
Вдруг слышу, меня за плечо

Хватает еврей, мой издатель:

«Победа! — кричит. — Торжество!

В три дня разошлось всё издание...»

О, как же я проклял его!..

1857

«МЕНЯ ТЫ НЕ СМУТИЛА...»

*Меня ты не смутила,
Мой друг, своим письмом.
Грозил со мной всё кончить —
И пишешь — целый том!*

*Так мелко и так много...
Читаю битый час...
Не пишут так пространно
Решительный отказ!*

1857

«ЕЕ В ГРЯЗИ ОН ПОДОБРАЛ...»

*Ее в грязи он подобрал;
Чтоб всё достать ей — красть он
стал;
Она в довольстве утопала
И над безумцем хохотала.*

И шли пиры... Но дни текли —

*Вот утром раз за ним пришли:
Ведут в тюрьму... Она стояла
Перед окном и — хохотала.*

*Он из тюрьмы ее молил:
«Я без тебя душой изныл,
Приди ко мне!» — Она качала
Лишь головой и — хохотала.*

*Он в шесть поутру был казнен
И в семь во рву похоронен, —
А уж к восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.*

1857

НЕВОЛЬНИК

*Каждый день в саду гарема,
У шумящего фонтана,
Гордым лебедем проходит
Дочь великого султана.*

*У шумящего фонтана,
Бледный, с впалыми щеками,
Каждый раз стоит невольник
И следит за ней очами.*

*Раз она остановилась,
Подняла глаза большие*

*И отрывисто спросила:
«Имя? родина? родные?»*

— «Магомет, — сказал невольник:

*—
Емен — родина, а кровью
Я из афров, род, в котором
Рядом смерть идет с любовью».*

1856

«НА МОЛЬБЫ МОИ УПОРНО...»

*На мольбы мои упорно
Нет и нет ты говоришь,
А скажу ль: «Ну, так простимся!»*

*—
Ты рыдаешь и коришь...*

*Редко я молюсь, о боже!
Успокой ее ты разом!
Осуши ее ты слезы,
Просвети ее ты разум!*

1857

ЛИЛИЯ

*От солнца лилия пугливо
Головкой прячется своей,
Всё ночи ждет, всё ждет тоскли-*

60 —

Взошел бы месяц поскорей.

*Ах, этот месяц тихим светом
Ее пробудит ото сна,
И — всем дыханьем, полным цве-
том
К нему запросится она...*

*Глядит, горит, томится, бле-
щит,
И — все раскрывши лепестки,
Благоухает и трепещет
От упоенья и тоски.*

1857

ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬД

*Челн плывет, одетый в траур,
И, подобные теням,
Похоронные фигуры
В этом челне по бортам.*

*Перед ними — труп поэта;
С непокрытой головой
Всё он в небо голубое
Смотрит мертвый, как живой...*

Даль звенит... Кого-то кличет

*Точно нимфа из-за волн...
Точно всхлипывают волны,
Лобызать кидаясь челн.*

1857

«НОЧИ ТЕПЛЫЙ МРАК ГВОЗДИКИ...»

*Ночи теплый мрак гвоздики
Благовонием поят;
Точно рой золотистых пчелок,
Звезды на небе блестят.*

*В белом домике, сквозь зелень
Вижу, гаснет огонек;
Слышу стук стеклянной двери,
Слышу милый голосок...*

*Сладкий трепет; робкий шепот,
Нега счастья и любви...
И — внимательнее розы,
Вдохновенней соловьи.*

1857

«ОН УЖ СНИЛСЯ МНЕ КОГДА-ТО...»

*Он уж снился мне когда-то,
Этот самый сон любви!..
Воздух, полный аромата...
Поцелуи... соловьи...*

*Так же месяц всплыл двурогий,
И белеет водопад...
Так же мраморные боги
Сторожат у входа в сад...*

*Ах! я знаю, как жестоко
Изменяют эти сны!
Как заносит снег глубоко
Поле, полное весны...*

*Как мы сами сон свой губим,
Забываем и клянем, —
Мы, которые так любим
И блаженством жизнь зовем!..*

1857

«ЧУДНЫМ ЗВУКОМ ДАЖЕ НОЧИ...»

*Чудным звуком даже ночи
Наполняет мне весна,
И в мечтах моих, как эхо,
Отзывается она.*

*Точно в сказочном я мире...
Всё мне чудно — шум листов,
Пенье птичек-невидимок,
Аромат ночных цветов.*

Розы кажутся краснее,

*И вокруг головок их
Точно розлито сиянье,
Как вокруг ангелов святых.*

*Сам я — кажется в ту пору —
Сам я точно соловей,
И пою я этим розам
Всю тоску любви моей.*

*И пою я им до солнца,
Иль пока не грянет сам
Соловей весенней рощи
Вызов к братьям-соловьям.*

1857

КОРОЛЬ ГАРАЛЬД

*Король Гаральд на дне морском
Сидит уж век, сидит другой,
С своей возлюбленной вдвоем,
С своей царевною морской.*

*Сидит он, чарой обойден,
Не умирая, не живя;
В блаженстве тихо замер он;
Лишь сердце жжет любви змея.*

*Склонясь к коварной головой,
Он в очи демонские ей*

Глядит всё с вящею тоской,
Глядит всё глубже, всё страст-
ней.

Он, как пергамент, пожелтел,
В сухой щеке скула торчит;
Златистый локон поседел,
И только взгляд горит, горит...

И лишь когда гроза гремит,
И вокруг хрустального дворца
Хлябь, зеленея, закипит, —
Очнется бранный дух бойца;

В шуму и плеске слышит он
Норманнов оклик удалой —
И схватит меч, как бы сквозь сон,
И кинет прочь, махнув рукой.

Или когда над ним заря
Румянит свод прозрачных вод,
Он слышит песнь, как встарь мо-
ря
Гаральд браздил средь непогод, —

Его встревожит песня та;
Но злая дева сторожит,
И быстро алые уста

К его устам прижать спешит.

1857

АЛИ-БЕЙ

*Али-бей, герой ислама,
Упоенный сладкой негой,
На ковре сидит в гареме,
Между жен своих прекрасных.*

*Что игривые газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играет,
Та разглаживает кудри,*

*Третья, в лютню ударяя,
Перед ним поет и пляшет,
А четвертая, как кошка,
У него прижалась к сердцу...*

*Только вдруг гремят литавры,
Барабаны бьют тревогу:
«Али-бей! вставай на битву!
Франки выступили в поле!»*

*На коня герой садится,
В бой летит, но мыслью томной
Всё еще в стенах гарема
Между жен своих витает» —*

*И меж тем как рубит франков,
Улыбается он сладко
Милым призракам, и в битве
От него не отходящим...*

1858

«ТЫ ВСЯ В ЖЕМЧУГАХ И АЛМАЗАХ!...»

*Ты вся в жемчугах и алмазах!
Богатство — венец красоты!
При этом — чудесные глазки...
Ужель недовольна всё ты?*

*На эти чудесные глазки
Я рифмы сплетал как цветы,
И вышли — бессмертные песни...
Ужель недовольна всё ты?*

*Ах! эти чудесные глазки
Огнем роковым налиты...
От них я совсем погибаю...
Ужель недовольна всё ты?*

1865

«ИЗ МОЕЙ ВЕЛИКОЙ СКОРБИ...»

*Из моей великой скорби
Песни малые родятся,
И, звеня, на легких крыльях,*

Светлым роем к милой мчатся,

*Покружася над прекрасной,
Возвращаются и плачут...
Не хотят сказать, малютки,
Мне, что слезы эти значат...*

1857

«ПОСМОТРИ: ВО ВСЕМ ДОСПЕХЕ...»

*Посмотри: во всем доспехе
Муж, готовый выйти в бой;
Он уж бредит об успехе,
Меч свой пробуя стальной.*

*Вдруг амуров рой крылатый
С толку сбил его совсем:
Кто расстегивает латы,
Кто с главы срывает шлем;*

*Кто с улыбкою лукавой.
Пальчик к губкам приложив,
Шепчет на ухо — и славы
Позабыт святой призыв.*

*Узнаешь ли в этой сцене,
Милый ангел мой, меня?
Век зовет, бойцы в арене,
А в твоих объятьях я!*

1857

«ТЫ БЫСТРО ШЛА, НО ПРЕДО МНОЮ...»

*Ты быстро шла, но предо мною
Вдруг оглянулася назад...
Как будто спрашивали гордо
Уста открытые и взгляд...*

*К чему ловить мне было белый,
По ветру бившийся покров?..
А эти маленькие ножки...
К чему искал я их следов!*

*Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна.
Так возмутительно покорна
И так убийственно скучна!*

1857

ВЕСНОЮ

*Сверкая, проносятся волны реки...
Так любится сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетает венки
Румяная дева одна над рекою.*

*И солнце, и зелень! и жжет, и то-
мит!..
Так любится сердцу весною!..*

«Кому же венки?» — кто-то вслух
ей твердит,
И мчится мечта за мечтою...

Вот слышится топот... вот всад-
ник летит,
И перьями веет, и блещет он ста-
льюю...
Робеет малютка, и ждет, и мол-
чит —
Но миг — и он скрылся за синею
далью!..

И плачет, и мечет в золотые
струи
Бедняжка венки, с уязвленной ду-
шою...
А где-то запел соловей о любви...
Так любится сердцу весною!..

1857

НА ГОРАХ ГАРЦА

Раскрывайся, мир преданий!

Приготовься, сердце, к ним,
К сладким песням, тихим грезам,
К вдохновеньям золотым!

Я иду в леса густые,
Доберусь до замка я,
На который устремляет
Первый нежный луч заря.

Там среди седых развалин,
Как живые, предо мной
Встанут дней минувших люди
С прежней свежесою красой...

Вот он, вот! над ним, как прежде,
Полны блеску небеса,
А внизу — в волнах тумана
Словно плавают леса...

Но травой покрыта площадь,
Где счастливеец побеждал,
И победы приз у лучших,
Может быть, перебивал...

Плющ висит кругом балкона,
Где склонялась на скамью
Победившая очами
Победителя в бою...

Ах! и рыцаря, и даму
Смерть давно уж унесла...
Всех нас этот черный рыцарь

Вышибает из седла!

1868

РОМАН В ПЯТИ СТИХОТВОРЕНИЯХ

1

*Инеем снежным, как ризой, по-
крыт,
Кедр одинокий в пустыне стоит.
Дремлет, могучий, под песнями
вьюги,
Дремлет и видит — на пламен-
ном юге
Стройная пальма растет и, с
тоской,
Смотрит на север его ледяной.*

2

*Давно задумчивый твой образ,
Как сон, носился предо мной,
Всё с той же кроткою улыбкой,
Но — бледный, бледный и больной
—
Одни уста еще алеют,
Но прикоснется смерть и к ним
И всё небесное угасит
В очах лобзаньем ледяным.*

3

*В легком челне мы с тобою
Плыли по быстрым волнам...
Тихая ночь навевала
Грезы блаженные нам...*

*Остров стоял, как виденье,
Лунным лучом сияя;
Песни оттуда звучали
Сквозь серебристый туман.*

*Песни туда нас манили...
Но, и сильна, и темна,
В море, в широкое море
Грозно влекла нас волна.*

4

*Любовь моя — страшная сказка,
Со всем, что есть дикого в ней,
С таинственным блеском и бредом,
Создание жарких ночей.*

*Вот — «рыцарь и дева гуляли
В волшебном саду меж цветов...
Кругом соловьи грохотали,
И месяц светил сквозь дерев...*

Нема была дева, как мрамор...

*К ногам ее рыцарь приник...
И вдруг великан к ним подходит,
Исчезла красавица вмиг...*

*Упал окровавленный рыцарь...
Исчез великан»... а потом...
Потом... Вот когда похоронят
Меня — то и сказка с концом!..*

5

*Здесь место есть... Самоубийц
Тела там зарываются...
На месте том плакун-трава
Одна, как тень, качается...*

*Я там стоял... Душа моя
Тоскою надрывалася...
Плакун-трава в лучах луны
Таинственно качалася.*

<1866>

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ
На тему одной немецкой песни

*С шумом и топотом пляшет в
лугу молодежь,
В лад под визгливые скрипки.
Вдруг понеслась одна пара вперед,
из толпы*

Вынырнув, точно две рыбки.

Точно плывут они, тихо колых-
шась и в такт,
Мерно, как волны морские —
Но — усмеваются, глядя друг дру-
гу в глаза...
Ведает бог, кто такие!

«Вы, — говорит кавалеру она, —
здесь чужой?..
Белый на шляпе цветочек —
Только ведь в самой морской глу-
бине он растет...
Как ни рядитесь, дружочек,

Вас я узнала — по остреньким шу-
чьим зубкам
Тотчас же, с первого взгляда!
Вы — Водяной, и красотку сма-
нить за собой
В терем хрустальный вам надо».

Он отвечает: «Сударыня — ух!
как блестят
Ваши зеленые глазки!
Ручки — как холодны!.. Если ж об-
нимут — то смерть,

Верная смерть ваши ласки!

*Вас я по первому книксену тот-
час признал...*

*Так что... секрет неуместен...
Вы ведь — Русалка, сударыня...
Промысел наш,
Значит, друг другу известен»...*

*Ловко, изящно, от смеха же еле
держась,
Легкие оба такие,
Плавают, в медленном вальсе ко-
лышась, они
Мерно, как волны морские.*

*Кончился танец — они расстаются,
как все —
Он — с грациозным поклоном,
Книксен глубокий — она, — всё
как люди, давно
С лучшим знакомые тоном.*

1889

«ОНИ О ЛЮБВИ ГОВОРИЛИ...»

*Они о любви говорили
За чайным блестящим столом.
Изяществом дамы сияли,*

Мужчины — тончайшим умом.

«Любовь в платоническом чувстве», —

Заметил советник в звездах.

Советница зло улыбнулась,

Однако промолвила: «Ах!»

В ответ ему толстый каноник:

«Любить надо в меру, затем

Что иначе — вред для здоровья».

Княжна проронила: «А чем?»

С улыбкой давая барону

Душистого чаю стакан,

Графиня сказала протяжно;

«Амур — беспощадный тиран!»

За чаем еще было место:

Тебе б там, малютка, засесть

И, слушая только сердечка,

Урок о любви им прочесть.

<1866>

««СКОЛЬКО ЯДУ В ЭТИХ ПЕСНЯХ!..»

«Сколько яду в этих песнях!

Сколько яду, желчи, зла!..»

Что ж мне делать! столько яду

В жизнь мою ты пролила!

*«Сколько яду в этих песнях!»
Что ж мне делать, жизнь моя!
Столько змей ношу я в сердце,
Да и сверх того — тебя!*

<1866>

«КРАСА МОЯ, РЫБАЧКА...»

*Краса моя, рыбацка,
Причалъ сюда челнок,
Садись, рука с рукою,
Со мной на бережок.*

*Прижмись ко мне головкой,
Не бойся ничего!
Вверяешься ж ты морю —
Страшнее ль я его?*

*Ах, сердце — тоже море!
И бьется, и бурлит,
И так же дорогие
Жемчужины таит!*

<1866>

ЛОРЕЛЕЯ

Беда ли, пророчество ль это...

Душа так уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преследует всюду меня...

Всё чудится Рейн быстроводный,
Над ним уж туманы летят,
И только лучами заката
Вершины утесов горят.

И чудо-красавица дева
Сидит там в сияньи зари,
И чешет златым она гребнем
Златистые кудри свои.

И вся-то блестит и сияет,
И чудную песню поет:
Могучая, страстная песня
Несется по зеркалу вод...

Вот едет челнок... И внезапно,
Охваченный песнью ее,
Пловец о руле забывает
И только глядит на нее...

А быстрые воды несутся...
Погибнет пловец средь зыбей!
Погубит его Лорелея
Чудесною песнью своей!..

<1867>

AUF FLUGELN DES GESANGES[43]

*Поэзии гений крылатый,
Незримой воздушной стезей,
В край солнца, к источникам Ган-
га,
Умчит нас, мой ангел, с тобой!*

*В глубокой, цветущей долине,
В виду неприступных снегов.
Ты явишься пышной царицей
Роскошнейших в мире цветов!*

*Там пенные с гор водопады,
И шелест волны в тростнике,
Толпы богомольцев, идущих
Омыться в священной реке.*

*Всё чудные сказки нам скажет
Про войны людей и духов,
Про жен, исторгавших супругов
Из челюстей адских богов...*

*Услышим мы вопль их страданий,
И вдруг — в их далекой любви,
Сквозь бездну веков, мы узнаем
Любовь и страданья свои...*

1867

«НЕЖДАННОЙ МОЛНИЕЙ, ВПОЛНЕ...»

*Нежданной молнией, вполне
Открывшей мне тот мрак глубо-
кий,
Где чуть дышу я, были мне
Тобой начертанные строки...*

*Среди обломков, ты одна
В моем минувшем — образ ясный,
Как мрамор божески прекрасный,
Но и как мрамор холодна!..*

*О, каковы ж мои мученья!..
Вдруг этот мрамор тронут! он
Заговорил! и сожаленья
Слезой теплой окроплен!..*

*А ты, мой бог! Тебя напрасно
Молю я: узел развяжи,
Дай мне покой, и положи
Конец трагедии ужасной!*

<1866>

«КОНЕЦ! ОПУЩЕНА ЗАВЕСА!...»

*Конец! Опущена завеса!
К разъезду публика спешит...*

Ну что ж? успех имела пьеса?
О да! В ушах моих звучит
Еще доселе страстный шепот,
И крик, и вызовы, и топот...
Ушли... И зала уж темна,
Огни потухли... Тишина...

Чу! что-то глухо прозвенело
Во тьме близ сцены опустелой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипке?.. Там что?
Крысы
Грызут ненужные кулисы...

И лампы гаснут, и чадит
От них дымящееся масло...
Одна осталась... вот — шипит,
Шипит... чуть тлеет... и угасла...
Ах, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857

EXCELSIOR[44]

«О ЦАРСТВО ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ...»

*О царство вечной юности
И вечной красоты!
В твореньях светлых гениев
Нам чувствуешь ты!*

*Сияющие мраморы,
Лизипп и Пракситель!..
С бессмертными мадоннами
Счастливый Рафаэль!..*

*Святая лира Пушкина,
Его кристальный стих,
Моцартовы мелодии,
Всё радостное в них —*

*Всё то — не откровенья ли
С надзвездной высоты.
Из царства вечной юности
И вечной красоты?..*

1883

«ЧУЖОЙ ДЛЯ ВСЕХ...»

*Чужой для всех,
Со всеми в мире —*

Таков, поэт,
Твой жребий в мире!

Ты — на горе,
Они — в долине;
Но — бог и свет
В твоей пустыне.

Их дух привык
Ко тьме и ночи,
И голый свет
Им режет очи, —

Но ведь и им,
На самом пире,
Им нужно знать,
Что есть он в мире,

Что где-нибудь
Еще он светит,
Что воззовешь —
И он ответит!

1872

ПУСТЫННИК

И ангел мне сказал: иди, оставь
их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там

огонь лампы,
Тебе поверенный, до срока убережь,
Дабы, когда тщету сует они по-
знают,
Возжаждут Истины и света по-
желают,
Им было б чем свои светильники
возжечь.

<1883>

EXCELSIOR
(Из Лонгфелло)

На высях Альп горит закат;
Внизу, в селеньи, стены хат
Отливом пурпурным сияют...
Вдруг видят люди: к ним идет
Красавец юноша, несет
В руке хоругвь, на ней читают:
Excelsior!

Идет он мимо — вверх — туда,
Где царство смерти, царство
льда;
Не смотрит, есть иль нет доро-
га;
Лишь ввысь, восторженный, гля-
дит,
И клик его в горах звучит,

Как звук серебряного рога:
Excelsior!

Предупреждают старики:
«Куда идешь? Там ледники!
Там не была нога людская!
Спокон веков там ходу нет!»
Но он не слушает, в ответ
Лишь кликом горы оглашая:
Excelsior!

Краса-девица говорит:
«Останься здесь, от бурь укрыт,
Любим и счастлив с нами вечно!»
Он перед ней замедлил шаг,
Но через миг опять в горах
Раздалось, вторясь бесконечно:
Excelsior!

И вот уж скрылся он из глаз —
Уж пурпур на горах погас,
Бледнеют снежные вершины,
И там, в безмолвьи ледяном,
Звучит, как отдаленный гром,
С высот несущийся в долины:
Excelsior!

Чуть свет, при меркнущих звезд-

дах,
На льды в обход пошел монах,
Неся запас вина и хлеба, —
И слышит голос над собой
Как бы от тверди голубой,
С высот ясного неба;
Excelsior!

И тут же лай собаки, вмиг
Он к ней — и видит: в снеговых
Сугробах юноша... О, боже!
Он бездыханен, смертный сон
Его сковал, и держит он
В руке хоругвь, где надпись тоже
—
Excelsior!

Уж горы облило зарей:
Лежит он, бледный и немой,
Среди пустынь оледенелых...
Стоит и слышит вдруг монах —
Уже чуть внятно — в высотах —
В недосыгаемых пределах:
Excelsior!

1881

«КУДА Б НИ ШЕЛ ШУМЯЩИЙ МИР...»

Куда б ни шел шумящий мир,
Что б разум будничный ни стро-
ил,
На что б он хор послушных лир
На всех базарах ни настроил, —
Поэт, не слушай их. Пускай
Растет их гам, кипит работа, —
Они все в Книге Жизни — знай —
Пойдут не дальше переплета!
Святые тайны Книги сей
Раскрыты вещему лишь оку:
Бог открывался сам пророку,
Его ж, с премудростью своей,
Не видел гордый фарисей.
Им только видимость — потре-
ба,
Тебе же — сущность, тайный
смысл;
Им — только ряд бездушных
числ,
Тебе же — бесконечность неба,
Задача смерти, жизни цель —
Неразрешимые досель,
Но уж и в чаемом решенье,
Уже в предчувствии его
Тебе дающие прозренья
В то, что для духа — вещество
Есть только форма и явленье.

1888

«БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ, ВЕСТНИКИ СВЕТЛОЙ
ВЕСНЫ, ПРОЛЕТЕЛИ...»

*Белые лебеди, вестники светлой
Весны, пролетели.
Сердце Земли встрепенулось,
сверкнули ожившие воды...
Миг — и проглянут цветы... Да,
Весна это, Радость-весна!
Как эти лебеди, мысли виденьем в
душе пролетают,
Сердце трепещет в груди... проби-
ваются слезы восторга:
Чувствую — близятся — их ося-
заю и вижу — стихи!*

1891

«ЗАЧЕМ ПРЕДВЕЧНЫХ ТАЙН
СВЯТЫНИ...»

*Зачем предвечных тайн святыни
В наш бранный образ облекать,
И вымыслом небес пустыни,
Как бедный мир наш, населять?*

*Зачем давать цвета и звуки
Чертам духовной красоты?
Зачем картины вечной муки*

И рая пышные цветы?

*Затем, что смертный подымает
Тогда лишь взоры к небесам,
Когда там радуга сияет
Его восторженным очам...*

1887

«ВДОХНОВЕНЬЕ — ДУНОВЕНЬЕ...»

*Вдохновенье — дуновенье
Духа божья!.. Пронеслось —
И бессмертного творенья
Семя бросило в хаос.*

*Вмиг поэт душой воспрянет
И подхватит на лету,
Отольет и отчеканит
В медном образе — мечту!*

1889

ХУДОЖНИКУ

*К тебе слетело вдохновенье —
Его исчерпай всё зараз,
Покуда творческий восторг твой
не погас
И полон ты и сил, и дерзновенья!
Оно недолго светит с вышины*

*И в смысл вещей, и духа в глубины,
И твоего блаженства миг недо-
лог!*

*Оно умчалось — и тотчас пред
тобой*

*Своей холодной рукой
Обычной жизни ночь задернет
темный полог.*

1881

«ЕСТЬ МЫСЛИ ТАЙНЫЕ В ДУШЕВНОЙ
ГЛУБИНЕ...»

*Есть мысли тайные в душевной
глубине;*

*Поэт уж в первую минуту их
рожденья*

*В них чует семена грядущего тво-
ренья.*

*Они как будто спят и зреют в ти-
хом сне,*

*И ждут мгновения, чьего-то
ждут лишь знака,*

*Удара молнии, чтоб вырваться из
мрака...*

*И сходишь к ним порой украдкой и
тайком,*

*Стоишь, любишь таинствен-
ным их сном,*

Как мать, стоящая с заботою
безмолвной
Над спящими детьми, в светлице,
тайны полной...

1868

«ВОЗВЫШЕННАЯ МЫСЛЬ ДОСТОЙНОЙ
ХОЧЕТ БРОНИ...»

Возвышенная мысль достойной
хочет брони;
Богиня строгая — ей нужен пьедестал,
И храм, и жертвенник, и лира, и
кимвал,
И песни сладкие, и волны благово-
ний...

Малейшую черту обдумай строго
в ней,
Чтоб выдержан был строй в на-
ружном беспорядке,
Чтобы божественность сквозила
в каждой складке
И образ весь сиял — огнем души
твоей!..

Исполнен радости, иль гнева, иль
печали,

*Пусть вдруг он выступит из
тьмы перед тобой —
И ту рассеет тьму, прекрасный
сам собой
И бесконечностью за ним лежа-
щей дали...*

1869

«ОКОНЧЕН ТРУД — УЖ ОН МНЕ ТРУД
ПОСТЫЛЫЙ...»

*Окончен труд — уж он мне труд
постылый.
Как будто кто всё шепчет: пого-
ди!
Твой главный труд — еще он впе-
реди,
К нему еще ты только копишь си-
лы!
Он облачком чуть светит заре-
вым,
И всё затмит, все радости бывые,
—
Он впереди — святой Ерусалим,
То всё была — еще Антиохия!*

1887

««НЕ ОТСТАВАЙ ОТ ВЕКА» — ЛОЗУНГ
ЛЖИВЫЙ...»

*«Не отставай от века» — лозунг
лживый,
Коран толпы. Нет: выше века
будь!
Зигзагами он свой свершает путь,
И вкривь, и вкось стремя свои раз-
ливы.
Нет! мысль твоя пусть зреет и
растет,
Лишь в вечное корнями углубля-
ясь,
И горизонт свой ширит, возвыша-
ясь
Над уровнем мимобегущих вод!
Пусть их напор неровности в ней
сгладит,
Порой волна счастливый даст
толчок, —
А золота крупинку мчит поток
—
Оно само в стихе твоём осядет.*

1889

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

*Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии
небесной*

*Вдруг понеслась нежданная
струя...*

Нездешними мне кажутся их звуки:

*Как бы, вляясь в его бессмертный
стих,*

*Земное всё — восторги, страсти,
муки —*

В небесное преобразилось в них!

1887

«МЫ ВЫРОСЛИ В СУРОВОЙ ШКОЛЕ...»

Мы выросли в суровой школе,

В преданьях рыцарских веков,

И зрели разумом и волей

Среди лишений и трудов.

Поэт той школы и закала,

Во всеоружии всегда,

В сей век Астарты и Ваала

Порой смешон, быть может... Да!

Его коня равняют с клячей,

И с Дон-Кихотом самого, —

Но он в святой своей задаче

Уж не уступит ничего!

И пусть для всех погаснет небо,

И в тьме приволье все найдут,

И ради похоти и хлеба

*На всё святое посягнут, —
Один он — с поднятым забралом*

*—
На площади — пред всей толпой*

*—
Швырнет Астартам и Ваалам
Перчатку с вызовом на бой.*

1890

ГР. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

*Стихов мне дайте, граф, стихов,
Нетленных образов и вечных,
В волшебстве звуков и цветов
И горизонтов бесконечных!
Чтоб, взволновав, мне дали мир,
Чтоб я и плакал, и смеялся,
И вместе — старый ювелир —
Их обработкой любовался...
Да! ювелир уж этот стар,
Рука дрожит, — но во мгновенье
Готов в нем вспыхнуть прежний
жар
На молодое вдохновенье!*

1887

**Е. И. В. ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ**

Зачем смущать меня под старость!

*Уж на покой я собрался —
Убрал поля, срубил леса,
И если новая где зарость
От старых тянется корней,
То это — бедные побеги,
В которых нет уж прежних дней
Ни величавости, ни неги...
Даль безграничная кругом,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
В безмолвном торжестве своем...
И вот — нежданно, к нелюдиму,
Ваш стих является ко мне
И дразнит старого, как в зиму
Воспоминанье о весне...*

1887

ОТВЕТ

(К. А. Дворжицкому)

*Во многолюдстве шумном света,
С его базарной суетой,
Уж чует вещью душой
Издадека поэт поэта.
Им любо, если довелось
Хоть перекинуться порою,
Над этой тесною толпою,*

Букетом из душистых роз...
Ты перебросил мне нежданно
Свой дорогой, благоуханный
Дар поэтической любви —
Так вот и мой тебе — лови!

5 мая 1887

ОТВЕТ Л.

Нет, то не Муза, дщерь небес,
Что нас детьми уж дразнит сла-
вой!

То злобный гений, мрачный бес,
То сын погибели лукавый
К нам, улыбаясь, предстаёт,
Пленит нас лирою заемной,
И поведет, и понесет,
И пред тобой уж тартар тем-
ный,

Но ты летишь в него стремглав,
Без рассужденья, без сознанья,
В душе, увы! давно поправ
Любви и веры упованья,
Не признавая ничего
И, бесу в радость и забаву,
За недающуюся славу
Кляня и мир, и божество!

Нет, Муза — строгая богиня:

*Ей слава мира — тлен и прах!
Ей сердце чистое — святыня,
И ум, окрепнувший в трудах!
В жизнь проникая постепенно,
И в глубину, и в высоту,
Она поет отцу вселенной
С своею лирой умиленной
Его творений красоту!*

1887

«МЫСЛЬ ПОЭТИЧЕСКАЯ — НЕТ!..»

*Мысль поэтическая — нет! —
В душе мелькнув, не угасает!
Ждет вдохновенья много лет
И, вспыхнув вдруг, как бы в ответ
Призыву свыше — воскресает...*

*Дать надо времени протечь,
Нужна, быть может, в сердце ра-
на —
И не одна, — чтобы облечь
Мысль эту в образ и извлечь
Из первобытного тумана...*

1887

«ВОПЛОЩЕННАЯ, СВЯТАЯ...»

Воплощенная, святая,

В обаяньи красоты,
Ты, земле почти чужая,
Мысль художника — что ты?
Посреди сплошного мрака,
В глубине пустынь нагих,
Ни пути где нет, ни злака,
Ни журчанья вод живых;
Под напором черной тучи,
Что из вечности несет
Адский вихрь, что пламя, жгучий,
От которого всё мрет, —
Ты — удар посланца божья
В мрак сей огненным мечом,
Ужас тьмы и бездорожья
Вмиг рассеявший кругом
И открывший для поэта
Солнце Истины над ним,
Мир кругом — в сияньи света,
И в душе его, поэта,
Образ, выстраданный им!

1888

«ВЧЕРА — И В САМЫЙ МИГ РАЗЛУКИ...»

Вчера — и в самый миг разлуки
Я вдруг обмолвился стихом —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечным лучом
И близь, и даль озолотило...

*Но не кори меня, мой друг!
Венец свой творческая сила
Кует лишь из душевных мук!
Глубоким выхвачен он горем
Из недр души заповедных.
Как жемчуг, выброшенный морем
Под грохот бури, — этот стих!*

1889

«ИЗ ТЕМНЫХ ДОЛОВ ЭТИХ ВЗОР...»

*Из темных долов этих взор
Всё к ним стремится, к высям
гор,
Всё чудится, что там идет
Какой-то звон и всё зовет:
«Сюда! Сюда!..» Ужели там
В ледяных пустынях — божий
храм?*

*И я иду на чудный зов;
Достиг предела вечных льдов;
Но храма — нет!.. Всё пусто
вкруг;
Последний замер жизни звук;
Туманом мир внизу сокрыт, —
Но надо мною всё гудит
Во весь широкий небосклон:
«Сюда! Сюда!» — всё тот же*

звон...

1883

В. и А.

*Всё, чем когда-то сердце билось
В груди поэта, в чем, творя,
Его душа испепелилась,
Вся в бурях творчества сгоря, —
В толпе самодовольной света
Встречая чуть что не укор,
Всё — гаснет, тускнет без приве-
та,
Как потухающий костер...
Пахнёт ли ветер на мгновенье
И вздует уголь здесь и там —
И своего уж он творенья
Не узнает почти и сам...
Восторг их первого созданья,
Их мощь, их блеск, их аромат —
Исчезло всё, и средь молчанья
Их даже самые названья
Могильной надписью звучат!
Безмолвный, робкий, полн сомне-
ний,
Проходит он подобно тени
Средь века хладного вождей,
Почти стыдяся вдохновений
И откровений прежних дней.*

Но поколенья уж иного
Приходит юноша-поэт:
Одно сочувственное слово —
Проснулся бог и хлынул свет!
Встают и образы, и лица,
Одушевляются слова,
Племен, народов вереница,
Их голоса, их торжества,
Дух, ими двигавший когда-то,
Всё — вечность самая встает,
И душу старшего собрата
По ним потомок узнает!
Да! крепкий выветрится камень,
Литой изржавеет металл,
Но влитый в стих сердечный пла-
мень
В нем вечный образ воспринял!
Твори, избранник муз, лишь вторя
Чудесным сердца голосам;
Твори, с кумиром дня не споря,
И строже всех к себе будь сам!
Пусть в испытаньях закалится
Свободный дух — и образ твой
В твоих созданьях отразится
Как общий облик родовой.

Октябрь 1887

«ОСТАВЬ, ОСТАВЬ! НА

ВДОХНОВЕННЫЙ...»

*Оставь, оставь! На вдохновенный,
На образ Музы неземной
Венок и вянущий, и тленный
Не возлагай! У ней есть свой!
Ей — полной горних дум и грезь,
Уж в вечность глянувшей — ней-
дут*

*Все эти праздничные розы,
Как прах разбитых ею пут!
Ее венок — неосязаем!
Что за цветы в нем — мы не зна-
ем,
Но не цветы они земли,
А разве — долов лучезарных,
Что нам сквозят в ночах поляр-
ных
В недосыгаемой дали!*

1888

МОЕМУ ИЗДАТЕЛЮ (А. Ф. Марксу)

*Издатель добрый мой! Вот вам
мои творенья!
Вы — друг испытанный, вам мож-
но верить их...
А всё в их авторе, в последний са-*

мый миг,
Такие ж всякий раз тревоги и со-
мненья...
Он — жил в самом себе; писал
лишь для себя
Без всяких помыслов о славе в на-
стоящем,
О славе в будущем... Лишь Краси-
ту любя,
Искал лишь Вечное в явленье пре-
ходящем
Отшельник — что же он для све-
та может дать!
К чему и выносить на рынок все-
народный
Плод сокровенных дум, и настезь
растворять
Святилище души очам толпы хо-
лодной...

23 мая 1893

АКВАРЕЛИ АЙВАЗОВСКОМУ

Стиха не ценят моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мне за него
Кусочек истинного солнца,
Кусочек солнца твоего!
Когда б стихи мои вливали
Такой же свет в сердца людей,
Как ты — в безбрежность этой
дали
И здесь, вокруг этих кораблей
С их парусом, как жар горящим
Над зеркалом живых зыбей,
И в этом воздухе, дышащем
Так горячо и так легко
На всем пространстве необъят-
ном, —
Как я ценил бы высоко,
Каким бы даром благодатным
Считал свой стих, гордился б им,
И мне бы пелось, вечно пелось,
Своим бы солнцем сердце грелось,
Как нынче греется твоим!

1877

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

*Буря промчалась, но грозно свинцовое море шумит.
Волны, как рать, уходящая с боя,
не могут утихнуть
И в беспорядке бегут, обгоняя
друг друга,
Хвастаясь друг перед другом трофеями битвы:
Клочьями синего неба,
Золотом и серебром отступающих туч,
Алой зари лоскутами.*

1887

«НАД НЕОБЪЯТНОЮ ПУСТЫНЕЙ ОКЕАНА...»

*Над необъятною пустыней Океана
С кошницею цветов проносится
Весна,
Роняя их на грудь угрюмого титана...
Увы, не для него, веселия полна,
Любовь и счастье несет с собой
она!
Иные есть края, где горы и доли-*

ны,
Иное царство есть, где ждет ее
привет...
Трезубец опустив, он смотрит ей
вослед...
Разгладились чела глубокие мор-
щины, —
Она ж летит — что сон — вся
красота и свет —
Нетерпеливый взор куда-то вдаль
вперяя,
И бога мрачного как будто и не
зная...

1885

ДЕННИЦА

Луна — опальная с двором своим
царица
Идет из терема прохладю дох-
нуть,
Но вот бежит Рассвет, царю го-
това путь, —
Царица дрогнула... лишь светлая
Денница,
Царевна юная, краса-отроковица,
Средь звезд бледнеющих, не мерк-
нешь ты пред ним.
Что грозный царь тебе? Отрину-

тая им,
Царица скорбная пусть ждет мину-
нуты сладкой
Супруга издали увидет хоть
украдкой,
И скрывается в терем свой, опять,
к слезам своим...
Царевна ж юная — тебе какое де-
ло!
Светясь веселием беспечных юных
лет,
Идешь за матерью опальной во-
след,
На грозного царя оглядываясь
смело.

1874

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Всё готово. Мусикийский
Дан сигнал... Сердца дрожат...
По арене олимпийской
Колесниц помчался ряд...
Трепеща, народ и боги
Смотрят, сдерживая крик...
Шибче, кони быстроноги!
Шибче!.. близко... страшный миг!
Главк... Евмолп... опережают...
Не смотри на отсталых!

*Эти... близко... подъезжают...
Ну — который же из них?
«Главк!» — кричат... И вон он, гор-
дый,
Шагом едет взять трофей,
И в пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.*

1887

**ЖАННА Д'АРК
(Отрывок)**

*Бой кипел... Она сказала
На коне на вороном —
Гордо поднято забрало,
С орифламмой и копьем,
И везде, где чуть опасно,
Уж звенит на страх врагам
Этот звонкий, этот ясный
Женский голос по рядам.*

1887

**RENAISSANCE[45]
К ЮБИЛЕЮ РАФАЭЛЯ САНЦИО**

*В светлой греческой одежде,
В свежем розовом венке,
Ходит юноша по свету
С звонкой лирою в руке.*

*Под одеждой кармелиток,
Преклонясь пред алтарем,
Дева тает в умиленьи
Пред небесным женихом.*

*Тот вступает в сумрак храма —
Очи встретились их —
Миг — и кинулись друг к другу,
Как невеста и жених.*

*«Для него во мне спасенье», —
Мыслит дева; он шептал:
«Я нашел его — так долго
Убегавший идеал!..»*

*Идут в мир — и, где ни ступят,
Всюду клики торжества.
Дух смягчающие слезы
И прозренья божества!*

1887

ГРОЗА

*Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкой своей.*

Но вот, как бы в испуге, тени

Бегут по золотым хлебам,
Промчался вихрь — пять-шесть
мгновений —
И, в встречу солнечным лучам,

Встают серебряным карнизом
Через все полнеба ворота.
И там, за занавесом сизым,
Сквозят и блеск, и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злую,
И всё свирепей и быстреей.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огонь, и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удалъце
Ее честят! Как вся ватага

Визжит и скачет на крыльце!

1887

«УЖ ПОБЕЛЕЛИ НЕБА СВОДЫ...»

*Уж побелели неба своды...
Промчался резвый ветерок...
Передрассветный сон природы
Уже стал чуток и легок.
Блеснуло солнце: гонит ночи
С нее последнюю дрему, —
Она, вздрогнув, — открыла очи
И улыбается ему.*

1887

«ТЫ ВЕРИШЬ ЕЙ, ПОЭТ! ТЫ ДУМАЕШЬ,
ТВОЙ ГЕНИЙ...»

(Мотив Коппе)

*Ты веришь ей, поэт! Ты думаешь,
твой гений,
Парящий к небу дух и прелесть
песнопений
Всего дороже ей, всего в тебе свя-
тей?
Безумец! По себе ты судишь!.. И
Орфей —
Была и у него младенческая вера,
Что всюду вслед ему идущая пан-*

тера

*Волшебной лирою навек укроще-
на...*

*Но на колючий терн он наступил
пятою.*

*И кровь в его следе почуяла она —
Вздрыгнула и, взрычав, ударилась
стрелою*

*Лизать живую кровь... Проснулся
мигом зверь!..*

*И та — не чудный дар твой нужен
ей, — поверь! —*

*Ей сердца твоего горячей крови
надо,*

*Чтоб небо из него в терзаниях из-
гнать,*

*Чтоб лиру у него отнять и разло-
мать*

*И, тешая над ним, как пьяная
менада*

*Над яростью богов, — в лицо им
хохотать!*

Август 1889

У МРАМОРНОГО МОРЯ

1

*Всё — горы, острова — всё утрен-
него пара*

Покрыто дымкою... Как будто
сладкий сон,
Как будто светлая, серебряная
чара
На мир наведена — и счастьем
грезит он...
И, с небом слитое в одном сияньи,
море
Чуть плещет жемчугом отяже-
левших волн, —
И этой грезой упиться на просторе
ре
С тоской зовет тебя нетерпели-
вый челн...

2

Румяный парус там стоит,
Что чайка на волнах ленивых,
И отблеск розовый бежит
На их лазурных переливах...

3

Заалел, горит восток...
Первый луч уж брызнул... Мчится
В встречу солнцу ветерок...
Пошатнулся и клубится
И летит туман, летит...
Что ж в волнах его метели

И алеет, и блещит?
Легионы ль полетели
На Царьград, на славный бой?
То их вождь — на колеснице
И с поднятою рукой,
И в венце, и в багрянице?..
Тени прошлого?.. Но нет!
Скрылся поезд триумфальный,
На поверхности ж зеркальной
Всё стоит зеленый след...

1887

НА ЧАМЛИДЖИ

Как дышится легко на этих высотах,
Какой-то радостью ты полон безотчетной —
Здесь — точно ближе ты к живущим в небесах,
И вдруг в тебе самом проснулся дух бесплотный,
И ты глядишь на мир не как уж сын земли!
Вон там — за полосой сверкающего моря
Белеют городки, чуть видные вдали...
И — точно голосам вселенской

жизни вторя —
В душе одна лишь мысль, одна звучит струна:
«Когда б в сердцах людей, везде, во всем бы мире,
Такая ж красота, и свет, и тишина,
Как здесь — и на земле — и в море — и в эфире!..»

1890, В Малой Азии

НА ПУТИ ПО БЕРЕГУ КОРИНФСКОГО ЗАЛИВА

Всё время — реки без воды,
Без зелени долины,
С хрустящим камешком сады
И тощие маслины;
Зато — лазурный пояс вод,
И розовые горы,
И беспредельный неба свод,
Где ищет взор и не найдет
Хоть в легком облачке опоры!..

Октябрь 1890

АЛЬБОМ АНТИНОЯ
ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ
«АДРИАН И АНТИНОЙ» [46]

«ВЫСОКАЯ ПАЛЬМА...»

*Высокая пальма
Над бедным селеньем;
Под вечер на пальму
Рой светлых голубок,
Слетаясь, гнездится —
На ветвях ее.*

*Но утро блеснуло —
Они встрепенулись
И мигом, что на пол
Рассыпанный жемчуг,
Кругом разлетелись
В безбрежную даль.*

*Душа моя — пальма,
Рой светлых голубок —
Мечты золотые,
Что на ночь отвсюду
Слетаются к ней.*

«ОДИН, БЕЗ СИЛ, В ПУСТЫНЕ
ЗНОЙНОЙ...»

Один, без сил, в пустыне знойной
В тоске предсмертной я лежал,
И вдруг твой чудный, твой спо-
койный,
Твой ясный образ увидал —

И я вскочил: коня и броню!
Я снова силен, я боец!
Где враг? навстречу иль в погоню?
Где лавр! Где слава! Где венец?!!

«ВДОЛЬ НАД РЕКОЙ
БЫСТРОВОДНОЙ...»

Вдоль над рекой быстроводной
Быстро две бабочки мчатся, кру-
жась друг над другом,
Только друг друга и видят они.
Ветку несет по реке: они сели,
Редкими взмахами крылышек
держат кой-как равновесье,
Заняты только любовью своей.
Друг мой! река — это время;
Ветка плывущая — мир;
Бабочки — мы!

«СМЕРТИ НЕТ! ВЧЕРА АДОНИС...»

Смерти нет! Вчера Адонис
Мертв лежал; вчера над ним

*Выли плакальщицы, мраком
Всё оделось гробовым: —
Нынче ж, светлый, мчится в небе
И земля ликует, вслед
Торжествующему богу,
Восклищая: смерти нет!*

«ВЫ РАЗБРЕЛИСЯ...»

*Вы разбрелися,
Овцы заблудшие;
Слышите — где-то
Стад колокольчики.
Рог пастуха!*

*Близко он слышится?
Вверьтесь зовущему!
Выведет вас он
К пастбищам тучным!
К светлым ключам!*

«ТЫ НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ ЖИВЕШЬ...»

*Ты не в первый раз живешь,
Носишь образ человека;
Вновь родишься, вновь умрешь,
Просветляясь век от века.
Наконец достигнешь ты
Через эти переходы
До предела красоты*

Человеческой природы;
Здесь уж зрелый плод — тогда
Высоко взойдешь над нами
Вдруг, как новая звезда
Между звезд в ряду с богами.

«В ПУСТЫНЕ ЗНОЙНОЙ ОН ЛЕЖАЛ...»

В пустыне знойной он лежал,
Я поделился с ним водой;
И речи чудные вещал
Он мне потом, идя со мной.
И это было уж давно.
Я был ребенок. Тех речей
Теперь не помню. Лишь одно
Звучит досель в душе моей, —
Что должно ближнего любить,
Себя забывши самого,
И быть готову положить
Всечасно душу за него.
Теперь мне кажется, что он,
Тот чудный старец, людям нес
Разгадку жизни. Опален
Был зноем, в рубище и бос.
И шел с ним долго, долго я,
И не заметил, как вошел
В какой-то город — там меня
Ввели с ним в дом; накрыт был
стол,

*И много свеч — и полон дом
Народу был, — и лица их
Сияли тихим торжеством
И пели все — и был у них
Я точно дома...*

«СМОТРИ, СМОТРИ НА НЕБЕСА...»

*Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,
Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, изме-
на,
Добыча смерти, праха, тлена,
Блаженство ж вечное — лишь
там.*

1887

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

ВОПРОС

*Мы все, блюстители огня на ал-
таре,
Вверху стоящие, что город на го-
ре,
Дабы всем виден был; мы, соль
земли, мы, свет,
Когда голодные толпы в годину
бед
Из темных долов к нам о хлебе
вопят, —
О, мы прокормим их, весь этот
темный люд!
Чтобы не умереть ему, не голо-
дать —
Нам есть что дать!*

*Но... если б умер в нем живущий
идеал,
И жгучим голодом духовным он
взалкал,
И вдруг о помощи возопиял бы к
нам,
Своим учителям, пророкам и во-
ждям, —*

*Мы все, хранители огня на алта-
ре,
Вверху стоящие, что город на го-
ре,
Дабы всем виден был и в ту све-
тил бы тьму, —
Что дали б мы ему?*

<1873>

МАНИ — ФАКЕЛ — ФАРЕС

*В диадиме и порфире,
Прославляемый как бог,
И как бог единый в мире,
Весь собой, на пышном пире,
Наполняющий чертог —*

*Вавилона, Ниневии
Царь за брашной возлежит,
Что же смолкли вдруг витии?
Смолкли звуки мусикии?..
С ложа царь вскочил — глядит —*

*Словно светом просквозила
Наверху пред ним стена,
Кисть руки по ней ходила
И огнем на ней чертила
Странной формы письмена.*

И при каждом начертанье
Блеск их ярче и сильней,
И, как в солнечном сиянье,
Тусклым кажется мерцанье
Пирных тысячи огней.

Поборов оцепененье,
Вопрошает царь волхвов,
Но волхвов бессильно рвенье,
Не дается им значенье
На стене горящих слов.

Вопрошает Даниила, —
И вещает Даниил:
«В боге — крепость царств и сила;
Длань его тебе вручила
Власть, и им ты силен был;

Над царями воцарился,
Страх и трепет был земли, —
Но собою ты надмился,
Сам себе ты поклонился,
И твой час пришел. Внемли:

Эти вещи три слова...»
Нет, о Муза, нет! постой!
Что ты снова их и снова
Так жестоко, так сурово

Выдвигаешь предо мной!

*Что твердишь: «О горе! горе!
В суете погрязший век!
Без руля, на бурном море,
Сам с собою в вечном споре,
Чем гордишься, человек?»*

*В буйстве мнящий быти богом,
Сам же сын его чудес —
Иль не зришь, в киченьи многом,
Над своим уж ты порогом
Слов: мани — факел — фарес!..»*

1888

EX TENEBRIS LUX[47]

*Скорбит душа твоя. Из дня —
Из солнечного дня — упал
Ты прямо в ночь и, всё кляня,
За смертный взялся уж фиал...*

*Нет! погоди!.. В ту тьму взгля-
дись:
Вон — огонек блеснул... звезда...
Другая... третья... Вон — за-
жглись
Уж мириады... Никогда*

Ты не видал их?.. Но постой:
Они бледнеть начнут — и тень
Пойдет редеть — и над тобой
Внезапно развернется день, —

Им осиянный, разом ты,
Уже измерив бездну зол,
Рванешься в горни высоты,
Как солнца жаждавший орел!

1887

РАССКАЗ ДУХА (Отрывок)

...И как же умирал ты? Как свер-
шился
Ужасный этот переход из здеш-
ней
К загробной жизни?..
...И на вопрос мой начал дух:
...«Боль унялася, и я вдруг
Почувствовал» иль лучше — дога-
дался,
Что умираю. Несказанный страх
Меня объял. Всё близкое, земное
Передо мной исчезло. Страх один
—
И точно враг извне — меня бо-
рол.

А извнутри меня — я живо помню —
Живое нечто бросилося с ним
Бороться и отстаивать меня —
И этого б союзника я назвал
Надеждой: так, быть может,
стала б мать
За своего ребенка биться...
Ум между тем — он бодрствовал
и жадно
Среди борьбы их вглядывался, слушал.
И отстранял их, силясь прогляднуть
Вперед, глубоко, в даль и бесконечность.

Но тьмы завеса перед ним лежала.
Я думал: миг еще — и тьма меня
Охватит и удушит... Но внезапно
Надежда, страх — всё смолкло.
Впереди
Завеса дрогнула и расступилась.
И вокруг меня всё — люди и предметы
Каким-то чудным озарились светом,

Который им как бы прозрачность
придал, —
И этот свет шел сверху — и ужа-
сен
Мне в первый миг казался. «Это —
Смерть? —
Я спрашивал себя. — Нет, быть не
может!..»
И всё не верил, и глядел упорно
В ужасную зарю — и ждал, всё
ждал, —
А между тем давно уж соверши-
лось —
Всё кончено — я понял наконец,
И уж извне смотрел на труп
свой — и
Был поражен загадочной улыбкой,
Застывшей на губах: как будто в
ней
Навек отпечатлелся переход
От изумленья к радости... Рыда-
нья
Раздались вокруг — о, милые мои!
Как мне хотелось их обнять, уте-
шить,
Сказать им, что я пережил, — но
тщетно —
И было мне их жаль...

НАБРОСКИ

«ОПЫТ! СКАЖИ, ЧЕМ ГОРДИШЬСЯ ТЫ?
ЧТО ТЫ ТАКОЕ?..»

*Опыт! скажи, чем гордишься ты?
что ты такое?
Ты — плод ошибок и слез, силам
потраченным счет.*

* * *

*Бродит вино молодое: не должно
броженью мешать;
Но и разумный уход, крепкие нуж-
ны меха.*

* * *

*В этой толпе под волшебною си-
лой искусства
Все в одну душу слились — чистую
душу на миг;
Но разбредутся — и в каждом
проснется опять своя совесть,
В каждом опять заскребет в серд-
це таящийся гад.*

* * *

Всюду: «Что нового?» — слышишь. Да вдумайся в старое прежде!

В нем для себя ты найдешь нового много, поверь!

** * **

*Формы, мой друг, совершенство — не всё еще в деле искусства
Чистая пусть изнутри светится в ней мне душа.*

** * **

*Времени мстить предоставь за пороченье, ложь и обиды:
Тайных агентов оно в каждой имеет душе.*

** * **

*Друг мой! Ученые, верь, не такие, как кажутся, боги;
Наше невежество — вот в чем нередко их сила!*

1882-1883

«О ТРЕПЕЩУЩАЯ ПТИЧКА...»

О трепещущая птичка.

*Песнь, рожденная в слезах!
Что, неловко, знать, у этих
Умных критиков в руках?
Ты бы им про солнце пела,
А они тебя корят,
Отчего под их органчик
Не выводишь ты рулад!*

1872

«ТЫ ГОВОРИШЬ, У ТЕБЯ НЕТ ВРАГОВ —
ИЗВИНИ, НЕ ПОВЕРЮ...»

*Ты говоришь, у тебя нет врагов —
извини, не поверю:
Столько ты сделал добра! столько
помог! столько спас!
Знай: благодарность для низкой
души — нестерпимое бремя —
Ну, а высоких-то душ — много ль
ты знаешь?..
Сочти!*

1891

Гр. О. А. Г. К — Й

*Жизнь — достиганье совершен-
ства,
И нам победа над собой
Едва ль не высшее блаженство*

В борьбе с ветхозаветной тьмой.

1891

«В ЧЕМ СЧАСТЬЕ?.. В ЖИЗНЕННОМ
ПУТИ...»

В чем счастье?..

В жизненном пути,

Куда твой долг велит — идти,

*Врагов не знать, преград не ме-
рять,*

Любить, надеяться и — верить.

1889

О ПАМЯТЬ СЕРДЦА! ТЫ СИЛЬНЕЙ
РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ!

ИЗ ПИСЬМА

Миг внезапных откровений,

Миг, — когда в душе твоей

Новых чувств пробил источник,

Новый свет явился в ней;

Миг, — когда восторжествует

Ангел твой над сатаной;

Миг — святого умиленья

Человеческой душой —

Всё — лишь миг!.. Но с ним за-

*жглася
Над тобой еще звезда,
И лучом своим пронижет
Все грядущие года...
Дай господь таких мгновений
Вам что звезд на небесах,
Чтобы радовалось сердце
В перекрестных их лучах!*

1889

*«УЛЫБКИ И СЛЕЗЫ!.. И ДОЖДИК И
СОЛНЦЕ!..»*

*Улыбки и слезы!.. И дождик и
солнце!
И как хороша —
Как солнце сквозь этих сверкаю-
щих капель —
Твоя, освеженная горем, душа!*

Май 1889

*«О МОРЕ! НЕЧТО ЕСТЬ СЛЫШНЕЙ ТЕБЯ,
СИЛЬНЕЙ...»*

*О море! Нечто есть слышней те-
бя, сильней
И глубже, может быть... Да,
скорбь души моей
Желала и ждала тебя — и вот я*

ныне

Один — в наполненной тобой од-
ним пустыне...

Ты — в гневе... Вся душа моя по-
трясена,

Хоть в тайном ужасе есть слад-
кое томленье»

Чего-то нового призыв и открове-
нье...

Вот — темной полосой лазурная
волна,

Потряхивая там и сям жемчуж-
ным гребнем,

Идет — и на берег, блестя и гро-
хоча,

Летит и — рушится, и с камнями
и щебнем

Назад сливается, уж злобно роко-
ча,

Сверкая космами быстро бегущей
пены...

И следом новая, и нет конца их
смены,

И непрерывен блеск, и непрерывен
шум...

Гляжу и слушаю, и оглушен мой
ум,

Бессильный мысль связать, почти

*не сознавая,
Теряясь в шуму и в блеске зами-
рая...*

*О, если бы и ты, о сердце! ты мог-
ло
Дать выбить грохоту тех волн
свое-то горе,
Всё, что внутри тебя так сто-
нет тяжело,
Пред чем, как ни ликуй на всем
своем просторе, —
Бессильно и само грохочущее мо-
ре!..*

1887

**«УТРАТА ДАВНЯЯ ДОСЕЛЬ СВЕЖА В
ТЕБЕ...»**

*Утрата давняя досель свежа в
тебе...
Покорность тихая карающей
судьбе
Горячих сердца ран в тебе не исце-
лила...
Везде перед тобой — та бедная
могила
С чугунным крестиком, с невяну-
щим венком...*

Луч даже радости над пасмур-
ным челом
Нежданно слезы лишь на очи вы-
зывает...
Так хмурой осенью стоит недви-
жен лес,
И медленно туман на листья осе-
дает;
Прорвется ль луч с яснеющих
небес, —
Игривый ветерок вспорхнет, его
встречая, —
Но с улыбнувшихся древес
Вдруг капли крупные посыплют-
ся, блистая...

1871

«ГОНИ ИХ ПРОЧЬ, ТВОИ МУЧИТЕЛЬНЫЕ
ДУМЫ!..»

Гони их прочь, твои мучительные
думы!
Насильно подыми поникший долу
взгляд!
Дай солнцу проглянуть в туман
души угрюмый,
И разорвется он, и клочья поле-
тят,
Как привидения — а с ними мрак и

*горе,
И жизнь в глаза блеснет, под зо-
лотым лучом,
Как вдруг открывшееся море
Во всем своем просторе голубом!*

15 октября 1890, Буюк-дере

**«ТАК!.. ДОБРЫМ ДЕЛОМ БЫЛ
ОТМЕЧЕН...»**

*Так!.. Добрым делом был отмечен
Твой день сегодня!.. О, блажен
Тот, чей приход враждой был
встречен,
Потом — в слезах благословен!
Ты сам как будто в новом мире,
И новый свет тебе пахнул,
И в сердце — точно струнный гул
На только что умолкшей лире...*

1883

«ВНЕ ДОЛГА — ЖИЗНИ И НЕ ЗНАЯ...»

*Вне долга — жизни и не зная,
Она несет свой крест земной,
Для тяжелой ноши почерпая
Лишь в сердце силу и покой;
Мир, ею созданный, ревниво
От чуждых взоров сторожит,*

*И что в душе у ней — стыдливо
И от себя самой таит...
Лишь в миг удара громового,
Или когда подъем волны
На берег вынесет — и снова
Настанет радость тишины, —
Такое выскажет вдруг слово,
Такие вскроет глубины,
Что в новость ей и в изумленье,
Вдруг просиявший под грозой,
От уз земного принужденья
Освобожденный — образ свой...*

1890

«ТУМАНОМ МИМО ЗВЕЗД СРЕБРИСТЫХ
ПРОПЛЫВАЯ...»

*Туманом мимо звезд серебристых
проплывая
И вдруг как дым на месяце скво-
зьясь,
Прозрачных облаков разрозненная
стая
Несется по небу в полночный ти-
хий час...
В тот тихий час, когда стремле-
ний и желаний
Уйметя буйный пыл, и рой воспо-
минаний,*

Разрозненных, как эти облака, —
Бог весть откуда, из тьмы, из-
далека,

Из бездн минувшего — виденье за
виденьем

Плывут перед моей усталую ду-
шой.

Но из-за них одна, всё озаря собой,
Ты, непорочная, недремным про-
виденьем,

Усладою очей сияешь надо мной

—

Одна — как месяц там на тверди
голубой,

Недвижный лишь один над этой
суетой,

Над этим облачным, бессмыслен-
ным движеньем.

1889

ИЗ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА

«ДУХ ВЕКА ВАШ КУМИР; А ВЕК ВАШ —
КРАТКИЙ МИГ...»

*Дух века ваш кумир; а век ваш —
краткий миг.*

*Кумиры валяются в забвенье, в бес-
конечность..*

*Безумные! ужель ваш разум не по-
стиг,*

*Что выше всех веков — есть Веч-
ность!.*

<1877>

«МИЛЫХ, ЧТО УМЕРЛИ...»

*Милых, что умерли,
Образы светлые
В сердце своем схорони!*

*Там они — ангелы
Будут хранители
В жизненных бурях тебе!*

<1883>

«НЕ ГОВОРИ, ЧТО НЕТ СПАСЕНЬЯ...»

Не говори, что нет спасенья,

Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звез-
ды,
Чем глубже скорбь, тем ближе
бог.

1878

«БЛИЗИТСЯ ВЕЧНАЯ НОЧЬ... В СТРАХЕ
ДРОГНУЛО СЕРДЦЕ...»

*Близится Вечная Ночь... В страхе
дрогнуло сердце —*

*Пристальней стал я глядеть в
тот ужасающий мрак...*

*Вдруг в нем звезда проглянула, за
нею другая, и третья,*

*И наконец засиял звездами весь
небосклон.*

*Новая в каждой из них мне краса
открывалась всечасно,*

*Глубже мне в душу они, глубже я
в них проникал...*

*В каждой сказалося слово свое, и
на каждое слово,*

*С радостью чувствовал я, отклик
в душе моей есть;*

*Все говорили, что где-то за ними
есть Вечное Солнце,*

Солнце, которого свет — блеск и

красу им дает...

*О, как ты бледно пред Ним, юных
дней моих солнце!
Как он ничтожен и пуст, гимн,
что мы пели тебе!*

1882

**ЭПИТАФИЯ
(Списано с гробницы)**

*Здесь почивающей жребий выпал
не тот, что всем людям.
Да! умерла — и живет, и немерк-
нущий свет созерцает;
Вечно жива — для живых! кто же
мертвой ее почитает —
Мертв тот, поистине, сам!.. О
земля! что дивишься
Новой еще для тебя этой тени?
Что значит твой страх?..*

1882

«ЗАКАТА ТИХОЕ СИЯНИЕ...»

*Заката тихое сиянье,
Венец безоблачного дня, —
Не ты ли нам знаменованье
Иной ступени бытия?..*

*Взор очарованный трепещет
Пред угасанием твоим,
Но разгорается и блещет
Всё ярче звездный мир над ним...
Земного, бедного сознанья
Угаснут бледные лучи, —
Но в наступающей ночи
Лишь перерыв существованья:
От уз освобожденный дух
Первоначальный образ примет,
И с вечных тайн пред ним поды-
мет
Завесу Смерть, как старый друг,
И возвратит ему прозренья,
Сквозь все преграды вещества,
Во всё духовное в творенья,
О чем в телесном заключенье
Он и мечтать дерзал едва...*

1888

«ВЫШЕ, ВЫШЕ В ПОДНЕБЕСНОЙ...»

*Выше, выше в поднебесной
Возлетай, о мой орел,
Чтобы мир земной и тесный
Весь из глаз твоих ушел!*

*Возносятся в те селенья,
Где, как спящие мечты,*

*Первообразы творенья
В красоте их чистоты, —*

*В светлый мир, где пребыванье
Душ, как создал их господь,
Душ, не ведавших изгнанья
В человеческую плоть!..*

1887

«КАТИСЬ, КАТИСЯ НАДО МНОЙ...»

*Катись, катися надо мной
Всё просвещающее Время!
Завесу тьмы влеку с собой.
Что нам скрывает Свет Святой
И на душе лежит как бремя, —
Чтобы мой дух, в земных путях
Свершив свое предназначенье,
Мог воспринять в иных мирах
И высшей Тайны откровенье.*

1892

«ПОЭЗИЯ — ВЕНЕЦ ПОЗНАНЬЯ...»

*Поэзия — венец познания,
Над злом и страстью торже-
ство;
Тебе в ней свет на всё созданье,
В ней — божество!*

*Ее сияние святое
Раз ощутив — навек забыть
Всё мимолетное, земное;
Лишь ею жить;*

*Одно лишь сознавать блажен-
ство,
Что в дух твой глубже всё идет
И полнота, и совершенство
Ее красот...*

*И вот уж он — проникнут ею...
Остался миг — совсем прозреть:
Там — вновь родиться, слившись с
нею,
Здесь — умереть!*

1889

«Пир у вас и ликованья...»

*Пир у вас и ликованья:
Храм разбит... Но отчего,
В блеске лунного сиянья,
Не пройдёшь без содроганья
Ты пред остовом его?
Отчего же ты, смущённый
Пред безмолвием небес,
Хоть из пропасти бездонной,
Силы темной, безымённой*

Ждёшь явлений и чудес?..

1889

««ПРОЧЬ ИДЕАЛЫ!» ГРОЗНЫЙ КЛИК!..»

*«Прочь идеалы!» Грозный клик!..
«Конец загробной лжи и страху!
Наш век тем славен и велик,
Что рубит в корень и со взмаху!
Мир лишь от нас спасенья ждёт*

*—
Так — без пощады! и вперёд!..»
И вот, как пьяный, как спросонок,
Приняв за истину символ,
Ты рушить бросился... Ребёнок!
Игрушку разломал и зол,
Что ничего в ней не нашёл!..
Ты рушишь храмы, рвёшь одежды,
Сквернишь алтарь, престол, по-
тир, —
Но разве в них залог Надежды,
Любви и Веры видит мир?
Они — в душе у нас, как скрытый
Дух жизни в семени цветка, —
И что тут меч твой, ржой по-
крытый,
И детская твоя рука!..*

4-10 октября 1889

«ТВОРЦА, КАК ДУХА, ПОСТИЖЕНЬЕ...»

*Творца, как Духа, постиженье,
О человек, душой твоей —
Что звёзд и солнца отраженье
В великом зеркале морей!*

*Ты сам, пришелец в сей юдоли,
Ты — тоже дух, созданный Им,
И даром разума и воли
Стоишь как царь над всем зем-
ным.*

*Свободен ты — но над тобою
Есть Судия. В дни ветхой тьмы
Он налетал огнём, войною,
Как гром, как трус, как дух чу-
мы...*

*Его лица, ни даже тени,
Никто из смертных не видал,
И лишь костями поколений
В пустыне путь Его сверкал...*

Теперь — не то...

*Неслышимый входит. Весь — сия-
нье.*

*С крестом, поправшим Смерть и
тлен;*

*В раскрытой книге — начертанье
Святых евангельских писем;
Глубокий взор помалу светом
Охватит внутрь всего тебя,*

*И ты, прозрев во свете этом,
Осудишь сам уже себя,
И сам почувешь, что в паденье
Твоей мятущейся души
Одно ей жизнь и воскресенье —
Его: «Иди и не греши!»*

1889

**«ИЗ БЕЗДНЫ ВЕЧНОСТИ, ИЗ ГЛУБИНЫ
ТВОРЕНЬЯ...»**

*Из бездны Вечности, из глубины
Творенья
На жгучие твои запросы и сомне-
нья*

*Ты, смертный, требуешь ответа
в тот же миг,
И плачешь, и клянешь ты Небо в
озлобленье,
Что не отвечает на твой ду-
шевный крик...
А Небо на тебя с улыбкою взира-
ет,
Как на капризного ребенка смотрит мать.
С улыбкой — потому, что всё, все
тайны знает,
И знает, что тебе еще их рано*

знать!

1892

«АСКЕТ! ТЫ НЕКОГДА В ПУСТЫНЕ...»

*Аскет! ты некогда в пустыне,
Перед величьем божества,
Изрек, восторженный, и ныне
Еще не смолкшие слова:
«Жизнь эта — сон и сновиденье,
Мираж среди нагих песков;
Лишь в смерти — полное забвенье
Всей этой лжи, успокоенье,
Сон в лоне бога — и без снов».*

*Ты прав, мудрец: всё в мире тле-
нье,
Всё в людях ложь... Но что-нибудь
Да есть же в нас, что жаждет
света,
Чему вся ложь противна эта,
Что рвется в Вечность прогля-
нуть...
На все моления без ответа,
Я знаю, Время мимо нас
Несет события, поколенья,
Подымет нас в своем стремленьи
И в бездну бросит тот же час;*

Я — жертва в плоть и до могилы
Всей этой бешеной игры, —
Ничто пред Разумом и Силой,
В пространство бросившей миры,
—

Но говорит мне тайный голос,
Что не вотще душа моя
Здесь и любила, и боролась:
В ней есть свое живое я!

И жизнь — не сон, не сновиденье,
Нет! — это пламенник святой,
Мне озаривший на мгновенье
Мир и небесный, и земной,
И смерть — не миг уничтоженья
Во мне того живого я,
А новый шаг и восхожденье
Всё к высшим сферам бытия!

1893

КАРТИНЫ

ВЕКА И НАРОДЫ

САВОНАРОЛА

*В столице Медичи счастливой
Справлялся странный карнавал.
Все в белом, с ветвию оливы,
Шли девы, юноши; бежал
Народ за ними; из собора,
Под звук торжественного хора,
Распятые иноки несли
И стройно со свечами шли.
Усыпан путь их был цветами,
Ковры висели из окон,
И воздух был колоколами
До гор далеких потрясен.*

*Они на площадь направлялись,
Туда ж по улицам другим,
Пестрея, маски собирались
С обычным говором своим:
Паяц, и, с лавкой разных склянок,
На колеснице шарлатан,
И гранд, и дьявол, и султан,
И Вахх со свитою вакханок.
Но, будто волны в берегах,*

Вдруг останавливались маски
И прекращались смех и пляски:
На площади, на трех кострах,
Монахи складывали в груды
Всё то, что тешит резвый свет
Приманкой неги и сует.
Тут были жемчуг, изумруды,
Великолепные сосуды,
И кучи бархатов, парчей,
И карт игральных, и костей,
И сладострастные картины,
И бюсты фавнов и сирен,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстных кантилен,
И кучи масок и корсетов,
Румяна, мыла и духи,
И эротических поэтов
Соблазна полные стихи...
Над этой грудой стояло,
Верхом на маленьком коньке,
Изображенье карнавала —
Паяц в дурацком колпаке.

Сюда процессия вступила.
На помост встал монах седой,
И чудно солнцем озарило
Его фигуру над толпой.
Он крест держал, главу склоняя

И указуя в небеса...
В глубоких впадинах сверкая,
Его светилися глаза;
Народ внимал ему угрюмо
И рвал бесовские костюмы,
И, маски сбросивши тайком,
Рыдали женищины кругом.
Монах учил, как древле жили
Общины первых христиан.
«А вы, — сказал, — вы воскресили
Разбитый ими истукан!
Забыли в шуме сатурналий
Молчанье строгое постов!
Святую Библию отцов
На мудрость века променяли;
Пустынной манне предпочли
Пирь египетской земли!
До знаний жадны, верой скупы,
Понять вы тщитесь бытие,
Анатомируете трупы —
А сердце знаете ль свое?..
О матерь божия! тебя ли,
Мое прибежище в печали,
В чертах блудницы вижу я!
С блудниц художник маловерный
Чертит, исполнен всякой сквер-
ны,
И выдает вам за тебя!..

Разврат повсюду лицемерный!
Вас тешит пестрый маскарад —
Бес ходит возле каждой маски
И в сердце вам вливает яд.
В вине, в науке, в женской ласке
Вам сети ставит хитрый ад,
И, как бессмысленные дети,
Вы слепо падаете в сети!..
Пора! Зову я вас на брань.
Из-за трапезы каждый встань,
Где бес пирует! Бросьте яству!
Спешите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здесь искупление грехам!
Проклятье играм и костям!
Проклятье льстивым чарам ада!
Проклятье мудрости людской,
В которой овцы божья стада
Теряют веру и покой!
Господь, услышь мои моленья:
В сей день великий искупленья
Свои нам молнии пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово
Весь дом греха испепели!»

Умолк — и факелом зажженным
Взмахнул над праздничным ко-

стром;
Раздался пушек страшный гром;
Сливаясь с колокольным звоном,
Те Деум[48] грянул мрачный хор;
Столбом встал огненный костер.
Толпы народа оробели,
Молились, набожно глядели,
Святого ужаса полны,
Как грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобретенья Сатаны
И как фигура карнавала —
Его колпак и детский конь —

Качалась, тлела, обгорала
И с шумом рухнула в огонь.

Прошли года. Монах крутой,
Как гений смерти, воцарился
В столице шумной и живой —
И город весь преобразился.
Облекся трауром народ,
Везде вериги, власяница,
Постом измученные лица,
Молебны, звон да крестный ход.
Монах как будто львиной лапой

Толпу угрюмую сжимал,
И дерзко ссорился он с папой,
В безверьи папу уличал...
Но с папой спорить было рано:
Неравен был строптивый спор,
И глав венчаных Ватикана
Еще могуч был приговор...
И вот опять костер багровый
На той же площади пылал;
Палач у виселицы новой
Спокойно жертвы новой ждал,
И грозный папский трибунал
Стоял на помосте высоком.
На казнь монахов привели.
Они, в молчании глубоком,
На смерть, как мученики, шли.
Один из них был тот же самый,
К кому народ стекался в храмы,
Кто отворял свои уста
Лишь с чистым именем Христа;
Христом был дух его напитан,
И за него на казнь он шел;
Христа же именем прочитан
Монаху смертный протокол,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всех сторон,
Как рухнул с виселицы он,
И пламя вмиг его объяло,

*И, задыхаясь, произнес
Он в самом пламени: «Христос!»*

*Христос, Христос, — но, умирая
И по следам твоим ступая,
Твой подвиг сердцем возлюбя,
Христос! он понял ли тебя?
О нет! Скорбящих утешая,
Ты чистых радостей не знал
И, Магдалину возрождая,
Детей на жизнь благословлял!
И человек, в твоём ученье
Познав себя, в твоих словах
С любовью видит откровенье,
Чем может быть он свят и
благ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятил, — и возросло
Оно могуче и светло;
Доминиканца ж лик суровый
Был чужд любви — и сам он пал
Бесплодной жертвою*

.....

1851

КЛЕРМОНТСКИЙ СОБОР

*Не свадьбу праздновать, не пир,
Не на воинственный турнир*

Блеснуть оружием и конями
В Клермонт нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что луг, усеянный цветами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Как перекатными волнами.
Луч солнца ярко озарял
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпур, и металл.
Под златотканым балдахином,
Средь духовенства властелином
В тиаре папа восседал.
У трона — герцоги, бароны
И красных кардиналов ряд;
Вокруг их — сирых обороны —
Толпою рыцари стоят:
В узорных латах италянцы,
Тяжелый шваб, и рыжий бритт,
И галл, отважный сибарит,
И в шлемах с перьями испанцы;
И, отдален от всех, старик,
Державший свергнуть папства
узы:
То обращенный еретик
Из фанатической Тулузы;
Здесь строй норманнов удалых,

Как в масках, в шлемах пудовых,
С своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздясь, народ
Всех поименно их зовет:
Всё это львы да леопарды,
Орлы, медведи, ястреба, —
Как будто грозные прозванья
Сама сковала им судьба,
Чтоб обессмертить их деянья!
Над ними стает лебедей,
Слетевших на берег зеленый,
Из лож кругом сияют жены,
В шелку, в зубчатых кружевах,
В алмазах, в млечных жемчугах.
Лишь шепот слышится в собра-
ньи.

Необычайная молва
Давно чудесные слова
И непонятные сказанья
Носила в мире. Виден крест
Был в небе. Несся стон с востока.
Заря кровавого потока
Имела вид. Меж бледных звезд
Как человеческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вокруг клубился дым и мгла...
Чего-то страшного ждала
Толпа, внимать готовясь богу,

*И били грозную тревогу
Со всех церквей колокола.*

*Вдруг звон затих — и на ступени
Престола папы преклонил
Убогий пилигрим колени;
Его с любовью осенил
Святым крестом первосвящен-
ник;
И, помоляся небесам,
Пустынный говорил к толпам:*

*«Смиранный нищий, беглый плен-
ник
Пред вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движет мной иная воля.
Не мне внимайте, короли:
Сам бог, державствующий нами,
К моей склонился нищете
И повелел мне стать пред вами,
И вам в сердечной простоте
Сказать про плен, про те муче-
нья,
Что испытал и видел я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранит следы ремня,
И язvam нету исцеленья!*

Взгляните: на руках моих
Оков кровавые запястья.
В темницах душных и сырых,
Без утешенья, без участия
Провел я юности лета;
Копал я рвы, бряцая цепью,
Влачил я камни знойной степью
За то, что веровал в Христа!
Вот эти руки... Но в молчанье
Вы потупляете глаза;
На грозных лицах состраданья,
Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди! язвы эти
Смутили вас на краткий час!
О, впечатлительные дети!
Как слезы дешевы у вас!
Ужель, чтоб тронуть вас, стра-
дальцам
К вам надо нищими предстать?
Чтоб вас уверить, надо дать
Ощупать язвы вашим пальцам!
Тогда лишь бедствиям земным,
Тогда неслыханным страданьям,
Бесчеловечным истязаньям
Вы сердцем внемлете своим!..
А тех страдальцев миллионы,
Которых вам не слышны стоны,
К которым мусульманин злой,

Что к агнцам трепетным, прихо-
дит

И беспрепятственно уводит
Из них рабов себе толпой,
В глазах у брата душист брата,
И неродившихся детей
Во чреве режет матерей,
И вырывает для разврата
Из их объятий дочерей...

Я видел: бледных, безоружных
Толпами гнали по пескам,
Отсталых старцев, жен недуж-
ных

Бичом стегали по ногам;
И турок рыскал по пустыне,
Как перед стадом гуртовщик,
Но миг — мне памятный донине,
Благословенный жизни миг,
Когда, окованным, средь дыма
Прозрачных утренних паров.
Предстали нам Ерусалима
Святые храмы без крестов!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прах и тлен,
Восславословили мы бога
В виду сионских древних стен,
Где ждали нас позор и плен!
Породнены тоской, чужбиной,

Латинец с греком обнялись;
Все, как сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грек нам дал пример великий:
Ерея, певшего псалом,
С коня прыгнувши, турок дикий
Ударил взвизгнувшим бичом —
Тот пел и бровию не двинул!
Злодей страдальца опрокинул
И вырвал бороду его...
Рванули с воплем мы цепями, —
А он Евангелья словами
Господне славил торжество!
В куски изрубленное тело
Злодеи побросали в нас;
Мы сохранили их всецело,
И, о душе его молясь,
В темнице, где страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.

И он не встанет ведь пред вами
Вам язвы обнажить свои
И выпросить у вас слезами
Слезу участия и любви!
Увы, не разверзают гробы
Святые жертвы адской злобы!

Нет, и живое не придет
К вам одноверцев ваших племя —
Христу молящийся народ;
Один креста несет он бремя,
Один он терн Христов несет!
Как раб евангельский, изранен,
В степи лежит, больной, без сил...
Иль ждете вы, чтоб напоил
Его чужой самаритянин,
А вы, с кошницей яств, бойцы,
Пройдете мимо, как слепцы?
О нет, для вас еще священны
Любовь и правда на земле!
Я вижу ужас вдохновенный
На вашем доблестном челе!
Восстань, о воинство Христово,
На мусульман войной суровой!
Да с громом рушится во прах —
Созданье злобы и коварства —
Их тяготеющее царство
На христианских раменах!
Разбейте с чад Христа оковы,
Дохнуть им дайте жизнью новой,
Они вас ждут, чтоб вас обнять,
Край ваших риз облобызать!
Идите! Ангелами мщенья,
Из храма огненным мечом
Изгнав неверных поколенья,

*Отдайте богу божий дом!
Там благодарственные псалмы
Для вас народы воспоют,
А падшим — мучеников пальмы
Венцами ангелы сплетут!..»*

*Умолк. В ответ как будто громаы
Перекатилися в горах —
То клик один во всех устах:
«Идем, оставим жен и дома!»
И в умилении святом
Вокруг железные бароны
В восторге плакали, как жены;
Враг лобызался со врагом;
И руку жал герой герою,
Как лев косматый, алча бою;
На общий подвиг дамы с рук
Снимали злато и жемчуг;
Свой грош и нищие бросали;
И радость всех была светла —
Ее литавры возвещали
И в небесах распространяли
Со всех церквей колокола.*

*Вот так латинские народы,
Во имя братства и любви,*

Шли в отдаленные походы.
Кипела доблесть в их крови.
Иуде чуждая и Крезам,
Лишь славолюбием дыша,
Под этой сталью и железом
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На нас колоссами глядят,
Которых каменные груди
Ни меч, ни гром не сокрушат.
Тогда в ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдельно, далеко от братий,
Вели мы свой крестовый бой.
Уж недра Азии бездонной,
Как разгоравшийся вулкан,
К нам слали чад своих миллионы:
Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан, —
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом,
И уж за веру кровь лила...
Недолго рыцарей глубоко
Так трогал клик: «Иерусалим!»
Стон христианского Востока
Всё глуше становился им!
Россия гибла: к христианам

Взывала воплями она;
Но, как Иосиф агарянам,
Была от братьев продана!
Упала с громом Византия;
Семья славянских царств за ней;
Столпы сложились костяные
Из черепов богатых;
За честь Евангеля Христова
Сыны Людовика Святого
Уж выручать не шли Царьград.
От брата отшатнулся брат...
Мы — крестоносцы от начала!
Орда рвала нас по клочкам,
Нас жгла, — но лучше смерть,
чем срам;
Страдальцев кровью возростала
И крепла Русь; как мститель
встала
И, верная себе, идет
В обетованный свой поход.
За что же западные братья,
Забыв свой подвиг прежних лет,
Ей шлют безумные проклятья,
Как скрежет демонов во след?
За что ж с тоскою и заботой
На нас они, косясь, глядят?
За что ж на нас идут их флоты
И нам погибелью грозят?

За что ж?.. За то, что мы созре-
ли,
Что вдруг в учениках своих
Они совместников узрели;
Что то не шутка: между них
Мы смело требуем гражданства!
Мы не пришельцы — зиждем
храм,
Еще неведомый векам;
На необъятное пространство
Фундамент вывели; пред ним
Бледнеют древние державы, —
И новых сил, и новой славы
Младое солнце страшно им!
Докончить храм — в нас есть от-
вага,
В нас вера есть, в нас сила есть,
Все для него земные блага
Готовы в жертву мы принести...
За то, что нам пришлось на долю
Свершить, что Запад начинал;
Что нас отныне бог избрал
Творить его святую волю;
Что мы под знаменем креста
Не лицемерим, не торгуем,
И фарисейским поцелуем
Не лобызаем мы Христа...
И, может быть, враги предвидят,

Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет
Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов — с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов — как их мир однажды
Зрел в грозном образе Петра.
1853

ПЕВЕЦ
(Из Шамиссо)

Светел ликом, с смелой лирой,
Перед юностью цветущей
Пел старик худой и сирый.
«Я — в пустыне вопиющий! —
Возглашал он. — Всё придет!
Тише, ветренное племя!
Созидающее время
Всё с собою принесет!

Полно, дети, в тщетном гневе
Древо жизни потрясать!
Лишь цветы еще на древе!
Дайте плод им завязать!
Недозрев — он полн отравы,
А созреет — сам спадет
И довольства вам и славы

В ваши дома принесет».

*Юность вокруг толкует важно,
На певца как зверь ярьась:
«Что он лирою продажной
Останавливает нас?
Подымайте камни, братья!
Лжепророка заклеим!
Пусть народные проклятья
Всюду следуют за ним...»*

*Во дворец с своею лирой
Он пришел, к царю зовущий;
Громко пел, худой и сирый:
«Я — в пустыне вопиющий!
Царь! вперед иди, вперед!
Век зовет! Созрело семя!
Созидающее время
Не прощает и не ждет!*

*Гонит ветер, мчит теченье!
Смело парус расправляй!
Божьей мысли откровенье
В шуме бури угадай!
Просияй перед народом
Этой мысли торжеством —
И пойдет спокойным ходом
Он за царственным вождем!»*

*Внял владыко... Онемели
Царедворцы и с тоской
Шепчут: «Как недосмотрели!
Как он смел? Кто он такой?
Что за бредни он городит!
Соблазняет лишь людей
И царя в сомненье вводит...
На цепь дерзкого скорей!»*

*И в тюрьме, с спокойной лирой,
Тих пред силою гнетущей,
Пел старик худой и сирый:
«Я — в пустыне вопиющий!
Долг свершен. Пророк молчит.
Честно снес он жизни бремя...
Созидающее время
Остальное довершит».*

1857

ИСПОВЕДЬ КОРОЛЕВЫ (Легенда об испанской инквизиции)

*Искони твердят испанки:
«В кастаньеты ловко брякать,
Под ножом вести интригу
Да на исповеди плакать —*

Три блаженства только в жизни!»

Но в одной Севилье старой
Так искусно кастаньеты
Ладыт с звонкою гитарой;

Но в одной Севилье старой
Так под звездной ризой ночи
Жены нежны, смел любовник
И ревнивца зорки очи;

Но в одной Севилье старой
Так на утро полны храмы
И так пламенно стремятся
Исповедоваться дамы...

И искусный исповедник
Был всегда их сердцу дорог, —
Может быть, дорожке кружев,
Лент и перловых уборов!

И таков был у Сан-Пабло
Исповедник знаменитый
Дон Гуан ди Сан-Мартино —
Кладезь мудрости открытый!

Вся им бредила Севилья,
Дамы голову теряли
И с любовниками даже
О монахе лишь шептали:

Как-то сладостно им было
Млеть в его духовной власти,
Особливо если грешен
По сердечной кто был части...

Раз вошла в Сан-Пабло дама...
Храм был пуст; одни немые,
В серебре, в шелку и лентах,
Изваянья расписные

По стенам стояли церкви,
Созерцая благосклонно
Мрамор, золото и солнце
В дыме мирры благовонной,

Только нищий у колонны
Отдыхал в дремоте сладкой
Да бродила собачонка,
Пол обнюхивая гладкой...

Незнакомка под вуалем
Кружевным лицо укрыла,
Но инкогнито с монахом
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она пред ним склонилась,
Как над нею внятно, смело
Раздалось: «Чего желает

Королева Изабелла?»

*Дама вздрогнула и в страхе
Уронила на пол четки,
Но спокойно тот же голос
Говорил из-за решетки:*

*«Благо кающимся, благо,
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждет мира и покоя!*

*В чем грешна ты перед богом?
Кайся мне нелицемерно!»
И покаялася дама
Католичкою примерной!*

*«Утром нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола...
Было после так мне стыдно...*

*Мы поссорились с супругом...
Почему, сама не знаю,
Я его в опочивальню
Уж неделю не пускаю...*

Я люблю его всем сердцем

*И ревную... но со мною
Что-то странное творится...
Точно спорю я с собою...*

*«Надо думать лишь о муже», —
Беспрестанно повторяю,
И — другого, чуть забудусь,
Через миг воображаю.*

*«Дон Фернандо, дон Фернандо!» —
Я твержу усиленно, внятно, —
Из груди ж другое имя
Рвется с силой непонятной!*

*Так и крикнула б с балкона,
Ночью, в небо голубое,
И на всё бы королевство,
Это имя роковое!*

*Сердцу страшно с этой тайной
Притворяться и лукавить...
Помоги мне... ты умеешь
И утешить, и наставить...»*

*Мог утешить и наставить
Всех монах сердечным словом,
Но глядел на королеву
Взглядом грустным и суровым.*

«Трудно дать совет, — сказал он,
—

Этот грех — не как другие...
Он — предтеча божьей кары
За грехи твои иные!

Вслед за ним придет злодейство,
Скорбь и муки преисподней, —
И тебя спасти мне трудно:
Ты забыла страх господний!

Святотатцам и злодеям
В умерщвленьи плоти грешной
Есть спасенье; но убийце
Духа божья — ад крошечный!»

Изабелла содрогнулась,
Но скользнуть над адской бездной
Ей, как истой кастильянке,
Было жутко — но любезно!

«Научи ж, что делать, padre![49]
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пешком пойду в Сан-Яго».

«Если б храм ты не из золота
И порфира созидала,

*А в сердцах твоих народов
Храм духовный устрояла,*

*И стояла бы у двери,
Яко страж с мечом горящим,
Возбраняя вход гиенам
И ехиднам злошипящим, —*

*Ты б избегла страшной кары!
Зла мятежные пучины
Тщетно б храм твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,*

*Разлилось нечестья море
И волною дотянуло
Даже царственного трона,
И в лицо тебе плеснуло!*

*Омраченный дух твой принял
Смрадных волн его дыханье,
Как вечернюю прохладу,
Как цветов благоуханье...*

Вот и казнь за то!..» — «За что же?»

*— «Иль не видишь, королева,
Погляди — плоды несметны
Сатанинского посева:*

Вся страна кишит жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду —
В кельи, в хижины, в чертоги!

Саламанхские студенты
Купно с мавром, с жидовином
Над одной толкуют книгой,
За столом сидят единым!

В оных псах смердящих юность
Братьев чтит, назло закону,
И разносит дух в народе,
Вере гибельный и трону.

Мудрость истинную презря,
Что толкует люд безбожный?
Будто шар — земля, который
Весь кругом объехать можно

И открыть такие земли,
О которых ни в Писаньи
Нет помину, ни в едином
Каноническом преданьи!

Говорят, резные буквы
Нынче как-то составляют
И одну и ту же книгу

В целых сотнях размножатся, —

*Что же, если эти бредни
В сотнях списков по вселенной
Вихорь дьявольский разметет?
Всё в хаос придет смятенный!*

*И... и кто же рукоплещет
Этой пляске вавилонской?
В ком покров ей и защита?
В королеве арагонской!..»*

*Так, борясь с врагом исконным,
Говорил он королеве
Об ее отчете богу
И о божьем близком гневе,*

*Но укорам громоносным
Не нашел монах ответа,
Было сердце королевы
Точно броней одето.*

*Не испуганным ребенком
Перед ним она стояла;
Не того, молве поверя,
От монаха ожидала.*

Ей уж стал казаться лучше

Духовник ее придворный,
Но искуснее обоих —
Приор в Бургосе соборный.

«Ну, а этот!.. мне пророчит
Ад и всяческие страхи
За жидов и за ученых!
Он такой, как все монахи!»

И, собою не владея,
Изабелла гордо встала
И, вуаль с чела откинув,
Так монаху отвечала:

«Я, как женщина, о padre,
Дел правленья не касаюсь.
Их король ведет. Сама же
В чем грешна я — в том и каюсь.

Мне самой жиды противны.
Но они народ торговый,
И — политик это ценит —
На налог всегда готовый.

С королем, моим супругом,
В Саламанхе мы бывали,
Нас нигде с таким восторгом,
Как студенты, не встречали.

Дон Фернандо был доволен,
Я ж скажу, что говорила:
В их сердцах — опора трона,
Наша слава, наша сила!..

А от тех ученых бедных,
С виду, может быть, забавных,
Уж давно у нас в бумагах
Много есть проектов славных.

Их труды и жажду знаний
Для чего стеснять — не знаю!
И возможно ль всех заставить
Думать так, как я желаю!

Пусть их мыслят, пусть их
ищут!
Мысль мне даст бедняк ученый —
Из нее, быть может, выйдет
Лучший перл моей короны!

И что будет — воля божья!
Только всё нам предвещает:
Миру царствованье наше
Новых дней зарей сияет!»

И уйти она хотела
Без смущения, без страха,

Лишь сердясь на дам придворных,
Расхваливших ей монаха.

Но монаха, знать, недаром
Жены славили и девы:
Как глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Он как барс в железной клетке
Встрепенулся, со слезами
Упуская эту душу,
Отягченную грехами!

«Погоди! — он кликнул громко. —
И познай: не я, царица,
Говорил с тобой. Здесь явно
Всемогущего десница!

Я в лицо тебя не видел:
Ты его мне скрыть хотела,
Кто ж сказал, что предо мною
Королева Изабелла?

Всё, царица, всё я знаю...
Все дела твои, мечтанья,
Даже — имя, пред которым
Ты приходишь в содроганье...

*Бал французского посольства...
Кавалер иноплеменный
В черной маске... На охоте
Разговор уединенный...*

После в парке...» — «Здесь измена!

—

*Горьким вырвалось стоном
Из груди у королевы. —
Кто же был за мной шпионом?..*

*Кто? ответствуй!..» — всё забыв-
ши,
Восклицала королева,
Величава и прекрасна
В блеске царственного гнева...*

*Если б не был Сан-Мартино
Небом свыше вдохновенный,
Я б сказал: глаза горели
У него, как у гиены;*

*Но когда с негодованьем
На него она взглянула,
В этот миг в глаза гиены
Точно молния сверкнула!*

Но... сверкнула — и угасла!

«Нет, — стонала Изабелла, —
Я одна лишь знала тайну!
Я владеть собой умела!

Даже он — не смел подумать!
Где ж предатель? Где Иуда?
Это имя только чудом
Мог ты знать...»
— «И было чудо, —

Произнес монах, — и ныне
Не случайно, не напрасно
В храм пришла ты... Это имя —
Вот оно!..»
О, миг ужасный!..

Вдруг лицо свое худое,
Сам робея без отчета,
К Изабелле он приблизил
И, дрожа, шепнул ей что-то...

Отшатнулась, онемела
Королева в лютом страхе!
Взор с тоской и изумленьем
Так и замер на монахе...

На нее ж его два глаза
С торжеством из тьмы глядели,

*Точно всю ее опутать
И сковать они хотели...*

*И душа ее, как птичка
В тонкой сетке птицелова,
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова...*

*В храме пусто, в храме тихо;
Неподвижны вокруг святые;
Страшны хладные их лица,
Страшны думы неземные...*

*Лишь звучал монаха шепот
И порывистый, и страстный:
«Признаю твой промысл, боже!
Перст твой, боже, вижу ясно!»*

*Светел ликом, к королеве
Он воззвал: «Жена, не сетуй!
Милосерд к тебе всевышний!
Вот что в ночь свершилось эту!*

*Для меня вся ночь — молитва!
Видит плач мой сокровенный,
И биенье в грудь, и муки
Он один, гвоздями пронзенный!*

*В эту ночь — среди рыданий —
Вдруг объял меня чудесный
Сон, и вижу я: всю келью
Преисполнил свет небесный.*

*Муж в верблюжьей грубой рясе,
Он^{ым} светом окруженный,
Подошел ко мне и позвал —
Я упал пред ним смущенный.*

*Он же рек тогда: «Предстанет
Ныне в храме пред тобою
Величайшая из грешниц
С покровенной головою.*

*Отврати ее от бездны,
От пути Иезавели,
Коей кровь на стогнах града
Псы лизали, мясо ели».*

*Усумнился я — помыслил:
«То не в грех ли новый вводит
Бес-прельститель, бес, который
Часто ночью в кельях бродит?»*

*Моему ли окаянству
Вверит бог свое веленье?..
Но прозрел угодник божий*

В тот же миг мое сомненье:

*«Се ли, — рек, — твоя есть вера?»
Я же: «О владыко! труден
Этот подвиг! Дьявол силен,
А мой разум слаб и скуден».*

*«Повинуйся, — рек он паки, —
Повинуйся, раб ленивый!
Се есть знаменье, которым
Победиши грех кичливый!»*

*И развил он длинный свиток:
В буквах огненных сияли
В нем дела твои и тайны,
Прегрешенья и печали...*

*И читал я перед каждым
Суд господень — и скорбела
Вся душа моя, и плакал
О тебе я, Изабелла!..»*

*У самой у Изабеллы
Сердце в ужасе застыло...
«Чудо — гнев небесный — чудо... —
Как во сне она твердила. —*

Неужель... не ты, о боже!

Двигал волею моею!
Неужели весь мой разум
Не был мыслию твоею!

Лишь о подданных любезных,
Лишь о милостях без счета,
О смягченьи грубых нравов —
Вся была моя забота!..

Я лишь радовалась духом,
Лучшим людям в царстве вверясь,
—

И ужели в этом — гибель!
Неужели в этом — ересь!..»

«О, заблудшееся сердце! —
Восклищал монах над нею. —
О, сосуд неоцененный
Для даров и для елею!

Влей в него святое миро!..
Гласа свыше удостоен,
Я земному неподкупен,
Средь житейских волн — спокоен!

Волю божью, яко солнце,
Вижу ясно! В чем спасенье —

Осязаю!.. Королева!
Здесь, в руках моих — прощенье!»

Говорил он, вдохновенный,
И в словах его звучали
Сила веры, стоны сердца,
Миру чуждые печали...

Изабелла, на коленях,
За слезой слезу роняла
И, закрыв лицо руками,
«Что ж мне делать?» — повторяла

«Надо дел во славу божью!
Чтоб они, дела благие,
На весах предвечной правды
Перевешивали злые!

Ополчися на нечестье!
В царстве зло вели измерить,
Отличить худых от добрых,
Совесть каждого проверить...

Тотчас видно в человеке,
Чем он дышит, чем напитан, —
Из того уж, как он смотрит,
Из того уж, как молчит он!

Эти лица без улыбки,
Этот вид худой и бледный —
Явно — дьявольские клейма,
Дух сомнения зловредный!..»

Говорил он, вдохновенный,
Но недвижная, немая
Оставалась Изабелла,
Глаз к нему не подымая...

«Трибунал устрой духовный, —
Говорил он, — чрезвычайный,
Чтоб следил он в целом царстве
За движеньем мысли тайной;

Чтобы слух его был всюду,
Глаз насквозь бы видел души —
В городах, в домах и кельях,
В поле, на море, на суше;

Чтоб стоял он, невидимый,
В школах, в храмах, под землю,
И между отцом и сыном,
Между мужем и женою...

И тогда в твоих народах
Ум и сердце, труд и знание —
Всё сольется в хор согласный

Восхвалять отца созданья!

*Ни одним нестройным гласом
Слух его не оскорбится...
И тебе тогда, царица,
Всё простится! всё простится!..»*

*«Всё простится...» — повторила
Изабелла... Луч желанный,
Как маяк для морехода,
Ей блеснул в дали туманной...*

*Подняла к монаху очи:
Слезы всё на них дрожали.
Но уже сквозь слез надежда
И доверие сияли...*

*«Возвратись же в дом свой с ми-
ром!
И зови меня, худого,
Коль речей моих смиренных
Возжелаешь сердцем снова...*

*А в дому своем отныне
Тщися мудрыми речами,
Как Эсфирь, в супруге сердце
Преклонить — да будет с нами!*

Говори ему в совете,
Средь забав, на брачном ложе,
За трапезой, с лаской, с гневом,
День и ночь одно и то же!

Так, как капля бьет о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о, всё простится!
Всем угодна будешь небу!..»

Он умолк. Уж Изабелла,
Как дитя, за ним следила,
И за ним опять невольно:
«Всё простится», — повторила...

По устам у Сан-Мартино
Пробежал улыбки трепет...
Богомольных дам, быть может,
Вспомнил он невинный лепет,

Вспомнил тайну королевы —
И, как будто осиянный
Новой мыслью, «Всё простится»,
—
Подтвердил с улыбкой странной.

Во дворце и перед храмом
Свита — доньи и дуэньи

*Ожидали королеву
В несказанном нетерпеньи.*

*Как ей чудный исповедник
Показался, знать желали,
И, едва она к ним вышла,
С любопытством вопрошали:*

*«Ну, каков?» Собой владея,
Королева без смущенья,
Равнодушно отвечала:
«Производит впечатленье».*

<1860>

ЖРЕЦ (Отрывок)

*Изидин жрец в Египте жил.
Святым в народе он прослыл,
За то, что грешную природу
Он победил в себе, как мог,
Ел только злаки, пил лишь воду,
И весь, как мумия, иссох.
«Учитесь, — он вещал народу, —
Я жил средь вас; я посещал
Вертепы роскоши порочной,
И яств и питий искушал
Себя я запахом нарочно;
Смотрел на пляски ваших дев,*

Коварный слушал их напев;
С мешком, набитым туго златом,
Ходил по рынкам я богатым, —
Но вот — ни крови, ни очам
Своей души в соблазн я не дал:
Я ваших брашен не отведал,
И злато бросил нищим псам,
И чист, как дух, иду я ныне,
Чтоб с богом говорить в пустыне!»

И вышел он, свои стопы
В пустыни дальние направляя.
Смотрели вслед ему толпы;
Гиерофант, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословил: «Иди, учися, —
Сказал, — и после к нам вернися,
И тайну жизни нам открой!»

Минули многие уж годы...
О нем пропал и самый слух;
Меж тем он в таинства природы
Пытливо погружал свой дух,
И изнуренный, исхудалый,
Как тень в пустыне он бродил,
И ероглифами браздил

Людьми нетронутые скалы.
Раз у ручья он между скал
В весенний вечер восседал.
Пустыня в сумраке синела;
Верхушка пальмы лишь алела
Над головой его, одна
Закатом дня озарена...
И без конца и без начала
Как будто музыка звучала,
Несясь неведомо куда
В степи, без цели, без следа...
Что приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобные муки?
Иль гул от дальних городов,
Где при огнях, среди пиров,
В садах, во храмах раздаются
Кипящей жизни голоса
И от земли на небеса
Могучим откликом несутся?..
И вспомнил жрец, как бы сквозь
сон,
Как был к сатрапу приведен
Обманом он на искус страшный:
Чертог в цветах благоухал,
Лилось вино, дымилась брашны,
Сатрап в подушках возлежал;
Пред ним лесбиянка плясала,
Кидая в воздух покрывало;

К сатрапу бросилась потом
И кубок подала с вином;
Ее обняв, отпив из кубка,
Поил он деву, и в уста
Ее лобзал, и, как голубка,
К нему ласкалась красота;
Вдруг он жрецу сказал, вставая:
«Она твоя! садись и пей!»
И их оставил... И, как змей,
К своей добыче подползая,
Чарует взглядом и мертвит,
Она впилась в него очами,
Идет к нему, — и вдруг руками
Он белоснежными обвит!
Уста с пылающим дыханьем
К нему протянуты с лобзаньем,
И жизнью, трепетом, теплом
Охвачен он... «Уйдем, уйдем! —
Она твердит. — Беги со мною!
Вон белый Нил! уйдем скорей,
Возьмем корабль! летим стре-
лою
К Афинам, в мраморный Пирей!
Там всё иное — люди, нравы!
Там покрывал на женах нет!
Мужам поют там гимны славы,
Там воля, игры, жизнь и свет!..»
О, злые чары женской речи!..

Благоухающие плечи
Пред ним открыты... ряд зубов
Белел, как нитка жемчугов...
Густые косы рассыпались
Из-под повязки — и, блестя,
Сережки длинные качались,
По ожерелью шелестя...
И этот блеск, и этот лепет,
И страстный пыл, и сладкий трепет
В жреце всю душу взволновал:
Окаменел он в изумленье —
Но вдруг очнулся от забвенья
И с диким криком убежал!

К чему ж опять она мелькнула,
Как по пустыне мотылек?
И обернулась, и вздохнула,
Пролепетав: «А ты бы мог...»
Смутился жрец, удвоил бденье,
Но дева всё стоит пред ним!
Уж, в неотступное виденье
Вперивши взор, он, недвижим,
Ей нежно шепчет, как подруге,
То страстно молит, то корит,
То, вдруг очнувшись, в испуге,
Как от врага в степи бежит...
Но нет забвенья! нет спасенья!

*В его больном воображенье
Как будто выжжен ясный лик —
Везде лесбиянка молодая!..
И кость в нем сохнет, изнывая,
Глаза в крови, горит язык;
Косматый рыщет он в пустыне,
Как зверь израненный ревет,
В песке катаясь, мир клянет,
И в ярости грозит богине...
А вокруг — без цели, без следа,
Несясь неведомо куда,
И без конца и без начала,
Как будто музыка звучала,
И, сыпя звезды без числа,
По небу тихо ночь плыла.*

1848, 1858

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ

*Когда в челе своих дружин
Увидел крест животворящий
Из царской ставки Константин
И пал пред господом, молящий, —*

*Смутились старые вожди,
Столпы языческого мира...
Они, с отчаяньем в груди,
Встают с одра, встают от пира,*

Бегут к царю, вопят: «О царь!
Ты губишь всё — свою державу,
И государство, и алтарь,
И вечный Рим, и предков славу!

Пред кем ты пал? Ведь то рабы!
И их ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царств судьбы
На их ты проповеди дикой!

Верь прозорливости отцов!
Их распинать и жечь их надо!
Не медли, царь, скорей оков!
Безумна милость и пощада!»

Но не внимал им Константин,
Виденьем свыше озаренный,
И поднял стяг своих дружин,
Крестом господним осененный.

В негодованьи цепь с орлом
Трибуны с плеч своих сорвали,
И шумно в груди пред царем
Свое оружие побросали —

И разошлись...
Победил
К Христу прибегший император!

*И пред распятым преклонил
Свои колена триумфатор.*

*И повелел по городам
С сынов Христа снимать оковы,
И строить стал за храмом храм,
И словеса читать Христовы.*

*Трибуны старые в домах
Сидели, злобно ожидая,
Как, потрясенная, во прах
Падет империя родная.*

*Они сбирались в древний храм
Со всех концов на годовщину
Молиться дедовским богам,
Пророча гибель Константину.*

*Но время шло. Их круг редел,
И гасли старцы друг за другом...
А над вселенной крест горел,
Как солнца луч над вешним лу-
гом.*

*Осталось двое только их.
Храня обет, друг другу данный,
Они во храм богов своих
Сошлись, розами венчанны.*

*Зарос и треснул старьей храм;
Кумир поверженный валялся;
Из окон храма их очам
Константинополь открывался:*

*Синел Эвксин, блестел Босфор;
Вздымались куполы цветные;
Там — на вселенский шли собор
Ерархи, иноки святые;*

*Там — колесницы, корабли...
Под твердь небеса голубую
Сливался благовест вдали
С победной воинской трубою...*

*Смотрели молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «Мы не
правы».*

*Давно уж в мире без утех
Свой век они влачили оба;
Давно смешна была для всех
Тупая, старческая злоба...*

*Они глядят — и ждет их взор:
Эвксин на город не прорвется ль?*

*Из-за морей нейдет ли мор?
Кругом земля не пошатнется ль?*

*Глядят, не встанет ли кумир...
Но олимпиец, грудью в прахе,
Лежит недвижим, нем и сир,
Как труп пред палачом на плахе.*

*Проклятья самые мертвы
У них в устах... лишь льются сле-
зы,
И старцы с дряхлой головы
Снимают молча плющ и розы...*

*Ушли... Распятие в пути
На перекрестке их встречает...
Но нет! не поняли они,
Что божий сын и их прощает.*

1857

ПРИГОВОР

(Легенда о Констанцском соборе)

*На соборе на Констанцском
Богословы заседали:
Осудив Иоганна Гуса,
Казнь ему изобретали.*

В длинной речи доктор черный,

Перебрав всеистязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье;

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вра-
нам;

Самый труп предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложеньях,
Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как всё он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «Вене, вене!»[50] —
Люди, опытные в споре,

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений

Их, как из лесу, выводит...

*И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!
Так гласит повествованье:*

*Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора не много
Он нашел себе забавы;*

*Он глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам,
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам,*

*Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,
Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...*

*Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и — оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел — развеселился,*

За владыкой — ряд за рядом,

Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду всё собранье:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты,
Трирский, Люттихский епископ,
Кардиналы и прелаты,

Оглянулся даже папа!
И суровый лик дотоле
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и — улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?
Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но — они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер празднуя весенний;

Он запел — и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном, в час урочный,

Кто — таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто — трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом — всем пришли на па-
мять
Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И — история не знает,
Сколько длилось молчанье
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собраньи этом старец,
Из пустыни вызван папой

*И почтен за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой,
—*

*Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья, —*

*И, как шепот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:
«Жалко Гуса», — прозвучали;*

*Машинально, безотчетно
Поднялся он и, объятая
Всем присушим открывая,
Со слезами молвил: «Братья!»*

*Но, как будто перепуган
Звуком собственного слова,
Костью ударил об пол
И упал на место снова.*

*«Пробудитесь, — возопил он,
Бледный, ужасом объятый, —
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его, проклятый!..*

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,
Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной —

И вошел в меня нечистый! —
К вам простер мои объятья,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». Горе, братья!..»

Ужаснулося собранье,
Встало с мест своих, и хором
«Да воскреснет бог» запело
Духовенство всем собором, —

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем, —

И, восстав, Иоганна Гуса,
Церкви божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада!
От соборного проклятья

Дьявол вылетел из сада,

*И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землею,
В лютой злобе искры сея.*

*Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцкий ратман,
Возвращавшийся с пирушки.*

1859

**ПОЭТ И ЦВЕТОЧНИЦА
(Гётевская элегия)**

*Высыпь цветы из корзины у ног
моих, милый.*

*Сядь и уж мне не мешай!.. Скоро
смеркаться начнет.*

*Что за хаос вокруг тебя! И над
ним, как Любовь,
ты склонилась
Мыслью готова в него жизнь и
гармонию влить!*

*Розы не трогай: чудесные розы! Из
них загляденье*

Выйдет венок — и тебе этот венок я подам!

Как мне забавно всегда! На пиру ты венок мне подносишь!
Я равнодушным кажусь — сам же весь занят тобой!

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взгляд твой горячий...
Точно сребристую сеть я за собой волочу!

Это влечет тебя сердце мое в уголок наш укромный,
Где ты — как Флора в цветах, и у колен твоих я.

Да, а сойдемся мы здесь — от меня ты уж мыслью далеко!
Вот и теперь не глядишь... Что же ты вдруг замолчал?

Вот что я вспомнил: был Павзий, художник; любил он Гликеру;
Плесть мастерица была эта Гликера венки.

Это — как будто бы мы! Только
ты не художник, а лучше —
Фебом любимый поэт! гордость и
слава Афин!

Эту Гликеру прелестнейшей де-
вушкой, милым ребенком
Он всю в цветах написал — и обес-
смертил себя!

Что же? и ты обессмерть себя
славной поэмой!.. Я часто
Думаю: что бы тебе нашу любовь
описать?.

Павзий — счастливей! черты сво-
ей милой Гликеры он кистью
Мог передать, а в стихах — как
опишу я тебя?

Вот ты как сделай: пусть в Ин-
дии будет, где звери и птицы
Дружно с людьми говорят, много
где всяких чудес!..

Странно! с любовью в разлад
вдохновенье идет у поэта:
Кажется — как я люблю!.. и —

хоть бы песнь! хоть бы стих!

*Жил там волшебник; малюткой
царевну похитил... Малютка
Стала цветы продавать; только
однажды был пир...*

*Царский был сын на пиру; он влю-
бился, и кончилось свадьбой!
В сказках всегда это так... толь-
ко немного старо...*

*Нет, не старо! Можно выдумать
ряд приключений чудесных...
Как он умом и мечом чары умел
победить...*

*Бился с гигантами! Конное, пешее
войско с слонами,
Тьмы колесниц золотых в бегство
один обратил!*

*Ты только шутишь со мной!.. А
молчанье твое мне ужасно!..
Помнишь ли ты на пиру первый
веночек мой тебе?*

Этот веночек и теперь у меня над

кроватью хранится...
Первый, который ты мне, пир об-
ходя, подала?

Помнишь, венчая твой кубок, я
почку в вино уронила;
Выпив вино, ты сказал: «Дева! цве-
ты — это яд!»

Как же!.. И с маленьким женским
лукавством, и детски краснея,
«Пчелки, — сказала ты, — в них
мед достают, а не яд!»

Если с тех пор твоя муза мол-
чит, ты угрюм и несчастлив,
Значит, то правда, что жизнь я
отравила тебе?

Полно, мой друг, я молчу лишь от
счастья!.. Как музыка, нежный
Голос твой мне прозвучал — там,
среди мужских голосов!

Лучше б молчать мне и пчелок не
трогать! ведь к этому слову
Рыжий придрался Тимант, крик-
нул: «И шмель не дурак!»

Гнусный Силен!.. и облапил тебя,
как медведь! Покатилась
В угол корзина твоя... все разлете-
лись цветы!..

Как он меня напугал!.. Только
слышу: «Оставь ее, циник!»
Вижу — ты с места вскочил, све-
тел, как сам Аполлон!

Он не сробел, а держал тебя, бе-
лые зубы оскалив,
Легкое платье твое по пояс с плеч
разорвал...

Ужас! как бросишь в него ты се-
ребряным кубком!.. Я помню,
Как он о череп его звякнул и пры-
гать пошел!..

Гнев и вино ослепляли меня!.. Но
успел разглядеть я,
Как ни старалась ты скрыть,
круглое... это плечо...

Ах, что за шум поднялся! весь об-
литый вином, он затрясся,
С мокрых волос по лицу кровь за-

струилась ручьем...

*Только тебя я и видел!.. в слезах,
на полу, на коленях,
Платье одною рукой ты собирала
на грудь...*

*Блюдо, тарелки в тебя полетели,
звеня и блистая!
Точно взбешенный Аякс, всё он ло-
мал вокруг себя!*

*Только тебя я и видел!.. как быст-
ро другою рукою
Ты подбирала венки, взором за на-
ми следя...*

*Доброе сердце! ты думал, меня
ушибут... а хозяин
Ярость обрушит на мне, — встал
и меня заслонил!*

*Пестрый ковер перекинул я на ру-
ку, точно готовясь
В битве с свирепым быком бро-
сить ему на глаза!*

Я ускользнула, увидя, что гости

*вступились, стараясь
За руки вас удержатъ, вместе
стыдя и моля.*

*К счастью, всё кончилось сме-
хом — вскочил и трагическим
тоном:*

*«Что вы, ахейцы!» — нам речь
стал говорить Диоген.*

*Этот седой Диоген притворяется
только сердитым;
Право, душа у него, кажется, во-
все не зла!..*

*Он успокоил всё шуткой... Но
тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искал! три дня на
рынке бродил!*

*Я со стыда не могла показаться...
Ведь все меня знают,
Любят — и вдруг обо мне в городе
говор пошел.*

*Много я видел венков, много видел
цветов и цветочниц,
Не было только одной — малень-*

кой Лиды моей!

Дома венки я сплетала... рядком
их, бывало, развешу...
Вот и теперь они тут... все уж за-
сохли давно!

Где ты живешь, переспрашивал
женщин, старух я на рынке,
Даже гуляк и повес — все станови-
лись в тупик!

Вечер, бывало, сижу я, гляжу на
веночки и плачу...
Ночь подвигалась... цвета гасли
один за другим...

В горе, усталый, к богам я взывал,
к Аполлону взывал я:
«О сребролукий! да где ж? где же
укрылась она?»

Всё мне казалось, что вот ты
войдешь... и что буду я делать?
С тайной надеждой пошла на пло-
щадь я наконец...

Я уж давно там бродил... насмот-

релся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, петухи! крики ослов
и старух!..

Что там за шум был, когда я те-
бя наконец увидала?

Право, не знаю... Но вдруг ты мне
мелькнула в толпе...

Точно в челне сквозь высокий
тростник, в тесноте ты пробил-
ся...

И очутились вдруг в шумной тол-
пе мы одни!

Помню, я слышала только, как
сердце в груди моей билось...

Рядом пошли мы с тобой... в очи
друг другу глядя...

Так, как теперь ты глядишь, и с
такою же тихой улыбкой...

Как ты прекрасна была, солнцем
облита живым!

Вышли мы за город...

Море блистало в дали серебристой...

Всё это, милый, теперь кажется сказкою мне!

И без волшебника сказка! без царского сына, царевны!

Это — поэма, мой друг!

Милая Муза моя!

*Тише! венки изомнешь... О, как скоро стемнело сегодня!..
Как же хорош и как смел на этом пире ты был!*

<1861>

**АЛЕКСИС И ДОРА
(Пересказ гётевской элегии)**

*Ах, неудержжно вперед, неудержжно
всё дале и дале
Мчится на всех парусах в синее
море корабль!..
След его длинной темнеет стру-*

ей, и, сверкая, дельфины
Весело прыгают в ней, словно до-
бычу лова.

Кормчий на снасти глядит —
точно музыку слушает: лихо,
В добрую пору пошли! Ветер по-
путный как раз!

Очи пловцов и мечты их, как фла-
ги и вымпел летучий,

Весело смотрят вперед... Духом
поник лишь один.

К борту склонясь корабля, он всё
смотрит, как горы бледнеют,
Берег уходит из глаз... вот уж из
виду пропал...

«И у тебя, моя Дора, — он шеп-
чет, — уж скрылся из виду

В море корабль мой и я, милый
твой, друг твой, жених!

Тщетно и ты меня ищешь, с высо-
кого берега смотришь,

Вкруг безответна на всё, думой в
себя погрузясь!..

Сердце, прижавшись раз к моему,
всё не может утихнуть!

Мысль твоя новую жизнь тщет-
но стремится обнять!

Миг это был, только миг, но он

вдруг перевесил все годы,
Мной прожитые во тьме, в сон-
ном, тупом забытьи.
Словно удар громовой, словно
молния в сердце упала,
Спавшие силы в груди радостно
вдруг пробудив.
Словно совсем я другой, и смотрю
на себя с любопытством.
Прежняя жизнь моя вдруг смысл
получила в глазах...
Так стихотворец в стихах на пиру
предлагает загадку,
Скрывши значенье ее в образах,
звуках, цветах;
Каждым любуешься порознь, но
вместе всё дико и странно;
Если ж разгадку нашел, вдруг по-
лучает всё смысл.
Вот и разгадка моя! Всё, что в
жизни за счастье считал я,
Словно уходит во мрак. Всё засло-
няя собой,
Образ ее, незаметный доселе,
один выступает...
Девочкой вижу ее: черные кудри
как смоль,
Бледная смуглость лица, только

длинные те же ресницы,
Черные те же глаза, тот же за-
думчивый взгляд...
Вот вырастает: с плодами на ры-
нок приходит поутру,
Вот от фонтана идет с полным
кувшином воды!..
Часто я думал: «А вот с головы
ты кувшин свой уронишь!»
Только, как лебедь, она словно не
шла, а плыла...
К морю, бывало, мы, юноши, вый-
дем в вечернюю пору;
Девушки тут же сидят, в тесный
сомкнувшись кружок,
Смотрят, как плоские камни
плашмя по воде мы кидаем;
Чей сделал больше прыжков, сла-
ву тому прокричат...
Крикнут и мне, — я ж и знать не
хотел, есть ли Дора меж ними!
Все пропадают теперь, вижу одну
лишь ее.
Вижу задумчивый взгляд, из тол-
пы на меня устремленный.
Так и следит он за мной, всюду он
ищет меня...
Видел ее я, как месяц и звезды ви-

даем мы ночью, —
Разве приходит на мысль ими ко-
гда обладать?
Сад — стена об стену с нашим;
бывало, калитка открыта,
Но заглянуть хоть бы раз — в
мысль не пришло никогда...
Подле! так близко! Теперь же
меж нами широкое море!
Ветру с неделю я жду. В скуке бро-
жу как шальной.
Вдруг прибегает матрос, кличет:
«Ветер попутный! скорее!
Тотчас канат отдаем. Вздернем
как раз паруса!»
Я собираюсь, бегу. Кое-как с ста-
риками простился...
Даже всплакнуть-то хоть раз —
знали, что некогда им!
В руки мне суют припасы. Я на ру-
ку плащ, выбегаю;
Дора в калитке стоит, что-то
мне хочет сказать.
«Дора, прощай!» — говорю и бегу,
чуть кивнул головою.
«Можно тебя попросить, — так
ведь сказала она, —
Ты за товарами едешь... цепочку

давно мне хотелось...

Будь же так добр, привези, я заплачу по цене».

Спрашивать (нехотя даже!) я начал: какую, что весу?

Самую малую мне цену сказала она...

Я поглядел на нее... Да ужель это Дора?.. та Дора —

Та, что я видел вчера?.. Слеп ли я был до сих пор?

Иль изменилась она?.. То подымет стремительно очи,

То их опустит на грудь... щеки румянцем горят...

Вкруг нее, словно вкруг девственной дочери Олимпа, — сиянье!

Боги!.. А с пристани там громче и громче кричат...

«Вот захвати ты с собой, — встрепенулась она, — апельсинов, На море негде достать, и не во всякой земле...»

Скрылась в калитку; и я вслед за ней; апельсины срывает:

Пальцы на солнце сквозят... Тени скользят по лицу...

Падает плод за плодом... Я за нею

едва поспеваю...

«Будет!» — твержу, но она ищет
всё лучших вверху...

«Тотчас уложим в корзину», —
корзина в беседке стояла, —
Свод виноградных листов принял
под тень свою нас...

Стала плоды она молча в корзину
укладывать, в листья...

Ах, я боялся дышать! Сердце ж
стучало в груди!

Вот и корзина готова, а я — всё
стою неподвижно...

Дора! тут очи и ты вдруг подня-
ла на меня...

Как же тут было? и что мы ска-
зали, что вдруг очутилась

Грудь твоя подле моей?.. Вижу,
твоя голова

Тут у меня на плече... по щеке про-
бирается слезка...

«Дора! ты вечно моя?» — вырва-
лось вдруг у меня...

«Вечно!» — промолвила ты, и
уста наши встретились сами!..

С берега громче кричат. Вижу — в
калитку матрос

Кличет и выставил, словно серди-

тый Тритон, свою рожу...
Боги! вдруг счастье обнять — и
потерять в тот же миг!..
Друг против друга стоим мы, и
слезы текут у обоих...
Как подбежал тут матрос, по-
брал пожитки мои,
В зубы корзину с плодами схва-
тил, и меня за одежду,
С бранью, толкая, увел... Как я
взошел на корабль...
Всё это точно как сон!.. Помню —
берег в глазах вдруг поехал:
Домы, деревья, гора... Тут лишь
опомнился я...
К борту припал: разбиваясь, с пе-
ною волны мелькают,
Крепкие снасти скрипят... Я чуть
стою на ногах...
В сердце лишь «вечно твоя» и зву-
чит... Весь дрожу я, как лира.
Долго хранящая гул трудно сти-
хающих струн...
«Да, ты взошло, мое солнце! Заве-
са с грядущего спала,
Дора! отныне тебе — жизнь моя,
слава, труды!..
Вей же, попутный Эол!.. Подтяни-

*те-ка парус потуже!
Вправо возьмите руля!.. Ух, слов-
но птица летим!..»*

1863

КОНЬ
(Из сербских песен)

*Светлолица, черноброва,
Веселее бела дня,
Водит девица лихова
Опененного коня,*

*Гладит гриву воронова
И в глаза ему глядит:
«Я коня еще такова
Не видала! — говорит. —*

*Чай, коня и всадник стоит...
Только он тебя навряд
Вдоволь холит и покоит...
Что он — холост аль женат?»*

*Конь мотает головою,
Бьет ногою, говорит:
«Холост — только за душою
Думу крепкую таит.*

Он со мною, стороною,

Заговаривал не раз —
Не послать ли за тобою
Добрых сватов в добрый час»

А она в ответ, краснея:
«Я для доброго коня
Стала б сыпать, не жалея,
Полны ясли ячменя;

Стала б розовые ленты
В гриву черную вплетать,
На попоны позументы
С бахромою нашивать;

В вечной доле, без печали
Мы бы зажили с тобой...
Только б сватов выслали
Поскорее вы за мной».

1860

ПАСТУХ
(Испанская легенда)

Был суров король дон Педро;
Трепетал его народ,
А придворные дрожали,
Только усом поведет.

«Я люблю, — твердил он, — прав-

ду,
Вид открытый, смелый взор».
Только правды (вот ведь стран-
ность!)
Пуще лжи боялся двор.

Раз охотился дон Педро;
Утомясь, он дал сигнал,
Чтоб для завтрака у речки
Сделать маленький привал.

Тра-та-та — звучит в долине,
Меж покрытых лесом гор;
На призыв отовсюду скачут
Гранды, рыцари и двор.

Собрались. Дон Педро весел:
Сам двух вепрей застрелил
И своим весельем лица
Всех, как солнцем, озарил!

Он смеется — все хохочут...
Разговор пошел и смех...
Но о чем же смех и говор?
Речь о чем?.. Одна у всех:

Говорят, что чудо-мальчик
Тут же коз пасет в горах —

Купидон в широкой шляпе,
С козьим мехом на плечах!

Длиннокудрый! Черноглазый!
Но, хотя угрюм и дик,
А бедовый! Нет вопроса,
Перед чем бы стал в тупик.

Пожелал король увидеть
Пастуха — и вот бегут,
Понеслись пажжи, что стрелы,
И чрез миг его ведут.

Посмотрел король. С минуту
Призадумался... Кругом
Словно туча набежала,
Словно ждут, что грянет гром.

«Вот, — сказал он, — три вопроса:
Разрешешь — возьму в пажжи!
Много ль капель в синем море?
Посчитай-ка да скажи!»

«Я сочту, — ответил мальчик, —
Счет не долог, не тяжел,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтоб дождь не шел».

«Ну а много ль звезд на небе?»
И философ, не смутясь:
«Повели сойти им с неба,
Я тогда сочту как раз».

Понахмурился дон Педро,
Двор дыханье затаил.
«Ну а много ль дней у бога?» —
Помолчав, король спросил.

«Дни у бога крадет время.
Повели, чтобы оно
Хоть на миг остановилось, —
И уж счесть не мудрено».

«Молодец! — вскричал дон Педро,
Хохоча. — Да этот клоп
Всех вельмож моих умнее!..»
Те смеялись, морща лоб.

«Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мне, и есть, и пить, —
И один, надеюсь, станешь
Смело правду говорить».

Гранды вовсе растерялись.
«Что он — плут или мудрец?
Грубиян!» — единодушно

Порешили наконец.

*Но старались грубияну
Угодить хоть чем-нибудь...
Он же робко озирался,
Как бы в горы улизнуть.*

*Только дамы бескорыстно
Целовали мудреца,
В нем хваля глаза и розы
Загорелого лица.*

1866

МЕНЕСТРЕЛЬ
(Провансальский романс)

*Жил-был менестрель в Провансальской земле,
В почете он жил при самом короле...
«Молчите, проклятые струны!»*

*Король был не ровня другим королям,
Свой род возводил он к бессмертным богам...
«Молчите, проклятые струны!»*

И дочь он, красавицу БERTУ,

имел...

Смотрел лишь на Бертю певец, ко-
гда пел...

«Молчите, проклятые струны!»

Когда же он пел, то дрожала она

—

То вспыхнет огнем, то как мрамор
бледна...

«Молчите, проклятые струны!»

И сам император посватался к
ней...

Глядит менестрель всё угрюмей
и злей...

«Молчите, проклятые струны!»

Дан знак менестрелю: когда бу-
дет бал,

Чтоб в темной аллее у грота он
ждал...

«Молчите, проклятые струны!»

Что было, чью руку лобзал он в
слезах

И чей поцелуй у него на устах —
«Молчите, проклятые струны!»

Что кесаря значит внезапный
отъезд,
Чей в склепе фамильном стоит
новый крест —
«Молчите, проклятые струны!»

Из казней какую король изобрел,
О чем с палачом долго речи он вел
—
«Молчите, проклятые струны!»

Погиб менестрель, бедный веш-
ний цветок!
Король даже лютню разбил сам и
сжег...
«Молчите, проклятые струны!»

И лютню он сжег, но не греза, не
сон —
Везде его лютни преследует
звон...
«Молчите, проклятые струны!»

Он слышит: незримые струны
звучат
И страшные ясно слова говорят...
«Молчите, проклятые струны!»

Не ест он, не пьет он и ночи не
спит,
Молчит, — лишь порой, как
безумный, кричит:
«Молчите, проклятые струны!»
1869

МАРИЭТТА

Я. П. Полонскому

Критик твой достопочтенный
Мне напомнил эпизод
В жизни Гёте: современный.
Право, скажешь, анекдот!

Видишь, в Риме, в дни былые,
На закате тех времен,
Где Рафаэль во святые
Был едва не возведен, —

В Риме Гёте, Винкельмана
Появилась в мастерских
Мариэтта из Альбано,
Как модель... да из каких!

Имя этой Мариэтты
Огласилось при дворах;
За мадонн ее портреты

Почитались в церквах;

*А в стихах ее равняли
И к богиням, и к святым,
Даже папе представляли...
Вдруг граф N приехал в Рим.*

*«Покажите Мариэтту!» —
Первым делом. Граф — знаток,
Автор сам, известный свету
Меценат, археолог...*

*Он на Гёте попадает...
И что дальше было там,
Пусть уж Гёте продолжает
И досказывает сам:*

*«Подмигнул я ветурина,
И помчались, граф и я
(То есть Гёте), к Авентину.
Это пассия моя —*

*Авентин!.. Когда печален
Иль рассержен чем — туда!
Почерпнуть в тиши развалин
Сил для мысли и труда...*

А уж виды — вековечный

Чуть сквозит в тумане Рим
Панорамой бесконечной
К Апеннинам голубым!..

«Стой!.. ворота!..» Муж встреча-
ет:
«Здесь, signori,[51] здесь!..» Добряк!
Ласков ты — душа в нем тает,
Но — за нож, коль что не так!

Дом — в руине как-то слажен
Из заделанных аркад.
По стенам висит из скважин
Плющ; у входа — виноград.

Под навесом (день был жаркой) —
Вол у яслей и осел.
Входим в дверь: под смелой аркой,
Вполовину вросшей в пол,

И сама... Дитя качает...
Полусумрак... Тишина...
Всё заботы след являет...
Увидала нас она

И, привстав над колыбелью,
Пальчик к губкам — «не будить!»
—

Знак нам делает... Моделью
Для Рафаэля б ей быть!..

Этот на пол луч упавший
Через открытое крыльцо,
Отраженьем осиявший
Оживленное лицо...

Переход от беспокойства
В ней к уверенности в нас —
Лиц уже такого свойства,
Что далеки от проказ...

Я — чуть слышно: «*Quel' signore*
[52] —
Только в Рим — и уж сюда!..»
Улыбнулась: «*E pittore?*[53]
И мадонну пишет?.. да?»

Боже мой! как просто! мило!
Красота... Да суть не в том!
Вифлеемское тут было.
Что-то райское кругом!

Может быть, недоставало
Только ангелов одних...
А, быть может, вокруг стояло,
Нам незримых, много их!..

Человек двора и света,
Граф приветлив очень был,
Но серьезен, и лорнета
От нее не отводил...

Распростились. С нетерпеньем
Жду — что он? — почти в тоске...
Он же вдруг — да с озлобленьем:
«Три веснушки на виске!»

Я — ну просто как в тумане
Очутился, оскорблен,
Павши духом...
В Ватикане
После, вижу, ходит он.

Поглядит — и в каталоге
Отвечает, мысля вслух:
«Торс короток! — Жидки ноги!»
(Аполлон-то!..) — «Профиль сух!..»

И, дивясь его сужденьям,
Почитателей кружок
Повторяет с умиленьем:
«Вот так критик! Вот знаток!»

«Мариэтта, спи спокойно! —
Я подумал про себя. —

*Боги Греции достойно
Отомстят уж за тебя!*

*Иногда ведь шутку злую
Аполлон шутить любил:
Он Мидасу-то какую
Неприятность учинил!»»*

1886

СТАРЫЙ ДОЖ

*«Ночь светла; в небесном поле
Ходит Вesper золотой;
Старый дождь плывет в гондоле
С догарессой молодой...»[54]*

*Занимает догарессу
Умной речью дождь седой...
Слово каждое по весу —
Что червонец дорогой...*

*Тешит он ее картиной,
Как Венеция, тишком,
Весь, как тонкой паутиной,
Мир опутала кругом:*

*«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой*

Этот чудный перл морей!

*Чтоб, укывшийся в лагуне,
Лев святого Марка стал
Выше всех владык — и втуне
Рев его не пропадал!*

*Чтоб его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султан, и короли!*

*Подал знак — гремят перуны,
Всюду смута настаёт,
А к нему — в его лагуны —
Только золото плывёт!..»*

*Кончил он, полусмеясь,
Ждет улыбки — но, глядит,
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спит!..*

*«Всё дитя ещё!» — с укором,
Полным ласки, молвил он,
Только слышит — вскинул взором
—
Чье-то пенье... цитры звон...*

*И всё ближе это пенье
К ним несется над водой,
Рассыпаясь в отдаленье
В голубой простор морской...*

*Дождю вспомнилось бывшее...
Море зыбилось едва...
Тот же Веспер... «Что такое?
Что за глупые слова!» —*

*Вздрогнул он, как от укола
Прямо в сердце... Глядь, плывет,
Обгоняя их, гондола,
Кто-то в маске там поет:*

*«С старым дождем плыть в гондо-
ле...
Быть его — и не любить...
И к другому, в злой неволе,
Тайный помысел стремить...*

*Тот «другой» — о догаресса! —
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса,
Но он — любит и любим!..»*

*Дождь рванул усы седые...
Мысль за мыслью, целый ад,*

*Словно молний стрелы злые,
Душу мрачную браздят...*

*А она — так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слы-
шит?
Спит она или не спит?!.»*

1887, 1888

ИЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА

НИКОГДА! ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА СЛАВЯН С РИМЛЯНАМИ

*Гонит волны быстр Дунай,
Разлился широко;
Над Дунаем светлый град
На горе высокой.
Становился римский царь
Станом перед градом;
Забелелися шатры,
Ряд стоит за рядом.
На престоле царь сидит
Под золотой порфирой;
Вкруг престола, словно лес,
Копья и секиры.*

И с престола римский царь
Говорит с послами,
Незнакомый люд стоит
Пред его очами.
Молодец все к молодцу:
Кудри золотые
Густо вьются по плечам,
Очи — голубые;
Словно все в одно лицо,
Та ж краса и сила,
Словно всех-то их одна
Мать породила.
Породила ж их одна
Мать — земля родная,
Что от Татры подошла
Вплоть до волн Дуная,
И за Татрою идет
На другое море,
На полночь и на восток,
Где в святом просторе
Уготовала поля,
Долы и дубравы
Как святую колыбель
Для великой славы!
Их послал славянский род,
Положив советом
Встретить римского царя
Дружбой и приветом.

Не лежат они челом
Перед ним во прахе,
Не целуют ног его
В раболепном страхе,
Но подносят божий дар —
Хлеб и соль родную
И к великому царю
Держат речь такую:
«Весь народ наш, старшины
И князья послали
Нас, чтоб мы тебе, о царь,
Добрый день сказали.
Ты наш гость, лишь достиг
Нашего порога;
Мы — славяне; край сей дан
Нам в удел от бога.
Щедро им он наделен
Благодатью с неба:
Не поленишься, так всем
Свой кусок есть хлеба.
Много ль, мало ль — с нас того
Будет, что имеем:
Благо сеем на своем,
Жнем, что сами сеем.
И придет ли странник к нам,
Кто, зачем, не спросим —
С богом, дверь отворена!
Милости к нам просим!

Будь он свой или чужой,
Человек прохожий,
Про него всегда у нас
На столе дар божий.
Вольно всем здесь жить! Зарок
Богом дан славянам:
Грех великий — быть рабом,
Вящий грех — быть паном!
И грехов тех нет у нас,
Нет во всем народе!
Всем у нас открытый путь
К славе и свободе!
Правда, как весной снега
С гор крушатся на дол,
Лютый враг на край наш вдруг,
Словно с неба, падал;
Здесь засеяв, уж думал век
Нас держать в неволе,
Нами сеять и пахать
И на нашем поле
Кобылиц своих пасты, —
Только блажь пустая!
Поднималась вся земля
С края и до края!
И спроси ты: где же те,
Что нам цепь ковали?
Где, спроси их? Мы стоим,
А они — пропали!

Положен уж так зарок,
Веки неизменный:
Кто, откуда б ни пришел,
Враг иноплеменный,
Завладей хоть миром, здесь
Без свой остановишь,
Здесь, в земле славянской, гроб
Сам себе сготовишь!

Ты теперь, о царь, стоишь
Здесь у нашей грани.
Что ж несешь с собою к нам:
Меч иль мир во длани?
Если меч, то ведь мечи
И у нас есть тоже;
А востры ль они, узнать
И не дай ти боже!
Если ж к нам идешь как гость,
С миром, с доброй вестью,
Уж на славу угостим
И проводим с честью!
Вот тебе от нас хлеб-соль!
И принять их просим
Так же честно, как тебе,
Царь, мы их подносим».

Хлеба-соли не взял царь,
Ликом омрачился;

Ярый гнев в его очах
Гордо засветился;
И к послам славянским он
С трона золотого
Обратил, подняв главу,
Таковое слово:
«Солнце шествует в пути —
И к нему все очи;
От него — вся жизнь и свет,
Без него — мрак ночи;
С ним у твари спора нет,
Ни переговоров;
Для народов солнце — я,
И со мной нет споров!
Как судьба, для всех моя
Власть неотразима:
Повелитель мира — Рим,
Я ж — владыка Рима!
Меж народов хоть один
Есть ли во вселенной
Кто, противиться ему
Возмечтав, мгновенно
До последнего раба
Не исчез со света!
Все склоняются пред ним
И живут чрез это.
Преклонитесь же и вы!
Я ваш край устрою:

Поселю здесь римлян, вас
Выведу с собою,
В Рим — старшин, а молодежь —
Прямо в легионы;
Покоритесь — будет вам
Мир, почет, законы;
Нет — вас с семьями к себе
Погоню гуртами,
В плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
На цепи, как псов, сидеть
У ворот заставлю,
Буду тысячами вас
Львам кидать на травлю —
Горе будет, говорю,
Детям вашим, женам;
Бойтесь, если кликну я:
«Горе побежденным!»
Бойтесь! Этот римский клик
Пуще божья грома!..
Я сказал. Вот мой ответ
Передайте дома!»

Речь окончил римский царь,
Всё кругом молчало.
Как нежданный гром, она
На славян упала.
На царя стремят они

Взгляд оторопелый...
Вдруг как будто с их очей
Заблестали стрелы,
И по лицам словно вдруг
Молнии мелькнули,
Разом взвизгнувши, мечи
Из ножон сверкнули,
И у всех единый клик
Вырвался из груди:
«Никогда!»
Вокруг царя
Всполошились люди
И поднять щиты едва
Вкруг него успели...
Сам он мигом с трона прочь...
Трубы загремели,
Разом лагерь поднялся:
Скачут нумидийцы,
Взвод бессмертных, взвод парфян,
Галлы, иберийцы,
И, копьё наперевес,
Римская пехота, —
Окружили молодцов,
И пошла работа!

Что медведь лесной в кругу
Псов остервенелых,
Бьется горсть богатырей

Против полчищ целых;
С шумом рушатся вокруг них
Всадники и кони,
Копья ломаются, звенят
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей —
Но сама редееет...
Вот лишь трое их: кругом
Смерть над ними реет
В блеске копий и мечей...
Вот всего лишь двое —
Вот один... И этот пал...

И вокруг павших в бое
Победители стоят
В изумленьи сами;
В легионах недочет:
Целыми рядами
Мертвых, раненых кладут...
Сам, с разноплеменной
Свитой, кесарь подскакал,
Мрачный и смущенный;
Разглядеть желает он
Варваров, которым
Показалась речь его
Вдруг таким позором...
А той речи внемлет мир,
Все цари земные!

«Что ж за люди это там? —
Мыслит. — Кто ж такие?»

И задумчиво к горам
Обратил он взоры:
Грозно смотрят из-под туч
Сумрачные горы;
Стая темная орлов
Из-за них несется;
Словно гул какой оттоль
Смутно раздаётся...
Смотрит царь — и вдруг велит
Стан снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

<1870>

ЛЮБУША И ПРЕМЫСЛ

Лютый Хрудош и Стеглав, родные
братья,
Завели жестокий спор из-за на-
следства;
Побежала их сестра к княжне
Любуше
И молила рассудить их спор по
правде.
И княжна послала повестить в
народе,

Чтоб бояре собрались и старики
на вече
И чтобы на суд явились оба брата.

И бояре собрались и старики на
вече
В золотом кремле, во светлом
Вышеграде.
На золотой престол, в одеждах белоснежных,
Поднялась княжна и вече открывала.
У престола стали вещице две девы:
У одной в руках доска была с законом,
У другой был меч, каратель кривды;
Против них зажжен был огонь, светильник правды,
И поставлен был сосуд с водою очищенья.

И княжна сказала со злата престола:
«Верные бояре! мудрые вы старцы!
Разрешите спор двух братьев о

наследстве:
По закону, как поставлено богами,
Должно им: или сообща владеть
землю,
Иль обоим разделить по равной
части».

Кланялись княжне и старцы, и бояре,
Стали тихо говорить между собою;
И когда поговорили уж довольно,
То княжна велела вещим девам
Голоса собирать в золотую урну.
И собрали голоса, и, сосчитав,
сказали
Приговор такой народу: чтобы
братьям
Сообща владеть отцовским достояньем.

Услыхав решение, поднялся во гневе
Лютый Хрудош и затрясся весь
от злости;
Вскинул он рукою и, что тур свирепый,
рявкнул:

«Горе для птенцов, когда змея в гнездо вотрется!

Горе для мужей, когда жена владеет ими!

Подобает мужу владеть мужа-ми!

Старший сын владеть добром отцовским должен,

Как у немцев заведен тому порядок!»

Ратибор, старик, уже согбенный и весь белый,

Поднялся и, головою покачав, промолвил:

«Непохвально в немцах нам искати правды!

*Наша правда по закону святу,
Как ее с собою принесли и утвердили*

Наши деды, через три реки прешедши, в эту землю».

«Непохвально в немцах нам искати правды!» —

*Повторили старцы и бояре,
И во всем народе раздалось:*

«Непохвально в немцах нам иска-

ти правды!»

«Так и быть суду, как положило
вече!» —

Порешила мудрая княжна Любу-
ша,

И потом еще сказала: «Старцы и
бояре!

Слышали мое вы ныне поруганье!
Непристойно больше разбирать
мне ваши споры.

Изберите сильного вы мужа —

Пусть он вами по-железному вла-
деет:

Девичьей руке — уж не под силу!»

И, сказав, сошла с престола золо-
того.

И молитъ ее усердно стали стар-
цы и бояре,

Чтоб она в зазор не принимала

Грубияном сказанное слово;

Но княжны уже не умолили.

«Так сама нам укажи, по крайней
мере, —

Заключили старцы и бояре, —

Кто ж достоин будет нами пра-
вить?»

И на то Любуша отвечала:
«Уж богами решено, кому быть
вашим князем!
Вот мой конь: куда пойдет, за
ним ступайте!
Перед кем он остановится, тот
князь ваш!»
И с коня узду сняла сама Любуша,
И его пустила без узды на волю.

Едут с веча посланцы по князя,
Едут с ними вещице две девы;
Конь бежит где полем, где доро-
гой;
Добежал до речки, побежал вдоль
быстрой,
Прибежал он к нови, к выжженно-
му полю;
Подымал ее железным плугом
Человек в лаптях, большого ро-
ста,
Погонял волов жезлом остроко-
нечным.
Конь пред ним как раз остановил-
ся.

Посланцы, взглянув на пахаря, на
лапти,

Перед ним смутясь останови-
лись,
Но, оправясь, поклонились низко:
«Здравствуй, добрый человек, —
сказали, —
Облачайся княжеской одеждой,
Надевай венец: тебе княжна Лю-
буша
И народ весь чешский повелели
Власть принять и княженье над
нами!»

И на то отвечивал им па-
харь:
«Вам добро пожаловать, дорогие
гости!
Прежде ж чем о деле заводить
нам речи,
Угостить вас, чем могу, я дол-
жен,
Здесь есть хлеб и сыр со мною —
Отпущу волов, и кушайте во здра-
вье!»

И, сказав, вонзил он острый жезл
свой в землю,
И с волов ярмо сложил, и крик-
нул:

«Гой! идите, милые, до дому!»
Только вдруг волны — лишь крик-
нул он — исчезли,
Словно их и не было тут вовсе,
А который жезл воткнул он в
землю,
Из него, глядят, растут три вет-
ви —
Выше всё и выше — выступают
Из ветвей еще сучки — и много;
На сучках выходят почки,
Почки — смотрят — разверну-
лись в листья,
А меж листьев выступают гнез-
дами орехи.

Посланцы и пахарь изумились.
Только девы вещие в единый голос
«Радуйтесь, — воскликнули, — се
явно
Боги нам свою сказали волю:
Облачайся, пахарь, княжеской
одеждой,
На коня садись Любушина и с ми-
ром
К нам въезжай во светлый Выш-
град — чешским князем!»

Облачился пахарь в княжии одеж-
ды,
На плеча накинул плащ Любушин,
Сапоги надел... однако лапти
Взял с собой на память — и хра-
нятся
В Вышеграде эти лапти и доньне.

Так Премысл стал славным чеш-
ским князем,
А княжне Любуше — добрым му-
жем.

1871

САБЛЯ ЦАРЯ ВУКАШИНА (Из сербских народных песен)

Рано утром, на заре румяной,
Полоскала девица-туркиня
На реке на Марице полотна,
Их вальком проворным колотила,
На траве зеленой расстилала.
И река пустынная шумела,
И до солнца воды были светлы;
Но, как стало солнце подымать-
ся,
Светлы воды словно помутились:
Всё желтее проносила пена,
Всё темнее глубина казалась;

А к полудню вся река уж явно
Алою окрасилася кровью.
И пошли мелькать то фес, то
долман,
А потом помчалю, друг за другом,
То коня с седлом, то человека;
И вертит на быстрине их трупы,
И что дальше, то плывет их
больше,
И конца телам вверху не видно.
Опустив валец, стоит туркиня:
Страшно стало ей от тел плыву-
щих;
Только слышит, кличут к ней от-
туда...

Кличет витязь, бьется с быстри-
ною,
Всё его от берега относит.
«Умоляю именем господним,
Будь сестрой мне милою, девица!

—
Кличет витязь и рукою машет.

—
Брось конец холста ко мне скорее,
За другой тащи меня на берег!»
И туркиня белый холст кидала,
На один конец ногой ступила,
А другой взвился и шлепнул в воду,

И поймал его поспешно витязь,
И счастливо до берега доплыл;
А взобрался на берег — и молвил:
«Ох, совсем я изнемог, сестрица!
Исхожу кругом я алой кровью...
Помоги мне: ран на мне числа
нет!»

И упал бесчувственный на землю.
Побежала во свой двор туркиня,
Впопыхах зовет родного брата:
«Мустафа, иди, голубчик братец,
Помоги, снесем с тобою вместе,
Там лежит — водой его прибило

—
Весь в крови и в тяжких ранах ви-
тиязь.

Он господним именем молился.
Чтоб ему мы раны залечили.
Помоги, снесем его в постелю!»

Мустафа-ага пришел и смотрит:
Тотчас видит — не простой то
витязь!

Он в богатом воинском доспехе,
У него с золотым эфесом сабля,
На эфесе — три больших алмаза.
Мустафа-ага не думал долго,
Отстегнул у витязя он саблю,

Из ножон ее червленых вынул
Да как хватит витязя по горлу —
Голова аж в воду покати́лась!

Деву́ца руками лишь всплеснула!
«Зверь ты, зверь, — воскликнула,
— косматый!
Ведь молил он нас во имя божье
И меня сестрою милой назвал!
Ты ж как раз позарился на саблю
—
Через эту ж саблю, знать, и сгинешь!»

Мустафа травкою вытер саблю,
И толкнул ногою тело в воду,
И пошел домой, ворча сквозь зубы:
«Вот тебя-то не спросил я, жалко!»

И немного времени минуло,
Как султан созвал к походу войско.
Собрались его аги и беи,
У реки, у Ситницы, стояли.
Мустафу все кругом обступают,
Все его дивятся чудной сабле;
Только, кто ни пробует, не мо-

жет

*Из ножон ее червленых вынуть.
Подошел попробовать и Марко,
Знаменитый Марко королевич!
Ухватил — да сразу так и вынул.
А как вынул, смотрит — а на саб-
ле*

*Врезаны три надписи по-сербски:
Ковача Новака первый вензель,
А другое имя — Вукашина,
Третье ж имя — Марко короле-
вич.*

*Приступил к турчину храбрый
Марко:*

*«Где, турчин, ты добыл эту саб-
лю?»*

*За женой ли взял ее с приданным?
От отца ль в благословенье при-
нял?*

*Аль на чисто выменял на золото?
Аль в бою кровавом добыл чест-
но?»*

*И пошел турчина похваляться,
Рассказал, как сделалось дело,
Как сестра полотна полоскала,
Как рекой тела гяуров плыли,*

Как один живой был между ними,
Как она поймать его успела,
И пришел он, и увидел саблю...
«Не дурак же я на свет родился, —
Говорит, — почуял, что за сабля.
Из ножон ее червленых вынул
Да хватил как витязя по горлу —
Голова аж в реку покатилась».

Марко даже речи не дал кончить,
Как в глазах у всех сверкнула саб-
ля —
И у турка голова слетела —
Три прыжка — и шлепнулась в во-
ду.

Побежали доложить султану,
Что беды творит кралевиц Мар-
ко,
И султан по Марка посылает.
Тот один сидит в своей палатке,
Молча пьет вино, за чарой чару.
На султанских посланных не
смотрит.
И в другой раз шлет султан, и в
третий,
Наконец взяла докука Марка.
Он вскочил и, выворотив шубу

Мехом кверху, на плечи накинул,
Булаву с собою взял и саблю
И пошел в султанскую палатку.

На ковре султан сидит в палатке;

И приходит Марко, да и прямо,
В сапогах, как был, перед султаном

На ковре узорчатом садится.
Сам глядит темнее черной тучи,
Очи в очи устремив султану.
Увидал султан, каков есть Марко,
Потихоньку стал отодвигаться,

—
А за ним и Марко, и всё смотрит.
Смотрит так, что дрожь берет
султана.

Он еще отдвинется, а Марко —
Всё за ним, да так и припер к
стенке;

И сидит султан, мигнуть боится.

«Ну, как вскочит, — думает, — да
хватит

Булавой», — и пробует, что тут
ли

Ятаган его на всякий случай.

Уж насилиу собрался он, молвит:
«Видно, Марко, кто тебя обидел?
Обижать тебя я не позволю!
Учиню, коль хочешь, суд немед-
ля».

Всё от Марка нет как нет отве-
та.

Наконец обеими руками
За концы он взял и поднял саблю
И поднес ее к глазам султану.
«Об одном молись ты вечно богу,
—

Он сказал, дрожа и задыхаясь, —
Что нашел не на тебе, владыко
Всех подлунных царств, я эту саб-
лю:

Погляди, какая это надпись?
Прочитай — тут имя Вукашина!
Вукашин — царь сербский, мой ро-
дитель».

И, сказав, заплакал храбрый Мар-
ко.

<1869>

СОН КОРОЛЕВИЧА МАРКА

Вижу — поле, залитое кровью;
Грустно месяцу на поле глядит...
Славный витязь Марко королевич

Между трупов раненый лежит.

*Духи гор витают над телами,
Всё кого-то ищут — вот нашли —
И с собою осторожно Марка
С поля битвы в горы унесли.*

*В высотах заоблачных, в пещере,
Он узнал про плен страны родной;
И вскочил, и выхватил он саблю,
И, подняв ее над головой,*

*Острием, в упор, ударил в ка-
мень...
Он ударил, чтоб ее сломать,
Но о камень не сломалась сабля,
А вошла в него по рукоять;*

*Сам же Марко, силою чудесной
В этот миг внезапно поражен,
Повалился на землю в пещере
И в глубокий погрузился сон.*

*Высоко пещера та в Балканах;
Духи гор все входы стерегут,
Вкруг играют с молнией и гро-
мом,
С ветром песни буйные поют.*

Ту пещеру пастухи лишь знают.
И сказали духи пастухам:
«В срок свой сабля выпадет из
камня,
Встанет Марко и отмстит вра-
гам!»

И с тех пор к пещере по утесам
Пастухи взбираются тайком:
Триста лет не трогалась сабля,
Триста лет спал Марко крепким
сном.

В крае сербском вознеслись мече-
ти;
Янычар, в толпе, средь бела дня,
По базарам жен давил копытом
Своего арабского коня.

Царь и царство, пышный двор и
бань,
И пиры, и битвы — отошли
В область снов, как светлое виде-
нье,
В область царств, исчезнувших с
земли...

Вдруг раздался словно гул подзем-

ный,
Вся гора под Марком сотряслась,
Спящий Марко вдруг зашевелился,
Сабля ж вдруг из камня пода-
лась...

Этот гул — был гром полтавских
пушек.
Марков сон с тех пор тревожен
стал.
Вот летят орлы Екатерины,
По Балкану трепет пробежал —

Мир, лишь в песне живший, словно
вышел
Из земли, как был по старине:
Те ж гайдуки, те же воеводы,
Те ж попы с мечом и на коне!

С древней славой новую свивая,
Гусляры по всей стране идут:
Бьет врага Георгий или Милош —
Тотчас песнь везде о них поют...

Вот уж снова колокольным зво-
ном
Загудела сербская земля...
Вот — Белград позорившее знамя

Спущено навек с его кремля...

С каждым часом Марков сон всё тоньше,

*И из камня сабля всё идет, —
Говорят, чуть держится, уж гнется...*

Что же медлит? Что не упадет?..

<1870>

РАДОЙЦА

(Из сербских песен)

*Что за чудо, господи мой боже!
Гром гремит или земля трясется?*

Или море под скалой грохочет?

Или вилы на горах воют?

Нет, не гром и не земля трясется,

И не вилы горные, не море, —

То паша на радости стреляет,

Сам Бекир-ага палит из пушек,

Ажно в Заре все дома трясутся!

Да еще б не радость, не веселье!

Удалось ему словить Радойцу,

Гайдука Радойцу удалого!

И Радойцу привели в темницу,
А уж там давно сидит их два-
дцать,
Целых двадцать гайдуков удалых.
Как Радойцу только увидали,
На него накинулись все двадцать:
«Эх, Радойца, чтоб те пусто бы-
ло!
Что хвалился, мол, своих не вы-
дам,
Отыщу, на дне морском достану!
Вот теперь сиди и хныкай с на-
ми!»

Отвечал им удалой Радойца:
«Вы покуда знай молчите, брат-
цы;
Уж сказал — вас выпущу на волю,
Не живой освобожу, так мерт-
вый».

Как светало и взошло уж солнце,
Только слышат гвалт в тюрьме
и крики:
«Чертов кус! Бекир-ага прокля-
тый!
Что привел ты к нам еще Радой-
цу!

Околел он тут сегодня за ночь!
Убирай от нас его скорее».

Унесли Радойцу из темницы,
Приказал ага, чтоб схоронили.
На дворе народ толпится, смотрит,
И жена Бекира тоже вышла,
Поглядела да и молвит мужу:
«Господин мой, как уж там ты
знаешь,
Только мне сдается — жив Радой-
ца!
Ну как что недоброе затеял?
Испытать его бы не мешало.
Ты вели-ко накалить железо,
Припеки ему бока крутые,
Коли жив — поморщится, разбой-
ник!»

Накалили докрасна железо,
Припекать бока Радойце стали —
Он лежит, не шевельнет и бро-
вью.
На своем таки стоит Бекирша:
«Хоть убей меня, а жив бездель-
ник!
Ты возьми-ко вот гвоздей желез-

ных,
Вбей ему по гвоздику за ногти, —
Тут посмотрим: шевельнется,
нет ли!»

Принесли гвоздей, за каждый ноготь
На руках и на ногах вбивают:
Он лежит — ни-ни, не шевельнется,
Ни одним суставчиком не дрогнет.

Мало всё еще ехидной бабе.
«Разрази господь меня на месте,
—
Говорит, — а жив-таки, собака!
Вот что сделай, — научает мужа, —
Ты скажи-ко кликнуть клич девицам,
Чтобы шли во двор к паше на праздник;
Пусть вокруг Радойцы пляшут коло,
А заводит коло пусть Гайкуна:
Знаю я мужскую вашу совесть, —
Коли жив — не стерпит, шевель-

нется!»

Собрались девицы, пляшут коло,
Вкруг Радойцы прыгают и ходят,
Впереди — красавица Гайкуна...

А Гайкуна уж была такая —
Бог с ней, право! — красота, что
чудо!

Всем взяла — и станом, что твой
тополь,

И лицом — заря с него не сходит,
А идет — так словно ветер в ли-
стьях

Шелестят шелковые шальвары!
Стало виться, развиваться коло;
Голоса девичьи загудели;

Мерно-звонко звякают червонцы;
Что весна вокруг Радойцы веет,
На лицо что жар полдневный пы-
шет...

Будь-ко жив он — как бы застуча-
ло,

Как бы сердце у него забилося, —
Хоть одним глазком, а уж бы гля-
нул!

Тихо, ровно вкруг идет Гайкуна
И с лица Радойцы глаз не сводит,
Только вдруг — вздрогнула, улыб-

нулась
И платочек — будто ненароком
—

На лицо ему с плеча сронила
И плясать не стала: «Как ты хо-
чешь, —

Говорит, — родитель мой любез-
ный,
А постыдно тешиться над мерт-
вым!»

И Бекир уважил дочку, тотчас
Приказал похоронить Радойцу;
Но старуха всё не унялася:
«Брось его по крайности ты в мо-
ре!
Пусть съедят его морские гады!»
— «Всё одно!» — Бекир сказал, не
спорил,
И велел Радойцу бросить в море.

Весел в этот день он сел за ужин:
«В первый раз, мол, в девять лет
сегодня
С легким сердцем ужинать сажу-
ся.
Девять лет мне не давал покоя
Этот вот анафемский Радойца!

Да — аллаху слава! — с ним покончил!

Завтра тех двадцатерых повешу!»

Только это он успел промолвить,
Глядь — а перед ним стоит Ра-
дойца,

Жив и здоров и с поднятою саблей!
Не успел он ни вскочить, ни крик-
нуть,

Не успел — без головы свалился.
А Бекирша только увидала —
Как на месте ж померла со стра-
ху.

«Ты же, свет очей моих, Гайкуна,

—
Молвил он ей, руку подавая, —
Отыщи ключи ты от темницы
Да сама в дорогу собирайся!
Выпустим товарищей удалых
И скорей в Шумадию уедем».

Не корили уж его гайдуки,
Разнесли об нем далеко славу,
Что уж слово скажет, так уж
сдержит.
В ту же ночь ушли они с Гайку-
ной;

*Покрестил ее он в первой церкви,
Во крещеньи назвал Ангеликой,
Да потом и повенчался с нею.*

<1879>

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

*Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.*

*Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.*

*Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»*

*«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»*

<1860>

МАТЬ И ДЕТИ

*«Что ты, мама, беспрестанно
О сестрице всё твердишь?
В лучшем мире наша Зоя, —
Ты сама нам говоришь».*

*«Ах, я знаю, в лучшем мире!
Но в том мире нет лугов,
Ни цветов, ни трав душистых,
Ни веселых мотыльков».*

*«Мама, мама! В божьем небе
Божьи ангелы поют,
Ходят розовые зори,
Ночи звездные плывут».*

*«Ах, у бедной нет там мамы,
Кто смотрел бы из окна,
Как с цветами, с мотыльками
В поле резвится она!..»*

<1860>

«ЛАСТОЧКА ПРИМЧАЛАСЬ...»

*Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:*

Как февраль ни злился,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

1858

ДВУСТИШИЯ

И терны и розы, улыбки и слезы,
И сеются разом, и вместе растут!

Тащит свой невод рыбак — рвется
из невода рыбка.
Дева! на волю я рвусь — и за то-
бою иду!

Белая лебедь, проснись! крыльями
шумно взмахни!
Черного врана, что спит подле
тебя, — прогони!

Горлинка лесная! Кто тебя изло-
вит?
В клеточку посадит и голубить
станет?

<1860>

«Я Б ТЕБЯ ПОЦЕЛОВАЛА...»

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

<1860>

«ТИХО МОРЕ ГОЛУБОЕ!..»

*Тихо море голубое!
Если б вихрь не налетал,
Не шумело б, не кидало б
В берега за валом вал!*

*Тихо б грудь моя дышала,
Если б вдруг, в душе моей,
Образ твой не проносился
Вихря буйного быстрей!*

<1862>

ПОЦЕЛУЙ

*Между мраморных обломков,
Посреди серебристой пыли,
Однорукий клефтик тешет
Мрамор нежный, словно пена,
Прибиваемая морем.
Мимо девица проходит,
Златокудрая, что солнце,
Говорит: «Зачем одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда ж девал другую?»*

*«Полюбилась мне девица,
Роза первая Стамбула!
Поцелуй один горячий —
И мне руку отрубили!
В свете есть еще девица,
Златокудрая, что солнце...
Поцелуй один бы только —
И руби другую руку!»*

<1860>

«СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК БУДЕТ СКОРО...»

*Светлый праздник будет скоро,
И христосоваться к вам
Я приду: смотри же, Дора,*

*Не одни мы будем там!
Будто в первый раз, краснея,
Поцелуемся при всех,
Ты — очей поднять не смея,
Я — удерживая смех!*

<1860>

«СЛОВНО АНГЕЛ БЕЛЫЙ, У ОКНА НАД
МОРЕМ...»

*Словно ангел белый, у окна над
морем
Пела песню дева, злым убита го-
рем,
Ветру говорила, волны заклинала,
Милому поклоны с ними посыла-
ла.
Пробегал кораблик мимо под ска-
лою;
Слышат мореходы голос над со-
бою,
Видят деву-чудо, парус оставля-
ют,
Бросили работу, руль позабыва-
ют.
«Проходите мимо, мореходы,
смело!
Ах! не белокрылым кораблям я
пела!*

*Я молила ветер, волны заклина-
ла,
Милому поклоны с ними посыла-
ла».*

1858

«МЕЖ ТРЕМЯ МОРЯМИ БАШНЯ...»

*Меж тремя морями башня,
В башне красная девица
Нишет звонкие червонцы
На серебряные нити.
Вышло всех двенадцать ниток.
Повязавши все двенадцать —
Шесть на грудь и шесть на косы,
—*

*Вызывает дева солнце:
«Солнце, выдь! — я тоже выйду!
Солнце, глянь! — я тоже гляну!
От тебя — луга повянут,
От меня — сердца посохнут!»*

1858

СТАРЫЙ МУЖ

*Запевают пташки на заре,
Золотятся снега по горе;
Пробудилась молода жена,
Будит мужа старого она:*

«Пробудись-проснись, голубчик
мой!
Полюбуйся молодой женой;
Мой ли стан — что тонкий кипа-
рис,
Что лимоны, груди поднялись...»
Старый муж прикинулся, что
спит,
Сам не спит, а вполугляд глядит.
«Эх, когда бы прежние года,
Не будила бы меня млада!
Засыпала б поздно ввечеру,
Просыпала б долго поутру;
По утрам бы я ее будил,
Золотые б речи говорил;
Притворялась бы она, что спит,
Крепко спит, не слышит, не гля-
дит».

<1860>

МОЛОДАЯ ЖЕНА

Наряжалась младая Елена,
Наряжалась на праздник к обедне.
Красный фес с жемчугом надева-
ла
И червонцы на черные косы;
Из лица вся сияла, что солнце,
Бела грудь — что серебряный ме-

сяц.

Подымалася на гору в церковь,
Стала спрашивать буйное сердце:
«Что ты, сердце, болишь и взды-
хаешь,
Словно камень ты на гору та-
щишь?..»

— «Легче б камни тащить мне,
чем горе,
Злое горе от старого мужа.
Я б к другому пошла хоть в нево-
лю,
Хоть в неволю б пошла к молодо-
му!

Ненаглядно б я им любовалась,
Что высоким в саду кипарисом;
Любовался б он, тешился мною,
Что цветущею яблонькой неж-
ной;
Я сама бы его наряжала,
Как меня наряжает мой старый;
Я ему бы всё в очи глядела,
Как глядит мой старик в мои
очи;

И не звал бы меня он ворчуньей
И капризной, негодною плаксой,
Называл бы веселую пташкой,
Называл бы своею голубкой!..»

<1862>

ПЕВЕЦ

*Некрасив я, знаю сам;
В битве бесполезен! —
Чем же женам и мужам
Мил я и любезен?
Песни, словно гул в струнах,
Грудь мне наполняют,
Улыбаются в устах
И в очах сияют.*

<1860>

«ПТИЧКИ-ЛАСТОЧКИ, ЛЕТИТЕ...»

*Птички-ласточки, летите
К прежней любушке моей:
Не ждала б она, скажите,
Мила друга из гостей.*

*Во чужой земле сгубила
Зла волшебница меня,
И меня приворожила,
И испортила коня.*

*Я коня ли оседлаю —
Расседлается он сам;
Без седла ли выезжаю —
Гром и буря встречу нам!*

У нее слова такие:
Скажет — реки не текут!
С неба звезды золотые,
Словно яблочки, спадут!

Глянет в очи — словно хлынет
В сердце свет с ее лица;
Улыбнется — словно кинет
Алой розой в молодца!

<1862>

ОЛИМП И КИССАВ

Стал Киссав с Олимпом спорить:
«Ты угрюм стоишь, пустынный,
Я ж, смотри, цветущ и весел!»
Отвечал многовершинный,
Отвечал Олимп Киссаву:
«Не хвались, Киссав надменный,
Я — старик Олимп, и знают
Старика во всей вселенной!
У меня ль под синим небом
Шестьдесят вершин сияют;
У меня ли с лона шумно
Сто ключей живых сбегают;
Надо мной орлы кружатся,
Любит клефт меня воитель
И боится храбрый турок —
Твой высокий повелитель».

<1860>

ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

Два дня у нас шел пир горой, два
дня была попойка,
На третий, поздно к вечеру, вина
в мехах не стало;
Достать еще вина меня послали
капитаны;
Пошел я в незнакомый путь — до-
рогой заплутался,
Шел дикими тропинками, шел уз-
кими путями;
И узкий путь привел меня к пу-
стынной старой церкви.
Вкруг церкви было кладбище —
все плиты гробовые;
Одна плита пониже всех — от
всех была в сторонке;
И я не разглядел ее, ногой прошел
по камню.
И слышу будто стон глухой и го-
лос из могилы.
«О чем, — спросил я, — ты во-
пишь, о чем, могила, стонешь?
Земля ли тяжела тебе иль давит
черный камень?»
— «Нет, мне не тяжела земля, не

давит черный камень,
А стыдно мне, и больно мне, и
горько несказанно,
Что ходишь надо мною ты, меня
ногою топчешь!..
Аль не был тоже молод я? аль не
был паликаром?
При месяце не хаживал пусты-
нными тропами?
И с зорями росистыми не радо-
вался миру?..»

<1860>

ПЛЕННИК

Сторожат меня албанцы;
Я в цепях, но у окна
Зацветают померанцы:
Добрый знак — близка весна!

Дайте ей лишь укрепиться,
Обрасти густым ветвям,
И тропинкам позакрыться
Темной листвой по горам, —

Не сдержат меня железу!
Из темницы я уйду,
Через стену перелезу,
И в кустарник пропаду.

*Пусть албанцы тут стреляют!
Посреди турецких сел
Скоро матери узнают,
Завопят, что Дим ушел!*

<1860>

ГАДАНИЕ

*Египтянка, как царица,
Вся в червонцах, в жемчугах,
Сыплет зелья на жаровню
С заклинаньем на устах.*

*Перед ней, бела как мрамор,
Дева юная стоит...
Египтянка побледнела,
Смотрит в тьму и говорит:*

*«Вижу дикое поморье;
Слышу стук мечей стальных:
Бьется юноша-красавец,
Бьется против семерых.*

*Он упал, они бежали...
К синю морю он ползет...
Мимо идут бригантины,
Он им машет, он зовёт:*

— *«Передайте Казандони,*

Что идет Вели-паша»,
Мимо идут бригантины,
Не внимая, не спеша...

Он исходит алой кровью,
Холодеет... лишь один
Томный взор следит за бегом
Уходящих бригантин...

А над ним уж реют чайки,
Всё-то ниже и смелей,
И не сводит взгляда ворон
С потухающих очей».

<1860>

ЦАВЕЛИХА

С гор Али-паша на Сули
В нетерпеньи взоры мечет,
А над ним порхает птичка,
И кружится, и щебечет:

«Видно, это не Янина,
Где шумят твои фонтаны;
Не Превеза, где ты ставишь
Для своих албанцев станы.

Это Сули, город славный!
Нет ей равного на свете!

*Здесь в рядах мужей воюют
Жены, девицы и дети!*

*И с ружьем в руке выводит
Всех Цавелиха их в поле —
На плечах с грудным младенцем
И с патронами в подоле!»*

<1860>

«ПОБЕДУ КЛЕФТЫ ПРАЗДНУЮТ,
ПИРУЮТ КАПИТАНЫ...»

*Победу клефты празднуют, пиру-
ют капитаны;
Разносит вина, яства им кудря-
вый, статный мальчик.
Наелися, напились, метать по-
шли каменья,
А мальчик — что в сражении,
что в играх всюду первый.
Да раз, как размахнулся он, — еще
не бросил камня, —
Ан пуговицы лопнули, и петли
оборвались,
И белая грудь девичья широко рас-
пахнулась.
Остолбенели молодцы, и смот-
рят капитаны, —
Не месяц ли, не молния ль блесну-*

ла перед ними...
Зарделася красавица, от гнева
чуть не плачет.
«Чего смотрите? — крикнула. —
Три года были слепы!»
Свой фес и нож им бросила и
скрылася из виду.
С тех пор пропал и слух о ней, в го-
рах, у паликаров.
Но во святой обители, между бе-
лиц смиренных,
Смиренней всех их новая беличка
появилась.

1872

ПЛАЧ ПАРГИОТОВ

«Ты летишь к нам, птичка, из-за
моря,
Расскажи мне, что в горах за гро-
хот?
Точно стон весь день стоит над
Паргой,
Приступили, что ли, турки сно-
ва?
Загорелся, что ли, бой смертель-
ный?»

«Нет, не турки к Парге приступи-

ли,
И не бой смертельный загорелся;
Предана неверным наша Парга!
Паргу скрыть велели христиане,
Христианских царств цари-влады-
ки!

Паргиотов с родины погонят,
Как быков погонят, как баранов!
И пойдут они в чужую землю!
И отцов своих гроба покинут,
На позор покинут божьи храмы!..
Вьючат мулов, разоряют дома...
Жены косы рвут в печали лютной,
Старики рыдают злым рыда-
ньем;

По церквам попы с великим пла-
чем
Забирают утварь и иконы...
Видишь пламя: дым поднялся чер-
ный;

Раскрывали гробы, кости взяли,
Кости жгут, святые кости храб-
рых,
Что когда-то сами жгли визирей!
Дети жгут отцов и дедов кости,
Чтоб рукам неверных не доста-
лись!

Слышишь — стон сильнее пошел

и выше?

Голоса подымутся и стихнут...
Расстятся, камни обнимают,
Уходя, едят родную землю!..»

<1860>

ДЕСПО

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флаг турецкий вьется...
Только Деспо в черной башне
Заперлась и не сдается.

«Положи оружие, Деспо!
Вам ли спорить, глупым женам?
Выходи к паше рабою,
Выходи к нему с поклоном!»

«Не была рабою Деспо
И не будет вам рабою!»
И, схватив зажженный факел,
«Дети, — крикнула, — за мною!»

Факел брошен в темный погреб...
Дрогнул дол, удар раздался —
И на месте черной башни
Дымный столб заколебался.

<1860>

ЗАВЕЩАНИЕ

*Собирайтесь, паликары!
Умирает капитан!
Умирает он от честных,
От святых турецких ран!
Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мне страшна...
Тёмно, тесно... Одинокий
В ней лежи и спи без сна!
Съест земля и фес, и долман,
Меч, не ржавевший в крови,
И усы мои, и брови,
Брови черные мои!..*

*Нет, меня не зарывайте,
Братцы, в землю! На горе
Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицом к заре.
В гробе окна прорубите,
Чтоб мне веяло весной,
Чтобы ласточки, кружась,
Щебетали надо мной!
Чтоб из гроба я далеко
Мог бы турок различать,
Чтоб направо и налево
Мог им пулю посылать.*

<1860>

«СОРОК КЛЕФТОВ НА ЗИМОВКИ...»

*Сорок клефтов на зимовки
Возвращались домой,
Малый наняли кораблик, —
Да похвастали казной.*

*Корабельщик — плут-албанец!
К островку он пристаёт.
«Погуляйте-ка тут, братцы,
Переждем, гроза идет!»*

*И на остров вышли клефты
(Он был мал, и дик, и гол),
А меж тем поставил парус
Корабельщик — и ушел.*

*Через сорок дней приходит
За добычею своей:
Только двое шевелятся
Меж разбросанных костей;*

*Жив был Яни, — весь искусан, —
И Георгий чуть дышал;
У него ж голодный Яни
Ноги тоще глодал.*

<1862>

ЧУЖБИНА

Умереть не дай бог на чужбине!
Видел я, как пришлых там хоро-
нят!

Без попа, без свеч и без кадила,
Не помазав миром, не отпевши,
Где пришлось зароят, как собаку!
Как пахать потом приедут зем-
лю,

С гор пригонят двух волов рога-
тых,

В плуг впрягут, и молодец удалый
Понуждать в бока начнет их саб-
лей,

И по первой борозде глубокой
Из земли да выкинет он ноги,
По другой — красавца паликара...
Завопит, завоюет бедный пахарь:
«Будь такой да у меня товарищ,
Я бы съесть земле его так не дал!
Я пошел бы к морю, к синю морю,
На широкое б пошел поморье;
Я б нарезал тростнику морского,
Смастерил бы гроб ему простор-
ный,

Я б в гробу постлал ему постелю,
Всю б цветами, ландышами вы-
стлал,

Всю бы выстлал свежим амаран-

том!»

<1860>

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ

Удалец с горы сбегал в долину,
Феска набок, волосы кудрями.
Смерть за ним с вершины приме-
чала,

И в обход пустилась, и в ущелье
Вдруг ему дорогу заступила.

«Ты куда, красавец, и откуда?»

— «Я из стана, пробираюсь к до-
му».

— «За каким торопишься ты де-
лом?»

— «Захватить хочу вина и хлеба
И тотчас назад вернуся в горы».

— «Нехватишь ни вина, ни хле-
ба

И назад ты в горы не вернешься.

Я тебя давненько поджидаю».

Усмехнулся молодец, удалый,

Оглядел он Смерть, встряхнул
кудрями.

«Я, — сказал, — отдамся только с
бою.

Если хочешь, попытаем силы:

Сломишь ты — бери мою ты ду-

шу,
Я сломяю — сама ты мне послу-
жишь»,
— «По рукам», — костлявая ска-
зала.

По рукам ударили. Схватились.
Бились два дня, билися две ночи;
Всю траву ногами притоптали;
На колено гнули и с отмаху,
Смерть давно бока ему ссадила;
У нее самой трещали кости,
А как хватит он на третье утро,
На ногах насилу устояла.

Да за то уж вдруг расвирепела
И как схватит молодца за кудри,
Как рванет — и грянулся он
оземь,

Словно дуб, поваленный грозюю.
Смерть тотчас на грудь к нему
вскочила,

Принялась душить его под горло.
«Ты уж больно давишь, — просто-
нал он. —

Кончим шутку, мне пора быть
дома,

Стричь овец, сыры из кадей вы-
нуть».

Смерть глядит в глаза ему и да-

вит.

«Дай ты мне еще хоть двое суток
Погоулять на вольном белом све-
те;

Попрощаюсь только со своими
И потом приду, куда укажешь».
Смерть глядит в глаза и пуще да-
вит.

«У меня жена есть молодая!
Как одна останется, голубка!
Весела всегда была, как пташка...
У меня сынок есть — чуть лепе-
чет,

Есть другой — чуть-чуть сме-
яться начал...

Отпусти хоть ради их, сироток!»
Налегает Смерть уж всюю силой.

«Об душе хоть дай подумать
грешной!» —

Прохрипел он и замолк навеки.
С тем она его и доконала.

<1860>

АД

Из подземного из ада
С шумом вылетела птичка;
И, как вылетела, села
На траву и еле дышит.

*Видят матери и сестры,
Сладкий мускус ей приносят,
Амарант и белый сахар.
«Освежися, пей и кушай! —
Уговаривают птичку, —
Расскажи нам, что в подземном,
Темном царстве ты видала?»
— «Что сказать мне вам, бед-
няжки! —
Вздвогнув, вымолвила птичка, —
Смерть я видала, как скачет
На коне в подземном царстве;
Юных за волосы тащит,
Старых за руки волочит,
А младенцев нанизала
Вкруг, за горлышко, на пояс».*

<1860>

«ЧТО ГОРЫ ПОТЕМНЕЛИ?..»

*Что горы потемнели?
Что тьма по ним ползет?
Не ветер ли их хлещет?
Не дождик ли сечет?*

*Не ветер горы хлещет,
Не дождик их сечет:
Их Смерть переезжает
И полк теней ведет.*

Кончают поезд старцы,
А юноши в челе;
Рядком сидят младенцы
У Смерти на седле.

И юноши ей кличут,
И молят старики:
«Свернем с пути в деревню,
Вздохнем хоть у реки!

Испьют водицы старцы,
И юноши пускай
Поборются, а детям
Нарвать цветочков дай».

«В деревню не заеду,
Не стану над рекой!
К ней матери и жены
Приходят за водой:

Жена узнает мужа,
Узнает сына мать —
Уцепятся друг в друга,
И их уж не разнять!»

1858

««ПРИВОЛЬЕ НА ГОРАХ РОДНЫХ —
ПРИВОЛЬЕ В ТЕМНЫХ ДОЛАХ...»

«Приволье на горах родных — приволье в темных долах...
Белеют летом овцы там; зимой снега белеют,
Там светит солнце красное, там смерти не боятся!»
Так в тартаре три молодца о свете толковали,
Решились хоть на миг уйти — на свет взглянуть украдкой;
Один решил — к весне пойдем, другой — уж лучше к лету,
А третий — лучше к осени, к сбиранию винограда;
Услышала их девица, и дрогнуло в ней сердце;
Скрестила руки, просится она из ада с ними.
«Меня возьмите, молодцы, на белый свет с собою!»
— «Нельзя, нельзя, красавица, нам взять тебя с собою!
Ты ходишь — башмаки стучат, бряцают ожерелья,
Ты платье легким шелестом, пожалуй, Смерть встревожишь!»
— «Я платье подвяжу себе, я сброшу ожерелье,

*По лестнице тихохонько пойду
босая с вами!*

*Еще раз, братцы, хочется взгля-
нуть на свет мне белый,
Взглянуть, как плачет матушка,
по дочке убиваясь!*

*Взглянуть, как братцы-сродники
тоскуют по сестрице!»*

*— «Ах, девица-красавица! о милых
не крушился!*

*Твои все братцы-сродники уж пля-
шут в хороводе,*

*А матушка на улице с соседками
судачит!»*

<1860>

«В ТЕМНОМ АДЕ, ПОД ЗЕМЛЕЮ...»

*В темном аде, под землю,
Тени грешные томятся;*

*Стонут девы, плачут жены,
И тоскуют, и крушатся...*

*Всё о том, что не доходят
Вести в адские пределы —*

Есть ли небо голубое?

Есть ли свет еще наш белый?

*И на свете — церкви божьи,
И иконы золотые,*

И как прежде, за станками,

Ткут ли девы молодые?

<1860>

«ОПУСТЕЛИ НАШИ СЕЛА...»

*Опустели наши села;
Не видать богатырей!
Не палят, не мечут камней,
Даже свадьбы — без гостей!*

*Все ушли, у всех забота —
Крепость вывели в горах;
Башни, стены — из порфира,
Медь литая — в воротах.*

*По стенам уж ставят пушки,
Подымают знамена...
И приходит Смерть под кре-
пость,
Безоружна и одна.*

*И глядит: «Здорово, детки!»
— «Здравствуй, Смерть! куда бре-
дешь?»
— «Да господь послал за вами».
— «Что ж, твои — коли возь-
мешь!»*

И со стен на Смерть смеются:

*«Есть ли лестница с тобой?»
Не полезла Смерть на стены,
Только топнула ногой:*

*Гул раздался под землю,
Туча гору облегла...
И чрез миг — одна стояла
Обожженная скала.*

<1862>

«ПОКАЗАЛАСЬ ЗВЕЗДА НА ВОСТОКЕ...»

*Показалась звезда на востоке.
Золотая звезда показалась.
Не звезда то была золотая,
То был ангел с златыми крыла-
ми,
Возвещал он в услышанье людям:
«Щеголяйте, пока еще время!
В многоцветные платья ряди-
тесь!
Злато-серебро сыпьте, кидайте!
Красных дев ко груди прижимай-
те!
Наступает последнее время:
Похвалилася Смерть в преиспод-
ней,
Огород городить собралася;
Что в своем ли она огороде*

*Не дерев-кипарисов насадит,
А лихих молодцов-паликаров;
И не розанов вокруг их душистых,
—*

*А румяных девиц, белогрудых;
Не гвоздик, не анютины глазки,
А малюток в куртинах посадит;
И натычет вокруг огорода —
Стариков и старух частоколом».*

<1862>

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ

ДУХ ВЕКА

Здорово, друг!.. Что ты так мрачен?

Меж тем ты юн и в цвете сил...

Ужели мир души утрачен?

А я давно тебя следил,

Тебя встречая, улыбался,

Умильно на тебя глядел, —

Но ты понять меня боялся

Или, быть может, не хотел...

Да, мне лицо твое не чуждо.

Тебя я видел... но когда —

Не помню.

До того нет нужды!

*Я беса Фауста так всегда
Воображал.*

*Всё может статься.
И бесом я у Фауста был;
Другим иначе я служил;
С людьми в пустыню шел спа-
саться;
В Ерусалим Готфреда рать
Водил неверных поражать;
Еще же прежде...*

Кто ж ты ныне?

*Я был и буду друг людей.
Я жил с отшельником в пустыне,
Ел желуди, не спал ночей,
Мы с ним пороки поражали
И вместе тело бичевали,
И, в избавленье от грехов,
Я жег живых еретиков.
С ученым жил я в бедной келье;
В Амальфи роясь, весь в пыли,
Едва не плакал от веселья.
Когда пандекты мы нашли;
Я комментировал всю древность,*

Всё разрывал, всё изучал,
И до того я простирал
В душе классическую ревность,
Что не считал я за грехи
Свои латинские стихи...
Кто я таков — когда узнаешь,
Меня полюбишь, приласкаешь;
Меня как хочешь назови:
Я простодушен, изворотлив,
Мот, скряга, пышен и расчетлив.
В век романтической любви
Я пел романсы трубадуром,
Вздыхал... Потом пришла пора,
Среди версальского двора
Явившись сахарным амуром,
Я в будуарах герцогинь
Ловил их взор, улыбку, ласки, —
Там пародировал я сказки
Про гомерических богинь.
Вокруг меня всегда роились
Толпы поклонников моих, —
Они все вдоволь насладились,
И верь, я не обидел их:
Мои отшельники — святые!
Мои ученые нашли
Закон движения земли,
Нашли у древних запятые;
Мои питомцы удалые

Колумб, де Гама, Кук, Ченслор
Миры за бездной отыскали;
Мои вздыхатели вздыхали
И были счастливы: любовь
Моих версальских пастушков
Маркизы щедро награждали...
Явился к Фаусту бесом я —
Но сам ведь кинулся он к бесу,
Он стал допытывать меня —
С загадок сдернул я завесу,
И от меня он всё узнал,
Что после горько проклинал.
Итак, ты видишь, человека
Всегда, везде был другом я.
Я назову тебе себя,
Когда угодно, духом века:
Я тот могучий чародей,
Который мыслью вашей правит,
Возносит вас, честит и славит
И служит целью в жизни сей.

Дух века?.. Что ж ты мне предло-
жишь
Давно я голову ломал,
Но всё тебя не угадал.

Я знаю, ты себя тревожишь
Несвоевременной мечтой!

Что было раз, того в другой
Ты возвратить никак не можешь.
На мир ты дельно погляди
И хладнокровно рассуди:
Всё, до чего дошли науки,
То всё теперь дано вам в руки;
Искусство нынче не ново —
Не удивишь уж никого!
Притом статуи и картины
Теперь выводятся в гостиной,
Зачем им праздно там висеть?
Теперь совсем иное чувство
В нас услаждать должно искус-
ство —
Нам мягко надобно сидеть...

О, не кощунствуй над святыней!
Не станет муза вам рабыней!
Немногих избранных синклит
Зародыш творчества растит,
Руководимый к высшим целям...
В вас нет души... Вы хладный
труп,
Не Пантеон вам надо — клуб,
И Гамбс вам будет Рафаэлем!

Не горячись. Дай кончить мне.
Притом пойми: кто может в мо-

ре
Идти наперекор волне?..
Итак, вам незачем гоняться;
Вам стоит только наслаждаться-
ся
Тем, что вам создали века.
Открытий жажда устремляла
К опасным странствиям, бывало.
Теперь опасность далека:
Прорыты на реках пороги,
Вас паровоз и пароход
Повсюду дешево везет;
В горах проведены дороги,
Висят над безднами мосты...
Хоть тем у ваших путешествий
И отняты все красоты
Внезапных, странных происше-
ствий,
Но уж зато вернетесь вы
Не своротивши головы
И сыты: скверного трактира
Теперь почти нигде уж нет...

Блажен, кто мог увидеть свет!
Тот не вполне знал прелесть ми-
ра,
Кто на Неаполь не глядел
С высот, в часы вечерней тени;

Не знает тот, что может гений,
Кто мрамор Фидия не зрел;
Тот жил еще полудушою,
Кто посреди твоих могил
С тобой, о Рим, не говорил!

Всё это правда, и ценою
Мы купим всё не дорогою.

А как, скажи-ка?

Не спеши,
Мы всё уладим, обещаю.
Но ты не слушаешь... О, знаю,
Что в глубине твоей души...

Так ты до дел чужих охотник?

Твоя Мария...

Знает всё!

Как мне не знать; я первый сплет-
ник
И ex officio.[55] Ее
Я видел... Как она прекрасна!
Как небо южное, темны
Ее глаза — и смотрят ясно,

А как они оттенены
Ресницей длинной!.. А ланиты?..
Лучистый блеск разлит вокруг них,
С румянцем нежным чудно сли-
тый...

А косы?.. Перед кем-то их
Она, о пышная сирена,
Распустит, черные как смоль,
Чуть не по самые колена...

О демон, замолчи!

Изволь —
А ты бы шелк их благовонный
Мог, вынув гребень, рассыпать
И то вакханкой, то мадонной
Свою красоту убирать...

О, нет, не мучь меня напрасно...
Да, я ее боготворил,
Но обладания желаньем
В своих мечтах не оскорбил.
Любовь я мерил лишь страданьем
И безнадежною тоской!

Да, тут тебе расчет плохой.
Отец ведь из моих клиентов —
Ее без выгод не продаст;

Как капитал, он для процентов
Жидовских в рост ее отдаст.
Ведь женщин этаких нет боле:
Какая гибкая душа,
То с слабой, то с могучей волей...
Нельзя отдать без барыша!

Оставь, оставь мой сон чудесный!
Пусть тихо спит моя любовь,
Пусть явится она мне вновь
Как призрак чистый, гость небес-
ный!

Но к цели можно бы прийти.
Мы в честь войдем, богатства
скопим:
На то есть разные пути...

А совесть?..

Что ж!.. в вине утопим!
И что за совесть у него!
И что за слово? Для чего
Употреблять всегда его?
Одно понятие пустое...
Понятье можно ль запятнать?
Да кто поруку может дать,
Что есть понятие такое!

Всем благам есть один итог:
Набитый туго кошелек,
Сей ключ под все подходит двери;
Вес, слава, честность, прямота,
Великодушье, красота,
Честь, ум — или, по крайней мере,
Названье «умный человек» —
Всё купишь золотом в наш век...
Когда б на острове Марию
Ты видел с берега, ты к ней
Поплыл ли бы среди зыбей
Через неверную стихию,
Рискуя — или досягнуть,
Иль, захлебнувшись, утонуть?

В нас сердце часто то решает,
Что не решим мы головой.

Но если голова узнает.
Что, не кидаясь в омут...

Стой!
Давай мне золота...

Вот дело!
Вот мужа речь! Умно и смело!
Но ведь ты знаешь, никогда
Его не будет без труда,

Так выслушать имей терпенье
Теперь мое нравоученье.
Всегда, во-первых, в людях ты
Кажись героем правоты:
Где горд, где низок; ум и глупость,
Иль даже от природы тупость,
Показывай; здесь — ни гугу!
А там дай волю языку —
Льсти дуракам. А если встре-
тишь

(Рыбак ведь виден рыбаку),
В ком цель такую же заметишь,
—
Спеши опутать, сбить, связать.
Нельзя — то тотчас приласкать:
В порядке, мной теперь откры-
том,
Всё общим держится кредитом.
Друзья уж вынесут. Дадут
Тебе творить народу суд —
Вот тут-то знай стезю лукавых:
Тогда умей своей рукой
Закон то усыпить порой,
То пробудить. Громя неправых,
Неправду в тишине твори;
Придет ли мор — толпе радея,
Свои амбары отвори:
Одной рукой златницы сея,

Другой сторицею бери...
Умей загадочным казаться,
Открыто общим злом терзаться,
С слезой в очах, нахмуря лоб,
Чтоб подозренья успокоить,
Толкуй, как пылкий филантроп,
Что бедных надобно пристроить!
Тогда всему ты властелин!
Я приведу мильон примеров
Счастливых всяких величин,
Больших и маленьких размеров.

И я — я слушаю тебя!
Сношу свое я хладнокровье!
Прочь, прочь!

Красавица — твоя
Могла бы быть!

Прочь от меня!..

Не нравятся мои условия,
Но из контракта своего
Не уступлю я ничего!..
Мне душу надо молодую,
Чтоб под дыханием моим
В ней доблесть таяла, как дым...

*За то я золото дарю —
А ты так чванишься, чудак!*

И ты зовешься духом века!..

*Я прежде действовал не так:
Мной говорил Платон, Сенека,
Мной вдохновлен был Аристид...*

*И он, дух века, мне твердит,
Чтоб всё, что в мире есть свято-*

*го,
Всё — душу, совесть, мысль и сло-*

*во,
Мой образ божий — я разбил
И, лишь корыстью распаленный,
Союз позорный заключил
С толпой мерзавцев развращен-*

*ной!..
О том ли говорил мне ты,
О голос матери-природы,
Питая пыл моей мечты
Величьем славы и свободы?..*

*Я голос сердца своего
Чтил гласом бога самого;
Любовь, и гордость, и отвага,
И независимость ума —
Моей души прямые блага...*

Прочь, ядовитая чума!

*Меня ты гонишь, но не бойся,
Я не сержусь.*

Змея, сокройся!

*С тебя я глаза не спущу
И скоро снова навещу.*

Прочь, адский дух!..

1844

БАРЫШНЕ

*«Вам — быть оракулом!
(Petits jeux)[56]*

*Вас, ангел, реющий в гостиных,
Краса и диво наших зал,
Вас, примадонна игр невинных,
Наш лучезарный идеал,
Держаю робкими струнами
Я славить... Сердцем и душой
Благоговею перед вами...
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: ваш стан так стро-
ен,
Так очи светлы, взор спокоен...*

Так широко из-под кольца
На грудь, на плечи восковые
Упали локоны густые...
Дивлюсь могуществу творца
И вашей маменьки искусству:
Так много вашим красотам,
Движеньям, взглядам и словам
Придать и грации, и чувства!
Она взрастила вас в тиши,
Храня от страшных бурь души,
Вам ум и волю заменяя,
За вас прочувствовать желая
Всё, чем нас губит жизнь, то-
мит,
Хотя мгновенно веселит...
Так цвет изнеженной лилеи
Хранят в тепле оранжереи.
Его мороз не прошибал
И бурный ветер не сгибал.
Хотя не пил головкой жадной
Он утра свежести прохладной,
Не красовался он, блестя
Весь в каплях вешнего дождя.
Сквозь солнце вспыснувшего по-
ле...
Вы, нежась в сладостной неволе,
Лелея тихо свой покой
И жизни крайностей не зная,

Взросли, питая ум мечтой
И жизнь себе изобретая...
И эта жизнь не шумный пир —
Особый, светлый, чудный мир:
Как в фантастическом балете,
Из-за прозрачной кисеи
Встают пред вами в тихом свете
Картины счастья и любви;
Среди волшебных декораций,
Средь групп эфирных нимф и гра-
ций,
Над урной спящих стариков,
Под сенью лотосных листов,
Огромных раковин, кристаллов
И фантастических кораллов,
Ковром душистой муравы
Чудесно странствуете вы...
Но не одни: крылатый гений
Ведет вас... Там сияет храм...
И тихо мраморных ступеней
Уже коснулись вы... И там
Священный жертвенник с цвета-
ми
Перед богинею возжжен...
Кто ж этот гений?.. Да! он, он!
Его я видел... Ведь он с вами
Вчера мазурку танцевал,
Разочарованным казался,

Так ус крутил, так зло смеялся,
Так всю вас взором пожирал,
Так крепко шпорами стучал...
Его я знаю; с уваженьем
Всегда внимаю я сужденьям
Его о винах и конях...
Счастливец! Он один виденьем
Мелькает в ваших легких снах...
Понятно мне, зачем бледнели,
Краснели вы пред ним, зачем
Вчера с таким вы чувством пели:
«Si tu savais, combien je t'aime!»[57]
Но, боже мой!.. вот туча всходит,
Я вижу, меркнет небосклон,
Виденье милое проходит,
Как мимолетный легкий сон...
Я вижу...
Тихо в вашей спальне
Проснулись утром вы, лежат
Вкруг вас цветы, убор ваш баль-
ный,
Венок, браслет, и ваш наряд
Разбросан в милом беспорядке;
Уж вы проснулись, но поднять
Глаза не хочется, вам сладко
Ночные грезы продолжать,
К груди подушку прижимая,
Бог знает что воображая,

Уста сжимать и разжимать...
Внезапным маменьки приходом
Всё прервано: целуя вас,
С вас не спуская зорких глаз,
Она вас спросит мимоходом:
«Как нравится тебе NN?»
Вы отвечаете наивно:
«Он в парике и препротивный!»
— «Умень...» — «Мамаша! Старый
хрен!»
— «И добр...» — «И пахнет так ду-
хами!»
— «Богат и мил...» — «Богат-
ство... вздор!»
— «Не стар и уж богат чинами...»
Короче, этот разговор
Такое кончит заключенье,
Что брак по страсти — заблуж-
денье,
Что страсть пройдет, как ме-
теор...
И правда!.. Вам потом одетой
Велят к обеду быть; жених
Вам привезет уже браслеты.
Пред ним бледнея каждый миг,
Ему вы будете собирать
Сказать, во всем ему признаться;
Но не достанет силы в вас

Ему изречь простой отказ...
И вы поплачете немного...
Дня через три пройдет печаль;
Все скажут хором: «Слава богу!»
Никто про вас не скажет:
«Жаль!»

Вам осенят венком цветущим
Из белых роз, обвитых плющом,
Широкий узел черных кос;
Все ахнут: «Как она прекрасна!»
И не заметят робких слез —
Слез Ифигении несчастной
Перед Калхасовым ножом...
Но это миг один... Потом
И вы привыкнете к супругу,
Как в детстве к нянюшке своей,
К его значенью, чину, кругу
Тяжелых, будничных идей;
Приняв восточную небрежность,
Вы девок станете ругать
И мужу каждый раз являть
В очах особенную нежность,
Когда он в службе отличен
Иль высших ласкою почтен;
Он на звезду свою укажет,
Прочтет патент и нежно ска-
жет:

«Всё для тебя я» — и солжет...

В кругу хозяйственных забот,
За самоваром иль в гостиной,
Пленяя милой болтовней,
Смеясь шуточке невинной,
Страдая нервами порой,
Вы вечно будете казаться
(Что свет про вас ни говори)
Созданьем розовой зари
И легкокрылого зефира,
И выше праха, выше мира!
Что мир вам? Грязная нужда
И нищета в лохмотьях бедных,
Толпа страдальцев, грубых, блед-
ных,
С безумным взором, без стыда,
С клеймом насильного разврата,
С клеймом проклятья от собра-
та,
Чужда вам будет и чудна,
И отвратительно-страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: «То их вина...
Зачем они не соблюдали
Долг добродетели святой!»
С какую гордостью прямой
Себя бы с ними вы сравнили —
Хотя без нужды, без борьбы
Быть добродетельной купили

Вы златом право у судьбы...
Зато другие твари мира
В вас сострадание найдут
И даже слезы извлекут:
Ив клетке птичка, дочь эфира,
И заяц жареный... Увы!
Невольно вспомните тут вы,
Что он тот самый, что пугливо
Дорогу вам перебегал,
Пугал вас в роще, торопливо
Скакнув из листьев, и нырял
В золотистом море пышной нивы.
И что ж! сгубил его тиран,
Убийца тварей беззаботных...
Так вы в страданиях животных
Прочтете истинный роман,
И в жизни, полной тихой лени,
В вас успокоится на миг
Потребность сильных ощущений,
Источник болей головных.

Но тут не всё. Неся условия,
Оковы среднего сословья,
Вы не сроднитесь с ним душой:
Читать вы будете порой
Романы из большого света,
И на себе их примерять,
И в новых формах этикета

Его свободу применять...
Средь жизни мирной, жизни чин-
ной,
Благопристойной и невинной,
Желая душу отвести,
Следить вы будете упрямо
Траги-нервические драмы,
Симпатизируя вполне
(К досаде нежного супруга)
С печальной ролью *jeune premier*,
[58]

Как он, обманывая друга,
Питает страсть к его жене.
И тайна их вас всю заманит,
И, их успехом дорожа,
Когда супруг их вдруг застанет,
Вы вскрикнете — за них дрожая...

Потом услышите случайно,
Что ваша милая Мими
Являлась в маскараде тайно
И с незнакомыми людьми,
Особенно с одним гусаром,
Ходила под руку и с жаром
С ним говорила; и потом
Он втерся кое-как в их дом;
И поутру, как мужа нету,
С визитом к ней являться стал,

—
Вкруг вас, как будто по обету,
Восстанет целый трибунал:
В величьи грозной Немезиды,
Неотразимая, как гром,
Вы страшным грянете судом
За честь общественной обиды...

Но... о, блаженны вы стократ,
Когда свет истины суровой
Не потревожит сна тупого,
Которым чувства ваши спят;
Когда, с пелен не зная жизни,
Весь век лишь призраки лова,
Во гроб сойдете не живя,
Без слез, без горькой укоризны!
Но... если вы поймете вдруг,
Что были вы товаром торга,
Что сердце, жадное восторга,
Что потрясений жадный дух
И ваши девственные ласки
Служили красною ценой
За мужнин сан, балы, коляски
И ваш искусственный покой,
Всей вашей жизни машиналь-
ность,
Проделки ласки должностной,
Приличий вечных театральность

Вы вдруг постигнете душой...
Придут часы тяжелой муки,
Вы, сжав уста, ломая руки,
Воскликнете: «Я не жила!
Что богом мне дано на долю —
Всё — ум, подавленную волю —
Другим на жертву предала!
За то, чтоб светской черни лепет
Не очернил меня шутя,
Душила в сердце страсти лепет,
Как незаконное дитя...
Хотя б узнать любви томленье!
Хотя б изведать, хоть на миг,
Страданья страстного сомне-
нья!..
Хотя бы слышать страсти крик
Хоть раз, в устах неподавлен-
ный...
Хоть миг один, чтобы узнать,
Зачем страдать, за что стра-
дать!..»
И взор, мгновенно оживленный,
Вослед отчаянья сверкнет
Вдруг воли вспышкой — и вот
С престола долга и приличья,
Где вы сияли без пути
В своем бессмысленном величье,
Вы рады будете сойти...

Но это миг... И страшно станет...
И взор испуганный отпрянет,
Как бы от бездны под ногой...
И ночь в бесплодной агонии
Пройдет опять... И вот с зарей
Лучи рассвета голубые,
Сливаясь с вспышкой золотой
Ночной лампы, как статую,
Без жизни, скорбную, немую,
Сквозь окон озарят ваш лик...
Склоняся к креслам головою,
С упавшей на плечо косою
Заснули вы; но сон ваш дик
И смутен, в сердце кровь вскипа-
ет,
По членам холод пробегает...
Открылась дверь; явился вдруг
Ваш возвратившийся супруг
С официальной ассамблеи,

.....
«Ах, душенька, ты не спала?»
И вы, открывши взор свой влаж-
ный,
Ему промолвите, протяжно
Зевая: «Всё тебя ждала...»
Потом?
Потом... какой развязки
Еще вам ждать от этой сказки?..

Потом, во славу небесам,
Войдет всё в путь обыкновенный:
Опять придется вечно вам
Смеяться шуточке почтенной,
Терпеть нарядного шута,
Карать порок судом гостинным,
Когда он деньгами иль чином
Не откупился от суда...
Потом?

Потом на ум, на чувство
Дремота ляжет, как дурман,
И даже нравится искусство
Вам опостылит. На диван
Уляжетесь, поджавши ножки;
Вкруг вас усядутся рядком,
Как пред японским божеством,
Болонки, стриксы или кошки...
Душевных бурь пройдет и след,
И страсти уж навек уймутся, —
И цепи снова вам придутся,
Как ловко скроенный корсет.

1846

ДУРОЧКА
Идиллия

Всем довольна я, старушка,
Бога нечего гневить!

Мир в семье; есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!

У меня семья большая;
Детки вокруг нас, стариков,
Словно роща молодая
Вкруг дряхлеющих дубков...

Но, как в ясном небе тучка,
К нам одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здравого понятия
Не имела; что ни дай
Ей — хоть шелковое платье —
Вмиг всё в пятнах, хоть бросай!

Благородные девицы
К нам приедут. «Да поди! —
Говорю. — Там все сестрицы;
Только так хоть посиди!»

«Нет уж, бабушка, мне с ними
Делать нечего!» — «Как так?»
— «Что мне с такими злыми...»
И забьется на чердак.

Только встала — полетела!
Всю деревню обежит!..
Это — первое ей дело,
Всё друзья ведь, — просто стыд!

Свадьба ль в доме — всё равно ей;
Посетит ли смерть кого —
С мертвецом в одном покое
Ляжет спать — и ничего!

Мать учить начнет, бывало,
Говорит, подчас и бьет —
Как к стене горох! Нимало
То есть ухом не ведет.

Ну, ее за то ж и гнали;
Вечно с нею воркотня;
На хлеб, на воду сажали...
Баловала только я —

И она как будто чувствует
И ко мне одной идет:
Обойму ее — целует,
Руки крепко, крепко жмет,

Надорвет мое сердечко...
«Ох ты, бедная моя,
Нелюбимая овечка,

Сиротинка у меня!»

*«Как у вас хватает духу
Гнать бедняжку?» — говорю;
Да не слушают старуху,
Сколько я их ни журю.*

*Ей одно лишь любо было —
Нянчить маленьких детей;
Всё им сказки говорила
Про русалок да князей.*

*Где слова тогда берутся!
И дрожит сама-то вся;
Дети так и разревутся,
И унять потом нельзя.*

*В снег — на улицу, и скачет!
А возьмут ее домой —
В угол спрячется и плачет...
Дом ей словно как чужой.*

*Всё бы в лес! Весною хлеба,
Круп с собою наберет,
Станет в поле, смотрит в небо,
Журавлей к себе зовет.*

Мы видали, к ней станицей

Птица всякая летит,
И она ведь с каждой птицей
Особливо говорит...

Порча ль тут была от детства,
Или разум уж такой —
Все мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видим, нет уж в ней пути.
Что лечить тут? Против бога
Человеку не идти.

Докторов иных бы нужно —
Повести бы по мощам...
Ну, да летом недосужно —
Жатва, севы — знаешь сам!

Вот и вышло: летом стала
Пропадать она по дням.
Спросим: «Где ты пропадала?»
Вздор рассказывает нам —

Что была она далеко,
В неизвестных сторонах,
Где зимы нет, где высоко
Горы в самых небесах;

Что у моря там зеленый
Вечно лес растет; что там
Зреют желтые лимоны
По высоким деревьям;

Что там город есть великий,
Где рабы со всяких стран;
Царь в том городе предикий
И гонитель христиан;

Что он травит их там львами,
Чтоб от веры отреклись;
Что их кровь течет ручьями —
А они всё не сдались;

Что там чудные чертоги,
Разноцветных храмов ряд,
Где всё мраморные боги
Лет две тысячи сидят;

Вавилонская царица
Там какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнем была;

Да безумная невеста...
Но всего не передать;
Есть ли где такое место,

Не могу тебе сказать...

Только видим — девка бредит!
Уверяет, что сама
В этот край совсем уедет,
Только вот придет зима.

Между тем прошла уж осень,
Дуня что-то всё молчит,
Целый день между двух сосен,
По дороге в лес, сидит.

Мать журила, запирали,
Да ничто нейметса ей!
Раз ушла она; мы ждали —
Нет. Уж поздно. Мы за ней

Разослали по соседям —
Нет нигде! Дней пять прошло;
Как-то с сыном лесом едем:
Снег в лесу-то размело...

«Взглянь-ко, — говорю я, — Саша,
—
А сама-то вся дрожу, —
Что там? Уж не Дуня ль наша?»
Так и есть, она!.. Гляжу —

К старой сосенке прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крепким сном она спала...

Я вот так тут и завывала!
Точно что оторвалось
От души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

После всё уж мы узнали:
К нам в соседство той весной
Граф с графиней приезжали
Из чужих краев домой.

У графини, видишь, деток
Был всего один сынок;
С нашей был он одноленок —
Так, пятнадцатый годок.

С ним-то наша и сошлася,
Да, как глупое дитя,
Всяких толков набралася
Про заморские края.

И когда графиня снова
Поднялася в свой вояж,
Никому не молвя слова,

Дуня вздумала туда ж!

*Где же ей пройти лесами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снегами...
Так уж, видно, суждено.*

*Не жилось ей, знать, на свете...
Бог недолго жить дает
Юродивым: божьи дети —
Прямо в рай он их берет.*

*Без нее же запустенье
Стало вдруг в семье моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,*

*Хоть пути в ней было мало
И вся жизнь ее был бред,
Без нее ж заметно стало,
Что души-то в доме нет...*

1853

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всем понимающим дело

Себя я помнить стал в деревне
под Москвою.

Бывало, ввечеру поудить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас,
детей,

Сидим на берегу под елкою гу-
стою,

Добычу из ведра руками достаем
И шепотом о ней друг с другом
речь ведем...

С летами за отцом по ручейкам
пустынным

Мы стали странствовать... Те-
перь то время мне

Является всегда каким-то утром
длинным,

Особым уголком в безвестной
стороне,

Где вечная заря над головой стру-
ится,

Где в поле по росе мой след еще
хранится...

В столицу приведен насильно
точно я;

Как будто, всем чужой, сижусь на
чуждом пире,

И, кажется, опять я дома в бо-
жьем мире,

Когда лишь заберусь на бережок
ручья,
Закину удочки, сижу в траве высо-
кой...
Полдневный пышет жар — с зарей
я поднялся, —
Откинешься на луг и смотришь в
небеса,
И слушаешь стрекоз, покуда сон
глубокой
Под теплый пар земли глаза мне
не сомкнет...
О, чудный сон! душа бог знает где,
далеко,
А ты во сне живешь, как всё во-
круг живет...

Но близкие мои — увы! — всё горо-
жане...
И странствовать в лесу, подняв-
шись с зарей,
Иль в лодке осенью сидеть в сы-
ром тумане,
Иль мокнуть на дожде, иль печь-
ся в летний зной —
Им дико кажется, и всякий раз я
знаю,
Что, если с вечера я леса разверну

И новые крючки навязывать нач-
ну,
Я тем до глубины души их огор-
чаю;
И лица важные нередко страсть
мою
Корят насмешками: «Грешно,
мол, для поэта
Позабывать Парнас и огорчать
семью».
Я с горя пробовал послушать их
совета —
Напрасно!.. Вот вчера, чтоб толь-
ко сон прогнать,
Пошел на озеро; смотрю — какая
гладь!
Лесистых берегов обрывы и изги-
бы,
Как зеркалом, водой повторены.
Везде
Полоски светлые от плещущейся
рыбы
Иль ласточек, крылом коснув-
шихся к воде...
Смотрю — усач солдат сложил
шинель на травку,
Сам до колен в воде и удит на бу-
лавку.

«Что, служба?» — крикнул я.
«Пришли побаловать
Маленько», — говорит. «Нет,
клев-то как, служивый?» —
«А клев-то? Да такой тут вышел
стих счастливый,
Что в час-от на уху успели натас-
кать».

Ну, кто бы устоять тут мог от
искушенья?
Закину, думаю, я разик — и назад!
Есть место ж у меня заветное:
там скат
От самых камышей и мелкие ка-
менья.
Тихонько удочки забравши, впопы-
хах
Бегу я к пристани. Вослед мне
крикнул кто-то,
Но быстро оттолкнул челнок я
свой от плота
И, гору обогнув, зарылся в камы-
шах.

Злодеи рыбаки уж тут давно: вон
с челном
Запратался в тростник, тот ша-

рит в глубине...

Есть что-то страстное в внима-
нии их безмолвном,

Есть напряжение в сей людной
тишине:

Лишь свистнет в воздухе леса во-
лосяная

Да вздох послышится — упорно
все молчат

И зорко издали друг за другом сле-
дят.

Меж тем живет вокруг равнина
водяная,

Стрекозы синие колеблют по-
плавки,

И тощие кругом шныряют пауки,

И кружится, серебрясь, сетков ве-
сельных стая

Иль брызнет в стороны, от жуки
исчезая.

Но вот один рыбак вскочил, и,
трепеща,

Все смотрят на него в каком-то
страхе чутком:

Он, в обе руки взяв, на удилице
гнутком

Выводит на воду упорного леща.

И черно-золотой красавец повернулся

И вдруг взмахнул хвостом — испуганный, рванулся.

«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину

Идет чудовище, и ходит, вся в струну

Натянута, леса... Дрожь вчуже пробирает!..

А тут мой поплавок мгновенно исчезает.

Тащу — леса в воде описывает круг,

Уже зияет пасть зубастая — и вдруг

Взвилась моя леса, свистя над головой...

Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норы шук,

Другую удочку за тою же травкою Тихонько завожу и жду едва дыша...

Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,

Исполненный надежд, волнуясь от страха,

Выкидываю вверх — чуть видного
ерша...

О, тварь негодная!.. От злости
чуть не плачу,
Клянусь себя, людей и мир за неуда-
чу
И как на угольях, закинув вновь,
сизжу,
И только комары, облипшие мне
щеки,
Обуздывают гнев на промах мой
жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры
обвожу.
Как ярко горы там при солнце за-
ходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим
шатром сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие
стволы
И отражаются внизу в заливе
черном,
Где белый пар уже бежит к подно-
жьям горным.
С той стороны село. Среди серебри-
стой мглы
Окошки светятся, как огненные

точки;
Купанье там идет: чуть слышен
визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу со-
рочки,
Меж тем как слышится из глуби-
ны лесной
Кукушка поздняя да дятел моло-
дой...
Картины бедные полунощного
края!
Где б я ни умирал, вас вспомню,
умирая:
От сердца пылкого всё злое прочь
гоня,
Не вы ль, мира с людьми, учили
жить меня!..

Но вот уж смерклося. Свежеет.
Вкруг ни звука.
На небе и водах погас пурпурный
блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался вёсел
плеск...
Нет, видно, не возьмет теперь ни
лещ, ни щука!
Вот если бы чем свет забраться в
тростники,

Когда лишь по заре заметишь по-
плавки,
И то почти к воде припавши...
Тут охота!..
Что ж медлить? Завтра же...
Меж тем все челноки,
Толкаясь, пристают у низенького
плота,
И громкий переклик несется на
водах
О всех событиях дня, о порванных
лесах,
И брань и похвальба, исполненные
страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взвали-
ваем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь
под ногой.
Идем. Под мокрую одеждой уж
прохладно;
Зато как дышится у лодок над во-
дой,
Где пахнет рыбою и свежестью
отрадной,
Меж тем как из лесу чуть слыш-
ным ветерком,
Смолой напитанным, потянет
вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер
благодатный
С любовью в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело садясь за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости
женской?
Бывало, с милою свиданье улучив
И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но
что вы? что вы?
Что значит этот клик и смеха
дружный взрыв?
Нет, полно! вижу я, не сговорить
мне с вами!
Истома сладкая ко сну меня зовет.
Прощайте! Добрый сон!.. Уже двенадцать бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами

Всё катится вода огнистыми
струями
И ходят поплавки. На миг лишь
задремал —
И кажется, клюет!.. Тут полно,
сон пропал;
Пылает голова, и сердце бьется с
болью.
Чуть показался свет, на цыпоч-
ках, как вор,
Я крадусь из дому и лезу чрез за-
бор,
Взяв хлеба про запас с кристаль-
ной крупной солью,
Но на небе серо, и мелкий дождь
идет,
И к стуже в воздухе заметен по-
ворот;
Чуть видны берегов ближайшие
извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не
вспорхнет, —
Но чувствую уже, что будет лов
счастливый.
И точно. Дождь потом зашлепал
всё сильнее,
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели

руки;
Но окунь — видно, стал бодрее с
холодком —
Со дна и по верху гнался за червя-
ком,
И ловко выхватил я прямо в челн
две щуки...
Тут ветер потянул — и золотым
лучом
Деревню облило. Э, солнце как вы-
соко!
Уж дома самовар, пожалуй, неда-
леко...
Домой! И в комнату, пронизан-
ный дождем,
С пылающим лицом, с душой и
мыслью ясной,
Две щуки на снурке, вхожу я с тор-
жеством
И криком все меня встречают:
«Ах, несчастный!..»

Непосвященные! Напрасен с ними
спор!
Искусства нашего непризнанную
музу
И грек не приобщил к парнасско-
му союзу!

Нет, муза чистая, витай между
озер!

И пусть бегут твои балованные
сестры

На шумных поприщах граждан-
ственности пестрой

За лавром, и хвалой, и памятью
веков:

Ты, ночью звездною, на мельнич-
ной плотине,

В сем царстве свай, колес, и плесе-
ни, и мхов,

Таинственностью дух питай в
святой пустыне!

Заслыша, что к тебе в тот час
взываю я,

Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой осоке протоптанной
тропинкой,

В дремучий, темный лес; играй,
резвись со мной;

Облей в пути лицо росистой ря-
бинкой;

Учи переходить по жердочке жи-
вой

Ручей, и, усадив за ольхой серебри-
стой

Над ямой, где лопух разросся круг-

лолистый,
Где рыбе в затиши прохлада есть
и тень,
Показывай мне, как родится но-
вый день;
И в миг, когда спадет с природы
тьмы завеса
И солнце вспыхнет вдруг на пурпу-
ре зари,
Со всеми криками и шорохами ле-
са
Сама в моей душе ты с богом го-
вори!
Да просветлен тобой, дыша, как
часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьем
той свободы,
В которой праотец народов, дни
катя
К сребристой старости, был ве-
сел, как дитя!

1855

ТРИ ПРАВДЫ

Сказка

Именитый жил купец на свете.
Вышел раз он в сад после обеда,
А в саду для птиц стояли сети;

Видит он, что в сеть попалась
птичка,
Птичка-крошка, вся почти с на-
персток.

Он из сети высвободил птичку,
В руки взял, и что же — птичка
Говорит ему по-человечьи:

«Отпусти-ка ты меня, хозяин,
Я тебе за то скажу три правды.
С этими ты правдами на свете
Наживешь и денег и почету,
И на зависть всем пойдешь всё в
гору!»

«Чудеса господни, да и только! —
Думает купчина. — Эко диво!

Говорит по-человечьи птица!»

«Хорошо, — сказал он ей, — по-
смотрим,

Каковы твои три птичьи правды!
Скажешь дело — выпущу на во-
лю».

«Ну, так слушай, — молвила пичу-
га. —

Плачь не плачь, что было — не
воротись;

Не тянись за тем, что не под силу;
И не верь чужим словам и тол-

кам!

Вот тебе и все мои три правды».

«Ну, — сказал купец, — оно не много,

И в торговле — третья монета!

Плачь не плачь, что было — не воротись;

Где ты, значит, лишнее просадишь,

Хоть расплачься, не поможешь горю;

Лучше ты возьмись за ум, за разум,

Да гляди уж в оба: знаем это!

Не тянись за тем, что не под силу:

Мало ль тут у нас ошмыг-то ходит!

Торговал лет двадцать, сбил копейку,

Да и ухнул, за рублем погнавшись

—

Не учить нас стать и этой правде!

А — не верь людским словам и толкам:

Уж на что ж еще и поддевают Дураков из нашенского брата!

Нет уж, не сули орлицу в небе,
А подай ты мне синицу в руки —
Мы на этом, тетка, зубы съели!..
Ну, так как же! что с тобой мне
делать?
Ты сама-то проку небольшого —
Аль пустить уж уговора ради?
Ну, ступай себе, господь с тобою!»

И пустил купец на волю птичку;
Заложил сам за спину он руки
И пошел тихонько по дорожке.
Только птичка всё над ним лета-
ет,
Под носом шмыгнет, на ветку ся-
дет
И звенит-гремит, что колоколь-
чик,
И, выходит, словно как смеется.
«Ты никак, — купец спросил, —
смеешься?»

«Ничего! — пичуга отвечала. —
Я смеюсь на вашу братью глядя.
Вот хоть ты: будь на волос ум-
нее,
Ты бы первый был богач на свете;
Если б ты моих не слушал басен,

А пошел да распорол мне брюхо,
Ты во мне нашел бы бриллиантик
—

Не соврать-сказать — величиною
Что яйцо куриное! не меньше!

А о том ведь только, чай, и мысли,
Чтоб весь свет в мошну к себе
упрятать!

За умом, знать, только дело стало!»

У купца аж ноги подкосились.
Весь сомлел и руки растопырил.
Как же так дал маху! ах, мой бо-
же!

Как-нибудь поправить надо дело;
Вот и стал он к птичке подступать-
ся:

Речь повел сторонкой, осторожно,
Будто сам с собою рассуждает:
«Я дивлюсь и вашей братье, пти-
це, —

Что за радость жить вам по-цы-
гански!

Ну, куда ни шло еще, как лето;
А как осень завернет, да стужа!
На дожде промокнешь и продрог-

нешь!

На морозе и совсем замерзнешь!
То ли дело у меня в хоромах!
И питье и корм — всё даровое!
По зиме натопим жарко печи —
И живи, что в царствии небес-
ном!

Право, ты ведь умница, пичужка,
Рассудить могла бы не по-пти-
чьи!»

А пичуга пуще заливалась:
«Ах, купец, купец ты именитый!
Брюхо нажил, да ума не нажил!
На словах, поди ты, что на гус-
лях,

А на деле — хуже балалайки!
Сам твердил сейчас мои три
правды:

Плачь не плачь, что было — не
воротись —

Упустил меня и уж горюешь!
С горя все дела, пожалуй, кинешь!
Не тянись за. тем, что не под силу

:

А ко мне как начал подступать-
ся!

И найдись теперь какой пройдоха,

*Посули меня тебе представить —
Капитал ему по капле спустишь!
Сам людским смеялся толкам глупым —*

*Моему же, птичьему, поверил:
Ну, какой во мне быть может камень —*

*И какой еще величиною!
Что яйцо куриное! ишь, умник!
А ведь сам в руках держал и видел*

*—
Вся-то я не более наперстка!»*

*Обругал купец пичугу, плюнул, —
Увидал, что в дураках остался!
Двадцать лет молчал про этот
случай,
Рассказал почти что перед смер-
тью,
Под хмельком, у внучки на кре-
стинах.*

1861

**КАРТИНКА
(ПОСЛЕ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ
1861 г.)**

Посмотри: в избе, мерцая,

Светит огонек;
Возле девочки-малютки
Собрался кружок;

И, с трудом от слова к слову
Пальчиком вода,
По печатному читает
Мужичкам дитя.

Мужички в глубокой думе
Слушают, молчат;
Разве крикнет кто, чтоб бабы
Уняли ребят.

Бабы суют детям соску,
Чтобы рот заткнуть,
Чтоб самим хоть краем уха
Слышать что-нибудь.

Даже, с печи не слезавший
Много-много лет,
Свесил голову и смотрит,
Хоть не слышит, дед.

Что ж так слушают малютку,
—
Аль уж так умна?..
Нет! одна в семье умеет

Грамоте она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть.

Самой вести смысл покамест
Темен им и ей.
Но все чуют над собою
Зорю новых дней...

Вспыхнет, братья, эта зорька!
Тьма идет к концу!
Ваши детки уж увидят
Свет лицом к лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдет могуч!
Вещим оком я уж вижу
Первый светлый луч.

Он горит уж на головке,
Он горит в очах
Этой умницы малютки
С книжкой в руках!

Воля, братья, — это только

*Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековечный день.*

28 февраля 1861

ПОЛЯ

*В телеге еду по холмам;
Порой для взора нет границ...
И всё поля по сторонам,
И над полями стаи птиц...*

*Я еду день, я еду два —
И всё поля кругом, поля!
Мелькнет жильё, мелькнет едва,
А там поля, опять поля...*

*Порой ручей, порой овраг,
А там поля, опять поля!
И в золотых опять волнах
С холма на холм взлетаю я...*

*Но где же люди? Ни души
Среди безмолвных деревень...
Не верится такой глуши!
Хотя бы встреча в целый день!*

*Лишь утром серый четверик
Передо мною пролетел...*

В пыли лишь красный воротник
Да черный ус я разглядел...

Вот наконец бредет старик...
Остановился, шляпу снял,
Бормочет что-то... «Стой, ям-
щик!
Эй, дядя! С чем господь послал?»

«Осмелюсь, барин, попросить —
Не подвезете ль старика?»
— «Садись! Зачем не услужить!
Услуга ж так невелика!

Садись!» — «Я здесь, на облучок...»
— «Да место есть: садись ряд-
ком!»
Но тут уж взять никто б не мог:
Старик уперся на своем;

Твердил, что в людях он пожил
И к обращению привык,
И знает свет; иначе б был
«Необразованный мужик»!

У старика был хмурый вид,
Цветисто-вычурная речь;
Одет был бедно, но обрит,

И бакенбард висел до плеч.

«Я был дворовый человек, —
Он говорил, — у князя Б.!
Да вот, пришлось кончать свой
век
На воле! Сам уж по себе!»

«И слава богу!» — «Как кому!
И как кто понимает свет!
А по понятию моему,
От всей их воли — толку нет!»

Еще я нонешних князей,
Выходит, дедушке служил...
Князь различать умел людей:
Я в доме, может, первый был!

Да вот, настали времена!
Теперь иди, хоть волком вой!
Стара собака, не годна,
Ест даром хлеб, — так с глаз до-
лой!

Еще скажу: добры князья!
«С тебя оброку не хотим;
А хочешь землю, мол», — так я:
«Покорно вас благодарим!»

*Жаль их самих!» И тут старик
Повел рассказ, как врозь идет
Весь княжий двор: шалит мужик,
Заброшен сахарный завод,*

*Следа уж нет оранжерей,
Охота, птичник и пруды,
И все забавы для гостей,
И карусели, и сады —*

*Всё в запущены, всё гниет...
Усадьба — прежде городок
Была! Везде присмотр, народ!
И пей и ешь! Всё было впрок!*

*«Да, вспомянешь про старину! —
Он заключил. — Был склад да лад!
Э, ну их с волей! Право, ну!
Да что она — один разврат!*

*Один разврат!» — он повторял...
Отживший мир в его лице,
Казалось, силы напрягал,
Как пламя, вспыхнуть при конце...*

*«Вот парень вам из молодых, —
Сказал он, кинув грозный взгляд
На ямщика. — Спросите их,*

Куда глядят? Чего хотят?»

Тот поглядел ему в лицо,
Но за ответом стал в тупик.
Никак желанное словцо
Не попадало на язык...

«Чего?..» — он начал было вслух...
Да вдруг как кудрями встряхнет,
Да вдруг как свистнет во весь дух,

—
И тройка ринулась вперед!

Вперед — в пространство без конца!
Вперед — не внемля ничему!

То был ответ ли молодца,
И кони ль вторили ему, —

Но мы неслись, как от волков,
Как из-под тучи грозовой,
Как бы мучителей-бесов
Погоню слыша за собой...

Неслись... А вокруг по сторонам
Поля мелькали, и не раз
Овечье стадо здесь и там
Кидалось в сторону от нас...

Неслись... «Куда ж те дьявол
мчит!» —

Вдруг сорвалось у старика.
А тот летит, лишь вдаль гля-
дит,
А даль-то, даль — как широка!..

1861

БАБУШКА И ВНУЧЕК

В святцах у бабушки раз
Внучек цветок увидал;
«Тут сувенирчик у вас, —
Он, улыбаясь, сказал, —

Что, если б он говорил?
Может быть, целый роман
Мне бы теперь он открыл...
Был бы и муж там тиран,

Ночь, соловей и луна,
Быстрый свидания час...
Было — и в те времена —
Много, чай, всяких проказ?..»

«Грех над старухой шутить... —
Бабушка внучку в ответ, —
Кто ж бы еще подарить
Мог мне его, как не дед?»

«Дедушкин это цветок? —
Внучек опять. — Признаюсь,
Вот угадать бы не мог!
Дедушка! Этакой туз!»

«Молод покойничек был!..
Ну, да и я-то тогда...
В мыслях-то ветер бродил!
Тоже была молода...

Ездили раз мы весной,
В ранний улов стерлядей,
К мельнице нашей лесной...
Батюшка... Много гостей...

Я и стою на мосту;
Вкруг молодежь мне поет
Всё про мою красоту.
Что тут на ум не взбредет.

Мельница так и дрожит;
Омут-то в пенных буграх
Ходенем ходит, кипит,
Так что и вспомнить-то страх!

В воду и кинь я цветок!
«Кто, — говорю я, — прыгнёт
С мосту отсюда в поток

И мой цветок принесет,

*Тот мне и есть кавалер!»
Все засмеялись вокруг,
Только один офицер
С мосту-то прямо и — бух!*

*Я обомлела. Народ
Бросился к лодкам, к реке...
Только глядим — он плывет,
Держит цветок мой в руке...*

*Мне подает: я готов
Жизнь, мол, за вас положить!..
Вот молодец был каков!
Да, не любил он шутить!*

*Дедушку я твоего
Тут и узнала тогда...
Так и пошла за него...
Был человек это!.. Да!..*

*Старого века кремень!
Барин он был матерой!
Сёл что имел, деревень!
Видный, красавец собой,*

Соколом ясным ходил!

Первым везде был лицом!
Что он народу кормил,
Ну да и сам жил царем...

В гости ль меня вывозил —
В золото, жемчуг, атлас,
Словно царицу, рядил,
Словно как вез на показ!

Серый лихой шестерик
Держат едва под уздцы...
Кучер был сила мужик!
И гайдуки молодцы!

И, как жила я за ним,
Тронуть меня уж не смей
Кто хоть бы словом худым:
Со свету сгонит — ей-ей!

Да, это был человек!..
Нынче и род уж не тот!
Нынче — не тот уж и век!
Мелкий пошел всё народ!..»

«Бабушка! — внучек прервал. —
Я от самих стариков
Часто про деда слышал:
Он не совсем был таков!

Был он — надменный богач!
Жил — азиатским пашой;
Сам и судья, и палач,
Ночью ездил на разбой;

И в душегубстве не раз
Был по суду обвинен...
Правда, в то время у нас
Знатному что был закон!

Пьянство и ночью и днем!
В доме жил целый гарем!
Вы же — всю жизнь под замком
В страхе дрожали меж тем.

Вас-то он будто любил!
Боже мой! Он, как злодей,
Вашу всю жизнь загубил,
Вас загубил и детей!

Месяц иль два присмирев,
Первой-то страстной порой,
Ласков был с вами, как лев
С львицей своей молодой!

Ну, а как душу отвел...
Бабушка! сердце во мне
Рвется при мысли — что зол

Вынесли вы-то одне!

*Верьте, люблю я, как мать,
Вас за страдальный ваш век...
Что ж от меня вам скрывать!
Дед был — дурной человек!..»*

*Бабка трясет головой,
Шепчет на речи его:
«Что говорить мне с тобой!
Ты не поймешь ничего!»*

*Вяжет старушка чулок,
Вяжет чулок и молчит,
И на засохший цветок
Нежно порою глядит —*

*Смотрит на бабушку внук...
Он изумлен, что у ней
Слезы закапали вдруг
Тихо из тусклых очей...*

*В жизни дитя — не умел
Сердце еще он понять!
Он испытать не успел,
Как оно может прощать!*

Как из-за прошлых скорбей,

*Их разгоняя, что тьму,
Сладкий лишь миг всё ясней
Издали светит ему;*

*И, как святой идеал,
Образ рисует того,
Кто это сердце терзал,
Кто так измучил его!..*

1857

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ

*Давно в тумане предо мной,
Блестящей точкою горя,
То над леском, то над горой
Светился крест монастыря.*

*И вдруг — обрыв! И вот — река
В тени высоких берегов
Бежит, подернута слегка
Отливом красных облаков.*

*И на откосе меловом
Открылась старая стена
С безглавой башней, как огнем,
Закатом дня озарена.*

*Прохлада веет над рекой,
Струясь за резвым ветерком,*

И тихо движется со мной
Неповоротливый паром.

Вот монастырь... Следы ль осад,
Пищалей, приступов к стенам,
В кирпичных грудах что лежат,
Поросши лесом, здесь и там?..

Лампада у ворот горит
Пред полинялым образком;
Монах, седой старик, сидит
У кружки под двойным замком,

Сидит и смотрит, как ползут
Мои лошадки по горе...
«Что, отче честный, есть ли тут
Что посмотреть в монастыре?»

«А посмотри! Запрету нет!
Что есть — увидишь, — молвил
он
Да что посмотреть-то! Сколько
лет,
Как монастырь уж упразднен.

Святыню вывезли... Живем
Мы вот одни давненько тут
С отцом Паусием и ждем,

Аль нас куда переведут,

*Аль здесь помрем... Я вот с ногой
Изныл. Ломота извела.
Лечился летось у одной
Старушки: нет, не помогла!*

*Войди в калитку-то, смотри!» —
Мне указал на дверь старик,
А сам спешил в лучах зари
Еще погреться хоть бы миг.*

*Бедняк! Едва ль не прав был он!
Смотреть не много было, нет!
Кой-где следы витых колонн,
Письма и позолоты след.*

*Все церкви в землю повросли,
Кругом забиты двери их...
Зато, что кудри, до земли
Висели ветви ив густых...*

*А дом, где кельи, — как скелет,
За бледной зеленью стоит,
И в острых окнах стекол нет,
И грустно мрак из них глядит...*

Лишь бродит вокруг голодный кот,

Над ним, несясь стрелы быстрей,
Кружатся ласточки, вразброд
Гуляет стая голубей, —

Всё тихо валится кругом...
Еще пройдет немного лет,
И стены продадут на слом,
И старины пройдет и след...

Смотреть не много... Что ж из
них,
Из этих камней говорит
Моей душе? И шаг мой тих,
И сердце так в груди стучит?

Святыню вывезли... Но нет,
Не всю!.. Нет, чувствую, живут
Мольбы и слезы, столько лет
От сердца лившиеся тут!

Я живо вижу, как сюда
Пришел спасаться муж святой
В те времена еще, когда
Кругом шумел здесь бор густой

И, вековым объята сном,
Вся эта дикая страна
Казалась людям — волшебством

И чародействами полна.

*И келью сам в горе иссек,
И жил пустынным житием
В той келье божий человек,
На козни беса глух и нем.*

*И, что свеча в ночи горит,
Он в этом мраке просиял,
Учил народ, устроил скит,
И утешал, и просвещал...*

*И вот — вокруг валяются леса!
И монастырь здесь восстает...
Над гробом старца чудеса
Пошли твориться... И растет*

*За храмом храм, встает стена,
Встает гостиниц, длинный ряд,
И в погреба течет казна,
И всюду труд, и всюду лад!*

*Идут обозы вдоль горы;
Хлопочет келарь, казначей...
Варят меды, творят пиры,
Всечасно братья ждет гостей...*

А эти гости — то князья,

*В Орду идущие с казной...
То их княгини, их семья,
В разлуке плачущие злой...*

*И черный люд, безвестный люд
Со всей Руси идет, бредет...
В грехах все каяться идут —
Да страшный гнев свой бог уй-
мет.*

*Идут — с пожарищ, с поля битв,
Ища исходу хоть слезам
Под чтение сладостных молитв,
Под пенье ангельское там...*

*И в темных маленьких церквах
Душистый воск горит, как жар,
Пред образами в жемчугах —
Сердце скорбящих чистый дар...*

*Вот едет новый караван...
Полумонашеская рать...
И раззолоченный рыдван...
С крестами клир идет встре-
чать.*

*С потухшим оком, бледен, худ,
Выходит, думой обуян,*

*Здесь панихидой кончить суд,
Кровавый суд свой, царь Иван...*

*Ударил колокол большой —
И двери царские в алтарь
Пред ним раскрылись, и, больной,
Повергшись ниц, рыдает царь...*

*И, глядя, плачут все вокруг...
Но многолетье кончил клир,
И ждет царя и царских слуг
В большой трапезной светлый
пир*

*Но царь на светлый пир нейдет.
Один, он в келье заперся...
Он ест лишь хлеб, он воду пьет,
И весь он богу отдался...*

*Вот на обитель сходит сон;
Один лишь царь не знает сна...
Всё ходит он, всё пишет он
Им побиенных имена...*

*Всё кровь... А тут — покой кру-
гом!
Главу обитель вознесла,
Что тихий остров на мирском*

Многомятежном море зла...

*Принять бы схиму здесь... Лежать
Живым в гробу, а над тобой
Монахи будут возглашать:
«Раба Ивана упокой...»*

*Всё суета!.. И как видна
Она из гроба-то!.. А тут
Что в царстве будет? Вся страна
Взликует! Скажут: царь был
лют!*

*Измена встанет! Зашумят
Опять бояре, города...
Найдется царский брат иль сват,
Мой род зарежет... Что тогда?*

*И дух его, как ворон злой,
По всей Руси витать пошел
И ищет: где он, недруг мой?
Где смута? Где гнездо крамол?*

*Зовет на суд он города,
Живых и мертвых он зовет,
И, вновь для грозного суда
Готовый, мысль в душе кует, —*

Кует он мысль, как бы сплотить
Всю Русь в одно, чтоб ничего
Не смело в ней дышать и жить
Без изволения его...

А ночь меж тем над Русью шла...
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что царь замыслил в этот час?..

И, чуть звонят, народ — во храм,
Вопит, как жаждущий в степи:
«Когда ж, господь, конец бедам!»
И клир в ответ ему: «Терпи!»

Терпи!.. И вытерпела ты,
Святая Русь, что посылал
Тебе — господь — все тяготы
Насильств, и казней, и опал...

Тяжелый млат ковал тебя
В один народ, ковал века, —
Но веришь ты, что бог любя
Тебя карал, — и тем крепка!

И вот — теперь... «Что?» — спросил
Меня монашек у ворот.

«Нет, ничего!.. я говорил!..»
— «А знатный был, молва идет,

Наш монастырь-то в старину!..»
— «А упразднен-то он зачем?»
— «Да стало братья мало... Ну...
И оскудели житием!

Уж против прежнего — где нам!

—
И вдруг, как будто спохватясь: —
Да ты по службе тут аль сам?»
— «Сам, сам!» — «Ну, то-то, в
добрый час!..

1860

ПЕСНИ

У ворот монастыря
Пел слепец перед толпою,
Прямо в солнце взор вперя,
Взор, покрытый вечной тьмою.

Слеп рожден, весь век в нужде,
Пел он песнь одну и ту же,
Пел о Страшном он Суде,
Пел о Злом и Добром Муже.

Чужд живущему всему;

Только славя суд господний,
Населял свою он тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышал он во мгле
Вздохи, плач и скрежет зубный,
Огонь, текущий по земле,
И по небу голос трубный.

И напев его гудел
Далеко трубою медной,
И неволью вкруг робел
Стар и млад, богач и бедный.

Кончил старец; а народ
Всё вокруг стоит в молчанье;
Всех томит и всех гнетет
Мысль о страшном покаянье...

Только вдруг из кабака
Скоморох идет красивый.
Выбирая трепака
На гармонике визгливой;

Словно ожил вдруг народ,
Побежал за ним гурьбою...
Смех и пляски — в полный ход!
И слепец забыт толпою.

Возроптали старики:
«Эка дьявольская прелесть!
Сами лезут, дураки,
Змею огненному в челюсть!»

Слышит ропот их слепец:
— «Не судите, — молвит, — стро-
го!

Благ — небесный наш отец;
Смех и слезы — всё от бога!

От него — и скорбный стих,
От него — и стих веселый!
Тот спасен, кто любит их
В светлый час и в час тяжелый!

А кто любит их — мягка
В том душа и незлобива,
И к добру она чутка,
И растит его, как нива».

1860

ДВА БЕСА

В скиту давно забытом, в чаще
леса,
Укрылися от бури, в дождь, два
беса, —

Продрогшие, промокли от до-
ждя,
Они тряслись, зуб с зубом не сво-
дя.

Один был толст, коротенькие
ножки,
А головою — смесь вола и кошки;

Другой — высок, с собачьей голо-
вой,
И хвост крючком, сам тонкий и
худой.

Тот, как вломился, и присел у печ-
ки,
И с виду был смиреннее овечки;

Другой зато метался и ворчал
И в бешенстве зубами скрежетал.

«Ну уж житье! — ворчал он. —
Мокни, дрогни,
И всё одно, что завтра, что сегод-
ни!

Ждать мочи нет! Уж так подве-
дено,

Что, кажется, всё рухнуть бы
должно, —

Ан — держится! — Он плюнул от
досады. —

Работаешь, и нет тебе награды!»

Толстяк смотрел, прищуря левый
глаз,

Над бешеным товарищем смеясь,

И молвил: «Эх, вы, бесы нетерпе-
нья!

Такой ли век теперь и поколение,

Чтоб нам роптать? Я каждый
день тащу

Десяток душ — сам цел и не гру-
щу!

То ль было прежде? Вспомни
хоть, как секли

Святые нас! Здесь выпорют, а в
пекле

Еще потом подбавят, как при-
дешь!

И вспомнить-то — кидает в жар

и дрожь!

На этом месте, помню я, спасался
Блаженный. Я ль над ним не по-
старался!

Топил в болотах, по лесам
Дней по пяти кружил; являлся
сам,

То девицей являлся, то во звере —
Он аки столб неколебим был в ве-
ре!

Я наконец оставил. Заходить
Стал так к нему, чтобы погово-
рить,

Погреться. Он, бывало, тут чита-
ет,
А я в углу. И вот он начинает

Мне проповедь: не стыдно ли, о
бес,
Ты мечешься весь век свой, аки
пес,

Чтоб совратить людей с пути
блаженства!..

Ах, говорю я, ваше, мол, степен-
ство,

Чай знаете, я разве сам собой?
У каждого у нас начальник свой,

И видишь сам, хоть из моей же
хари,
Какая жизнь для подначальной
твари!

Да я б тебя не тронул и вовек, —
Ан спросят ведь: что, оный чело-
век

Сияет всё еще, свече подобно?
Да на спине и выпишут подробно,

Зачем еще сияет!.. Вот и знай,
И нынешний народ ты не ругай!

Где к кабаку лишь покажи дорогу,
Где подтолкни, а где подставь
лишь ногу —

И все твои!..» — «Эх, вы, — вскри-

чал другой, —
Рутина! Ветошь!.. Век бы только
свой

Вам преть вокруг купчих, чтоб их
скоромить
Иль дочек их с гусарами знако-
мить!

Не то уж нынче принято у нас:
Мы действуем на убежденья
масс,

Так их ведем, чтоб им ни пить, ни
кушать,
А без разбору только б рушить,
рушить!

В них разожги все страсти, раз-
дразни,
Все заповеди им переверни:

Пусть вместо «не убий» — «убий»
читают
(Седьмую уж и так не соблюдают!).

«Не пожелай» — десятая — пус-

кай
Напишут на скрижалях: «поже-
лай», —

Тут дело о принципах. Пусть их
сами
Работают, подтолкнутые нами!

Об нас же пусть помину нет! За-
чем!
Пусть думают, что нас и нет со-
всем,

Что мы — мечта, невежества со-
зданье,
Что нам и места нет среди миро-
зданья!

Пусть убедятся в этом... И тогда,
Тогда, любезный друг, придет чере-
да,

Мы явимся в своем природном ви-
де,
И скажем им: «Пожалуйста»...

Вы примете, читатель дорогой,
За выдумку всё сказанное мной, —

Напрасно! Видел всё и слышал это
Один семинарист. Он шел на ле-
то

Домой, к отцу, — но тут главней-
ше то —
Он, в сущности, не верил ни во
что

И — сапоги на палке — шел, меч-
тая,
Что будет светом целого он
края...

О братьях, сестрах — что и гово-
рить!
Одна беда — со стариком как
быть?

А старикашка у него чудесный,
Сердечный — но круг зренья очень
тесный,

Понятия давно былых веков:
Он верил крепко — даже и в бесов.

Так шел он, шел — вдруг туча на-
летела,

И по лесу завыло, загудело;

*Дождь хлынул, — как, по сча-
стию, глядит:*

*Тут, в двух шагах, забытый, ста-
рый скит, —*

*Он в келийку и за печь, следом
двое*

Бесов, и вам известно остальное.

*Что он их видел — он стоял на
том!*

*И поплатился ж, бедненький, по-
том!*

*Товарищам за долг почел от-
крыться.*

*А те — над ним смеяться и глум-
иться;*

*Проникла весть в учительский со-
вет,*

Составили особый комитет,

*Вошли к начальству с формен-
ным докладом —*

Что делать, мол, с подобным ре-

троградом,

Что вообще опасный прецедент,

И напоследок вышел документ,

Подписанный самим преосвящен-
ным:

«Считать его в рассудке повре-
жденным».

1876

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ

ЕМШАН[59]

*Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Всё обаянье воскрешает...*

*Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, батыри лихие.*

*И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!*

Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады!
Всё врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился;
Сырчан в донских залег мелях,
Отрок в горах кавказских скрылся.

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех
стран,
Владыка надо всем Кавказом, —

Скажи ему, чтоб бросил всё,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,

В благоухающие степи!

*Ему ты песен наших спой, —
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».*

*Отрок сидит в золотом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрас-
ных;
На золоте и серебре
Князей он чувствует подвластных.*

*Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отрок без
страха,
Что путь на Русь кругом от-
крыт,
Что нет уж больше Мономаха!*

*Отрок молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает, —
И пир идет, и хор рабов
Его что солнце величает.*

*Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен*

И их набегов молодецких, —

*Отрок угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его, велит
Своим послушливым кунакам.*

*И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,*

*За грудь схватился... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это зна-
чит?
Он, перед которым все дрожат, —
Пучок травы целуя, плачет!*

*И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул. — Смерть в краю
родном
Милей, чем слава на чужбине!»*

*Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрок с немногою дружиной.*

*Минуя гору за горой,
Всё ждет он — скоро ль степь
родная,
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.*

1874

В ГОРОДЦЕ В 1263 ГОДУ[60]

*Ночь на дворе и мороз.
Месяц-два радужных светлых вен-
ца вокруг него...
По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище
скорби и слез...*

*Тихо лампада пред образом Спаса
горит;
Тихо игумен пред ним на молитве
стоит;
Тихо бояре стоят по углам;
Тих и недвижим лежит, головой к
образам,
Князь Александр, черной схимой
покрыт...
Страшного часа все ждут: нет
надежды, уж нет!*

Слышится в келье порой лишь бо-
лящего бред.

Тихо лампада пред образом Спаса
горит...

Князь неподвижно во тьму, в бес-
предельность глядит...

Сон ли проходит пред ним, иль ви-
дений таинственных цепь —

Видит он: степь, беспредельная
бурая степь...

Войлок разостлан на выжженной
солнцем земле.

Видит: отец! смертный пот на
челе,

Весь изможден он, и бледен, и
слаб...

Шел из Орды он, как данник, как
раб...

В сердце, зная, сил не хватило
обиду стерпеть...

И простонал Александр: «Так и
мне умереть...»

Тихо лампада пред образом Спаса
горит...

Князь неподвижно во тьму, в бес-
предельность глядит...

Видит: шатер, дорогой, злато-
тканый шатер...

Трон золотой на пурпурный по-
ставлен ковер...

Хан восседает средь тысячи мурз
и князей...

Князь Михаил[61] перед ставкой
стоит у дверей...

Подняты копы над княжеской
светлой главой...

Молят бояре горячей мольбой...

«Не поклонюсь истуканам во-
век», — он твердит...

Миг — и повержен во прах он ле-
жит...

Топчут ногами и копыями колют
его...

Хан, изумленный, глядит из шат-
ра своего...

Князь отвернулся со стоном и,
очи закрыв,

«Я ж, — говорит, — поклонился
болванам, чрез огонь я прошел,
Жизнь я святому венцу предпо-
чел...

Но, — на Спасителя взор устре-
мив, —

Боже! ты знаешь — не ради себя
—

Многострадальный народ свой

лишь паче души возлюбя!..»

Слышат бояре и шепчут, крестясь:

«Грех твой, кормилец, на нас!»

Тихо лампада пред образом Спаса горит...

Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...

Снится ему Ярославов в Новгороде двор...

В шумной толпе и мятеж, и раздор...

Все собралися концы и шумят...

«Все постоем за святую Софию, — вопят, —

Дань ей несут от Угорской земли до Ганзы...

Немцам и шведам страшней нет грозы...

Сам ты водил нас, и Биргер твое
Помнит досель на лице, чай, копые!..

Рыцари, — памятен им пооттаивший лед!..

Конница словно как в море летит
кровяном!..

Бейте, колите, берите живьем
Лживый, коварный, пришельче-

ский род!..
Нам ли баскаков пустить
Грабитель казну, на праведж нас во-
дить?
Злата и серебра горы у нас в по-
гребях, —
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых,
татар!..»
И разлилася река, взволновался
пожар...
Князь приподнялся на ложе сво-
ем;
Очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом вы-
сокой души, —
Крикнул: «Эй вы, торгоши!
Бог на всю землю послал злую
мзду.
Вы ли одни не хотите его поко-
ряться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на
Русь — я себя не щажу,
Я лишь один на плечах их держу!..
Бремя нести — так всем миром
нести!
Дружно, что бор вековой, поды-
маться, расти,

*Веруя в чаянье лучших времен, —
Всё лишь вконец претерпевый —
спасен!..»*

*Тихо лампада пред образом Спаса
горит...*

*Князь неподвижно во тьму, в бес-
предельность глядит...*

*Тьма, что завеса, раздвинулась
вдруг перед ним...*

*Видит он: облитый словно лучом
золотым,*

Берег Невы, где разил он врага...

*Вдруг возникает там город... На-
родом кишат берега...*

*Флагами веют цветными кругом
корабли...*

*Гром раздаётся; корабль показал-
ся вдали...*

*Правит им кормчий с открытым
высоким челом...*

Кормчего все называют царем...

*Гроб с корабля поднимают, ко
храму несут,*

*Звон раздаётся, священные гимны
поют...*

*Крышу открыли... Царь что-то
толпе говорит...*

*Вот перед гробом земные поклоны творит...
Следом — все люди идут приложиться к мощам...
В гробе ж, — князь видит, — он сам...*

*Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижен лежит...
Словно как свет над его просиял головой —
Чудной лицо озарилось красой,
Тихо игумен к нему подошел и дрожащей рукой
Сердце ощупал его и чело —
И, зарыдав, возгласил: «Наше солнце зашло!»*

1875

У ГРОБА ГРОЗНОГО

*Средь царственных гробов в Архангельском соборе
На правом клиросе есть гроб. При гробе том
Стоишь невольно ты с задумчивым челом
И с боязливою пытливостью во*

взоре...

Тут Грозный сам лежит!.. Послед-
него суда,

Ты чуешь, что над ним судьба не
изрекала;

Что с гроба этого тяжелая опа-
ла

Еще не снята; что, быть может,
никогда

На свете пламенней души не появ-
лялось...

Она — с алчбой добра — весь век
во зле терзалась,

И внутренним огнем сгорел он...

До сих пор

Сведен итог его винам и преступ-
леньям;

Был спрос свидетелей; поставлен
приговор, —

Но нечто высшее всё медлит
утверждением,

Недоумения толпа еще полна,

И тайной облечен досель сей гроб
безмолвный...

Вот он!.. Иконы вокруг. Из узкого
окна

В собор, еще святых благоуханий
полный,

Косой вечерний луч на темный
гроб упал
Узорной полосой в колеблющемся
дыме...
О, если б он предстал — теперь —
в загробной схиме,
И сам, как некогда, народу речь
держал:
«Я царство создавал — и создал, и
доньне, —
Сказал бы он, — оно стоит —
четвертый век...
Судите тут меня. В паденьях и
гордыне
Ответ мой — господу: пред
ним — я человек.
Пред вами — царь! Кто ж мог
мне помогать?.. Потомки
Развенчанных князей, которым
резал глаз
Блеск царского венца, а старых
прав обломки
Дороже были клятв и совести?..
Держась
За них, и Новгород: что он в кня-
зьях, мол, волен!
К Литве, когда Москвой стеснен
иль недоволен!

А век тот был, когда венециан-
ский яд,
Незримый как чума, прокрадывал-
ся всюду:
В письмо, в причастие, ко брати-
не и к блюду...
Княгиня — мать моя — как умер-
ла? Молчат
Княжата Шуйские... Где Бель-
ский? Рать собирает?
Орудует в Крыму и хана подыма-
ет!
Под Серпуховом кто безбожного
навел
На своего царя и указал дорогу?
Мстиславский? Каешься?.. А Курб-
ский? Он ушел!
«Не мыслю на удел», — клянется
мне и богу,
А пишется в Литве, с панами не
таясь,
В облыжных грамотах как «Яро-
славский князь»!
Клевещет — на кого ж? На самоё
царицу —
Ту чистую, как свет небесный, го-
лубицу!..
Всё против!.. Что же я на цар-

стве?.. Всем чужой?..
Идти ль мне с посохом скитать-
ся в край из края?
Псарей ли возвести в боярство —
и покой
Купить, им мерзости творить не
возбраняя,
И ненавистью к ним всеобщей их
связать
С своей особою?.. Ответ кто ж
должен дать
За мерзость их, за кровь?.. Поки-
нутый, болящий,
Аз — перед господом — аз — аки
пес смердящий
В нечестьи и грехе!..

Но царь пребыл царем.
Навеки утвердил в народе он сво-
ем,
Что пред лицом царя, пред прав-
дою державной
Потомок Рюрика, боярин,
смерд — все равны,
Все — сироты мои...
И царство создалось!
Но моря я хотел! Нам нужно на-
саждение

Наук, ремесл, искусств, всё с боя
брать пришлось!
Весь Запад завопил; опасно просве-
щенье
Пустить в Московию! Сам кесарь
взор возвел
Тревожно на небо: двуглавый наш
орел
Уже там виден стал, и занавесь
упала,
И царство новое пред их очами
встало...

Оно не прихотью явилось на свет.
В нем не одной Руси спасения за-
вет:
В нем церкви истинной хоругвь, и
меч, и сила!
Единоверных скорбь, чтоб быть
ему, молила —
И — бысть!.. Мой дед, отец труди-
лися над ним,
Я ж утвердил навек — хоть сам
раздавлен им...
Вы всё не поняли?.. Кто ж понял?
Только эти,
Что в ужасе, как жить без госу-
дарства, шли

Во дни великих смут, с крестом,
со всей земли
Освободят Москву... Моих кня-
зей же дети
Вели постыдный торг с ворами и
Литвой,
За лишние права им жертвуя
Москвой!..
Да! Люди средние и меньшие, води-
мы
Лишь верою, что бог им учредил
царя
В исход от тяжких бед, что царь,
лишь Им судимый,
И зрит лишь на Него, народу суд
творя, —
Ту веру дал им я, сам божья от-
кровенья
О ней исполняя в дни слез и со-
крушенья...
И сей священный огонь доныне не
угас:
Навеки духом Русь с царем своим
слилась!
Да! Царство ваше — труд, свер-
шенный Иоанном,
Труд, выстраданный им в бореньи
неустанном.

*И памятуйте вы: всё то, что
строил он, —
Он строил на века! Где — взвел до
половины,
Где — указал пути... И труд был
довершен
Уж подвигом Петра, умом Екате-
рины
И вашим веком...*

*Да! Мой день еще придет!
Услышится, как взвыл испуган-
ный народ,
Когда возвещена царя была кончи-
на,
И сей народный вой над гробом
властелина —
Я верую — в веках вотще не пропа-
дет,
И будет громче он, чем этот шип
подземный
Боярской клеветы и злобы ино-
земной...»*

1887

**СТРЕЛЕЦКОЕ СКАЗАНИЕ О ЦАРЕВНЕ
СОФЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ**

Как за чаркой, за блинами

Потешались молодцы,
Над потешными полками
Похвалялися стрельцы!

«Где уж вам, преображенцы
Да семеновцы, где вам,
Мелочь, божии младенцы,
Нам перечить, старикам!

«С слободой своей немецкой
Да с своим царем Петром
Мы, мол, весь приказ стрелецкий,
Всех в бараний рог согнем!

Всех — и самую царевну...»
Нет, уж тут, голубчик, врешь!
Нашу Софью Алексевну
Обойдешь, да не возьмешь!

Даром, что родилась девкой, —
Да иной раз так проймет
Молодецкою издевкой,
И как в духе, да взмахнет

Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умер, право б, заедино,
Если б молвила: «Умри!..»

Грех бывал и между нами,
Как о вере вышел спор,
И ходили с чернецами
В царский Кремль мы на собор, —

Бунтовское было дело!
Да ведь сладила! Как раз
Словом вышибить умела
Дурость всякую из нас!

Будем помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы,
Впереди несут иконы
Со свечами чернецы...

Не сказали б, так узнала б
Вся Москва их! Старики!
Не наотмашь, низко на лоб
Надевали клобуки;

Не развалисты в походе,
А согбенные идут;
Не дерут, разиня глотки,
Тихим голосом поют;

Лица постные, худые,
Веры точно что столпы!..
Уж не толстые, хмельные

Никоньянские попы!..

*Умилился люд московский,
Повалил за ними, прет,
И на площади Кремлевской,
Что волна, забил народ.*

*А уж там, во Грановитой,
Все нас ждут: царевны, двор,
Патриарх, митрополиты,
Освященный весь собор.*

*Старцы свечи возжигали,
И Евангелье с крестом
На амвоны полагали,
И царевне бьют челом;*

*«Благоверная царевна!
Солнце Русския земли!
Свет София Алексевна,
Государыня! Вели,*

*Чтоб у нас быть рассмотренью
С патриархом о делах
По церковному строенью
И о Никоновых лжах!*

Процветала церковь наша,

Аки райский крин, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшего вина!

Утверждалася на книгах,
Их же имем от мужей,
Проводивших жизнь в веригах
И в умертвии страстей;

Их же чтением спасались
Благоверные цари,
И цвели, и украшались
По Руси монастыри;

Но реченный Никон волком
Вторгся в оный вертоград
И своим безумным толком
Ниспроверг церковный лад!

Аки римская блудница
На драконе восседа,
Рек: «Несть бога! — кровопийца.

—
Аз есмь бог, и вся моя!»

И святые книги рушил...
Ну, и начал всё мутить...»
Патриарх их слушал, слушал,

Подымался говорить,

*Да куда!.. Из-за владыки
Ну выскакивать попы...
Брань пошла, мятеж и крики!
На дворе режут толпы,*

*Вкруг царевен — натерпелись
Уж бедняжки! — мужики,
Чернецы орут, зарделись,
Поскидали клобуки,*

*Все-то с взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькают над главами
Палки, книги и кресты!..*

*Ждет царица не дождется,
Чтоб затихли; то вперед,
Словно лебедь, к ним рванется,
Образумливать учнет.*

*«Замутили царством бабы, —
Голосят кругом, — ахти!
Государыням пора бы
В монастырь давно идти!»*

Слыша то, и глянув гневно,

*И отдвинув трон золотой,
Вся зардевшись, царевна
Удалилась в свой покой.*

*С барабанным вышли боем
Из Кремля мы — вдруг приказ:
Чтоб к царевниным покоем
Выслать выборных тотчас.*

*Ночью, с фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Так-то ласково-любовно
Обратила к нам лицо...*

*Видел тут ее я близко:
Белый с золотом покров,
А на лбу-то — низко-низко —
Вязь из крупных жемчугов...*

*«Если мы вам неуютны, —
Говорит, — весь царский дом,
Мы объявим всенародно,
Что из царства вон уйдем!*

*У волохов иль цесарцев —
Где-нибудь найдем приют...
Вы сменяли нас на старцев,
Давних сеятелей смут, —*

Пусть на них падет и царство!
Но в вину не ставьте нам,
Коль соседи государство
Всё растащут по клочкам,

Коль поляки с ханом крымским
Русь поделят меж собой:
Поклоняйтесь папам римским,
Басурманьтесь с татарвой!

Мы в церквах положим вклады
И поклонимся мощам,
Да и с богом!..» Всей громадой
Пали мы к ее ногам:

«Что ты, матушка, какое
Слово молвишь, — говорим, —
Слово — самое пустое!
Нешто мы того хотим!

Знаем мы, без государей
Каковы дела пойдут!
Заедят народ бояре
Да в латинство поведут!..

Всё те старцы-лиходеи!
Чтобы пусто было им!
Нешто мы архиереи?

Что мы в книгах разглядим?

Ты уж смилуйся, пожалуй,
Хоть жалеючи земли!..
А за грубость — нас до малу
Жестоко казнить вели!»

Ждем: что скажет?.. И сказала:
«Встаньте! Верных россиян
Вижу в вас! Я так и знала!..
Бойся ж нас ты, крымский хан!..

Пир готовь, а в гости будем!..
Мы — «ура!» на весь народ,
А она начальным людям
«Выйти, — крикнула, — вперед!»

И велит дьякам приказным
Награждать кого казной,
А кого именем разным,
Соболями аль землей,

А кого боярским саном.
«А для прочих молодцов, —
Говорит, — три дня быть пьяным
С наших царских погребов!..»

И была ж гульба в столице!

*Будет помнить царский град!..
Чернецы ж сидят в темнице
И сидят, стрельцов корят:*

*«Так-то веру отстояли
Вы, стрелецкие полки!
Прогуляли, променяли
На царевы кабаки!»*

*Ладно, братцы! Щи вам с кашей!
Что, брат, скажешь? Хороша?..
Лучше нет царевны нашей!
Вот, как есть, совсем душа!»*

1867

КТО ОН?

*Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.*

*Только вот — рыбачья хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый
И бранился, и вздыхал.*

*Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй,*

дед!» —
А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Всё ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие...
Жди да у моря сиди.

Вам ведь всё ничто, боярам,
А челнок для рыбака
То ж, что бабе веретёна
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут
утром,
Кто их знает — ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, в лес бы... Ведь греш-
но!..
Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..

Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото, —
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето,

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладугу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай».

«На Петрово! Эко слово
Молвил! — думает рыбак. —
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

1841, <1857>

СКАЗАНИЕ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ [62] В ПРЕДАНИЯХ СЕВЕРНОГО КРАЯ

*Когда нас еще на свете не было,
Да и деды дедов наших еще не жи-
ли,
И людей на свете была малость
мальская,
Цари в ту пору земли себе делили;
В ту ли пору было стародавнюю?
Наше место было не заведомо
Никаким царем, ни боярином,
Ни лихим человеком удалым;
А в лесу-то зверя разводилося:
Что ни куст — лисица со кун-
цею,
Что ни пень — медведь со волчи-
щем;
А и рыбы в реках наплодилось,
Хоть рукой имай аль корцом чер-
пай.*

*Полюбилось наше место вольное,
Полюбилось оно царю свейскому;
Заприметил тоже Пётра, рус-
ский царь,
Что ручьи у нас глубокие,
Реки долгие, широкие,
А морям — и нет конца!*

Снарядился сам на поиски
На своей ли лодке изукрашенной,
Серебром ли пораскладенной,
Золотым рулем приправленной,
Сам с бояры и вельможами.
Царь же свейский заспесивился,
Не поехал сам, послал начальни-
ков
Во полон забрать всю воду с ры-
бою
И леса со зверем всяким,
Чтоб владети ему повеки.

Как по морю, морю Ладожску
Едет-катит Пётра-царь на поис-
ки,
Сам сидит в корме на лодочке,
Золотым рулем поворачивает, —
Ан навстречу супостат ему,
В лодках писаных, узорчатых,
С шелковой покрывкой алою.

Не ясен сокол налетал на лебедь
белую,
И не лебедь смутил воду синюю:
То летят, воду рябят лодки свей-
ские
На цареву лодку крепкую,

С шумом, свистом прорываючись,
В мелкий черень искрошить хо-
тят.

Не стерпел тут Пётра, понасу-
пился,

Очи ясные порассветились,
И румянец стал во всю щеку —
Да как крикнет он вельмо-
жам-боярам:

«Поубавим спеси царю свейскому!
Силой, что ль, сгубить его на-
чальников?»

Аль пустить с белым валом пучи-
нистым?»

И промолвили вельможи-бояры:
«Не по что нам, царь, греха брать
на душу,

Души грешные их, некрещенные
Всё же души человеческие —
Пусть умрут от ветра-сивера,
От валов умрут рассыпчатых!»

Как промолвили вельможи-бояры.
От ремня, с груди, отвязывал,
Царь взял в руки золотой рожок,
Протрубил на все четыре сторо-
ны...

Разносился голос по темным во-
дам —
Становилась вдруг темень бо-
жия,
Собирались ветры в тучу густую,
Расходились воды ярые:
Вал вала встает-подталкивает,
Ветры гребни им подтягивают,
Налетел ветер на лодки свейские,
Посрывал покровы алые,
Побросал далеко по морю;
Нагнала тут их вода ярая:
Вал живой горой идет-тянется,
Белым гребнем отливается.
Подошел тут первый вал: он при-
поднял,
Стоймя приподнял он лодки свей-
ские;
Налетел второй вал: принакре-
нил их;
А и третий — он уж тут как
тут:
Захлестнул навек начальников...
Расступилась вода надвое,
Ушли камнем в топь глубокую
Души грешные, некрещенные...

ЛОМОНОСОВ

*В печали невская столица;
В церквах унылый перезвон;
Все в черном: царский дом, царица,
Синод, сенат. Со всех сторон*

*Чины от армии и флота
Спешат в собор; войска, народ —
Во всех испуг, у всех забота:
Великий в мире недочет!*

*Иерей, смотря на лик безмолв-
ный,
Но и во гробе, как живой,
Несокрушимой мысли полный, —
От слез не властен над собой.*

*«О чем мы плачем? Что мы сто-
нем?
Что, россияне, мы творим?
Петра Великого хороним,
И что хороним в нем и с ним!..*

*Ведь в бытие он нас, великий,
Воздвиг из тьмы небытия!..»
И вопли без конца и клики:
«Теперь что ж будет — без тебя!»*

*В честь императора раздался
Последний пушечный салют, —
Свершилось, — но в сердцах
остался
Вопрос: чему же быть?.. Все
ждут...*

*Как будто после бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мысляю могучей,
Как молнией, избраждена.*

*Везде глубокие основы
И жизни новые пути —
И нет вождя! И мрак суровый,
И неизвестность впереди!*

*Один он — кормчий был, кото-
рый,
Куда вести корабль свой, знал,
Один уверенные взоры
Вдаль, в беспредельность устрем-
лял —*

*От Зундских вод до Гималаи,
С Невы — на Тихий океан...
Иль это всё — мечта пустая
И честолубия обман?*

И всё, что насаждал он, сгинет?
Труды, ученье, кровь и пот —
Пройдут вотще, и слава минет,
И в прежний мрак всё отойдет?

А главари меж тем престолом
Уже играть пошли, служба
Своим лишь видам и крамолам
И царским делом небрежа!..

Лишь пришлецы, которых знанье
Царь покупал «на семена»,
Торжествовали в упованье,
Что их отныне вся страна!

И, пробираясь ловко к цели,
Они над Русскою землей
На ступенях престола сели,
Как над забранною страной;

И, средь смятения и страха,
Средь казней, пыток и опал,
Уж руку к бармам Мономаха
Курляндский конюх простирал.

Но не вотще от бога гений
Ниспосылается в народ.
Опять к нему своих велений

Истолкователя он шлет.

*В стране угрюмой и суровой,
Где, отливаясь на снегах,
По долгим зимам блеск багровый
Колышется на небесах;*

*Где горы льдов вздымают волны,
Где всё — лесов и неба ширь —
Величьем дел господних полны,
Встает избранный богатырь:*

*Велик, могуч, как та природа,
Сам — как одно из тех чудес,
Встает для русского народа
Желанным посланцем с небес...*

*О дивный муж!.. С челом откры-
тым,
С орлиным взглядом, как глядел
На оном море Ледовитом
На чудеса господних дел,*

*Наукой осиян и рвеньем
К величью родины горя,
Явился ты — осуществленьем
Мечты великого царя!*

*Твоею ревностью согретый,
Очнулся русский дух с тобой:
Ты лучших дел Елизаветы
Был животворною душой,*

*Ты дал певца Екатерине,
Всецело жил в ее орлах,
И отблеск твой горит и ныне
На лучших русских именах!..*

1865, 1882

МЕНУЭТ

(Рассказ старого бригадира)

*Да-с, видал я менуэтец —
О-го-го!.. Посылан был
В Петербург я раз — пакетец
К государыне возил...*

*Ну, дворец — само собою
Уж Армидины сады!
И гирляндю цветною
Кольхаются ряды.*

*Только спросишь: «В этой паре
Кто, скажите?» — назовут —
И стоишь ты как в угаре!
Вместо музыки-то тут*

*Взрывы слышишь, бой трескучий,
Пушки залпами палят,
И от брандеров под тучи
Флоты целые летят!*

*Спросишь, например: «Кто это?»
— «Граф Орлов-Чесменский». —
«Он?..
Ну-с, а там?» — «Суворов». — «Све-
та
Преставленье! Чисто сон!*

*А с самой — позвольте — кто
же?»
— «Князь Таврический», — горит
В бриллиантах весь и — боже! —
Что за поступь! Что за вид!*

*Скажешь: духи бурь и грома,
Потрясающие мир,
Все в урочный час здесь дома
Собираются на пир.*

*И, вступая в дом к царице,
Волшебством каким-то тут
Вдруг изящной вереницей
Кавалеров предстают,*

*Перед ней склоняют выи,
А она лишь, как живой
Образ, так сказать, России,
И видна над всей толпой.*

<1873>

СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДЕ

*Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая вьюга
Заливается в пустыне...
По безлюдному простору,
Без ночлега, без привала,
Точно сонм теней, проходят
Славной армии остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой, —
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, вразброд взбираясь
На подъем оледенелый...
Где пройдут — по всей дороге
Пушки брошены, лафеты;
Снег заносит трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей
Из святых московских храмов...
Посреди разбитой рати*

*Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да побе-
дам...*

*В пошевнях на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице
С золотыми куполами,
Где, казалось, совершится
В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,
Сокрушителя империй...*

*Где ж вы, пышные мечтанья!
Гордый замысел!.. Надежды
И глубокие расчеты
Прахом стали, и упорно
Ищет он всему разгадки,
Где и в чем его ошибка?
Всё напрасно!..
И поник он, и, в дремоте,
Видит, как в приемном зале —
Незадолго до похода —
В Тюльери стоит он, гневный;
Венценосцев всей Европы
Перед ним послы: все внемяют
С трепетом его угрозам...*

*Лишь один стоит посланник,
Не склонив покорно взгляда,
С затаенною улыбкой...
И, всплывши, император:
«Князь, вы видите, — воскликнул,*

—
*Мне никто во всей Европе
Не дерзает поперечить:
Император ваш — на что же
Он надеется, на что же?»*

«Государь! — в ответ посланник,

—
*Взять в расчет вы позабыли,
Что за русским государем
Русский весь стоит народ!»*

*Он тогда расхохотался,
А теперь — теперь он вздрогнул...
И глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарева пожаров...*

*Вспомнил он дворец Петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город,*

Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира —
Мира нет!.. И днем и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева — их миллионы
Там в лесах... «Так вот что зна-
чит
«Весь народ!..»»
И безнадежно
Вдаль он взоры устремляет:
Что-то грозное таится
Там, за синими лесами,
В необъятной этой дали...

1876

М. Н. КАТКОВУ

1

Мы — москвичи! Что делать, ми-
лый друг!

Кинь нас судьба на север иль на юг

—
У нас везде, со всей своею славой,
В душе — Москва и Кремль золо-
тоглавый;

В нас заповедь великая жива,
И вера в нас досель не извелася,
На коих древле создалась Москва

И чрез нее — Россия создастся.
Там у гробов иерархов и царей,
Наметивших великие ей цели,
Они видней, и ты поймешь ясней,
Куда идти, и как мы шли доселе,
И отчего во дни народных бед,
И внешних бурь, и всякого шата-
нья,
Для всей Руси как дедовский завет
Родной Москвы звучало увещанье.
Храни ж его, отцов завет святой,
Как Ермоген в цепях, в тюрьме
сырой, —
И в жизни путь всегда увидишь
правый,
И посрамишь всяк умысел лихой,
Всяк вражий ков и всяк соблазн
лукавый.

1867

2

«Что может миру дать Восток?
Гольши, — а о насущном хлебе
С презреньем умствуует пророк,
Душой витающий на небе!..» —
Так гордый римлянин судил
И — пал пред рубищем мессии...
Не то же ль искони твердил

*И гордый Запад о России?
Она же верует, что несть
Спасенья в пурпуре и злате,
А в тех немногих, в коих есть
Еще остаток благодати...*

Июль 1887

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

*Народы, племена, их гений, их
судьбы
Стоят перед тобой, своей идее
полны,
Как вдруг застывшие в разбеге
бурном волны,
Как в самый жаркий миг отчаян-
ной борьбы
Окаменевшие атлеты...
Ты видишь их насквозь, их тайну
ты постиг,
И ясен для тебя и настоящий
миг,
И тайные грядущего обеты...
Но грустно зрячему бродить
между слепых,
«Поймите лишь, — твердит, — и
будет вам прозренье!
Поймите лишь, каких носители
вы сил, —*

*И путь осветится, и все падут со-
мненья,
И дастся вам само, что жребий
вам судил!»*

<1873>

ЗАВЕТ СТАРИНЫ

*Снилось мне: по всей России
Светлый праздник — древний
храм,
Звон, служенье литургии,
Блеск свечей и фимиам, —*

*На амвоне ж, в фимиаме,
Точно в облаке, стоит
Старцев сонм и нам, во храме
Преклоненным, говорит:*

*«Труден в мире, Русь родная,
Был твой путь; но дни пришли —
И, в свой новый век вступаая,
Ты у господа моли,*

*Чтоб в сынах твоих свободных
Коренилось и росло
То, что в годы бед народных,
Осенив тебя, спасло;*

Чтобы ты была готова —
Сердце чисто, дух велик —
Стать на судище Христово
Всем народом каждый миг;

Чтоб, в вождях своих сияя
Сил духовных полнотой,
Богоносица святая,
Мир вела ты за собой

В свет — к свободе бесконечной
Из-под рабства суеты,
На исканье правды вечной
И душевной красоты...»

<1878>

СУД ПРЕДКОВ

Посвящается К. К. Случевскому
«*Pauvre feuille dessechee,*

De ta tige detachee,
Ou vas-tu?» — «Je n'en sais rien...
Je vais oil le vent me mene...»
Arnault[63]

«Попы увели народ в унию, попы и на-
зад приведут... Так и наука...»
(Из одного разговора)

К кончине близок князь Андрей.
Он причастился. Слабый свет
Лишь тонких нескольких лучен
Прорвался в темный кабинет.

Пред умирающим сидит
На креслах сын. Примчался с вод,
Отцом был выписан. Глядит
И думает: «Ну, что же?.. Вот

Два века тут лицом к лицу!
Какая ж между ними связь?
Давно душой я чужд отцу,
Давно всем чужд мне старый
князь!

Во Франции — легитимист,
Здесь — недовольный камергер,
Спирит, ханжа и пиетист
И *bel'esprit a la*[64] Вольтер;

Как совмещалось это в нем —
Бог весть!.. Но он себя считал
Какой-то истины столпом.
Какой — и сам не понимал!»

В то ж время думал старый

князь:

«Да, мы уходим!.. Да, огни
Все друг за другом гаснут!.. Грязь
Встает, идет... tout est fini...[65]

И тот изящный внешний блеск,
И грация, и ум, и вкус,
Et cet esprit chevaleresque!..[66]
Вот с сыном даже расхожусь!

Он — фантазер! Стоял горой
За «эти меры» — дождался,
Да между небом и землей
Повис!.. И всё не унялся —

Опоры ищет — да их нет!..»
Но вдруг старик раскрыл глаза,
Какой-то новой мысли свет
Блеснул в лице — он поднялся

И «Serge, — промолвил, — обещаю

—
Положим, уж каприз такой, —
Когда умру, приди, читай
Псалтырь ты в церкви надо мной.

Как рассказать тебе! Хоть ночь!
Вот видишь, я ведь тоже был...»

*Но стало старику невмочь,
И он в постель упал без сил —*

*Да и навеки замолчал!
И через миг в дому, крестясь,
В испуге каждый повторял
(Хоть ждали все): «Скончался
князь!»*

2

*И вот в соседний монастырь
Свезен он с должным торже-
ством,
И сын идет читать псалтырь
В старинной церкви над отцом.*

*Он пренебрег бы, может быть,
Но поднялся кругом уж толк,
Да кто-то вздумал подтрунить,*

*—
Выходит: тут уж чести долг!*

*В загробный мир, ни в мир чертей
Конечно уж не верил он...
Но — мрак, мерцание свечей,
И лики строгие икон,*

И храм, весь полный старины,

Где всё о предках говорит,
Где все они схоронены,
Где пол из их надгробных плит,

Отец, вступающий в их круг
Теперь же, как пришлец домой, —
И в этом царстве мертвых вдруг
Один лишь он стоит живой...

И князь внимательней глядит
Во мрак по нишам и углам...
Вон от хоругвей тень дрожит
До самых сводов по стенам...

Вон место княжеское, где
Под балдахином, с их гербом,
От предка, павшего в Орде,
Преемственно, сын за отцом,

Стоял старейший в роде... Был
Когда-то княжеский престол
На этом месте... Князь открыл
Псалтырь, псалом иль два прочел,

А мысль идет сама собой:
«Всей этой древности — князей,
Когда-то споривших с Москвой,
Потом служивших верно ей,

*Всех этих жизней — я итог!
Со всем народом, вся семья,
Все жили, как велел им бог,
Росли, как бор сплошной... А я?*

*Что я? Отпавший лист для них...
А мог ли не отпасть?.. Вопрос!
Теперь бы на земле таких
Отпавших листьев набралось*

*На добрый остров! Всех племен
И всех народов!.. Человек
Повсюду рвется из пелен,
Идем, куда ведет нас век...»*

*Читает князь, а мысль опять:
«Но были ж и у них умы...
Сумели ж из клочков создать
Они — империю!.. А мы?..*

*Что начинаем мы собой?..
Бедняжка, сорванный листок,
В разлуке с веткою родной
Куда летишь?..» — И князь не мог*

*Чтоб не вздохнуть... Невольно
стал
Читать всё тише... Вот петух*

Пропел в деревне... Князь устал,
Он опустился в кресла. Вдруг

Он слышит шорох, легкий шум,
Как бы пронесся ветерок, —
Князь, этот здравый, бодрый ум,
Взглянул — и уждохнуть не мог...

Как будто на туман иль дым
Фонарь волшебный наведен —
Полупрозрачные — пред ним
Толпа людей — мужей и жен.

Детей и старцев... Впереди
В камзолах шитых, в париках,
Звезда и лента на груди,
А дамы с мушкой на щеках...

За стариками в париках
Другие были старики,
В боярских шапках, в бородах,
Виднелись шлемы, клобуки...

Был на одних наряд свежей,
На ком давно уж полинял,
Чем дальше — то тускней, тем-
ней,
И лишь металл один сверкал...

И вот, против амвона, вдруг
Все разодвинулись — сидит
Под балдахином витязь... Вкруг
Как будто судий сонм стоит...

Свет прямо падает на них...
На витязе — венец. Все ждут...
Торжественное что-то... Миг —
И двое, видит князь, ведут

Его отца!.. Знакомый фрак
И камергерский ключ... Да! он!
Что ж это?.. Судят?.. Судят?..
Так!
Отец поник, совсем смущен...

Суд предков — за душу свою
Ответишь богу, мол, а нам
Поведай, как служил царю,
Хулы не нажил ли отцам...

Никак читают приговор?..
Старик шатнулся и закрыл
Лицо руками... К сыну взор,
К нему, с мольбою обратил,

Зовет его, и князь спешит
На зов отца, вскочил... Но вмиг

*Исчезло всё... В гробу лежит,
Сквозясь чрез кисею, старик...*

*Пылают свечи... Мрак кругом
В мерцаньи их как бы дрожит...
Вот Спас в окладе золотом
В возглавье гроба... Князь глядит*

*И, как случилось, посеичас
Не помнит он: сама тогда
Рука невольно поднялась,
И он — перекрестился!.. Да,*

*Перекрестился в первый раз
По многих летах... «Это сон», —
Он повторял, но мысль неслась
Туда, в ту глубину времен,*

*Что вдруг раскрылась перед ним
Уже не мертвой пустотой,
А чем-то целым и живым —
Какой-то силой роковой,*

*Которой всё уже давно,
Что нас волнует и крушит»
Разрешено, умирено...
«Ах, сон всё это!» — князь твер-*

дит...

3

Но сон иль нет — не в том вопрос;
А только после похорон
Уехать тотчас не пришлось
В чужие край князю. Он

Занялся склепом. Много в нем
Затеял переделок. Крест
Велел позолотить. Потом
Опять замедлился отъезд:

Стал очищать он старый дом,
Открыл, что это ведь музей!
Сокровища нашлись в нем
Ведь от времен еще царей!

И кипы грамот в кладовых,
И писем целая гора!
Да ведь какие? Между них —
Екатерины и Петра!

Ну как же их не разобрать!
И принялся читать их князь,
Меж ними связь восстанавливать,
С историей вводить их в связь...

Понадобилось книг — и год
За годом время в вечность мчит,
—

Один, все ночи напролет,
Зарывшись в книги, он сидит

И пишет рода своего
Историю... И чудно всем:
Совсем нельзя узнать его!
Другой стал человек совсем!

Россия стала для него
Святыней, избранной страной;
Ее началам торжество
Пророчит в жизни мировой.

«Не могут-де ее понять;
Всё точку зрения берут
На мир из Рима! Надо взять
Из Византии — и поймут!..»

Такое свойство, впрочем, есть
В истории российской: тот,
Кто вздумал за нее засесть, —
Пиши пропал: с ума сойдет!

Один профессор — он в Москве
Средь наших умственных светил

*Стоял едва ль не во главе —
Серьезно это говорил.*

1880

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕЙ ШЕКСПИРА

*Преданья Севера изображают бо-
га
Седящим высоко над областью
громов:
Спокойный, видит он из светлого
чертога
И землю, и моря, движенье обла-
ков,
Полет воздушный птиц, могучий
ход китов
И быстрый лани бег; он взглядом
проникает,
Как кипит медь и золото в го-
рах,
Как дуб растет, как травка про-
зябает,
Как в человеческих сердцах
Родится мысль, растет и созрева-
ет...
Таков и ты, Шекспир!*

Как северный Один,
На человечество с заоблачных
вершин
Взирал ты! Знал его — и у корми-
ла власти,
В лохмотьях нищего, в пороках,
во вражде;
Но, кистью смелую его рисуя
страсти,
Давал угадывать везде
Высокий идеал, который пред то-
бою
В величьи божеском сиял,
И темный мир людей, с их злобой
и враждою,
Как солнце бурную пучину, оза-
рял...

И триста лет прошло — и этот
идеал
Везде теперь родной для всех на-
родов стал.
С запасом всех личин, костюмов,
декораций,
С толпой царей, принцесс, шутов,
и фей, и граций,
По шумным ярмонкам, среди го-
родов и сел —

Ты триумфатором по всей земле
прошел:
Везде к тебе толпа восторженно
стремилась,
И за тобой, как за орлом,
Глубоко в небо уносилась,
И с этой высоты на мир глядеть
училась
С боязни полным торжеством!

Счастлив, счастлив народ, кото-
рого ты сын,
Чья мощь, чей смелый дух твой
воспитали гений!
Как горд он в этот день, под гул
земных хвалений,
Несущихся к тебе, искусства испо-
лин!
Но в дни, когда ты цвел, и смело и
свободно
Британский флаг вступал уж в
чуждые моря,
Ты смутно лишь слыхал о России
холодной,
Великолепии московского царя,
Боярах в золотой одежде, свето-
зарных
Палатах, где стоит слоновой ко-

сти трон
И восседает сам владыка стран
полярных,
Безмолвием и славой окружен...

Товарищ сильному быть может
только сильный!
Изнеженных племен искусство
чуждо нам!
Ты, строгий сердцевед, ты, исти-
ной обильный,
Как свой ты на Руси пришелся по
сердцам!
По русским городам, по сценам
полудиким
Рукоплескания не попусту гре-
мят
Твоим созданиям великим,
И музы русские под сень твою спе-
шат!
Ты наш — по ширине могучего
размаха,
Ты наш затем, что мы пред прав-
дой не дрожим,
И смотрим в пропасти без стра-
ха,
И вдаль уверенно глядим.

1864

КРЫЛОВ

Когда стою в толпе средь город-
ского сада
Пред этим образом, из бронзы
отлитым,
И, к нам склонившись, и к малым,
и к большим,
С улыбкой доброю, с приветливо-
стью взгляда,
Он точно, с старческой неспешно-
стью речей,
Рассказывает нам, с своих высо-
ких кресел,
Про нравы странные и глупости
зверей,
И все смеются вокруг, и сам он ти-
хо-весел, —
Мне часто кажется, что вот —
толпа уйдет,
И ласковый старик впадет сейчас
же в думу,
Улыбка кроткая с лица его спорх-
нет
Вслед умолкающему шуму,
И лоб наморщится, и, покачав
главой,
Проводит взглядом нас он стро-
гим, и с тоской

Промолвит: «Все-то вы, как по-
смотрю я, дети!
Вот — побасенками старик потеш-
шил вас,
Вы посмеялись и прочь пошли
смеясь,
Того не угадав, как побасенки эти
Достались старику, и как не раз
пришлось
Ему, слагая их, смеяться — но
сквозь слез,
Уж жало испытая ехидны ядови-
той,
И когти всяческих, больших и ма-
лых, птиц,
И язвы на пальцах от лисиц,
И на спине своей ослиное копыто...
И то, что в басенке является мо-
ей
Как шутка, — от того во времена
былые
Вся, может, плакала Россия,
Да плачет, может быть, еще и до
сих дней!»

1868

КАРАМЗИН

Посв. Мих. Петр. Погодину

Вхожу ли в старый Кремль, отку-
да глаз привольно
Покоится на всей Москве перво-
престольной,
В соборы ль древние с гробницами
царей,
Первосвятителей; когда кругом
читаю
На деках их имена, и возле их вни-
маю
Молитвы шепоту притекших к
ним людей, —
А там иконостас, и пресвятые
лики,
И место царское, и патриарший
трон;
А между тем гудит, гудит Иван
Великий,
Как бы из глубины веков идущий
звон, —
Благоговением душа моя объята,
И всё мне говорит: «Сие есть ме-
сто свято!
Смотри: когда кругом лишь бор
густой шумел,
А на горе сиял лишь храм святого
Спаса
Да княжский теремок, где бедный

князь сидел, —
Беседа вещая таинственно велася
Здесь меж святителем и князем.
Здесь его,
Как древний Самуил, благословил
владыка
На собрание народа своего —
Святителя завет исполнился ве-
ликой!
Помалу собралась вокруг белого
Кремля,
Как под надежный щит, вся Рус-
ская земля,
И каждый град ее свою здесь цер-
ковь ставил.
И высилась Москва! И Чингисха-
нов род,
Кончаясь, Азию в наследье ей
оставил,
А там от Балтики и до Эгейских
вод
Славяне подняли с надеждою к
ней очи,
И со священного Афона глас про-
рочий,
Призвав святую Русь для доблест-
ной борьбы,
Востока древнего ей передал судь-

бы».

Так говорит нам Кремль. Но по-
коленья были,
Что здесь как пришлецы чужие
проходили.
Вельможи русские являлись сюда
С иными вкусами. Ломали без сле-
да
Святыни старины. Ни память
Иоаннов
Не удержала их, ни прах святых
гробов, —
Ломали здание, что строил Году-
нов,
Ломали здание, где избран был Ро-
манов.
Весь этот старый Кремль, с собо-
рами, с дворцом,
С резными башнями, назначен
был на слом.
И вместо их уже, питомец муз
эллинских,
Художник созидал классическим
умом
Ряд портиков, колонн и арок испо-
линских...
Скажи ему тогда: ужель, о ван-

дал, нет
В тебе присущей здесь святыни
пониманья —
Ведь что ни камень здесь, то кро-
ви отчей след,
Что столб — то памятник, что
церковь — то сказанье, —
Сердечный этот вопль в пустыне
б прозвучал,
Художник злобился б, вельможа
хохотал...
То были граждане совсем другого
мира!
Давно уж Франция купалась в кро-
ви.
К нам отклики неслись неведомо-
го пира,
Неслися возгласы свободы и люб-
ви...
То тронов падавших летели к
нам обломки,
То дребезги трибун выкидывал
вулкан —
Всё поглощала Русь, — и вот прой-
дох всех стран
Явились у нас питомцы и питом-
ки.
Кто набожно вздыхал по чуждом

короле,
Кто, новым Цезарем восхищен-
ный, мечтами
Носился за его победными орла-
ми,
Кто бредил равенством и брат-
ством на земле,
И при воззвании «всемирная свобо-
да»
Вселенский гражданин отрекся
от народа!
Об человечестве здесь каждый по-
мышлял,
Но человечестве во образе фран-
цуза...
Кто в демагогии судеб его искал,
Кто в темной мистике священно-
го союза.
В России ж видели удобный мате-
рьял,
В котором каждый мог кроить
себе свободно —
На всякий образец и что кому
угодно —
Парламент с лордами или респуб-
лик ряд,
Аркадских пастухов иль пахот-
ных солдат.

Один из этого ушел водоворота.
Один почувствовал, что нет под
ним оплота,
Что эти странные адепты тай-
ных лож,
Вся эта детская блистательная
ложь,
Весь этот маскарад с своею пест-
ротою
Стоит как облако над Русскою
землею...

.....
То был великий муж... Один он ви-
дел ясно,
Что силы родины теряются на-
прасно,
Что лучшие умы, как бедные цве-
ты,
Со стебля сбитые грозой, кружат
в пустыне
Чужие у себя, чужие на чужбине...
Но пусть свершаются над ними
их судьбы!
Есть русской крепости незримые
столбы,
Есть царства русского основы ве-
ковые...
Во всем величии судеб своих Рос-

сия
Ему являлася из сумрака времен...
Там исцеление! Там правда! — верил он,
И, этой веры полн, сошел во мрак архивов —
И там, как в сказочной стране чудес и дивов,
Увидел образы князей — бойцов лихих;
Князей — ходатаев за Русь у грозных ханов,
Там умирающих в пути среди буранов...
Явились образы подвижников святых,
Строителей в лесных пустынях общежитья,
И образ земского великого царя,
Пред коим все равны с вельможи до псаря
И к коему от всех доступны челобитья;
И образ целого народа, что пронес
Сквозь всяческих невзгод им созданное царство
И всем, всем жертвовал во имя государства,

Жива бо церковь в нем, а в ней господь Христос...

*И, эти образы вместив в душе всецело,
Он словно отлил их из меди в речу смелой.
И вдруг свою скрыжаль воздвиг,
как Моисей,
На поучение народов и царей...
Очнулся русский дух... Туман заколебался...*

1865

ЖУКОВСКИЙ

*В младенческих годах моих далеко
Мне видится его чудесный образ...
Как будто бы меня, еще ребенка,
При факелах, в готическом соборе,
Средь рыцарей, он, величавый старец,
В таинственный союз их посвящает...
И рыцарства высокие обеты
Я говорю за ним — и чую в страхе,
Что прозреваю в мир, тогда впер-*

вые

Открывшийся очам моим духовным...

Он говорит о Вере, о Надежде,
И о Любви, и о загробной жизни,
И сам как бы на рубеже земного
Стоит, вперяя взор открытый в
Вечность...

И у меня в восторге бьется сердце,
И отдаюсь я весь святому старцу,
И странствовать иду за ним по свету...

По манию жезла его повсюду
Из глубины времен мира выйдут...

Таинственный Восток разоблачился —

Та даль веков, когда между людьми,

Прияв их образ, странствовали боги,

Их посвящая в тайны искупленья,

—

Та даль веков, когда богатыри,
Как первые избранники из смерт-

ных,
Вступали в бой со злобной силой
мрака
И обществам в основу полагали
Служенье духу и предвечной прав-
де...

От Индии и от пустынь Турана,
От вечного голгофского креста,
Сквозь темный мир Европы фео-
дальной —

К горящему меня привел он гра-
ду...

Я увидал средь пламени и дыма,
Порою разрывавшихся от вихря,
Кремлевские белеющие стены:

«Вот, — он сказал, — вот жертва
искупленья,

Пред коей выше — только крест
голгофский!

Мы принесли ту жертву всем на-
родом,

Да тленные сокровища искупят
Сокровища, которые прияли
С Евангельем в свой дух мы с дня
крещенья

И множили веками бед великих,
—

Сокровища, которыми в народах

*Отличена и создана Россия!
Пади ж пред ней, пылающей Моск-
вой!*

*Ее святынь уразумей глаголы!
Пади пред ней, благодаря творца,
Что жребий дан тебе ее быть сы-
ном!*

*Моли творца, чтоб и свою круп-
ицу*

*Ты в общее принес бы достоянье,
Для высшего приготавлиаясь ми-
ра!*

*Здесь свято долг свой на земле ис-
полни, —*

*Да общим всех трудом на благо
ближних,*

*Проникновеньем сердца благода-
тью*

*И просветленьем разума любо-
вью*

*Рассеется господство лжи — и бу-
дет*

*Мир на земле, благоволенье в лю-
дях*

*И прославление здесь и в вышних
бога!»*

Великий старец! Он свою «круп-

цу»

Принес и, светлый, в мир переселился,

В который здесь, как бы сквозь тонкий завес,

Уж прозревал душою детски чистой...

И на Руси не даром прозвучали
Его слова... Нет!.. Падали, как зерна,

Они в сердца, уготовляя их
К великому... И между посвященных

Им отроков и тот был — кроткий сердцем, —

Кого господь благословил на деле
Осуществить во благо миллионов
Учителя высокие заветы...

1883

ПУШКИНУ

Русь собирали и скрепляли

И ковали броню ей

Всех чинов и званий люди

Под рукой ее царей;

Люди божьи, проникая

В глушь и дикие места,

*В дух народный насаждали
Образ чистого Христа...*

*Что ж взойдет на общей ниве?..
Русь уж многое дала,
В царство выросши под сенью
Византийского орла...*

*Что взойдет? Виссон и золото
Только мелких душ кумир!
Лишь созданья духа вечны,
Вечен в них живущий мир;*

*Не пройдут вовек победы
В светлом царстве красоты,
Звуки песен, полных правды
И сердечной чистоты...*

*Пушкин! ты в своих созданьях
Первый нам самим открыл,
Что таится в духе русском
Глубины и свежих сил!*

*Во всемирном Пантеоне
Твой уже воздвигся лик;
Уж тебя честит и славит
Всяк народ и всяк язык, —*

*Но, юнейшие в народах,
Мы, узнавшие себя
В первый раз в твоих твореньях,
Мы приветствуем тебя —*

*Нашу гордость — как задаток
Тех чудес, что, может быть,
Нам в расцвете нашем полном
Суждено еще явить!*

1880

**Я. П. ПОЛОНСКОМУ
ЧИТАНО НА ЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТ-
НЕМ ЮБИЛЕЕ
10 АПРЕЛЯ 1887 г.**

*Тому уж больше чем полвека,
На разных русских широтах.
Три мальчика, в своих мечтах
За высший жребий человека
Считая чудный дар стихов,
Им предалась невозвратно...
Им рано старых мастеров,
Поэтов Греции и Рима,
Далось почуять красоты;
Бывало, нежный луч Авроры
Раскрытых книг осветит горы,
Румяня ветхие листы, —*

Они сидят, ловя намеки,
И их восторг растет, растет
По мере той, как труд идет
И сквозь разобранные строки
Чудесный образ восстает...
И старики с своих высот
На них, казалось, взирали,
И улыбались меж собой,
И их улыбкой ободряли...
Те трое были... милый мой,
Ты понял?.. Фет и мы с тобой...

Так отблеск первых впечатлений,
И тот же стиль, и тот же вкус
В порывах первых вдохновений
Наш уготовили союз.
Друг друга мы тотчас признали
Почти на первых же шагах
И той же радостью в сердцах
Успех друг друга принимали.
В полустолетье ж наших муз
Провозгласим мы тост пример-
ный
За поэтический, наш верный,
Наш добрый тройственный союз!

1887

А. А. ФЕТУ

В ДЕНЬ ЕГО 50-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ 28 ЯНВАРЯ 1889 Г.

Когда, как бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется и, с зоркостью орла,
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных
Иль в звездных высотах, ухватит как трофей, —
О, как он тешится, один с самим собою,
Ее еще людьми не знаемой красою,
Дивясь, радостный, сам дерзости своей!
А ты, поэт, за ним в томительном волненье
Следивший в высотах и в безднах, в то мгновенье,
Как победителем он явится к тебе,
В блаженстве равного ты знаешь ли себе?

Тебе знакома, Фет, знакома эта

радость!
Таких трофеев полн тобой со-
зданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохрани и аромата
сладость,
Играя радуги цветами, — и одним
Помечены клеймом и вензелем
твоим!

Январь 1889

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ

Вот он, рассеянный, как будто бы
небрежно
Садится за рояль — вот гамма,
трель, намек
На что-то — пропорхнул как буд-
то ветерок —
Лелеющий мотив, и ласковый, и
нежный...
Вот точно светлый луч прорезал
небеса —
И радость на земле, и торжество
в эфире!
Но вдруг удар!.. другой!.. Иной мо-
тив взвился,
И дико прядает всё выше он и ши-
ре!

Он словно вылетел из самых недр
земных,
Как будто вырвались и мчатся в
шуме бури
Навстречу ангелам тьмы демо-
нов и фурий.
Ветхозаветный спор, спор вечный
из-за них
Решается ль теперь?.. Дрожат и
стонут долы,
Мятеся океан, в раскатах гро-
мовых
Архангельской трубы проносятся
глаголы,
А тучи темных сил всё новые ле-
тят!..
Художник в ужасе: пред ним раз-
верстый ад
Самим им вызванный, хохочущий,
гремящий,
Осилить уж его и самого грозя-
щий.
А человечество! О, жалкое дитя!
Ты чувствуешь, что бой, тот бой
из-за тебя!
Ты чувствуешь свое бессилье и па-
денье.
Ты ловишь проблески небесного

луча,
В молитве падаешь... Молитва го-
ряча
Над бездной! То порыв, обет пере-
рожденья!..
Но успокойся! Вот уж над тобой
светло;
Архангел победил!.. Художника че-
ло
Яснеет... Он к тебе нисходит и с
тобою —
Сам человек уже и духом просвет-
лен —
Сливает голос свой с молитвой
мировою...
Он кончил... Вот он встал, раз-
бит, изнеможен,
Уходит... Крики вслед!..
Чем крики те звучат!
Художник, слышишь ты?.. То гул
благословений!
Да, да, благословен, благословен
стократ
Твой, в царство света нас перено-
сящий, гений!

1886

А. П. МИЛЮКОВУ

**ПО ПОВОДУ МОЕГО 50-ЛЕТНЕГО
ЮБИЛЕЯ
1888 г. АПР. 30**

*Мне тем дороже твой привет,
Что брызнул он лучом неждан-
ным
Уж по далеким, по туманным
Рядам прожитых нами лет...
Смотри: студентские мундиры...
И все вы, тесною толпой,
Бряцанью полудетской лиры
Открытой внемлете душой.
Вам — в звуках голоса нетвердых,
И в робком переборе струн,
И в недохваченных аккордах —
Могучий чудится перун...
Средь бледных образов, по сме-
лым,
Быть может, профилям кой-где,
Меня уж мастером умелым,
Провозгласив, собором целым,
Всходящей плещете звезде...
И откровенен был и звонок
Ваш дружный клик и гром похвал,
Но как испуганный ребенок
Пред вами, помню, я стоял...
Куда уйти, куда бы скрыться,*

С тоской глядел по сторонам.
По счастью (для чего таиться?),
Тогда я не поверил вам,
Да так не верю и поныне,
И только жду, — уж много лет!

—
Пророк не слышится ль в пусты-
не?
Нейдет ли истинный поэт?..
Глашатай бога и природы,
Для тьмы непогасимый свет,
Кому он послан — те народы
И те века — им смерти нет!
Для всех грядущих — в нем наука,
И откровенье, и закон!
И в нем ни образа, ни звука
Не унесет поток времен;
Стоит спокойный, величавый,
Один, как солнце в небесах, —
И наши маленькие славы
Все гаснут при его лучах!

5 мая 1888

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

*Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях,*

*Песнь о храброй Игоревоу рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещей,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел ширял под облаками!
Как вспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь, —
Песню пой о старом Ярославле,
О Мстиславле, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...*

Но не десять соколов то было —
Десять он перстов пускал на
струны,
И князьям, под вещими перста-
ми,
Сами струны славу рокотали!

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древ-
них,
Доведем до Игoreвой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй серд-
це,
Распалился славным ратным ду-
хом
И за землю Русскую дружину
В степь повел на ханов половец-
ких.

У Донца был Игорь, только видит
—
Словно тьмой полки его прикры-
ты,
И воззрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий
месяц,
А в рогах был словно уголь горя-

щий;

В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.

«Не добра ждать», — говорят в
дружине.

Старики поникли головами:

«Быть убитым нам или пленен-
ным!»

Князь же Игорь: «Братья и дружи-
на,

Лучше быть убиту, чем плененну!

Но кому пророчится погибель —

Кто узнает, нам или поганым?

А посядем на коней на борзых

Да посмотрим синего-то Дону!»

Не послушал знаменья он Солнца,

Распалась взглянуть на Дон вели-
кий!

«Преломить копьё свое, — он
кликнул, —

Вместе с вами, русичи, хочу я

На конце неведомого поля!

Или с вами голову сложити,

Иль испить златым шеломом До-
ну!»

О Боян, о вещий песнотворец,

Соловей времен давно минувших!

Ах, тебе б певцом быть этой ра-
ти!

Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на
горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во столь-
ном,
В Новеграде затрубили трубы,
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой
светлый!
Святославили мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои куряне ль не смышлены!
— Повиты под бранною трубою,

Повзросли под шлемом и кольчужной,
Со конца копья они вскормлены!
Все пути им ведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворены,
Остры сабли крепко отточены,
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..»

И вступил князь Игорь во злат
стремень,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало;
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозой птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшись по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю неизвестную землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отсюду

От телег их скрип пошел, — ты скажешь:

Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы
И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны щиты лисицы брешут,
А орлы своим злоеющим клетком
По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!

Перевал давно переступила!

Ночь редееет. Бел рассвет проглянул,

По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...

В поле Русь, с багряными щитами,

Длинным строем изрядилась к

бою,
Алча чести, а для князя славы.

И в пяток то было: спозаранья
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аksamиту, паволок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили
ими.
Всё дружине храброй отдал
Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой челкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер крепет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им на-

встречу...

*И в другой день полосой кровавой
Повещают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре
солнца...*

*Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть гро-
му!*

*Лить дождю калеными стрела-
ми!*

*Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!*

*А уж в степь зашла ты, Русь, да-
леко!*

Перевал давно переступила!..

*Чу! Стрибожьи чада понеслись,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена пле-
щут...*

Ото всех сторон враги подходят...

И от Дона, и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом гото-
ва,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! Стоишь
ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих
воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь в
битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валяются головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодец-
ких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов слав-
ный,
Отчий стол, честны пиры кня-
жие

*И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!*

*Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод Великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...*

*А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...
Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич*

*За его ж, за Ольгову обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.*

*И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;*

Погибала жизнь Дажьбожьих вну-
ков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати бы-
ло,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломаются булат-
ны
Среди неведомого поля,
В самом сердце Половецкой сте-
пи!
Под копытом черное всё поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звенит перед зарею?

Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж
бьются!

Третий день к полудню уж подходит:

Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Деревя с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила,

—
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким
гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжских — гибель Руси!

Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зова на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:

«Уж ни мыслью милых нам не
смыслить!
Уж ни думой лад своих не суду-
мать,
Ни очами нам на них не глянуть.
Златом, серебром нам уже не
звякнуть!»

Стонет Киев, тужит град Черни-

208,

Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дыму...
А всё храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский вели-
кий...

Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!

А того поганого Кобяка
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукомо-
рья —
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую грядню к Святославу...
Немцы, греки и венециане,
И моравя хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Реку русским золотом засыпал,
Да на ней же сам с седла золотого

На седло кощя пересажен».

*В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святосла-
ву.*

*«Снилось мне, — он сказывал бо-
ярам, —
Что меня на кипарисном ложе,
На горах, здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;
Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смот-
рят;
В терему ж золотомехом словно
Из конька повыскочили доски;
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Киса-
ня,
На подолье, стаи черных вранов,
Прносясь несметной тучей к мо-
рю...»*

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тматорокани.
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапно тьма на-
стала!

Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святосла-
вом!

На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на зем-
лю,
Рад, что девы готские запели
По всему побережью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...

До веселья ль, княже, тут дружи-
не!»

Изронил тогда, в ответ боярам,
Святослав из уст золотое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой,
Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Не в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью зем-
лю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютном,
Во отваге буйной закалёны!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многорат-
ный,
Со своей черниговской дружиной!
А его могуты и татраны,
Топчаки, ревуги и ольберы,
Те — с ножами, без щитов, лишь
кликком,

Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть,
славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо сокол и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет по-
моги!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромнах под саблей поло-
вецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович уда-
лый...
Что ж ты, княже, Всеволод Вели-
кий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издаля поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрыз-
гать,
Мог бы Дон шеломами расчер-
пать!
Будь ты здесь, да половцев тол-

пою

Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по резани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты мо-
жешь —

У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храб-
рых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый!
Вы ль с дружиной по златые шле-
мы

Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду,
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещей, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней

И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных гро-
зы...

Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за земли в салта-
нов!..

Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Ты, Роман, с своим Мстиславом
верным!

Смело мысль стремится ваш ум на
подвиг!

Ты могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокол ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шле-
мов

Вся покрыта кольчатой сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались Хиновские страны,
Деремела ж, половцы с литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!

Не на благо лист спадает с древа!
По Роси, Суле враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских па-
лиц?
Заградите острыми стрелами
Ворота на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле рат-
ном
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный

Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,

Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И на том одре на смертном ле-
жа,

Сам сказал: «Вороньими крылами
Приодел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брючислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил один, из храбра тела,
Сквозь свое золотое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально тру-
бы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали

Наводитъ на отчий край поганых!
И от вас, не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной
Тот Всеслав, на Киев жребий бро-
сил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копия добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зве-
рем,
Синей мглой из Белграда поднял-
ся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге

—
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют ду-
шу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями
Берега кровавые Немиги,
Всё своими русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу

И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит, быва-
ло,
К петухам в Тмуторокань поспе-
ет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал,
А хотя и с вещью душою
Был, великий, в богатырском те-
ле,
Всё ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть
птицей,
Всё суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Рус-
ской,
Про князей вспоминая давних,
Вспоминая прежде их время!
Да нельзя ж ведь было пригвозди-
ти
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена,
И уж розно машут бунчуками,

Разно копыя петь пошли по рекам!

*Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Раным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бибрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белом его мозучем теле!..»*

*Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:
«Ветр-ветрило! что ты, господи-
не,
Что ты веешь, что на легких кры-
льях
Носишь стрелы в храбрых воев ла-
ды!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...»*

*Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:*

*«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой
Славутич!*

По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты лады лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с
тобою
По сырým зорям на сине море!»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

«Светлое, тресветлое ты Солнце!
Ах, для всех красно, тепло ты,
Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устре-
мил
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном
поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло к полночи,
Мглой встают, идут смерчи мор-
ские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой

К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит — не спит, крылатой
мыслью

Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона»

Ветер воет, проносясь по степи,
И шатает вежи половецки;
Шелестит-шуршит ковыль высо-
кий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник
князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра добра коня садится;
По лугам Донца что волк несет-
ся;

Что сокол летит в сырых туман-
нах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.
Что сокол летит князь светлый

Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несет-
ся,
Студену росу с травы стряхая.
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул
говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по вет-
вям,
Дятлы тётком путь к реке казу-
ют,
Соловьи свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты
Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светла весе-
лья!»

Отвечал Донцу князь светлый
Игорь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструй-
ный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,

*Зелену траву мне стлал в постеле
лю*

*На своем серебряном побережьи,
Теплой мглою на меня ты веял
Под темной зеленою ракитой,
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах —
чайкой...*

*Вот Стужна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольет-
ся...*

*Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побере-
жьи,
Плачет мать по юноше, по князе;
Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились...»*

*Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу пого-
ню.*

*Молвит Гзак Кончаку на погоне:
«Коль сокол к гнезду летит,
урвался,
Уж млада соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,*

Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль сокол к гнезду летит,
урвался,
Сокольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;
А их детки битъ почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле Половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».
И земле так горько было Русской
Без удала Игоря, без князя...

Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет
Русской.

На Дунае девицы запели —
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.

В селах радость, в городах весе-
лье;

Все князей поют и величают,
Перво — старших, а за ними —
младших.

Воспоем и мы: свет-Игорь — сла-
ва!

Буй-тур-свету-Всеволоду — слава!

Володимир Игоревич — слава!

Святославу Ольговичу — слава!

Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!

1866-1870

ПОЭМЫ

ТРИ СМЕРТИ

Лирическая драма

*ПОСВЯЩАЕТСЯ НИКОЛАЮ АПОЛЛО-
ВИЧУ МАЙКОВУ*

Поэт Лукан, философ Сенека и эпикуреец Люций приговорены Нероном к казни,

по поводу Пизонова заговора.

Комната в античном вкусе; посредине стол с яствами; около него Люций,

эпикуреец, один, как следует, возлежит за обедом. Сенека пишет завещание.

Лукан в глубокой задумчивости. В углублении сцены группа друзей и учеников Сенеки.

*Мудрец отличен от глупца
Тем, что он мыслит до конца.*

И вот — я долго наблюдаю
И нахожу, что смерть разит
Всего скорее аппетит.
Я целый час жую, глотаю,
Но всё без вкуса — и не сыт!..
Вина попробуем! Быть может.
Живая Вакхова струя
Желудок дремлющий встрево-
жит...

Ну, кто же пьет со мной, друзья?
Лукан!.. да ты как в лихорадке!
В Сенеке строгий стоицизм
Давно разрушил организм!
И если вы в таком упадке —
Не мудрено, что в этот час
Мой здравый разум бесит вас!

В час смерти шутки неприличны!

Но лучше умереть шутя,
Чем плакать, рваться, как дитя,
Без пользы!

Мнения различны!
Кто жизнь обжорству посвятил,
Тот потеряет с ней немного!

Э, милый! не суди так строго!

Я, признаюсь, еще б пожил
И неохотно умираю...
Но, чтобы с честью этот шаг
Свершить, — в твоих, мой друг,
стихах
Себе отваги почерпаю.
«Послание к смерти» помнишь
ты?
В нем есть высокие черты!
С скелета смерти снял ты смело
Земной фантазии цветы...
Ты помнишь:

«Друзья! нам смерть страшна
лишь чем?
Всё кажется, что не совсем,
Не разом мы умрем,

Что будем видеть мы свой труп,
Улыбку неподвижных губ,
Глаза с тупым зрачком;

А мухи стаей по лицу,
Без уваженья к мертвецу,
И по лбу поползут;

И с содроганьем от тебя
Родные, близкие, друзья

В испуге отойдут...»

Ужасный образ! Как я мог!..

Позволь! В конце — благой урок.

*«Что даже из земли сырой
За резвой жизнью земной
Следить твой будет слух;*

*И между тем как над тобой
Весна покров расстелет свой
И запестреет луг —*

*Червь на тебя уж нападет
И жадно есть тебе начнет
И щеки, и бока...»*

Да перестань!

*«И будешь вечно рваться ты
На свет из душной темноты —
Да крышка-то крепка!*

*Но, смертный, знай: твой тщетен страх.
Ведь на твоих похоронах
Не будешь зритель ты!*

Ведь вместе с дружеской толпой
Не будешь плакать над собой
И класть на гроб цветы;

По смерти стал ты вне тревог,
Ты стал загадкой, как бог,
И вдруг душа твоя,

Как радость, встретила покой,
Какого в жизни нет земной, —
Покой небытия!»

Ведь превосходно! Эпиктетом
Проникнут живо каждый стих!
Прошу покорно — верь поэтам!
Мечты и верованья их
Подвижней тучек золотых!..
Вы все на колокол похожи,
В который может зазвонить
На площади любой прохожий!
То смерть зовет, то хочет жить,
То снова к жизни .равнодушен...
Задача, право, вас понять!..

Что ж этим хочешь ты сказать?
Что ветрен я и малодушен?..

Оставьте спор! Прилично ль вам

Безумным посвящать речам
Свои последние мгновенья!
Смерть — шаг великий!

Верь, мой друг,
Есть смысл в Платоновом ученье
—

Что это миг перерожденья.
Пусть здесь убьет меня недуг, —
Но, как мерцание Авроры,
Как лилий чистый фимиам,
Как лир торжественные хоры,
Иная жизнь нас встретит —
там!

В душе, за сим земным пределом,
Проснутся, выглянут на свет
Иные чувства роем целым,
Которым органа здесь нет.
Мы — боги, скованные телом,
И в этот дивный перелом,
Когда я покидаю землю,
Я прежний образ свой приемлю,
Вступая в небо — божеством!

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего так создан свет,
Что где хоть два есть человека —
И два есть взгляда на предмет?

Твое, как молот, сильно слово —
Но убеждаюсь я в ином...
Существования другого
Не постигаю я умом!
Взгляни на лавры вековые:
Их листья, каждый в свой черед.
Переменяются что год —
Одни спадут, взойдут другие,
А лавр всё зелен, вечно свеж,
И листья будто вечно те ж...
Вот так и мы — Лукан, Сенека,
Слуга покорный ваш — умрет...
Отпадный лист! Но заживет,
Как прежде, племя человека!
Иной появится певец,
Другие будут жить и вздорить,
Страдать, любить, о том же
спорить,
О чем и мы с тобой, мудрец!..
Но пусть по смерти жить мы бу-
дем!
(Тебе готов я уступить!)
А всё себя мы не принудим
Без сожаленья кончить жить!
Нам неприятна перемена.
Вот что мне кто-то говорил:
На острове каком-то жил
Философ секты Диогена.

Он в бедном рубище ходил,
Спал, где пришлось прилечь к са-
раю,
Босой, с клюкой, нужда кругом...
Каким уж случаем, не знаю,
Всему вдруг вздумалось краю
Его избрать своим царем.
Что ж? Царский пурпур одевая
И тряпки ветхие скидая,
О них вздохнул он тяжело
И пожалел удел убогой,
Сказав: ведь было же тепло
Под сей циническою тогой!
Не то же ль с жизнью земной?
Достигши вечного предела,
Жалеешь бросить это тело —
Покров убогий и худой!
Ты говоришь, что мы одною
С богами жизнью заживем?
Да лучше ль нам? Ну, как порою,
Смотря, как мы свой век ведем,
Богини с грозными богами,
Как волки, щелкают зубами!
Смотря, как смертный ест и
пьет
И с смертной тешится любезной,
Они, быть может, бесполезно
Крепясь, облизывают рот!

Что мне в их жизни без волнений?
Мирами, что ли, управлять?
В них декорации менять,
И, вместо всяких развлечений,
Людьми, как шашками, играть,
И, как актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нет! клянусь,
Я в боги вовсе не гожусь...

Нет! не страшат меня загадки
Того, что будет впереди!
Жаль бросить славных дел начат-
ки
И всё, что билось в груди,
Что было мне всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятил!
Мне страшно думать — для чего
же
Во мне кипело столько сил?
Зачем же сила эта крепла,
Росла, стремилась к торже-
ствам?
Титан, грозивший небесам,
Ужели станет горстью пепла?
Не может быть! Где ж смысл в
богах?
Где высший разум? Провиденье?

Вдруг человека взять в лесах,
Возвысить в мире, дать значенье,
И вдруг — разбить без сожаленья,
Как форму глиняную, в прах!..
Ужели с даром песен лира
Была случайно мне дана?
Нет, в ней была заключена
Одна из сил разумных мира!
Народов мысли — образ дать,
Их чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за всё живое —
Вот мой удел! Вот власть моя!
Когда для правды бесприютной,
В сердцах людей мелькавшей
смутно,
Скую из слова образ я,
И тут врагов слепая стая
Его подхватит, злясь и лая,
Как псы обглоданную кость, —
Всё, что отвергнуто толпою,
Всё веселилось со мною,
Смотря на жалкую их злость!..
А злоба мрачных изуверов,
Ханжей, фигляров, лицемеров,
С которых маски я сбивал?
Дитя — их мучил и пугал!
Столпов отечества заставить

Я мог капризам льстить моим —
Тем, что я их стихом одним
Мог вознести иль обесславить!
С Нероном спорить я дерзал —
А кто же спорить мог с Нероном!
Он ногти грыз, он двигал троном,
Когда я вслед за ним читал,
И в зале шепот пробежал..
Что ж? не был я его сильнее,
Когда, не властвуя собой,
Он опрокинул трон ногой
И вышел — полотна белее?
Вот жизнь моя! и что ж? ужель
Вдруг умереть? и это — цель
Трудов, великих начинаний!..
Победный лавр, венец желаний!..
О, боги! Нет! не может быть!
Нет! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудом — о, я верю чуду!
Но должен я и — буду жить!

Вот и спаситель! Ну! покуда
Тут нет еще большого чуда.

Какие новости?

Декрет
Сената.

Други! шлет привет
Сенат к нам! Уваженье к власти!

Читай!

Стой! Кто решит вперед —
Жизнь или смерть? Заклад идет?

Я б разорвал тебя на части
За эти шутки!

Недурен слог. Писать умеют.

Злодеи! Изверги!

Притом
Приличье тонко разумеют —
Что одолжаться палачом
Неблагородно человеку...

Но что ты смотришь на Сенеку?

Ты тронут! Ты потупил взгляд!
В твоём лице следы смущенья!
О, верь мне, то богов внушенья!
Спаси нам жизнь! Благословят
Тебя народы! Пред тобою
Мудрец с маститой сединою —

Он чист, как дева, как Сократ!

Мой долг...

Твой долг! А жить без славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слепцом в грязи крова-
вой!
О, если долг в твоей груди
Не всё убил, то отведи
Меня в Сенат! Как с поля битвы
Пред смертью ратнику, сказать
Дай мне последние молитвы!
Дай мне пред смертью завещать
Без лжи, перед лицом вселенной,
Всё, что привык я неизменной,
Святою истиной считать!

Я им скажу: в них чести нет!
В них ум какой-то мглой одет!
Для них отечество и слава —
Речей напыщенных приправа!
Величие народа в том,
Что носит в сердце он своем;
Убив в нем доблести величье,
Заставив в играх и пирах
Забывать добра и зла различье,

В сердца вселяя только страх,
От правды казнью ограждаясь
И пред рабами величаясь,
Они мечтают навсегда
Избегнуть кары и суда...
Я им скажу: готовят сами
Свой приговор себе они!
Что, упоенные льстецами
И мысля в мире жить одни,
Себе статуи воздвигают,
Как божества, на площадях...
Но век их минет: разломают,
С проклятием растопчут в прах
Отцов статуи их же дети!
Детей проклятий ряд столетий
Не снимет с головы отцов...

Лукан! оставь, оставь слепцов!

Пришла ж охота на циклопов
На двуутробок и сорок
Взглянуть пред смертью! Взять
урок
У них дилемм, фигур и тропов!

Но как без боя всё отдать!..
Хотя б к народу мне воззвать!
Певец у Рима умирает!

Сенека гибнет! И народ
Молчит!.. Но нет, народ не знает!
Народу мил и дорог тот,
Кто спать в нем мысли не дает!

Да, мил, как бабочка ночная,
Покуда крыльев не ожжет,
Через огонь перелетая...
Народ твой первый же потом
И назовет тебя глупцом.

Но Цезарь!.. Мы ведь с ним ко-
гда-то
Росли, играли, как два брата!
Он вспомнит время детских игр
И приговор свой остановит...
В нем сердце есть... Ведь он не
тигр...
Рим часто попусту злословит...
Что я ему? Мои мечты
Да песни — все мои заботы!..

Мой бедный мальчик, с жизнью
счета
Еще не кончил, видно, ты!

Друзья, чур тише, — я с надеждой!

Прощенье?..

В доме выход есть;
Со мной две женские одежды.
Пробратся к Тибру, в лодку сесть

И в Остию! Беги с Луканом,
А я останусь здесь с рабом.
Лукан с ним сходен видом, ста-
ном,
Я сед, гляжу уж стариком...
Бегите! Время есть до срока.
И вы уж будете далеко,
Как нас найдут здесь поутру.

Я говорил, что не умру!

Беги, Лукан! Мне с сединою
Нейдет уж бегать от врагов.

А жаль! я б посмотрел, каков
Ты в юбке!...

Гибель пред тобою!
Смерть в каждом доме! Целый
Рим —
Что цирк. Людей травят зверя-
ми.

Постум убит рабом своим;
Пизон вскрыл жилы. Под досками
Раздавлен Кай. Чего ж вам
ждать?

Мой друг, не дважды умирать!
Раз — это праздник!

Но с тобою
Погибнет всё! Ты много нам
Не досказал!

Найдешь и сам
Всё, что осталось за мною, —
Лишь мысли, истину любя.

Учитель! я молю тебя!

Ведь ты последняя лампада
Во мраке лжи!

Оставь меня.
Ни просьб, ни лести мне не надо.
Верь, каждый шаг свой — знаю я!

Я это знал... я знал тебя!
О, горе! Что же будет с нами!..
Жить в мраке, плача и скорбя,

Что свет мелькнул перед глазами —

И скрылся!.. Ты душой высок!

Ты недоступен нам, Сенека!

Ах, правда, в сердце человека

Есть нечто высшее, есть бог!..

Сейчас я видел — и смущеньем

Я поражен как мальчик был..

Я через форум проходил.

С каким-то диким изумленьем

Народ носилки окружил.

В носилках труп Эпихариды..

(Под видом праздников Киприды

Пизон друзей сбирал к ней в дом.)

Вчера она, под колесом,

В жестоких муках, не винулась

И никого не предала!..

Трещали кости, кровь текла..

В носилках петлю изловчилась

Связать платком — и удавилась.

Воскликнул сам центурион:

«В рабынь вселился дух Катонов!»

А Рим? Сенат? Весь обращен

Иль в палачей, или в шпионов!

Эпихарида!

Да, она

Душа безумных сатурналий!

И ты хотел, чтоб мы бежали!

*Бывают, точно, времена
Совсем особенного свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но, жизнь поняв, остаться жить*

*—
Клянусь, немалое геройство!*

*И смерть в руках ее была
Для целой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы в золоте могла!
На площадях боготворима
В меди б и в мраморе была,
Как мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образ твой, как совесть, стро-
гий!*

*Да разве мог я жить как трус?
Нет, нет! Клянусь, меня не ста-
нут
Геройством женщин упрекать!
Последних римлян в нас помянут!
Ну, Рим! тебе волчица — мать
Была! Я верю... В сказке древней*

Есть правда... Ликтор! я готов...
Я здесь чужой в гнилой харчевне
Убийц наемных и воров!
Смерть тяжела лишь для рабов!
Нам — в ней триумф.

О боги! боги!
Вы обнажили предо мной
Виденья древности седой
И олимпийские чертоги,
Затем чтоб стих могучий мой
Их смертным был провозвеща-
тель!..

Теперь стою я, как ваятель
В своей великой мастерской.
Передо мной — как исполины —
Недовершенные мечты!
Как мрамор, ждут они единой
Для жизни творческой черты...
Простите ж, пышные мечтанья!
Осуществить я вас не мог!..
О, умираю я, как бог
Средь начатого мирозданья!

Одну имел я в жизни цель,
И к ней я шел тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;

И смерть есть новый в ней урок,
Есть буква новая, средь вечной
И дивной азбуки, залог
Науки высшей, бесконечной!
Творец мне разум строгий дал,
Чтоб я вселенную изведаль
И, что в себе и в ней познал,
В науку б поздним внукам предал;
Послал он встречу злобу мне,
Разврат чудовищный и гнусный,
Чтоб я, как дуб на вышине,
Средь бурь, окреп в борьбе искус-
ной,
Чтоб в массе подвигов и дел
Я образ свой напечатлел...
Я всё свершил. Мой образ вылит.
Еще резца последний взмах —
И гордо встанет он в веках.
Резец не дрогнет. Не осилит
Мне руку страх. Здесь путь свер-
шен, —
Но дух мой, жизнь земною
Усовершен и умудрен,
Вступает в вечность... Предо
мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю иного бытия...

Жизнь хороша, когда мы в мире
Необходимое звено,
Со всем живущим заодно,
Когда не лишний я на пире,
Когда, идя с народом в храм,
Я с ним молюсь одним богам...
Когда ж толпа, с тобою розно,
Себе воздвигнув божество,
Следит с какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего,
Когда указывает пальцем,
Тебя завидев далеко, —
О, жить отверженным скиталь-
цем,
Друзья, поверьте, нелегко:
Остатки лучших поколений,
С их древней доблестью в груди,
Проходим мертвые, как тени,
Мы как шуты на площади!
И незаметно ветер крепкий
Потопит нас среди зыбей,
Как обессмысленные щепки
Победоносных кораблей...

Наш век прошел. Пора нам, бра-
тья!
Иные люди в мир пришли,
Иные чувства и понятия

Они с собою принесли...
Быть может, веруя упорно
В преданья юности своей,
Мы леденим, как вихрь тлетвор-
ный,
Жизнь обновленную людей.
Быть может... истина не с нами!
Наш ум ее уже неймёт,
И ослабевшими очами
Глядит назад, а не вперед,
И света истины не видит,
И вопиет: «Спасенья нет!»
И, может быть, иной придет
И скажет людям: «Вот где свет!»
Нет! нам пора!.. Открой мне жи-
лы!..
О, величайшее из благ —
Смерть! ты теперь в моих ру-
ках!..
Сократ! учитель мой! друг ми-
лый!
К тебе иду!..

Ты кончил хорошо, Сенека!
И славно выдержал!.. Ну, вот —
Героем меньше!.. Злость берет.
Как поглядишь на человека!
Что ж из того, что умер ты?

Что духом до конца не падал?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоров задал
Дня на два! Вот и подвиг твой!

Как там спокойно! Горы ясны...
Вот так и боги безучастно
С небес глядят на род людской!
Да что и видеть?..

Здесь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталось не много...
Что ж пользы Немезиде строгой
Час лишний даром отдавать?
Для дел великих отдых нужен,
Веселый дух и — добрый ужин...
По смерти слава — нам не в прок!
И что за счастье, что когда-то
Укажет ритор бородатый
В тебе для школьников урок!..
До тайн грядущих — нет мне де-
ла!
И здесь ли кончу я свой век
Иль будет жить душа без тела —
Всё буду я не человек!..
Ну, а теперь, пока я в силе,
С почетом отпустить могу

Я тело — старого слугу...
Эй, раб!

В моей приморской вилле
Мне лучший ужин снаряди,
В амфитеатре, под горами.
Мне ложе убери цветами;
Балет вакханок приведи,
Хор фавнов... лиры и тимпаны...
Да хор не так, как в прошлый раз:
Пискун какой-то — первый бас!..
В саду открой везде фонтаны;
Вот ключ: там в дальней кладо-
вой
Есть кубки с греческой резьбой, —
Достань. Да разошли проворно
Рабов созвать друзей... Пускай,
Кто жив, тот и придет. Ступай
К Марцеллу сам. Проси покорно,
Хранится у него давно
Горацианское вино.
Скажи, что господин твой молит
Не отказать ему ни в чем,
Что нынче — умирать изволит!
Ну, всё... ты верным был рабом
И не забыт в моей духовной.

Да не торгуйся, не скупись —

Чтоб ужин вышел баснослов-
ный!..

Да! главное забыл... Стучись
В палаты Пирры беззаботной!
Снеси цветов корзины ей,
И пусть, смеясь безотчетно,
Она ко мне, весны светлей,
На ужин явится скорей.

И на коленях девы милой
Я с напряженной жизни силой
В последний раз упьюсь душой
Дыханьем трав, и морем спящим,
И солнцем, в волны заходящим,
И Пирры ясной красотой!..
Когда ж пресыщусь до избытка,
Она смертельного напитка,
Умильно улыбаясь, мне,
Сама не зная, даст в вине,
И я умру шутя, чуть слышно,
Как истый мудрый сибарит,
Который, трапезою пышной
Насытив тонкий аппетит,
Средь ароматов мирно спит.

<1851>

СТРАННИК

ПОСВЯЩАЕТСЯ Ф. И. ТЮТЧЕВУ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гриша, двадцати лет.

Странник, сорока пяти лет.

Нищий.

Странноприимная келья при купеческом раскольничьем доме, на фабрике, близ большого села. В келье стол, лавки, образа старого письма, лампадка.

Как он войдет, то прямо объявлюся:

«Аз грешный, мол, во тьме заблудший, свету

Желающий!.. Отверзи мне источник

Премудрости твоей, бо алчу, отче,

Я твоего учительского слова...»

Так и скажу ему, как затвердил!

А тут пока прибраться...

Ишь, подушку

Откинул он и положил поленце...

Голубчик! Снял ведь и соломку с лавки!
Пошел с своей посудинкой на речку...
Вот с лишком две недели: всю-то ночь
На правиле стоит, а днем читает...
И как себя-то соблюдает строго!
Раз отдохнуть прилег: вдруг едет тройка,
Да с песнями, — и кинулся молиться
Да час иль два поклоны клал земные...
Что, если б знал он, что я тут же, подле,
Из каморы своей смотрю всё в щелку?
Что ж! разве я то делаю для худа?
Томлюся я, что Даниил во рву...
Горе всечасно обращаю очи —
Не явится ль господень светлый ангел!
Да нет, не сходит!..
Вот книги-то его!..
Евфимиев Цветник... Да нетто он
Из бегунов?.. А это Аввакума
Послания... Как ведь писал, страдалец!
«У греков такожде пропала вера.
С поганым турком потурчали; пьют
Табак, приходят в церковь в шапках; жены
Того скверней — им церковь яко место
Соблазна: груди голы, очи дерзки.
Сам патриарх браду обрил и с турком

Ест рафленных курей с едина блюда.
Нет, русачки мои не таковы!
В огонь скорее, миленькие, внидут,
А благоверия не предадут».
Воистину сказал: «Не предадут!»
«К тебе, о царь, пред смертью из темницы
Я, как из гроба, ныне вопию:
Опомнися! Покайся!.. Изболело
Мое всё сердце по тебе, царю!
О душеньке своей попомни, милый!
Слукавили лгуны перед тобою!
Какие ж мы еретики, помысли!
Порушили ль мы где уставы церкви?
Вели престать нас звать бунтовщиками:
Мы пред твоим величеством, голубчик,
Ниже в малейшем не повинны! Токмо
Что о душе печемся, бога ради...»
Из глубины паденья моего,
О господи, к тебе взываю, грешный!
Вонми моим рыданиям и призри
С высот твоих, есмь немощен и шаток,
И дух мой, аки вал морской, всечасно
То в небеса пред светлый лик твой рвется,
То падает во ад кромешный паки!..
(Ставит бурак на стол, достает медный

складень

и готовится стать на правило.)

Не прогневишь, благоутробный отче:

Аз грешный... аз, учительского слова

Из уст твоих желающий услышать...

Ох, что ты, сыне?.. Мне ль учительское сло-

во

Кому держать! И сам бы поучился

От мудрого! Сам возлюбил бы плеть

Духовную от праведного мужа!

Позволь с тобой на правило мне стать!

Нельзя!

Я тоже старой веры, отче!

Что ж старой? Все вы нынче — пестряки!

Да! благодать давно взята на небо!

Вселенная пуста, и стадо верных

День ото дня в миру оскудевает!..

Ты грамотный?

Почитываю книги,

Да одному не всё-то в них понятно!

У нас народ на фабрике всё буйный

И токмо что рекутся староверы.

Вот иногда у постояльцев спросишь, —

Да знающих не много между ними.

Коль грамотен еси, то прочитал ли

И помнишь ли, что писано о верных?
Егда Христос приидет паки в мир,
Обрящет ли свою он веру чисту?
Он приидет в великие хоромы
С златым шатром, с подзоры и убрусы;
Покои ж багрецом наряжены;
И в тех покоях восседят мужи,
Во ферязях, сырцом и златом шитых;
А на столе и лебедь, и журавль,
И сахара, и всякое печенье,
И, жемчугом унизаны, подносят
Вина им в серебряных сосудах жены,
И поклоняются им, и лобзают,
Греховной срамоты не убоясь,
Усты в уста. Он скажет: «Блудодеи
Вси суть они, и не мои суть овцы!»
Он приидет к властям, к архиереям;
Узрит: един с блистанием на митре
И злата, и жемчужных херувимов,
И бархатом на мантии кичася,
На башмаках же крест Христов имея,
Чтоб скверными топтать его ногами;
И вокруг синклит его, попы и мнихи,
И римские певцы, партесным пеньем
Не божью, а его поющи славу;

И все думцы его в парчах и камнях,
Окрест его сидяще полукругом;
И купно всем собором измышляют
Погибель христианству, наказуя
По всей стране противящихся им
Во срубах жечь, и вешать на крюки,
И зарывать живых по перси в землю;
Он скажет: «Се не пастыри, а волки!»
В пустынях лишь, в лесу, забегших в горы
Найдет подвижников: им же молитва —
Кормленье, слезы — утоленье жажды,
И беса посрамление — веселье,
Гонение — сговор, а смерть — невеста...
И скажет он: «Со мною вы пребысте,
И с вами аз, отныне и вовеки».
Ты наизусть святыя книги знаешь!
Вот всю бы ночь, кажись, тебя прослушал!
Великий змий вселенную обвил
И царствует... Про змия-то читаем:
«И было зримо, како по ночам
Сей змий, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храмину царевой подползал,
И царское оконце отворялось,
Царь у окна сидел, а змий, вздымаясь
По лестнице клубами, подымался

Вверх до окна и голову свою
Великому царю клал на плечо.
(И так он был огромен, что лежал
По лестнице всем туловищем темным,
А хвост еще из патриаршей сени
Не вылезал.) И так, к цареву уху
Припав, шептал он лестные слова:
«Не слушай честных старцев, о царю!
И старых книг, владыко, боронися!
Бо тесноты они тебе хотят!
А полюби, царь, Никоновы книги:
В них обретешь пространное житье,
И по средам и пятницам всеястье,
И телесам твоим во услажденье
Все радости мирские и утехи».
Про змия, отче, я читал и знаю.
Ишел из ада он и днем являлся
Под видом Никона лжепатриарха,
А ночью принимал опять вид змия.
Про Никона написано еще:
Его видали, как в золотой палате
От многих он бесов был почитаем.
Они его садили на престол,
Венчали, как царя, и лобызали,
И кланялись ему, и говорили:

«Ты большой брат наш и любезный друг
И нам поможешь крест Христов сломити».
Но это всё стоит про никоньянцев,
И в их-то веру змий пустил свой яд.
Во все! во все!.. От змея народились
Змееныши; чуть вылезли из яиц —
И выросли, и стали жрать друг друга,
И своего отца грызут, — и все
В единый клуб свились, дышащи злобой
И лютости огнем распалены.
В писании стоит ведь явно: «Внидут
В селенья праведных и сластолюбцы,
И блудники, и тати, аще добрым
Очистятся постом и покаяньем,
Но в оное не внидет ни богатый,
Ни еретик». А ваш Андрей Денисов
Что сотворил? Когда явился Петр,
То был уж сам антихрист во плоти:
Одел себя и весь свой полк звериный
В немецкие кафтаны и по царству:
Их разослал ниспровергать законы
Отечески и свой регламент ставить;
И позавел он разделенье в людях,
И свар, и бой, и брань междуусобну;
И вывез клеймы он из римских стран,

И стал клеймить везде себе людей;
А на кого уж то клеймо легло —
Так на весь род пойдет: и отрекутся
Отеческих святынь, преданий, даже
Гробов отцов, и будут что чужие!
Ужасно есть сие помыслить токмо!
Пойдут дружить со всяким вражьим ду-
ХОМ,

Против всего, что сотворили древле
Великие цари, митрополиты
Московские Иона, Алексей, —
Их же трудами собрана земля
Российская и их цвела нарядом.
А славный ваш Андрей Денисов с оным
Антихристом, еже Петр Первый есть,
Хлеб-соль водил, копал ему руду
На цепи и с важнейшими его
Персонами братался; блудно жил,
Да блудно так и помер: девка,
Ишь, приворотным зельем опоила!
Он всю-то жизнь антихристу работал,
В империи торги-то разводя.
С него вот и пошли купцы-тузы:
Первейшие в Москве — всё их хоромы!
В хоромах-то картины и статуи

Поганские; как бал-то зададут,
По окнам-то не стекла — зеркала;
Зажгут такие белые шары,
Что солнца светят! Пляс и музыканты!
Перед крыльцом-то конная всё стража!
Карет, карет-то! Всё князья да графы
И всех наук бесовских хитрецы!
Вот, брат, цветы какие распустились
Из семени Андреева! Ликуют,
А вас-то, дурней, держат в кабале,
Иконами да лестовкой морочат!
Я побывал и у Таганья Рога,
На Иргизе, и в Керженце, на Выге,
И в Питере, Москве, в Казани, Ржеве:
Везде одно! Обоз идет: ан чей?
Чьи там плоты реку загородили?
Чьи баржи тянут огненной силой,
Да караван за караваном? Сало,
Пенька ли, хлеб — спроси ты только, чьи?
А пристани по городам, буяны?
А в Нижнем кто ворочает делами?
Всё веры древля благочестивцы,
И всем-то им заводчик — ваш Андрей!
А на кого трудятся? Нешто богу?
Антихрист-то им нешто враг? Поди-ко,

Царю листы какие восписуют:
«Все за тебя, мол, животы положим!»
Вот какво! И погоди маленько,
Как уж совсем гоненье поутихнет
Да потесней спознаются друг с другом,
Да льгот дадут, — всем миром под большие
Колокола пойдете и с попами
Все в голос запоете! Тако будет!
Поширь вам только!

Деньги, сыне, деньги!
Погибель вся от них! Они и есть
Мошна в сети, в которую, что рыбу,
Вас дьяволы шестами загоняют,
А вервия другие бесы тянут
Ко берегу, он же ад, а сатана
В аду-то у окна сидит и рад,
Что тяжело идет треклятый невод,
Что бесы-то потеют и пыхтят
От бремени!

Ужель нельзя спастися?

Здесь, в мире? Нет! Но милосердьем бо-
ЖЬИМ

Спасенья путь оставлен узкий, токмо
Немногие идут по нем.
Кто грешен,

Тот уж ступить на оный путь не может?
А ты на совести имеешь грех
Особенный?

Имею грех великий!

Так и лежит на сердце... так и мучит...

Ах, отче, я великий грешник!

Если

Доверие имеешь, то откройся!

Пооблегчит.

Я знаю, полегчало б!

И это в мыслях я имел... Вот видишь...

Я расскажу тебе уж всё, как было...

К божественному был я склонен смлада.

И как был взят в привратники сюда,

От странников был в вере наставляем

По древнему закону. Только странник

Ведь поживет, да и уйдет потом.

А сколько их притом непутных бродит!..

И соблюдать себя я начал строго;

Кремнями, стеклами постель усыпал,

От всяких яств отстал, питался быльем,

Во дни же постные совсем не ел.

Тут надо мной кругом смеяться стали,

И я возмнил, что есмь един безгрешен,

И смех их был мне в сладость... Начал

Уж помышлять, что сам меня нечистый
Не победит. «Не одолеешь, бесе!» —
Твержу, а он зовет на вечерницу:
«Там власть свою яви ты надо мною —
И поклонюсь тебе...» Я и пошел...

Пошел? Ну, что ж?

И... одолел лукавый...

Ну, как же он к тебе там подступился?

Во образе жены?

Нет, уж уволь!

Что говорить!..

Стыдение имеешь.

Ох, сыне, сыне! Раствлена земля

Людьми уже на тридцать сажен вниз!

И к господу всечасно вопиет,

Да попалит огнем ее господь

И от грехов и всяких скверн очистит!

Твой грех не есть еще великий грех...

Грехи бывают, сыне, потягчае...

Примером — кровь, непутное житье

С разбойники, и тати, и блудницы...

Но ты сего еще не разумеешь,

И дай господь не разумеь вовеки!

С людьми толчешься — что по рынку хо-
дишь:

Шум, гам! Купцы те за полы хватают
И в лавки тащат, и товар свой суют:
«Купи, купи, почтенный! Вовсе даром!..»
Ты и берешь, и невдомек, что эти
Купцы-то — переряженные бесы,
Товары — смертные грехи, а платишь
За них душой, оно и выйдет даром,
Она бо есть невидима, душа-то!..
Ох, миленький! В пустыньку б бог сподо-

бил

Укрытися! Там райское-то есть
Веселие! Поют тебе там пташки!
Пустынька вся нарядится цветами!
Студен ручей с горы крутой падет...
Сиди над ним!.. А круг — густые ели...
Олень аль прочий зверь придет напиться...
И пташка тут на камешек же сядет
И крылушки полощет... Так-то любо!
И так душа исполнится твоя
Величием господним... и восплачет
Умильными и тихими слезами...
Вот там помолишься!.. Да, брат Григорий,
Велико дело есть пустыня!
Отче,
А как же там зимой-то жить?

А славно!

Сидишь ты словно в светозарном царстве,
Как зорьки-то играют на снегу...

Ты, может, отче, и живешь в пустыне
И ради неких нужд исшел?

Живал...

Да токмо гладом нудим был изыти.

Не одолел плотского человека,

И плоть еще не омерзила в досталь;

А может, бог назначил и страданье,

И муки претерпеть мне, чтобы душу

Очувствовать... Но я умру в пустыне!

Святые тоже ведь не все родились

Во святости... Зато потом, смотри,

Какое житие прешли, смывая

С души своей греховные-то пятна!

В огне молитвы душу, яко в горне

Заржавое железо, распалили

И правилом духовным, яко млатом,

Ее сгибали, да приемлет вид,

Какой ей дан был в помысле творца

И искривлен потом житейской нужей.

Прочти вот о святых мужах о наших.

Вот об отце Савватии стоит.

«И бысть еще сожжен отец Савватий,

В писании искусен, просветлен
Безмолвию. Когда молился он,
То был ли шум, смятенье ль между братьий

—
Ни душу к ним, ни ухо, ни глаза
Не обращал, но, в бозе пребывая,
Стоял что столп недвижим, в небеса
Молитвенной цевницей ударяя...»

А вот еще о Гурии читай.

«А также от земного бытия
И Гурий отошел. Блаженством жития
Был чуден: день и ночь молитвословил
И правила келейного вперед
На тридцать лет начел и наготовил.
Жил в бозе он, и егда ночь придет,
И егда день. И оттого блистала
Душа его премудростью творца,
Как солнцем озаренное зеркало».
Вот, сыне, свет, на оный и грядем!
Так, отче... да!.. Но как же к сим мужам
Приблизиться? Они ведь, яко звезды,
Над нами в высоте небес сияют!
А от земли пошли!
Что ж надо делать?
А что они творили? Под начало

Сперва к мужам достойным поступали
И, приобывнув волю их творить,
Уж господу потом трудились сами.
Возьми меня на послушанье, отче...
Ох, что ты! что ты! бог тебя храни!
И не моли! об этом и не мысли!
Я не гожусь!.. Наставника б обоим
Жестокого найти нам и в пустыню
Укрыться — да!
Да отчего же, отче?
Не говори об этом... Ты не знаешь.
Аль чем тебя я прогневил?
Молчи!
Не человек есмь — скот, и хуже, хуже!
Слышен стук в окно.
Мы здесь ни града, ни села не знаем!
Подайте милостыньку, христиане!
Гриша отворяет окно.
Вот адовы-то цепи!
Это нищий.
Я сбегая за хлебом к пекарям.
Чего пришел?
А что ты, черт, пропал?
Ведь две недели! От артели послан,
Чего ж валандаться? Аль уж попался,

Мы думали, — да Фенька угадала:
Уж человек такой непостоянный —
Там, мол, сидит, наверно замолился,
Вздыхает по пустыне.

И в пустыню б

Ушел — то вам какое дело?

Волки

Не мы, брат, нет! В артель не примут! Так-

то

В пустыне жить — живот сведет. Да полно!

Кончай скорее да иди в Акулькин

Кабак. Уж встречу приготовим. Разом

Отдохнешь от поста-то... Вольный воздух,

Веселые головушки!.. Слышь, Фенька

Ругается: «Иди, мол, беспременно,

Да не пустой. Гулять хочу с ним», — баит;

Не то, смотри, гулять пойдет с Отпетым.

А что тебе за дело, с кем гуляет?

Да мне-то что? Ты зарычишь, не я.

Я зарычу?.. Как я-то зарычу —

Все у меня оглохнете вы, сволочь!

Анафемы! Да что вы, слать приказы

Мне вздумали?.. Мне токмо бог закон!

Сам сатана не может надо мною

Возобладать! Уж думает, что держит,

Уж поборол, уж ухватил за горло
И говорит мне: «Отрекися бога» —
И не отрекся я!.. А вы? Да с вами
Когда я по земле иду, так лесу
Стоячего и облака я выше
Ходячего!.. И что хочу творю!
Хочу — у вас живу, хочу — уйду;
А восхощу мучений, сам явлюсь
К мучителям, и буду я спасен
Через муки добровольные... А вы,
Кроты, в норах живущие, вы, черви,
Во ад попадаете все, как сор,
Что баба выметает за порог!
Ну, полно, дядя, больно осерчал!
Проваливай!
«Гулять хочу с ним...» Аспид!
Иродиада! Вздумала пугать!
Ну, нет! Еще постой, ты мне, голубка,
Поклонишься, мне руки целовать,
Ехидна, будешь!.. Знаю вас я!..
Входит Гриша, подает нищему хлеба.
Может,
Поотдохнуть ты, дяденька, желаешь?
Нет, родненький, спасибо! Тут дорога
Большая. Побреду. Господь с тобою!

Что ж, отче? Не возьмешь на послушанье?
Возьму.

Ах, отче, то есть вот как буду
Служить тебе!

Антихристова челядь!

Когда же мы пойдем?

Когда пойдем...

Да ты тут у хозяйки как живешь?

Ты по дому ей нужен?.. И она

Тебе во всем ведь верит!.. Ты и ночью

В моленной поправлять лампадки хо-
дишь?

Хожу.

А там и сундуки стоят,

И деньги в особливом сундуке?

И деньги.

Так. И невелик сундук?

Да, невелик.

Спохватится, и станут

Искать тебя.

Да я ж уйду не тайно.

А я б тебе сказал: пойдем сейчас!

Не знаешь, что такое послушанье?

Ты должен всё оставить и идти.

Наставник — голова, а ты — рука!

Сказала голова, рука и делай!
А ладно ли, не ладно ли веленье —
Не разбирай! Иди себе и делай!
Всё знаю, отче! Всё, как есть, исполню!
А если ты окажешь противленье?
Зачем же противленье? Буду вечно
Как раб твой.

Ну, смотри, завет свой помни!
Приемлю тя под длань свою.
Помилуй

Нас, господи Иисусе, сыне божий!
Аминь!

Ух! словно отлегло от сердца!
Так вот же, чадо, вот тебе теперь
И первое веленье: пой мне песню
Бесовскую!

Бесовскую петъ песню?
Пой песню — ну, хоть «Дядя Селифан»!
Пой и пляши!

Да что ты, отче, как же?
Всё говорил такое... а теперь...
А если он не человек!.. а тоже,
Как и тогда... такое ж наважденье
От дьявола... как запою — и схватит.
И унесет!..

Отыди в место пусто,
Безводно! Князь бесовский! Запрещаю
Тебе крестом! Исчезни!.. Сгинь!.. Исчезни!..
Не выдержал и первого искуса!
Да что ты, сыне, ты совсем сомлел?..
Аль чистая душа его-то чует
Другого господина моего...
Не поборол! Осторожное исчадье!
Непостоянный, аки лист древесный!
Отыди! Сгинь! Заклятие младенца
Не повернуло всё нутро твое?
Отыди, зверь, во дебри и вертепы!..
Там обрасти струпьем и волосами,
Чтоб в ужасе и зверь и человек
Тебя бежал...
О господи! спаси!
И вся мирская злая — яко бурю
На озере Генисаретском словом
Утишил — укроти в душе моей!
Да с миром из сего изыду дому!
Очнися, сыне! что ты? бог с тобою!
Садись со мной, и облегчит господь!
Я знаю, что мне делать: утоплюсь!
Так что за жизнь? Там словно свет какой,
А тут, вблизи — всё темное! Всё рои

Бесовские... кувыркаются, скачут,
По лестнице бегут передо мною,
Согнувшись, что свиньи... хари, морды...
Так жить нельзя! Уж гибнуть, так уж сра-
зу!

Ну, полно! Не хули ты дар господень!
Против бесов молитва есть... Я тоже
Егда был млад, то вочию их видел,
И дал от них заклятие мне старец.
С гор, сказывал, Кирилловых явился...
Кирилловы-то горы знаешь?

Что там,

Какие горы!

Эх, Григорий! мало ж

Ты просветлен! А христиане тоже!

В Ерусалим небесный, вишь, пошли,

Да в полпути, куда пошли, забыли!

Кирилловы-то горы! Даже власти,

Прослыша, знать хотели, что за горы

Чудесные, какие, мол, там старцы

Скрываются? Круг всей бродили Волги,

И двадцать раз чрез самую обитель

И мимо самых старцев проходили,

А токмо лес и видели да камень:

Бо старцы и обитель зримы токмо

Для верных. Так господь сие устроил.
Но ты сего вместить еще не можешь
И многого, иде же благодать
Господня есть и действует поныне,
Спасая, аки праведного Ноя
С семьей среди великого потопа,
Немное число избранных верных.
Не гневайся, а отпусти мне, отче,
Вину мою! Со мной уж было это
От беса омраченье... Вот как было;
Тому теперь недели три, сошлись
К нам странники, да трое, разных вер,
И спорили, и всяк хвалил свою,
Да таково ругательно и блазно!
Как улеглись, я тоже лег на одр.
И так-то у меня заныло сердце,
И мысленно я стал молиться богу:
«Дай знаменье мне, господи, какая
Перед тобой есть истинная вера?»
И не заснул — вот как теперь смотрю:
Вдруг в келью дверь тихонько отворилась,
И старичок такой лепообразный
Вошел и сел на одр ко мне, и начал
Беседовать, да ладно так и складно!
Все хороши, мол, веры перед богом;

Зрит на дела, мол, главное, господь;
А что когда, мол, знать желаешь больше,
Так приходи к соборному попу...
И как сказал он только: «Поп» — я вздрогнул,

Вскочил и крикнул: «Да воскреснет бог!»

Он и пропал — ну, видел я — во прах

Рассыпался... С тех пор и опасаясь...

И следует. Напущено от змия.

Что я не спал, то верно!

Верно, верно!

А что же, отче, ты про старцев начал?

Про старцев?.. Да, великое то дело!..

Вот прочитай из книжицы, увидишь,

Какие это старцы, как живут...

Единогo от них тут есть посланье

Ко братии... Отсель: «А обо мне...»

«А обо мне вы не скорбите, братья!

Живу я в месте истинно покойном.

Живу я со отцы святыми. Мужи

Сии цветут, что финики, что крины,

Что кипарисы в тихом, злачном месте.

От уст их непрестанная исходит

К всевышнему сердечная молитва,

Что миро добровонное, что ладан,

Что сладкий дым звенящего кадила.
И, егда ночь, сия молитва зрима:
Из уст их огненным столбом восходит
Она на небеса, и всей стране
В то время свет бывает от нее,
И можно честь без свещного сиянья.
И бог сие им дал, что возлюбиша
Всем сердцем господа, и сам господь
Их возлюби; и всё дает, что просят.
А просят же они не благ житейских,
Не временных, прелестных здешних благ,
А тишины и радости духовной,
Дабы, когда судить живым и мертвым
Приидет он во славе и сияньи,
За подвиги великие им воздал
Веселием во царствии небесном»,
Ужели есть теперь такие старцы?
Ну и куда б еще деваться им?
Ведь сказано, что будут пребывать
Незримы до пришествия Христова!
Так... так... Ну, а молитва их и ныне
На небе огненным столбом видна?
Видать-то все видают, да не знают,
Отколь столбы.
А где же это будет?

Где? И в Поморье... и на Белом море...
Там с карбаса, идя на рыбный промысл,
Видали. Паче же — на Волге, место
Над Балахной, в стране нижегородской;
Там горы-то Кирилловы и есть!
И мимо их судов проходит много.
Коль на судах народ благочестивый,
То, что врата, разверзнутся вдруг горы,
И друг за другом старцы те выходят,
И кланяются судоходцам в пояс,
И просят их свезти поклон ко братьям,
Живущим вниз по Волге, в Жигулях;
И подойдет расшива к Жигулям,
И судоходцы кличут громким гласом:
«Гой, старцы жигулевские! везем
Мы вам поклон с Кирилловой горы!»
И расступаются тут паки горы,
И алебастр разверзнется и камень,
И друг за другом выступают старцы
И за поклон пловцов благословляют.
И полетит тогда в низовье судно,
Ограждено от бурь и непогоды
Напутствием боголюбивых старцев.
А вот еще другое место есть:
Есть целый град, стоящий многи веки

Невидимый, при озере. И было
Сие вот так: егда на Русь с татары
Прииде лютый царь Батый, и грады
Вся разорял, и убивал людей,
И, аки огонь, потек по всей стране,
Против него великий князь Георгий
Ходил с полки свои, и был побит,
И побежал во славный Китеж-град —
Его же сотвори во славу божью;
И погнались татарове за ним;
И бысть во граде плач; и прибегоша
Во храмы люди, умоляя бога, —
И бог яви свою над ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда татары кинулись на приступ,
Внезапу град содеяся невидим!
И по ся дни стоит незрим, и токмо
На озере, когда вода спокойна,
Как в зеркале, он кажет тень свою:
И видны стены с башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви с позлащенными главами...
Пречудное то зрелище! И явно —
Всё на тени: как люди идут в церковь,
И старицы и старцы, в черном платье,

По старине одетые... И слышен
Оттуда гул колоколов... И тамо
Жизнь беспечальная, подобно райской!
А виден град всем жителям побережным
Круг озера по утренней заре
Иль в тихие вечерние часы, —
Но внити в оный может токмо тот,
Кто путь прейдет, ни на минуту бога
Из мысли не теряя; бо сей путь,
«Батыева тропа» рекомый, страхи
И чудищи различными стрегом!
Претерпишь хлад и глад. Зверь нападет
И змии на тебя. Восстанет буря.
И бесы на тебя наскочут, с песьей
Главою, с огненными языками,
И эфиопы черные, как уголь!
Ты всё ж иди вперед и богомысли!
И победишь все дьявольские страхи,
Ни хлад тебя, ни глад не остановит,
Ни зверь, ни змий, ни сатанинский табор
Нигде тебе в пути не воспретит —
Тебе врата отверзнутся во граде,
И выйдут старцы друг за другом, с песнью
Приемлющи сподвижника и брата.
О господи Исусе!

Вот что, отче, —

Что хочешь, я исполню! Всё, что хочешь!

А покажи хоть тень святого града!..

Как древние ходили человеки...

И звон-то, звон колоколов послушать...

А звон у них серебряный и чистый,

И словно как не колокол гудит,

А ровно что небесная лазурь

Сама звенит.

Хрустальное-то небо!

Сие всё вам, в миру живущим, чудно,

Бо в тьме пребысте, а чудес немало

Есть на Руси. Град Китеж не один.

Есть церквы, перешедшие в пустыню

Из людных мест, с попами и с народом.

С Суры-реки из града Василя

Шел крестный ход в Перепловеньев день.

И люди те так богу угодили,

Что церковь вдруг пошла пред крестным
ходом,

И крестный ход за ней! За ней!.. И горы

Ровнялися, и расступались реки, —

Всё шел народ с хоругвями и пенъем,

Доколе в Керженских пустынях церковь

Не стала, и взошли в нее все люди,

И до сих дней стоят в ней, и пребудут
До страшного пришествия Христова,
Святой канон пасхальный воспевая.
Поведаю о сем я благовестье
Тебе за то, что возлюбил тебя
И что твою неопытность жалею;
Бог даст, найдешь кого из добрых старцев
И под его началом укрепишься:
Бо добрая еси ты почва, семя
Не на песок он кинет, не на камень;
Прозябнет и, быть может, плод подаст,
И вкусишь ты от благодати...
Я же
Еще свершу здесь некакий обет
И удалюсь безмолвствовать в пустыню.
Прощай пока.
Я, отче, не отстану
Возьми меня.
Нет, миленький, оставь!
Не погуби! Возьми! Возьми с собой!
Уж говорю, всё сотворю. На смерть
Пойду! На муки! Ни единой мыслью
Не усумнюсь! Всем существом твой буду!
Возьми!.. Имею рвенье, отче... Только
Возьми меня!

Ну вот ведь: сам толкает!

Сам лезет!.. Аль уж с ним пойти... Как
знать?

Мне, окаянному, господь, быть может,
В сем отроче спасенье посылает...

Петь повелишь мне песню и плясать?
Гуляют...

Повелишь?

Другая тройка; женский голос слышнее
прочих.

С Отпетым катит!..

Ишь залилась! Чтобы ей пусто было!

Ну, что ты вздумал петь... Вон те орут...

А нам с тобой не это надо...

Что же?

Что повелишь — всё сделаю.

А вот что:

Взаправду ли готов ты всяко бить

Антихриста? Еретики бо суть!..

Еретика убить ведь можно?

Нет уж,

Что убивать! А если убивать —

Хозяйку-то убей ты сундуком...

Тот, с деньгами, подымешь ли?

Могу.

Ну, так поди, неси его сюда!
Затопим печь и запалим! Иди!
Вот я ж вам дам ломаться надо мною!
Блудница вавилонская! Да стерли б
Ей черти черные-то брови! Змеи б
Ей высосали ясны очи!

А грех-то сделан...

Ну, в последний раз!

Всё замолю! всё замолю! Зарок
Даю! Ты благ, господь! Ты милосерд!
Разбойнику, блуднице ты простил...
Изыдут у меня слезами очи!
К ногам твоим паду — и уж не встану,
Доколе не простишь! Спасу и мальчика...
Надену власяницу. Плоть растлил —
Ожесточу!..

Вот, отче.

Ладно, ладно.

Как только нечто справим здесь — в пу-
стыню!

Теперь постой же.

Ровно как в тумане!

Тут векселя... бумаги именные —

В огонь, в огонь!.. А это взять покамест.

Ну, зажигай!

Да надевай шубенку!
Чего стоишь, Григорий! Заруби же:
Что б ты ни увидел теперь — не блазнись!
Наутрие в пустыню! Ну, скорее!
1866

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

<ГЛАВА> 4

*Виденье было мне: внезапно небо
Разверзлося, и глас, трубе подоб-
ный,
Подобный шуму многих вод паду-
щих,
Мне рек: взойди сюда и виждь,
что будет.
И я узрел — престол. На нем Седя-
щий
Сиял, как аспид-камень или сар-
дис.
И радугой смарагдовой престол
Был окружен, и двадесять четыре
Вокруг него других престола бы-
ло,
И двадесять четыре восседадо
На оных старца, в белых одеяньях
И со златыми на главах венцами.*

И от престола исходили громы,
И молнии, и гласы, и горели
Семь огненных светильников пред
ним.

И пред престолом было словно
море
Стеклянное, и вокруг него четыре
Животных, испещренные очами.
И первое подобно было льву,
Тельцу — другое, третье же име-
ло

Лик человеческий, а остальное —
Летящего орла имело вид.

И по шести они имели крыл,
И день и ночь зывали: «Свят,
свят, свят
Господь бог вседержитель ныне,
присно
И вовеки веков». Когда ж зывали

—
С своих престолов поднимались
старцы,
И поклонялись, и полагали
Свои венцы перед большим пре-
столом,
И говорили: «Ты еси достоин,
Господь, прияти славу, честь и си-
лу,

*Бо сотворил ты всё и всё содержишь,
И волею твоею всё существует».*

<ГЛАВА> 5

*И видел я: Седящий держит книгу,
И книга та исписана снаружи
И изнутри. И семь на ней печатей.*

*И громким гласом ангел вопро-
сил:*

*«Кто оную открыть достоин
книгу*

И сняти с оной седьмь ее печатей?»

*И никого достойных не явилось
Ни на земле, ни на небе, и плакал
Я, что достойных нет ее от-
крыть.*

*Тогда один из старцев мне сказал:
«Не плачь: се лев, исшедший из ко-
лена*

*Иудина и корени Давида,
Что победил, — Он разогнуту
книгу*

*И сняти седьмь ее печатей мо-
жет».*

И я взглянул — и видел: меж пре-

стола
И четырех животных и средь
старцев
Стоит как бы закланный агнец,
седмь
Рогов и седмь имеющий очес.
Он, подошед, взял книгу из десни-
цы
Седящего — и пали перед агнцем
Животные и старцы, каждый гус-
ли
Держащие и золотые чаши,
Из коих фимиам курился (а то
были
Святых мольбы). И новую они
Воспели песнь: «Достоин взять
ты книгу
И снять с нее печати: был заклан
И искупил своей нас кровью, всех,
Из всякого колена и народа,
И племени, и языка, и стали
Мы господу иереи и цари,
И на земле тобою воцаримся».
И видел я, и слышал голос многих
Окрест престола ангелов, живот-
ных
И старцев (их число же бысть
тьмы тем),

*И возглашали все: «Достоин агнец
Закланый честь приять, премуд-
рость, силу,
Богатство, славу и благослове-
нье!»*

*И всякое создание на небе
И на земле, и под землей, и в море,
Вся сущая в них говорили: «Слава,
И честь, и крепость, и благослове-
нье*

*От всех тебе, Седящий на престо-
ле,*

И агнцу ныне, присно и вовеки!»

И изрекли животные: «Аминь»,

И двадесять четыре старца пали

И поклонились сущему вовеки.

<ГЛАВА> 6

*И видел я, что первую печать
Снял агнец, — и одно из четырех
Животных мне сказало громким
гласом:*

*«Иди и виждь». И видел я: конь,
бел.*

*На оном всадник держит лук, и
дан*

*Ему венец, и шел как победитель,
Чтоб побеждать.*

Вторую снял печать он —
Второе мне животное сказало:
«Иди и виждь». И видел я: конь
рыж.

На оном всадник послан был,
чтоб мир
С земли унести, — да убьют друг
друга.
И дан ему большой был меч.

И третью
Он снял печать, и третье мне
сказало
Животное: «Иди и виждь». И-се:
Конь вороной. Держал мерило
всадник.
И слышал я среди животных го-
лос:
«Хеникс[67] пшеницы за денарий.
Три
Хеникса ячменя — денарий тоже.
Елея ж и вина не повреждай».

Четвертую печать он снял, и мне
Четвертое животное сказало:
«Иди и виждь». И я взглянул: конь
бледен.
На оном всадник — Смерть. И це-

лый ад
За нею шел. Ей власть была дана
Над четвертью земли, чтоб
умерщвлять
Людей мечом, и голодом, и мо-
ром,
И всякими зверьми земными.

Снял
Он пятую печать, и я увидел
Под алтарем за слово божье души
Побитых, возопившие: «Доколе,
Святой владыко истинный, не су-
дишь
За нашу кровь живущих на зем-
ле!»
И белые даны им были ризы,
И сказано, да починут, покуда
Сотрудники и братья их не при-
мут
Такую ж смерть и тем число по-
полняют.

Шестую снял печать он, и я ви-
дел:
Восколебалася земля. И солнце,
Что вретнице, потускло. И луна
Кровавой стала. Звезды с небеси

Посыпались, как сорванные ветром
Незрелые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившись, как свиток,
С великим шумом. Всякая гора
И остров сдвинулись с мест своих,
И все цари земные и вельможи,
Богатые и бедные, рабы
И вольные — укрылись в пещеры
И слезно говорят горам и камням:
«Рассыпьтеся на нас вы, горы!
Скройте
Нас от лица Седящего на троне
И гнева агнца! Се грядет день
страшный,
День гнева и суда! Кто устоит!»

<ГЛАВА> 7

И четырех я ангелов узрел,
На четырех концах земли стоящих
И держащих земных четыре ветра,
И власть имевших оными ветрами

Морскую хлябь и сушу истязать.
И пятый ангел от страны во-
сточной
Восшел и кликнул им: «Не повре-
ждайте
Ни древ, ни трав, ни моря, ни зем-
ли,
Доколь мы на чело рабов господ-
них
Печати не положим!..» И число
Запечатленных слышал я: сто со-
рок
Четыре тысячи от всех колен
Израиля; и сверх того несчетно
Людей из всех племен земных сто-
яло
Перед престолом и пред агнцем, в
белых
Одеждах, с ветвями от пальм в
руках.
И восклицали все: «Хвала тебе,
Седящий на престоле! Слава агн-
цу,
Бо чрез него имеем мы спасенье!»
И ангелы, которые стояли
Вокруг престола, старцев и жи-
вотных,
На лица пали, поклонясь престолу

Господнему, и изрекли: «Аминь!
Благословение, и честь, и слава,
Благодаренье, сила и премуд-
рость,

И крепость богу нашему вовеки».
И обратясь ко мне, един из стар-
цев

Спросил: «Кто эти в белых одея-
ньях,

Откуда изошли?» Я отвечал:

«Тебе знать, господине!» И сказал
он:

«Сии прешли через велики скорби;
И одеяния свои омыли

И убелили честной кровью агнца;
Чрез то стоят перед престолом
божьим

И служат день и ночь ему во хра-
ме;

И он собой их как шатром покро-
ет;

И уж они не взалчут и не взжаж-
дут;

Не попалит уж их ни зной, ни
солнце,

Бо агнец их пасти бездремно бу-
дет,

И на источник вод живых водить,

И всякую слезу сотрет с очей их».

<ГЛАВА> 8

Седьмую агнец, разломил печать

—
*И сделалось безмолвие на небе
Как бы на полчаса. И видел я:
Семь ангелов стоят перед престолом,
И им дано семь труб. И кроме их
У алтаря еще, с златым кадилом,
Был ангел. Оному дан фимиам,
Чтобы его с молитвами святых
Он возложил на жертвенник господень.
И дым восшел от жертвенника к богу.
Он взял потом кадило, и наполнил
Огнем от алтаря, и опрокинул —
И в воздухе раздались гласы, громы,
И молнии взвились, и потряслась
От них земля; семь ангелов же,
трубы
Поднявши, приготовились трубить.*

И первый ангел вострубил — и до-
лу
Пал град и пламя, смешанные с
кровью, —
И третья часть земли и древ от
них,
И вся трава зеленая — сгорели.

И вострубил второй: как бы гора,
Огнем горящая, низверглась в мо-
ре —
И моря третья часть вдруг ста-
ла кровью,
И третья часть созданий, в нем
живущих,
И третья часть судов на нем —
погибли.

И третий ангел вострубил — и
пала
Звезда, свече подобная, на землю,
На третью часть источников и
рек —
«Полынь» звезде сей имя, — и по-
лынью
Их воды потекли, и умирали
Все пившие от сих прогорклых
вод.

И вострубил потом четвертый
ангел:
И третья часть луны, и звезд и
солнца
Затмилась, и от дня и ночи свету
Убавилось на треть. И видел я:
По небу ангел полетел, взывая
К земле: «О горе, горе, горе всем
От остальных трех трубных го-
лосов
Трех ангелов, имеющих трубить».

<ГЛАВА> 9

И пятый вострубил. И видел я:
Упала с неба на землю звезда.
Ей дан был ключ, чтоб кладезь
бездны вскрыть, —
И вскрылся кладезь бездны, и ис-
шел
Из оной дым, как из печи, и солнце
И небеса от оногo потускли.
И выпала с тем дымом саранча,
И сказано ей было: не вредить
Ни трав, ни дрeв, ни злаков, — но
людей,
Печатью бога не запечатленных,
Язвить и жалить, аки скорпионы,
И мучить их пять месяцев, но

токмо

Не убивать. И взжаждут смерти
люди,

Пойдут искать ее — и не найдут...

Та ж саранча подобна с виду ко-
ням,

На битву снаряженным. Голова
Как бы с золотым венцом. Лицо ж
ее —

Как человеческие лица. Зубы
Подобны львиным. Косы как у
женщин.

На теле словно как стальные бро-
ни,

А шум от крыл — как стук от ко-
лесниц,

На брань везомых множеством
коней;

Хвосты же, как у скорпионов, с
жалом.

И, яко царь, ее вел ангел бездны,
Зовомый по-еврейски Аввадон,
По-гречески ж Аполлион (губи-
тель).

Се первое минуло горе. Вслед
За ним грядут еще два новых, гор-
ших.

Шестой господень ангел вострубил.

И я услышал громкий глас из рога,

Единого из четырех рогов,
Которыми снабжен алтарь был
божий.

Он ангелу трубившему изрек:
«Четыре ангела стоят и ждут,
Окованные, при реке Евфрате:
Сними с них узы». И разбил он узы.
И — ждавшие сего часа, и дня,
И месяца, и года — устремились
Четыре ангела, чтоб третью
часть

Людей убить. И было две тьмы
тем, —

Сие число я слышал, — с ними войска.

То были всадники в горящих бронях,

Имевших цвет огня, и гиацинта,
И серы. Кони ж с львиной головой;
Из пасти их огонь, и дым, и сера
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змеями, — и гибли лю-
ди

От змей и дыма, пламени и серы,

—
И треть из них сим образом по-
гибла.

Которые ж остались и зрели
Сии бичи — пребыли яко слепы;
И не покаялись в делах своих;
И кланялись по-прежнему бесам
Серебряным, и золотым, и мед-
ным,
И каменным, и всяким истука-
нам,
Руками сотворенным, не могу-
щим
Ни видети, ни слышать, ни хо-
дить;
И не покаялись в своих убийствах,
Ни в блуде, ни в татьбе, ни в волх-
вованье.

<ГЛАВА> 10

И се, нисшел еще от неба ангел...
Как облако его клубились ризы;
Над головою радуга блистала;
Лицо ж что солнце у него, а ноги,
Как огненные два столба, горели;
В руке держал развернутую кни-
гу;

И правую ногой ступил на море,
А левою на землю, и воскликнул
Он грозным гласом, как рыкает
лев.

Когда ж воскликнул, семь громов
тогда

По всей вселенной подали свой го-
лос.

Когда же громы подали свой го-
лос,

Хотел писать я, но услышал с
неба

Глас, говоривший: «Скрой и не пи-
ши

Того, что семь громов прогово-
рили».

И ангел, тот, которого я видел
Стоящим на море и на земле,

Воздвиг десницу на небо и клялся
Сотворшим небо и что в нем, и
землю

И что на ней, и море и что в нем,

—
Что времени отсель уже не бу-
дет...

<1868>

БАЛЬДУР

Песнь о солнце, по сказаниям Скандинавской Эдды

*Ночь и буря снежная в пустыне,
Вьюги рев неистовый и хохот...
Лишь на миг проглянет бледный
месяц
И осветит мутным светом кам-
ни,
Между камней вековые ели,
И мелькнет, как тень, на горном
гребне
Темный образ всадника... То Ко-
нунг,
На пути застигнут бурей, едет.
Ветер треплет волосы седые,
Рвет с могучих плеч медвежью
шубу, —
Конунг бури яростной не слышит.
Добрый конь идет не отступаясь
По корням древесным и по кам-
ням,
Для него привычен путь пусты-
нный:
Там в горах живет маститый
старец,*

*А к нему не только люди — боги,
В виде смертных странствуя по
свету,
На совет заходят и беседу.*

Мрачны своды в темном подземельи.

*По изломам их идет далёко
С очага колеблющийся отблеск.
Вещий старец и великий Конунг
У огня сидят в глубокой думе.
Тень от них едва дрожит на сводах.*

*Сын погиб у Конунга — последний
Из троих, и с ним погас могучий
Гальфов род, исшедший от Одина.
Девять дней среди пустых чертогов*

*Взаперти сидел великий Конунг.
Наконец коня спросил и молча
В горы к старцу вещему поехал;
Издали за ним следили слуги.*

*Пышет пламя всё светлей и выше,
Но сидит, потупив очи, Конунг:
И теперь, и дома, и как ехал,*

У него повсюду, неотступно,
Атли труп безмолвный пред очами.

Вдруг возник — как бы сходящий с
неба —

Луч пред ним и тихо проплывает,
А в луче ряд Конунгов брадатых.
Наверху, далёко — некто свет-
лый.

Ниже — лица Конунгу знакомы:
Прадед, дед, отец; последний —
сам он,

А за ним уж луч как бы обрезан.
Сдвинулись его густые брови...
Но виденье проплыло и скрылось;
Понемногу снова пред глазами
Атли труп безмолвный выступа-
ет...

Вот из тьмы опять выходит
словно

Поле битвы. Ветер гонит тучи.
Между туч просвечивает месяц.
Девы битв, Валкирии, возводят
Падших в небо: Конунгов меж ни-
ми

Средний сын. Видение сокрылось...

Тьма опять кругом; перед очами
Снова труп безмолвный выступа-
ет —
Но не Робберт, а всё тот же Ат-
ли.

Вот из тьмы плывет блестящий
город.
Корабли причаливают с моря.
Приступ. Люди на стенах, сам Ко-
нунг.
Вдруг в глазах его валится мерт-
вый
Старший сын... И всё опять умча-
лось.
Снова тьма кругом; перед очами
Труп опять безмолвный выступа-
ет —
Но не Вилли, а всё тот же Атли.

Бурный мыс — скалистый дикий
берег.
Сонм проклятых душ — убийц и
татей,
Бедняков озлобленные души —
Вылетают вдруг из-за ущелий,
Корабли разбрасывают, топят;

Вот сам Конунг — держится за
мачту...

Вдруг волна. Корабль захлеснут.
Конунг

Борется средь пенящейся бездны,
—

А вверху, над ним простерший ру-
ки,

Необъятный, во всё небо, образ,
Но лица, как на тени, не видно...

Проплыло видение и скрылось,
Выступает снова тело Атли —

Но над ним остановился образ
Необъятный, без лица и темный,
И схватить руками тело хочет...

В этот миг заговорил вдруг ве-
щий:

«Боги — в небе, в мире — человеки,
В темном аде — яростная Гелла;

Надо всем — Судьба, лица кото-
рой

Не видал никто во всей вселенной.
Как слепцы, мы бродим в этом

мире;
Жребий всем дается при рожде-
нии,

*И его не только люди — боги
Изменить не властны».*

*Головою
Покачал, не отвечая, Конунг.*

*Уж огонь на очаге слабеет,
И горой лежит горячий уголь,
Словно дышит золото живое.
И еще длиннее и темнее
От сидящих протянулись тени.*

*«Сын был у Одина Бальдур, — снова
Молвил вещий старец. — Тщетно
боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждут судьбы своей покорно».*

*Поднял Конунг против воли очи.
«Я тебе о Бальдуре, о Конунг,
Расскажу». И — словно мирозда-
нья
Глубина пред ним открылась —
вещий
Устремил в пространство взор и*

начал:

«Мрак был в мире. Вдруг орлы
вскричали,
С гор небесных пролилися воды,
Грянул гром, и свет в простран-
ство брызнул:
Народился Бальдур златокудрый!
Народился и помчался в небе,
Сыпя стрелы в недругов бегущих,
Юный, светлый, в панцире и шле-
ме,
В колеснице с белыми конями.
Клик и пенье в воздухе раздались,
Восклицали все народы: слава!
Восклицали боги в небе: слава!
Слава свету родшемуся, слава!
Слава родшим — Фригге и Одину!

Так потом — на Бальдуrowой сва-
дьбе —
Вдохновитель песен, светлый
Брагги,
Пел ему с заздравным кубком сла-
ву.
Да! тогда божественный не ду-
мал,
Что придется скоро песнь иную

Спеть ему на Бальдуrowой тризне...

Уж в тот миг, как он родился,
Фригга

Слышит — ворон ворону прокаркал:

«Чую, чую, родился Бальдур,
Радость в небе, да и пир у Геллы».

У подножья мирового дуба,
У ключа медвяного, так норны
В то же время предрекли Одину:
Век недолгий Бальдуру назначен;
Он умрет — всё в мире пошатнется,

И настанет общее крушеньё.
Вдруг струя медвяная иссякнет,
От которой с каждою зарею
Боги пьют и почерпают силу,
Блеск и юность вечную, и крепость,

И они внезапно поседеют,
А на древе жизни свянут листья.
Все враги, которых лишь сковавши,
Боги мир создать могли, восстанут.

Лютый змей, на дно морское и ми
Вкруг земли поверженный в око-
вах,
Встрепенется, пламенем и смра-
дом
Небеса наполнит, потрясая
И земли и неба твердь, а воды
От его ударов расплеснутся
И с земли, кроме гор, всё смоят.
Волк Фенрир, которому насилу
Увязали боги пасть, — он пугы
Разорвет и челюсти раскроет,
А когда раскроет, то коснется
До земли одной, другой до неба, —
А уж он одним ледяным дыха-
ньем
Убивает всё, что встретит.
Солнце
И луну проглотит он, и боги —
Кто пойдет с ним в бой, окамене-
ет;
Светлый Азград рушится, и
смертный
Мрак и хлад вселенную постиг-
нет.

Вот что норны мрачные сказали
При рожденьи Бальдура Одину,

Отчего у миродержца разом
На челе тогда ж запечатлелись
Две бразды, да так уж и остались.
Все с тех пор творения и боги
Устремили к Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый он выйдет
Иль совсем не явится на небо —
По вселенной трепет и смятенье.

Но о смерти и не думал Бальдур;
Не давал мечу в ножнах заржа-
веть,
Сыпал щедро золотые стрелы,
Избавляя страны и народы
От чудовищ, населявших землю.
Неудачу только раз он встретил:

Выезжал он мир смотреть, и ви-
дит —
Чудные на севере чертоги.
К золотым вратам подходит де-
ва,
Подымает руку, чтоб щеколду
Отодвинуть, а от рук внезапно
Воздух, воды и весь мир чудесным
Озарились светом, а на землю
Вдруг цветы посыпались и жем-
чуг.

Удержал коней невольню Бальдур.
На него через плечо взглянувши,
Дева словно замерла. Вдруг слы-
шен

Точно зверя рев: бежит косматый
Великан — и закричал, затопал,
Стал грозить на Бальдура, а деву
Вмиг жезлом серебряным ударил,
И она, как мертвая, упала.

На плечо ее косматый вскинул
И ушел с ней в горы, там и скрыл-
ся;

Бальдур отыскать не мог и следу,
Как ни бился. Наконец ударил
По коням и прискакал в Валгаллу.
Пышет гневом, шлем и панцирь
сбросил,

Заперся в свой терем, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.

Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вести.
И вернулись вестники, сказали:
Великан тот — чародей великий,
Побежден был некогда Одним
И ушел на север; там построил
Изо льдов дворец себе чудесный
И сидит там, дожидаясь часа.

Дева-дочь его. Ей имя Нанна.
И, жезлом ее ударив, старый
Не убил, а в сон поверг глубокий,
И в горах на самую крутую
Положил, ту гору в плоть до неба
Окружив живым огнем, как ты-
ном.

Друг за другом полетели боги
И пытались проскочить сквозь
пламя —
Но напрасно! Пламя так и воеет!
То сробеет конь, а то и всадник.
Слышит Бальдур: вдруг поднялся
с ложа,
Панцирь, шлем, и — на коня! И
только
Боги в страхе видели, как пламя
Взволновалось и за ним закры-
лось.
Он прорвался.

А прорвавшись, Бальдур
Видит — терем; входит — ряд по-
коев.
Тишина глубокая. Из окон
Полосами падая, играет
На столбах хрустальных красный

отблеск.

Вот в последнем наконец покое
Видит он: в тяжелой броне, в
шлеме,

Спит его красавица. Тихонько
Снял он шлем — рассыпалися куд-
ри;

Распорол мечом ремни на броне
—

И открылась грудь девичья;
вскрикнул —

Тихо очи спящая открыла...

И чрез миг уж с нею мчался Баль-
дур,

И встречали радостно их боги.

Пир венчальный закипел на славу:

Из Валгаллы раздавались громаы,

Дождь златой блистая падал с
неба,

Молодая сыпала на землю

Полной горстью и цветы, и жем-
чуг.

Вот с тех пор и началось то вре-
мя,

Что потом все золотым назвали,
—

Всюду жертвы Бальдуру дыми-

лись,
Всюду песни в честь его гремели.
Боги стали даже прорицанье
Забывать — как вдруг оно восста-
ло
В полноте ужасной перед ними.

Утром — раз сошлись они на зав-
трак —
Вдруг вбегает Нанна и, в колени
Бросясь к Фригге, вся в слезах,
вскричала:
«Скоро Бальдур наш умрет». Вско-
чили
Боги с мест, едва не расплеснувши
Мед из чаш своих. «Ему присни-
лось, —
Говорила Нанна, — что в глубо-
кой
Он сидит темнице; рвется, рвет-
ся
И никак уж вырваться не может.
Хочет крикнуть — крику нет... и
начал
Задыхаться... и еще рванулся —
И глаза открыл. Вскочил. На ло-
же
Весь в поту сидит... Всё это — к

смерти!»

Побежать хотела Фригга к сыну,
Но Один ей повелел остаться,
На богов кругом сурово глянул,
Сделал знак невестке и с ней вме-
сте

Вышел в спальню к Бальдуру. Шеп-
таться

Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сон. Вернулся
Царь Один и сел на троне, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда,
На него взглянувши, испустили
Вопль, такой пронзительный и
сильный,

Что на полках зазвенели чаши.

Вслед за ними — кто вопить и
плакать,

Кто кричать, чтобы унять тре-
вогу,

Кто молить — но уж никто не
слушал, —

Спор и крик, каких и не бывало,
Поднялся в обители блаженных.

Но между богами только Локки
Не упал один, казалось, духом.

Брат Одину, красотой с ним сход-

ный,
Гордо он держал себя с богами,
Помнил все их промахи и рад был
Иногда в их мед влить каплю яду.
Вечно с новой выдумкой, он часто
И вводил их в тяжкие напасти,
И спасал порой от бед великих.
Между тем как вокруг его крича-
ли,
Он, глазами упершись в землю
И поднявши плечи, начал — точ-
но
Сам с собою — говорить; лишь по-
сле,
Увидав, что начинают слушать
И смолкать, к нему тесняся, бо-
ги,
Постепенно возвышал свой голос
И с обычным говорил искусством.
Он сказал, что, может быть, на-
прасны
Все тревоги. Не всегда правдивы
Сны бывают. Иногда напротив:
Страшный сон провозвещает ра-
дость.
Прорицаньям тоже он не очень
Доверяет: «Вещи те жены
Уж давно покоятся в могилах,

А из слов их не сбылось доселе
Ничего. Да и откуда может,
В самом деле, быть для нас опас-
ность?

Те враги, которых мы когда-то
Заковали в цепи, — те не могут
Двинуться, пока жив будет Баль-
дур;

Стало быть, беда придет от тва-
ри

Иль от нас, богов. Но боги — кто
же

На себя подымет руку? Твари —
А от тварей взять бы можно
клятву,

Чтоб хранили как зеницу ока,
Дорогого Бальдура, не смели б
Повредить ему никак, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болезни.
От огня, воды, от руд и камней,
От ехидн и змеев, зелий, ядов,
От дерев и трав, от всех взять
клятву,

И дадут все, рады будут. Бальдур
Всем им мил. Тогда чего ж боять-
ся?»

Осторожны были боги с Локки,

Но при этой речи, видя ясно,
Что коварства нет в ней никакого,
Стали духом веселеть. И вправду
Рассудить нельзя б, казалось, лучше!

Локки сам доволен был, высоко
Тотчас поднял голову; а боги
Повторяли дружно: «Ай да Локки!»

И решили тотчас же исполнить,
Что сказал он, и самой же Фригге
В мир пуститься за всеобщей
клятвой.

Фригга, вздев пернатую сорочку.
Обернулась лебедью и тотчас
В мир стрелой помчалась из Вальгаллы,

Но Один, отец и мироздатель,
Из собранья, с золотого трона,
Поднялся, не просветлевши лицом.

Оседлал коня он и поехал
В темный ад. Там, близ чертогов
Геллы,
Был курган из диких камней сло-

жен;
Под курганом тем была могила,
А в могиле этой схоронили
Валу, ту из вещей жен, что много
Мудростью и даром прорицанья
Помогла Одину в оно время.
С ней теперь он пожелал беседы
И из тьмы ее решился вызвать.

Загремело и загрохотало
Вдруг по темным адским подземельям,
Как влетел в него огнедышащий
И скакал по камням конь Одинов.
Адский пес с разинутою пастью,
Грудь и шея облитые кровью,
Ринулся схватить его за горло —
Но тотчас же, сшибленный копытом,
С громким визгом покатился на-земь.
У могилы бог остановился
И, с коня прыгнув, немедля начал
Вызывать покойницу из гроба:
Спел сперва какую надо песню
И сказал слова; потом ударил
По земле жезлом, на север глядя,
И, трикраты громко крикнув:

«Вала!» —
Повелел восстать ей из могилы.

Из могилы поднялася Вала.

И о том, что ими говорилось,
Так в старинных сказывают пес-
нях.

Кто дерзнул мой вечный сон нару-
шить?

Много лет в земле сырой лежу я.
Надо мною бушевали вьюги,
Дождь мочил, роса меня кропила.
Я мертва была. Кто ты? Что на-
до?

Кто он — скрыть хотелось Оди-
ну,
Он назвался смертным челове-
ком.

Смертный я — и странствую по
свету.

Я — свет белый, ты — мир тем-
ный знаешь.

Для кого ж, о вещь из вещей,
Расскажи, у вас в подземном цар-

стве
И скамью, и ложе золотое,
Кольцами украшенные, ставят?

В чаше мед кипит, щитом покры-
тый, —
Бальдур будет пить. Скамья и ло-
же
Для него ж. Но прекрати расспро-
сы,
Страшные ты спрашиваешь тай-
ны.
Поневоле говорю я. Будет!

Погоди, скажи еще мне, Вала!
Знать еще хочу я: кто из смерт-
ных,
Кто лишит наследника Одина?
От кого погибнет светлый Баль-
дур?

Годр слепой — не смертный. Он
откроет
К адской Гелле светлomu дорогу.
Страшные ты спрашиваешь тай-
ны.
Поневоле говорю я. Будет!

Погоди, скажи еще мне, Вала,
Я желаю знать: неотомщенным
Бальдур быть не может. Мститъ
кто будет?

У Одина будет сын от Ринды.
Он волос чесать, мыть рук не бу-
дет,
Не отмстив виновному. Доволь-
но.
Поневоле говорю я. Будет!

Погоди, еще скажи мне, Вала!
Я еще желаю знать: как имя
Той жены, что не захочет пла-
кать,
Как по Бальдуре все плакать бу-
дут,
И покрова с головы не снимет?
Прежде чем заснуть опять — ска-
жи мне.

Ты всё знаешь сам, давно я вижу,
Но желал бы лучше ошибиться,
Чем всё знать. Один, отец вселен-
ной!
Удались, — и можешь похвалить-
ся,

Что меня не вызовет из мрака
С сей поры уже никто, — до часа,
Как придет всемирное крушенье.

И в могилу опустилась Вала.
Ускакал Один еще мрачнее.
Так в старинных говорится пес-
нях.

Фригга, взяв от всех творений
клятву,
Чтоб не ранить Бальдура ни в
сердце,
Ни в сырую кость, ни в ясны очи,
Ни во всё живое бело тело,
Чтоб хранить его от всякой боли,
Всякой скорби, всяческой напасти,
Воротилась в Азград, и все боги
Были рады, высыпали на луг —
С Бальдуrom играть и забавлять-
ся.

Все кругом красавца обступили
И давай метать в него — кто
стрелы,
Кто каменья, с копьями, с меча-
ми
Нападали на него с разбегу;
Но каменья, стрелы мчались ми-

мо,
Копья и мечи по нем скользили,
И стоял в кругу неуязвимый
И еще светлей, чем прежде, Баль-
дур;
Боги шумно радовались, глядя;
У богинь вокруг счастливой Фриг-
ги,
Издали следившей за игрою,
Был и смех, и говор; только Нанна
Не могла смеяться и сидела,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взором каждый камень
И стрелу, что в Бальдура летели.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у богов; но Локки,
Одержим какой-то новой мыс-
лью,
Устремил орлиный взгляд на
Фриггу;
Улучив минуту, вдруг он принял
Образ старой Фриггиной служан-
ки
И подсел к ней, меж богинь про-
бравшись.
«Отчего, владычица, — спросил
он, —
Отчего так разыгрались боги?»

Улыбаясь отвечала Фригга:
«Тешит их, что наш красавец
Бальдур
Стал теперь неуязвим ни стрелам,
Ни каменьям, ничему на свете.
Я взяла со всех творений клятву,
Что вредить ему никто не будет».
«Да от всех ли отбрала ты клятву,
И кого, смотри, не позабыла ль?»
«Все клялися! — отвечала Фригга.
—

Разве только у ворот Валгаллы
Мелкий есть кустарник — можжевельник,
Ну, да он так мал и так незначашь, —
Чем, кому он может быть опасен?
Что с него, я думала, брать клятву!
А то все — и дуб, и кедр клялися!»

Локки тотчас из ворот Валгаллы;
Можжевельник срезал, сделал

стрелку

И — назад. Стоял вдали от прочих

Годр и не играл с богами: слеп был.

«Что ж ты, — крикнул Локки, — не стреляешь?»

«Я, увы! и Бальдура не вижу, — Отвечал слепой со вздохом, — где мне!»

Локки ж: «Эх, на радости попробуй,

Только так, хоть для одной потехи!

Вот стрела и лук, и вон где Бальдур,

Становись, а я стрелу направлю».

Боги, видя Годра тоже с луком,

Вкруг него столпились, смеясь.

Бальдур сам слепому улыбался

И к нему оборотился грудью.

Локки Годру помогал прицелить;

И взвилась стрела, и полетела —

Прямо в сердце Бальдуру: шатнулся

И на землю пал он мертвый. Нанна

В то ж мгновенье бросилась к му-

жу
И со страшным, но коротким
криком
Замертво упала на супруга.
Прибежали боги, смотрят, кли-
чут,
Трогают то Бальдура, то Нанну

Оба мертвы!.. Сами словно в кам-
ни
Обратились и стоят, не в силах
Молвить слова, бледными зрачка-
ми
Упершись друг другу очи в очи.

Годр — убийца — он за слепотою
Не видал, не понимал, что сделал,
И стоял вдали от всех. Как толь-
ко
Первый ужас отошел, рыданьем
Неудержным разразились боги.
Сам отец Один, хоть знал, что
будет,
Но, когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всех прови-
дя,
Сколько зла от Бальдуровой смер-
ти

И богам, и людям приключится.
Фригга — та не верила, что Баль-
дур

Навсегда от них сокрылся: Гелла
Возвратит его, не сомневалась,
В новом виде и еще прекрасней, —
И к богам немедля обратилась:
«Кто-нибудь скорее ступайте к
Гелле,

И какой угодно будет выкуп
Я, скажите, дам ей — только б
тотчас

Отпустила Бальдура на небо».
Сын Одинов, Гермод быстроногий,
Побежал на вызов и в минуту
На коне отцовском в ад уж мчал-
ся.

Боги ж тело Бальдурово взяли
И снесли на берег синя моря.
Срублен был корабль и в море
сдвинут,
И на нем костер устроен. Тело
На костер возложено. И Нанну
Тожe подле мужа положили.
Привели коня покойникова, тожe
На костер возвесть, и все при
этом

Залились новыми слезами.
Сто рабов и сто рабынь убитых
На костер уложено; оружие
И монеты, кольца, всё как долж-
но;

Домочадцы, слуги и служанки
Пели песни жалостные, слезно
Причитали. Наконец, когда уж
Всё готово было, громовержец
Тор свой молот всеразящий бро-
сил —

Грянул гром, и молния сверкнула,
И костер мгновенно объял пла-
мень,

И корабль, пылая, поплыл в море.
Вслед за ним по воздуху громад-
ный

Потянулся похоронный поезд.

Похорон таких уж не бывало
Ни потом, ни прежде, и не будет!
Все на них присутствовали боги.
Был Один на колеснице с Фриггой:
Впереди — орел, простерши кры-
лья;

За орлом неслися с воем волки;
Над главою вороны кружились,
А вокруг блестящей колесницы,

На воздушных конях, в светлых
латах,
Девы битв, Валкирии; за ними,
Тоже все в блистающих доспехах,
Бесконечным полчищем герои,
С поля битв восшедшие на небо.
В колеснице тоже, запряженной
Кабаном, красавец Фрейр и Герда;
На козлах золоторогих дальше
Ехал Тор, на плечи вскинув мо-
лот;
Там — другие боги и богини,
На оленях, лебедях и рысях;
А за ними карлы, великаны,
Духи в виде чудищ и драконов, —
Без конца тянулся пышный поезд!

Из богов там не был только Лок-
ки.
Он, когда свалился Бальдур мерт-
вый,
Испугался больше всех: руками
Ухватившись за голову, мигом
Убежал из Азграда. По правде,
И не думал он, что всё так вый-
дет,
И, когда его хватились боги,
Он, дрожа, сидел уж в самых тем-

ных,
В самых страшных пропастях
подземных.

Гермод в ад спускался девять су-
ток
По глубоким рывинам, во мраке.
И достиг до адской он решетки.
Там увидел: бледный свет, пала-
та,
Длинный стол, и на почетном ме-
сте
Между теней Бальдур восседает.
Обратился Гермод с просьбой к
Гелле:
«Отпусти ты брата снова в небо;
Все о нем жестоко плачут боги
И какой угодно предлагают
За него тебе богатый выкуп».
Отвечала адская богиня:
«Отпущу, пожалуй, но с условием:
Если все, что только есть на све-
те,
Существа по Бальдуре заплачут,
Бальдур в небо снова возвратит-
ся.
Если ж нет и хоть один найдет-
ся,

Кто о нем не будет плакать,
Бальдур
Никогда на свет уже не выйдет».

Воротился Гермод снова в Азград
И привез ответ свирепой Геллы.
Как ответ тот услышала Фригга,
Призывает тотчас буйных Вет-
ров,

Говорит им: «Полетите, Ветры,
Вы во все концы по белу свету,
И скажите всякой божьей твари,
Синю морю, месяцу и звездам,
Темну лесу, всякой мелкой пташ-
ке,

И большим зверям, и человекам,
Что скончался Бальдур, мол, пре-
светлый,
Чтоб молили, да отпустит Гел-
ла

Всем опять его на радость в
небо».

Понеслись по белу свету Ветры
С лютой вестью каждой божьей
твари, —

И поднялся стон со всей вселен-
ной:

Взвыли Ветры, море заревело,

И леса завывли, закрипели,
Люди, звери, у кого есть голос,
Возопили; у безгласной твари ж,
У металлов и у гор и камней,
Слезы вдруг безмолвные, такие,
Как весной лиют они, встречая
После хлада и мороза солнце
(Но тогда на радость, тут от
скорби),
Потекли обильными струями...
Но была в горе одна пещера.
Там, покров свой белый не скидая
Никогда, сидела великанша
(Некогда она царила в мире,
Но была побеждена Одним
И в пещере темной укрывалась).
Та на слово вестников небесных
Из скалы угрюмо отвечала:
«Я с сухими разве лишь глазами
О красавце Бальдуре заплачу:
Будь он жив иль мертв — он мне
не нужен!
Пусть его сидит себе у Геллы!»

Так у Геллы и остался Бальдур».

Кончил вещей старец. Слушал Ко-
нунг

И еще поник главою ниже.
Сквозь золу едва мерцали угли.
В забвении склонился вещей ста-
рец.
Поутру открыл он очи: Конунг
Так же всё сидит на том же ме-
сте;
Чуть свалилась с плеч медвежья
шуба,
Бледный луч скользил кой-где по
складкам
Золотой истершейся одежды,
Освещая грозный облик, с длинной
Бородой, с нависшей бровью. Ко-
нунг
Был уж мертв. Судьбы его сверши-
лись.

<1870>

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ

*В Неаполе, — когда еще Неаполь
Был сам собой, был раем ладзаро-
нов —
Философов и практиков-банди-
тов,
Бандитов всяких — режущих, каз-
нящих,
С тонзурою иль без тонзуры — в
этом
Неаполе времен минувших, жил
Чудесный карлик... Маленький,
горбатый,
Со львиною огромной головой
И с ножками и ручками ребенка.
Он был похож как раз на мальчу-
гана
В комической, большой античной
маске:
Таких фигур в помпейских фрес-
ках много,
Его мама и померла от горя,
В уродстве сына видя наказанье
Господне «за грехи отцов...» Отец
же —
Он был мудрец с вольтеровским*

оттенком,
Хоть волею судеб и занимался
Сомнительной профессией (знако-
мил
Он с красотой живой Партенопей
Приезжих иностранцев) — он об
сыне
Судил не так. Он говорил, что
эта
Наружность — дар фортуны:
Пеппо с нею
Наверно будет первым майордо-
мом
У герцогов, пажом у короля,
И комнатной игрушкой королевы.
Он так и умер в этом убежденье.
Но не сбылось пророчество: бедня-
га
Не в практика родителя сложил-
ся.
Кормился переписываньем ролей,
Был вхож в театр чрез это, за ку-
лисы,
А весь свой день сидел в библиоте-
ке.
И что прочел он — богу лишь из-
вестно,
Равно как то, чего бы не прочел

он!
Всё изучал: историков, поэтов,
Особенно ж — трагический те-
атр
Италии. Душой он погрузился
В мир Клеопатр, Ассуров, Митри-
датов,
И этих-то сценических гигантов
Размах усвоил, страсть, величье,
пафос;
Он глубоко прочувствовал, продумал
Все положенья, все движенья серд-
ца,
Весь смысл, всю суть трагедии
постиг, —
Так что когда, в кругу своих кли-
ентов,
Оборванных таких же бедняков,
Читал он, — эти все гиганты
Всё становились меньше, мень-
ше — но
Зато росло в размерах колоссаль-
ных
Одно лицо — без образа и вида
И без речей — которое безмолвно,
Неудержимо, холодно их губит,
И что в трагедии зовется Роком.

И этому безличному Молоху —
Как говорил один аббат, любив-
ший

Его послушать, Пеппо особливо
Сочувствовал. Аббат в восторге
Говаривал не раз: «Ты, caro тiо,
[68]

Наверно был бы величайшим в ми-
ре

Трагическим актером, если б
только

В размерах был обыкновенных со-
здан,

Без важных недостатков и изли-
шеств;

При этих же особенностях, — го-
ден

Не более, как к роли — Пульчинел-
ля».

Что ж делать! Бедность и — по-
жалуй — жажда,

Как говорил он, сцены и подмост-
ков,

Его судьбу решили, — и Неаполь

В нем приобрел такого Пульчи-
нелля,

Каких еще не видывал от века!

В театре — давка. Ездит знать и двор.

Тройные цены. Импрессарий — пляшет,

И в городе лишь речь — о Пульчинелле.

*Такого смеха у своих подножий
Не слыхивал конечно уж Везувий
С тех самых дней, как вечною
угрозой*

Над городом он стал и повторяет

*Ежесекундно людям: «Веселитесь
И смейтесь, пока даю вам время!»*

А тайна смеха вот в чем заключалась:

Пеппино никогда смешить не думал!

И в колпаке дурацком Пульчинелля

Всё так же роль свою играл серьёзно,

*Как будто роль Аякса иль Ахилла.
Он бросил фарс, дал душу Пульчинеллю*

(К тому же был импровизатор

чудный

И в роль вставлял горячие тирады,

Высокого исполненные чувства,
И пафоса, и образов гигантских,
Достойных кисти лишь Микеланджело!),

Он искрен был, язвителен, был
страстен, —

Но это всё — при страшной образине,

При заплетавшихся кривых ногах,
При маленьких ручонках, при горбе —

В партере вызывало — взрывы
смеха!

Он забывал себя, весь отдавался
Потоку чувств и вдохновенной
мысли,

И ожидал в ответ восторга, слез,
Всеобщего, быть может, покаянья, —

А тут дурацкий смех, шальные
крики!

Полиция — и та не возмущалась,
Когда вещал он в пламенных стихах

О благородстве, о «святой» свобо-

де!

Бывало, с грустью, с жалостью
он смотрит

В партер, как в пропасть с тыся-
чами гадов

Хохочущих — и эта грусть и жа-
лость

Такою в нем гримасой выража-
лась,

Что клик и смех в партере удво-
ялся...

Не выдержит, и кинется он к
рампе,

И в ярости грозить начнет, ру-
гаться:

«О! пошлости клокочущая бездна!

Чудовища! нет! я б свое уродство

Не променял на ваше», — он кри-
чит, —

И — пуще смех!.. Тогда, на зло
глупцам —

Он пустится кувыркаться и пры-
гать,

И уж конца рукоплесканьям
нету!

А упадет лишь занавес — дирек-
тор

Его в объятия: «Так, maestro[69],

так!

Ругайте их, и плачьте! плачьте
больше!

Тем лучше: сбор — невероятный!

Мы —

Мы миллионеры будем!» Не успеет
Директору в лицо он кинуть:

«Рогсо!»[70] —

Как сотни рук его уж поднимают,
И как он там ни бейся, ни лягай-
ся,

А с песнями, при факелах, несут
Его до самой до его локанды,
Где, наконец, освободясь от плена,
На бедное бросается он ложе
И горячо и горько, горько плачет!

Неаполь был в восторге. Говорят,
Из инквизиции тихонько члены
В закрытых ложах хаживали ча-
сто

Им любоваться и, как все, смея-
лись

От сердца, самым добродушным
смехом.

Но он — кумир толпы и божес-
тво,

В душе возненавидел и Неаполь,

И сцену, и давно б ее оставил,
Когда б она ему не доставляла
Возможности — в глаза ругать
толпу,
Твердить и повторять ей, что
она
Одно лишь понимает, поглощает
И обожает — это макароны!..

Так говорил он сам; а впрочем,
Еще был узел тайный, но могучий,
Его привязывавший к сцене, — это
Прелестная, как ангел — Колом-
бина,
Прекрасный тоже, истинный та-
лант.
Он эту Коломбину и сыскал
В Сан-Карло, меж простых ста-
тисток, взял
И стал учить, образовал и, сло-
вом,
Как говорится, создал. Коломби-
на
По временам одна не замечала
Его уродства: чудные мгновенья!..
Она — полулежит на оттоман-
ке,
А он читает: комната, помалу

В чертог преобразуясь, наполня-
лась
Героями, царицами, царями;
Стихийное иль божеское нечто
Блится в них величьем колос-
сальным
Над сумраком обыкновенной жиз-
ни;
И вдруг средь этих исполинских
сил
Послышится ей родственное что-
то —
Любовь, как голубь, реющий над
бездной...
У ней от страха сердце замирает,
Она глядит, и, точно в лихорадке
Следя за ним, чтеца уже не ви-
дит...
И лишь когда он кончит, — поне-
многу
Рассеется блистательный ми-
раж,
Уйдет страстей клокочущее мо-
ре;
И вместо блеска, красоты, вели-
чья,
Она увидит вдруг перед собой,
Как будто этим кинутого мо-

рем,
Какого-то нелепейшего карлу —
Тогда из уст ее — как будто бы со
скорбью
И сожаленьем — вырвется
невольно:
«Ах, Пеппо, для чего такой ты
гадкий!»

— «Рок», — отвечает он.

Да! страшный рок!

Он чувствовал, что раз не удержишь,
А от себя, от своего лица
Скажи свое живое чувство, — в
страхе
И омерзенье вскрикнет Колумби-
на
И от него отпрянет, как от гада!
Он понял, что совсем лишь сту-
шевавшись
Мог быть при ней, — и сделался
ей, точно,
Необходим: наставником был,
другом,
Был чичисбеем, шаль за ней носил,

По порученьям бегал; даже больше,
Служил ей горничной — при туалете
Присутствовал, затягивал корсет,
Ей обувал изящнейшую ножку,
Сносил ее мигрень, капризы, словом,
Был для нее он тем же, чем Неаполь
И импрессарий для него, и также б
Мог звать ее он «злою Коломбиной»,
Как называли все его «злым карлой»;
В него летали точно так же веер
И башмаки, как от него камня
На улице, или слова на сцене —
Такие, что много стоят камня!
И от нее он всё переносил
С покорностью, чуть-чуть не с
наслаждением, —
Так наконец, что все его страда-
нья
По сцене — отошли на задний
план.

Перенести не мог он одного —
Одной фантазии своей царицы,
И все вражды свои сосредоточил
На арлекине. Этот арлекин
Был — тем же роком! — одарен
красивой
Наружностью, небрежностью
изящной,
К артисту так идущей, и все-
гдашним
Высоким мненьем о своей особе.
Все женщины по нем с ума сходи-
ли:
Из-за него маркизы, герцогини
Дрались, чтоб с ним в блестящем
фаэтоне
По Кьяйе прокатиться... Это,
впрочем,
Всё б ничего! но этот херувим
И виделся, и снился Коломбине!
Напрасно ей твердит несчастный
карло,
Что арлекин — бездарный фат,
хвастун,
Глуп — колоссально глуп!.. «Ты
лишь послушай,
Как он поет! Где ставит ударе-
нья?»

О, ужас! на предложениях и союзах!
Не ясно ли, что у него нет сердца!
Что льнет к тебе он, diva[71], по-
тому,
Что от тебя Неаполь без ума,
Что — ты царица в нем, и что го-
товы
Миллионные расстроить состоя-
нья
С тобою дуки, нобили, банкиры».
Всё тщетно! страсть ей не дает
покоя!
Его не слушают; ему велят,
Как тень, везде следить за арле-
кином;
Ей доносить, где был он, что он
делал,
С кем говорил, устраивать им
встречи,
И третьим быть лицом при этих
встречах!
Ах! это время жил он постоянно
Под страхом бури... Если он, быва-
ло,
Недобрые к ней вести принесет, —
«Ты лжешь, ты лжешь! — крича-
ла Коломбина;
Вы все против меня, уроды, чер-

ти!
Я задуш, чудовище, тебя!
Прочь с глаз моих!» — и diva, как
тигрица,
Кидается на Пеппо. «Вон, бездель-
ник!»
За ним бегут, выталкивают в
двери,
И с лестницы бросают в спину
туфлю...
Он, впрочем, знал, внизу стоял в
портоне,
Знал, что за ним пошлют, — и
появлялся:
Мрак в комнате; лежит в постеле
diva,
Готовая сейчас же умереть
В жестоких спазмах: стоны и ры-
данья;
«Вот, — говорят ему, — ты до че-
го
Меня доводишь, каменное сердце!»
И как собака, чувствуя провинок,
К хозяину ползет, вертя хвостом
И голову понуря, пробирался
Он к ней тихонько и просил про-
щенья,
Садился на скамейку, утешал,

Молил ее на жизнь не покушаться,
Оправдывал неверного и клялся,
Что сам он лгал, что он всему ви-
ною,
Что он сейчас пойдет за ним,
отыщет
И приведет... И дива возвращалась
К сознанию... рыданья утихали,
К нему протягивалась ручка... он
Бежал искать красавца, приводил

—
И дива их встречала — уж здоро-
ва,
Кокетливо одета, и красою
Сияя, точно солнце после бури, —
И Пеппо должен был сиять с ней
вместе.
Был наконец и день назначен сва-
дьбы,
Вся труппа в ней участие прини-
мала.
Всё, что смешит Неаполь — всё
смеялось,
Но Пульчинелль был самым шум-
ным гостем.
За молодых пил тосты, сочинил
И прочитал им в честь эпитала-

му,
Смеялся, но — с гостями уходя,
От них скользнул в какой-то пере-
улок,
Направо шел, налево, как, куда
Не думая, не видя в темноте,
И вышел вдруг к клокочущему мо-
рю.
И там, у шумных волн остано-
вился...
Что делал там он? — то, бук-
вально, мраком
Покрыто: ночь темна была, как
гроб.
Во мраке слышен был лишь гро-
хот моря;
Из Африки дул раскаленный ве-
тер,
И словно тысячи бесов иль фурий
Рвались в дома, деревья гнули, вы-
ли,
И на подмогу им из недр земли
Из кратера Везувия летели
В фонтане пламени и в клубах ды-
ма
Бесчисленные демонские силы...
Вкруг ладзарони в ужасе бежали
С своих ночлегов, по всему побере-

жью,
И долго помнили об адской ночи,
Notte d'inferno: слышались им сто-
ны
И страшные проклятья в реве бу-
ри,
Их сохранило только заступленье
Пречистой девы... Что же делал
Пеппо —
Там, на террасе, выходящей в мо-
ре?
Он никогда и сам не мог ска-
зать...
Как будто дух его тогда носился
В пространстве, в этих африкан-
ских вихрях
И землю разорвать хотел и море,
И только к утру в маленькое те-
ло
Вернулся и взглянул вокруг себя,
—
А вокруг ладьи разбитые лежат,
И трав морских по необсохшим
камням
И на сыром песке торчат лохмо-
тья.
Стихает море. С севера прохла-
дой,

Исполненной благоуханий чудных
С полей и вилл цветущих Позилли-
па,
Повеяло, и серебристой дымкой
Подернулись город, даль и небо,..

Когда под крик ослов и продавцов
Неаполь пробудился и пил кофе —
Смеющийся явился с поздравле-
нием

К счастливой Коломбине пер-
вый — Пеппо,
С огромнейшим букетом. День
прошел

Как праздник. Были гости. На
обед

Поехали на Капри. Пеппо точно
Торжествовал великую победу...
Потом всё потекло своим поряд-
ком,

Как прежде. Он для Коломбины
стал

Пожалуй что еще нужнее в труд-
ных

Заботах по хозяйству и по мужу;
Он у нее детей крестил и нянчил...
Но, как ни бился, счастья милой
донне

Создать не мог; худела всё, худела
И наконец совсем она слегла.
Не ладно вел себя ее супруг.
Остепениться он не мог, и в браке
Не видел уз для ветреного сердца.
Почти и не жил дома. При боль-
ной
Безвыходно сидел лишь Пульчи-
нелль...
Раз ночью стало ей уж очень худо.
С усильем обратясь к нему, она
Сказала: «Ты детей моих не ки-
нешь?»
И руку подала, и улыбнулась...
Да! улыбнулась так она ему,
Как никогда! Быть может, нача-
ло
У ней в глазах уже мутиться зре-
нье,
И уж не карло — нет! его душа
Во всей своей красе, во всем вели-
чьи
Ее очам духовным предстояла —
И бедный Пеппо чуть не задохнул-
ся
От счастья... Но — о боже!.. вот
ее рука
В его руке хладеет... взор недви-

жен...

Молчание... он ждет... она ни слова...

Свет лампы так лежит спокойно, тихо

На матовом лице... не шевельнется

Ни волосок, ни локон в беспорядке
Рассыпавшихся на подушке кос...

Проворно пульс он щупает; подносит

К устам ей зеркало... дыханья нет!

И нет сомненья больше! Колумбина,

Жизнь, слава, божество его —
скончалась!

И он вскочил, как бешеный. Свиренный

Какой-то вопль из груди испустил,

И бросился направо и налево

Всё опрокидывать, всё разбивать,
Всё — канделябры, зеркала, сервизы,

И наконец среди опустошенья

Остановился перед хладным трупом,

И

*И, заломив в отчаянии руки,
Вдруг прокричал: «Как я тебя лю-
бил!»*

*И тут, в ногах же у ее постели,
Упал без чувств, — и найден был
уж мертвым*

*Неаполь плакал, но потом пома-
лу*

*Все успокоились, когда наука
Решила, что скончались: Колом-
бина —*

*От «phthisis»[72], он же — от
«ruptura cordis»[73].*

1871

КНЯЖНА ***

Трагедия в октавах

«КАК НАШИ ГОДЫ-ТО ЛЕТЯТ!»

Давно ль, давно ль, на траурных
конях,
Под балдахинем с княжеской ко-
роной,
Богатый гроб в гирляндах и цве-
тах
Мы провожали... Поезд похорон-
ный
Был без конца... Все в лентах и
звездах,
Посланники, придворные персоны,
И духовенство высших степеней,
И во главе его — архиерей...

Мы крестимся всегда при виде
гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,
Будь то бедняк, будь важная осо-
ба...
Обычай, полный смысла, глубиной
И злейшего пленявший русофоба...
И тут прощалась с чьею-то ду-

шой
И дальше шла толпа... Но в выс-
шем свете
Событьем были похороны эти...

Княжна... Но нет! письму я не пре-
дам,
Нет, не предам я новому злосло-
вью
Фамилии, известной с детства
нам!
В войну и мир, и разумом и кро-
вью
Служил сей род отчизне и царям
И встарь почтен народной был
любовью...
Он в наши дни, с достоинством,
одной
Представлен был покойною
княжной.

И видом — ах! теперь как исполи-
ны
Пред нами те герои старины!..
Видали ль вы времен Екатерины
Ее штатс-дам портреты?.. Все,
полны
Величия полунощной Афины

И гением ее осенены,
Они глядят как бы с пренебреже-
нием
Вослед идущим мимо поколе-
ниям...

Могучий дух, не знающий оков,
Для подвигов не знающий грани-
цы,
Без похвальбы свершавший их, без
слов, —
Всё говорит, что это те орлицы,
К кому из царства молний и гро-
мов,
Свершители словес своей царицы,
Ее орлы с поднебесья порой
Спускалися на миг вкусить по-
кой...

Из этой же породы самобытной
Была княжна, хоть сгладился уж
в ней
Весь этот пыл, весь пламень
ненасытный
Под вейнем иных, счастливых
дней.
Там — гордый страж пустыни
сфинкс гранитный

*В тысячелетней простоте своей;
Здесь — Пракситель или резец Ка-
новы,
Где грация и дух уж веет новый.*

*Ей этот лоск был Франциею дан!
Да, Франция — и Франция Бурбо-
нов,
Что пережить сумела как титан
Республику и гнет Наполеонов, —
Она княжну, цветок полночных
стран,
К ней кинутый крылами аквило-
нов,
С любовью в объятия приняла,
И матерью второю ей была.*

*Ее певцов она внимала лирам,
Ораторов волнующим речам,
Всё приняла, чтоб властным
быть кумиром
И первую звездой в созвездьи дам;
И даже Он, пришедший к людям с
миром
И взоры их подымавший к небесам,
Ей просиял как свет и как защита
В проповедях отца иезуита...*

Что?.. Странно вам слова мои
звучат?..

Народность — всё же из понятий
узких,

И в этом шаг мы сделали назад,
От образцов отрекшись француз-
ских...

Но — век таков! И все теперь хо-
тят

Преобразиться в православных
русских,

Меж тем как многие едва-едва
Осилить могут русские слова...

Вон — князь Андрей на это, лоб
нахмуря,

Глядит как на опасную игру!

И говорит, что уж «глаза зажму-
ря

Давно живу и вечно на юру»,

Что, «впрочем, нас бы не застала
буря,

А там — всё пропадай, когда
умру!..»

Он в этом видит признаки паде-
нья

И нравственных начал и просве-
щенья...

И до сих пор упрямый старый туз
Твердит одно: «Европа есть об-
ширный
Салон, где всякий — немец иль
француз —
Своя семья! У всех один, всемир-
ный,
Тон, образованность, и ум, и вкус!
Нас только терпят там, пока
мы смиренно
Сидим себе, как дети за столом,
On nous subit — а contrecoeur[74]
притом...»

Но князь чудак! Он парадокс ходя-
чий!
Он отрицал Россию! И с княжной
У них всегда, бывало, спор горя-
чий.
Патриотизм княжны был огонь
живой!
России честь, победы, неудачи —
Воспринимала всё она душой,
Всё обсуждая без предубежденья,
С высокой, европейской точки зре-
нья...

И вот с такой душою и умом,

Всё восприняв, что запад просве-
щенный
Взращал веками в цветнике сво-
ем,
Она явилась с ношей благовонной
В наш свет — и так поставила
свой дом,
Что сам Кюстин, вторично зане-
сенный
Судьбой в наш край, уж бы не на-
писал,
Что к медведям и варварам по-
пал!

Свидетели — опять-таки францу-
зы!
Да! из французов сливки, высший
слой,
Твердили в хор, что грации и музы
Из Франции, от черни бунтовской.
Как от Персея с головой Медузы,
Умчались на север ледяной,
Перенеся в салон княжны, в Рос-
сии,
Весь ум французской старой мо-
нархии.

И это знал и оценил наш свет,

И перед нею всё в нем преклонилось...

*И хоть прошло событий много,
лет,*

И хоть княжна давно уж устранилась

От поприща успехов и побед,

Но всё ее звезда не закатилась —

Отшельница из своего угла

На мнения влияла и дела.

К обычному стремились поклоненью

К ней Несторы правительственных сфер;

Вступая в свет, к ее благословенью

Являлись искатели карьер;

*К ней шли, к ее прислушаться
суждению,*

Творцы реформ по части новых мер,

И от княжны иметь им одобренье

Бывало то ж, что выиграть сражение...

Все знали, что ее словцо одно

Имело вес и слушалось мненье
В таких пределах, где не всем да-
но
Иметь и сметь сказать свое суж-
денье...
Конечно, ум тут много значил...
Но
Один ли ум?.. У вас уж и сомне-
нье?
О жалкий век! Как скор твой при-
говор!
Мерещится тебе лишь грязь да
сор!

Нет-с! уж Париж, знаток по этой
части,
Видавший цвет сынов своих княж-
ной
Отвергнутых, со всем их пылом
страсти,
Клялся богами, небом и землей,
Что нежных чувств она не знает
власти,
Что перед ней, в досаде плача
злой,
Сам Купидон, лукавый бог и сме-
лый,
Разбил колчан и изломал все

стрелы!

*Хоть хроника падений и побед
Для света служит легкой лишь
забавой,
И не педант он в нравственности,
свет, —
Но высоко и достодождной сла-
вой
Почтит он ту, в которой пятен
нет!
Всегда в виду весталки величавой,
Как в оно время развращенный
Рим,
Расступится с почтением
немым!..*

*Княжна всю жизнь, как с кованой
броней,
Где каждая блестит на солнце
грань,
Сквозь этот мир соблазнов, пред
толпою
Чиста как день прошла... И отдал
дань
Ей гордый свет, упрочив за княж-
ною
До поздних дней названье Chaste*

Диане[75].

*Был этот титул ей всего дороже,
Она гордилась им... и вдруг... О, бо-
же!..*

*Нет! не могу!.. Ее вступленья в
свет*

*Я не застал, — но с первого мгно-
венья,*

*При первой встрече, юноша-поэт,
Был поражен!.. Серьезность выра-
женья*

*(Ее встречал я не на бале, нет!
В прогулках, по утрам, в уедине-
нии),*

*Задумчивость, вдаль устремлен-
ный взор —*

*По небу ль грусть, земле ль немой
укор?..*

*О, дальние дорожки Монплезира...
Или тенистый Царскосельский
сад...*

*И вдруг — виденье неземного ми-
ра...*

*Чуть слышно кони быстрые ле-
тят...*

О Пушкин! — думал я. — Твоя бы

лира...

Ты лишь умел, твой вдохновенный
взгляд,
Вмиг указать, где божество во
храме,
Вмиг разгадать Мадонну в свет-
ской даме!..

Признание позднее... Княжна была
Моим надолго тайным идеалом...
Трагической кончиной умерла —
Трагедию ж смешали со сканда-
лом!

Она всегда известного числа
Давала бал, и перед самым балом
Упал кумир, и что страшней все-
го:

С ним рухнул образ нравственный
его...

Да, падают империи — но слава
Переживает. Упадает храм,
Но бог, в нем живший, составля-
ет право
На память и почет тем племе-
нам,
Что с именем его прошли, как ла-
ва,

Как божий бич, по суше и морям...
Но человек, в котором уважались
Достоинства, которого боялись

Лишь потому, что он был совершен,
Со всех сторон велик и безупречен,
—

И вдруг внутри его лишь гниль и тлен!..

Но нет! я не сужу!.. Кто беспорочен?

В падении, быть может, сокровен
Глубокий смысл, и, может быть,
уплочен

Им страшный долг... А мы с своим умом

В чужой душе что смыслим? Что прочтем?..

На месте я из первых был. Успели
Едва лишь подхватить ее — куа-фёр,

Модистка — и сложили на постели.

На голове богатый был убор,
А между тем глаза уж потускнели...

А тут кругом блеск ламп, трю-
мо, прибор
Помад, духов, и надо всем —
незримый
Из вечности посол неумолимый.

Да, этот гость был всеми ощу-
тим...
Взглянул он всем в глаза мертвя-
щим взглядом,
Всем в ужасе стоявшим тут жи-
вым...
И дрогнули под праздничным наря-
дом
У всех сердца... Эх! шутим мы,
труним
Над смертью, над судищем и
адам,
А покажись чуть-чуть она — ей-
ей,
Раскланяться забудем даже с
ней!

Конечно, всё, как при внезапном
громе,
Что было двор, что около двора,
Что приживало в старом бар-
ском доме,

*Всё — в будуар! Явились доктора,
Но, главное, при таком содоме,
Швейцар, без ног и впопыхах с
утра,
И невдомек, чтоб, при событии
этом,
Отказывать являвшимся каре-
там.*

*И бальною, разряженной толпой
Весь дом наполнился. Толпа вры-
валась
И в будуар. При вести роковой
Цветы, брильянты — гасло всё,
казалось.
Но над померкшей этой пестро-
той
Одна фигура резко отделялась:
Недвижно, руки на груди сложив
И — точно с вызовом на бой —
вперив*

*В покойную упорный взгляд, стоя-
ла
Одна пред ней девица. Всё кругом
Ее как будто в страхе обегало.
Чужим для всех, казалось, суще-
ством*

Она была и точно предвещала
Что роковое... Так перед судом
Господним ангел, может быть,
предстанет
Нам возвестить, что — се грядет
и грянет...

Сравненье это, впрочем, я схватил
Так, на лету... Передо мной их
много
В тот миг как будто вихорь проносил.
То вспоминал дельфийского я бога,
Когда стрелу в Пифона он пустил,
То Каина мне чудилась тревога,
Когда он смерть увидел в первый раз,
Оставшись с мертвым братом
глаз на глаз...

Вразрез со всем была девица эта,
Одета — самый будничнейший наряд
—
В суконном черном платье, без корсета,
И волосы откинута назад

*А Fetudiant[76]. Ни брошки, ни
браслета.*

*Всем уловить ее хотелось взгляд,
Хотелось угадать, что в ней тво-
рится,*

Что на челе высоком отразится?

*Но ничего — всё тщетно! — не
прочли!*

*Княжне судьба как будто послужи-
ла,*

*Чтоб угадать у мертвой не мог-
ли,*

*Какая мысль в последний миг за-
стыла*

*У ней в лице, под дымкой poudre de
riz[77], —*

Но та, живая, юная, таила,

*Пожалуй, глубже чувства, и везде
Держал их ум в натянутой узде...*

*А между тем хотелось так
страстно*

*Их допросить... Не смерть уж
тут одна,*

*Тут шепот пробегал еще ужас-
ный...*

«Как? Эта самая... она... она —

Воспитанница эта — вот пре-
красно!
Она ей дочь?.. Возможно ли!
княжна,
La chaste Diane?.. И так всё скры-
то было?
И вот она-то, дочь, ее убила?..»

И матери увозят дочерей
Скорее прочь. Во все концы столи-
цы
Летит толпа распугнутых го-
стей;
Вестовщики помчались, вестов-
щицы,
Заволновался свет, и князь Ан-
дрей
Уже к восходу розовой денницы,
Сообразя все факты и слова,
Доказывал, что всё — как дважды
два...

«Во-первых — сходство. Чудными
глазами,
Известно, отличался весь их род.
Глаза княжны воспеты и стиха-
ми,
И очень метко: «В них гроза жи-

вет.

Когда в душе всё тихо, то над нами

Зарницами играет, — всё цветет,
Смеется вокруг; но мысль одна иль
слово —

И молния разрушить мир готова!

И счастье, что над этою грозой
Сильна так власть ума и сердца». — Это

Едва ль не сам Гюго своей рукой
Вписал в альбом княжны — два-
три куплета.

У девочки точь-в-точь: и взгляд
такой,

Зрачки того ж изменчивого цве-
та,

Ресницы только больше и острей,
И та же складочка между бровей.

Засим — характер. Помните
сравненье,

Ведь ваше, — та была еще дитя,
—

Друг против друга станут в изум-
ленье,

Уж больше слов как бы не находя,

—
Ну так похожи, как изображенье
Большого «Я» и маленького «я»!
В обеих та ж непогрешимость, ве-
ра
В себя и то ж произношенье эра...

Ну-с, а когда, бывало, та поет, —
Ведь у княжны, мы помним, на
всю залу,
Бывало, сердце просто такт ей
бьет!
Ну-с, а когда...» — «Да будет! Ну,
пожалуй,
Будь так, по-вашему!.. Мы после
счет
Сведем грехам и всякому сканда-
лу!..
Теперь же вспомните — ведь кто
угас?
Кого не стало?.. Лучшей между
вас!..»

О, человек! о, слабое творенье!
За честь княжны я обнажаю меч,
А в самого уж крадется сомненье
И падает на полуслове речь...
А если — да?.. Какое откровенье!..

Но как же узел гордиев рассечь?!
Сравненье с «Я» мое, без мысли
всякой, —
Княжна тогда вся вспыхнула, од-
нако!

Но пусть как знают и решат во-
прос!
Одно я помню: сколько счастья,
света
С собою в дом ребенок этот внес!
Что красоты, гармонии, привета
В самой княжне бог весть отколь
взялось!
Ах, это был венец ее расцвета!
Все думали тогда: «Ну! влюблена!
Да! наконец-то!..» Бедная княж-
на!..

Но маленькое «я» всё подрастало
И начало теснить большое «Я»,
И выше всё головку подымало.
Тут нужен стал уж высший су-
дия,
И миротворцем няня выступала
—
Старушка крепкая, хоть жития
Под пятьдесят тогда ей, верно,

было:

Она княжну вскормила и возрастила.

Она, внизу слыша только «бой»,
Взойдет да покачает головою,
Да на княжну посмотрит — как
водой

Ее обдаст, и ласково рукою
Потреплет девочку: «Ну, ты, ге-
рой,

Поди-ка повинись перед княж-
ною», —

И та на шею к няне, а потом
Уж и к княжне, и плачут все
втроем...

Но эти бури только лишь скреп-
ляли

Союз сердец. Уютна и тиха
Текла их жизнь, и в лад сердца
стучали,

Как два с богатой рифмою стиха.
Одна росла; глаза другой читали
В ее душе, и не было греха
(Какие же грехи!), ни мысли тай-
ной,

Что бы от них укрылись хоть

случайно!

*И дивный мир их души наполнял,
И всё вокруг сияло чистотою,
И, к ним входя, порой я ощущал,
Что вот сейчас же, спугнутый
лишь мною,
От них как будто ангел отлетал...
Княжна умела обладать собою,
И хоть входил я к ним с доклада
слуг —
В ней точно легкий пробежал испуг...*

*Ах, эти дни! Уж как они далёко!
Я молод был... Я принят был
княжной
Так, запросто... О, как стоит высоко
Она, всегда казалось, предо мной!
Нет, свет ее не знал, я был глубоко
В том убежден: пленяясь красотой,
Героя видит только в поле боя!
Нет, как он дома, посмотри героя!*

И этот дедовский, старинный
дом
В один этаж каким-то властели-
ном,
С задумчиво нахмуренным челом,
Стоял, с своим высоким мезони-
ном,
С колоннами... два льва перед
крыльцом...
Теперь, увы! запасным магазином
Иль складом служит, с улицы же
он
Другим большим совсем загоро-
жен...

Внутри же эти залы — точно
храмы
Истории... Портреты, вам твер-
дят:
Бендеры, Кунерсдорф, где сам
упрямый
Великий Фридрих был разбит...
весь ряд,
Всё служит историческою рамой
Жилым покоям, где «Армидин
сад»,
Как говорили, где уж шло движе-
нье

Вокруг самой, при новом освеще-
нье...

Но этот старый мир в пыли, в
тени,
Из сумрака веков как бы глядя-
щий
Разумным оком, в шуме болтов-
ни
И смеха строгий вид один храня-
щий,
Лишь с глазу на глаз нам про на-
ши дни,
Про нас самих свой суд произнося-
щий, —
Княжна их понимала ль?.. Да!.. Но
как?
По-своему... Один там был чудак,

Чудак совсем особенного рода,
Не дед, и не отец — последний был
Лихой гусар двенадцатого года
И декабрист, — в Париже больше
жил;
Дед-вольтерьянец: век такой уж,
мода
Тогда была. Нет, тот, который
слыл

При жизни чудаком, — глубоко
читла
Его княжна, хоть часто говори-
ла:

«Il me fait peur parfois,[78] мой пра-
дед — тот,
Что с Фридрихом сражался. Он
железный
Был человек; фантаст во всем,
деспот;
Как на войне — ни пропасти, ни
бездны
Ему ничто, и сам всегда вперед —
Он для солдат был идол их любез-
ный, —
Таков и в мире! Ужас наводил
На целый край! Чего уж не тво-
рил!

В дому — гарем; дела по всем при-
казам, —
И вдруг он всю губернию зовет
На пир. Все едут. Все к его прока-
зам
Привыкли. Ждут. И вот двена-
дцать бьет,
И в черной ризе входит поп. Всѣ

разом
Смолкает, музыканты, пир.
Встает
С сиденья князь и — в ноги всем,
прощенья
Прося за все грехи и преступленья,

Гостям, жене и людям, в ноги
всем.
Приносят гроб — ложится. Поп
читает
Над ним отходную, и он затем
Как бы совсем из мира исчезает...
Дверь на запор — и двадцать лет
ни с кем
Не говорит, не видится. Вкушает
Лишь хлеб с водой. Когда же умер,
тут
На нем нашли вериги с лишком в
пуд.

En v'la un homme!..»[79] Да, в чело-
веке этом
Та крепкая сказалась старина,
Что вынесла Россию... Пред порт-
ретом
Подолгу так стоит порой княж-
на...

На нем он был изображен атлетом,
Генерал-аншеф. Живопись темна,
И лишь глаза, их взгляд невозмутимый,
Их каждый чувствовал, кто шел
лишь мимо.

««Смирился, — нянька говорит о нем. —
И спасся...» И в ее понятиях это
Возможно и теперь... прийти —
во всем
Покаяться — и умереть для света!
В Ерусалим уйти, одной, пешком...
Как просто всё у них! Всё кем-то,
где-то
Уставлено...» — сказала раз она...
Я думал: «Эй, хандрите вы, княжна!»

А в Крым поездка?.. Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Там весь дворец она в своем именье
На берегах Салгира отдала

Под госпиталь... Что ангел вос-
кресенья
Для страждущих у их одра была...
Ох, узнаю! Под бранной лишь гро-
зою
Становишься ты, Русь, сама со-
бою!..

Геройский дух, что там осуще-
ствил
Великую в народах эпопею,
На всех свой отблеск славный по-
ложил.
Всех озарил поэзией своею...
Генерал-аншеф — что ж, доволен
был?
Доволен был — и очень, думать
смею! —
Когда княжна, из Крыма воро-
тясь,
О тамошних делах вела рассказ,

О том, как под огнем, на бастии-
онах,
Шутя со смертью, смех не умол-
кал;
Как наконец, в виду врагов сму-
щенных,

Наш старый вождь им город
оставлял.

«В развалинах твердынь окровав-
ленных, —

Суровый аншеф точно повторял,
—

Парижский мир — не велика про-
руха!

За нами главное: победа духа!..»

С загаром на лице, душа полна
Неведомых дотоле впечатлений,
Как хороша тогда была княжна!
Что в этот мир ничтожных тре-
волнений,

В салонный свет свой принесла
она

И новых чувств, и новых открове-
ний,

Душой святому подвигу уж раз
Со всем народом купно прича-
стясь!..

А если — дочь?.. Так вот она, из-
нанка

И тайный смысл тревогам и сле-
зам!

Так вот она какая «итальянка»!

*В Италии подобрана, вишь, там!
Вот для кого нужна и англичан-
ка,
Французенка и немка — языкам,
Предметам обучать, а там, с го-
дами,
Учителя — и что с учителями!..*

*«Вот за детей кто богу даст от-
вет! —
Княжна, бывало. — Уж не то что
Жене,
Большому оглупеть!.. j'en perds la
tete![80]
Тот буквы ять и ъ, а тот спряже-
ний
Не признает!.. Поэзии — уж нет!
Один, так вместо всяких упраж-
нений
В грамматике стал девочку
учить —
Да нет! о том мне стыдно гово-
рить!*

*Взяла другого. Чем же началось?
Читать стихи дал Пушкина «По-
эт»
И сделал двести тридцать два во-*

проса,
Чтоб девочка на все дала ответ.
На этом — год ученье уперлося!
Да все поэты опротивят!.. Нет,
Они — о, прелесть! — сделали от-
крытие,
Что нужны нам не знанья, а —
развитье!»

Развитье, впрочем, удалось, — хо-
тя
В ущерб грамматике, и муз, и
граций.
Но что-то в нас проснулося, све-
тя
Огнем в глазах; мы всё, без апел-
ляций,
Решили вмиг; все силы посвятя
Развитью смертных без различья
наций,
Мы стали «женщиной» в осьмна-
дцать лет,
В которой всё ново от А до Z.

В то время все, севастопольским
громом
От гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ло-

мом
Всё старое, за все его вины;
Вдруг очутились в мире незнако-
мом,
Где снились всем блистательные
сны:
Свобода, правда, честность, про-
свещение
И даже — злых сердец перерожде-
нье...

И у княжны сиял тогда салон;
Сужденья были пламенны и сме-
лы, —
Но умерял их вкус, хороший тон,
И знала мысль разумные пределы.
Потом всё в стройный облеклось
закон,
И жизнь пошла, и началось дело,
Корабль был спущен — лозунг
кормчим дан —
И мы вошли в безбрежный океан...

Всё Женя слушала — и не беда бы..
Но тут к княжне племянничек
ходил,
Блондин и золотушный мальчик,
слабый

И в золотых очках. Он подружил
Своих «сестричек» с Женей: «То-
то бабы,
Да-с, Новая Россия!-он твердил. —
Не неженки, не шваль, не сиба-
ритки!
Всё вынесут — и каземат, и пыт-
ки!»

Смешные были: сядут все круж-
ком,
Как заговорщики, так смотрят
строго
Из-под бровей и шепчутся тай-
ком.
На всё ответ короткий, слов не
много,
Отрубят раз и уж стоят на том.
Княжна терялась: резкость мыс-
ли, слога,
«Ужасный тон» и эта брань на
свет,
Что это мир фразерства, лжи,
клевет...

«Откуда это? что это такое?
Послушать их, так все мы толь-
ко лжем,

Живем, чтобы жуировать в покое
И праздности! Свой «комфорт»
создаем
На крови и костях! А остальное —
Народ, le peuple, держим под яр-
мом
В невежестве, чтоб нам покорны
были, —
Народ, который мы ж освободи-
ли!..

А о себе что думают! Какой
При этом фанатизм! В огонь и
воду
Сейчас готовы! жертвуют собой!
Уверены, что бедному народу
В них лишь спасенье! Век, вишь, зо-
лотой
Откроют — братство, равен-
ство, свободу!
Ну, пусть племянник, — он уж из
пажей
Был исключен, — но Женя? С ней
что, с ней?»

Княжна терялась, и, что день,
то, видит,
Всё хуже. Началось молчанье.

Спор
Лишь вспышками, бывало, только
выйдет.

И, помню, раз: «Все эти толки
вздор! —

Княжна сказала с жаром. —
Ненавидит

Она меня — вот в чем весь разгово-
вор!»

И разрыдалась. Мне досадно ста-
ло:

Ведь малодушье только оказала!

Пропало всё веселие у нас!

Весь дом затих, и пенье замолча-
ло,

И музыка как бы оборвалась;

Как будто два хозяина в нем ста-
ло

И надвое душа разодралась,

Что в нем жила и жизнь всему
давала,

И стало две, и каждая с враждой
Следит упорно всюду за другой...

«Хоть кто-нибудь придите, ради
бога,

Да помогите!..» Слава в дни те

шла
Про одного в столице педагога —
Княжна тотчас его и позвала,
Про ум его наслышавшись много,
А главное, что вел свои дела
Он без педантства, действуя с
успехом
На молодежь иронией и смехом.

Уж был в чинах и в гору вдруг по-
шел,
Благодаря проекту пересадки
Каких-то к нам из-за границы
школ.
Введись-ка план и все его порядки,
Он, уверяют, чудо б произвел!
Вся б наша Русь, от Прута до
Камчатки,
Однообразием пленяя взгляд,
Вся б обратилась в чудный дет-
ский сад!

Прекрасная и смелая попытка
Уравновешенья духовных сил!
У нас в умах не стало б ни избыт-
ка,
Ни недостатка: всё б он устра-
нил,

Все б ровно шли, не вяло и не
прытко.

И вот свой план он в общем изло-
жил;

Потом, когда уж по его расчетам
Была пора, он ловким поворотом

На главный пункт направил раз-
говор,

Что, мол, хаос везде, раздор, тре-
вога:

«Мальчишки — даже те вошли в
задор,

Учителям толкуют, что нет бо-
га,

Отечество, религия — всё вздор!

Что требуют от них уж слиш-
ком много,

И, с важностью взъерошивши вих-
ры,

Шипят: одно спасенье — топоры!

Пусть мальчишки б одни, молоко-
сосы, —

Нет с барышнями sprawy! Поки-
дав

И музыку, и пяльцы, режут косы

И, как-то вдруг свирепо одичав,

*В лицо кричат нам: вы, мол, эски-
мосы,
У женщин всё украли! Прав нам,
прав!
Работы нам, разбойники, рабо-
ты!..
Как будто мы-то трудимся с охо-
ты!..»*

*Он был доволен. Думал — удалось.
Смеялся больше всех, но не смея-
лась
Лишь молодежь; и только подня-
лось
Всё общество, как Женечка под-
кралась
И показала педагогу «нос»,
И с хохотом наверх к себе помча-
лась;
Блондин же хамкнул: «В полдоро-
ге, брат,
Глупцы да подлецы одни стоят».*

*Как полководец, потеряв сраже-
нье,
Стоял наш ритор... Но грустней
всего,
Что вывела такое заключение*

Потом княжна по поводу его:
«Пусть Жени неприлично проявле-
нье, —
Но в сущности и стоит он того:
Они все — красные! Кто так, из
моды,
От глупости, кто плут уж от
природы».

А занимала Женечка меня!..
Был у княжны обед — кой-кто из
света
И, между знаменитостями дня,
Ее друзья, известных два поэта.
Один — он чудная душа! Огня,
Любви исполнен, жаждал мира,
света,
Мог всё иметь, но презрел блеск и
шум
И предпочел свободу чистых дум...

Он горячо душой скорбел за долю,
Что русскому народу суждена.
Разбросан по лесам, прикован к
полю,
Он искони и сам, и вся страна
Обречены на вечную неволю...
Сперва — Орда!.. Едва низложена,

*Встает Москва — с ней батог и
плаха,
И, как Молох, царит лишь силой
страха...*

*«Чем можем мы гордиться? Где
тут честь?
Где рыцарство? Крестовые похо-
ды?
Где революции святая месть?
Где истины исканье и свободы?
Что человечеству могла при-
нести
Россия в дар, чтобы ее народы
Благословить могли? Что созда-
ла?
Угрозой лишь для них всегда была.*

*А жаль! Народ с душой, как мир,
широкой,
С поэзией, со страстью и умом!..»
Все поняли порыв души высокой,
И князь Андрей воскликнул с тор-
жеством:
«Я говорю, поплатимся жестоко
За гордость мы и беды наживем:
Дождутся эти наши самоучки,
Что нас возьмут да в Азию под*

ручки!»

Тут вышел спор... Не чудно ли, ей-ей!

Россия! ты — с заоблачной главою

Разлегшийся между пяти морей
Чудесный сфинкс, — а мы перед тобою,

Пред вечною загадкою твоей,
Кружим, жужжим, подобно мошек рою,

И спорим, — ты же, в думу углубясь,

Глядишь куда-то... только не на нас...

Другой поэт — он, голову понуря,
Сидел и слушал, но в душе его
Уж, видимо, накапливалась буря...

О, полное видений существо!
Я как теперь гляжу: глаза зажмуря,

Как бы помимо зримого всего,
Ты в глубь веков уносишься душою,

И говоришь как будто сам с собою:

«Да, бедная Россия!.. Лес и бор,
А с юга — степь! Не обозреть рав-
нину!
И в людях: род восста на род, раз-
дор,
Живяxu бо по образу зверину...
И вот туда идет с Афонских гор
Смирeнный инок, что во челюсть
львину,
И дикарям являет идеал,
Что на кресте распятый миру
дал...

Идет один — в леса, в места глу-
хие
До Соловков, — и край преобра-
жен!..
Нахлынули народы кочевые,
Встает ислам и папа, с трех сто-
рон
Крушится всё, крушится Визан-
тия,
Но уж в Москве оплот сооружен,
И пробил час из мрака ей изыти,
Как третий Рим, четвертому ж
не быти...

И стал отсель ее народов дух

Един хранитель истины Христо-
вой...

Что ж? Продолжать?.. — Смот-
ря с улыбкой вкруг,
Спросил поэт. — Одно лишь, впро-
чем, слово!

Мы — высший свет — мы спраши-
ваем вдруг,

Что создала Россия, и нам ново,
В чаду чужих идей забыв свое,
Припомнить то, что создало ее!..

Там — силой мир был сплочен фе-
одальный

И пестрый сброд племен в один
народ;

Здесь весь народ, дотоль как бы
опальный,

Великое призванье сознает,
И ради той идеи колоссальной

Он весь — от смерда до царя —
идет

И государству в крепость отда-
ется,

И терпит всё, лишь вера да спа-
сется!

И вот предстал он в образе Петра

Пред миром вдруг как грозный
триумфатор...
Содрогся мир: уж не пришла ль
пора
И уж идет Восточный импера-
тор?..
Но тут и блеск Версальского дво-
ра,
И Запада профессор и оратор
Пленили нас, поверили мы им, —
Да на раздумьи грустном и сто-
им!..»

Поэт умолк. В его горячем слове
Послышалась такая глубина,
Что смолкли все... «E pur si tuovene,
[81] —
Послышалось, — и всё идет она,
Всё та ж святая Русь, своей осно-
ве,
Сама того не ведая, верна!
И всё ей впрок! Что нынче так
оставит,
То завтра взять само себя заста-
вит...»

То высказал какой-то старичок,
Когда-то бывший консул на Во-

стоке,
Он продолжал: «Восток — нам
свет, Восток!
В России — все несемся мы в пото-
ке;
Нам не видать, куда летит по-
ток,
Что океан могучий и широкий!
Нет! встань на Гималай, смотри
с Балкан,
Лишь там поймешь ты этот оке-
ан!..»

Его слова затронули поэта,
Он подхватил: «И только б разда-
лось
С высот Кремля и до высот Тайге-
та
Одно словцо — и разрешен хаос!
Словцо — Восточный импера-
тор...» Это
Я потому привел, что весь вопрос
Тогда же предложил на обсужде-
нье
Девуц, и Женя высказала мнение:

«Наш век, — слова чеканила она,
—

Век личности. И разум и свобода
—

*Его девиз. Былая жизнь должна
Окончиться для всякого народа;
И будет жизнь людей везде одна,
Без государств и без различья ро-
да*

*И племени». — «Коммуна, так
сказать?»*

*— «Как вам угодно можете на-
звать,*

*А уж так будет». — «Это ваша ве-
ра?» —*

*Спросил я. «Математика, — от-
вет. —*

*Я не люблю ханжи и лицемера,
Но искренни тот и другой поэт,*
—

*Да старики!.. Для них свята химе-
ра*

*Их государства!.. Тысячи ведь лет
Уходят на него умы, таланты...*

*А про святых он — ну уж, обску-
ранты!»*

*Потом я видел Женю только раз.
Кой-кто собрался. Светская, жи-*

вая
Шла болтовня, и Женя, наклонясь
В углу между своих над чашкой
чая,
Ну отпустить «словца» на всех на
нас,
И вслух. «Какая же вы нынче
злая», —
Сказал я ей, смеясь, как все ушли.
Она ж запальчиво: «Жгу корабли!»

Тот вечер был решительный. Про-
пала
Она из виду с этих пор. Княжна
Старалась скрыть от света всё
сначала.
Всё вышло так: оставшись одна,
Уж проводив гостей, она послала
Позвать к ней Женю. В этот раз
она
Явилась тотчас же пред княж-
ною,
Но — боже! — как?.. С обрезанной
косою!..

Княжна лишь ахнула. И вдруг, в
сердцах:
«Вон, стриженная, вон!» Не дрогнув

бровью,
Та повернулась и пошла. В слезах
Легла княжна в постель. Наутро — кровью
В ней сердце облилось: нет Жени!
Страх,
Двоякий страх: и поприще злословью,
Да и жива ль?.. И как она могла?
И отчего, зачем, куда ушла?..

Куда ушла!.. В неведомое море!
Как утлый челн, оторванный волной!
Что ж манит так тебя в его просторе?
Какую пристань видишь пред собой,
Безумная!.. Нет пристани! Лишь горе
Да вечное скитанье пред тобой!
И час придет — очнешься ты над бездной
Разбитая, одна, во тьме беззвездной...

Я говорил, но уж трещал канат,
Уж ветер дул; она лишь улыба-

лась!
Гремел громов далеких пережат,
В ее глазах лишь пламя разгоралось,
И, на меня подняв с насмешкой
взгляд,
Она хотела высказать, казалось:
«Ты слышишь ли, что сердце мне
поет?
Звучнее ль песнь мне разум твой
найдет?..»

О, если бы да наш не зачерствелый
В сомненьях ум иную тему дал,
И сами б мы уверенно и смело
Держали путь на светлый идеал,
—

Иную песнь тогда б ей сердце пело,
Иной бы ветер челн ее помчал!..
Но разве в нас душа так обнищала,
Что у самих у нас нет идеала?

И, цвет народа, мы бредем
впотьмах
И мечемся в кругу, как эфемеры,

Без верной цели, без любви в сердцах,
Без корня, без плода?.. Для нас химеры —
Добро и зло? И для всего в руках
У каждого свои весы и меры?
Нет идеала, нет того у нас,
Что живо так в инстинкте темных масс?

Нет, много их, но служат лишь отзывом
Все на чужой! Побрежный люд,
должны
Бороться мы без устали с приливом
К нам издали катящейся волны...
Взлетит к нам всплеск неистовым порывом
Бог знает где взмущенной глубины,
Зальет поверхность и, до новой смены,
Уйдет, оставляя гнить здесь клубы пены...

От Жени, впрочем, на столе у ней
Нашлась записка: «Рано или позд-

но
Мы разойтись должны, и, чем
скорей,
Тем лучше. Вместе жить, гля-
деть же розно —
И тяжело, и подло. Из детей
Я вышла. В жизнь давно смотрю
серьезно.
Иду. Вам не понять, чего ищу.
Ищу я правды; правды лишь хо-
чу».
И всё.

О, как с тех пор все изменились
лица!
И как неправ к княжне я был! Она,
Видал я, то, как бешеная львица,
По комнате металась: «Я сильна,
Скажу лишь слово, и она, срамни-
ца,
Уж будет здесь!.. Я езжу к ней,
княжна!
Прошу, молю... И что ж я ей? За-
бава?
Наладила одно: «У вас нет пра-
ва!»»

Не то — так слезы, малодушный

стон.

Лицо в подушку и рыдает страстно...

Я изумлен бывал и возмущен.

Я думал: вот он, деспот самовластный!

Привыкла жить и не встречать препон,

И вдруг теперь от сироты несчастной

Нашла отпор!.. Конечно, права нет!

Не дочь тебе и вышла уж из лет...

Но... если б знать, что в этих муках лютых

Больное сердце матери скорбит;

Что это — львица, в собственных же путях

Захлестнута, бессильная, лежит;

Что в этих горьких днях, часах, минутах

Всей жизни ложь несчастную казнит...

О, как теперь всё кажется иначе!

Любви что было в гневе том и плаче!..

Любви!.. И вот чего ей не понять:
«Так измениться вдруг!.. И отчего
же?»

Ребенком без меня не шла и
спать, —

Откуда ж ненависть? За что? За
что же?»

Да, да, княжна! теперь могу ска-
зать:

В госпитале вам легче было (бо-
же!),

Где, вольный крест на рамена
взложив,

Вы в воздухе вдыхали кровь и
тиф!..

Так с лишком год прошел. О бег-
стве Жени

Узнали все, жалели о княжне.

Сама она от первых потрясений

Уж успокоилась, и даже мне

О ней ни слова. Впрочем, на дом
тени

Как будто пали. В мертвой тиши-
не

Княжна как будто погреблась...

Часами

Сидит, охватит голову руками,

Не слышит ничего, не говорит...
Или в огромном зале ходит, хо-
дит...
Поедет вдруг в собор и там сто-
ит,
Спустив вуаль; с пречистой глаз
не сводит,
И руки жмет, душа вся к ней ле-
тит,
И шепчет ей, и точно не находит
Слов, наконец на помост упадет...
А вокруг — кадил бряцанье... хор по-
ет...

Так подошел и бал. И, как всё бы-
ло,
Мне куафёр рассказывал потом.
Княжна казалась в духе и шути-
ла,
Прической любовалась и венком...
Вдруг входит та, да разом и хва-
тила:
«Позвольте документы о моем
Рожденьи. Замуж выхожу. Жела-
ют
Читать попы. Иначе не венча-
ют».

Княжна глядит недвижна и нема.
Та ж, глаз не опуская, без смущенья:

«А не дадите, так пойду сама
И расскажу всё в Третьем отделе-
нье.

Я знаю, чья я дочь». — «Да ты с
ума

Сошла! Чья дочь!» — «Да ваша». В
то ж мгновенье,

Глядим, княжна шатнулась. «Эду-
ар, —

Кричит, — воды!» — и кончилась.
Удар.

Тут шум и гвалт. Никак уже
скандала

Не избежать. Прихлынули тол-
пой.

Очнулась няня первая и стала
Всех просто гнать. Тотчас, сама
собой,

Став выше всех, она уже вступала
В беспорные права над трупом
той,

Что ей младенцем, с божья изво-
ленья,

Была дана в любовь и береженье.

Осталась только Женя как была,
Да я промешкал несколько мгновений.

Крестясь, старуха к трупу подошла.

«Чего ж стоишь, простись!» — сказала Жене.

Та только тут как будто поняла.
В лице невольных несколько движений,

И вдруг — что вижу? — Женя —
боже мой!..

Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, как будто ледяная,
Обрушилась внезапно над княжной

И, страстно труп холодный обнимая,

К княжне на грудь прижалась головой

И плакала... И, плакать не мешая,
Взгляд на нее кидая лишь косою,
Кругом старушка стала прибираться...

Мне долее не шло уж оставаться...

О, тут роман и интерес огромный,
Я чувствовал... Но нить уж порвана!
Один источник, но источник темный,
Старушка няня, и притом она
К княжне пристрастна, верный,
не наемный,
Старинный человек, и хоть умна,
Но где ж понять ей высших сфер
волненье,
И тонкость чувств, и даже слов
значение!..

Весь век с княжной, и странствовала с ней
И на воды, и по столицам мира,
Видала жизнь народов и людей
До берегов почти Гвадалквивира,
Фортуны прихоти, игру страстей

Всего видала на веку, но мира
Души ее ничто не потрясло,
И, как мираж, всё мимо лишь прошло...

Ничто ее не подчинило игу

Ни чуждых форм, ни веяний чужих;
Неся свой крест как вольную вери-
гу,
Она жила всё в мире душ про-
стых,
Где набожно одну читают книгу,
Одной лишь верят — жития свя-
тых,
Как встарь еще, в блаженные те
веки,
О внутреннем радея человеку...

Но как же быть! Все бросились к
ней,
Как на медовый цвет шмели и
осы.
«И какво ж! Представьте (князь
Андрей
Рассказывал потом): на все рас-
спросы
Насупилась, молчит! Глядит
темней,
Чем из-под туч Каламовы утесы!
Уж я просил, всё ставил ей на вид,
И соблазнял, и уличал, — мол-
чит!..»

Я спрашивать не думал уж нима-
ло,
И вообще жалел лишь о княжне.
«Вот подивись, — она мне расска-
зала: —
Вхожу к ней утром. Вижу — вся в
огне,
И говорит, — как раз канун был
бала, —
«Я видела прадедушку во сне».
— «Что ж?» — говорю. — «Да при-
ходил за мною».
— «Ну, полно, — я опять, — гос-
подь с тобою!»

Перекрестила, ну, мол, ничего!
Ан — вот и сон!» Меж тем уж в
ход пустили
И телеграф, и почту; до всего
Дошли и всё как должно разъясни-
ли,
И князь Андрей скакал (о, торже-
ство!)
Рассказывать, какие вести были
Получены им первым: в миг один
Он просиял и вырос на аршин!

Я, кажется, без очерка оставил

Вам князь Андрея? Впрочем, про него

Что ж и сказать? Себя он не прославил

Ничем, хотя честили все его;

Ни черт лица особенных, ни правил...

Милейшее был, Впрочем, существо!

Княжна его хоть в шутку называла

Le prince «Tout le monde»[82], но очень уважала.

«*Cette pauvre princesse*, — он говорил, — как раз

*Tout est con*ни![83] Теперь всё очень ясно!

Экстаз, религиозный был экстаз

—

И — оскорбленье! Переход ужасный!

Душа искала пищи, а у нас

Где эта пища — да с такою страстной

Притом натурой?.. Ну-с, в Париже был

Тому лет двадцать проповедник.

Слыл

Он за святого. Делал обращенья
Во множестве. *Un saint Francois*
[84] собой,
Аскет, траппист. Княжне как
откровенье
Он свыше был. Всея бросилась ду-
шой
В католицизм. Уж все пригото-
венья
Окончены, и вдруг как громовой
Удар — уехала!.. И вот теперь —
разгадка!
Faut convenir, [85] что сделано всё
гладко!»

И рад был, рад и счастлив князь
Андрей.
Свет был не то что рад, но зло-
язычью
Дать пищу рад; рад каждый был
пигмей
Подставить ножку падшему ве-
личью
(Самоусллада маленьких людей), —
Но внешнему не изменил прили-
чью,

*В глубоком трауре и в орденах
На пышных весь он был похоро-
нах...*

*Шли речи в группах... Образ вели-
чавый*

*Еще в сердцах у всех был как жи-
вой.*

*И кто ее заменит: столько здра-
вой*

*В ней было мысли, этот взгляд
прямой,*

*Возвышенный характер, вкусы,
нравы...*

*Вопрос же насчет Жени суд люд-
ской*

*Так порешил: «Да! анекдот ска-
брёзной,*

*Но ей вольно же брать всё так се-
рьезно!..»*

*«Что анекдот, ну лопнула стру-
на,*

*Не в этом дело! — слышалось
суждение. —*

Тут — исторический момент!

Княжна —

Полнейшее его лишь выражение.

*В истории нет личностей. Одна
Идея смысл дает им и значенье»,*

—
*Сказал один адъютант, — конечно,
вздор,
Но, подхвативши этот приговор,*

*Москвич известный — борода
большая —
Припомнил вот что: кто-то раз
весной,
Княжну в чужие края провожая,
Сказал ей вслед: «Поехала до-
мой!..»
О Жене тоже, что она «такая,
Как и княжна, но только век
иной,
В них в каждой книжка говорит
чужая,
В княжне одна, а в девочке дру-
гая».*

*О Жене, кстати, отзыв привелось
Иной мне слышать. Встретились
«сестрички»
И в голос прокричали на вопрос:
«Что Женя?» — «Сволочь! Барские
привычки!*

Разнюнилась, как действовать
пришлось!»

И вдаль помчались стайкою, как
птички,
Как будто нес их вихорь-бога-
тырь,
Что по Руси гуляет вдоль и
вширь...

Итак — княжна... Но — мир во
гробе спящим!

И грех живым, идущим к их гро-
бам

С своим судом, лишь в злобе дня
судящим

И в похвальбе своим делам и
дням!

И мы, чредой, и с нашим настоя-
щим

Предстанем все к таким ж суди-
ям...

А кто безгрешен? Все мы — чело-
веки!

Мир праху твоему, княжна, вове-
ки!

Два слова, впрочем. Няня сорок
дён

Служила панихиды, всё как надо.
По случаю каких-то похорон
Я с нею встретился. Казалось, ра-
да,
Что видит, ласковый, спокойный
тон.
Речь о княжне, конечно — вот,
отрада
Была ей Женя, да и та... «Да, да, —
Вздохнув, она сказала, — молода.

Еще глупа: ни что к добру, что к
худу —
Понятья нет!.. Вон — замуж-то
идет:
Я только так, мол, с ним и жить
не буду!..
Все на нее теперь, что вот, мол,
вот!..
Дивятся детской дури, словно чу-
ду!
Эх, друг! и небо, и земля пройдет,
А дурь-то нешто вечная! Минует!
Дух у нее большой. Вот и бушу-
ет!..

Княжна, бывало, по ночам не
спит:

«За что, мол, на меня-то держит
злобу!

А, чай, теперь в нужде какой си-
дит!

Снеси-ка, — денег даст мне, — да
попробуй,

Пообразумь». Приду: «Нет, — го-
ворит, —

И не моги! Нога моя до гробу

Не будет к вам. А денег — хоть
умру,

А не возьму». Ну в эдаком жару,

Гляжу, что делать? Время толь-
ко трачу!

А бедность-то кругом: диванчик,
стол

Да стул — и всё!.. Ведь забрала ж
задачу!

Гостей встречала у нее. Пришел
Раз целый сонм. Галдят! А я-то
плачу,

В уголушке сижу. «Да с кем те
свел

Непутный», — говорю. Она ж: «Да,
путных мало!»

Сама, поди ж ты, это понима-
ла...»

«А что теперь она?» — «Да как сказать!

Никто как бог! Захочет — сердце тронет.

Что гордость-то людская? Благодарить

Земных владык и тех главу приклонит!..»

Тут, признаюсь, не с тем, чтобы болтать

Ее заставить, я сказал: «Прогонит

Всю эту дурь, как разглядит, она, —

Как прогнала ж ведь патера княжна...»

Старушка на меня взглянула косо

И поднялася с места, от меня

Боясь прямого, может быть, вопроса,

Но обернулась... Изумился я:

Я чувствовал, что скорби поднялося

В ее душе! И, голову склоня:

«Коли судить, — сказала мне, — берешься,

Слыхал ли то, не падши, не спа-

сешься?..

Затем — прости!» И тихими ша-
гами
Вдаль побрела. Смотрел я долго
вслед.
Тут свежий холм, усыпанный цве-
тами,
Ее любовь и гордость стольких
лет,
Та, что прошла победными сто-
пами
Свой в мире путь, вокруг разливая
свет,
Деля со всеми блеск, все жизни ро-
зы,
С одной лишь с ней — страдания и
слезы.

Но отчего ж?.. И кто ей указал?..
Та, для кого великие стремленья
И всякий высший века идеал
Доступен был и близок, — утеше-
нье
Нашла лишь там, куда не прони-
кал
Ни блеск, ни шум всемирного дви-
женья,

*Где теплится лампада да одне
Лишь шепчутся молитвы в ти-
шине...*

*Пылинка влаги, в небеса взлетая,
Там золотом горит и серебром,
То в радугах цвета переливая,
То разнося и молнию, и гром...
Отбушевав и отблестав, кончая
Свой горный путь, теряется по-
том
В бездонных глубинах, где от на-
чала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шква-
ла...*

*Счастлив, тысячекрат счастлив
народ,
В чьем духе есть те ж глубины
святые,
Невозмутимые и в дни невзгод,
Где всякие страдания земные
Врачуются, где разум обретет
И нищий духом на дела благие,
Затем что там от искони веков
Царит всецело чистый дух Хри-
стов.*

1874-1876

КАССАНДРА

Сцены из Эсхиловой трагедии «Агамемнон»

Два величайшие идеала, созданные Эсхилом, — это Прометей и Кассандра. К тому и другому могут быть применены слова, которые Кассандре говорит хор. «Великий дух — твоя гибель!» Прометею посвятил поэт целую трилогию, т. е. три пьесы, из которых до нас дошла только одна. Кассандра является только как действующее лицо в одной из его трагедий, «Агамемнон». В переведенном мною отрывке переданы сцены, ей посвященные, и из предыдущего взято сколько нужно, чтобы служить достаточною рамкою этому образу.

Великое значение Эсхила для Греции это то, что все его трагедии — апофеоз водворения какого-нибудь высшего начала в жизни греков. В трилогии, которой «Агамемнон» составляет первую часть, «Молящие о защите» — вторую и «Эвмениды» — третью, — душу всего создания составляет прекращение

кровной мести, переход от варварских нравов к высшим понятиям в жизни. Тут варварство стоит еще пред читателем во всем его ужасе (картина жертвоприношения Ифигении, видения Кассандры и пр.), тут господство еще старых богов, требовавших крови за кровь. Пред нами история дома Атридов — длинный ряд злодейств. Освещение, которое бросает на них Эсхил, — это, как выражаются старые эстетика, *спасительный ужас*, т. е. отвращение к злодейству: понятно, какое цивилизующее впечатление производила его трагедия на современников, в памяти которых еще живы были эти дела и времена! Фокус, из которого исходит это освещение в «Агамемноне», следовательно лицо самое высокое и любезное для читателя, это — Кассандра, ясновидящая, вдохновенная жрица Аполлона, дочь Приама, доставшаяся, по разделе пленных, в добычу вождю ахейцев. Она одна выше всего окружающего ее мира; ни свои в Трое, ни чужие, здесь, в Аргосе, ее не понимают. Хор сочувствует ее несчастиям, указывает даже, что великий дух — ее погибель, но открываемых ею горизонтов будущего обнять не может. Она

между тем возвещает, что в следующем поколении будет положен конец «крови», и действительно, в третьей части трилогии Орест, сын Агамемнона, преследуемый старыми богами за убийство матери, убийство, которое он должен был совершить, мстя за убийство отца, приведен наконец Аполлоном пред Афинский Ареопаг, где, под внушением Паллады, произносится приговор над старым варварским миром и торжествуется наступление новой, лучшей эпохи, царство разумницы Паллады. Вот общая мысль трилогии. Вот роль, какую в ней играет Кассандра.

Для уразумения переведенного мною отрывка напомню читателям только те черты кровавой истории Атридов, которые имеют отношение к нашей трагедия.

У элидского царя Пелопса было два сына: Атрей и Тиэст. Атрей, чтоб отмстить брату своему, обольстившему его жену, захватил его сыновей, убил их и приготовил Тиэсту из них обед. У Тиэста был еще сын Эгист. Отец завещал ему отмстить Атрею и его детям. Он убивает Атрея и троих его сыновей. Из пяти-рых остались только Менелай и Агамемнон.

Парис, сын троянского царя Приама, похитил жену Менелая, Елену. Цари-братья, во главе всего флота ахейян, отправились под Трою. Дорогой послала им бурю богиня Артемида, для умилоствления которой, по слову пророческого жреца Калхаса, Агамемнон приносит в жертву свою дочь Ифигению. Эгист, между тем, в отсутствие царей, вошел в связь с женой Агамемнона, Клитемнестрой, и, воспользовавшись ее злобой на мужа за жертвоприношение дочери, подвигает ее на убийство Агамемнона. К этому в ней присоединяется еще ревность, жертвою которой должна пасть Кассандра. По совершении убийства, Эгист и Клитемнестра остаются властителями Аргоса. Этим кончается первая часть трилогии.

Во множестве изданий текста и его переводов, бывших у меня под рукою, во многих местах встречается поразительное разногласие в чтении. В выборе, которому из них последовать, я руководствовался не столько авторитетом ученых издателей, сколько ища соответствия внутреннему смыслу речи.

**Площадка перед царским дворцом в
Аргосе. Вдали — горы, море. Ночь.
На плоской крыше дворца страж, по-
глядывающий то вдаль, то на небо.**

*Положат ли когда-нибудь конец
Моим мученьям боги!.. Вот, как
пес.*

*Валяюсь столько лет на этой
крыше!*

*Со звездами беседую!.. Уж знаю
Все наизусть, которые приносят
Нам холода, которые жары,
Когда они восходят и заходят...*

*Да!.. Не взята ли Троя — жду сиг-
нала,*

*И, как увижу, тотчас доложить
Об этом госпоже. Мужское серд-
це*

*У этой женщины!.. Вот и ходи
Вокруг своей соломы, а прилечь —
Беда: заснешь. Запел бы с горя пес-
ню*

*Иль так бы посвистал — противу
сна*

*Всего бы лучше, — так приходят
мысли*

Различные: такой уж это дом,

Давно уж здесь всё делается не так,
Как следует. Ох, показался б, пра-
во,
Скорей огонь!.. Покончились бы
муки!..

Да это он никак? Сигнал... Да! да!
Ну, здравствуй, наконец! Вот ты,
желанный!
Вслед за тобой такой восходит
день
Для Аргоса, что будет всё с утра
Плясать и петь, на долах и го-
рах!..

Ого! Ого!
Будить ее скорее...
Соскочит с ложа и весь дом поды-
мет...
Легко сказать: победа! Взяли
Трою!
Я первый торжество открою!..
Да,
Я выкинул счастливые-то кости
Для госпожи, я первый! Да и разом
Все три шестерки!

Первому бы тоже

Поздравить было мне и господи-
на,
Как он вернется, — а о всем о про-
чем —
На рот замок повесить, помол-
чать...
Пусть лучше сами стены гово-
рят,
Когда сумеют. С тем, кто знает,
Поговорим, пожалуй, и посудим,
А кто не знает — «ничего не зна-
ем!»

2

**Входит хор городских старцев. Хор
разделяется на две стороны, у каж-
дой свой корифей.**

Ах, десятый уж год на исходе те-
перь,
Как помчались войной
Менелай с Агамемноном, бра-
тья-цари,
От Зевеса двойным
Наделенные троном и скиптром
двойным,
На Приамов помчались град,
Далеко от родимой земли,
Во главе всего флота ахейн.

Они подняли клик боевой по зем-
лям,
Что два коршуна, вдруг в разорен-
ном гнезде
Не найдши птенцов,
В перепуге замечутся в воздухе,
вниз и наверх
И зовут, и кричат на весь мир
Об ужасной потере своей, —
И услышит их Зевс, или Пан, или
Феб,
И укажет им след,
И проклятье пошлет
По пятам в наказание злодею:
Так Зевес и Атридов послал
Звать Париса на суд,
Ради прав, опозоренных им, очага,

—
И теперь из-за той вероломной
жены,
Там под Троей, вокруг стен, в
непроглядной пыли,

Неумолчная тянется брань,
И трещат и стучат и мечи и щиты,
Наступают и падают люди во
прах,

При неистовых криках кругом
Разъяренных троян и ахейцев;
И чем кончится спор — то неве-
домо нам,
Но ни слезы уже, ни сожжение
жертв,
Ни мольбы не смягчат пробуж-
денных войной
И следящих за ратями фурий.

Под напором годов одряхлев, ста-
рики,
Мы отстали от них, от могучих
бойцов,
И сидим по домам.
Бродим с посохом вокруг, словно
дети — увьы! —
Беспомощны: у них перед кликом
войны
В неокрепшей груди
Содрогается дух, как и в нас, ста-
риках,
И с подпорой своей чуть плетет-
ся старик
По поблеклой листве, угасая, как
тень
Перед днем, рассветающим в
небе!

Из дворца по лестнице спускаются служанки с чашами, сосудами, факелами и украшают алтари.

О царица, скажи,
Клитемнестра, Тиндарова дочь,
Что за праздник? Зачем убраны
алтари,
И готовятся жертвы богам
И небесным, и адским, и им, покровителям града?
И везде поднимаются к небу огни?
Из палаты твоей то елей, то вино
В драгоценных сосудах служанки
несут без конца...
Если вести к тебе дорогие пришли,
Облегчи нам сердца, неизвестность рассей!
Мы томимся в тоске,
А смотря на убранство твоих алтарей,
Предаваться ль надежде — не знаем.

Всё же есть утешение нам:

При отплытьи вождей
Были добрые знаменья им, —
А доверье к богам, пенопеный род-
ник
Не иссяк еще в нас,
И победе предсказанный срок — не
настал!
В самый миг, как цари обнажили
мечи,
Вдруг, от правой руки,
Опустились на кровлю дворца два
орла —
Белоснежный один, черноперый
другой, —
И в когтях их живая зайчиха бы-
ла,
И они принялись терзать и ее,
И зайчат, ею тут же рожден-
ных...

Плачьте, о, плачьте,
Но да будет победа добру!

Как увидал их Калхас прорица-
тель,
Тотчас на обоих Атридов взгля-
нул —
Их он признал в двух орлах — и

сказал:

«Будут Приамовы стены добычей
ахейцев.

И вековые

Богатства отымет судьба у тро-
ян, —

Лишь бы над Троею взвившийся
бич,

Прежде чем пасть на нее,

Гневом кого из богов не порвался.

Артемиды не стерпит, что здесь

Зевса крылатые псы

Мать и детенышей еле рожден-
ных заели.

Этот кровавый противен ей пир».

Плачьте, о, плачьте,

Но да будет победа добру!

«Только б она, Артемиды, кото-
рой любезны

И львицы пустынной,

И всякого зверя лесного

Сосущие мать порожденья, —
только б она

Не мешала исполниться добрым
обетам!

Будем молить отвратителя бед,

Аполлона,
Чтобы нам она бурю и ветер не по-
слала,
Требуя жертвы иной, нечестивой,
ужасной,
Без пира и песен,
Которая злобу убудит, и новую
кровь уготовит,
И, памятью дочери, в злой и ко-
варной жене
Будет питать ежечасно о мще-
нии мысль!»
Так усмотрел прорицатель Кал-
хас
Из явленья орлов для Атридова
дома
И великое благо, и зло.
Плачьте ж, о, плачьте о зле, —
Но да будет победа добру!

Плачьте, о, плачьте,
Но да будет победа добру!

Зевс! кто б ни был ты, взываем
Этим именем к тебе!
Ты один нам покровитель,
Вождь и помощь в злой судьбе!

Пал Уран, презрад от века
Не выдавший пред собой,
От такой же пал он силы
Кровожадной и слепой.

Кронос свергнут сыном — Зевсом;
Зевс, владыкой став среди
Мирозданья, человеку
Ум и совесть дал в вожди, —

Ум, мужающий в невзгодах,
Совесть, даже и во сне
Направляющему сердце
К правде в мире и войне.

Царь Агамемнон, в заботах во-
ждя,
И забыл о Калхасовых вещих сло-
вах,
И невзгоды и беды покорно сносил,
Но когда, после мертвого штиля,
Изнурявшего войско ахеян,
Против Халкиса празднo стояв-
шее ночи и дни,
В водоворотах Авлиды, —
Вдруг от Стримона буря ударила
с вихрем и ветром,
Запирая из гавани выход,

И срывая кругом корабли с якорей,
И о берег утесистый их разбивая,
И погибал лучший цвет ополченья
ахейн,
И казалось, буре не будет конца,
И Калхас вошел в круг смущенных
вождей
И стал говорить,
И назвал ту жертву, которой жез-
ляет богиня,
Пославшая бурю,
И ударили в скорби о землю жез-
лом
И заплакали оба Атрида, —
«Горе! — воскликнул тогда Ага-
мемнон. —
Горе, когда не исполню веленье бо-
гини,
И горшее, если, сокровище дома,
дитя мое, дочь
Сам заколю и невинною кровью ее
Отцовские руки мои обагрю!
И там злое горе — и здесь!
Воротиться домой — одному —
беглецом —
Всеми оставлену — всё потерять
—

А всё войско — все требуют
жертвы — грозят —
И требовать право имеют!»
И, всеми кругом обступаемый, ду-
шу
Нечестивой, ужасной он мысли
открыл.
И, скорый в решеньях всегда,
Приступит велел к делу тотчас.

Ах, первый ошибочный шаг
В нас разжигает упрямство и
страсть!
Ради той вероломной жены,
Ради мести Парису
На жертву обрек он любимую
дочь!

И ни слезы ее, ни моления к отцу,
Ни младая девичья краса
Не тронули сердца суровых му-
жей.
Отец — лишь умолкли молитвы,
—
Словно лань молодую, велел,
Покровом окутав,
На жертвенник навзничь ее опро-
кинуть,

*И крепче держать,
И рот завязать, чтоб она
Проклятий отцовскому дому не
слала.*

*И схватили ее, и завязан был рот.
Брызнула кровь под ножом,
И лишь взгляд, как стрела,
Состраданьем сердца поразил...
Нема и прекрасна как мрамор, ка-
залось, она
Хотела еще говорить,
Как прежде, когда на пиры
В отцовском доме выходила к го-
стям
И пела хвалебный пэан
Благоденствию дома Атридов и
славе отца.*

*Что было потом — то неведомо
нам,
Но исполниться должно пророче-
ству вещего мужа!
Учит разуму Зевс из страданий и
бед...
Не хотим проникать в тьму гря-
дущего мы!
Преждевременно плакать не ста-*

нем...

*А в грядущем злое чуется
нам...*

*Только молим — да всё обратит-
ся на благо земли!*

3

Тот же хор и Клитемнестра, выходя- щая из дворца.

*Пришли мы на твой зов, царица.
Когда царя нет дома, ты его
Нам заступаешь место. Если ты
Известие какое получила,
Что заказала жертвоприноше-
нья,
Благоволи сказать, когда воз-
можно.*

*Скажу пословицей: счастливый
день
Да народится от счастливой но-
чи!
Узнайте же теперь такую ра-
дость,
Какой едва и ожидать мы смели:
Взята ахейцами — и пала Троя!*

Что ты сказала?.. Вдруг и не пой-

мешь.

Пал Илион пред эллинами. Понял?

От радости я, кажется, заплачу...

И верю, что от искреннего сердца.

Но верны ли полученные вести?

Конечно, если боги нам не лгут.

Приятный сон тебя не обольстил ли?

Не верю я пустым мечтаньям сна.

Быть может, только мимолетный слух?

Ты говоришь со мною как с ребенком!

С какого ж времени? Когда взят город?

Сию же ночь, — на этот самый

день.

Да кто ж так скоро передал известье?

*Огонь:[86] сперва — пылающая
Ида,*

*А от нее, один вслед за другим,
До Аргоса сигнальные костры.
Пожаром Иды озарился Лемнос,
Оттуда пламя перенял Афон;
С его высот священных, золотясь
По зеркальному морю, побежало
Всё дальше, дальше радостное
пламя —*

*На Лесбос, на Мессану, Киферон;
Одно, блеснув, другое вызывает.
Везде их люди ждут, и десять лет
Костры из вековых цельных со-
сен.*

*Через Саронский наконец залив
Блеснул огонь на скалы Арахнея,
И уж оттуда к нам, на дом Атри-
дов,*

*И здесь теперь — последний это
отблеск
В сей самый миг, теперь, горячей
Трои.*

*Вот как мне передал известье
муж.*

*О, слава, слава вечная богам!..
Дивиться только, слушая тебя!
Хоть сызнова рассказывай, всё б
слушал!*

*Да, пала Троя!.. Наши там ночу-
ют.*

*Чай, стон теперь над городом
стоит!*

*Перемешались и победитель,
И побежденный, как в водовороте,
И не сольются, что вино и масло
В одном сосуде, как их ни бол-
тай!..*

*Да!.. Побежденные!.. Там над те-
лами*

*Мужей и братьев стонут жены,
сестры,*

*Над стариками плачут дети: все,
Кто жив остался, все — рабы на-
век!..*

*А победители, еще в крови,
Истомлены и голодом, и боем,
Из дома в дом перебегают, жадно
Всё поедая, что найдут, кидаясь*

Толпой и друг у друга отымая!
Наевшись, где пришлось, в домах,
в чертогах,
Валяются спать, уж не боятся
больше
Ни рос ночных, ни снега, и без
стражи,
И мирно спят, как боги спят, всю
ночь!..
И ежели богов, пенатов Трои,
И их святынь они не оскорбят,
Победа их останется за ними...
Не бросились бы только грабить
храмов:
Им нужно счастье на обратный
путь,
Как на бегу, на играх... Прогневят
Они богов, то пролитая кровь
Проснется и на них возопиет
О мщенье к небу...
Так я рассуждаю
Как женщина... «Лишь повело б к
добру», —
Без всякой, верьте, затаенной
мысли
Я говорю, за это пожеланье
Ох, дорого я очень заплатила!

*Ты женщина, но говоришь, как
муж.
Идем теперь принести благодарен-
ье
Богам бессмертным: щедро нас
они
За долгое страданье наградили.*

4

За сим пропускается мною сцена, когда приезжает Агамемнон на торжественной колеснице, везомой народом. С ним рядом сидит Кассандра, дочь Приама, доставшаяся при разделе пленных Агамемнону. Хор приветствует царя. Выходит потом из дворца Клитемнестра и в длинной речи выражает, как ждала мужа, велит разостлать пурпурные ковры по лестнице во дворец, куда и уходит с Агамемноном. Остается Кассандра на колеснице, неподвижная, молчаливая, и хор старцев. Клитемнестра возвращается и, стоя на верху лестницы, приглашает Кассандру войти во дворец. В ее речах пре-

зрение, ирония и нетерпение.

И ты, Кассандра, кажется? Войди.

К тебе Зевес был милостив, позволив

Предстать перед алтарь свой в нашем доме

И с нашими рабами в жертвоприношеньях

Участвовать. Так отложи же гордость,

*Спустился с колесницы. Сам Алкид
Был тоже в рабство, сказывают,
продан.*

*И если уж такой удар судьбы
Постиг тебя, то в древнем, славном доме*

Рабою быть еще счастливый жребий.

Кто только начал пожинать богатства,

Тот строг и жёсток со своей прислугой,

У нас же, здесь, на всё, что справедливо,

Что следует, — рассчитывать ты можешь.

Царица правду говорит. Конечно,
Попавши в сеть, уж нечего тут
биться,
Уж покорись, иди, куда зовут.

Ну ежели, как ласточка, она
На языке лепечет неизвестном
И речь мою не поняла, то всё же
Хоть сердцем чувствовать могла
бы,
Что я хочу сказать, и — покориться.

Иди за ней. Уж лучшего не может
Тебе быть ничего теперь. Иди же!

А впрочем, ждать мне некогда.
Готовы
У очага стоят уже овны, и праздник
Уж начался, какого мы едва
Когда-нибудь и ожидать могли.
И ты не медли. Если ж в самом деле
Не понимаешь слов моих, то сделай,
Как варвары, скорей хоть знак рукою.

Кассандра молчит.

*Она дика, что пойманная лань,
Уговорить ее бы надо лаской.*

*Нет, бешенство в ней дышит и
безумство!*

*Еще вчера с пылающих развалин
Родного города взята, она
Не покорится и не склонит выи,
Пока удил своих не окровавит.
Мне нечего позориться с ней боль-
ше!*

5

Кассандра и хор.

*Нам жаль тебя, несчастная! По-
слушай,
Спустися с колесницы, покорись
И свой удел безропотно прими.*

*О, горе! о, мать Земля!
О, Аполлон! Аполлон!*

*Зачем же ты взываешь к Аполло-
ну?
Ведь с жалобой к нему не прибега-
ют!*

О, Аполлон!.. Аполлон!

*Опять она взывает к Аполлону,
Который слез не любит, не при-
емлет!*

Аполлон! Аполлон!

*Куда ты привел меня, мой погуби-
тель!*

Какой еще новый готовишь удар!

*Свою судьбу пророчит... Не поки-
нул*

И в рабстве дух пророческий ее!

Аполлон! Аполлон!

*Куда ты привел меня! В какой
привел дом!*

*Не знаешь разве? Это дом Атри-
дов.*

*Дом, ненавистный богам!.. Злоде-
яний вертеп!*

*Удушенье! Убийство!.. Стены и
пол*

Человеческой политы кровью!

Как добрая ищайка, тот же час
Послышала давнишней запах кро-
ви!..

Словно в кровавый туман я гля-
жу...
Вон — душат детей!
Жарят — отцу подают на обед...

Ох, это мы давно и вдосталь зна-
ем!
Да не к добру о том напомниманье.

Она... Что она замышляет?
Что там готовит еще?
Новое горе! Горе ужасное!
Неотвратимое!
Непоправимое!
И нет спасенья кругом!

Что видится еще ей?.. Непонят-
но!
Иль новое пророчествует горе?

Несчастливая! ты приступила уж к
делу...
В баню ведешь его, мужа-влады-
ку...

Не успеваю и говорить...
Так всё быстро вершится... Вон
она, вся дрожа —
Протянула уж руки к нему...

Для нас всё это — темные загад-
ки...

Боги! Что вижу еще?
Адская сеть!
Это — брачное их покрывало...
Фурии! Фурии!
Ненасытимые кровью проклято-
го этого рода!
Запевайте ужасную песнь...
Новую жертву встречайте!

Каких зовешь ты фурий? О какой
Еще ужасной поминаешь песни?..

К сердцу вся кровь приливает
моя!
Точно пронзил кто мечом мою
грудь!
Точно глубокая ночь погашает
кругом
Свет убегающей жизни...
Ждать нам, о, ждать нам беды!

Смотрите — ах! ах! удержите,
держите ее!..
Накинула адский покров...
Опутала... боги!.. удар!
Упал он — упал.

Не смыслю ничего в разгадке я
Оракулов — но чую тут беду!

В прахе рожденным — разве когда
Скажет оракул — светлую
весть?
Темное слово вещих богов
Лишь в совершившихся ясно бедах!

Ах! Вот и мне, злополучной, ко-
нец!
Жребий мой связан с его!
Что ж ты привел меня в дом
свой? Зачем?
Или затем чтоб одной смертью с
тобой умереть!

Ты, вдохновенная! песнь о себе ты
заводишь!
Скорбную песнь, как поет соловей,
Непонятную нам изливая печаль
В сладкозвучных рыданьях своих.

Сладко поющая птичка дубравная!

Дали бессмертные крылья ей быстрые,

Дали бесслезную, вольную жизнь...

Мне же двуострый нож впереди!

О, какие виденья тебя обступают?

Отчего этот ужас, отчаянья вопль?

Вопль этот, нам раздирающий душу, зачем?

Что вызывает, скажи, в откровеньях богов

Бесконечную скорбь в потрясенной душе?

О, Парис! О, погибель! О, брак твой преступный!

О Скамандра родимые воды!

На твоих берегах я блуждала по дням,

Без забот пела детские песни свои...

А теперь — Ахерон и угрюмый Коцит

Огласятся стенаньем моим!

Вопли твои, о несчастная,
Были б и детям понятны!
Сердце сжимается, точно поешь
Ты передсмертную песнь над со-
бой!

О, Илион! Ты, в прахе лежащий
теперь!
Дым от бесчисленных жертв,
что богам приносил,
Строя стены его, злополучный
отец!
Бесполезные жертвы, увы!
Гордый пал Илион — и ведут на
убой
Вдохновенную жрицу его!

Те же речи... Всё те же виденья...
Черный демон тебе, полныя
смертной тоски,
Ужаса полные речи внушает...
Что предвещают они?..

О, пусть же всё теперь вам будет
ясно!
И всё, что говорю я, потеряет
Вид новобрачной, как она глядит
Из-под венчального покрывала!..

Пусть
Мои слова, как предрассветный
ветер
Вослед за бурной ночью, вам рас-
кроют,
Что нет для вас ужаснейшего го-
ря,
Как то, что вынесет теперь вол-
на
Из темных бездн и на берег к вам
кинет!
Открою всё я вам в ужасной прав-
де...
Но прежде вы скажите мне, что,
правда ль —
Все ужасы, что говорила я
Про этот дом? Проклятия и сто-
ны,
Как хор безумный, в нем не умол-
кают.
До бешенства уже упившись кро-
вью,
Здесь поселились фурии, как дома,
И пляшут, и неистовствуют, сла-
вя
Злодеяния дедов, и отцов, и вну-
ков...
О, ежели неправда, уличайте,

Что на ветер я говорю, подобно
По улицам шатающейся нищей!
Ну, поклянитесь, что всё то
неправда!

Когда бы мы и поклялись, была ли
б
Та клятва в прок Атридам? Мы
дивимся,
Как ты пришла из-за моря, и зна-
ешь,
Как будто видела, всё, что здесь
было!

Мне дар всевиденья дан Аполло-
ном.

Он благосклонен был к тебе? Лю-
бил?

Доныне — стыд мне был бы в
том сознаться!

Достоинство храним мы в сча-
стье строже!

Любил и — требовал моей любви!

И ты его порывам уступила?

Дала обет, но не сдержала слова!

Уж получив сперва дар прорицанья?

Уж гибель я предсказывала Трое!

И гнев его тебя не поразил?

Ужасный гнев: никто не стал мне верить!

Меж тем как ты предсказывала правду?

Ах — боги! — вон, всё то ж опять виденье...

Как будто вихрь кругом, и голова...

*Вон там — перед воротами —
вон — двое*

*Сидит детей — как бледные две
тени —*

*Два мальчика — убиты дядей —
держат*

*В руках остатки собственного
мяса —*

*Кишки и сердце... Ужас! боги! бо-
ги!..*

*Остатки от тех блюд, что на пи-
ру*

*Отец их ел!.. Они взывают к ме-
сти —*

*И мстить за них идет ублюдок
льва,*

*Здесь на чужом упрятавшийся ло-
же*

И броситься собирающийся с ложа

На господина моего... Да, да,

На господина моего — ведь я

Его раба!.. А он, ахейцев вождь

И разрушитель Трои, он не чует,

*Что кроется под длинными реча-
ми,*

Под ласками собаки этой!.. Он

Не чует, что готовится ему

От этой фурии... Зарежет мужа

Она, жена!.. Да есть ли имя ей?

Змея двулицая! В глухих пещерах

Живущее чудовище! к своим

Она горит ненасытимой злобой!

О, как ликует, точно собираясь

Плясать и петь на пиршестве по-

беды!

Как притворяется, что это — радость

*При встрече мужа... Верьте мне
иль нет,*

*Ведь всё равно, всё сбудется, вы
все*

*Увидите, все скажете тогда,
Что точно дар пророчества мне
дан...*

*Ты говорила про обед кровавый
Тиэста, страшно говорила, точно
Сама была при этом, но что по-
сле*

Еще сказала, нам пока темно.

*Про смерть Агамемнона — я ска-
зала!*

Уйми язык, несчастная, молчи!

Не отразимо всё! ничем! никем!

*Покамест нет еще и — да не бу-
дет!*

Вы молитесь, а там убийство

зреет!

*Кто ж тот злодей, что мыслит
об убийстве?*

Несчастные, не поняли меня!

*Не знаем, кто ж убийцей может
быть!*

А ведь на вашем языке сказала!

*И Фебовых пророчеств темен
смысл!*

*Ах!.. точно всё горит во мне... вся
грудь...*

Феб! Аполлон! да пощади же ты!

*Двуногая та львица, что спала —
Когда был лев далёко — с волком,
жребий*

*И мой решит! К закоренелой зло-
бе,*

*Как будто составляя яд, мешает
Еще мне месть, и, нож точка на
мужа,*

Бесстыдно хвалится, что уме-

реть
Из-за меня он должен!.. О, к чему
Он мне теперь, мой жезл, моя по-
вязка, —
Прочь, прочь! сама его ломаю!
прочь!

Повязка роковая, прочь! погибни!
Пускай другой достанется их си-
ла
Проклятая!.. На, Аполлон, иди,
Возьми назад мой жреческий по-
кров!

Ты сам, своими видел ты глаза-
ми,
Как надо мной, в одеждах этих, в
Трое —
Безумные! — свои же насмеха-
лись!
Ругали, как врага, ехидной нищей,
Обманщицей — голодную меня,
Несчастную, отвергнутую всеми!
И наконец всевидящий, меня
Всевиденьем своим сам одарив-
ший, —
Ведет теперь на смерть! От ал-
тарей

Отеческих ведет под нож убийцы,
В чужом краю!.. И всё ж тут не
конец
Проливой крови, и за нас опять
Придет и будет мстить еще дру-
гой,
И матереубийством он ответит
На смерть отца!.. Скиталец воз-
вратится,
И только он — один — конец по-
ложит
Проклятью, что лежит на всем
их роде:
Так боги поклялися — смерть от-
ца
Ему откроет в Аргос путь...[87]
Но что же!
Чего стою я здесь? Чего я плачу!
Я видела погибель Илиона;
Теперь с небес упасть готова кара
На победителей!.. Чего ж мне
медлить?
И мне пора, туда ж со всеми ими!

Приветствую вас, адские врата!
Лишь об одном молю: чтобы под
верным
Мне умереть ударом, чтоб спо-

койно,
Покамест, тихо замирая, будет
Струиться кровь моя, — сме-
жить глаза
Покорно мне, без ропота, без сто-
на.,.

Вот жребий-то!.. И вещей дар при
этом!
Зачем же, зная, что там ждет
тебя,
Идешь ты к ним, навстречу лю-
той смерти,
Идешь сама, что жертва на за-
кланье?

Не избежать, друзья мои, судьбы!
Подходит время и — влечет ме-
ня!..

Но для чего ж его предупре-
ждать?

Его избежать — тщетное стара-
нье!

Великий дух — твоя погибель, де-
ва!

*Но есть ведь утешенье в славной
смерти!*

*Ах, тот, кто счастлив, — этого
не скажет!*

*Приам! Приам! одна с тобой судь-
ба
И всем твоим, тебя достойным,
детям.*

О, что ж еще ее там поразило?

Ах...

*Что с тобой? Опять ты вся дро-
жишь?,*

Не пересилю запах крови — там!

*Быть может, чад от жертвопри-
ношений?*

*Нет, тленья, тленья дух, как из
могилы!*

Увы! не сирских ароматов запах!

*Иди! И там наплакаться успеешь
Еще о нем и о себе... Иди!..*

*Довольно жить. Прощайте. Я дро-
жу, —*

*Но не как птичка перед шумом
листьев:*

*Вы это вспомните — уже тогда,
Когда давно в земле лежать я бу-
ду,*

*Когда за кровь мою падет другая,
За Агамемнона — другой... И это*

—

*Привет мой за твое гостеприим-
ство*

*И мой прощальный дар, о дом Ат-
ридов!*

*Ты нам терзаешь сердце, чуже-
странка!*

*К тебе теперь последнее воззва-
нье,*

*О Аполлон! Последним заклинаю
Тебя лучом, который вижу, — сде-
лай,*

*Что так же бы легко мой мсти-
тель мог*

Моим убийцам отомстить, как
им
Меня убить достанется — рабу
Ничтожную и слабую... О, жизнь,
Жизнь человеческая! Счастливы
ты?
Тень мимолетная найдет, и сча-
стья
Уж нет!.. Несчастлив? — Вмиг —
прикосновенье
Лишь влажной губки — и исчез
твой образ,
И это, может быть, всего ужас-
ней!

1874

ДВА МИРА

Трагедия

По поводу трагедии «Два мира» считаю необходимым сказать несколько слов. Давно, еще в моей юности, меня поразила картина столкновения древнего греко-римского мира, в полном расцвете начал, лежавших в его основании, с миром христианским, принесшим с собою новое, совсем иное начало в отношениях между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее в поэме *Олинф и Эсфирь*. Затем следовала поэма *Три смерти*, вторая часть которой, именно встреча с христианами, так и осталась недописанною. В 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана в «Русском вестнике», под заглавием *Смерть Люция*. Далее, однако, углубляясь в изучение того и другого мира, я чувствовал всю недостаточность, всю внешность черт, какими характеризовал ту и другую сторону в моих опытах, и к 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. В *Смерти Люция* героем, представителем греко-римского мира, у меня являлся эпикуреец; но этого мне

показалось мало. Герой должен был вмещать в себе все, что древний мир произвел великого и прекрасного: это должен был быть великий римский патриот, могучий духом, и вместе с тем римлянин, уже воплотивший в себе всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреец остался далеко назади пред этим образом. Вокруг этого нового героя, которого я назвал Децием, чтобы порвать всякое отношение к эпикурейцу, я сосредоточил все разнообразие элементов современного ему римского общества времен падения, как фон, на котором должна была нарисоваться его фигура. Здесь я уже сделал все, что мог, в изображении языческого мира. Но понять христианский мир не только в отвлеченном представлении, а в живых осмысленных образах, в отдельных личностях, оказалось гораздо труднее, чем сладить с миром языческим. Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мне успокоиться, и я не пропускал ничего, что могло познакомить меня ближе с духом, образом и историей первых христиан, главное почерпая сведения уже не из вторых и третьих рук, а ища прямо

в литературе, во главе которой стоит св. Евангелие. Так, мало-помалу, без ведома для меня самого, с какою целью я это делаю, у меня накопился материал, позволивший мне теперь выполнить вполне мою первоначальную идею, и даже по тому плану, какой был составлен до 1872 года. План этот следующий. Поэма должна состоять из трех частей (или актов). Первая часть — из двух сцен, из коих одна должна была служить преддверием к христианскому миру, а другая к языческому. Обе сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести нас в самый христианский мир, имевший свой центр в Риме — в катакомбах. Она-то мне и не давалась и является только теперь. Третья часть — пир Деция, явление к нему друзей его, христиан Марцелла и Лиды, и смерть его. Таким образом, в трагедии, как она появляется ныне, вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся переделана, а заключительная сцена третьей части значительно изменена.

Может быть, многим покажется странным, что человек чуть не всю свою жизнь возится с одною художественною идеей или, по край-

ней мере, столько раз к ней возвращается. Но, видно, я следовал инстинкту, подсказывавшему мне, что лучше сделать что-нибудь одно, да «по мере сил»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СЦЕНА ПЕРВАЯ

На одном из холмов Рима входные ворота в палаты Деция, знатного римского патриция времен Нерона. По обеим сторонам ворот на цепи по рабу: старец Иов и молодой человек Даки. Иов в забытьи, прислонясь к стене. К Даку подходит его однолесток Гет. Оглядевшись во все стороны, он садится рядом с Даком. Весь разговор их полупшепотом, настроение их таинственное.

Что, старец дремлет?

Тс! Молчи!

*Как будто задремал немного,
А может быть, и нет. В ночи
С ним было чудо: видел бога.*

Как видел бога?

Говорил
Он как, да слаб уж очень был,
Невнятно. Час, пожалуй, целый
Лежал он словно помертвелый.
Так страшно было! Я будил,
Не слышит.

Бога видел!
А впрочем, если уж кому
И видеть бога, так ему!
Ну есть ли кто, кого б обидел
Хоть словом он?.. Вот за кого
Я б душу отдал — понимаешь,
Так, чтоб в мученьях!..

А ты знаешь,
У цепи он из-за чего?

Нет.

Видишь, прежде он в почете
Был в доме. Ни к какой работе
Не понуждали. Господин
С ним разговаривал. Один
Вот этот Давус ненавидел,
И раз стал бить его. У нас
Был мальчик: это он увидел,
Да хватать за нож, и тут как раз

Конец бы Давусу, да кто же
Его, как думаешь ты, спас?
Сам старец Иов.

Боже! боже!

Да, ухватил и удержал.
А Давус: «Это, — закричал, —
Твои дела! Ты их собираешь,
Ты их мутишь и развращаешь,
Да у меня короток суд».
Ну, мальчика к муренам в пруд,
А старца к цепи!

А кто знает?
Ведь мальчик-то теперь в раю!
Всё ж душу положил свою
За ближнего!.. Вот что бывает
Со мною: будто у меня
Есть враг; и я иль из огня,
Иль из воды его спасаю,
И на меня дивится он.
И вот ему я объясняю,
Что уж таков Христов закон:
«Люби врага...» И так всё живо,
И говорю, и сам горю,
И даже плачу...

А ты во сне выдаешь дом?

Уж редко.

Ну, а я выдаю.

*У нас крутой был спуск к Дунаю,
А против поле, и на нем
Становят станы: всё кругом,
Всё вежи... Шум такой и ржанье...
Тут как-то снилось, что пришли
С войны и пленных привели
И их готовят на закланье
Богам. И начал я просить,
Чтоб их не трогали; хулить
Стал идолов, и — закричали
И на меня все разом — взяли
И тащат, и хотят убить,
А я-то всё за них молюся...
И старец Иов вдруг уж тут
Явился.»*

*Давуса несут...
Бегом да в гору!*

*Старче!
Проснися! Давус!..*

Мерзавцы! Ломит ведь плечо!

Сегодня умирать изволит
Их господин, а им еще
Прибавить шагу трудно!..

Пали,
Собаки! Слабосильны стали!

Ты что глазеешь? Отворяй!

Да бросьте: мало их!.. Ступай
Вы все вперед, бегом! Стучите
В большую доску десять раз;
Потом чуть-чуть повремените

—
Опять ударить десять раз!
Еще чуть-чуть повремените —
Опять ударить десять раз!
Пир на весь Рим!.. Ну, что стои-
те!

Чтоб вылезали все из нор!
Бежали б к делу все, весь двор,
Чтоб все одеты, чисты были!..

Чего не позабыл ли?.. Ну,
Не в первый раз! Рим покормили
В свой век, и кесари хвалили!

Хор, танцы — этим я начну;
Цветы ко всяким переменам,
Бой гладиаторов — финал!

Лишь бы из них кто не сплошал...
Да у меня — тотчас к муренам!
Не знаю всё — что мой народ?
Уж смирны очень, терпеливы...
Нет воровства совсем!.. Идет
Всё в струнку... Только молчаливы
И что-то шепчутся... И к ним
Всё кто-то шмыгает, к собакам...
Ох, на волкане мы стоим!
Спартакoм пахнет, да! Спартакoм!

Сс!.. Азиатик! Буривой!
Не слышат...

Это кто?.. Кровь льется...
Несите вниз туда, к больным.

Надорвались!.. Не жить уж им!..
Жаль Буривая... Вместе взяли
И привели нас...

Отстрадали
Свой век и к господу предстали,

*И пред его теперь лицом...
Святую кротость их помянет
Всевышний на суде своем!*

*И вот же, в эту ж ночь предста-
нет
И господин туда, и там
Их встретит... Здесь собой над-
менный,
Великий, недоступный нам,
А там — из огненной геенны
Смотреть он будет в светлый
рай,
К своим рабам!..*

*Не упреждай
Господень суд!*

*О господине
Ты что сказал?*

*А хочет ныне
Он умирать...*

Он болен!

*Нет.
Сказал тут Давус — умирает*

Сегодня...

Боже! И его
Я не спасу!..

Весь Рим сзывает
На пир. И Давус оттого
В тревоге...

Деций умирает!
Он, Деций! Да ведь в нем весь Рим,
В веках держащийся корнями, —
И сдвинуть слабыми руками
Мне, женщине?.. О нет, нет, нет!..
Безумная! а ты обет
Себе давала...

Отче, может
Поверить он?

Чего не может
Господь? Велит он, и гора
Подвигнется...

Ведь он добра,
Он истины искал...

Помилуй

*Всех, господи! Всем даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать, где день, где ночь!*

*К тебе я, отче; вот в чем дело:
Поручено мне от Марцелла
Сказать, что выйдет, может
быть,
Декрет сегодня ж: объявить,
Чтоб завтра утром мы явились
К властям, как богу поклонились
Статуе кесаря, а нет —
То смерть. Чтоб обсудить реше-
нье,
Всех в катакомбы на совет
Зовет Марцелл.*

Твое виденье!..

*Предложат каждому один
Вопрос: ты кто? христианин?
Ответишь «да» — и отбирают,
К зверям иль в пламя назначают,
И тут же всех пытать тотчас,
Чтоб в муках вырвать подтвер-
ждение
Всего, что взводится на нас.*

Вот ангелов зачем виденье!

О чем он, отче, говорит?

*Сегодня ночью откровенье
Имел он свыше!..*

*Смысл сокрыт
Видений... Вряд ли подобает
Об этих тайнах говорить...
Хотя и то же может быть:
Господь в виденьи возвещает
Свою нам волю...*

*Да! со мной
Свершилось ныне то, что даже
Я и теперь как сам не свой...
Сидел я здесь, и над собой —
А время шло к четвертой страже
—*

*Вдруг слышу голос: «Встань!» — и
вдруг
Как будто что меня подняло
На высоту — и только дух,
А тело на земле лежало,
Что риза снятая, — его
Я видел: бледно и мертво,
И без движенья... Подивился
Я сам в себе и взор возвел*

На небо, и как бы раскрылся
Там облак... Вижу я: престол,
И некто был на нем сидящий,
И свет великий вокруг него,
Как бы от солнца, исходящий
В пространство от лица его;
И, словно в радужном тумане,
С блистанием мечей и лат,
Полки несметные, ко брани
Готовые, кругом стоят;
И, с распростертыми крылами,
Внизу, на воздухе, пред ним
Всё были ангелы с мечами
В руках... И говорил он им:
«Которые не поклонились
Кумирам идольским, ни мук,
Ни смерти злой не устрашились,

—
Блюдите души их...» И вдруг,
Всшумев крылами, обернулся
К земле сонм ангельский, и вниз
Они в пространство понеслись...
Я поглядеть на них нагнулся,
Но облак быстро запахнулся,
И скрылось всё... Темно кругом —
И так мне тяжело, страшно ста-
ло!
И я глаза открыл с трудом —

*И всё как прежде: портик, дом,
И цепь — всё тут... Чуть-чуть све-
тало...*

*Господь уж это... по делам
Твоим... восхитил к небесам
Твой дух... быть может, упрещда-
ет
Через тебя, что сам идет
Судить, и знаменье дает...*

*Когда господь придет, не знает
Никто!.. И мир его узрит
Внезапно, во мгновенье ока,
Как молния: блеснет с востока
И разом небо озарит
До края запада...*

*...Теперь, отец, прости,
Иду к другим.*

Всем повести!

*Уж завтра встретимся, быть
может,
При гласах трубных... день суда!*

Сердца их радуются... Да!

*Но душу мне еще тревожит
Обет, не совершенный мной...*

*О Деций, Деций... Боже мой!
Ужель и в миг, когда над бездной
Теперь стоит он, ты ему
Не бросишь луч свой с тверди
звездной
Во всю им пройденную тьму!*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в термах.

**Деций, богатый римский патриций,
отдыхает после бани, окруженный
клиентами.**

**Вдали, у выходной арки, толпа ра-
бов. Ювенал, молодой человек, за-
глянув в комнату, поспешно входит.**

*Ах, Деций! на одно мгновенье!
По знаку Деция клиенты и рабы
удаляются.
Ужели правда?*

*Жаль одно!
Задумал я уже давно,
Да отлагал всё исполненье
И кесарю доставил честь*

Напомнить! Вот что мне обидно!

Я знаю, стоит произнести
Мне только слово, — с тем бесстыдный

И назвался ко мне евнух
Миртилл на ужин: обнимает
И ластится, как нежный друг,
На все лады мне намекает,
Скажи, мол, слово, и тотчас
Всё позабыто! Но уж нас
Врасплох, надеюсь, не застанет!

Ужель вся буря оттого,
Что декламацией его
Ты не был тронут?

Как кто взглянет!

Ему на чтеньи три лица
Своим присутствием уж в зале —
Помпоний, Руф и я — мешали,
И крикнул он: «Три мертвеца!» —
И вышел, в нас швырнувши свиток...

Что ж? Слово кесаря — закон!
В нем — Рим!.. Я тут же на прощанье
На пир всё пригласил собрание...

Но тотчас спохватился он:
От казней, от убийств и пыток
Рим отдохнуть успел едва;
Везде читаются слова
Предсмертные Сенеки; шепот
Еще идет, как умирал
Пизон и Люций, даже ропот
В преторианцах пробежал, —
И к нам клеветы за клеветом
Он шлет с намеком иль советом.
Руф и Помпоний, перед ним
Те извинились: мы молчим...
Весь анекдот, пожалуй, в этом.

В какое время мы живем!..
И жизнь, и смерть — всему значе-
нье,
Цена утрачена всему!

Что значит жизнь? Из тьмы и в
тьму
Промчался мотылек, мгновенье
Блеснув на солнце!.. Человек
Сам по себе что значит в мире?
Кому он нужен? Кончен век,
И за прибор его на пире
Другой садится...

Но для нас,
Для старых римлян, для фамилий.
Которых с Римом жизнь слилась,
Которых предки Риму были
Отцами и которых дух
Из рода в род передавался
И держит Рим, — уж то нейдет
Сравненье!.. В Рим теперь собрался
Со всей вселенной всякий сброд;
В курульных креслах восседают
Чуть не вчерашние рабы
И грязным пальцем наклоняют,
Куда хотят, весы судьбы...
От этой сволочи презренной
Мы устранились и смиренно
Живем в провинциях, в полях;
На Рим, пока он в их руках,
Глядим извне, как чужестранцы
Или как трезвые спартанцы
На перепившихся рабов...
Мы ждем, и наша вся забота
Лишь в том, чтоб старый дух отцов
Являлся требовать отчета
В палаты кесарей порой;
Чтоб у поруганного трона

Он появлялся судьей,
Грозящим призраком Катона, —
А этот призрак всякий раз
Встает, во все дома стучится,
Лишь только новое свершится
Самоубийство между нас!

Самоубийство, меч, отравы!
И в этом — лучших из мужей
Теперь величие и слава!
Что ж с бедной музою своей
Поэт тут сделает?.. Не знаешь,
На чем стоишь! Почти теряешь
Уж и понятие о том,
Что называть добром и злом!

Да, жаль мне вас!.. На вашу лиру
Из мира нечему пахнуть,
Чтобы аккордом звучным миру
Ей отозваться как-нибудь!..
У диких скифов и тевтонов
Видал ночные я пиры:
Среди глухих, лесных притонов
Зажгут они свои костры,
В кругу усядутся в долине
И пьют меды, а посредине
Поет певец. Напев их дик,
Для нас, пожалуй, неприятен, —

Но как могуч простой язык!
Как жест торжествен и понятен!
И кто там больше был поэт —
Певец иль слушатели сами?
Но эта ночь, в лесу, с кострами,
И между листьев лунный свет,
И в лихорадочной тревоге
Кругом косматый этот люд —
Всё — даже самые их боги,
Что в вихрях мчатся, тоже тут,
С высот внимают, — всё дышало
В тех песнях пламенных... Но в
них
Певец вливал в свой звучный стих
То, что толпа ему давала...
А вы? Куда вас повлекут
И что вам слушатели скажут?
Какие цели вам укажут
И в ваши песни что вольтуют?

И Рим такой же был когда-то!
Такая ж песнь и в нем жила!
Он пел Виргинию, дела
Кориолана, Цинцинната!..
О Деций, нет! с собой самим,
С тобой к чему мне лицемерить?
Но я почти не верю в Рим!

Кто верит в разум, тот не верит

Не может в Рим!.. Афины — в них
Искусства нам явилось солнце;
Их гений в юном Македонце
Протек между племен земных,
С мечом неся резец и лиру.
Рим всё собой объединил,
Как в человеке разум; миру
Законы дал и мир скрепил.
Находят временные тучи,
Но разум бодрствует, могучий
Не никнет дух... И сядь на трон
Философ — с трона свет польет-
ся,

И будет кесарев закон
Законом разума. Вернется
Златой, быть может, век. Твой
дар

Сатира. Помни ж, что сатира —
Дочь разума. Ее удар
Разит перед глазами мира.
Чтоб мир признал твои права,
Ты должен сам стоять высоко:
Стрела тогда лишь бьет далёко,
Когда здорова тетива!
Вот что тебе я на прощанье
Сказать могу!..

*...Ужасное сознанье!
В чем, где же эта высота?
В душе кипит негодованье,
Под ним же, боги, пустота!*

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В КАТАКОМБАХ**

Большая зала в катакомбах. Направо, налево внутренние подземные входы. При них лампы. По стенам несколько ниш для гробниц, и над ними надписи. В глубине сцены вырубленная в скале лестница. На повороте этой лестницы, в половину ее высоты, сидит Дидима, девочка, слепая; тут же светильник и свечи. В глубине сцены, около стены, где лестница, значительная группа разных лиц, странников и преимущественно рабов, слушающих Иова.

*Свечечкой, свечечкой,
Зрячий, от слепенькой
В путь запасись!*

*Мы к старцу Иову... Господь
С тобой, Дидима!*

С вами тоже!

*Мне он ненадобен,
Свечеч земной!
Всё озаряет мне
Света небесного
Искорка малая
В сердце моем...*

*А после женщин он потом
Ученикам явился днем?*

*Да, ввечеру. Как прибежали
К ученикам они, сказали,
Что видели, те всё почли
За их мечтанье. С этим двое,
Клеопа и Лука, пошли
В Эммаус. Место там пустое
Дорогой. Шли они одни —
Вдруг между них явился третий
И их спросил: о чем они
Печалются и плачут? Эти
Дивятся: как же это он
Не знает, быв в Ерусалиме,
Что там Исус-пророк казнен!
Он речь повел об этом с ними,
И слушать сладко было им,
И на слова его горело*

Их сердце. Между тем стемнело.
Подходят к дому. Дольше с ним
Побыть им хочется, и просят,
Чтоб с ними в дом и он вошел.
Зажгли светильник. Хлеб прино-
сят,
Вино. И, взявши хлеб, возвел
Горе он очи, преломляя
Его с благословеньем: вмиг
Как бы открылись очи их,
И оба вдруг они признали,
Что это Сам Он — с ними шел,
И говорил, возлег за стол,
И делал так всё, как видали,
Он делал, — и взыграл их дух:
«Равви», — хотели уж восклик-
нуть
И броситься к нему, как вдруг,
Глядят, он стал невидим...

Свечечкой, свечечкой,
Зрячий, от слепенькой
В путь запасись!

Отсюда без огня уж нам
Нельзя идти.

Она слепая?

Слепая, но по всем путям,
Свои приметы наблюдая,
И здесь, и в городе пройдет
Везде одна...

И раздает
Нам, зрячим, свет!

Да, но простая
Одна случайность... Видишь, тут
У нас для странников приют,
Их первый отдых. Издалека
Приходят — с запада, с востока,
Из Африки. От всех церквей
Приносят вести, край от края,
Со всей земли. Вокруг гостей
Всегда беседа...

Тут слепая,
Свет раздающая!.. в цепях
У входа старец — руки, плечи
Изъязвлены, а в небесах
Витает дух и на устах
Любви исполненные речи, —
Всё это точно чудный сон!

Тот старец? Оглянись, вот он!
Как люди кончат труд, с тяже-

лой

Он цепи сменится — всё тут!
Все, как на цвет медвяный пчелы,
Послушать слов его бегут...
Начитан древних книг еврейских,
Сам он с Востока, был вождем
Племен каких-то арамейских
(Язык их сходен), жил царем,
Поли гордых замыслов когда-то,

И вдруг разгром! Всего утрата!
Пленен и продан, дни влачит
Рабом — и что же?.. Говорит,
Что бытия познал он сладость
Лишь тут, по благодати творца;
Что тут вкусил и понял радость
Он вдруг прозревшего слепца;
Что лишь в цепях, на жестком
ложе,
Обрел он то, что нам дороже
Земного скиптра, и венца,
И всех сокровищ мира, — бога
И путь к нему! И с этих пор,
Как путник ночью у порога
Пред освещенным домом, взор
Он с совершенств его не сводит,
И в созерцаньи их находит
Ту мудрость, силу и покой,

Чем всех невольно покоряет,
И в высоты, где пребывает,
Всех увлекает за собой...

Не в этом ли и всё ученье
Христа, Эвмен? Не всё ль в одной
Молитве «Отче наш»? В моленье
О царстве божьем на земли?
Когда б мы все постичь могли
Отца святое совершенство
И все исполнились бы им, —
Жизнь стала б вечное блажен-
ство
И мир стал раем бы земным!
Его лишь волю б мы творили,
И зло исчезло б навсегда...
Не только кары, мы б суда
Название даже позабыли!

Ах, Главк, умом хоть и поймешь
И видишь дивные примеры,
Да вдруг ни силы нет, ни веры,
И ты колеблешься и ждешь,
Как перед пропастью, — спасенье
Иль шаг изменит — и паденье!
Пример нам старец Иов... Но...
Вот видишь, Главк, раздвоено
Всё существо мое! Тревожит

Меня сомненье: дай совет.
Назавтра брак мой, и, быть может,
Назавтра ж кесарев декрет!
Быть может, страх мой и не к месту,
Но против воли трепещу.
Что поведу я вдруг невесту
Не к алтарю, а к палачу, —
И тут испуг или невольный
Прочту укор в ее глазах,
Сам поколеблюсь... Вот мой страх!
И с ним мне тяжело и больно!
Так молода! Почти дитя...
Вхожу вчера, в душе так мрачно,
Она, с подругами шутя,
Спешит наряд окончить брачный,
И спор у них — из-за шитья!
Чтоб я решил, еще хотела!..
Потом другое: вечерело,
В саду сидела вся семья;
Два белых голубя над нами
Взлетали плавными кругами
Всё выше в синеву небес;
Она следит,дохнуть не смея,
Как светлой искрой, всё слабея,
В лазури вдруг их след исчез...

Она мне крепко сжала руку
И шепчет: «Это мы с тобой!»
И улыбается... Какой —
Ну как сказать — восторг и муку
В тот миг я разом ощутил...
Что отвечал уж — и не знаю...
Прости мне, Главк! Хоть облегчил
Признаньем сердце...

Понимаю.
Но вряд ли прав ты перед ней.
Всей новой жизнью моей —
А этой жизнью называю,
Когда Христа лишь начал знать,
—
Я женщине обязан. Мать
Меня взрастила в неге, в холе.
Из этой роскоши потом
Вдруг очутился я рабом,
Но роскошь та же и в неволе:
Хозяин мой был меценат,
Поэт, певец, над ним, скорее,
Я деспот был, и он был рад
Служить любой моей затее,
Гордясь лишь правом надо мной.
Так я страстям не знал преграды
От детских лет; всегда с толпой

Друзей: где явимся — пощады
Уж нет и нет на нас суда!
Вдруг воспылал я страстью — да!
—

К замужней женщине... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идет... Ребенок иногда
За палец держится... Сгораю
Я, вспоминая, от стыда...
Я тотчас план изобретаю
Из дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумал речь —
Уже заране торжествуя, —
Друзья в засаде, в дом вхожу я
И вижу: на густых коврах
Она, ребенок на руках,
Другой целует шею, третий
Из-за плеча, с боков, в ногах,
Кругом смеющиеся дети,
И улыбается она,
Живым венком окружена
Из детских лиц; все во мгновенье
Прижались к ней. В самой смущен-
ье —
«Кто ты? Зачем?» — порыв души,
Здесь до меня без опасенья
Царившей в тайне и тиши
Своей святыни... Все расчеты,

Вся ложь, с какой вошел я к ней,
Разбились в прах. Что из детей,
Окроме двух, те все сироты,
Что это христианский дом,
Я прежде знал. Стою, стыдом
Как бы прикованный на месте...
Эвмен, я то хочу сказать:
Мне кажется, в твоей невесте
Должна, уж в девице, сиять
Такая ж будущая мать
И то ж для близких провиденье,
Как та мне сделалась потом...
Ну, в свой черед мне извиненья
Просить — я задержал, идем.
Уходят, засветив свечи.

Здесь и сберутся и объявят
Декрет?.. Ну, вот! до своего
И дожил дня!.. Ведь я его
Сам близко видел... Запоздали
В пути мы и как раз попали,
Как выводил его Пилат
К народу... Помню этот взгляд,
Слегка опущенные веки,
Весь образ, — я был зряч тогда, —
Ну — точно в сердце навсегда
Отпечатлелся, уж навеки...
Два факела по сторонам,

И он в венце из терний сам... —
Ослеп потом, и потускнело
Всё в памяти... Он как живой
Один остался...

Не льститесь благами земными!
Вот ты сокровищ приобрел
И спрятал — сердцем будешь с ни-
ми
Везде, куда бы ни ушел!
Сбирай сокровища для вечной
Лишь жизни...

А! Иов тут!.. Пойдем к нему!
Ох, дивный муж!

Приотдохни, садись сюда!
Ты так устала, ослабела...

Всё видела, всё осмотрела, —
И в Риме нет... Всё нет!.. Куда
Еще теперь? Куда? В какие
Еще края?.. И хоть бы след!

Как хорошо у вас!.. Такие
Все добрые... Ко всем привет!
Пещеры... своды... лица эти —
Всё мирно, тихо... Я б у вас

Осталась...

Что же? В добрый час...

*А эти дети — «божьи дети»
Мы их зовем — на площадях
Подобраны, на пустырях...
Кто бросил? Чьи? Никто не знает:
Вот «божьи» и зовем мы их!*

*Злодеи! Зверь детей своих,
И дикий зверь не покидает!*

Ко мне?

*Уж перевязан. Раны
Не глубоки. Был принесен
Без чувств.*

Всё нет! Не он, не он!

*А так же, может, бездыханный
Подобран был... и был спасен...*

*Нет, я не в силах... Нет, таиться
Я не могу — душа моя
Должна перед тобой открыться.*

Я вас обманывала!.. Я —
Не христианка... Из Милета
Я родом. Век жила я там —
И вот теперь шестое лето
Скитаюсь по чужим землям...
Я сына всё ищу!.. Когда-то
Мы жили пышно и богато...
Но вдруг война... Свои враги...
Муж умер... Началась расплата —
И сын взят в рабство за долги!
Он был учен, играл на лире,
Слагать гекзаметры умел...
Раз господин ему велел
В честь Афродиты петь на пире.
Он отказался! Отчего —
Досель не знаю! Говорили,
Что христиане соблазнили...
Все поднялись на него,
Вмешалась чернь — такие нравы
У нас уж! Крики, брань и стон!
Бегу я, вижу след кровавый,
Его разорванный хитон,
А он исчез!.. Одни вопили —
Убит и в море труп стащили,
Другие — кем-то унесен.
Что ж? жив иль нет?.. Я больше
году
Томлюсь! Покоя ни на миг...

Иду раз в гавани. Народу
Толпа! Грузят товары. Крик!
Вдруг предо мной остановился
Матрос. «Он жив», — шепнул и
скрылся.
Жив!.. Где ж искать его? Пошла
Я наудачу, где землю,
Где морем, к Риму прибрела
И тут... тут встретилась с то-
бою,
У вас смотрела... Что ж теперь?

Несчастный!.. Но надейся, верь:
Есть бог!

Шесть лет передо мною
В глазах — разорванный хитон,
И площадь, лужа крови или
Залив и корабли — и он,
В даль уходящий!.. И манили
Опять надежды, и я шла...
О, да! скажу, что полила
Слезами долгий путь...

Ты с нами
Останься: может быть, найдем.
Скажи, как звать его. Потом
Расскажем старшим... Ах, путя-

ми,
Поверь, неведомыми нам
Ведет нас бог, и встретишь там,
Где и не чаешь... А слезами
Политый путь он видит... Сам
Христос прошел его...

Ты добрая душа...

А если... умер?

Умер... боже!..
Ей, откровенья чуждой, что же
Скажу я?.. Что мои слова!

Смотри, вот мать с детьми, вдо-
ва.

В гробнице этой прах хранится
Отца их... Видишь, подняла
Ребенка к камню приложиться —
Гляди, как смотрит, как светла
Улыбка!.. К старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говорит...

Так помни ж, в этой нише прах,
Прах вашего отца. Он львами
Разорван был, и в небесах
Теперь душа его и нами

Любуется, когда творим
Мы доброе и бога чтим,
А нет, то плачет... Может
статься,
У вас и маму бог возьмет.
С ним вместе с голубых высот
Мы вами будем любоваться...
Смотри же, помни этот ход,
А подле крест и надпись...

Милый!

Ж, д, у — жду — вас.

О, прости!
Невольно изменяют силы!..

Моли, чтоб нам к тебе пройти
Через все земные испытанья,
И суеты, и тяготы
Такими ж чистыми, как ты!
Чтоб там, где нет ни дыха-
нья,
Ни слез, ни скорби, ни стенанья,
Ты нас бы принял, веселясь
И духом радуясь о нас...

Они с ним говорят?..

Он в небе!
Он видит их, их слышит... С ней
Свести тебя?

О да!

Камилла!
Вот мать несчастная — тебе
Довольно, чтоб принять уча-
стье...

Да кто же счастлив здесь?.. Мне
счастье
Вот — дети. Я живу лишь в них...
А что до счастья других —
То вот нам Лида провиденьем
Ко всем несчастным послана
Как добрый ангел с утешеньем...

Камилла, что ты, что!

Она,
Где только слышит — есть стра-
данье,
Она уж там, чужой ли, свой...

Камилла!..

*Всё существованье
Ее для ближних!.. Боже мой!
А дети, сирые, больные...*

Не верь!

*В заботах день-деньской,
Как неусыпная Мария...*

*Когда б ты видела ее
Средь заключенных, средь стра-
дальцев,
В тюрьме, где сотни у нее
Хотят одежд коснуться, пальцев,
Услышать слово...*

*Всё кругом
Благодарит, благословляет...*

Но, боже мой!.. Она рыдает...

Что, что с тобой?

Оставь!

Уйдем!

Да что с тобой?

Уйди!

*Не знаю...
Что ж я...*

Уйди же... умоляю...

Знать, тоже горе...

*Своего
У Лиды горя не бывает!*

*Свое, чужое ли — кто знает!
Одна пусть выплачет его!*

*Я — как вчера еще была —
Той, что теперь, — и суд и кара!
Оставил дух!.. Что я могла
Сказать ей?.. Вдруг не стало дара
Ни слез, ни слов, душа нема, —
Что в ней горело, погасает...
Вошла и всё растет в ней тьма!
Два слова: «Деций умирает» —
Одни звучат в ней...
Деций...
Из прошлого лишь он один
Мне виден... Он лишь не разгадан...
Один стоит, как властелин,*

Над этой тьмой...
Но что ж влечет меня к нему?
Тот мир уж обречен во тьму!
Тому ж, кто выше всех главою,
И первой молнии удар
Господня гнева...

Что же
Меня влечет к нему?.. Любовь?
Любовь, но та уж, для которой
В мученьях источить всю кровь,
Пройти моря, подвигнуть горы
Возможно — всё, чтобы спасти!
Бог указывает ей пути,
И, может быть, чтоб сделать
чудо,
Меня избрал — и мне велит —
И дух пошлет — и совершит, —
И дело здесь не до сосуда,
Куда он влил воды живой
Для путника в палящий зной...

Ты, сердцеведец, прозираешь
С твоих высот и в глубь морей,
И в глубь сердец! В моем, ты зна-
ешь,
Нет места для земных страстей!
Даруй мне, сильный, да разрушу
Его гордыню! Да спасу

*И в дар тебе да принесу
Его смирившуюся душу...*

*Но время нечего терять:
Сегодня ж этот пир безбожный!..
Там быть и ждать. И написать
Марцеллу, «старый друг, надеж-
ный» —
Всегда звал Деций... А пойдет
Марцелл? Спаси — пойдет, пой-
дет!..*

Иисус сказал ему в ответ: «Сказано в писа-
нии: «Не искушай господа бога твоего»».

Вот от Марцелла.

*А в обмен
Отдай Марцеллу.*

*Марцелл нам пишет — просит
вас:*

*«В вину мне братья да не ставят,
Что медлю; жду и тот же. час
Прибуду, только лишь объявят
Декрет, касающийся нас...»*

И всё еще не решено...

И вдруг отменится решенье...

На всё господня воля!

Но

*За что нас гонят? Озлобленье
На что — постичь я не могу!
И чем Христос, — он, отдающий
Динарий кесарю, врагу
Прощающий, свой крест несущий
Покорно, учащий любить,
Любить бесстрашно и безлестно,
И в мире совершенну быть,
Как совершен отец небесный, —
Чем ненавистен им?*

И всё ж

*К нему придут! И зло, и ложь
Падут. Богатый и убогий,
Простой и мудрый — все придут!
Со всех концов земных дороги
Всех ко Христу их приведут...
Людское горе и страданья,
Все духа жажды и терзанья,
Источники горючих слез, —
Все примет в сердце их Христос,
Все канут в это море!..*

Братья!
Блажен, кто сам пришел к Хри-
сту,
Соблюв красу и чистоту,
Как дева к жениху в объятья;
К кому же низошел он сам
Его извлечь среди крушенья
Из волн кипящих, — о! спасенье
Тебе быть может тяжелей,
Чем смерть в волнах... В душе
твоей
Все язвы прежние огнями
Горят... И слышишь над собой:
«Кто понесет мой крест, тот
мой», —
Но помнишь: чистыми руками
Он нес свой крест... А у тебя
Они в крови, и над тобою
Гремит проклятье...

Поистине скажу вам: плачь,
Кому он скажет в осужденье.
Что ни студен ты, ни горяч...
Любовь — огонь, а сердце золото;
Лишь чрез огонь пройдя, оно
Светло и чисто...

Я часто думал о тебе.

Знал, ты несчастлив, — мать
крестила
Меня, когда еще мне было
Двенадцать лет, — в твоей судь-
бе;
Я думал, мир и утешенье
У нас, в Христовом лишь ученье,
—
И вижу — ты идешь сюда!
Аркадий! расскажи ж, когда,
Как было это обращенье?

Как на вопрос твой дать ответ?
Ведь человек, родясь на свет,
Не знает, что был до рожденья!
Был слеп я и стал видеть; глух —
И слышать. Знал одно лишь тело,
И ощутил бессмертный дух,
Живую душу. Просветлело
Всё предо мной, и я в других
Прозрел такую ж душу. Все же,
Хоть разны жребии у них,
Перед отцом небесным те же
Возлюбленные дети...

Тьма
Та назади. И что в ней? Скроет
Пускай навек, мертва, нема!..

Да! сердце иногда занает,
Но вспомнишь...

Боже мой!.. Он! он!

Как бьется сердце... Он!.. И тоже
К Христу пришел... Чего ж, чего
же
Стою и медлю?.. Чем смущен?

Павзаний! ты?

Аркадий! боже!

Твой погубитель... твой злодей...

Забудем всё, что совершилось
Там, там, во тьме!

Ох, истомилась
Душа моя...

Да будет в ней
Покой и мир!

Шли вереницей
Года, а я живу всё в том —
Когда как друг вошел в твой дом

—
И выбежал потом убийцей!

Оставь!

Дай говорить мне, дай!

Евфимия...

Не вспоминай!

Святая тень!.. Она молила!..

Молчи!

Последним словом было:
«Будь проклят!»

Нет! как я, — простила!

Как ты?.. И ты... простил?.. Простил...

И смотришь на меня — и плачешь...

От радости: я победил
Себя, себя, Павзаний!

Муж мне говаривал не раз:
Не мы детей, нас дети учат
И довоспитывают нас!
При них не сделает, не скажет
Отец, не поглядев вперед:
Ведь сеешь семя! То взойдет,
Что в сердце с детских лет заля-
жет!

Ах, милая! с детьми воочью
Увидишь бога!.. Разболится —
Ты что тогда?.. Горит, томится,
Всю душу надорвет твою,
И нет тебе ни дня, ни ночи!
Ты чувства все окаменишь,
Дохнет ли, двинется ль — сле-
дишь,
Вся в нем! И наконец нет мочи!
Сил что осталось соберешь
И выльешь все в одно их слово:
«Спаси, спаси!» — и упадешь
Пред тем, кто может всё...

Ужасно!
Ох, знаю, знаю! Поняла!
И всё теперь мне стало ясно!..
Уж ты-то очень мне мила!
И скажешь-то так всё понятно,
И речь-то тихая твоя...

Ах, ты мой ландыш ароматный,
Фиалка нежная моя!

Ведь я давно о вашем боге
Уж помышляю! Всем богам,
Где только вижу по дороге,
Всегда снесу к их алтарям
Я хоть цветок. Да раз попала
Вот так и в христианский храм,
В горе, в Фессалии. Сначала
Мне стало страшно: свечи, мрак;
Жрец говорит в толпе молящих.
Вдруг он сказал, да ясно так,
Слова: «Наш бог — бог всех скор-
бящих!»
И точно в сердце у меня
Что дрогнуло. Упала я,
И стала этого я бога
Молить, да плакать лишь могла.
Вдруг слышу: «В Рим твоя дорога,
Там всё найдешь». Я подняла
Глаза: как раз передо мною
Какой-то старец был, но тут
Исчез. Все, вижу, вон идут, —
Я к выходу; перед собою
Всех пропустила — старца нет!
Я в путь, чуть занялся лишь свет,
И на корабль, и в Рим, и всюду

Как будто надо мной звучит:
«Бог всех скорбящих возвратит
Его...» И жду... И точно к чуду
Готовлюсь... А уж как теперь,
Не знаю...

Марцелл идет... декрет объявлен!

Се день, блаженнейший из дней!
Мы, церковь видимая, вступим
Уж в сонм невидимой и с ней
Сольемся в общем восклицанье:
«Господь наш бог благословен!»

Господь наш бог благословен —
Да всякое гласит дыханье!

Господь наш бог благословен!

Готовьте светильники,
Близок жених!

Агнесса!.. в брачном одеянии!..

Да нынче брак ведь наш, Эвмен,
На небесах... И я невеста...

Агнесса! ты меня спасла!..

Теперь душа уж не страшится
Встать перед ним лицом к лицу!

Знать, что чрез миг душа по-
мчится

Чрез океан лучей к отцу!..

И что же смерть христианину, —

В глазах у всех стоит Христос!

Скорбеть о том ли, что покину

Обитель горечи и слез?

Что преступлю через мгновенье,

Здесь кесарю отдавши дань,

К отцу всего, в его селенья

Уже достигнутую грань?

Душа, им полная, ведь знает,

Что оболочка сих телес

Ее едва лишь отделяет,

Как легкий завес, от небес!

Вдруг этот завес упадет...

Главк, сын мой! Главк!..

Мать! Ты жива!..

Вот он, мой вдохновенный...

Мой выстраданный, вот он!..

Камилла!.. вот он...

Но как ты здесь?.. Христианин?

А ты?..

Бог всех скорбящих...

*Господне будь благословенье
И мир вам, братия!..*

Зовет

*Нас ныне бог на прославленье
Его любви, его щедрот
И на свидетельство пред миром,
Что он есть дух, и он один
Земли и неба властелин,
Что честь ему, а не кумирам,
Кумир же, чей бы ни был он,
Рукою смертной сотворен.*

*Идем пред кесаря. Поставлен
От бога он царем племен.
Во всем, чем может быть про-
славлен
Он на земле и вознесен —
Победой над неправдой, славой
В защите сирых, торжеством
Хотя б меча и мзды кровавой
Над буйной силой, над врагом*

Ему поверенного царства, —
Служить ему нам бог судил
Всем сердцем, до последних сил,
Без лжи, без всякого коварства.
Всё, что у нас земное есть, —
Вся наша кровь, всё достоянье
И всё умение и знанье, —
Готовы каждый миг принести
Мы с духом радостным к подно-
жью

Его престола. Но чтоб быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Был наш обет, должны хранить
Мы душу чисту, только к божью
Суду внимательну во всем.
Что божье, что стоит вовеки
И в чем должны все человеки —
И кесарь сам — пред тем судом
Отдать отчет.

Повелевает

Нам кесарь: бога в нем признать,
Его ж кумиру честь воздать,
Как божеству лишь подобает;
Ослушным смерть. Пусть ваш со-
вет
Решит, что делать. Наше тело —
Есть кесаря. Наш дух — всецело

Господень.

Двух решений нет
Идти! Но как не налагает
Христос ярма на душу — ей
Дан разум, воля, — то решает
По правде внутренней своей

Пусть каждый сам.

— Идти, идти
К отцу небесному!.. — В селенья
Его святых! — Из заточенья,
Из тьмы на свет!.. — Идти, идти!

Его узреть во славе!..

Сложит с души все тяготы
У ног его!..

...Исчезнуть в созерцаньи
Неизрекомой красоты...

Итак, грядущая заря
Для нас последней будет в мире —
И первой там!..

О ты, сядь в эфире,

*Во свете вечном, со отцом,
Прославленный и вознесенный —
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятым крестом!
Ты пастырь, нас в едину паству
Овцу сбравший за овцой!
Ты их вспоил живой водой
И тучную им подал яству, —
Когда бы где б ни прозвучал
Твой рог призывный — где прегра-
ды,
Где те загоны, те ограды,
Где та стена, тот ров, тот вал,
Который их бы удержал
На зов твой ринуться мгновенно,
—
Свет бо светяй нам с небеси,
Свет истинный, свет неистлен-
ный,
Жизнь и спасенье ты еси!*

Слава тебе, победившему мир!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пиршественная зала на террасе Дециева дворца, выходящей в сад аркой. Ночь. Зала освещена канделябрами и висячими светильниками. Три

**длинные стола с ложами. Гости одни
возлежат, другие прогуливаются по
зале и опять садятся на свои места;
вообще свободно группируются, со-
образно требованиям минуты. За од-
ним столом Деций. Рабы приносят и
уносят кушанья. Хор певиц, флейты
и лиры. Танцовщицы.**

*Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спешите, спешите
Пожить хоть мгновенье!
Как мошки на солнце
В эфире роями
Кружатся и блещут,
Мы, оры, блистаем
Мгновение в мире, —
Ловите, ловите,
Не то улетим.*

*Еще поймаем!.. Но пока
«Тем насладись, что под руками»,
—
Нас учит мудрость. А пред нами
Рог изобилья и река*

Забвенья — всё естествознание!
Я шел сюда на обонянье.
Одни уж запахи кричат
Тебе за милую: «Здесь, прохожий!»

Жаль, как ни лезь себе из кожи —
Всё съешь за одного!

Ну, да!
Два пальца в рот, и вся беда!
А вот что будет, как ворвется
Сюда весь женский Рим! Начнет-
ся
Вот тут-то оргия!..

«Опротивеют уж яства...
Не изменит лишь вино!
Хлоя под руку иль Дафна —
Всё равно!»

Флейты! трубы! Шум и грохот.
Песни, пляски! Всё вверх дном!
В голове хаос и в чувствах,
И хаос — кругом!»

Да, Деций молодец! И жаль,
Что только раз он умирает!

А мой старик, моя печаль
И сокрушенье, процветает!
В один обед съедает три
И с астрологом до зари
Всё гороскопы составляет!..
Боится смерти! Я ж ему
Твержу, что смерть его боится.
У варваров не засидится
Небось старик: они отцов
Торжественно, в виду богов,
При всем народе убивают!
И это старики считают
Себе за честь!

Здесь старики
Законы пишут, там же, видно,
Не старики!..

(адвокат, прохаживавшийся с дру-
гим адвокатом, Гиппархом, оста-
новись близ великого жреца и ука-
зывая рукою на всё собрание, за-
ключает частный свой разговор
самодовольною речью)
Вы посмотрите, сколько нас:
Я галл, вон свев, ты фессалиец,
Он из Египта, тот сириец, —
А что же общего у нас

С Египтом, с Галлией, странами,
Где и выросли б мы дикарями,
Когда б не Рим!.. В одно нас слил
Его язык, закон, свобода!
Мир он в жилище обратил
Для человеческого рода.
На общий мы сошлись пир,
И хоть мы все разноплеменны.
Но все, как граждане вселенной,
Чтим за отечество весь мир!

Единство в мире водворилось.
Центр — кесарь. От него прошли
Лучи во все концы земли,
И, где прошли, там появилась
Торговля, тога, цирк и суд,
И вековые бегут
В пустынях римские дороги!

Всё хорошо на первый взгляд,
Да вот беда: уходят боги!
Везде оракулы молчат!
Вот в Дельфах: пифию насильно
Ввели в святилище, молчит,
Бледнеет, льется пот обильно.
Все ждут, и вдруг она бежит
С ужасным криком из пещеры
И, как упала, умерла!

*В богов умалилося веры,
И боги покидают нас
На произвол судьбы!..*

*Иные
Уж умерли!..*

*И день, и час
В анналы вписан городские:
При Августе, перед концом,
Корабль шел. Заштило море
Перед каким-то островком.
Все ветра ждали. Вдруг в просторе
Небес и моря, с островка,
Раздался голос, при котором
Всё потряслось — и облака,
И вод поверхность; точно хором
Сто тысяч медных труб зараз
Провозгласили в мир: «Скончался
Великий Пан...» И повторялся
Три раза голос... Весь рассказ
Я слышал сам от морехода:
Его Тиверий призывал,
И я ж дословно записал
В анналы римского народа!*

Не боги покидают мир,

А суеверья...

*Люблю, чуть разгорелся пир —
И спорят!..*

*Впрочем, прилетают
Фазаны, и молчат враги!..*

*А факты иногда бывают,
Что с толку вас совсем сбивают.*

Еще бы! Например, долги!

*У нас на прошлой же неделе
Был случай...*

*Жертвы приносил
На той неделе ты, и скрыл!
Скрыл, признавайся?*

В самом деле?

Козленка, говорят.

*Да мать
Послала!.. Вот что рассказать
Я вам хотел. Как вам известно,
У нас в саду есть грот. Чудесный*

Там для пиров устроен зал,
И я намедни угощал
Там кой-кого...

А! Дионею.
А завтра я пирую с нею!

«Мирта Киприды мне дай!
Что мне гирлянды цветные!..»

Вдруг мы сидим и слышим стон...
Откуда ж?.. И всё ближе, ближе

—
Из-под земли!..

«Прозерпину бьет Плутон,
Стонет Прозерпина!..»

Ах, этот Клавдий! Нынче он
Невыносим! Да замолчи же!
Теперь везде, со всех сторон
Все говорят: то стон, то пенье
Послышится, то привиденье
Появится...

Ведь в старину,
Известно, мертвых хоронили
В подземных склепах, и прорыли

От склепа к склепу ходы...

*Ну,
Так это значит...*

Что такое?

Гм!.. Предки наши...

*Ты в смешное
Всё обратишь.*

*Я не смеюсь!
И не люблю, чтобы шутили
Над предками, — сам их боюсь:
Такие ж аспиды все были,
Как этот Фабий, — вон скелет!
Вон череп голый! Вон тарашит
Глаза на канделябры!.. Стащит
Он что-нибудь здесь, людоед!
Вздыхает всё по древнем праве,
По силе коего меня
Он мог бы в рабство взять...*

*Пойми, я Фабий — и в сенате
Мне места нет!.. Кто ж там си-
дит?
Иберец, грек, сириец, бритт!*

И что же стал сенат? В развороте
Все чувства их притуплены;
В особых заседаниях судят,
Что значат кесаревы сны!
Ну что в них слово «Рим» пробу-
дит?

Им лишь погреться б от казны!
Ты посмотри-ка, в легионах
Кто полководцы? Всё из нас.
А при дворе?.. Они! В поклонах
И лести мастера уж! Да-с!
За то и откуп, и претора —
Всё их!.. Потом адвокатура:
За деньги за твои тебя ж
Так оберут, что ты отдашь
Последнее, лишь бы отстали...

Ах, Лезбия!.. нас принимала
За туалетом!.. Что за грудь!
Ну если б даже и скрывала,
То видно — дочь царей!.. Дохнуть
Не смели... трое нас... сидели...
Всё старички... потеха... да!
Сидим.

Картина в самом деле
Преинтересная!

*Беда!
Она, конечно, нас дурачит:
То ножку вдруг поцеловать
Протянет и тотчас опять,
Как только бросимся мы, спря-
чет...*

А дорого за посмотренье?

*Да что! уж думаю просить
Провинцию на поправленье!
Она ж поможет!..*

*Была иная между нас...
Ты помнишь оду Сафо:*

*«Перед жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелком кос и блеском риз.*

*Ты умрешь, и всё в мгновенье
С красотой твоей умрет!
На земле твой след забвенье,
Словно вихорь, заметет!*

*В адских пропастях бездонных
Пропадешь средь темноты,*

*В сонме душ, не просветленных
Вдохновеньем, как и ты!»*

*Вот это б Лезбии сказать
Могла — ты угадал кто? — Лида!*

*О, Лида, то другая статья!
Но где она? Совсем из вида
Пропала!*

*Да!.. Она всегда,
Как бесприютная звезда,
Весь век металась средь хаоса!
Не раз с Левкадского утеса
Хотела броситься; потом,
Глядишь, — с Изидиным жрецом
Умерших тени вызывает;
Потом опять, глядишь, блиста-
ет
В Афинах, в Риме...*

*Знаешь ты
Экспромт, ей сказанный в Афинах
Однажды на пиру?*

*«С зеленеющих полей
В область бледную теней
Залетела раз Психея,*

На отживших вдруг повея
Жизнью, счастьем и теплом.
Тени вокруг нее толпятся, —
Одного они боятся:
Чтобы солнце к ним лучом
В вечный сумрак не запало,
Чтоб она не увидела
И от них бы в тот же час
В светлый луч не унеслась».

Психея!.. Это к ней идет...

Э, да ты вот как!

Ну, пропал
Веселый пир! Ведь затесался!

Приятель! умирать собрался
И не подумал, не позвал
Меня взглянуть на представле-
нье!
Ишь вокруг тебя какой букет!
Сенаторы, мое почтенье!
Философы, вам мой привет!

Всё ж без меня букет не полон:
В середине главной розы нет!
Ведь мудрости венец и цвет

Во мне!.. За то я вам и солон!
Уж дальше моего нейдет
Ум человеческий! Помалу
Свой цикл свершил, пришел к на-
чалу —
И больше некуда вперед!

Прошу, садися!

Друг любезный,
Откинь-ка ноги! Мне присесть
Ведь как-нибудь, лишь бы поесть.

Садись, не спорю!

Бесполезно!
Так сяду!

Ложе, эй!

Свинья!

Нерону я сказал, что двое
Людей на свете: он да я.
Всё прочее — так, тля, пустое!
Мы что хотим, то и берем
И ничего не признаем!
Он тотчас понял, что свобода

Вся в этом! Прочее всё ложь!

*Ну, что ты морщишься? Всё-
ложь!*

*Будь счастлив тем, что даст
природа!*

*Родился гол и гол умрешь!
В природе ж, в этой общей чаше,
Нет ярлыков: мое и ваше!
Бери что хочешь, всё твое,
На что глаза лишь разбежались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся сам!.. Вот вам и всё!..
А то, глядишь, нагромоздили
Понятий, тонкостей, интриг,
Да и невмочь пришлось! Уныли
И ходят, высунув язык!
Нерон поправит вас: устроит
По Диогену! Сам возьмет
Дубину, города сожжет
И всех вас по лесам разгонит!*

Что ж после будет?

*Ничего
Не будет!.. Главное, не будет
Философов!*

Долгов не будет —
Еще главнее!..

Скажи, дружок, — я здесь чужой,
Живу в провинции глухой, —
Кто этот господин с дубиной?
И с кесарем он говорил?

С дубиной? Этою скотиной
Не знаю, кто нас подарил!
Раб, что ль, он беглый?.. Нет ведь
знака
На рожке! Лает как собака
На всех! И как сюда попал,
Так влез и к кесарю: пленился
Им кесарь! Только он сказал,
Что ты да я, и восхитился!
Дубину принести велел,
Всех напугал и озадачил!

И нас устраивать уж начал
По Диогену: Рим горел
Неспроста!

Только он, по счастью,
Охотник строить: этой стра-
стью
И отвлекли. А этот скот

*С тех пор и тешится, и кстати,
Некстати нас ругает, пьет
И жрет...*

*Уж будет он в сенате,
Как эта бестья, например,
Миртилл...*

Здоровье кесаря?

*Богам
Благодаренье — солнце светит!*

...А это кто же?

*Тс! тише! если только кожей
Ты дорожишь!.. Евнух Миртилл,
Певец и мим. Да вот в чем сила:
В ногах у кесаря лежит
Весь мир, а кесарь сам сидит
У ног вот этого Миртилла!*

Так вот оно!..

*Да, да, оно!
Так, genus neutrum...[88]*

Сегодня кесарю представлен

Проект дворца. Позолочен
Весь корпус, на горе поставлен,
И целый лес кругом колонн.
Всё белый мрамор, загляденье!
Внутри ж что шаг, то изумле-
нье!

Хотя бы пиршественный зал:
Он сверху будет окропляться
Духами. Стены из зеркал;
Плафон же будет раздвигаться,
И вдруг средь пира с высоты
На вас посыплются цветы.

Как это мило; вдруг цветы!

А если б вдруг весь зал с гостями
Насыпать доверху цветами?
Ароматический конец!
Шепни-ка кесарю, певец!

А надоумит ведь, подлец!

Забавное соображенье!..
Ах, этот милый кесарь! Он
Три дня в великом восхищенье:
Из Дельф намедни привезен
Был этот дивный Аполлон,
И кесарь перед ним проводит

Всё время!.. Даже ночью встал
И факелами освещал!..

Как я сказал, так и выходит:
Вон пифия-то умерла!
Из храма взять да в залу оргий
Поставить бога!..

Я точно как в глубокой тьме!
Пойми ты кесаря Нерона:
Как совмещает он в уме
И циника и Аполлона?

«Дельфийский бог! и он познал
Длань сокрушительную Рима!..»
Когда впервые увидал
Его я в Дельфах, волны дыма
От дорогих курений храм,
Как легкий облак, наполняли.
На чудный образ упали
Лучи, и он по облакам
Как будто неся, быстробежный,
И перед ним в дали безбрежной
От светлых стрел его толпой
Титаны тьмы бежали!..

Это
Элады гений: по землям

Свершил он странствие и к нам
В суровый Рим луч бросил света,
И сделал нас людьми!

Людьми
Иль нет, а только перестали
Мы римлянами быть!

Узнали
По крайней мере, что зверьми
Дотолле были!

Побеждали
Зато врагов! Разврат, пойми,
У нас от греков!..

В старину-то
Лишь полбу ели, да ячмень,
Да сыр!

Зато имели Брута,
Кориолана! Ночи в день
Не обращали... Даже гадко
Их слушать!.. Ох, ужасный век!

Скажи ты, умный человек,
Кто лучше — римлянин иль грек?

Стой! Разрешу одной загадкой:
Дурак болтун у дурака
Из простяков сидит на шее
И погоняет простяка,
И едут в ров!.. Ну... кто умнее?

От философии!

Тревоги
Напрасные!

От новых вер!

Отцеубийства и подлоги
От новых вер! Да, например,
Каких же?

Мало ль? Из Халдеи,
Из Персии, из Иудеи!
Адонис! Митра!.. У рабов
Свой даже бог — освободитель
От всякой власти и оков —
Христос, всемирный, вишь, спаси-
тель!

Там тоже спор у них: о чем?..
Ученых споров я любитель!

*Всё о безбожьи и о том,
Что бога нового открыли
Себе рабы, зовут Христом.*

*А, христиане! да, знаком,
Знаком я с ними!.. Говорили,
Что Рим они сожгли?*

*Схватили
Тогда же многих их с огнем!*

*Живут всегда особняком,
Уж тем внушают подозренье:
От всяких должностей бегут,
Ни кесаря не признают,
Ни государства Рима!..*

*Пьют,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человеческую!*

*Их
Нельзя терпеть!.. весьма опасно!
Мы терпим много сект дурных,
Но эти...*

*Вот уж страх напрасный!
Ведь это жители небес!*

От них всю жизнь хоть бы процесс,
Представь!

Да, да! Но... почему же?

Ну-с, эти уж и греков хуже!
Они работают во мгле,
Повсюду что ключи в земле,
И всевозможные химеры
Вбивают в головы рабам...

Позвольте!.. Приняты уж меры!
Предписано: по городам
И здесь чтоб завтра же явились
Все к квесторам и поклонились
Статуе кесаря, его
Признавши тут же божество,
Как признается всей вселенной.
А воспротивятся — пойдут
Одни для травли в цирк, другие
Рубашки взденут смоляные,
Им в глотки факелы воткнут,
К столбам привяжут их, зажгут,
И кесарь в пышной колеснице
Между пылающих их тел
Проедет ночью по столице!

*И боги воздадут сторицей
Ему за это...*

*...Прекрасно! Я б узнать
Желал, чья мысль?*

*Да, без сомненья,
Его, Миртилла! Потешать
Умеет Рим!*

*А всех их будет
Здесь в Риме тысяч сто!.. В других
Провинциях мильоны...*

*...Боги! Пусть же их
Огулом всех на смерть осудят!
Всех с корнем вон!*

*Благодаренье
Тому, кто бодрствует за нас!
Во здравье кесаря!*

Во здравье кесаря!..

*Он да я!
Всех прочих с корнем вон!..*

Фабий за его спиной показывает

ему кулаки.

Вы напоили бы его,
Чтоб уж совсем он с ног свалил-
ся!

Молодые патриции привлекают к
себе Циника и поят его.

А ты смеешься и не пьешь,
И наших мер не признаешь
Во благо Риму?

Мер напрасных!
Жечь не опасных никому
Мечтателей!..

Как, не опасных?

А глас народа?

Метелла, Туллия! вы к нам!

Эван! Эвое!
Мясо живое!
К нам! к нам!

Герой мой, здравствуй! Очень ра-
да,

Что ты еще не умер. Да!
Стремглав летела я сюда,
И главное затем, что надо
Тебя мне очень побранить!

Эй, ложе!

Можем разделить,
Когда позволите, и ваше!
Лежи!

Раб вечной красоты,
Жду приказаний.

Прежде ты
Скажи, какой не трогать чаши?

А вот — от деда.

Много лет
Живет на свете! Золотая...
С волчицей крышка... небольшая...
А яд — стряпня Локусты?

Нет,
С востока тоже вывез дед,
Одна парфянка подарила.

Ну, им не соблазнишь меня!
Я жить хочу!..

К вам прямо я
От кесаря!

Смотри, Миртилла
Как будто жаба укусила...
Она же смотрит на него,
Как на Пифона Феб...

Имела
Я счастье в первый раз его
Услышать пенье... Ничего
Подобного не знаю! Млела
И плакала я даже!.. Да!
А говорят, я никогда
Не плачу!.. Как он держит лиру!
Как смотрит в небо — Аполлон!..
Да, римляне! вы храбры! Миру
Вы предписали свой закон,
Но я скажу, что пред искусством
Вы — варвары! Не стоит Рим
Таких художников! С твоим —
Уж извини — изящным чувством
Ты б мог один его ценить!
Он это знает...

Не за то ли
Меня и хочешь ты бранить?

Отчасти...

...Ты совсем растаял?

Вот красота-то!.. И не чаял
Подобной встретить отродясь!
Патрицианка?

Нет, иная
Генеалогия у нас.
Происхожденьем массильянка,
Отец был галл, а мать гречанка.
Он был плясун. По городам
Таскал повсюду дочь с собою.
Потом Изидиным жрецам
Ее он продал. С их толпою
Чуть не во всех странах земных
Перебывав, пришла к Афинам,
Везде попрыгав с тамбурином
И в банделетках золотых.
Тут распрощалась с жрецами
И появилась между нами —
Прелестной внучкою царей
Понтийских — и все верят ей:
Осанка, гордый вид царицы,

Перед крыльцом живых два льва.
Гляди, как смотрит: голова
Назад закинута, ресницы
Что стрелы, молньеносный
взгляд,
А профиль?

Голова Медеи!
И косы вокруг чела лежат,
Что перевившиеся змеи!

Да, змеи!.. Как сказала тут,
Что к нам от кесаря, так сжа-
лось,
Друг, сердце! Так и показалось,
Что змеи всюду уж ползут
По Риму, бьют фонтаны ядом,
И под ее упорным взглядом
Вокруг всё падает и мрет!

Такая красота...

Э! гладиаторов трубят!
Бой будет, бой!..

А! крови, крови!
Сказался зверь! А не хотят
По Диогену жить!..

Места! места!

*Вот это в римском вкусе! Браво!
И уж за это честь и слава
Вам, римлянам!.. Да, да... Люблю!
Ты много держишь их?.. Я знаю
В них толк, сама их покупаю,
Кормлю, учу и продаю —
Превыгодно!*

Ста два!

Так мало?

*Недурны люди. Это — галл,
А этот... свев. Держу за галла,
А ты — за свева.*

Сыплются удары на щиты.

*Ну — пропал!
А! извернулся!.. Этот свев
Раскормлен очень... Впрочем, го-
ден
Для палицы. Вот галл — свободен,
Увертлив, худ и быстр, как лев
Ливийский!..*

Ну, ты проиграла!

И Деций смотрит!..

Угадала!
Ура! победа!..

Ну, кончай!
Vae victis![89]

Кончай! кончай!

Удар на славу!

Ты, Деций, мне его отдай!

Да всех бери!.. Хоть бы в забаву
Что удалось!

Матерый зверь!

Уж близок к Стиксу, чай, теперь,
Так вот ему на переправу.

Теперь что ж? Общий бой?..

Нет, полно! Некогда! вина
Налей мне! Жажда мучит. Рада

*Всю ночь смотреть!.. до бела
дня!..*

*Теперь к делам. Вот что мне на-
до.*

Во-первых, ты поздравь меня

С другой победою!.. Большого

Она мне стоила труда, —

Но без труда и нет плода!

Теперь сказать мне только слово:

«Ты Деция мне подари!» —

И ты живешь...

Не говори,

Не думай... Это невозможно.

Не горячись. Мне всё возможно.

Ты выслушай. Дня через три —

Я всё обдумала — устрою

Я небывалый пир: с борьбою —

Род олимпийских игр — певцы

И бег... Конечно, все венцы

Получит кесарь... И, мой милый,

Ведь мы живем в чудесный век!

Его понявши, человек

Всего добьется, только б силы

Достало и ума. А ты

Такой достигнуть высоты

И славы можешь... Я ведь знаю

Людей и в будущем читаю,
Как пифия. Ты должен жить.

И в жизни лишь тебя любить!

Да, да, союз. А цель — тебе я
Могу лишь на ушко шепнуть:
Цель — «Кесарь Деций», и ничуть
Не трудно. Надо лишь умея
За дело взяться. Ты богат
И дашь мне средства...

О Цирцея!
Всё, всё за царственный твой
взгляд!

Упрямство, Деций, даже в детях
Нехорошо! С таким умом,
Как ты...

Да выгони мне этих
Вралей! Останемся вдвоем,
Я убедить тебя сумею...

Довольно!.. Всё, что я имею,
Твое, но с тем, чтоб не мешать
Мне умереть...

Как понимать?

Да! не мешать!.. И передать
Нерону, что, собравши силы,
Я, издыхая, из могилы
Пред целым миром прокричатъ
Ему хочу! Пускай он знает,
Что с легионами рабов
Не сломит в нас он дух отцов,
Что кесарь — сам он забывает,
Что этот дух в лице его
Себя лишь чтит за божество,
И кесарь он — пока лишь полон
Сам этим духом!..

Да заколите же его
Во имя кесаря!..

Напрасно! Не трудитесь...

Эй! Дав! открыть им галереи,
Все кладовые, все музеи,
Им все сокровища открыть,
Подвалы с золотом!.. Берите
И виллу всю хоть разнесите
По камню!..

Ух! отлегло!..

Всё нам дает?

*Акт не составить ли? Donantis
Mens ne mutata sit?[90]*

*Ну, вот!
Уж тут jus primi occipantis![91]*

Прикажете?..

Чем кончится всё это!..

А это всё — сосуды, кубки...

*Вот вещь изящная!.. Голубки
Целуются...*

*Давай сюда!
Рабы растащат же!*

*Да, да!
В гостинец внучкам!..*

Я богам!

...Эх, Деций!

Дорогу мне!

Иди!

Ты, Деций, бог!

Бог! бог!

*Стократ проклятье вам!.. И мог
С ватагой этой ненасытной
Одним я воздухом дышать!*

*Хозяин! будешь умирать,
Так разбуди! Прелюбопытно!..
Всё хорошо!.. Эй, вы!.. Вы к нам,
Вы, самки!.. Туллия...*

Еще раз всем проклятье вам!

*Ну, что же?.. «Кончим представ-
ление»,
Как тот сказал!..*

*Нужна не сила воли нам,
Чтоб жизнь порвать, а отвраще-
нье,
Да, отвращенье к жизни!..*

*Стой!
Стой, Деций...*

Лида... ты!.. Марцелл!..

Несчастный! видишь... видишь —
вот
Что создала вам мудрость ваша!
Ты лучше всех, так яду чаша!..

Печально! да!..

Но где ж исход,
Философ милый, где ж исход?
И если б был — то утешенья
Не много: поздно!

Никогда
Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидеть разом свет, понять, —
Мгновенья одного довольно!
А там, что делать, что начать.
Само уж скажется неволью.
Увидя свет, уж никому
Назад не хочется во тьму!

Но что, скажи, с тобою, Лида?
Ты как в огне! Какой наряд!
Простая, темная хламида,
Покров широкий... Как горят
Глаза... Да где же ты скрывалась?

В последний раз передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колеснице золотой,
Сама конями управляла
И оглянулась на меня...
Весельем, розами сияла,
Мне в дар улыбку уроня!..

Я выплыла из этой бездны!
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя!.. Душа твоя,
Я знала, бьется бесполезно.
Ища в ней берега... И шла
Я указать тебе спасенье...
И сколько раз!..

Ты мне несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?

Ты знаешь христиан?

Спасенье
Мне в христианах? Их ученье
Я знаю и не раз слышал
Их проповедников: худые
И загорелые, босые...
Их в Риме много... Одного
Я живо помню. Был забавен

Восточный выговор его,
И жест порывист и неплавен,
Но диким пафосом своим
Он поражал... Я помню, было
Вне Рима. Солнце заходило,
И он указывал на Рим...
Сам на горе стоял... Открытый,
Высокий лоб... Народ кругом...
И мы подъехали верхом
С прогулки... «Змей многоочитый,

—
Он восклицал, — ты мир земной,
Обвив, сдавил его собой,
И здесь, на семихолмье, в Риме,
В златом венце и диадиме
Главой покоишься своей...»
Я оглянулся: блеск заката,
Весь вечный город, блеск огней.
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змей —
Великолепное сравненье!
Он разумел разврат, паденье
И порчу нравов; говорил
Всё в апологах, но оставил
В нас впечатленье. Впрочем, был
Из римских граждан...

То был Павел!

Ты знаешь их по именам?

Я христианка.

Как? Давно ли?

Всё дело в истине, а там,
Как к ней пришел, не всё равно
ли?..

Вот слушай...

В цирке раз, среди
Несчастливых, обреченных казни,
Одна стояла — на груди
Сложивши руки, без боязни
Смотря на зверя и кругом
На нас, на кесаря — без гнева,
И чудо красотой дева...
К кому-то вдруг вверху подняв
Глаза и точно повстречав
Кого-то там, рукой взмахнула,
И улыбнулась, и взглянула
Так, как бы к матери могла
Взглянуть невеста... Шум и клики
Тут поднялись... Но мне уж дики
Казались люди... Я ушла...
И с той поры три ночи рядом
Та дева, с тем же кротким взгля-
дом,

Ко мне являлася и те ж
Слова мне тихо повторяла:
«Иди и мать мою утешь...»
И я пошла... И всё узнала...
И там, средь тихих, светлых слез,
Я всё нашла, чего искала, —
Я поняла, кто был Христос...

Виденье... А, Марцелл, ты веришь,
Что Бруту Цезарева тень
Являлась на рассвете в день
Фарсальской битвы?..

К убийце? Может быть. Не знаю...
Но я виденье понимаю,
Что было Павлу... Он скакал
В Дамаск, пустыней, в злобе дикой
На христиан — он замышлял
Их истребить, — и вдруг великий
Увидел свет и из него
Услышал голос: «Для чего
Меня ты гонишь, Павел, Павел!»
Пред ним стоял Христос... И Па-
вел,
Прийдя в Дамаск, уж не к врагам
Пошел Христовым, а к друзьям.
Такая ж, как о Павле, повесть
И обо мне. Мы все пройти

Должны по Павлову пути.
Неумолимой правдой совесть
Перепробовать, как он в тот путь;
Так глубоко в себя взглянуть,
Чтоб въявь Христа увидеть...

Боги!

И ты! ты, римлянин, ты, строгий
Патриций, воин, жизнь свою
Проведший в лагере, в бою...
Да ты... Ведь этот Рим Нерона,
Припомни, говорил ты сам,
Что два иль три бы легиона,
И разнесли вы по клочкам...

Да, думал я, верна победа.
Но вдруг был в лагерь приведен
Ко мне под стражей Павел. Он
Судьбу мою решил!.. Беседа
Единой ночи!.. Весь раскрыт
Я перед ним стоял, разбит,
Как червь раздавлен...

Озлобленье
В тебе, отчаянье...

Да! да!
Всё было: даже я всегда
С собой носил...

Прозренье,
Прозренье внутрь себя!

...Я понял, нам
Не бог предметом поклоненья
Во храме был, а самый храм!
Порядок в людях водворяя,
Цель жизни — мы открыли им?..
Одна случайность роковая
Являлась в ней и нам самим!..
Таков наш Рим: что он ни стро-
ит,
Он строит на песке морском;
Придет волна и зданье смоем,
И всех, кто жизни чаем в нем...

О, Рим гетер, шута и мима —
Он мерзок, он падет!.. Но нет,
Ведь в том, что носит имя Рима,
Есть нечто высшее!.. Завет
Всего, что прожито веками!
В нем мысль, вознесшая меня
И над людьми, и над богами!
В нем Прометеева огня

Неугасающее пламя!
В символ победы это мной
В пределах вечности самой
Навек поставленное знамя,
Мой разум, пред которым вся
Раскрыта тайна бытия!
И этот Рим не уничтожит
Никто! Никто меня не может
Низвергнуть с этой высоты...

И вот один перед толпою,
На высоте, всем чуждый, ты
Лишь сам любишь себя
И с чашей яду лишь глядишь,
В красивой позе ль ты стоишь!..
Он, разум, значит, злая сила,
Когда, чтоб в высоте стоять,
Милльоны ближних надо было
Ему себе в подножье взять...

Милльоны ближних!.. Что такое
Мне эти ближние... Рабов
Ты разумеешь!.. О, пустое
Мечтанье этих мудрецов!
Рабы и в пурпуре мне гадки!
Как? Из того, что той порой,
Когда стихии меж собой
Боролись в бурном беспорядке,

Земля, меж чудищ и зверей,
Меж грифов и химер крылатых,
Из недр извергла и людей,
Свирепых, диких и косматых, —
Мне из того в них братьев
читать?..

Да первый тот, кто возложит
На них ярмо возмог, тот разом
Стал выше всех, как власть, как
разум!

Кто ж суеверья их презрел
И мыслью смелою к чертогам
Богов их жалких возлетел,
Тот сам для них уже стал богом
И в полном праве с высоты
Глядеть, как в безотчетном
страхе

Внизу барахтаются в прахе
Все эти темные кроты!..

Да! если есть душа вселенной,
Есть божество, — оно во мне!

И если, чтоб ему вполне
Раскрыться, нужно непременно,
Чтоб гибли тысячи тупых
Существ, несмыслящих, слепых —
Пусть гибнут!.. Такова их доля!
Им даже счастье неволя!
Лишь с дня, когда он в рабство

впал,
Для мира раб хоть нечто стал!

Всё знаю! Так нас поучал
Наш славный разум! Он, который
Сам о себе нам говорит:
«Я истина», и без опоры
На меч бледнеет и дрожит!
Нерон, он убежден, что тоже
В нем истина!.. Великий жрец
И циник также... Отчего же
Твой разум лучше всех, мудрец?

Как ночь душа его мрачна!
Он — боже! — никого не любит...

Их гордость римская... Она
Их ум мрачит... Она их губит...

К чему же слезы?.. Перестань...

Но как ты, Лида, изменилась...
О, как ты стала хороша...

Я, Деций!.. Я давно простилась
Со всем земным!.. Твоя душа —
Ты мир обнять не можешь взо-
ром,

И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, пред которым
Ничто твой жалкий, бедный мир,
Где ты лишь сам себе кумир!
Да, гордость, Деций!.. Ослепила
Она тебя!.. В земных цепях
Душа источник свой забыла,
А он, о Деций, в небесах!
Слова Христовы западают
Мгновенно в душу — оттого,
Что нам его напоминают
И возвращают нам его...
И тут уж смерть — конец разлу-
ки,
Победный выход из тюрьмы, —
И примешь всё ты — смерть и
муки,
Чтоб к свету вырваться из
тьмы...
Ах, Деций! мир — одно терзанье!
И к свету раз открыл пути —
Ты будешь знать одно желанье:
Всем указать — и всех спасти!..

Ты точно вне уж мира, Лида!
Куда умчалась ты? Из вида
Теряю... Точно от земли

Оторвалась — меж звезд носилась
И к нам на землю воротилась
В их золотой еще пыли...

Вот видишь, ты не ожидала, —
Перед тобой и я поэт!..

Он шутит!..

Бросим этот бред,
Прости, Марцелл, но только детям
И можно увлекаться им...

Бред, говоришь ты? Но уж Рим,
Уж мир исполнен бредом этим!
Уж мы на рубеже стоим,
И в Риме уж теперь два Рима!
Здесь — этот Рим; уж он как
тень
Теперь, как призрак... Близок день,
—
И он рассеется... и новый
Откроет Рим...

Ясный, немеркнущий,
Тихий свет утренний!

Ныне ведешь ты нас
К незаходимому
Свету бессмертному,
Дню беззакатному!

Кто это?

Новый Рим!

Да! здесь

У вас пиры, а там, под вами,
В земле, там, в катакомбах, весь
Всечасно молит со слезами
О вас же — христианский Рим,
Чтоб вседержитель бог дал силы
Ему спасти вас...

Новый Рим!

Так христиане — новый Рим?!
Тут, в катакомбах, где могилы
Великих предков?!

Новый Рим!

Да разве может быть два Рима?
Два разума! две правды! два
Могущества, два божества!..

И тот, где ложь, — неотвратима
Его погибель!.. Пусть нас жгут...

Ужель миллионы вас?

...Не знаем...

Декрет ты знаешь?

*Исполняем,
Как видишь...*

*Как? Они идут
На смерть?*

Что смерть!

*Глазам не верю!
На казнь идти и гимны петь,
И в пасть некормленному зверю
Без содрогания глядеть...
И кто ж? Рабы!..*

*Да кто ж вы? Кто вы?
Марцелл! ведь строя Рим твой
новый,
Пойми, ты губишь Рим отцов!
Созданье дел их! Труд веков!..
Рим, словно небо, крепким сводом
Облегший землю, и народам,
Всем этим тысячам племен,*

Или отжившим, иль привычным
Лишь к грабежам, разноязычным,
Язык свой давший и закон!
И этот Рим, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тем, кто годен был,
Как вьючный скот, в цепях, лишь
к носке
Земли и камня, к перевозке
Того, что мне б и мул свозил!
Рабы!.. Марцелл, да где мы? Где
мы?
Для них ведь камни эти немые!
Что нам позор — им не позор!
Они

Пред этими мужами
Не заливались слезами,
С стыдом не потупляли взор!
И вдруг, без всякого преданья,
Без связи с прошлым, как стада
Зверей, которым пропитанье —
Всей жизни цель, придут сюда!
И где ж узда для дикой воли?
Что их удержит?.. Всё падет!
И Пантеон, и Капитолий
Травую сорной зарастет!..

Проходит зримый образ мира,
Но, Деций, мир не погубить
Пришел Христос, а словом мира
В любви и правде возродить...

И жизнь вдохнуть в него!

Несчастный!

О, умирать теперь ужасно!
Или игралищем судьбы
Я был досель? С врагами бился,
А злейший враг меж тем подрыл-
ся
Уже под самые столбы
Нас всех вмещающего храма!
Я тени предков вызывал,
Противу моря зла упрямо
Средь ярых волн его стоял
Живым укором и проклятьем,
Непобедим, неколебим...

Хозяин, умер?

Вот твой Рим
Тебя зовет: к его объятьям
Стремись скорее, — что нужды,
Что этот муж в своем паренье

Не видит далее еды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Ясный, немеркнувший.
Тихий свет утренний,
Ныне ведешь ты нас
К незаходимому
Свету бессмертному,
Дню беззакатному...

Ну, Деций! время... Со своими
Я ухожу... Прощай...

Ты видишь — вот — живые
Все души, в каждом разум свой,
Но все любовью одной,
Как солнцем глубины морские,
Озарены!.. Здесь нет вождей!
Творят дела здесь уж не люди!
Для всех, как для простых орудий,
Сокрыты цели! Без мечей
Идем к победе несомненной!
Пойми ж, что свыше лозунг дан!
То божий дух по всей вселенной
Летит, как некий ураган...
Что было светом — в мрак отхо-
дит!

Все солнца гаснут! Новый день
И солнце новое восходит,
Всё прежнее бежит как тень.
Что ж, гордый человек, усиленно
За тень хватаясь, вместе с ней
Исчезнуть хочешь в тьме могиль-
ной,
В безумной гордости своей!
Себя поставивши судьей
Над всей вселенной, никогда
Уж не признаешь над собою
Глаголов божьего суда?..

Мой суд — я сам! Всё, чем мой ра-
зум
Могуч и светел, дал мне Рим, —
И пусть идут все боги разом,
И с ними все народы — им
Не уступлю и упреждаю
Их вызов...

Прочь!

А ты беги
И в Риме всем кричи: враги
В его стенах! Что умираю
Я на посту своем за Рим!
За вечный Рим!..

*Боже! Я
Имела веры не довольно!*

Прочь!

*Боже сильный! отпусти
Ему грех вольный и невольный!*

*Ты ж, господин, ты нас прости,
Коль в чем виновны пред тобою!*

Что надо вам?

*Твои рабы
Идут на смерть и молят, Деций,
Чтоб бог простил тебя и ты
Простил бы их!..*

*О чем хлопочут?
И ведь не плуты, не морочат!
Поди ж, ведь создают себе
Мученья!.. Мудрецы всё!..*

*А если все нас так рассудят,
Марцелл?*

*Суд только божий будет!
Ты, Деций, ты любил, что знал:*

Знал Рим! Его любил ты много,
Собой пожертвовал, страдал...
О! жертва всякая у бога
Сочтется...

Лиди! я б вас гнал,
Когда бы жил еще! Терзал
Зверьми б, живого б не оставил!..

Ты б гнал, покуда б не узнал,
Покуда б не прозрел, как Павел.
И больше нас тогда б Христа
Великим разумом прославил!
В тебе была ведь прямота!
Прозрев, отдался б в искупленье
Всех зол, что сотворил!.. Прощать
Ты б научился... да!.. прощать!
Ведь христианство, всё ученье,
Нет, не ученье — жизнь — прощенье,
Ежесекундное прощенье,
Прощенье вечное!..

Не та!..
Не та!.. Так кто же ты?.. Виденье?
Дай руку...

*Свет вокруг тебя!
Что ж это? Что?*

*Он был один,
Кто был еще мне дорог в мире!..*

*Сын века! свет был пред тобой...
Не видел ты!*

*Уж солнце! Вот он,
Наш день!*

*Твоя теперь, господь,
Вся, вся твоя!*

Слава тебе, показавшему нам свет!
1872, 1881

БРИНГИЛЬДА

Поэма ПРИ ПОСЫЛКЕ «БРИНГИЛЬДЫ» В МАЛУЮ АЗИЮ

*Моя валкирия, дитя
Снегов и северных сияний,
Теперь внезапно залетя
В пору весенних ликований
Земли, и моря, и небес,
На светлый берег Пропонтиды,
Нашла ль в стране иных чудес
У сродной с нею Артемиды
Привет и ласковый прием?
Или воительница юга
С ней обошлась как со врагом,
И стали друг противу друга,
Движеньем безотчетным рук
Схватясь за меч, а та — за лук,
И с вызывающей осанкой,
И, по обычаю, на бой
Дух разжигая похвальбой
И благородной перебранкой?*

1888

ПОСВЯЩЕНИЕ

А. М. М.

*Пусть вся в крови моя поэма,
Пускай Брингильды грозен вид, —
Но из-под панциря и шлема
В ней сердце нежное сквозит,
И душу ей святым крещеньем
Лишь озари, и освети
Ее высоким дерзновеньям
Христом открытые пути, —
Она бы образ тот явила
Душевных сил и красоты,
Который нам осуществила
В любви и жертве вечной — ты...*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гудруна — жена убитого Сигурда
Брингильда — жена Гуннара, брата
Гудруны

Медди, Гермунда, Герварда, Урлунда-Красавица, Древняя Гильда } пять королев

**Время — мифических преданий
скандинавской Старшей Эдды.**

*Прим. для чтения вслух: «Бога ради,
читая вслух, не скандуйте стихов, как,
к сожалению, у нас принято при чтении греческих и латинских поэтов и*

переносится также и на русские трех-
сложные размеры; ненадобно думать
совсем о размере: читайте как прозу,
но выразительно, где требуется, и с
ударением на те слова в стихах, на ко-
торые следует по смыслу. Скандова-
ние убивает всякое одушевление, вся-
кий лиризм, все переливы чувства, сло-
вом, пропадает вся сила диалога. В ре-
чах Гудруны и еще более Брингильды —
скорее декламация, а не скандование...»
(Из письма автора).

Мертвый Сигурд на высоком по-
мосте лежит:

Весь с головы золотою покрыт он
фатой,

Факел горит в головах, а в ногах у
него

Бледная, взгляд неподвижный,
Гудруна сидит.

Пять королев на ступенях помо-
ста вокруг,

Древняя Гильда на креслах высо-
ких одна:

Съехали с разных концов на
ужасную весть.

Воины в шлемах стальных оцеп-
ляют их круг.

Сзади толпятся старейшины,
двор и рабы.

Ропот в чертоге, и гул от толпы
на дворе.

Утром с шурьями на ловы поехал
Сигурд.

Тотчас почти принесен был до-
мой, весь в крови.

Кровь из больших десяти излива-
лася ран.

Входит Брингильда в чертог,
дверь наотмашь раскрыв.

Шуба соболя и волосы в снежной
пыли.

Холод за нею в широкие двери пах-
нул.

В стороны с факела пламя мет-
нулось, вздымаясь.

Дрогнул, заискрясь, Сигурдов по-
кров золотой.

Глянувши быстро на всех, молча в
угол прошла.

Слушает, пристально глядя, что
вкруг говорят.

Подле Гудруны, у ног ее, Медди бы-
ла.

Горе чужое — да чуткое сердце у

ней!

Руку слегка на колени ее положив,
Молвила: «Милая! Жалко смотреть на тебя!

Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!

Еле ты дышишь, и то ведь вздрогнешь всякий раз!

Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!

Светлый был свет на душе — темна ночь налегла!

Цветик в прогалинке — всякий затопчет тебя!

Елочка край леску — всякий обидит тебя!

Лань ты моя круглоокая! Серна моя!

Чуется, тяжело тебе одинокой-то жить!

В горы ль, бывало, олень твой бежит, — ты за ним!

Пьет ли в ручье, — ты уж скачешь и плещешься вокруг!

Будь моя волюшка, — ох! — унесла бы тебя!

Холила б в замке своем!.. Здесь ведь ужас и мрак!»

Молча Гудруна в ответ лишь ти-
хонько с колен
Руку подруги сложила холодной
рукой.

Молвит Гермунда: «И вправду уж
лучше ты плачь!
Легче, как выплачешь горькое горе
зараз!
Слез еще много на первое горе
найдешь.
Вот как другие пойдут — так и
рада б, да нет!
Высушат в сердце вконец все жи-
вые ключи!
Я схоронила двоих — да каких
ведь! — мужей!
Пять сыновей у меня в одном па-
ло бою!..
С факелом в бурную ночь я броди-
ла меж тел,
Всех собрала. Нагрузила телами
ладью.
Еду. Над ними стою — и ни слов
нет, ни слез.
Думаю: что же? Зачем же оста-
лась я жить?..
Только — живу. Двое внуков оста-

лись: ращу.
Дом свой, народ — всё, как было,
во страхе веду.
В фольстинг старшин собираю.
Суды им сужу.
С моря ли, с суши ли враг, — я
встречаю сама:
Всех впереди колесница моя иль
корабль...
Внукам отцовский венец покля-
лась передать,
В женских руках не сломав ни еди-
на зубца.
Так вот и ты поступай. У тебя
ведь есть дочь».

Молвит Герварда: «А я-то? Что
вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава
у нас!
В доме — большая семья, вечно
гости, пиры!
На берег выйдешь — и нету конца
кораблям!
Словно бессчетно чудовищ мор-
ских на песок
Всплыли с глубин и на солнце ряд-
ком улеглись,

Головы с пастью драконов поднося
высоко!

Нынче — волчец там да вереск:
аланы прошли!

Всё сожжено!.. что побито, что
угнано в плен!

Я, королева, в толпе очутилась
рабынь!

Гнали нас с места на место, го-
лодных, босых...

Взял меня в жены каган. У него на
пирах

Мужнин, отца, троих братьев —
всех пять черепов —

В кубки обделали их — наливала
вином,

Их разносила с поклоном пирую-
щим я!

Что же? Привыкла! Сжилась! И с
каганом сжилась!

В почестях тоже, как след... При-
нимали царей...

Только его отравили... Какой-то
там грек...

Вслед пришло войско... Сам ке-
сарь... Всё бросилось врозь!

Я по болотам скрывалась, по де-
брям, совсем

Думала — смерть! да попала сю-
да, и еще
Мужа нашла, — королева опять, в
третий раз!
Ты молода еще: что же крушить-
ся тебе?
Мужа, постой, не такого най-
дешь! Уж поверь,
Знаю я, все они, каждый по-своему
мил!
Дикий алан — и по нем даже пла-
кала я!»

Словно не видит, не слышит,
Гудруна сидит.
Взгляд устремила вперед. Ни кро-
винки в лице.

Молвит Урлунда-Красавица: «Год
пожила
С первым я мужем, Гудруна. Как
умер он, я
Думала: кончено! Больше уж нече-
го жить!
Бросилась даже за ним на костер:
удержать
Люди насилу могли! Целый год я
была

Словно как мертвая: плачу, не ем
и не пью.

Встретился Оттен — и стыдно б
признаться мне в том —

Стыдно, но я, государыни, вам
признаюсь:

Встретился Оттен — и сердце за-
жглось не спросясь!

Что впереди — я не знаю, но, сла-
ва богам,

Благами их как цветами осыпана
я!

Дети красавцы! А старший уж
правит рулем,

Знает все снасти, как парус по-
ставит, когда.

Так уж его и прозвали Волчонком
Морским!

Разве мы знаем удел свой!.. Как
ты родилась,

Норны связали уж в узел твой
жребий навек,

Нам — ни распутать, ни вновь
своего не скрутить!»

Древняя Гильда за ней пожелала
сказать:

Жадно всех очи к ее устремились

устам.

Всюду как жемчуг слова подбирались ее.

«В старые годы нам слезы вменялись в позор.

Замуж шла — знала, что мужнин конец — твой конец.

Шла с ним на одр — знала: так же пойдешь на костер.

Чуть не сто лет я живу. Что же, в радость мне жизнь?

Сорок годов уж, как в море ушел мой король.

Я рассылала гонцов — возвращались ни с чем.

Башню на крайнем утесе поставила я,

Стража на вышке, а я на бойнице весь день.

Парус его покажись — я узнаю из ста!..

Вещий есть старец, ведунья-жена у меня.

Валка — ведунья: в пещере над Геллой {Гелла — ад.} живет,
Ход там в пещере есть узкий и в Геллу окно;

Всех истязуемых тени там ви-
дит она:

Нет до сих пор между них моего,
говорит.

Вещий же — Снорро. Являлся к
нему сам Один.

Травы он знает. Нажжет их —
что сноп упадет,

Духом же к самой Валгалле восхо-
дит тогда.

Там, притаясь, он в толпе челя-
динцев глядит:

Видел и светлого Бальдура, Браг-
ги-певца,

Фриггу, Одина — сидят за высо-
ким столом.

Тени ж сражаются, мчатся на
белых конях,

Жены, любуясь, стоят по сторон-
кам вокруг, —

Нет короля моего, нет Олафа и
там!

Так я его по трем царствам по
всем сторожу.

Как где явился — узнаю и тотчас
к нему!

Лодка с горючей смолой наготове

всегда,
Царское платье, венец. В тот же
миг уберусь,
Сяду, спущуся в открытое море
сама,
Брачную песнь запою и смолу за-
палю —
И полечу голубицей вдогонку к
нему!»

Смолкнула Дивная: вспыхнувший
пламень погас.
Молча склонили главы королевы
перед ней.
С низким поклоном лишь Медди
дерзнула сказать:

«Нынче, как ты, государыня, мало
таких!
Где же нам с этим терпеньем и
верой прожить!
Муж уезжает... На годы пропал о
нем слух:
Ждешь ты, живешь, сирота — ни
жена, ни вдова;
Ждешь, узорочья ему вышиваешь
сидишь,
Подвиги тоже шелками рисуешь

его:

Крепишься, крепишься, стелешь
стежок за стежком, —
Нет да и капнет тебе на работу
слеза...

Ты ведь весь век на гнезде, а ведь
он-то кружит,
Так залетит, что, гляди, и забыл
обо всем!..»

Молча сидела Брингильда в тени,
на скамье.

Умных речей королев уж не слы-
шит давно.

Вдруг она встала, на помост к Си-
гурду взошла,

Сбросила шубу соболью с крутого
плеча,

На руку белый спустила покров с
головы,

Черные косы откинула быстро
назад.

Ферязь на ней золотая, за поясом
нож,

Гладкое, низко на лбу, золотое ж
кольцо.

Сдернув с Сигурда покров с головы

и груди,
Десять зияющих ран обнажила на
ней.

Вмиг отскочила Гудруна и вскрик-
нула так,

Воплем таким, что гуденьем
тот крик отдался

В кованых чашах на полках кру-
гом по стенам.

Точно мечом поразил ее сердце в
упор

Грозных Брингильды очей торже-
ствующий взгляд.

Тут полились, что поток, у Гудру-
ны слова:

«Прочь, ненавистная! Скройся, уй-
ди ты от нас!

Только ты горе и слезы прино-
сишь с собой!

Дело твое — эта кровь! неповин-
ная кровь,

К крови ты с детства привыкла,
что к сладким медам!

Диким аланом, не девкой родить-
ся б тебе!

Чем виноват он, Сигурд, пред то-
бою, скажи?

Тем ли, что между мужей он что
солнце сиял?
Тем ли, что слава его облетела
весь свет?
Видела ты, что, когда выходил он
со мной.
Все расступались, с радостью
глядя на нас,
Ты только черною тучей смотре-
ла, одна!
Летом, когда уезжали они на вой-
ну,
Я не хотела, чтоб с братьями
ехал Сигурд,
Я, как над малым ребенком, дро-
жала над ним,
Три дня, три ночи молила — и
сдался бы он,
Если б не взгляд твой, не сжатые
губы твои,
Это презренье и вместе насмешка
в лице!
Сел уж когда на коня, я упала без
чувств, —
Помнишь, каким залилася ты
смехом тогда!
Смерти его ты уж хочешь, ты
ищешь давно!

Радуйся ж — вот он!.. Твое это дело, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои уж глаза —
Взглядом убьешь, обернешься
медведем, орлом, —
Прежде была, — говорят же, —
Валкирией ты!
Братья приедут — постой! Старшину соберут,
Люб ли Сигурд был народу — узнаешь тогда!

Речь перебить ей хотела Брингильда: «Молчи!»
Вскрикнула снова Гудруна:
«Оставь хоть на миг!
Дай хоть в последний-то раз поглядеть на него!
Ах, государыни! горькая доля моя!
Только как вспомню... вот нынче — поднялся чем свет.
Ходит на цыпочках, сам снарявился, один,
Бережно крался к дверям, чтоб меня не будить, —
Я притаилась, лежу и всё вижу, молчу;

Только он к двери — вскочила, его
обняла, —
Поднял меня, как ребенка, опять
уложил
И — уходил и смеялся, кивнул го-
ловой, —
Только и видела!.. Встала, во двор
выхожу,
Вижу — бежит его конь, его Гра-
ни, один...
«Где ж твой хозяин?» — я в шутку
спросила его.
Конь пал на землю — и слезы из
глаз полились,
Плакал слезами — а мне еще всё
невдомек!
Только вдруг вижу — несут!.. Что
тут случилось со мной!
Я и теперь даже в разум прийти
не могу!
Где я? С какой я упала теперь вы-
соты?
Вот ты хотела, ехидна, чего —
моих слез!
Радуйся ж! Хватит тебе их на
всю твою жизнь!
Пей их, соси их, суши мое сердце,
змея!

Ишь, нарядилась как! Золото,
камни, янтарь...
Точно не смерть у нас в доме, а
свадебный пир!
Бедный мой, бедный!..» И, сильно
руками всплеснув,
Голосом стала рыдать и упала на
одр,
Жаркой к коленям Сигурда при-
жавшись щекой.

Сжалось сердце у всех у пяти ко-
ролев:
Искося взгляд на Брингильду бро-
сают порой.
Стража сурово глядит, на щиты
опершись.
Тихие женщин рыданья в толпе
раздались.
Тихо Брингильда Гудруне в ответ
начала:

«Слушай, Гудруна. Теперь, сколько
хочешь, кляни,
Всё что есть злобы в душе изли-
вай на меня!
Прежде... вчера еще... голос твой,
имя твое

Кровь подымали во мне и мutilи
глаза, —
Кажется, — так бы тебя растер-
зала сейчас!
Только в железной узде я держала
свой дух,
Руки сжимая — ногтями их реза-
ла я!
Нынче ж спокойно, без злобы, от-
вечу тебе!..

Нынче, когда принесен был уби-
тый Сигурд,
В полную грудь мне хотелось
вздохнуть в первый раз!..
В горы ушла я, блуждала по бе-
лым снегам,
Пела во всю свою волю победную
песнь, —
Пела, как в детстве певала по
ранним зарям,
Розовым блеском их тешась на
горных высях!..
«Крошкой Валкирией» звали то-
гда уж меня,
После уж «Грозной Валкирией»
прозвали... Да!
Бросила прялку я, броню одела и

шлем,
Грозной Валкирией — вправду —
являлась в боях:
Меч мой, к кому я хотела, победу
склонял!
Ах, эти годы мои — золотые года!
Я, что орлица, жила в недоступ-
ной выси!
Мелкую тварь, что ютится в но-
рах, по земле,
В жалкой вражде, — и не знала, не
видела я!..
Ах! для чего им хотелось, чтоб
замуж я шла!..

Был у нас замок, — спасенье, я ду-
мала, там!
Замок — и в лето на снегом по-
крытой горе.
Только подъемный над пропастью
подняли мост —
В замок и доступу нет... Царство
вечной зимы!
Только один и цветет там ми-
нутный цветок —
Подле оттаявшей глыбы — фиа-
лок семья.
Вкруг — клокотанье ручьев, водо-

падов грома,
Радуги всюду над ними в алмаз-
ной пыли,
Синее небо и — мир беспредель-
ный кругом!

Я и сказала своим, что туда уда-
люсь.
Только тот смелый, кто в замке
добудет меня, —
Только один он и будет мне муж.
И ушла.

Сколько там дней — и не помню,
не знаю — прошло...
Раз открываю глаза — светозар-
ный ли бог.
Горный ли дух-повелитель лья-
ных этих стран,
В чистом эфире рожденный, в
нетленной заре,
Смертный ли чудной неведомой
мне красоты, —
Шлем золотой, изумленный и ра-
достный» сам,
Меч обнаженный опущен, — сто-
ит предо мной...
Он — этот витязь — он здесь!..

Вот он — мертвый — Сигурд!
Вот, — продолжала, касаясь Сигурда рукой, —
Вот эти волосы в кудрях вились
по плечам...
Бледные щеки румянцем пылали
тогда...
Сжаты уста, но с приподнятой
верхней губой, —
Как отвечали они изумленью в
очах,
Ясному взору, что вместе и грел,
и ласкал!
Миг — и зажглись сердца наши
тем же огнем;
Вот на руках его обручи — види-
те — вот
Эти три — белого золота — это
мои!
Красного — вот на руках моих —
это его!
Тут же, пред ликом небес, обручи-
лись мы,
В вечной любви поклялись и на
жизнь, и на смерть!»
Слушали все, удивленно к ней очи
подняв,
Только Гудруна смущенный поту-

пила взгляд,
Сердце смиряя с трудом, та
опять начала.

«Знали, Гудруна, вы с матерью —
чей был Сигурд!
Знали, что едет он сватов за
мною посылать!
Зельем ли вы опоили его на пиру,
Чарами ль память отшибли, —
но в этот же день
Дочь обручила, Гудруну, с ним
нежная мать!

Что? вы подумали, что же со
мною будет, что?
Жизнь мою, сердце мое — пожале-
ли тогда?
Смерили бездну, куда вы втопта-
ли его,
Бездну, где в вечной ночи нет ни
солнца, ни звезд,
Разве из ада лишь жгучее пламя
пахнет,
Слышны лишь стоны, проклятья
да скрежет зубов
Муки осмеянной — чистой как
небо любви!

С ним — когда ластилась с под-
лой ты страстью к нему,
В неге постыдной гася в нем бо-
жественный дух,
Лаской кошачьей героизм в нем
тщась усыпить,
Думала ль ты, что тут подле
же, о бок с тобой —
Та, чьи обманом украли вы честь
и права,
Та, для которой любовь — это по-
двиг и долг?!
Думала, да!.. но судила о ней по се-
бе:
«О, покорится!.. Не тот, так дру-
гого нашла!
Родом не ниже, красавец, Морской
же Король» —
Душу, несчастная, в разум-то
взять ли тебе,
Душу — небесный тот свет, что
нам светит в богах,
То, что в Валгалле нас вводит в
их радостный круг!

Слушайте ж все теперь. Да! это
дело — мое!
Всё, как задумала, всё довела до

конца.

Сватов Гуннара заставила вы-
слать ко мне.

В дом их, в семью их — невесткою
ей — я вошла.

В муже — и в братьях ее стала за-
висть будить.

Стала им зло на Сигурда нашеп-
тывать я.

Стала пророчить им тяжкую до-
лю и стыд.

Будет, твердила, Сигурд здесь
один королем.

Мужу Гудруна покоя не даст ни
на миг —

Со свету всех нас сживет или пу-
стит с сумой.

В рунах стоит: «На Сигурда — Си-
гурдов лишь меч».

Меч его надобно было тихонько
достать.

Ночью — вы спали — в светлицу
прокралась я к вам...

Месяц тебя освещал у него на гру-
ди,

Меч же высоко над вами висел на
стене:

Через тебя я ступила, чтоб

снять его там...

Мысль: «Не тебя ль заколоть?» —
промелькнула, но вмиг,

Как от шмеля, от нее отмахну-
лася я!..

В ночь это было вчера, а с зарей
этот меч

Сделал уж дело свое — у Гуннара в
руках!

Да, у Гуннара, и все твои братья с
ним, — всех

Я натравила и в волю свою приве-
ла...

Волчью срубила им печень с кус-
ками змеи,

В крепкую брагу — из жабы им
желчь подлила, —

Ели и пили всю ночь — и озлились
вконец!»

В ужасе Медди к Урлунде прижа-
лась плечом.

Ждут с любопытством Герварда
с Гермундой конца;

С дрожью всем телом провидица
Гильда сидит.

Пристальный взор свой соколий в

Брингильду вперив.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши
лицо.
К ней обратила Брингильда по-
следнюю речь:

«Слушай. Теперь в моем сердце
нет зла на тебя.
Всё, что давило, как снег растопи-
лось с души,
Ей и легко, и светло-как тогда, на
горе,
В замке, в тот миг, как Сигурда
увидела я.
Даже... тебе утешенье могу я ска-
зать...
Взор мой в грядущее видит те-
перь далеко...
Крови там... крови... В крови ваш
погибнет весь род...
Этли отмстит за Сигурда... но
ты... ты найдешь
В мстителе счастье свое... и забу-
дешь о нас...
Разве как сон какой вспомнишь,
как будто твой дух
В чудное царство взлетал, где всё
чуждо ему,

Где всё давило, как вечные горы,
его —
Люди, их облики, души и замыслы
их, —
Вспомнишь — душа содрогнется,
как робкий пловец,
Вдруг очутясь в океане на утлой
ладье,
И пожелаешь домой, поскорее до-
мой,
К детям и мужу, к рабыням и
прялке своей.

Будет ужасен на первое время
мой образ тебе!
Злой и холодной Валкирией буду
казаться я вам, —
Новое ж счастье тебя и со мной
примирит.
Этого счастья, ты скажешь, она
б не могла
Здесь ни себе, ни другому кому-ли-
бо дать, —
И скажешь правду!.. Не здешнее —
счастье мое!
Счастье мое — и не здешняя мера
ему,
Счастье мое без конца, без преде-

ла и — с ним!»

Властно перстом на Сигурда при
сем указав,
Радостным вся торжеством про-
сияла она,
И, как бы взором во глубь прони-
цающая небес,
Медленно, голосом твердым, ска-
зала еще:
«Боги с престолов своих уж взира-
ют на нас,
Мчатся навстречу валкирии к но-
вой сестре,
В славу героя герои мечами сту-
чат о щиты —
Брачный в Валгалле готовят нам
пир».
И, обратившись к рабыням: «По-
дайте венец», —
Словно на пир, неспешно, наде-
ла его.
Встала коленом к Сигурду на одр
и еще
Слово сказала: «Последняя воля
моя —
Вы на одном нас с Сигурдом со-
жгите костре».

Тут же, на ферызи с петель за-
стежки разняв,
Грудь обнажила и, сердце ошупав
рукой,
К месту меж ребер приставила
нож острием.
Сильно ударила правой рукой ру-
коть
И, пошатнувшись, упала Сигурду
на грудь.
Вскрикнули Медди с Урлундой.
Гудруна глядит,
В страхе широко прекрасные очи
раскрыв,
Словно не в силах всё бывшее мыс-
лью обнять.
Древняя ж Гильда, порывисто с
кресел вскочив,
Прядями белых волос потрясая,
одна,
Руки воздев, восклицала в наитыи
святом:
«Слава, Брингильда, тебе,
Мужа обретшей навек в безраз-
лучную жизнь!»

1888

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ
ВОШЕДШИЕ В ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 1893
ГОДА

СТИХОТВОРЕНИЯ

В. Г. БЕНЕДИКТОВУ

*Стражи мирной нашей хаты,
Деревенские пенаты,
Вас приветствуют, поэт!
Вы примите в уваженье
Их простое приношенье,
Дружелюбный их привет.*

*Где гремел, при ярком стуке
Хрусталя и серебра.
Под литавр воинских звуки,
Праздник Третьего Петра;
Где, на бреге усыпленном,
Серых камней дикий свод
Лобызают всплеском пенным
Беглецы балтийских вод;
Где каштаны и сирени
Темной зелени шатром*

Оселяют сельский дом —
Мирный храм мечты и лени:
Там есть скромный уголок,
Аонидам посвященный,
Где готов для вас венок,
Чистой дружбой соплетенный.

Не лимонные сады,
Не восточные фонтаны,
Не гесперские плоды,
Не гремучие тимпаны
С звуком цитры золотым
Наши сени оживляют;
Но, поверьте, чаще к ним
Сны веселые слетают,
Чем к палатам дорогим.
Вместо амбры, в них дыханье
Трав от скошенных лугов;
Вместо пышного блистанья
Златом убранных дворцов,
Для гостей не слишком строгих
Стол со скатертью в углу,
Пара стульев колченогих,
Книг вязанка на полу,
Но приволье, но прохлада,
Но весенний фимиам,
Томный говор водопада,
И гулянья по ночам.

Вот, из моря величаво
На золотые облака
Выйдет витязь светлоглавый,
И багряная река
Вдоль по морю кровью хлынет;
Ночь от вод и от берегов,
Встрепенувшись, отодвинет
Свой таинственный покров...
Сладко первый луч Авроры
Свежей грудью принимать,
И бестрепетные взоры
В очи солнцу устремлять!
Но когда багряным шаром
В небеса оно взойдет
И лучей палящим жаром
Воздух утренний нальет —
Стихнут воды, отягченный
Чуть дрожит на ветке плод,
Раздается отдаленный
С зеленеющих лугов
Топот стад и звук рогов;
Здесь, в колосьях пышной нивы,
Серп сверкает и стучит,
И по роце говорливой
Сталь упругая звенит;
Там, у берега, опочило,
Нежась, зеркало зыбей,
Реют белые ветрила,

Будто стаи лебедей,
А за ними в ткани дымной
Ждет их брег гостеприимный...
О, отрадно той порой,
Сбросив тягостные платья,
К морю кинуться в объятья,
Свежей брызгаться струей!

А когда парчой звездистой
Ночь окинет горный свод,
В роще дремлющей вспорхнет
Песнопевец голосистый,
Гимн его — то арфы звон,
То души глубокий стон —
Упадет и вновь воспрянет,
Как свирель и как гроза,
И с цветка безмолвно канет
Серебристая слеза;
Здесь, над озером стеклянным,
В гладкой скатерти воды,
Опыленные туманом
Дубов смотрятся ряды;
Там, сквозь листья ивы дикой,
Серповидный, серебрикий
Сыплет месяц из ветвей
Бледный дождь своих лучей.
О, как сладостно трепещет
Грудь в таинственный сей миг,

*А в устах горит и блещет,
Замирая, вольный стих!*

*Наши лары и пенаты
Вам привет заздравный шлют
И под кров пустынной хаты,
Низко кланяясь, зовут.
Научите, как к союзу
Сельских фавнов и дриад
Вашу доблестную музу
Заманить в наш вертоград.*

1838, Ораниенбаум

ЛУННАЯ НОЧЬ

*Тихий вечер мирно над полянами
Сумрак синий в небе расстирал,
Главы гор оделися туманами,
Огонек в прибрежьи засверкал,
И сошло молчанье благодатное,
Дремлет, нежась, зеркало зыбей:
Лишь в поморьи эхо перекатное
Вторит глухо песням рыбаей.*

*Чудный миг! Вечерние моления
С фимиамом скошенных лугов
День увлек к престолу Провиде-
ния,
Будто дань земных его сынов.*

Ангел мира, крыльями звездисты-
ми,
Навевает сон и тишину,
И зажег над долами росистыми
Стражу ночи — звезды и луну.

Вот пора святая, безмятежная!
Взор, блуждая, тонет в небесах...
Эта глубь лазурная, безбрежная,
Говорит о лучших берегах.
Что же там, за границу конечно-
го?
Что вдали сиянье звезд золотых?
То не окна ль храма вековечного?
То не очи ль ангелов святых?

Не живая ль летопись вселенная,
Где начертан тайный смысл чу-
дес?..
Кто постигнет руны довремен-
ные
Этой звездной хартии небес?
Слышу, грудь восторг колеблет
сладостный,
Веет на душу безвестный страх,
Будто зов знакомый ей и радост-
ный
Ей звучит в таинственных сло-

вах...

*То не глас ли от глубокой Вечно-
сти,
Голос божий? то не он ли нас,
Пред лицом туманной бесконеч-
ности,
Поражает в полунощный час?
Дух наш жаждет, в этот миг
молчания,
В сонм святых архангелов взле-
теть
И в венце из звезд Отцу создания
С ними песнь хвалебную воспеть.*

1838, Ораниенбаум

ЧЕРНОГОРЕЦ

*Нет у меня ни стад рогатых,
Ни златокованных коней,
Ни чепраков, ни узд богатых,
Ни городов, ни кораблей;
Ко мне не шлет алжирский бей
Послов с обильными дарами —
Мечей с насечкой золотой,
Ни бус, ни пленницы молодой
С победоносными очами.*

Иные блага у меня:

Подземных родников струя,
Леса в зеленых их уборах
Да пес на страже ночь и день,
Ружье двуствольное, да порох,
Да верно ввинченный кремень,
Да свод пещер, да хмель у свода.
Да горы, — а в горах свобода.

1839

ЧУДНЫЙ ВЕК

Был чудный век, но век сей золотым
Не нарекли потомки в ослепленьи,
Хотя ему хвалы и славы дым
Они кадят в немом благоговеньи,
Хотя и их сиянием своим
Объемлет он, как ангел вдохновенья,
В тот век, в его горниле закален,
Был новый мир из пепла возрожден.

Тот чудный век не Греции блаженной
Ниспослан был Юпитером с небес:
Он воссиял в стране, загромож-

денной
Цепями гор; в стране, где вьется
лес
Средь блат и тундр; в той храми-
не священной,
Где льды горят, как в храмине чу-
дес,
При зареве и пламенном блиста-
ньи
На севере кровавого сиянья.

Не пастырем скитался человек:
Он золото нив в степях разлил вол-
нами;
Не бедный челн скользил по лону
рек:
Котлом моря вскипали под суда-
ми,
И Беринга могучий руль рассек
Льдяную грань между двумя ми-
рами,
И царство вдруг восстало, дрог-
нул враг,
И загулял в морях наш белый
флаг.

В тени дубов коломенских, сми-
ренно

*Возрос небес помазанник молодой.
Там изучал, в тиши уединенной,
Все язвы он страны своей родной,
И, прадедов ошибкой наученный,
Он скиптр приял, как бога жезл
святой,
Небес мечом перепоясал чресла,
Воззвал... и Русь из бездны тьмы
воскресла!*

*И сам венец он слил ей на главу;
Сардамский млат скрепил ее ос-
новы
И выковал ей меч и булаву;
Петра топор громовый сбил око-
вы
С широких врат в Европу; а в Неву
Приял гостей младенец — город
новый...
Был чудный век, но золотым сей
век
Потомков глас в смущеньи не на-
рек.*

1839

**«ТУДА, ГДЕ МОРЕ СПИТ У СКАЛ
ПИРАМИДАЛЬНЫХ..»**

Туда, где море спит у скал пира-

мидальных,
В священной дикости лесов патриархальных,
В пустынной глубине таинственных дубров,
Сокрой святую скорбь, питомец злополучья!
На торжище сует, при оргиях пиров,
Ты не найдешь душе своей созвучья.
Но там, где нет людей, где вокруг запечатлен
Еще господень перст в гармонии созданья,
Пади на грудь скалы, ей вверх свои страданья,
И, голову склоня у царственных колен,
Поведай тайну ей. Ни пенистые волны,
Ни томный скрип дерев ее не разнесет:
Она ее навек в груди своей запрет...
Ее участие глубоко и безмолвно!

1839, Ораниенбаум

«ЛЮБЛЮ НАД РЕЙНОМ Я ГРОМАДНЫЕ
ТВЕРДЫНИ..»

*Люблю над Рейном я громадные
твердыни,
Как гнезды орли на гребне диких
скал.
Там буйствовал восторг; глас че-
сти созывал
Воителей на брань к спасенью
благостыни.
Такой ли в вас огонь пылал в годи-
ну сеч,
Наследники гербов их, славы и гор-
дыни?..
Бессмысленны для вас обломков
их святыни,
И дремлет в бурю войн ваш праде-
довский меч!*

*Так, сада дикого среди пустынной
чащи,
Где некогда фонтан взвивал кри-
сталл шумящий,
Из урны треснувшей разросся
злак густой;
Где с скал рвалась волна, шумя
как бездны ада,
Чуть вьется слабый ток по руслу*

водопада,
И заросла плющом и длинной осо-
кой
Листовенчанная из мрамора ная-
да.

1839, Ораниенбаум

В. А. С.....У

Опять судьба переселила
Меня под тот счастливый кров,
Где море тихо опочило
В объятьях диких берегов;
Где наше северное небо
Порой как южное горит
И жар зиждительный дарит
Лугам и пышным всходам хлеба.
С какой отрадой встретил я
Зеленошумные деревья,
К себе на летнее кочевье
Опять призвавшие меня!
Как жадно я на воды моря
С крутого берега взирал,
И волн в шумливом разговоре
Знакомый голос узнавал!
Опять завидовал я быту
Питомцев моря, рыбаблей,
Их жизни бурной и забытой
На лоне гибельных зыбей,

Их мирным хижинам по берегу,
Где труд живет ночную негу,
Их белопарусным ладьям
И их дымящимся кострам.
Я посетил, восторга полный,
И тот пустынный, дальний мыс,
Где сосны густо разрослись,
Где с тростниками шепчут вол-
ны...

Люблю печальные места,
Приют свободных вдохновений!
Но звать ли вас под наши сени,
Питомца дела и труда,
В объятья сладостных лени?
Не дикость наших берегов,
Не прелесть северной природы,
Обломки скал, шатры дубов
И шумно плещущие воды
Влекут ваш взор: приют иной
Мечта вам тайная рисует;
Страна иная вас чарует,
Маня под кров приветный свой, —
Туда, где древняя Гренада,
Дитя Аравии, цветет
Под сенью пальм, под говор вод,
Средь пышных гроздий виногра-
да...
Там, средь обломков древних дней,

Величье гордое блистает,
И темный мирт, как черный змей
Над белой грудой костей,
Пустынный мрамор повивает...
Но тщетно пурпур и лазурь,
И стих Корана громозвучный
С него сгоняет сила бурь:
Среди Альгамбры злополучной,
Где в чудных мускуса волнах,
При звуках цитры, на коврах,
В восточной неге утопая,
Краса покоилась младая,
Поныне грозно на стенах
Гербы халифские блистают;
Поныне гордые главы
Кариатиды поднимают,
И раззолоченные львы
Кристалл звенящий изрыгают.
Туда летите вы мечтой!..

Там солнце льет лучей разливы
На влаги жаждущие нивы
И померанец золотой;
Там пахарь, сын беспечной лени,
Бежит под пальмовые тени,
И андалузски табуны
Несутся в поле, вея гривой,
Или над бездной конь пугливый

Вдруг стал и внемлет плеск вол-
ны;
Там ночь из снежных гор подъем-
лет
Янтарный месяц над рекой,
И кипарис, и пальма дремлет,
Кивая сонной головой.
В волшебном сумраке Гренады,
При плеске усыпленных вод,
Лишь стих влюбленной серенады
Любовник пламенный поет:
«Явись ко мне, мой ангел нежный,
Мой милый друг, мой светлый
рай!»
И ручка белая небрежно
Роняет, будто невзначай,
Букет с чугунного балкона...
Всё спит вокруг! Чудесный сон!
Как густо воздух напоен
Дыханьем бледного лимона,
И мирт рососою окроплен,
И тихим звоном мандолины
Как очарованы долины!

1839, Ораниенбаум

КОНЕЦ МИРА

Пируй в огне и фимиаме,
Порок, венчайся на земле!

Витийствуй в дерзостной хуле
Богонепротивными устами!
Свой трон золотой воздвигнул ты
В обломках падших святых:
В чаду убийства и гордыни,
До этой грозной высоты
Тебе ступени были — трупы!
И ты восшел, как некий бог,
На святоотечественный чертог,
Попрал ливанских кедров купы;
К твоим стопам поверг Офир
Трудами купленное золото,
Янтарь и пурпур гордый Тир,
Питомец степи и булата
Стада кипучих кобылиц.
Как остов тлеющий гробниц,
Ты отвратительность нагую
Одел в виссон и ткань золотую,
И жертва буйства твоего,
Обрызган кровью, стонет пра-
вый..
Но небо зрит твой пир лукавый
И язвы тяжкие его:
И придет миг — миры вселенной
Вдруг остановятся в пути;
Собор творения мгновенно
Отчет великий принести
Пред лик божественный предста-

нет...

О! неожиданно тогда,
Светло, торжественно настанет
Святой и грозный час суда!
Творец речет, громopodobно
Архангел брани возгремит,
Труба усопших пробудит,
И камень ринется нагробный,
И червь отпрянет от костей,
И кости вновь соединятся
И вновь из праха облачатся
Земною ризою своей...
Блажен, под знаменем любви
Чья ярко блещет правота,
Чья риза белая чиста
От жгучих пятен братней крови!

1839, Ораниенбаум

РАДОСТЬ

Долго ль радости сиянье
Озаряет темный мир?..
Други! сядем ли за пир,
Сотворивши возлиянья
Вин на жертвенник богов
По начаткам от плодов;
Пышно чаши золотые
Темным миртом обовьем;
Осеним чело венком

Алых роз; струи живые
Кипра пеной осребрим;
Храм веселья ярым воском
Озарим, и огласим
Пирных песен отголоском:
Что ж?.. Еще горят огнем
Розы свежие Пестума,
А, как ворон черный, дума
Тенью вьется над челом!

1839

ИЗМЕНА

Алой ризою играя,
Быстро Цинтия младая
Покидала небеса.
«Подожди, богиня тени,
Оставляй восточны сени,
Тмить долины и леса.
В час, как Геспер засребрится
И в густые тростники
Белый лебедь удалится
И вечерний луч, с реки,
Плеща крыльями, окликнет, —
Под скалою в этот грот
Нимфа резвая придет
И к груди моей приникнет...
Но уж гаснет синий свод,
Спит тростник в поморьи диком,

Геспер светит, рощи спят,
Белый лебедь томным кликом
Уж приветствовал закат...
Подожди, богиня тени,
Покидать восточны сени,
Росы долу рассыпать.
Горы мраком устилать!»

Я молил; но в тверди чистой
Вея мантией звездистой,
С синим факелом в руках,
Ночи мирная царица
Мне явилась в небесах:
Быстры кони, колесница
Черной тканью обвиты;
Сонмы бледных привидений,
Грезы, призраки и тени
Вкруг вились средь темноты;
В кудри девы мак росистый,
Зыбкий колос вплетены,
И звездой сребролучистой,
Как венцом, озарены.
И небесная с любовью
Улыбалась мне в тиши
И бросала к изголовью
Маки пестрые свои...
«О, помедли в быстром беге,
Дщерь небес, не улетай!

*И лобзаньем тихой неги
Ты лобзай меня, лобзай!»
Я молился, но сияла
Уж Аврора в небесах,
Солнце пышно всплывало
Утра в розовых лучах.*

1839

ВЕНЕРА МЕДИЦЕЙСКАЯ

*Между археологами и художниками
существует поверье, что статуя, из-
вестная под названием «Венеры Меди-
цейской», есть изображение одной
римской императрицы.*

*«Невольницы мои младые!
Курите чистый фимиам,
Развесьте ткани шелковые,
Рассыпьте по цветным коврам
Гирлянды розанов душистых
И померанцевых цветов,
И, выжав брызги вод струистых
Из золотых моих власов,
Их благовоньем умастите,
И, диадимой осенив,
На грудь высокую пустите
Змеистых локонов разлив.
Пусть изумруд и жемчуг млеч-*

ный

По шее цепью упадет,
Порфира алая беспечно
Тунику белую повеет.

На триумфальной колеснице
Златовенчанною царицей
Я вниду в семихолмный Рим.
Пусть, преклонен к стопам мо-
им,
Тогда народ его упрямый
Меня богиней наречет
И рабски мне из рода в род
Жжет фимиам и зиждет храмы!

Чья грудь так гордо, высоко
Вздымает волны снеговые?
Чьи гуще косы золотые?
И чьи ланиты так легко
Сияют заревом денницы?..
Где мне соперницы, о Рим?
Не вы ли, с блеском подкупным,
Продажные порока жрицы?..
Пред строгой гордостью моей,
Пред блеском царственной осан-
ки,
Замрет невольно яд речей
И взор неистовой вакханки.
Сразит ли он, сей взор немой,

Молньеметательные очи?..
Прочь, прочь! Вы бледны предо
мною,
Как бледны звезды синей ночи
Перед денницей молодой!
Я в Рим явлюсь, как к рощам Кни-
да
Являлась пышная Киприда
На колеснице золотой,
Влекомой плавно лебедями,
И жертв веселыми огнями
Горел алтарь ее святой».

Так говорила молодая
Царица Рима, покидая
Купальни мраморной струи,
Волнами легкой кисеи
Роскошно члены обвивая,
И, сладким трепетом полна,
В ковры кидалась она.

И вот красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство мысли вдохновенной
На мрамора обломок бранный
И это гордое чело,
Венчанное красой Изиды,
И стройный стан, и снег груди:

*И Рим нарек ее Кипридой!
И Рим молился перед ней!*

*Прошли века. Их молот твердый
Величья храмы раздробил;
Внесенный к небу мрамор гордый
Перун завистливый сразил;
Мифологические боги
Забыли пышный Пантеон,
И бродит нищий, тать убогий,
В пыли дорических колонн.
Как труп, как остов молчаливый,
Лежат в песках золотые Фивы:
Там блещет змей, иль, беглый
раб,
Степной скрывается араб...
Но вы, обломки величавы,
Которым гений чистоты
Лучами вечной красоты
Одеял мраморные главы!
Как завещание веков,
Вы сохранились среди гробов.
Не жертвы кровь, не бледный пла-
мень,
Не фимиама легкий дым
Объемлет жертвенный ваш ка-
мень:
Нет, блещет даром он иным!*

На нем сияет вдохновенье,
Восторг, как фимиам, горит,
И, чуя бога, в умиленьи
Душа трепещет и кипит.

1839

СЛАВА

Какой таинственной силой
Влечешь нас, дивная, к себе?
Старик над бездною могилы
Еще мечтает о тебе;
Тебя безумно юность ловит,
Подъяв Алкидовы труды,
Тебе на жертвенник готовит
Их многоценные плоды.
Ирисы лентой лучезарной
Пред ней ты стелешь жизни
путь...
Сирена пышная! Коварной
Твоя любовью дышит грудь!
Сияя в ризах триумфальных,
В короне звезд и пальм венчаль-
ных
Ты перед жадною толпой
Поешь, прельстительница, пля-
шешь,
Зеленым лавром гордо машешь
И ослепленных манишь рой

*К тобой воздвигнутому храму:
Но горе тем, кто за тобой
Идет к венцу и фимиаму
Злаченных терниев тропой!*

*Так змей, на солнце греясь, блещет
Сребром и золотом чешуи;
Свиваясь кольцами, трепещет,
Как влаги светлые струи.
Но не ходи, о, путник дальный,
К его броне сизокристалльной,
К его блистательным красам:
Тебя приманит он, а там
Столпом подымет, с размаху
Клубами обовьет тебя,
И, жало в сердце утопя,
С тобой покатится по праху.*

1839

ПЕВЦУ

*Когда поносит чернь хулою
Тебя, божественный певец,
И святотатственной рукою
С главы срывает твой венец,
Еще ты можешь сладким мукам
Ожесточенных грудь открыть,
Священной арфы ярким звуком*

Подъяту длань окаменить,
И, разволнованы и сжаты,
Сердца почуют твой напев,
И, укрощен, приляжет лев
К твоим стопам главой косма-
той.

Но если, буйные, они
Глагола мира и любви,
Как гробы хладные, не слышат;
Когда, под гимн молебный твой,
Как пред архангельской трубой,
Они коварной злобой дышат:
В последний раз ты обойми
Златую арфу со слезами,
И струны вещице перстами
Со звонким грохотом порви!

1839

ДОРИДЕ

Дорида милая, к чему убор бле-
стящий,
Гирлянды свежие, алмаз, огнем
горящий,
И ткани пышные, и пояс золотой,
Упругий твой корсет, сжимаю-
щий собой
Так жадно, пламенно твои красы

младые,
Твой стройный, гибкий стан и
перси наливные?..
Нет, милая! Оставь, оставь улов-
ку ты
Нас разом поражать и блеском
красоты,
И блеском пышных риз. Явись мне
не богиней:
Благоговение так хладно пред свя-
тыней!

Я не его ищу. Явися девою мне,
Земною девою. Со мной наедине
Ты косу отреси из-под кольца
златого,
Сорви с своей груди рукой своей
перловой
Ту розу бледную, желанный дай
простор
Горящим персям. Пусть непри-
нужденный взор
Забудет все любви приманки!..
Друг мой нежный!
Пусть сердце юное волнуется мя-
тежно,
Пускай спадет во прах и злато, и
жемчуг

*С твоих роскошных плеч, с полу-
прозрачных рук...
Ах, боже мой! Как ты мила, как
мил и сладок
Одежды и речей волшебный беспо-
рядок!*

7 октября 1840

**МАГДАЛИНА
(Эскиз)**

*Посмотри: прикрыв власами
И косматой кожей льва
Стан свой, в гроте, меж скалами,
Дева. Бледная глава
Оперлась в изнеможеньи
Грустно на руку; в другой —
Сей символ уничтоженья,
Белый череп гробовой.
Злато, пышные одежды
Топчет с гордостью нога,
Очи подняты с надеждой
Ко кресту из тростника.*

<1841>

ПЕРИ И АЗРАИЛ

*Останови свой меч горящий
В долине бранной, Азраил!*

Повсюду смерть и огонь кипящий
Он по земле распространил;
Везде, где человек ни ступит,
На серебро ль полярных льдов
Иль огонь тропических песков, —
Он их костью своими купит,
Он их обрызгает в крови!

Мой меч недаром обагрят
Дождем кровавым грудь земли:
Где только кровь ни напоят
Творящей силой бедный прах, —
Как ночью звезды в небесах,
Как клас от темного посева,
Как из зерна младое древо,
Растут и блещут города;
В священный храм ложатся ке-
дры,
Кидают мрамор горны недры,
Ширококрылые суда
Текут в реках окровавленных,
И на костях не погребенных
Народ престолы создает
И скиптр с венцом себе кует.

«ДОЛИН ЕВФРАТОВЫХ ЦАРИЦЫ..»

Долин Евфратовых царицы,
Прекрасны розы на заре,

Блестя в росистом серебре
И ярком пурпуре денницы,
Еще милей, когда венком,
Роскошно, с зернами алмаза,
Они блистают над челом
Младой красавицы Кавказа.
Прекрасен перл, цветок морей,
Затворник раковин беспечный;
Но он прекрасней, нитью млечной
На шее мраморной у ней,
По груди пышно рассыпаясь
И в черных локонах теряясь.

<1841>

«ОТВЕРГЛА ГОРДАЯ МОЙ ЧИСТЫЙ ЖАР
ЛЮБВИ...»

O femina, semper mutabile...[92]

Отвергла гордая мой чистый
жар любви:
На все моления, на клятвы все
мои,
Она улыбкою презренья отвеча-
ла!..
Но прежде для чего искусно разду-
вала
В горячем сердце огонь? Зачем все-
гда со мной

Была так искренна? Зачем, на
мне порой
Свой взор рассеянный остановив
случайно,
Смущением моим так любова-
лась тайно?
Зачем порою речь из милых уст
ея
Текла то медленно, то бурно... и
меня
Меж юношей ее искали взоры?
Что значат скрытый вздох и роб-
ки разговоры?
Уловки женские!.. Но, гордая,
прийдет
Твоя пора! Твой час мучительный
пробьет!
Узнаешь ты любовь!.. Над ложем,
в тайном мраке
Напрасно будет сон свои цвети-
сты маки
Бросать тебе: сама ты их отверг-
нешь! Ты
Единый светлый лик узришь средь
темноты;
Ты станешь, страстная, склонясь
на пух суровый,
И плакать, и молить, шептать

одно лишь слово;
В немом томлении и с жаждою
любви
Прижмешь подушку ты к пылаю-
щей груди,
И будут жаркие уста твои, бу-
шующая,
Искать горячего невольно поце-
луя!

<1841>

МСТИТЕЛЬ (Скандинавская баллада)

Не пускайся в море сине
За невестой, конунг мой!
Верь предчувствию — а ныне
Море нам грозит бедой.
— «Мне ли верить, о мой латник,
Бабым сказкам! Храбрый ратник
Вечно тверд. Гремит гроза —
Против бурь нам боги дали
Весла, руль да паруса;
На коварство ль, на врага ли —
Меч, да конь, да лук тугой;
На охоте — роги звонки,
Псы, да стрелы, для догонки
Легких ланей в мгле лесной».

Готовятся ладьи. Лобзая пяты
скал,
Вкруг ропщут сумрачные воды.
Закат пурпуровый их главы обли-
вал
Златыми искрами; темнели неба
своды;
Леса широкие синелися вдали;
Утесы, и на них Гаральда замок
черный,
Между зеленых сосн обнявших
скаты горны,
Дремали у моря, и тихо прилегли
К водам серебряные ивы.
В воскресшем царстве зим всё
грозно, молчаливо,
И птицы хищные одне
Между утесами у гнезд своих ви-
тают
И бури, спящие в пещерной глуби-
не,

Зловещим криком вызывают:
«Пробудись, о, ветер мощный!
Тучи в небо вызывай!
Край широкий полунощный
К брани злой вооружай!
Где потока вал кипучий

В море синее упал,
Там Гаральд, орел могучий.
Свил гнездо на гребне скал.
Презирает вас он, бури!
Вас на брань зовет с собой.
Взвейте тучи по лазури,
Волны вспеньте вы горой!
Волны бранью заиграют,
Строй за строем полетит
И размоют, раскидают
Замка страшного гранит».

Но дремлет шумный вихрь и бури
роковые
В ущельях и скалах, склонясь на
мхи седые.
Гранита ль надобно перунам гро-
мовым?
Он, моря колыбель, под ними
недвижим.

«Принесли иные вести,
Духи спящие, мы вам.
С пира брани, с пира мести,
По Ботническим волнам
Корабли Гаральда мчатся:
Горы золота и серебра,
Горы перлов в них хранятся,

Мех медведя и бобра,
И сигтунская кольчуга,
Поморян янтарь и мед,
Вина фряжские, и с юга
Золотой здесь чуждый плод —
Мигом верви оборвите
У летучих кораблей,
Их богатства размечите
В глубь Одиновых зыбей!»

Всё дремлет грозный дух; во мраке
вихри зреют;
Пред ним спят молнии и громы
цепенеют.
У моря ль шумного сокровищ нет
на дне,
Таящихся в тиши в безвестной
глубине?

«Знаем, ты любил, бывало,
С бедной девою играть,
Рвать от персей покрывало,
Щеки бледные лобзать
Поцелуем леденящим.
Посмотри! По безднам спящим
Мчится юная чета:
Гордый враг твой мчит орлицу
В недоступную светлицу

Над-утесного гнезда.
Там уж древний дуб пылает,
Скальд поет и мед сверкает...
Посмотри, как прилегла
Дева к другу головою
И дрожащею рукою
Стан героя обвила.
Иль не видишь их лобзаний?
Иль не слышишь слов любви?
Встань, у челна взмахом длани
Белый парус оборви
И невесту молодую
Ты прими на грудь лдяную,
Заласкай и зацелуй!..
К мести!.. Взвейся и бушуй!»

Проснулся бури царь, расправил
крылья сизы,
Седые волосы по ветру распустил,
Завыл и засвистал, облекся белой
ризой,
И к мести молнии, как факел, за-
палил.

<1841>

ИТАЛИЯ

Повита миртами густыми,
Страна искусств, страна руин,

Под звучным говором пучин,
Ты, убаюканная ими,
Как в колыбели, мирно спишь...
Твой кончен век!.. Как старец хи-
лый,
Ты погреблась в свои могилы...
Но их торжественную тишь
Зачем, молодые поколенья,
Тревожить вам? Зачем с гробов
Срывать последний их покров —
Кудрявый плющ, символ забвенья?
Хотите ль на обломках тленья
Вы имя, скрытое в веках,
Прочесть в рунических чертах?
Триумф гробниц ли их убавить,
Хозяев прежних их изгнать,
Чтоб после нагло осмеять
Или бессмысленно прославить?
Страна величья! Мрамор твой
Давно попрал пришлец чужой
И пыль седая спеленала...
О, где сыны твои? Зачем,
Как прежде, вняв угрозам галла,
Не взденут гордо бранный шлем,
Не вскинут ржавое забрало?
Где Цезарь? Кто их кликнет в бой
На за-альпийские языцы?
Зачем старик, как лунь седой,

Не двинет манием десницы?
Зачем не выше всех корон
Его духовная корона?
Зачем, когда выходит он
И с ватиканского балкона
Благословляет мир и град,
Народы в страхе не дрожат
Его анафемы громовой?..

Умолкли бранные мечи,
Но льются звонкие ключи
От Альп в ломбардские дубровы
Поить руин твоих плющи;
Как прежде, вскормленные кро-
вью,
Твои холмы осенены
Оливой, с вечной к ним любовью,
И в виноград оплетены.
Но не срывать твой персик соч-
ный,
Не ждать верховного суда,
Текут к берегам твоим суда
И с Альп народы полуночны:
Недвижный мраморный народ
На поклоненье их зовет —
Немые памятники славы.
Их много там залито лавой,
Зарыто в смрадных погребях,

*Иль в галерее величавой,
Иль в вековых монастырях...
Так море, бури в час мятежный,
Набегом берег затопив,
Уходит, жемчуг обронив
Волной утихшей и небрежной...
Себе толпу поработил
Там облик мальчика лукавый;
Там Леды лебедь среброглавый,
Там лиры бог, там полный сил
Алкид, и лев его немейский,
Там лик Сибиллы чародейский,
Там образ горней чистоты
В небесной деве Рафаэля,
И роскошь женской красоты
В нагой Киприде Праксителя.*

<1841>

ДВА ГРОБА

*Богат наш край дарами горных
недр,
Закамским серебром и золотом
Алтая:
Вдоль ребр его порос сибирский
темный кедр,
И брызжет влага голубая;
Покинув страны тундр, родные
озера,*

Гранит Финляндии блестит, во
град сложенный,
И, творческим резцом преобра-
женный,
Стал грозным сторожем под об-
разом Петра.
Леса, пробуждены державною се-
кирой,
В пловучих городах летают по
морям;
Внимают воды рек ликующим
пловцам;
Оделись пажити цветущею пор-
фирой;
Вкруг скал таврических богатый
виноград
Блестает в гроздиях золотопро-
зрачным соком;
Долины Грузии цветут под топот
стад;
В даль синюю морей глядят
строптивым оком
Средь флагов пристани и ждут к
себе судов;
Есть много ратников и огнемет-
ной меди...
Но слава нам дана не блеском го-
родов,

Не громкой пышностью прадедов-
ских наследий,
А славой двух прославленных гро-
бов.

Один среди степей. Вокруг вихри за-
выывают;
Волнуясь, ковыль выводит песнь
над ним,
И грозные орлы, шумя, над ним
витают
И кости стерегут под небом сте-
повым.
Померкла там звезда молодого
Скандинава,
И пепл ее сокрыт под грудю ко-
стей.
Тот гроб — нагая степь; в гробу
почила слава;
Носилки бранные — надгробный
мавзолей.

Другой... над ним трофеей воздвиг-
ся знаменитый:
Под сенью дряхлых стен москов-
ского Кремля
Другая слава спит, другое солнце
скрыто...

*Гиганта погребла московская
земля!*

*Взманив к себе на грудь увенчан-
ного змия,*

*В объятиях его замучила Россия,
И гробом стала. Там, над гробом
сим святым,*

*Не волны ковыля, не клики воль-
ной птицы, —*

*Твердыни и сады ликующей столи-
цы*

*И пение молитв, кадила сладкий
дым.*

*Вот два сокровища народной
Немезиды,*

*Трофеи славные мужающей зем-
ли!*

*Познавши крепость мышц и доб-
лести свои*

*И кровью искупив границ своих
обиды,*

*На памятники те мы твердо
оперлись;*

*В обломках сих гробов мы славой
упились;*

*Сорвав с двух падших звезд лучи их
золотые,*

Их свили над главою блистатель-
ным венцом
И гордо высились... Почти ж гроба
святые,
Не оскорби ни речью, ни стихом
Залогов гордости полунощного
трона —
Носилки Карловы, венец Наполео-
на!

Март 1841

НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА

И он угас! и он в земле сырой!
Давно ль его приветствовали
плески?
Давно ль в его заре, в ее восходном
блеске
Провидели мы полдень золотой?
Ему внимали мы в тиши, благого-
вея,
Благословение в нем свыше разу-
мея, —
И он угас, и он утих,
Как недосказанный великий, див-
ный стих!

И нет его!.. Но если умирать
Так рано, на заре, помазаннику бо-

га, —
Так там, у горного порога,
В соседстве звезд, где дух, забыв-
ши прах,
Свободно реет ввысь, и цепенеют
взоры
На этих девственных снегах,
На этих облаках, обнявших сини
горы,
Где волен близ небес, над бездною
зыбей,
Лишь царственный орел да вихорь
беспокойный, —
Для жертвы избранной там
жертвенник достойный,
Для гения — достойный мавзо-
лей!

Сентябрь 1841

SCHOLIA[93]

Не мирты с лаврами, а грустный
кипарис
Срываем на пути сей жизни ско-
ротечной;
Любимых сверстников не порти-
ки беспечны,
А гробы их вокруг нас печально воз-
неслись...

Что ж, други, унывать! И наши
дни не вечны!
Возьми Горация, у древних научись
Идти — не замечать потери бес-
конечной.
Под сводом древних лип, где друж-
но соплелись
Темно-зеленый плющ и тополь
бледнолистый,
Где катится, журча, источник се-
ребристый,
Вели связать венков, принести
столетних вин,
И пей классически, на зло судьбам
упрямым
И Вакха чувствуя: ему там будет
храмом
Навес дерев, а гимн — отзвучие
долин!

1841, Санкт-Петербург

«СВЕРШАЙ СЛУЖЕНЬЕ МУЗ В
СВЯЩЕННОЙ ТИШИНЕ...»

Свершай служенье муз в священ-
ной тишине.
Пускай рождения гармонии высо-
кой,
Рождения стиха не узрит смерт-

ных око.

Ты сам, творец, прими дитя свое,
свой стих;

Ты воспитай его, и, в латах золотых,

Уж мужем, не детей, введи в арену мира.

Так зреет молния на пажитях эфира,

Во чреве грозных туч: их огонь мутит и мчит,

Но грянули, и вот, стрелчатая летит,

Огне-змеистая, струится и сверкает,

И режет небеса, и море обагрят.

1841, Санкт-Петербург

ЭЛЕГИЯ

В груди моей кипит святое чувство:

Им улелеяны и бурны сны мои,
Вдохновлены и думы и искусство...

Зачем же мне таить волнение любви?

Пойду и обнажу пред девою избранной

Своей души мучительные раны!..
Но чувство, взросшее в молчании,
в тиши,
Пугается, как голубь дикий, сло-
ва:
И речь моя мертва! Угрюмый и
суровый,
Хочу ли перелить волнение души
Порой в рифмованные звуки,
Пишу, и бойкий стих и блещет и
поет.
Но он восторгу чужд и чужд ду-
шевной муки...
И что же он?.. Он проскользнет
По сердцу милому, как сон пу-
стой, летучий,
Как ветерок по лону спящих вод,
Как разразившиеся тучи,
Как томный звук пастушеских
рогов
Между далеких гор, когда, ища
прохлады,
Плывет пестреющее стадо
Чрез озеро меж диких берегов.

1842

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я знал тебя, когда любви

Твоя душа еще не знала,
И буря сердца не смущала
Сны безмятежные твои;
И грудь твоя, во дни и ночи,
Вздыхалась мерной чередой,
И не увлажнились очи
Любви загадочной слезой.
А ныне?.. Быстрыми очами
Ты искры льешь, полна тревог,
И вдохновенными устами
Незримо движет некий бог.
Так, древле, жрица Аполлона,
Доколе им не призвана,
У мрачных капищ Геликона
Нема, спокойна, холодна.
Но он воззвал: она трепещет,
По жилам огонь бежит струей,
И вдохновенной красотой
Лицо божественное блещет;
В движеньях косы по плечам;
Речет — дрожат пещеры своды,
И внемяют с ужасом народы
Ее пророческим речам.

1842

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Тебе пятнадцать лет. Я верю,
ты — ребенок.

*Румянец на щеках; твой смех,
твой голос — звонок.
Но, знай, мой друг, близка, близка
пора любви!
Всё говорит о ней, — и тайное же-
ланье,
И очи влажные, и в дыме кисеи
Полуразвитых форм живое очер-
танье.*

1842

МИНУТНАЯ МЫСЛЬ

*Когда всеобщая настанет тиши-
на
И в куполе небес затеплится лу-
на,
Кидая бледный свет на портики
немые,
На дремлющий гранит и воды го-
лубые,
И мачты черные недвижных ко-
раблей, —
Как я завидую, зачем в душе моей
Не та же тишина, не тот же
мир священный,
Как в лунном сумраке спокой-
ствие вселенной!*

1842

«ДЛЯ ПРОЗЫ ПРАВИЛЬНОЙ ГОДОВ Я
ЗРЕЛЫХ ЖДУ..»

*Для прозы правильной годов я зре-
лых жду;
Теперь ее размер со мною не в ла-
ду;
И слог мой колетя, как терн су-
хой и колкий;
А рифмы легкие, все в звуках и цве-
тах,
Как средь колосьев ржи в украин-
ских полях
На дудочку ловца молодые перепел-
ки,
Бегут и падают в расставленных
сетях.*

1842

<ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА В РИМЕ>

1

*Лишь утро красное проглянет в
небесах,
Я с верной книгою и посохом в ру-
ках
Иду из города, брожу между раз-
валин...*

Мне как-то хорошо! Тогда, полу-
печален
И полурадостен, я полон тиши-
ной
Неизъяснимою. Я полюбил душой
С всеобщим сладостным беседо-
вать молчаньем;
Тогда мой ум открыт мифиче-
ским преданьям,
Мечта работает и зиждет предо
мною
Весь древний Лациум: Лавинии,
Энея
Проходит предо мной живая эпо-
пея;
И семь холмов, еще покрытые гу-
стой
Дубровою, и Тибр еще в пустыне
роет
Крутые берега и невозбранно кро-
ет
Разлитьем вешних вод долины
меж холмов,
Неся волной своей двух бра-
твьев-близнецов;
Волчица и пастух и мальчиков
спасенье,
И града юного великое рожденье,

И домик Ромула, где после вознес-
лись
Чертоги Августов и в мрамор об-
леклись —
Всё, всё так близко мне! понятно,
величаво!
Есть прелесть тайная в облом-
ках падшей славы!
И холм, в котором прах руин свя-
щенных скрыт,
Священ величьем их, и сердцу го-
ворит,
И страшно оскорбить, что спит
в нем, в вечном мраке,
Как мощи скрытые в благоговей-
ной раке.

2

Уж месяц март. Весна пришла:
так густ,
Так тепел воздух; ищешь тени
жадно,
Бежишь на шум воды, и так от-
радно
У свежих струй, лиющихся из уст
Уродливых тритонов в гроте
мрачном.
Но мне не верится: когда ж она

Пришла сюда, игривая весна,
Как дева пышная в наряде брач-
ном?

Я не видал ни пара талых льдов,
Ни дивного всеобщего журчанья
Из-под снегов лиющихся ручьев;
Ни тонкого, шумливого жуужжа-
нья

Летучих темным, облачным
столбом,

На краткий миг рожденных насе-
комых.

Не всходит осень бархатным ков-
ром;

Мне нечего в местах моих знако-
мых

Любимую березку над прудом,
Пустынную иль посреди дубровы,
Прийти поздравить с зеленою но-
вой.

1843

3

ДВУЛИЦЫЙ ЯНУС

Мне снилось, взошел я на холм,
от вершины до низу
Покрытый обломками некогда
славного храма:

Разрушенный мрамор, низвергну-
ты своды, аркады,
Священные урны, алтарь, испещ-
ренный ваяньем
Жрецов, закалающих тучные
жертвы, статуи,
Обрубленный торс, голова, раз-
дробленные члены, —
Как падших воителей трупы на
поле сраженья...

Люблю любоваться, как чудом,
изящной резьбою
Печальных обломков: люблю я ко-
ринфской колонны
Аканфные листья, живым обви-
тые аканфом,
Овна завитые рога, увенчанные
хмелем ползучим.
Над грудой развалин, в пыли и по-
росших травюю,
Один возвышался из мрамора
Янус двулицый:
Одно обращал он лицо к заходяще-
му солнцу,
На запад, где в темной, глубокой
долине, густые
Верхи кипарисов на пламенном
небе чернелись;

Другое глядело на темный во-
сток; созерцая
Грядущего книгу, хранило угрю-
мую тайну.
Проникнутый вымыслом дивным,
в священном восторге,
Стоял я и думал, как много б от-
крылося тайны,
Когда бы изрек он, что в будущем
видит.
«Скажи мне, таинственный бог,
проникающий взором
В грядущие веки; молю, просвети
наши очи
И лживые басни рассея наших бед-
ных гаданий!
Что ждет нас? Ответствуй! Ку-
да мы стремимся?
Зачем здесь на холме громады
камней громоздили,
И кто он, откуда, сей зиждущий
дух, в нас живущий,
Который в нас мыслью пылает и
движет могучею дланью,
И зиждет, и зиждет... чтоб после
разрушить; разрушив,
Из праха опять создает?» Без-
молвствовал идол,

Угрюмый, как жрец, погруженный
в глубокое чтение
Таинственной книги, неведомой
черни. Внезапно
Последнею вспышкой вечернего
блеска другое
Лицо просияло и речью уста разо-
мкнулись.
— Ты хочешь проникнуть в гряду-
щего тайны; но, ведай,
Мы связаны оба таинственной си-
лой, и прежде
Прошедшего голос внемли — а по-
том уж подьемли
Завесу с того, что в чреве гряду-
щего зреет.
Во мраке гробниц обитает мой
взор: там починут
Народы, как спят у вас в памяти
мысли и думы —
Спокойно и тихо: я властен их вы-
звать из вечной темницы,
Как можешь в душе пробудить
ты прошедшие мысли...
Как образы их предо мною в тени
кипарисов,
Накрывших могилы, встанут ис-
полинские тени

Людей и народов, и царств, — всё
умчало всесильное время!..
Я вижу великую реку... всечасно я
слышу паденье,
Удары низверженных волн с высо-
ты величавой...
Пространство миров ей русло, и
меж них, низвергаясь,
Свергая, снося, обрывая утесы и
камни,
Она всё несется, подобная вечно
живому,
Падающему грозно из урны веков
океану...
И где ей начало, и где ей конец?., я
не знаю...
Но с бегом быстрее и полнее,
шумнее и шире
Свирепые воды, и мнится, с паде-
ньем их в бездну,
Обрушится всё, что встречалось
им в беге,
Что мчалось с ними, противясь
их силе —
Всё рухнет — и сущие ныне наро-
ды, и царства,
Туда же обрушатся в омут, куда
уже пали

И Рим колоссальный, с всемир-
ным венцом и рабами,
Со златом палат, колесниц и кро-
вавых ристалищ,
И Фив пирамиды, и Мемфиса мраморны стены —
И он-Вавилон, с своей донебесною башней...
Я вижу, бледнея, взираешь ты на эту реку
(И смертный, бесплотной душой отрешившись от тела,
Обнять ее взором способен), и ужас колеблет
Твой дух: оглушенный неистовым гулом паденья,
Влекомых, низверженных ею громадных обломков,
Ты мыслишь, что значишь ты сам в сем безмерном,
Бездонном горниле, средь царств и империй?
И страшно исчезнуть тебе в нем, как легкому пеплу,
Под крыльями ветра, свой путь не означив, где шел ты,
Не бросивши труд исполинский в всеобщую бездну...

Смешное мечтанье!.. Источник
отчаянья горький!
Взгляни вокруг себя на роскошную
мать-природу,
Как с каждой весной она новые си-
лы являет,
Богатства свои изменяя, как но-
вую ризу;
Всё так же она, как и прежде, в
величии стройном
Рождает деревья и травы и лет
голубые
Ручьи, оглашая их пеньем перна-
того царства.
Но это — одежда, не боле, она ж
неизменна...
Подобно природе живет человече-
ство: часто
Сменяются, шумно чередуясь,
идут поколенья:
Они — лишь одежда бессмертно-
го, вечного духа...
Как тополь и ландыш прекрасны в
убранстве природы —
Так каждому место свое в поко-
ленья; — как роза,
Как терний, в природе, — в гармо-
нии общей все люди

В цепи человечества — все непре-
менные звенья...
Как там, посреди преходящих яв-
лений юдольного мира,
Однажды рожденные высятся го-
ры, — так вечно
Останется ясен в потомстве не
гаснущий гений,
И мысль не погибнет в том ому-
те мрачном;
Сам гений не мыслит о славе, — и
зреет в труде он...
Ты хочешь, чтоб пред твоей три-
умфальной статуей
Потомок с главой проходил обна-
женной... Послушай,
Не бегай, как юноша пылкий за
гордою девою,
За славой: трудися. Сама придет
гордая дева,
Отыщет чело ей любезное, лав-
ром накроет;
В живых не застанет — отыщет
гробницу, украсит
Венцом и триумфом, и если бы
кости и прах твой
Рассеялись ветром и в черепе
нетопырь дикий

Гнездо свое вил, — освятит она
пепел бездушный,
Вкруг сторожем станет и путника
вдруг преисполнит
Восторгом, и слезы, и думу тебе
посвятит он...
Так жертвуют Гвебры могучему
Фебу не в храме —
На снежных горах, под шатром
бесконечного неба.

1843

4

Во мне сражаются, меня гнетут
жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекут мечты, во мне бунтует
кровь,
И знаю я, что всё — и пылкая любовь,
И пышные мечты пройдут и охладятся
Иль к бездне приведут... Но с ними
жаль расстаться!
Любя, уверен я, что скоро разлюблю;
Порой, притворствуя, сам клятвою
шалю, —

Внимаю ли из уст, привыкших ли-
цемерить,
Коварное «люблю», я им готов по-
верить;
Порой бешусь, зачем я разуму не
внял,
Порой бешусь, зачем я чувство
удержал,
Затем в душе моей, волнениям
открытой,
От всех высоких чувств осадок
ядовитый.

1843

ГОМЕРУ

Твоих экзаметров великое паденье
Благоговейною душой я ощущал.
Я в них жизнь новую, как в первый
день рожденья
В сосцах у матери младенец, по-
черпал,
И тихо в душу мне вливалось
вдохновенье...
Так морю Демосфен ревущему
внимал:
Среди громадных волн торже-
ственного шума
Мужал могучий глас, и, зрея,

крепла дума.

1843

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕГИЯ В РИМЕ
N. N.

Стократ благодарю тебя, о Рим
священный!
Суровый, гордый скиф, как предок
дикий мой,
Я варваром ступил на вечный пе-
пел твой
И вот прощаюсь с тобой, преобра-
женный,
И горько мне тебя покинуть на-
всегда
Без вдохновенного и вечного сле-
да...
Отважно на алтарь твой чистый
и нетленный
Молитвенно кладу я варварский
свой стих, —
От родины моей пришлец у вод
твоих
Его здесь повторит с душевным
умилением,
Довольный, что восторг его пред-
вкушен мной,
Что думе я его мог образ дать

живой...

Иль... тщетно на меня ты веял
вдохновеньем, —

И вечно будешь цвести средь лав-
ров, старый Рим,

И люди севера придут к садам
твоим,

Внимая вод твоих таинственно-
му шуму,

Немея в тишине дряхлеющих ру-
ин,

Воспитывать в тиши мужающую
думу,

Над пепелищами граждан, средь
сих равнин,

В восторге чувствовать, что зна-
чит гражданин,

И, разгадав огонь, что жил в тво-
ем народе,

Свой дух обожествят мечтою о
свободе!

Они придут сюда... а мой исчез-
нет след,

Забудешь даже ты меня, моя по-
друга,

Чьи клятвы слышали и лавр, и
небо юга,

Как всё забудется — как шалость

юных лет.

1843-1844

РОМАНС

*Мой взор всегда искал твоих очей;
Мой слух ловил привет твоих ре-
чей;*

*Один другим как счастливы мы
были...*

*О как тогда друг друга мы люби-
ли!*

*Разлуки час потом ударил нам;
На вечную любовь и здесь и там
Мы поклялись... но клятве изме-
нили:*

В разлуке мы других уже любили.

*Мы встретились потом; полу-
смеясь,*

*Полувздохнув, ты помнишь ли, в
тот час*

*Друг друга мы почти шутя спро-
сили:*

*«Ты помнишь, как друг друга мы
любили?»*

1844

ЭЛЕГИЯ

Нам каждый день приходится
оплакать
Не сбывшийся, но праведный по-
рыв.
Бесплоден он в грядущем остае-
тся,
Но чувствуешь, что, потрясен-
ный им,
Становишься ты чище, благород-
ней...
О, жизнь, на что же ты? Какую ж
дань
Мы принесем далекому потом-
ству?
Где наших рук дела? И как узнают
Потомки имена отцов — не слав-
ных,
Но чья душа сражалась с судьбою,
С ее двумя орудьями — приман-
кой
Обетов лестных и нуждою блед-
ной,
Чей дух окреп в святом негодова-
нии
И убивать привык свои надеж-
ды?..
Иль мы, несклонные главою па-

дать
Пред пошлостью, лишь золотом
могучей,
Лобзать привычную к злодейству
руку,
Иль мы насмешка демона над ми-
ром?..
Друзья мои, сдержите строгий
суд,
Не называйте робким малоду-
шьем
Моей души мучительную думу...
И в пире молкнет шутка у меня,
И кубок падает, как эта дума
Внезапно сердце холодом охва-
тит...
Так посреди безумства карнавала
Вдруг падают пестреющие маски,
И шарлатан, и пестрый арлекин
Исчезнут, как раздастся звон пе-
чальный,
И меж толпы бледнеющей идут
Суровые монахи и поют
Протяжным голосом: «Memento
tori»[94]

14 декабря 1844

«ДЛЯ ЧЕГО, ПРИРОДА..»

Для чего, природа,
Ты мне шепчешь тайны?
Им в душе так тесно,
И душе неловко,
Тяжело ей с ними!
Хочется иль словом,
Иль покорной кистью
Снова в мир их кинуть,
С той же чудной силой,
С тем же чудным блеском,
Ничего не скрывши,
И отдать их миру,
Как от мира принял!

<1845>

РОЖДЕНИЕ КИПРИДЫ
(Из греческой антологии)

Зевс, от дум миродержанья
Хмурия грозные черты,
Вдруг — средь волн и всю в сиянье
Зрит богиню Красоты.

Тихо взором к ней поникнул
Он с надоблачных высот
И, любуясь ей, воскликнул:
«Кто хулить тебя дерзнет?»

Слово Зевса подхватила,

*В куче рояся, свинья
И, подняв слепое рыло,
Прохрипела: «Я, я, я!»*

1845 или 1846

СКУЛЬПТОРУ

*Был груб когда-то человек:
Младенцем жил и умер грек.
И в простоте первоначальной,
Что слышал в сердце молодом,
Творил доверчиво резцом
Он в красоте монументальной,
Творил, как песнь свою поет
Рыбак у лона синих вод,
Как дева в грусти иль веселье,
В глуши альпийского ущелья...
И вокруг священных алтарей
Народы чтили человека
В созданьях девственного грека...
А ты, художник наших дней,
Ты, аналитик и психолог,
Что в нашем духе отыскал?
С чего снимать блестящий ско-
лок
Ты мрамору и бронзе дал?
Ты прежних сил в нем не нахо-
дишь,
И, мучась тяжелой пустотой,*

*Богов Олимпа к нам низводишь,
Забыв, что было в них душой,
Как лик Гамлета колоссальный
Актер коверкает шальной
Пред публикой провинциальной.*

<1846>

АНАХОРЕТ

*Двадцать лет в пустыне,
На скале я прожил,
Выше туч, туманов
И громов, и молний.*

*Изгнанный из мира,
В гневе мир я бросил,
Но забыть с ним трудно
Порванные связи.*

*И когда вдруг солнце
Облака разгонит,
Города в долине
Заблестят как искры,*

*Мне на мысль приходит —
В двадцать лет, быть может,
Всё давно свершилось,
Из чего я бился:*

Бедный сверг оковы;
Сильны и прекрасны,
Разумом и волей
Племена земные...

Снова к ним пошел бы...
Ну, а если в людях
Самые преданья
О добре исчезли?

И мои им речи
Будут непонятны,
И они от старца
Отойдут со смехом?

<1846>

«ДУМАЛ Я, ЧТО НЕБО...»

Думал я, что небо
Ясное полудня,
Сень олив и мирта,
Музыкальный голос,
Жаркие лобзанья
Жен высокогрудых
Исцелят недуги
Страждущего сердца;
Думал я, что сила
Строгого искусства,
Вековая почва —

Прах святой героев,
Хоть забвеньем сладким
На душу повеют;
Что в ней хоть замолкнут
Жажда теплой веры
И безверья муки,
Жажда дел высоких
И тоска бессилья;
Разума гаданья,
И над ним насмешки...
За порыв восторга
Платишь горькой мукой:
Старая проснется
Прежнего острее,
Как хозяйка злая,
За один взгляд беглый
На красу чужую,
Встретит бранью злее,
Старое припомнит
И язвит, и колет...
Хоть беги со света!

<1846>

НА МОГИЛЕ

Сладко мне быть на кладбище,
где спишь ты, мой милый!
Нет разрушенья в природе! нет
смерти конечной!

Чадо ума и души — твоя мысль
пронесется к потомкам...
Здесь же, о друг мой, мне с трепе-
том сердце сказало —
В этой сребристой осоке и в розах,
в ней пышно цветущих,
В этих дубках молодых — есть
уж частица тебя.

1850

«ТОЛЬКО ПИР ПОЛНОЧНЫЙ..»

Только пир полночный,
Как задремлют старцы,
Продолжая речи
Важные впросонках;
Только смех вакханки
Дерзкой и румяной —
И люблю я в жизни.

Сладки поцелуи,
Если в опьяненьи
У тебя, у девы,
Голова кружится
И еще не знаешь,
Кто тебя осилит:
Купидон иль Бахус.

Лепет уст и говор,

Страстное дыханье,
Кровь в упругих жилах,
Даже сами мысли
В слухе отдаются
Музыкой чудесной, —
Точно всюду струнный
Гул идет, волнуясь:
Тут и самой смерти
Не услышишь зова.

<1851>

«СУХИМ УМОМ, МОЙ МИЛЫЙ, ТЫ...»

Сухим умом, мой милый, ты
В меня сомненье не забросишь.
Ты из поэзии мечты,
Как декорации, выносишь.
Нет, мой философ, я поэт!
Мне нужны ангелы и духи,
Все эти тайны, этот бред,
Что завещали нам старухи;
Мне нужны вера в чудеса,
И рай, и ад, и злых тревога,
И если пусты небеса,
То сам бы выдумал я бога.
Я не стою за них горой,
Они пугают лишь невежду, —
Но в них для истины святой
Я вижу дивную одежду.

1852 или 1853

«ПОЛНО ПРИТВОРЯТЬСЯ..»

Полно притворяться,
Юноша счастливый!
Повинись, признайся:
Что ты так встревожен
И хитришь неловко?
Я попал некстати?
Видел я, мелькнуло
Беленькое платье
Посреди деревьев;
Из сада да к дому
Убежала Нина,
По цветам ступая,
Портя и ломая
Милые ей розы,
Мак и гиацинты...

Знаешь ли ты, ветер
Вьется вокруг розы,
Вдруг, как бы спугнул кто.
От нее умчится,
Всё еще исполнен
Запахом чудесным
Благовонной розы:
Что же ты стыдишься?
Очи блещут негой,

На душе так ясно,
Голова весенним
Счастьем сияет —
Не бывал ты лучше!
Годы страсть уносят, —
И, поверь, успеешь
Ты еще быть старцем...
А уж что за юность
Без любви и счастья!

1853

ПОЭТУ

Хвалами ты свой дух насытил,
И мыслишь, внемля торжеству,
Что лавр ты Пушкина похитил
И им обвил свою главу.
А думал Пушкин простодушный,
Что прочен здесь его венок.
Но видел я другой урок
Фортуны гордой и бездушной.
Раз, близ Неаполя, осел
На гроб Вергилия забрел
И — лавр поэта многовечный
Переломил бесчеловечно,
И, что ужаснее всего —
Представь себе, — он съел его!

1853

Н. А. НЕКРАСОВУ
ПО ПРОЧТЕНЬИ ЕГО СТИХОТВОРЕ-
НИЯ «МУЗА»

*С невольным сердца содроганьем
Прослушал Музу я твою,
И перед пламенным признаньем,
Смотри, поэт, я слезы лью!..
Нет, ты дитя больное века!
Пловец без цели, без звезды!
И жаль мне, жаль мне человека
В поэте злобы и вражды!
Нет, если дух твой благородный
Устал, измучен, огорчен,
И точит сердце червь холодный,
И сердце знает только стон, —
Поэт! ты слушался не Музы,
Ты детски слушался людей.
Ты наложил на душу узы
Их нужд строптивых и страстей;
И слепо в смертный бой бросался,
Куда они тебя вели;
Венок твой кровью окроплялся
И в бранной весь еще пыли!
Вооруженным паладином
Ты проносился по долинам,
Где жатвы зреют и шумят,
Где трав несетя аромат,*

Но ты их не хотел и видеть,
Провозглашая бранный зов,
И, полюбивши ненавидеть,
Везде искал одних врагов.
Но вижу: бранью не насытятся
И алча сердцем новых сил,
Взлетев на холм, усталый ви-
тязь,
Ты вдруг коня остановил.
Постой — хоть миг! — и на свобо-
де
Познай призыв своей души:
Склони усталый взор к природе.
Смотри, как чудно здесь в глуши:
Идет обрывом лес зеленый,
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И как ковром устлал дорогу, —
Идешь — как будто по водам, —
Нога шумит... И ухо внемлет
Смятенный говор в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет
И красных мухоморов ряд,
Как карлы сказочные, спят;
А здесь просвет: сквозь листья
блещут,

Сверкая золотом, струи...
Ты слышишь говор: воды плещут,
Качая сонные ладьи;
И мельница хрипит и стонет
Под говор бешеных колес.
Вон-вон скрипит тяжелый воз:
Везут зерно. Клячонку гонит
Крестьянин, на возу дитя,
И деда страхом тешит внучка,
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай летит кругом.

Поэт! Ты слышишь эти звуки...
Долой броню! Во прах копье!
Здесь достояние твое!
Я знаю — молкнут сердца муки
И раны тяжкие войны
В твоей душе заживлены.
Слеза в очах как жемчуг блещет,
И стих в устах твоих трепещет,
И средь душевной полноты
Иную Музу слышишь ты.
В ней нет болезненного стога,
Нет на руках ее цепей.
Церера, пышная Помона
Ее зовут сестрой своей,

К ней простирают руки нежно —
И, умирив свой дух мятежный,
Она сердечною слезой
Встречает чуждый ей покой...
Отдайся ей душою сирой,
Узнай ее: она как мать
Тебя готова приласкать;
Брось человеческого мира
Тщету и в божий мир ступай!
Он лучезарен и чудесен,
И как его ни воспевай —
Всё будет мало наших песен!

1853

ВЕСЕННИЙ БРЕД
(М. П. З.....у)

Здорово, милый друг! Я прямо из
деревни!
Был три дня на коне, две ночи
спал в харчевне,
Устал, измучился, но как я счаст-
лив был,
И как на счет костей я душу осве-
жил!
Уж в почках яблони; жужжат и
вьются пчелы;
Уж свежей травкою подернулась
земля...

Вчера Егорьев день — какой гурьбой веселой

Деревня выгнала стада свои в поля!

Священник с причетом, крестом и образами

Молебен отслужил пред пестрыми толпами

И, окропив водой, благословил стада —

Основу счастья и сельского труда.

И к морю я забрел: что плещется уклеики!

В бору застиг меня весенний первый гром,

И первым дождиком облитый, как из лейки,

Продрогши, ввечеру согрелся я чайком

В трактире с чухнами, среди большой дороги.

Но сколько испытал я в сердце новых чувств!

Продумал сколько дум о мире и о боге,

Проверил наши все теории искусств,

Всё перебрал, о чем с тобой мы
толковали,
Искали истины — и беспощадно
врали!
Поверишь ли, мой друг, что на ко-
не верхом,
Или ворочаясь в ночи на сеновале,
Меж тем как вокруг шумел весь
постоялый дом,
Проезжие коней впрягали, отпря-
гали,
И подле же меня до утренних лу-
чей
Я слышал чавканье коров и лоша-
дей, —
Я, друг мой, нашу всю науку пере-
создал!
Ученым и тебе — всем по заслу-
гам воздал!
Я думал: боже мой! Ну, вот, меж
тем как я
С душою, раннею весною обнов-
ленной,
Так ясно вижу всё, и разум про-
светленный
Отвагой дышит, полн сердечного
огня, —
Ты, в душной комнате, боясь

сквозного ветру,
О мире, может быть, систему со-
чинил...

О, вандал! Ты весну не сердцем
ошутил —

Прочел в календаре, узнал по ба-
рометру!

Ведь так и с истиной в науке-то у
вас!

Вы томы пишете, начнете свой
рассказ

С ассириян, мидян и кончите Рос-
сией, —

И что ж? Толкуя нам, как думали
другие,

Сказали ли хоть раз, как думаете
вы?

Ну, что бы подойти к предмету
просто, прямо,

Чем споры древних лет поддержи-
вать упрямо

С надменной важностью бес-
смысленной совы?

О, эрудиция! О, школьные вериги!

Да что за польза нам, что поняли
вы книги!

Нет, дайте истины живое слово
нам,

Как виделась она старинным мудрецам

Еще блестящая восторгом вдохновенья

И окропленная слезами умиленья!

Она — дитя любви и жизни, — не труда!

Ученость ведь еще не мудрость, господа!

Системы, сшитые логически и строго, —

Хитро созданный храм, в котором нет лишь — бога!

Но, впрочем, вы враги восторга и мечты!

Вы — положительны! Для вас в науках точность

Ручательство за их достоинство и прочность,

И, изучая жизнь, что вам до красоты!

«Всё бред, что пальцами ощупать невозможно!

Нам греки не пример: они учились жить

И мир невидимый старались объяснить;

Мы ценим только то, что твер-

до, непреложно», —

И в цифрах выразить готовы вы
весь мир!..

Что я пойму, когда, описывая пир,
Ты скажешь — столько-то буты-
лок осушили?

Нет, было ль весело, скажи, и как
вы пили?

И в грязном кабаке бутылкам
тот же счет,

Что у дворецкого в Перикловом
чертоге,

Где пировал Сократ и поучал на-
род

О благе, красоте и о едином боге.

И много стоит вам и муки и тру-
дов,

Найти у греков счет их сел и горо-
дов

Или республик их определить до-
ходы...

О, близкие еще к младенчеству
народы!

Ведь о грамматике не думали
они,

А пели уж стихи великой Илиады,

И эта песнь жива еще по наши
дни

*И служит нам еще, как ключ в
степи, отрадой...*

*Я каюсь, милый мой, брани меня,
ругай,
Иль действием весны на разум
объясняй,
Но мысли странные в уме моем
рождались,
Представил живо я наш непонят-
ный век,
Всё, что мы видели, чем жили,
вдохновлялись
И, как игрушкою наскучив, в
быстрый бег
От старого вперед всё дале
устремлялись;
Припомнил лица я, и страсти, и
слова,
И вопль падения, и клики торже-
ства,
Что вырывалось внезапно, вдохно-
венно,
Что было жизнью, казалось, всей
вселенной,
В чем каждому из нас была и
роль, и честь, —
И вдруг подумал я — пройдет*

столетий шесть,
И кинется на нас ученых верени-
ца!..
Я думал — боже! как их вытянут-
ся лица,
Когда в громаде книг, что наш
оставит век,
Ища с трудом у нас Сократов и
Сенек,
Найдут какие-то печальные за-
метки —
Сухого дерева раскрошенные вет-
ки!
Увидят кипы книг, истлевшие в
пыли,
Где правила ремесл в науки возве-
ли;
Там сочинение, под коим гнется
полка —
«О ценности вещей в правленье
Святополка».
Увидят, что у нас равно оценены
За остроту ума и реалист, и ми-
стик;
Там цифры мертвые безжизнен-
ных статистик,
Романы самые статистикой пол-
ны...

Найдут, как тщилися тугие кор-
несловы
Язык наш подвести под чуждые
оковы;
Откроют критиков и важных, и
смешных;
Грамматиков — и, ах! несходство
между них!
Историков идей, историков собы-
тий,
Историков монет, историков от-
крытий...

Но, исчисляя тут познаний наших
круг,
Одну припомнил я науку, милый
друг,
И так захохотал среди ночного
мрака,
Что спавшая в сенях залаяла со-
бака.
Ведь мало нам наук и сложных, и
простых!
Нам мало даже книг, хоть пере-
чень их мука!
Для нас нужна еще особая наука
—
История... чего?.. Да этих самых

книг!..

Но мой шуточный смех и гру-
стию сменялся,
И с горем пополам, ей-богу, я сме-
ялся,
Покуда крепкий сон меня не уло-
мал.
Когда ж проснулся я, восток за-
рей сиял,
Летели облака с зардевшими кра-
ями,
Как полчища, пройти пред царски-
ми очами
Готовые на смотр; и неся пар се-
дой
Над сталью озера; земля ночным
морозом
Была укреплена с подмерзнувшей
травой,
И тонкий лед звенел, дробясь под
ногой.
Пора уж двигаться ночевщи-
кам-обозам!
Взъерошенный мужик уж вылез
на крыльцо
Расправить холодком горячее ли-
цо

И мрачно чешется... Там мальчу-
ган пузатый
Впросонках поднялся и выскочил
из хаты,
И стал как Купидон известный у
ключа...
Весь дом задвигался, зевая и вор-
ча.
Пора на рынок в путь ленивому
чухонцу...
Телеги тронулись... И мне коня! И
в путь!
Куда?.. Куда-нибудь! Да хоть на-
встречу солнцу!
О, радостная мощь мою подьем-
лет грудь!
Дыханье так свежо и вылетает
паром!
И мысль во мне кипит, светлея и
горя,
Как будто глянула и на нее заря,
Пылающая там, по небесам, по-
жаром!
Как будто кто-то мне таин-
ственно шептал,
Когда вчерашний бред я свой при-
поминал,
И — «радуйся! вещал, что ты

рожден поэтом!
Пускай ученые трудятся над скелетом!
Пусть строят, плотники, науки прочный храм!
Мысль зданья им чужда, — но каждый пусть келейник
Несет соломинку на общий муравейник!
Ты ж избран говорить грядущим племенам
За век, за родину! Тебе пред светом целым
Глаголом праведным и вдохновенно смелым
Их душу возвестить потомству суждено!
Ученым — скорлупа! Тебе, певец, зерно!
В тебе бьет светлый ключ науки вечно новой!
В тебе живая мысль выковывает слово —
Пусть ловят на лету грамматик его:
Оно лишь колыбель созданья твоего!
Пускай родной язык непризванные

*мучат,
На чуждый образец его ломаться
учат,
Клеймят чужим клеймом и гнут
в свое ярмо:
Ты видишь, точно конь он дикий
не дается
И в пене ярости и бесится, и бьется,
И силится слизать кровавое клей-
мо.
Но как он вдругдохнет родных
степеней разгулом
Под ловким всадником! Как
мчится по полям!
Ведь только пыль змеей виется
по следам,
И только полнится окрестность
звонким гулом!»*

1853

**ПАМЯТИ ДЕРЖАВИНА
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О ПО-
БЕДАХ ПРИ СИНОПЕ И АХАЛЦИХЕ**

*Что слышу? Что сердца волнует?
Что веселится царский дом?..
Опять Россия торжествует!*

Опять гремит Кагульский гром!
Опять времен Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторг неполон! Нет!
Наш век велик, могуч и славен;
Но где ж, Россия, твой Державин?
О, где певец твоих побед?
И где кимвал его, литавры,
Которых гром внимал весь мир?..
Неполны воинские лавры
Без звона неподкупных лир!
Кто днесь стихом монументаль-
ным
Провозвестит потомкам даль-
ным,
Что мы всё те же, как тогда,
И что жива еще в России
О христианской Византии
Великодушная мечта!
К тебе, Державин, как в молитве,
К тебе зову! Услышь мой глас,
Как слушал бард о чудной битве
Простого пахаря рассказ.
С тех пор как жреческий твой го-
лос
Умолкнул, много Русь боролась
Со злым врагом и клеветой.
В нас сил твоих не доставало

К ним стать лицом, поднять за-
брало
И грянуть речью громовой.
Пора забыть наветы злые,
Пора и нам глаза открыть
И перестать нам о России
С чужого голоса судить.
Пора! Завеса разорвалась!
В нас сердце русское сказалось!
Мы прозреваем наконец
В самосознании народном —
Нам не в Париже сумасбродном,
Не в дряхлой Вене образец,
В Европе слишком много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взрастила чад своих она;
Там человека гордый гений
Зрел средь насильств и потрясе-
ний;
Дух партий злобу там таит;
Все живы старые обиды;
Над каждым мрачной Немезиды
Там меч кровавый тяготит.
А мы за нашими царями,
Душою веруя Петру,
Как за искусными вождями,
Пошли к величью и добру.

Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разум спали
В богатые земли родной,
Лишь бы монгольских зол заразу
С него стряхнуть и, как алмазу,
Дать грань душе его молодой.
Чем быть во изумленье миру —
Ему впервой разоблачил
Тот, кто сложил с себя порфиру
И как матрос и плотник жил;
За Русь пошел страдать, учиться.
Кто восхотел переродиться,
Чтоб свой народ переродить!
Познай, наш враг хитроугрозный!
С ее царем дороги розной
России ввек не может быть.
И пусть она еще ребенок,
Но как глядит уже умно!
Еще чуть вышла из пеленок,
Но сколько ею создано!..
Державин! Бард наш сладкострун-
ный!
Ты возвещал России юной
Всё, чем велик здесь человек;
Ты для восторга дал ей клики,
Ты огласил ее, великий,
Трудов и славы первый век!
Восстань же днесь и виждь — как

снова
Родные плещут знамена!
Во славу имени Христова
Кипит священная война,
И вновь Россия торжествует!..
Пускай Европа негодует,
Пускай коварствует и лжет:
Дух отрицанья, дух сомненья,
Врагов бессильное шипенье
Народный дух в нас не убьет!
У нас есть два врага — мы знаем!
Один — завистников вражда:
Не усмирив их, не влагаем
Меча в ножны мы никогда;
Другой наш враг — и враг кичли-
вый —
То дух невежества строптивый!..
О Русь! их купно поражай!
Одних мечом, других сатирой,
И бранный меч с правдивой лирой
Единым лавром обвивай!
В ряду героев Измаила
Да узрят наши имена,
Да знают: с ними в нас одна
Мощь разума и длани сила;
Да глубже мысль нам ляжет в
грудь,
Что наш велик в грядущем путь,

—
И тень певца Екатерины
На наше кликнет торжество:
«Они всё те же исполины
И помнят барда своего!»

2 или 3 декабря 1853

«НЕТ, НЕ ДЛЯ ПОДВИГОВ ДУХОВНЫХ..»

Нет, не для подвигов духовных,
Не для спасения души
Я б бросил мир людей греховных
И поселился бы в глуши, —
Но чтоб не видеть безрассудства
И ослепления людей,
Путем холодного распутства
Бегущих к гибели своей.
Нет, с правдой полно лицемерить!
Пора решиться возгласить:
В грядущем — не во что нам верить
И в жизни нечего любить!
Одно безмолвие природы,
Поля и лес мне могут дать,
Чего напрасно ждут народы, —
Спокойной мысли благодать.

1853 или 1854

ОСЕНЬ

Два раза снег уж выпадал,
Держался день и таял снова...
Не узнаю леска родного —
Как светел он, как редок стал.
Чернеют палки гнезд вороньих
На дереве; кой-где дрожит
Один листок, и лес молчит...
А утопал он в благовоньях,
И лепетал, и зеленел,
В грозу шумел, под солнцем зрел.
И всё мне здесь твердит уныло:
И ты пройдешь огонь земной,
И захиреешь ты душой
Еще, быть может, до могилы.
Нет, — тайный голос мне звучит,

—
Нет, что-нибудь да устоит
Во мне в крушеньи прежней силы,
Как эта царственная ель,
Еще блестящая досель
В своем зеленом одеянье, —
Не ум, так сердце; не оно —
Так чувство чистое одно,
Одно отрадное сознанье,
Что путь свой честно я свершил
И для чего-нибудь да жил.

1853 или 1854

<КОЛЯСКА>

Когда по улице, в откинутой ко-
ляске,
Перед беспечною толпою едет он,
В походный плащ одет, в солдат-
ской медной каске,
Спокойно-грустен, строг и в думу
погружен, —
В нем виден каждый миг держав-
ный повелитель,
И воздь, и судия, России промыс-
литель
И первый труженник народа свое-
го.
С благоговением гляжу я на него,
И грустно думать мне, что
мрачное величье
В его есть жребии: ни чувств, ни
дум его
Не пощадил наш век клевет и зло-
язычья!
И рвется вся душа во мне ему ска-
зать
Пред сонмищем его хулителей
смущенным:
«Великий человек! Прости слепо-

рожденным!
Тебя потомство лишь сумеет
разгадать,
Когда история пред миром изум-
ленным
Плод слезных дум твоих о Руси
обнажит
И, сдернув с истины завесу лжи
печальной,
В ряду земных царей твой образ
колоссальный
На поклонение народам водру-
зит».

5 марта 1854

ВСТРЕЧА

Случается порой, в весенний яс-
ный день,
Когда к нам ветерки с полудня
прилетают,
С крыш капли быстрые как золо-
то мелькают,
И на душе твоей томленье, сон и
лень;
И смотришь, как народ идет тол-
пой шумящей,
Как вздулось синее стекло замерз-
ших рек,

Как скачут вороны, копая рыхлый
снег...
Вдруг посреди толпы, как метеор
блестящий,
Идет красавица... внезапно пред
тобой
Как будто бы пахнёт цветами и
весной,
И словно обожжет тебя, как гор-
до взглянет
В лицо тебе, и ждет, что ты по-
тупишь взор
И, как царице, дашь стопам ее
простор:
О, как тут хорошо и вместе
стыдно станет!
Вся жизнь в груди в тот миг вос-
прянет ото сна,
И знать хотелось бы, что дума-
ет она —
Меж тем, как ослеплен, потерян
и встревожен,
Ты кажешься так мал, незначащ
и ничтожен...
Стоишь как вкопанный, а взор за
ней следит
В толпе, во множестве мелькаю-
щих нарядов,

И всё в душе твоей как струнный
гул дрожит
Под электричеством двух встре-
тившихся взглядов.
Вот так рождается и мысль
твоя, поэт,
Как образ пламенный, как мимо-
летный свет,
И только силишься, при трепете
блаженства,
Запомнить резких черт красу и
совершенство,
Покуда не прошла та творческая
дрожь
И душу не объял художнический
холод:
Прочь, зодчий! План готов, разме-
рен и хорош,
И плотничать иди пила, топор и
молот!

1854

ПАСТУХ

Ох, дорога ль моя, ты дорожень-
ка!
Ты меня на добрый путь настави-
ла,
Дурака меня оболванила,

Добрый молодец в люди вывела,
Как я был еще млад-младешенек,
А потом как был и на возрасте,
Нерадивый был, непонятливый.
Возьмусь за соху — полоса крива,
Возьмусь за косу — из рук валит-
ся.

Только песни петь умел девкам я,
Да разжалобить хмель кабацкую
В стариках умел я по праздникам.
Долго ждал-глядел и грозил отец,
Да и грянул вдруг, что по небу
гром,
И, что гул в бору, мать поддакну-
ла.

Отобрали мой новый синь каф-
тан,
Шляпу с пряжкой, пояс шелко-
вый,
Дали в руки кнут да дыряв зипун,
В пастухи меня, дурня, отдали.
И пастух-то я нерадивый был:
Пас в лесу сперва — да соскучился,
Стал в луга гонять — закручи-
нился,
Норовил потом на дороженьку
На проезжую, на шоссею.

Ох, дорога ль моя, ты дорожень-
ка!

Как пришло тебе твое времечко,
Не дорогой ты — стала улицей.

Разлетелися галки, вороны,
По березничку в стороне сидят;
Серый зайнышка в кустик спрятал-
ся,

Приложил ушки, сам дрожит как
лист;

Господа ль катят, шестерик ва-
лит —

В стороне и те дожидаются;
Тройка ль бойкая несет купчика,
Пьян ямщик стоит, гонит что
есть сил, —

Да и ты, купец, поворачивай:
Ровно птицы снуют всё фельдъ-
егери.

Только утро-свет замерещится,
Уж скрипуч обоз без конца пол-
зет,

Всё добро везут, кладь казенную,
Вслед полки идут, едет конница,
Кони фыркают, сабли звякают,
Усачи сидят, подбоченились,
Говорят-шумят добры молодцы,
Пастуха корят рохлей-увальнем,

Дураку кричат: «На кобылу сядь.
Сядь на пегую, да лицом к хвосту,
Мы с собой возьмем, прямо в вах-
мистры!»

А потом идет артиллерия:
Пушки медные, всё сердитые,
Фуры крашены с сизым порохом;
Офицер идет хоть молоденький,
Только быстрый взгляд, носик
вздернутый.

Пастуха опять дразнят молод-
цы,

Дурака корят рохлей-увальнем
И с собой зовут позабавиться:
«Эй, деревня, слышь! Зубки бели-
чьи!

Погрызи, поди, всласть и досыта,
—

У нас фуры вон всё с орешками,
Всё с орешками, всё с чугунными».
Им пехота вслед: вперед музыка,
С запевалями, с пляской, с гика-
ньем;

Ружья — что твой лес! Каски
медные,

Полы загнуты, сапоги в пыли:
Идут — стонет дол! Чуешь — си-
ла валит,

Проучила меня зевать конница,
Проучила глазеть артиллерия:
Уж пехоте я в пояс кланялся,
С головы скидал шапку старую,
Заслужил пастух слово доброе.
Брал я удали, заговаривал,
Провожал солдат семь и восемь
верст;
Разузнал от них, на чем свет сто-
ит,
Сколько в свете есть городов и
сел,
И которые христианские,
И которые басурманские;
Как задумали злые нехристи —
Полонить пришли землю русскую,
Наругаться пришли над иконами,
Обижать пришли царя белого;
Да легко сказать — надо с бою
взять,
А на то пошло — так не выдадим:
С нами бог и царь, дело правое.

Ох, дорога ль моя, ты дорожень-
ка!

Ты не долго была битой улицей,
И прошло твое красно времечко,
Поосела пыль, позатихла молвь,

Тишина легла безответная.
Приосмелился заяц, выглянул
На дороженьку, стал осинку
драть;
Галки, вороны почали скакать,
И один пастух одиначенек
При дороженьке, сиротинушка;
Он стоит, глядит в дальнюю сто-
рону:
Словно всех родных проводил с
двора,
Проводил на пир, сам не прошен
был.
И брала его тоска лютая,
И привиделся небывалый сон.
Словно буря идет, с громом, с
молнией;
С треском небо, гляжу, разорва-
лося,
И в сияньи стоит висока жена
Красоты в очах неописанной.
Громким голосом на все стороны.
Говорит она, мать детей зовет:
«Подымайтесь, детки милые!
Обижают меня, ох, соколики!»
И по слову ее, что ковыль-трава,
Кольхается, подымается
С четырех сторон рать великая;

И, что лебеди по заре кричат,
По поморью кричат камышово-
му,
Детки матери откликаются:
«Слышим, матушка! Не бойсь, вы-
ручим!»
И, отколь возьмись, белый конь
летит,
На меня пахнул из ноздрей огнем;
И схватил коня я за гривоньку,
На коня вскочил храбрым витя-
зем,
И на мне доспех — воронена
сталь,
Полетел как вихрь, засверкал ме-
чом
И откликнулся звонким голосом,
Как откликнулись храбры полчи-
ща:
«Слышим, матушка! Не бойсь, вы-
ручим!»

А как крикнул я, то и сон пропал,
И вскочил, гляжу — а и нет коня,
Не доспех на мне, а дыряв зипун,
Не булат в руке — пастуховский
кнут.
И швырнул я кнут, залился слезь-

ми,
Наземь ринулся, рвал сыру траву.
В сердце зла тоска пуще прежне-
го.

«Али хуже я да честных людей?
Аль что плох пастух — так нет
удали?»

Да хоть песни петь молодецкие
Пригожуся я, как пойдут на
бой!..»

Трое суток я пропадал с села,
Трое суток я не гонял коров.
На четвертые поздно вечером
Я пришел с степи к отцу, к мате-
ри,

До земли челом поклонился им,
Заклинал забыть гнев родитель-
ский,

Что я сам нашел свою долюшку
Без отцовского изволения.

«Грех с души сними, родна ма-
тушка,
Отпусти вину, родной батюшка,
—

Сплю и вижу я: мне в поход идти».
Испужалася родна матушка,
Почала корить, горьки слезы

лить.

Сердце рвалось, да не сдалось!
Что надумалось во сыром бору,
Что под благовест намолилося
(Сам дивлюсь теперь, отколь речь
взялась),

Пошел сказывать, перепархивать
Сперва птенчиком низко по земли,
А потом пошел что орел гулять,
Что в своей воде рыба вольная.
Всё ей выложил: рассуди сама,
Коль губить — губи! В пастухах
держи —

Лыко драть, лапти плесть — да
коров гонять!

Молча слушал отец, на печи ле-
жал;

А и вижу, с печи опускается,
Сед как лунь, старик, прямо к об-
разу,

На колени пал; замолчала мать.
Был грозён-умён родной батуш-
ка.

«Не кори, — сказал, — не вопи, же-
на.

Не по глупости говорит дитя,
Он добро сказал, и добру быть
так!

Ты зажги свечу перед образом,
Осени дитя, как быть следует,
Нерушимым ввек крестным зна-
меньем:
Сам свезу чем свет и сдам в ре-
круты».

Просбирала мать во всю ночь ме-
ня,
Просидел отец до зари со мной.
С солнцем впряг коней, словно к
празднику,
С расписной дугой, сбруя с бляха-
ми.
Девки, молодцы все сбежались,
Как с родным, со мной попроща-
лись.
Гордой поступью вышел батюш-
ка:
Шапки снял народ, расступились.
Помолясь еще, тронул вожжи он

—
Кони взвились, люди ахнули,
Завопила мать, наземь грянулась,
Подхватили ее люди добрые.
Понеслись мимо нас избы с кле-
тями,
Зелены луга, ходуны-мосты,

*С громом въехали мы в губернию.
Тут и жизнь моя пошла сызнова.*

*Ох, дорога ль моя, ты дорожень-
ка!*

*Не видал я, где ты начинаешься,
А уж знаю теперь, где кончаешь-
ся.*

*Привела меня ты, дороженька,
К славному городу к Севастополю —
Отстоять его, коли бог судил,
Или лечь костями во честном
бою.*

1854

АРЛЕКИН

*Меня всю ночь промучил сплин...
Передо мной, к стене прибитый
И, видно, няней позабытый,
Висел бумажный арлекин.
Едва хочу я позабыться —
Вдруг арлекин зашевелится,
Начнет приплясывать, моргать
И точно хочет что сказать.*

*Я ободрил его. Он начал:
«У вас мне просто нет житья.
Здесь для детей забава я,*

А то ли я в Европе значил?
Там все уж знают и твердят,
Что нынче век арлекинад.
Мы маскируемся, хлопчем,
Кутим, жуируем, морочим
И, свет волнуя и губя,
Тишком смеемся про себя.

Но ты меня не понимаешь...
Не мудрено! Ты знаешь свет
Из книг французских да газет;
И, верно, всё воображаешь,
Что арлекин — остряк и шут,
Философ жизни, умный плут,
Друг Бахуса и всякой снеди —
Есть вымысл площадных коме-
дий.

Так было прежде, в старину.
Тогда нас в строгости держали,
Тогда мы роль свою играли
Исправно... Даже не одну
Услугу людям оказали...
Скажу не обинуясь: мир
Вперед мы двигали чудесно,
Когда какой-нибудь безвестный
Нам роли сочинял Шекспир.
Таких Шекспиров было много
Во всех родах. Их здравый ум

Всем и всему судья был строгой.
Их смех был плод глубоких дум...
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И к нам ездала даже знать,
Чтоб каламбур у нас занять, —
Инкогнито!.. Мы беспристрастно
Тартюфов ставили на смех;
Критиковали даже тех,
Кого критиковать опасно:
Известный взяточник и вор
Боялся нас как привиденья;
В делах правленья самый двор
Нас принимал в соображенье.
А шарлатанов-докторов,
Сластолюбивых старичков
И легких модников аббатов,
Скупцов и плутов-адвокатов,
Старух — охотниц до интриг —
Держал в острастке наш язык.
Так в нашем смехе и злословье
Нашли орудье короли,
Чтоб сор мести с лица земли;
И нас любили все сословья:
В них силы наша болтовня
Возобновляла, как лекарство,
Тем в равновесии храня
Все элементы государства.

Пленясь критическим умом
И нашей речи бойкой солью,
Нас свет иной, важнейшей ролью
Решился наградить потом.
«Вы гнать умеете пороки, —
Сказал, — подайте же вы нам
Высокой мудрости уроки!
Как дети вверимся мы вам.
Всей государственной машине
Вы чудный сделали разбор, —
Так перестройте ж нас вы ныне,
Да новый мир пойдет с сих пор!»

В нас ум всегда был смел и скор.
Вмиг план готов, и ухватились
За труд с уверенностью мы.
Мы к той поре уж поучились
И наши бойкие умы
Уж в философию пустились;
Пьеро надел уже парик,
И точно — царь был в царстве
книг!
И мы пошли ломать. Трещало
Всё, что построили века...
Грядущее издалика
Нам средь руин зарей сияло...
Но вдруг средь наших сладких
снов,

Средь наших пламенных теорий

—
Мы слышим черни ярый рев:
Как будто вдруг из берегов,
Бушуя, выступило море!..
Мы в ужасе глядим кругом,
И что ж? Как демоны в потем-
ках,
Одни стоим мы на обломках:
Добро упало вместе с злом!
Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Вопя, по улицам влекла...

Но это всё тебе известно;
Ты знаешь, как одни из нас,
Противу черни ополчась,
Погибли праведно и честно;
Но ты не знаешь одного —
Что многим голову вскружило
Господство, власть и торжество,
А с тем и деньги... Да, мой милой!
Кто раз уж сладко ел и пил,
Тот аппетит уж наострил!
Мы взять попробовали силой —
Да не смогли. «Ну так постой, —
Мы думали, — народ пустой!

Подобье вечное Сатурна!
Мы как-нибудь найдем лафу,
И так подденем на фу-фу!
Половим рыбки: море бурно!..
Мир сам пойдет своим путем,
А мы с него свое возьмем —
И вот как: решено, что дурно
Всё старое, как сгнивший плод,
Ну, так возьмем наоборот,
Перевернем всё наизнанку,
Взболтаем целый мир, как склян-
ку:

Чему на дне быть — упадет,
Чему вверху — наверх всплывет!..
То, что считалось безобразным,
Мы совершенством назовем;
Что искони казалось грязным,
Мы в том высокое найдем...»

Но, впрочем, эти штуки мелки,
И занимают лишь детей
Литературные проделки.
Тут были вещи покрупней.
Притом у нас литература
Была неважная фигура:
Один слезами тешил дур,
Другой ругался чересчур,
Так что открылась штука эта,
И мир смекнул, потряхнувши

сплин,
Что в маске чахлого поэта
Румяный крылся арлекин.

Нет, вот где более отваги!
Смотри-ка, дерзость какова!
Мы появились как маги,
Вещали чудные слова;
Со всем величием пророка
Провозглашали: «Нет порока!
Для плоти наступил свой век!
Стыд, совесть — робких душ тре-
вога!
В страстях познайте голос бога,
И этот бог — есть человек!..»
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецов, а особливо жриц,
Из жен, скучающих мужьями,
И неутешенных вдовиц.
В своем бессовестном ученье
Открыв всем мерзостям проще-
нье,
Пустили по свету гулять
Мы Мессалин и Дон-Жуанов,
И куча мелких партизанов
Пошли их роль перенимать.
Они взялись за дело прочно

И, пред испуганной толпой,
Плевали с наглостью тупой
В лицо весталки непорочной,
Им недоступной, им чужой!
Прикрывши грацией бесстыдство,
Они всем блеском сибаритства
Ловили в сети и детей,
Их развращая в цвете дней...
Тут было чистое злодейство,
Но наши новые жрецы
Втиралась в мирные семейства
И утучнялись, как тельцы...

Но всё же этим аферистам
Не так проделка удалась,
Как арлекинам-журналистам.
В них оценить ты можешь нас.
Вот знают, где и как ударить!
Вот мастера-то, черт возьми,
Насчет умов в карманах шарить
И слыть честнейшими людьми!
Сбирая дани с муз и граций
Натурой, деньгой, тем и тем,
Они для верных спекуляций
Каких не строили систем!
Уж в чем других не уверяли,
Не веря ровно ничему!
Казалось всем, они лишь знали,

Что не известно никому,
Род человеческий так падох
Ведь на таинственность: они,
Как сфинксы, полные загадок,
Являлись черни в оны дни!
От них услышать голос божий
К ним собиралися толпы
Великодушной молодежи,
Чуть не целуя их стопы.
И сфинкс, в них разжигая стра-
сти,
Себе прокладывал в тиши
На их плечах дорогу к власти
И с благородства их души
Сбирал тихонько барыши.
Так шарлатанством и ковар-
ством
Опять вступили мы в почет,
Опять правленье государством
Вручил нам ветреный народ,
И — мы попали в депутаты...
О, если б видел ты палаты!
Вот маскарад-то! Шум и гам!
Куда ни взглянешь — тут и там
Всё арлекин на арлекине
В патриотической личине!..
Ну, тут пошел такой кутеж,
Что уж теперь не разберешь!

Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Им обещая дать устав,
Как жать, не сеяв, не пахав.
Хоть, правда, два-три человека
Наладить думали ход века, —
Да где им? Главная-то часть
Была у нас — казна и власть,
В руках — голодной черни стая,
Толпа фанатиков слепая
Да беглецы со всей земли.
Так мы в республику сыграли,
Потом империю создали,
В парламент английский вошли...
И, два враждебные народа
Сдружив для Крымского похода,
На помощь туркам повели...
Всё б это ничего, конечно,
Когда бы в то, что мы творим,
О чем мы пишем и кричим,
Мы верили чистосердечно, —
Нет, веры нет в нас на алтын!
Ведь смех: почтенный господин
Громит с трибуны — плещут
массы,
А подо все его возгласы
В душе витии арлекин
Толпе коверкает гримасы!

Я сам... Да что и поминать!
Увы! *Nessun maggior dolore*, [95]
Как вспоминать про счастье в горе!

Нас стали там уж понимать.
Народ — не тот, что пьет и пляшет,

А тот, который жнет и пашет,
—

Стал дело, кажется, смекать;
А этих пахарей печальных,
Отцов семейств патриархальных,
Взросших средь лесов и гор,
Мы очень трусим с давних пор...
К тому ж еще удар жестокой:
Оскорблена в душе высокой,
Уж видит наша молодежь,
Что силы, ум ее, здоровье
Погибли, защищая ложь,
В великолепном пустословье,
И многие в душе своей
Дают обет — от критиканства,
От пустоты и шарлатанства
Предохранить своих детей...

Я думал, уж не дать ли тягу
Да здесь, в России, покутить...

Но как наказан за отвагу!
Не знаю, как и пережить!
Ведь вы одни для нас и грозны.
Вы слишком вообще серьезны.
Я здесь без весу, без гроша.
Иначе тешится Россия!
У ней и в смехе есть душа,
И в шутках — думы вековые!
У вас есть вера в вашу Русь —
А ведь и камни движет вера!
Нет, я ошибся. Признаюсь,
Уж вот урок-то! Вот карьера!
Мальчишка дергает шнурок,
А я и прыгай что есть ног,
Пока не пустит он шнурочка!..
Послушай, сжался надо мной!
Пусти меня! Сними с гвоздочка!
Мне, право, надобно домой!
Идет к концу арлекинада —
Так приготовиться мне надо
Собой украсить мавзолей
Великих тамошних людей».

1854

«ОКОНЧЕНА ВОЙНА. ПОДПИСАН
ПОДЛЫЙ МИР...»

*Окончена война. Подписан подлый
мир.*

Отцы отечества! устраивайте
пир,
Бокалы с торжеством высоко
поднимайте!
И лживый манифест с потоком
слез читайте!
Чего еще вам ждать — написано
красно!
Не в первый раз бумажным крюч-
котворством
Пришлось вам прикрыть отече-
ства пятно,
Подъячие в звездах, с умом и серд-
цем черствым.

1856

ВИХРЬ (Отрывок)

Полн черных дум, я в поле прохо-
дил,
И вдруг, среди истомы и тревоги,
Неистовым настигнут вихрем
был.

Средь тучи пыли, поднятой с до-
роги,
Древесные кружились листья,
Неслись снопы, разметанные сто-

ги,

Деревьев ветви, целые кусты.
Стада, бляя и головы понуря,
Помчались; рев и вой средь тем-
ноты

Такой поднялся, что, глаза за-
жмуря,
Я побежал и думал, что разбить
Иль вымести хотела землю буря.

Мгновенно дум моих порвалась
нить.
Попавши в круть и сляся напрас-
но
Запорошенные глаза открыть,

Я вспомнил Дантов адский вихрь
ужасной,
Который гнал, крутя, как лист в
лугу,
Теней погибших вечно сонм зло-
счастной.

И что же? Вдруг я слышу на бегу,
Что не один я схвачен адской кру-
чей

И волочусь в безвыходном кругу.

*На миг открыв глаза, сквозь ви-
хорь жгучий
Я множество узрел голов и лиц,
Одежд, как парус бившихся лету-
чий,*

*Взбесившихся коней, в пыли воз-
ниц,
Детей и женщин, подымавших ру-
ки
Из-под колес разбитых колесниц.*

*Лишь по устам, открытым в
страшной муке,
Я понимал, что все они вопят,
Но вихорь вырывал из уст их зву-
ки,*

*И мчал он их, как щепки водопад...
Я вдруг попал в затишье за ска-
лою,
И провожать бегущих мог мой
взгляд.*

*И видел я: тяжелою стопою,
Как мчатся в страхе по полю бы-*

ки
И между них телята — хвост
строкою, —

Бежали юноши и старики.
Над ними вихрь кружил листья бу-
маги
И рвал с голов седые парики...

Педантов вмиг узнал я в сей вата-
ге:
Их жалкий круг когда-то охранял
Наук святыню и, в слепой отваге,

Дорогу к ней народу преграждал...
За ними вслед — исчадь канцеля-
рий —
Дельцов, пройдох печальный сонм
бежал...

Тут были мопсов морды, волчьи
хари,
И головы ушастых лошаков,
И Зевс миров подъяческих, и па-
рий.

Их точно гнал незримый рой бе-
сов.

Один толстяк упал, изнемогая,
Но вихрь его, средь пыльных обла-
ков,

То вниз, то вверх кидал, как мяч
швыряя;
Другому же блудница на плеча
Повисла, как вампир, его кусая:

Он бил ее, зубами скрежеща...
За ними дам толпы, в наряде
бальном,
В венках из роз, в гирляндах из
плюща,

Как будто плыли в вальсе музы-
кальном,
Подобные летящим лебедям
Над синей степью к озерам зер-
кальным,

И франтов рой бежал по их сле-
дам,
Толкаяся и руки простирая
За улетающей толпою дам,

Так спугнутых домашних уток
стая

*Бежит по пруду, шлепая крылом
И взвиться в воздух силы напря-
гая...*

*Но вихорь стал еще сильнее по-
том,
Опять толпы помчались в урага-
не,
Как армии в дыму пороховом.*

*Как в разноцветном, огненном
фонтане,
И голубых и алых лент цвета
Передо мной мелькали, как в ту-
мане.*

*Я чувствовал: страшна та высо-
та,
С которой вихрь низвергнул сих
несчастных...
Но вдруг, смотрю, яснееет темно-
та,*

*И пыли столб, и с ним толпа без-
гласных
И жалких жертв в клубящемся
песке,
Весь просиял в отливах света*

красных,

И в белой ризе, крест держа в руке,
Маститый старец стал перед толпами,
Как каменный утес в упор реке.

Он вопиял: «Покайтесь!» — и перстами
Указывал на город... Я взглянул —
И онемел... Огонь, клубясь волнами,

Над городом всё небо обогнул.
Из дыма искры сыпались, как семя
От веяла, — и вдруг, сквозь треск и гул,

С небес раздался глас: «Приспело время!
Се тот, кого забыли вы! Долой,
О блудное и ветреное племя!»

Я в ужасе упал полуживой.

1856

БОРЬБА
(Из Шиллера)

*Нет, прочь суровый долг! Зачем
мне сердце гложешь?
Не требуй жертв напрасных от
меня,
Когда уже гасить в груди моей не
можешь
Ее палящего огня!*

*Я клялся, да, я клялся мощной во-
ли
Признать над сердцем власть...
Теперь... вот твой венок, он мне
не нужен боле.
Возьми его и дай мне пасть!*

*Разорван наш союз... Она, я знаю,
любит!
И вдруг отречься от нее!..
О, нет! пусть страсти пыл навек
меня погубит:
В моем падении — блаженство
всё мое!*

*Что точит червь мне жизнь, что
гибну я в молчаньи,
Всё поняла душой она;*

*И на мои безмолвные страданья
Глядит, участия полна.*

*О, боже! вот оно — желанное уча-
стье!*

*Один лишь миг остался роковой...
Но нет, постой, дитя! Мне
страшно это счастье:
В нем приговор конечный мой.*

*О, страшная судьба! коварное со-
мненье!*

*Я здесь у цели наконец:
В ней тайных мук моих награда и
венец —
И роковой удар преступного паде-
нья.*

1857

«В ЧАСЫ ПОЛУНОЩНЫХ ВИДЕНИЙ...»

*В часы полунощных видений
Как часто предо мной встают
В тумане милые две тени,
И как лепечут, как поют,
Как верят в счастье, как играют
И в жизнь, и в слезы, и любовь, —
И как легко они страдают,
Как быстро радуются вновь!*

*Их смех игрив, их взоры ясны,
Улыбки — веянье весны!
О боже! как они прекрасны!
О боже! как они смешны!
Как в них себя узнать нам трудно...
Ужель и впрямь была пора,
Когда так веровалось чудно
В возможность счастья и добра!*

23 октября 1859 у Полонского

<ИЗ «НЕАПОЛИТАНСКОГО АЛЬБОМА»>

1

*Под скорлупкой черепаха —
Вот он кто, мой мистер Джон!
Раз лишь в день свою головку
В мир высовывает он.*

*Пробежит свои газеты
И в себя опять уйдет
Рассуждать, какой сегодня
В ценах будет поворот.*

*И сидит — и только цифры,
Словно звезды в небесах,
У него в воображенье
Бродят в группах и рядах.*

И бог знает как! — ведь этих
Цифр выходит наконец
Над головкой милой Мери
Фантастический венец.

Вот он — ключ к его тревогам!
Двести тысяч надо в год
Ей для счастья — сто отцовских,
Сто — Альфред пусть достает!

И повсюду за Альфредом
Из скорлупки он следит:
Одобряет втихомолку
Или мысленно корит.

Что ж мне делать? Право, сердце
У меня надорвалось!
Мне любить иль ненавидеть
Мистер Джона: вот вопрос!

2

Рассказать им, что в мисс Мери
Привлекает — не поймут!
Не поймут, что это чудный
Для психолога этюд!

Как сквозит сквозь мрамор солн-
це,

Так у ней сквозит во всем
То — о чем мы столько спорим
И душой пока зовем...

Я люблю наружу вызвать
Эту душу — уколов
Чем-нибудь ее легонько
(Даже взглядом и без слов).

И смотреть, как это нечто
Просквозит в лице на миг —
И потом опять уходит —
В свой неведомый тайник.

3

Целый час малютку Нину
Исповедует монах.
Целый час она, бедняжка,
Перед ним стоит в слезах.

Где сошлася с Лоренцино?
Что сказал он? что она?
Целовались ли — и только ль?
Всё открытъ была должна.

В заключенье поученье
Он прочел ей: силен враг,
Победить уже не можешь

Ты одна его никак.

*Эти серьги золотые
Ты Мадонне уступи,
На последние деньжонки
Индульгенцию купи,*

*Ну, а главное, почаще
Исповедуйся у нас.
И тебя я застрахую
От дурных и всяких глаз.*

*Нина плачет... О мисс Мери,
Вы б спасли ее как раз —
Научив ее — чем сердце
Застраховано у вас?*

1858-1859

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

*У меня ли над окошечком
Поселилось две ласточки.
Всё сидит одна на гнездышке,
А другая полетает вокруг,
И подсядет к ней на краишек,
И щебечет ей без умолку.
Говорит она про солнышко,
Да про море, море белое,
Про любовь свою заветную,*

Да про кошку злоехидную.
Если б был со мной мой милень-
кий,
К моему б окну он хаживал,
Говорил бы мне без умолку
Всё про солнышко, про ясное,
Да про море, море белое,
Про любовь свою заветную,
Про мою про злую мачиху.

1859

«НА БЕЛОЙ ОТМЕЛИ КАСПИЙСКОГО
ПОМОРЬЯ..»

На белой отмели Каспийского по-
морья,
Работой каторжной изнеможен,
лежал
Певец. Вокруг песок; ни кустика,
ни взгорья...
Лишь Каспий брызгами страдаль-
ца освежал,
Лишь Каспий вызывал певца на
песнопенье...
Вот в сердце узника забилося
вдохновенье,
Задвигались уста, сверкнул по-
тухший взор,
Он руки к родине, как к матери,

*простер
И очи обратил с молитвой жар-
кой к богу;
Но двое часовых уж видят —
быть греху!
И взводят уж курки, оставили
уж ногу,
Готовясь выстрелить по первому
стиху
И в крепости поднять военную
тревогу...*

1859

ПРАЗДНОСЛОВЫ

*Кумиры старые разбиты,
И их разогнаны жрецы,
И разных вер сошлись левиты,
И разных толков мудрецы.
Сошлись во всеоружьи бранном,
В тиарах, в пудре, в колпаках,
Восток и Запад в братстве
странном
Уселись рядом на скамьях.
И толк пошел — широко, пышно,
Но с каждым мигом все сильнее,
И наконец уже не слышно
Совсем за криками речей:
Друг друга каждый лишь поро-*

чит,
И громко бога своего
На место свергнутого прочит,
И счастья ждет лишь от него...
А мир, от гнета векового
Меж тем свободный, засиял,
И прыснуть жизнь везде готова,
И лист уж почку завязал...
И туча пыли, мглы и смрада
Ушла с ликующих небес,
И зданья нового громада
Стоит уж, полная чудес...
И перед тем, кто дал спасенье,
Пред кем разодралась тьма, —
Уже встает из разрушенья,
Живая, Истина сама...
Но, — хоть у всех глаза открыты,
—

Ее не узрят гордецы,
И не поймут ее левиты,
И не узнают мудрецы!

1859 или 1860

НЕДОГАДЛИВЫЙ

Вукоман пригожий был детина,
А жена его еще пригожей:
Пляшет, скажешь, пава выступа-
ет.

Говорит, что голубка воркует,
Засмеется, что солнцем освещит.

Да не пляшет давно молодица,
Не воркует она, не смеется,
По садочку тихохонько ходит.
Зацепилась за яблоньку платьем;
Отцепляет от яблоньки платье,
А сама разливается, плачет:
«Ах, ты яблонька моя грунтовая!
Уж не тронь ты меня, горемыч-
ной!

Что ни год ты пышно расцвета-
ешь,
Что ни год несешь ты плод румя-
ный;

От меня одной краса уходит,
От меня одной плода не уродит-
ся,

Хоть живу уж пятый год я с му-
жем,

Да не знаю мужниной я ласки».

Услыхала свекровь ее слово,
Подзывает, спрашивает сына:
«Разгадай мне, Вукоман, загадку:
Сдуру, что ли, плачется невестка,
Что живет уж пятый год с то-
бою,

Да не знает она мужниной ласки?
Али порча есть в тебе какая?
Аль жена опостылеть успела?»
«Не стыди меня, матушка, на-
прасно.

Никакой во мне порчи не бывало,
Не успела мне жена опостылеть.
А что нет у нас с нею деток,
Так на то была ее же воля.
Как мы только с нею повенчались
И разъехались со свадьбы гости,
Приласкать хотел я мою любу,
Целовать хотел в уста и очи, —
От меня стала она борониться
И лицо руками закрывала,
И молила, так молила жалко:
«Не губи ты меня, сиротинку,
Называй меня своей сестрицей
И живи со мной, как брат с сест-
рою».

Как всплеснется руками старуха,
Обомлела и глядит на сына:
«Ох, ты дурень, молвила, дурень!
Я-то дура, что тебя женила!
Только в стыд с собой старуху
водишь,
Мать — учи его, как жить с же-

ною!

Слушай же, что я скажу, бес-
стыдник!

Как с отцом твоим опосле сва-
дьбы

Мы одни остались в светелке,
Стал ко мне родитель твой лас-
каться,

От него я стала борониться

И молила звать меня сестрицей

И со мною жить, как брат с сест-
рою.

Не охотник был шутить покой-
ник:

Он мне дело говорит, я в слезы;

Он — ласкаться, а я пуще пла-
кать;

Догадался, был умен, голубчик,
Что на бабью дурь господь дал
плетку!

Перестала звать его я братцем
И всегда за то скажу спасибо.

Берегу с тех пор я эту плетку,
Передам сейчас же, только

Не тебе, сынок, а уж невестке».

Не прошло после этого недели,
Расцветать Вукоманиха стала.

Заиграл в лице у ней румянец,

Целый день и шутит и хохочет.
Не прошло и году — Вукоману
Родила она сынишку Яна.
Был такой веселый, славный
мальчик,
Видом схож был с дедом, да и нра-
вом,
И по деду так и назван Яном.

<1860>

<ИЗ «СЕРБСКИХ ПЕСЕН»>

Высоко, под самым синим небом,
Пролетали малые три птички,
И у каждой было по вещичке:
У одной то был — пшеничный ко-
лос,
У другой был — листик виноград-
ный,
А у третьей — здоровье и веселье.
У которой колос был пшеничный,
Та садилась на зеленом поле, —
Во всё поле выросла пшеница;
У которой лист был виноградный,
Та садилась на высокоу гору —
Вся гора покрылась виноградом;
Что несла же здоровье и веселье —
Та садилась за трапезу нашу —
Чтоб мы были веселы и здоровы.

1860-е годы

ДРУГУ ИЛЬЕ ИЛЬИЧУ

Илья Ильич! Позволь, пока еще я
смею
Гордиться дружбою высокою тво-
ею,
Позволь воспеть звезду восходя-
щую твою!
Покинешь скоро ты друзей своих
семью
И потеряешься для них в сияньи
света,
Недосягаемом для бедного поэта!
Позволь мне хоть сказать, как я
люблю тебя,
Как мил ты мне, когда, гаванский
дым клубя,
Прихлебывая, пьешь ликер ты
благовонный
Иль сельтерской водой клико
остепененный;
И в этот сладкий час, между еды
и карт,
В бюрократический приходишь
вдруг азарт,
И перестраивать, с верхов до ос-
нованья,

Всё заново начнешь общественное
зданье!

О, как мы слушаем! Как наш уче-
ный Шмит —

Сей нигилистов бич — от сча-
стия пыхтит!

А юный правовед — сей баловень
фортуны, —

Как будто ловит он речей твоих
перуны

И прячет их в карман, чтоб ими,
может быть,

В бумагах деловых эффектно по-
громить!

А Петр Петрович! Тит Фомич! И
я-то, грешный, —

Мы таем, учимся, и — верь — не
безуспешно!

Какие новые пружины и винты

В гражданский механизм искусно
водишь ты!

Какой из рук твоих, в жизнь дико-
го народа,

Ручной голубкою влетела бы сво-
бода!

Я слушаю, лежу спокойно на софе
И вижу, что и я, в особенной гра-
фе,

В теории твоей стою, и так же
точно
Все — пирамидою, осмысленно и
прочно
Сложилась шестьдесят миллионов
русских душ!
И как мы все цветом! О, богом
данный муж!
У всех одна лишь мысль, все тру-
димся мы вместе,
Чтоб всё, что ты завел, стояло
век на месте.
Не только старики, — ты сча-
стьем всех смирил,
Всех! Даже молодежь ты так пе-
реродил,
Что исчезает в ней уж в школе
пыл и ярость,
И прыгает она из детства прямо
в старость...
Мне даже кажется, что стали
наезжать
Уж немцы к нам твое создание
изучать,
Дивясь, какой судьбой на «свин-
ской» почве русской
Вдруг стало пахнуть всё идилли-
ей французской!

Конечно, иногда меня смущает
тут

Одно сомнение: народец рус-
ский — плут!

Не спорит никогда, но всюду —
как по стачке,

Как в яму спустит вдруг, гля-
дишь, поодиначке,

Созданья лучшие учнейших го-
лов.

И как ты ни пиши, что с ним ни
трать ты слов, —

Он от тебя бежит под сень род-
ного мрака,

Как от немецкого намордника со-
бака!

Но ты — ты сладишь с ним... вот
только б проложитъ

Тебе тропинку-то!.. Вот только б
обратить

Вниманье... знаешь... там!.. Лишь
там бы захотели

Понять твои мечты, способно-
сти и цели!

Тогда б ты сладил, да! Ведь ты не
то, что был,

Ну, хоть твой папенька!.. Ах, ви-
жу, рассмешил

Тебя сравнением я! Хохочешь?..

Слава богу!

Мне лестно! очень! да!.. Вспадет
же на язык!

Вот в самом деле был забав-
ный-то старик!

Полжизни на плацу вытягивал он
ногу,

Был губернатором, здесь чем-то
управлял...

Застегнут, вытянут, каким-то
дикобразом

Старался выступить, — казалось,
съест вот разом!

Пугать всегда хотел — и вовсе не
пугал!

В нем, знаешь, не было — руково-
дящей нити...

А ты — учтив всегда, без этой
лишней прыти,

И, не поморщив бровь, сгоняешь со
двора

Без объяснения, лишь почерком
пера,

Всех этих практиков и самоук
несчастных,

С великой мыслию твоею несо-
гласных!

Не слушаешь мольбы ни жен их,
ни детей...

А папенька? Смешно и вспом-
нить-то, ей-ей!

Воришку мелкого, на сотенном
окладе,

Бывало, призовет, кричит, сам
весь в наdsaде,

Раздавит, кажется... Ан смот-
ришь, покричит —

И сам расплачется, да тут же и
простит!

Закона — не любил! Его боялся да-
же,

Всегда в нем видел то, против че-
го на страже

Быть должно всякому, и, встре-
тясь с ним в пути,

С ним только вежливость ста-
рался соблюсти...

Вот в чем всё горе-то! В мундир
весь век рядился,

Но сквозь мундир его халат все-
гда сквозился!

Вот ты, — так и в пальто, без
звезд и без крестов.

А точно, кажется (я, впрочем,
это слышал

От маменьки твоей), на свет в
мундире вышел!
Конечно, память твой папа у
стариков
Оставил добрую, — и ставят пред
иконы
И нынче за него свечу; но, милый
мой,
Тебя благословят — не тот и не
другой,
Не Прохор, не Кузьма, не Сидор —
а миллионы!
И пусть кричат слепцы: ты деспот!
ты тиран!
Не слушай! Это толк распущен-
ных славян,
Привыкших к милостям и грозам
деспотизма!
Тиран ты — но какой? Тиран либе-
рализма!
А с этим можешь ты — не толь-
ко всё ломать,
Не только что в лицо истории
плевать,
Но, тиская под пресс свободы, —
половину
Всего живущего послать на гильо-
тину!

1861, <1863>

<ИЗ ЦИКЛА «ДОЧЕРИ»>

1

*Пред материнской этой скорбью
Немеет дух...
Как будто шел в горах беспечный
И — бездна вдруг...
И — слово, кажется, промолвишь
—*

*Раздастся крик
И всё кругом, и льды, и горы —
Всё рухнет в миг!*

1866

2

*Туманом окутано темное море...
Туман этот с солнцем на небо
взовьется,
И в ливнях и в росах на землю про-
льется,
Откроет путь свету... А ты, мое
горе?..*

1866

НЕДАВНЯЯ СТАРИНА

1

ПРЕЛЮДИЯ

Люблю в его осеннем увяданье
Родной лесистый этот уголок...
Идешь — чуть слышно ветерка
дыханье,
И в воздухе здоровый холодок;
Верхи дерев уж в розовом сиянье,
А по траве и в колеях дорог,
Усыпанных листвою пожелтелой,
Еще сребрится заморозок белый...

Ах! юность в жизни видит пред
собой
Лишь то, что как посев весенний
всходит...
Старик следит с участием и тос-
кой
За тем, что отцвело и вдаль ухо-
дит...
Увядший лист, поверженный гро-
зой
Могучий дуб на сердце грусть на-
водит:
Пройдем и мы, падет и самый
храм,
Что созданным навек казался
нам...

Уж он что день — то никнет и
ветшает,
И падают столбы то там, то
тут,
Столб за столбом... И взор кру-
гом блуждает
И ищет им замены — тщетный
труд!
И старость грустно, грустно по-
вторяет:
«Конец всему!» И вот на этот суд
Отвечает ей юность: «Только
с нами
Явился свет, ожидаемый веками!

Прочь, привиденья мрака! мы
идем!»
И — боже мой! — два возраста!
два стана!
Там крик «спасай!», там возглас
«напролом!».
Подумаешь — восстание титана
Против богов! И молнии и гром!
Ормузд в борьбе с сынами Арима-
на!
Всё есть там: оба Брута, Цинци-
нат
И даже — монтаньяры и Марат!..

Но это там, на высотах, те бури!
А здесь, в полях, — торжествен-
ный покой!
Лишь пенье птички, вьющейся в
лазури,
Да голос жниц... пожалуй — ветра
вой,
Да крик ребят, да споры сельских
фурий...
Над всем же благовест, над всей
страной
Вещающий о боге и о небе,
Что «будешь сыт не о едином хле-
бе!..»
Иной здесь мир!.. Отсюда тех вы-
сот
Волнения, те возгласы, те стоны
—
Одна лишь зыбь на океане вод!
Своя здесь жизнь, свои у ней зако-
ны,
Своя у ней история идет,
Само собой, сквозь всякие препо-
ны,
В сердцах растет, что в них зало-
жено, —
Не нами насажденное зерно...

Поэма — и в октавах! Стало
быть —
Тут будет смех, и шутка, и
остроты...
Хоть, признаюсь, не мастер я
острить,
Да и шутить, ей-богу, нет охоты!
Теперь все шутят — без того и
жить
Почти нельзя: свести пришлось
бы счета
Со многим, что так за сердце ще-
мит!
А шутка всё покроет, хоть на
вид!

Моя поэма — песнь тревожной
Музы!
Дай волю ей — слезами б изошла!
И я беру тройных созвучий узы
И шутку — *obligato*, [96] — чтоб
была
В них для ее порывов — род обузы,
Чтоб в высший свет она теперь
вошла,
Собой владея и в порядке стро-
гом...
Не выдержит, пожалуй... Ну да с

богом!

1874-1875

ВАЯТЕЛЮ
(ЧТО ДОЛЖЕН ВЫРАЖАТЬ ПАМЯТ-
НИК ПУШКИНУ)

*Изобрази ты в нем поэта,
Чтоб, в царстве мысли царь, он
был
Исполнен внутреннего света,
Да им и нас бы охватил!*

1875

«ЛЮБЛЮ ЕГО — НЕ БАЛОВНЕМ ЛИЦЕЯ..»

*Люблю его — не баловнем Лицея,
Питомцем чуждых муз — и на за-
ре годов
Уже поклонником Фернея
Вслед офранцузенных отцов;*

*Не юношей, чей расцветавший ге-
ний,
И свежесть чувств, и первый серд-
ца пыл
Под звуки Байрона уж отуманен
был
Налетом им не прожитых сомне-*

ний...

Люблю его, когда уже прозрел
Он в этой мгле блистательной,
но ложной —
И ранней славы блеск счел мишу-
рой ничтожной,
И правды захотел.

Прочь Чайльд Гарольдов плащ! до-
лой всю ветошь эту!
В искусстве мы должны пробить
свою тропу!
Прочь возгласы, которыми поэту
Легко так волновать толпу, —
Нет, независимость от всякого
кумира
И высшее из благ, в себе — лишь
прямоты
И правды внутренней ища в явле-
нях мира,
Познал он тайну красоты.

1879 или 1880

ЭПИГРАММЫ

1

За обе щеки утирал
Постом говядину какой-то карди-

нал
И проповедывал, что может
быть угоден
Всевышнему лишь тот, кто
плоть свою смирял.
Так галлицизмами доказывал По-
годин,
Что должен навсегда писатель
быть народен.

Первая половина 1840-х годов

2

И. И. Л. в 1850-м году

*Говорят в вас, анонимом,
Луи Блан, Жорж Занд, Прудон,
Фейербах с почтенным Гримом,
Иногда и Пальмерстон —*

*Что прочли вы днем и на ночь...
Одного бы я желал,
Чтобы в вас Иван Иванович
Сам мне что-нибудь сказал.*

1850

3

*С народом говори, не сдержанный
боязнью*

*Придворных развратить, а паче
же всего
Чиновников. О царь, начни за во-
ровство
На Красной площади казнить
торговой казнью.*

1853 или 1854

4
В. П. Б.

*Подчиняясь критиканам нашим,
Не пойдём далёко мы вперед.
Честно ниву ведь свою мы пашем,
Так посев наш, верю я, взойдет —
Хоть под дудку их мы и не пля-
шем.*

1855 или 1856

5

*Видал ли ты на небесах комету?
Видал ли ты, как хвост ее поймал
И, привязав к нему свою карету,
Езжал один известный генерал?
Народу что сбегалось — о мой
боже!
Видал ли ты? — Нет, не видал. —
Я тоже,*

А Григорович так видал.

<1856>

6

Ты понравиться желаешь
И для женщин открываешь
Глубину своей души.
Видно женщин ты не знаешь —
Просто, братец, их смеши.
Середина 1850-х годов

7

Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей.
Стоят превыше всех законов,
Стеной стоят вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И простодушно говоря:
«Ведь только мы и есть Россия!»
1855 или 1856

8

[Щербина] слез опять. —
Неужто? — Еле дышит]
— Бедняжка! — Да, и это всякий
раз,

*Как кто-нибудь, друзья, из вас
Стихи хорошие напишет.*

Между 1857 и 1859

9

*От всех хвала тебе награда,
Ты славу вдруг завоевал, —
Для полноты ж успеха надо
Еще, чтоб Зотов обругал.*

Между 1857 и 1859

10

*С трудом читая по складам,
Хотят читать между строками,
И, что сказать хотели б сами,
То придают чужим стихам.
Их вразумлять — труды напрас-
ны!*

*Так и заладили одно!..
Стихи-то, кажется, и ясны,
Да в головах у них темно!*

1864

11

ВАЛУЕВ

*Мысли — тени ни малейшей,
Но как важен, светел он!*

*Это — пошлости полнейшей
Министерский Аполлон!*

Между 1864 и 1866

12

*Академия кутит,
В буйстве меры не имеет.
Значит, рок свое вершит:
Академия русеет.*

1861

13

*У Музы тяжкая рука.
Вот Пушкин дураком лишь на-
звал дурака —
Да так и умер с тем Красовский.
Какой тебе урок, Шидловский!*

1870 или 1871

14

*Вы «свобода» нам кричите,
Я одной себе ищу —
Думать так, как я хочу,
А не так, как вы хотите!*

Середина 1870-х годов

15

Ты копируешь, что видишь, художник, случайные образы жизни, Тайну же, скрытую в них, даже не чувствуешь ты!

Нет, ты природу себе подчини, будь господином над нею, Правду не в форме ищи, а в содержанье ее.

Середина 1870-х годов

16

О дети, дети! чем ваш пыл умерить!

Знать, всех нас рок одной обрек судьбе, —

Вам неудержно хочется проверить

Отцов ошибки на себе!

Середина 1870-х годов

17

DE MORTUIS...[97]

Давно всеобщую моралью решено: «Об мертвых говори хорошее одно».

Мы ж заключение прибавили такое:

«А о живых — одно дурное».

Середина 1870-х годов

18

*По службе возносяся быстро,
Ты стал товарищем министра,
И дорогое имя Тертия
Уже горит в лучах бессмертия.*

1878

19

*Пишешь сатиры? — Прекрасно.
Бичуешь порок? — Превосходно.
Значит: ты лучший из нас? Ты —
добродетельней всех?*

1878

20

ПОСЛЕ ВЫСТАВКИ ХУДОЖНИКОВ

*Я видел бога в Аполлоне,
В Мадонне чуял божество,
И до сих пор уже на склоне
Земных годов всё полн его.
В созданьях нынешнего ж века
Я вижу много лиц живых,
Но — уж не только бога — в них
Не узнаю и — человека!*

Вторая половина 1870-х годов

21

К СТАТУЕ НИОБЕИ

Из греческой антологии

*Гнев Зевеса обратил
Ниобею в хладный камень, —
Но художник снова влил
В глыбу камня жизни пламень.*

Вторая половина 1870-х годов

22

*Спокойное, звездное небо
Плывет надо мной...
О, если б в душе моей тот же
Был свет и покой!..*

<1877>

23

*Почетным членом избирает
Меня словесный факультет —
И в ваш почтенный круг вступа-
ет,
Вам низко кланяясь, поэт.
Всё, что в науку вашу входит,
И вас самих он чтит всегда, —
Не понимает лишь, когда*

Речь о поэзии заходит.

1888

24

<АВТОЭПИГРАММА>

*Устал я жить, устал любить
И трепетать за всё святое!
Любовь — цель жизни, может
быть,
Но и ярмо мое земное!..*

1888

25

(Горбунову)

*За погремушкою шута
Не замечают в нем поэта!*

1888

26

*Киев, весной радостной,
Слышит голос сладостный,
То кричит Аверкиев:
«Ты ли мне поверь, Киев,
Я стою здесь с самою
Лучшей своей драмою».*

1888

Вот Дамаскин Алексея Толстого — за автора больно!
 Сколько погублено красок и черт
 вдохновенных задаром.
 Свел житие он на что? На протест за «свободное слово»
 Против цензуры, и вышел памфлет
 вместо чудной легенды.
 Всё оттого, что лица говорящего
 он не видал пред собою...

1888

Нет своего в тебе закала,
 В душе — наследья нет веков,
 Чтоб, замыкая век отцов,
 Она б и новый предвкушала...
 Ты просто — делаешь стихи...
 Ядро уж вынута другими,
 Ты ж ловишь брошенные ими
 Осколки мертвой шелухи;
 Их сложишь, склеишь, лаком тоже
 Покроешь — не сквозил бы свет —
 По виду на орех похоже —
 Да только в нем ядра-то нет!

1888

29

М.....МУ

В вас есть талант — какой тут спор!

*Но, чтобы свет ему увидеть,
Пошли, господь, весь этот вздор,
Что вы писали до сих пор,
Вам поскорей возненавидеть!*

1888

30

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

*Как ни шатай — не пошатнётся!
Пускай вражда кругом клокочет,
Она, в его ударясь грудь,
Как мяч резиновый отскочит.*

1888 или 1889

31

Смерть есть тайна, жизнь — загадка:

*Где ж решенье? цель? конец?
Впереди — исчезновение —
Иль бессмертия венец?*

1889

32

*Профессор Милюков, в своем
трактате новом
Великого Петра сравнивший с
Хлестаковым,
Всё просит, чтоб его не смеши-
вать с другим
Давно известным Милюковым. —
Напрасный страх! Никто вас не
смешает с ним...
Но — может, как с Петром, вы
шутите и с нами?
Ведь старый Милюков — все зна-
ют — он
И образован и умен —
Какое же тут сходство с вами!*

1892

33

ДЕКАДЕНТЫ

*В степи поет заря. Река мечтает
кровью.
Бесчеловечною по небесам любо-
вью
Трещит душа по швам. Озлобился
Ваал.*

Он душу за ноги хватает. Снова в
море
Искать Америку пошел Колумб.
Устал.
Когда же стук земли о гроб при-
кончит горе?

1893 или 1894

34

У декадента всё, что там ни го-
вори,
Как бы навыворот, — пример то-
му свидетель:
Он видел музыку; он слышал
блеск зари;
Он обонял звезду; он щупал добро-
детель.

1894

35

АНОПОВУ

Приобрести мы можем — знанья
И умение пролезть —
Трудно то лишь приобрести,
Что дает нам — воспитанье.

Начало 1890-х годов

К ХУДОЖНИКУ

*Напрасно напрягаешь струны,
Вотще допытываешь ты
И этот мрамор вечно юный
И эти дивные холсты...
Твое богатство — эти знанья
И упражненная рука,
Но лишь орудье для созданья,
Запас безжизненный — пока
Отвыше Творческая сила
Твой дух собой не охватила,
Дабы, вода твоей рукой,
Ей продолжать творить Самой.*

1885

ПОЭМЫ

ДВЕ СУДЬБЫ

Быль

Кто более достоин сожаления? Чья судьба ужаснее?...

*Увы! Я не смею произнести приговора.
Хор из Софокловой трагедии «Трахинийки»*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Один сидел больной Карлино.
Сладко
Дыша в тени прохладным ветерком,
Он отдыхал, избитый лихорадкой.
Он снова жизнь улыбкою встречал,
В ней помня радости, забывши муки,
И весело, как будто по разлуке,
Знакомые предметы узнавал:*

*В углу кумир языческого бога,
Открытый им в саду, без рук, без ног...*

«Бог даст, — он думал, — сыщется знаток,
Даст пятьдесят пиастров: мне подмога...»
На золоте мадонна со Христом,
Сиенских старых мастеров работа,
Ряд древних копий с Липпи иль с
Джиотта,
Оставленных ему еще отцом.

На полке книги — да, о человеке
Вы можете наверно заключать
По избранной его библиотеке,
В его душе, в понятиях читать, —
Лежали там комедии Гольдони,
История мадонны и святых,
Либретто оперы, стихи Тассони
Да календарь процессий храмовых...

Как старый друг, он встретил их
улыбкой;
Потом на даль он перевел свой
взор...
А что за виды с Фраскатанских
гор!
Там деревья лозой обвиты гибкой,

Там в миртовых аллеях пышных
вилл
Статуи, бюсты, мраморные груп-
пы;
Там римских пин зонтообразны
купы
И кипарис, печальный друг мо-
гил...

Как рад он был, что снова видит
дивный
В тумане очерк купола Петра
И в Рим дорогу лентою извивной
Между руин... А уж была пора,
Как солнце гасло, ночь шла от во-
стока,
И слышно на долине лишь дроздов
Да караван навьюченных мулов,
Гремушками звенящий издалёка.

Не долго наш больной покоил взор
На дали и долиной любовался;
Заботливо порой он обращался
В соседний виноградник чрез за-
бор.
Он видит: там, меж листьями
мелькая
В корсете алом, белою рукой

Пригнув лозу, смуглянка молодая
Срывает с ветки гроздий золо-
той.

Пурпурный луч мерцающей денни-
цы
Ее античный профиль озлащал,
И смоль косы, и черные ресницы,
И покрывало пышно обаграл.
«Нинета!» — ей кричит он чрез
ограду,
И тотчас, легче серны молодой,
С корзинкою золотого винограду
Влетела девушка в его покой.

«Проснулся ты? Тебе, Карлино ми-
лый,
Сегодня лучше?.. Знать, недаром
я
Поутру в монастырь святой хо-
дила
К обедне и молилась за тебя.
Я отнесла мадонне ожерелье».
И целовала дева-красота,
Резвясь, едва не плача от веселья,
Устами алыми его уста.

«Нинета! Ты всё прежняя резвуш-

ка!

Будь и всегда такая, и в те дни,
Как будем мы — господь тебя
храни! —

Я — дряхл и хил, ты — добрая
старушка.

Как мне легко! Как весел я душой!
Я будто вновь родился, и родился
К блаженству... Этот вечер, ты
со мной...

Как будто ангел с неба мне явил-
ся...

Ах скоро ль я женой тебя введу
В свой дом! Пора! Наш домик бу-
дет раем.

Хозяйкою ты станешь... Мы сло-
маем

Докучливый забор в твоём саду.
Взгляни: мой виноград в твой са-
дик, к лозам

Твоим через забор перебрался,
Твой олеандр к моим пригнулся
розам,

И плющ мой вокруг него перевился.

Всё любитя вокруг нас! Мы друг
для друга

Назначены судьбой!» Упоена,
Молчала Нина. Думала ль она
О счастье, как будет мать, су-
пруга,
Жалела ли девичьих вольных дней,
Иль страстных слов она не пони-
мала,
Но молча им, рассеянно внимала,
Как колыбельной песенке своей...

Так следует головкою стыдливой
Цветок полей движеньям ветер-
ка,
Так носится струями ручейка
Листок заблудший... Бурные порывы
И бес любви ее не трогал сна,
В ее душе ключом не бил, не сту-
кал —
К любви Карлино искренней она
Еще привыкла в пору игр и кукол.

В ее душе читал он, как на дне
Прозрачного ручья: мечты, жела-
нья,
Вся, вся она была его созданье;
Как юного орленка в вышине
Отец и мать, следил он мысли

Нины,
Лелеял мир души и сердца сон;
А сердце спало в ней, как средь пелен
Младенец спит, про то не знал
Карлино.

Как сердце спало? Стало быть,
она,
Не зная любви, Карлино не любила?
Зачем же в монастырь она ходила
О нем молиться? Отчего одна
Она в дому его? И даже — божже!

—
Что ж ничего она не говорит,
Как он ее целует? Что за стыд!
Ведь ни на что всё это не похоже!

Позвольте, всё вам верно объясню;
Но расскажите мне, когда угодно,
Зачем мы часто любим так свою
Собаку старую, халат негодный,
Одну всё трубку, няню, старый дом,
Тетради школьные?.. А если будем

Должны их бросить? Бросим и уйдем!
К вещам привычка! Точно то ж и к людям,

Покуда их та мысль не потрясла
И сердца их та страсть не взволновала,
Которая в душе у нас росла,
Бушует в ней или отбушевала...
Подобных встреч не много нам дано,
И с близкими мы часто как с чужими...
Иных же встретишь... кажется, давно
Видал их, знал, страдал и думал с ними.

Как к воздуху своих Фраскатских гор,
Как к небесам безоблачным Сабинны,
Как к амбре роз, привыкло сердце Нины
К слепой любви Карлино с давних пор.
В ней даже мысли не было тре-

возной,
Что и других любить ему воз-
можно...
А ей?.. Но вот ударило кольцо,
Какой-то гость идет к ним на
крыльцо.

Широкий плащ свой на плечо заки-
нув,
На брови шляпу круглую надви-
нув,
Вошел он к ним. Овальное лицо,
Высокий лоб и очи голубые,
И русый ус, и кудри золотые —
Всё означало в нем, что он был
сын
Иной земли, небес, иной природы,
Не обожженный солнцем Апен-
нин,
Не оживленный дикой их свобо-
дой.
Умение собою управлять,
Морщины ранние и дум печать,
Во всех приемах легкая небреж-
ность
И благородство говорили в нем,
Что он рожден и рос в краю та-
ком,

Где с юных лет души порыв и нежность
Подавлены, где страсть — раба
ума,
Жизнь — маскарад, природы
глас — чума!..

Он русский был, дитя страны туманной,
И жил давно уже в краю чужом...
Его хозяйка, сьора Марианна,
Бывало, говорила так о нем:
«Он малый скромный, платит аккуратно
И добр: моим ребятам всегда
Дает гостинца; только иногда
Так грустен, бедный! Впрочем, и
понятно:

Ведь он язычник... Может быть,
господь
Погибшего печалью посещает.
Дай бог ему спасти свой дух и
плоть!
Легко ль! Не верит в папу он! Бывает,
Что целый день проводит он как
тень

За книгами, или в долине бродит,
Иль блажь такая на него нахо-
дит,
Что на коне он рыщет целый
день».

Владимир (так мы гостя назо-
вем)

Был поражен сей мирною карти-
ной:

Полубольной Карлино, и при нем,
Облокотясь на спинку кресел, Ни-
на;

И мать ее (простите, я забыл
Вам возвестить ее приход) гляде-
ла

На юную чету, и как яснела

Ей будущность!.. А по небу светил

Небесных лики ночь разоблачала,

И дымка влажная ночных паров

Вилась вокруг руин, гробниц, хол-
мов,

Дышали розы... Музыка играла...

На юг лишь сходит, только в

этот рай,

Подобный вечер...

*А у вас, далёко
На севере, не то?*

*О нет, жестоко
И зло природой наш обижен край.*

*Зато, синьор, вы сильны, вы бога-
ты?*

*Да, но ни солнца, ни небес иных
Не прикупить за дорогую плату:
И что нам в них, в богатствах по-
купных?*

*Карлино, верьте, право, я желал
бы*

*На вашем месте быть, клянусь
душой.*

*Я жил бы здесь спокойно, изучал
бы*

*Мир древности и отдыхал порой
Под сенью моего же винограда;
И умереть была бы мне отрада,
Я знал бы, что поплакать, помеч-
тать*

*Придет на гроб мой друг люби-
мый.*

Боже!

Карлино был мне с детства братом...

Что же?

*И только, больше ничего сказать
Я не хочу.*

*Простите мне, синьора,
Но вид блаженных южных стран
во мне
Рождает грусть, и о родной стране
Во мне болеет мысль, полна укора;
Мне грустно, я хандрю еще сильнее,
А тяжело на душе — язык вольней,
И говоришь о том, что так тревожит.
Но, впрочем, вас мой сплин занять не может,
Вы счастливы, как может быть счастлив
Здесь человек.*

*Он замолчал, сдавив
Украдкой грустный вздох в груди.*

*Карлино
Сжал руку Нины, тихо обратив
К ней полные восторгом светлым
взоры;
Она молчала, очи устремив
На дальние темнеющие горы.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

*В дни древности питомцы Эпику-
ра,
Средь мраморов, под шум паду-
щих вод,
Под звуки лир, в честь Вакха и
Амура
Здесь пиром оглашали пышный
свод.
Толпы невольниц, розами убран-
ных,
Плясали вокруг скелетов увенчан-
ных;
Спешили жить они, пока вино
В их кубках было ярко и хмельно,
Пока любовь играла пылкой кро-
вью
И цвел венок, сплетенный им лю-
бовью.*

Они всё те ж, Авзонии сыны!

Их пир гремит при песнях дев ру-
мянных,
В виду руин — скелетов, увенчан-
ных
Плющом и миртом огненной вес-
ны.
Меж тем как смерть и мира от-
вержение
Вещает им монахов мрачный
клир,
В земле вскипает лава разруше-
нья, —
Блестит вино, поет веселый пир,
И царствует богиня наслажде-
нья.

Как я люблю Фраскати в празд-
ник летний!
Лавр, кипарис высокой головой,
И роз кусты, и мирт, и дуб сто-
летний
Рисуются так ярко на густой
Лазури неба и на дымке дали,
На бледном перламутре дальних
гор.
Орган звучит торжественно. Со-
бор
Гирляндами увит. В домах алеют

Пурпурные ковры из окон. Тут
С хоругвями по улицам идут
Процессии монахов; там пестре-
ют,

Шумят толпы; луч солнца золо-
той,

Прорвавши свод аллеи вековой,
Вдруг обольет неведомым сия-
ньем

Покров, главу смуглянки моло-
дой:

Картина, полная очарованьем!
Для пришлеца она как пышный
сон!

Ее любил Владимир; тихо он
Бродил, но посреди толпы и шума
Обычная теснилася в нем дума.

Любил он видеть праздник сей
живой

И тип племен в толпе разнона-
родной.

Какая смесь! Сыны страны холод-
ной

Сюда стеклись, гонимые хандрой;
Там немец, жесткий, будто пня
отрубок,

С сигарою и флегмою своей,

И фраскатанка с негой алых губок
И с молнией полуденных очей;
Француз, в своих приемах утонченней,
И селянин Кампании златой
С отвагою и ловкостью врожденной;
И важный бритт, предлинный, препрямой,
Всех сущих гидов строгий комментатор,
И подле — огненный импровизатор.

А русские?.. Там много было их,
Но уклонялся русский наш от них.
Как сладко нам среди чужих наречий
Вдруг русское словечко услышать!
Так рад! Готов, как друга, ты обнять
Всю Русь святую в незнакомой встрече!
Захочется так много рассказать
И расспросить... Но вот удар жестокий,
Когда в своих объятиях найдешь

*Всё тех же, от кого бежал далеко,
Как горько тут порыв свой про-
клянешь!*

*Тот вывез из степеней всё то ж та-
тарство,
Средь пышности ничтожность,
пустоту,
Тщеславие наследственного бар-
ства
Или вчерашних титулов тщету;
Без мненья голова, а речь педан-
та;
Всё русское ругает наповал;
Всё чуждое превыше всех похвал;
Всего коснется — от червя до
Данта;*

*Сан вес дает речам его тупым;
Осудит он как раз Микеланджело,
И приговор его непогрешим,
Как приговор подписанного дела.
Отчаянный в речах радикалист,
Иль демагог, иль буйный кондо-
тьери,
А между тем вчера дрожал как
лист*

Вельмож блестящих у приемной
двери.

Другого есть покроя молодцы:
Те чужды всем идеям басурман-
ским,
Им храм Петра ничто перед Ка-
занским
И лучше винограда огурцы;
По ним, весь запад сгнил в мечтах
бесплодных,
И Тьер, Гизо, О'Коннель — дураки,
И во сто раз счастливее свобод-
ных
Живут их крепостные мужички.

На бледные смотря их поколенья,
Владимир часто думал: «Боже
мой!
Ужели плод наук и просвещенья
Купить должны мы этой пусто-
той,
Ничтожностью, развратом уни-
женья?
О русские, ведь был же вам разгул
Среди степей, вдоль Волги и Ура-
ла,
Где воля дух ваш в брани укрепля-

ла;
Ведь доблестью горел ваш гордый
взор,
Когда вы шли на Ярославов двор,
И вдохновенные отчизной речи
Решили спор на Новгородском ве-
че;
Не раз за честь родной своей зем-
ли
Вы города и храмы ваши жгли,
Не склонные нести, в уничиженье,
Чужую цепь и стыд порабощенья;
Ужель, когда мессия наш вос-
стал,
Вас пробудил и мир открыл вам
новый,
В вас мысль вдохнул, вам жизнь
иную дал, —
Не вняли вы его живое слово
И глас его в пустыне прозвучал?
И, грустные, идете вы как тени,
Без силы, без страстей, без увле-
чений?
Или была наука вам вредна?
Иль, дикого растлив, в ваш дух
она
Не пролила свой пламень живо-
творный?

Иль, лению окованным позорно,
Не по плечу вам мысли блеск жи-
вой?

Упорным сном вы платите ль Ба-
тыю

Доселе дань, и плод ума порой,
Как лишний сор, сметается в Рос-
сию?

И не зажгла наука в вас собой
Сознания и доблестей граждан-
ства,

И будет вам она кафтан чужой,
Печальное безличье обезьян-
ства?..

.....

Родной язык, язык баянов давных,
Боярских дум и княжеских пиров,
Ты изгнан из блистательных
дворцов!

Родной язык, богатый, как приро-
да,

Хранитель слез, надежд и дум на-
рода,

Чем стал ты? Чем? Невежества
клеймом

И речью черни; барин именитый

Увы! — теперь с тобою незнаком,
И русских дев сердца тебе закры-
ты.

Теперь тебя красавицы уста
Стыдятся, как позора убегая, —
Что ж будешь ты, о речь моя род-
ная,
Ты, лучшая уст женских красо-
та?»

Владимир создал для себя пусты-
ню
В своем быту. Он русских убежал,
Но родину, как древнюю святыню,
Как мать, любил, и за нее стра-
дал
И веселился ею. Часто взоры
Он обращал на снеговые горы,
И свежий ветер вдыхал он с их вер-
шин,
Как хладный вздох родных своих
долин.

Да, посреди полуденной природы
Он вспоминал про шум своих дуб-
ров,
И русских рек раскатистые воды,
И мрак и тайну вековых лесов.

Он слышал гул их с самой колыбели
И помнил, как, свои качая ели,
Вся стоном стонет русская земля;
Тот вопль был свеж в душе его,
как стоны
Богатыря в цепях. Средь благовонной
Страны олив он вспоминал поля
Широкие и пруд позеленелый,
Ряд дымных изб, дом барский опустелый,
Где рос он, — дом, исполненный
затей
Тогда, псарей, актеров, трубачей,
Всех прихотей российского боярства,
Умевшего так славно век конать,
Успевшего так дивно сочетать
Европы лоск и варварство татарства.

Как Колизей, боярское село
У нас свою историю имеет.
Одна у всех: о доме, где светло
Жил дед его, наследник не радеет.
Платя хандрой дань веку своему,

Он как чужой в родном своем до-
му;
Ища напрасно в общей жизни пи-
щи,
Не может он забыться средь пса-
рей;
Сокрывшись в отеческом жили-
ще,
Ругает свет, скучая без людей.

Ах, отчего мы стареемся рано
И скоро к жизни холодеем мы!
Вдруг никнет дух, черствеют
вдруг умы!
Едва восход блеснет зарей румя-
ной,
Едвадохнет зародыш высших сил,
Едва зардеет пламень благород-
ный,
Как вдруг, глядишь, завял, умолк,
остыл,
Заглох и сгиб, печальный и бес-
плодный...
О боже! Влей в жизнь нашу полно-
ту,
Пролей в пустой сосуд напиток
силы
И мыслью проникни пустоту,

Сознанием укрепи наш дух уны-
лый!

Пошли еще пророка нам, и мы
Уверуем в его живое слово,
Пусть просветит он хладные
умы,
Поведает, кто мы? Зачем громо-
вый
Орел наш стал могуч своим кры-
лом?
Зачем на нас глядят в недоуме-
нье,
Со страхом, все земные поколе-
нья?
Что нового мы в жизнь их прине-
сем?
Зачем на нас, как на звезду полно-
чи,
Устремлены с надеждой теплой
очи
Печальных наших братьев — сла-
вян
У снежных Альп, в ущелиях Бал-
кан?

Из сей главы, печальной и угрю-
мой,

Из этих черт глубоко-тяжкой ду-
мы
Поймете вы, как мыслил мой ге-
рой
В те дни еще, когда в груди мла-
дой
Есть жизнь и в ней волканом бро-
дит
Всё, из чего потом в душе выхо-
дит
Осадок жалкий — черная хандра!
.....

Сей пустотой душевною, жесто-
ким
Уделом нашим, мой герой стра-
дал.
Он дома, видя всё одно, скучал
И увлечен всеобщим был пото-
ком:
Наполнить жизнь и душу он хо-
тел,
Оставивши отеческий предел,
Среди иных людей, в краю дале-
ком.

И посетил он новый Вавилон,
Вождя народов к жизни вечно но-

вой,
Где ум кипит, свободен, вдохнов-
лен,
На подвиг доблести всегда гото-
вый.
Нашел ли он себе отраду в нем?
Он чувствовал, средь общего вол-
нения,
Среди торжеств, побед иль пора-
жения,
Он всё чужой на празднике чу-
жом...
Вкруг жизнь кипит: витийству-
ют палаты,
Решается давно зачатый спор, —
Там каждый в сей божественной,
богатой
Общественной комедии актер...
А он пришлец, он незван и непро-
шен,
На чуждый пир судьбой случайно
брошен!

То завистью, то скорбию томясь,
Жизнь сих племен кипящих, юных
вечно,
На небеса Италии беспечной
Он променял, и думал он не раз:

Там, посреди святых ее трофеев,
Среди ее руин и мавзолеев,
Там, в сумраке старинных галерей,
Пред мрамором античного ваянья,
Среди святынь ее монастырей,
Библиотек ученого молчанья,
Доступны всем и пища, и покой,
И царство дум с восторгом и мечтой...

Он прав: искусств в глубоком созерцаньи
Найдешь приют для сердца, головы;
Но здесь, среди людей?.. Вот праздник шумный;
С каким огнем и радостью безумной
Толпы бегут... Но наш пришлец — увы! —
Уж новости в народном пульчикелле
Не находил; его скрипач слепой,
Как юных дев, собравшихся толпой,
Не призывал к веселой сальтарел-

ле.

Пускай себе под небом золотым
Поет народ за кубком круговым,
Пусть пляшет там смуглянка
молодая,

Как вдохновенная, перед круж-
ком,

То топая звенящим башмачком,
То тамбурин гремучий потря-
сая...

Он поглядел на них, а там опять
Задумался и снова стал скучать.
В любимых думах тяжкие сомне-
нья

Теснились в нем. Ища уединенья,

Оставил он пирующий народ
И на гору направил путь. Идет,
И вот пред ним часовня. Вяз зеле-
ный

Над ней раскинул листьев тем-
ный свод,

И теплилась лампада пред ма-
донной.

Две женщины склонились перед
ней:

Старушка Ave Maria читала,

*И подле Нина грустная стояла.
В ее руках венок был из лилей,
И капли слез струились из очей...*

«У счастья свои есть тоже слезы!

—
*Владимир думал. — Боже, как бы
я
Желал так плакать! Да! Молись,
дитя!
Твоей души младенческие грозы
Так сладостны... о, проклят будь
стократ,
Кто у тебя отымет этот клад,*

—
*Невежества блаженные остатки
И дивный мистицизм молитвы
сладкой».*

*О ком, о чем молилася она?..
Не шепчут слов уста полуоткры-
ты...
Я верю, не была заучена
Ее молитва в школе езуита:
В ней не было определенных слов,
Но теплое и смутное слиянье
И чувств и мысли, страха и жела-
нья...*

Пугал ли Нину тайный мрак годов?
О друге ль детства кроткие молитвы?
Или о том, кто вынес жизни битвы?
То тайна сердца девы, и она
Владеет этой тайною одна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Владимир не хотел своим явлением
Смутить молитв их таинство;
как бес
Пред светлым праздником (его
сравнением
Я пользуюсь), в аллее он исчез.
А там ему навстречу смех и споры,
И кинулся ему на шею вдруг
Приятель, граф***.

Здравствуй, друг!
Скажи, где ты? Уж вот неделя скоро
Я здесь живу и всё тебя искал.
Был у тебя, ни разу не застал...
Ты схимник стал... Имею честь

поздравить!
Здоров ли? Но позволь тебе пред-
ставить...
Попутчик, вместе ехали мы в
Рим.

Ах, очень рад.

Имею честь... я статский
Советник, Лев Иванович Таракац-
кий.
А с кем имею честь?..

* * *

Чин?
Изволили служить?

Служил.

В отставке?

Э, после, Лев Иванович, ваши справ-
ки
Вы наведете... Как живешь?

Один,
Как видишь, хорошо.

Ты знал княгиню
Донскую? Здесь она.

Мне всё равно.

Я здесь нашел родни своей, графиню
Терентьеву.

Ты знаешь, я давно
Не езжу в свет.

Но нет, ведь мы иную
Здесь жизнь ведем. Я нынче не
танцую.

Что ж? Дипломатом стал?

Совсем не то.
Кузина, я, княгиня, м-сье Терто,
Один француз, мы вместе изучаем
Здесь древности. Мы смотрим и
читаем,
И спорим... Прелесть этот древний
Рим,
Где Колизей и Термы Каракаллы!
Поэзия! Не то, что фински скалы!

Жаль, умер Байрон! Мы бы, верно,
с ним
Свели знакомство! С Байроном бы
вместе
Желал я съездить ночью в Коли-
зей!
Послушал, что бы он сказал на
месте,
Прославленном величьем древних
дней!
Как думаешь? Ведь это б было чу-
до!

За неименьем Байрона покуда
Я вам скажу, что лучше вам есть
сыр,
Пить Лакрима, зевать на Торде-
ноне
Да танцевать на бале у Торлони,
С графинями не ездя в древний
мир.

Нет, ты жесток, и ты меня не
знаешь.
Донская ангел... Но ужели ты
Так зол? Ужель ты вправду полага-
ешь,
Что мы не чувствуем всей красо-

ты
Италии? Природа и искусства
Рождают в нас совсем иные чув-
ства.

Помилуйте! Я то же испытал
И на себе. Конечно, мне в России
Жить дома — лучше: связи и род-
ные,
Карьера вся, почтенье... Но я стал
Совсем иной, и мысли всё такие,
Которых не видал бы и во сне.
Я многое здесь очень охуждаю;
Бездомность, жизнь в сафе я осуж-
даю;
Но многого и нет в иной стране.
Не нравятся мне торсы, Аполло-
ны,
Но как зато понравились мне
Здесьobelisks! Вечные колонны
Везде одне... И мысль есть у меня,
Как заменить колоннуobeliskом;
И в Петербург писать намерен я,
Подать проект... сначала людям
близким...
Комиссию нарядят для того:
Построить портик, оперев его

На обелиски... Как моя затея
Вам нравится?

Чудесная идея!
Исакий, жаль, к концу уже идет.

Да, точно.

Жаль, идея пропадет.

Вот видите, влияние какое
Италия имеет на умы,
Перерождаемся в ней тотчас мы.

О да, ее влиянье роковое!
Студент, советник статский, ге-
нерал,
Чуть воздухом подышит Буонар-
роти,
Глядишь, уж знатоком, арти-
стом стал,
Совсем иной по духу и по плоти!
В Венецию ступайте: там, где
дож...

Поеду, но в каком же отношеньи
Венеция так интересна? Что ж
Особенно в ней стоит посмотре-

нья?

Как для кого. Вас гондолы займут,
Быть может, там; на Риве балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Иль музыка — по вечерам поют
На площади, — всё это так приятно!

Остатки всё республики, понятно!

А женщины! Какая красота!

Для женщин я уж стар, не те лета,
И уж пора домой, к жене и деткам.

Соскучился уж Лев Иванович наш,
Всё просится к своим гусям, на-
седкам.

Так создан я, и не пересоздашь.
Взгрустнется раз иной; всё б отдал,
право,

За свой кружок, домашний само-
вар,
Да борщ, да щи вчерашние с при-
правой,
Да костоломный русской бани
пар.

Что, батюшка? А санки беговые?
Рысак в корню, дугою пристяж-
ные...

Я рад, что я чужбину посетил,
А край родной, как худ ни будь, всё
мил.

Прекрасно, Лев Иваныч, дайте ру-
ку!

Что, батюшка, вздохнул?

Ну, вот, пошли...

Чуть выехав из варварской земли,
Оплакивают скифы с ней разлуку!
О, скифство!

Да, мы скифы. Много в нас
Есть, точно, скифских свойств.

Гиперборейцы!

С любовью к лесам, к степям, для

вас,
Ей-ей, век будут чужды европей-
цы.
Нет, истинно разумный человек

*Космополит. В нем душу востор-
гает*

*Развитие, успех; он наблюдает,
Как всё вперед, вперед стремится
век,*

*И где успех, он там отчизну ви-
дит.*

*Отсталое одно он ненавидит.
Жаль, некогда теперь мне; подо-
жди,*

*Nous discuterons[98] — решенье
впереди...*

*Но, странно, ты не бросил за гра-
ницейй*

Патриотических своих идей?

*Никак не мог: во мне еще силь-
ней...*

*Всё вздор: поверь, окончишь ты
больницейй*

*Умалишенных... Faut que je te quitte
[99],*

Прощай, о скиф!

Прощай, космополит!

Кто ж прав из них? Ей-ей, решить боюсь...

Какая сила в этом слове — Русь!

Вздыхнешь, его промолвя, глубоко,

И мысль пойдет бродить так широко,

Грустна, как песни русской переливы,

Бесцветна, как разгул родных равнин,

Где ветер льнет ко груди полной нивы,

Где всё жильё — ряд изб в тени рябин,

*А дале — небо бледными краями
Слилось с землей за синими лесами...*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Когда впервые Нина услышала
Слова, каким дотоле не внимала,
Когда нашла больную душу, ей
Казалось безмерно расстоянье
Меж ней и тем, кто эти знал
страданья.*

Сперва зажглось лишь любопытство в ней;
Потом ей втайне сделалось приятно
Жалеть о друге новом; непонятно
К нему неслись ее все мысли; он,
Казалось ей, достоин лучшей доли, —
А как помочь? В ее ли это воле?
Быть может, он озлоблен,
оскорблен
И рождена она, как знать, с призывем
Вновь помирить его с существованием...

Что ваш больной, Нинета?

Ничего,
Гораздо лучше. Нынче понемногу
Он стал гулять. Припадки у него
Всё реже.

Стало быть, угодны богу
Молитвы ваши?

Я за всех молюсь,
Кого люблю.

Счастливец!

Но Карлино...

Он не один... Синьор, я вам кажусь
Простою девочкой, так — бедной
Ниной;

Вам кажется — где мне вас оце-
нить...

Но есть у женщин в сердце голос
ясный;

Что вам дают науки, может
быть,

У нас врожденное, ведь вы
несчастливы,

Признайтесь?

Кто же вам сказал?

Ваш взгляд

И сердце. Вы несчастны?

Ради бога,

Оставим это. У мужчины много
Есть в сердце струн, которые
молчат

И чужды в женском сердце. Есть
заботы,

Недуги есть, безвестные для вас,

А их лечить нет сил и нет охоты
Ни у кого.

Да, да, не ровен час.
Покойник мой был свеж; одна-
жды рано
Пришел домой, весь бледен, как
сметана.
Стал охать, слез. Я к доктору.
Тотчас
Пустили кровь. Три доктора со-
брались —
И все лечить бедняжку отказа-
лись.
Как стукнет час, так не уйдет
никто.

Ах, маменька, да это ведь не то.

Ну как не то? Вот поживи на све-
те...
Но, впрочем, вы себе толкуйте,
дети,
Мне некогда, и к делу своему
Пора.

Скажите мне: я вас пойму!
У вас, синьор, душевные страда-

нья?

Как вам назвать их? Нету им на-
званья!

Душевной пустотой? Нет. Иногда
Душа полна восторга, и в волне-
нье

Ее приводит доблесть, вдохнове-
нье

И образ гениального труда...

Иль сном ума? Нет, он не спит и
шумно

Работает, и любит он труды;
Он труженик: как рудокон безум-
ный,

Всё роется и ищет он руды;

Но до нее не может он дорыться,
И подрывает только то, что в
нем

Святейшего, небесного таится.

Любили ль вы? Любимым суще-
ством

Вы были ль поняты?

Да, жизни розы,

Как говорят поэты, знал и я, —

И терн ее я знаю. Жизнь моя —

Увы! — полна поэзии и прозы
Двух страшных слов: любил и раз-
любил!

Я многое достойно оценил!
Была пора: все жребии земные,
Казалось, я в руках своих держал;
Для общества людей я посвящал
Все чувства лучшие, мечты свя-
тые,
На благо им, я думал, я рожден —
И мог бы быть... Смешной и глу-
пый сон!

С горячей головой, горячей кро-
вью,
В душе к добру, к прекрасному с
любовью,
Принести я думал на алтарь люб-
ви
Свой труд и славу, все мечты
свои...

Гражданской доблестью кипел я
рано...
Ах, бросим это, бросим! Это рана
Болящая, и женщине нельзя
Ее понять... В груди ее нося,
Я дорожу ей: то знаменованье,
Что я рожден был жить для луч-
ших дней, —

То лучших чувств последнее дыха-
нье!

Обманутый, весь пыл моих стра-
стей,

Всё, что ценил, я назвал пустяка-
ми;

Во всем тогда вдруг усомнился я,
Что так срослось с моей душой, с
мечтами.

Я колебался. Адская змея
Как будто облила мне душу ядом.

Бесился я, слепцом себя я звал...

Потом и сомневаться перестал,
И равнодушия был облит хладам:

И зло теперь меня не удивит,
Добро не поразит, не оживит, —
Что ж мне осталось в жизни?

Без сомненья,
У вас враги есть?

Нет их, к сожаленью!

Или, когда хотите, сам себе
Я враг. Зачем я раньше пламень
чувства

Не утушил, покорствуя судьбе?
Не изучил бесстрастия искус-
ство?

Зачем я пылкий ум не заморил
В бездействии? Тогда б, как ка-
мень вечный,
Как статуя, я прожил бы беспеч-
но;
И под конец, конечно бы, вкусил,
Всем прихотям судьбы своей по-
корный,
Нелепое блаженство жизни
вздорной.
Не понимать, не видеть, не слы-
шать,
Безумно лучшей цели не искать,
Не чувствовать — мне было бы
отрадой,
И вечный мир за то б мне был на-
градой!
А то теперь все прежние мечты,
Все высшие души моей начала —
Всё злобный образ демона прияло!
И демон этот следует за мной:
Он с красоты срывает покрывало,
Он между мною и трудом моим,
Меж мной и другом лучшим,
между мною
И женщиной — скелетом гробо-
вым
Становится... Насмешливостью

взоров

Спасает ли меня в грядущем он
От новых бед, мучений и укоров —
Не знаю, но им век мой отравлен.

О боже, боже! Вы мечтатель
страстный!

Страдаете вы только потому,
Что вы одни, а волю дать уму,
Живя в пустыне, тяжело и опасно.
Быть может, жизнь веселая
недуг

Излечит ваш иль дружба... Вер-
ный друг

Есть лучшая опора нам в страда-
нии...

Любовь... Она должна вам посвя-
тить

Всё: жизнь свою, мечты, суще-
ствованье...

И вы ее найдете, может быть...

И бедная, закрыв лицо руками,
Вдруг залилась горячими слезами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вы спросите, пред девочкой про-
стой

Владимир для чего так откровен-

но
Всё высказал, что было за душой?
То был ли в нем или порыв мгнов-
венный,
Иль хорошо рассчитанный удар?
Хотел ли повторить он с сердцем
Нины
Урок, давно затверженный в го-
стиной,
И этот вздох, и это чувства
жар,
И горечь жизни трудной и бес-
цельной —
Ужели всё фальшиво и поддель-
но?..
Да, трудно дать на то прямой
ответ, —
Как вам сказать... И да и нет.

Владимир был воспитан в школе
света.
Он знал любовь — и только раз
любил;
Как любим все мы в молодые ле-
та;
Потом слегка любовью шутил...
Он раз любил: все, думал, совер-
шенства

Заклучены в избраннице его;
Потом он понял (и прости бла-
женство!),
Что он любил себя лишь самого:
Что в ней, как солнце в море, от-
ражались
Лучи его мечтаний молодых,
Что видел в ней всё, что в мечтах
своих
Хотел он видеть... Но мечты
умчались:
Он увидал, как, сбросив маски с
лиц,
Избранницы его преобразались
В боярынь из мечтательных де-
виц,
В Настасии Лукьяновны из На-
сти...
Не умерев, однако ж, от тоски,
Он посмотрел на жизнь, на серд-
це, страсти
Анализа в холодные очки.

Как согласить все эти переходы
Из нежных дев в боярынь — он не
знал,
И бледностью полунощной приро-
ды

Он бледность лиц и душ их объяснял;
Он овладел заманчивым искусством
Играть, шутить и управлять их чувством;
И даже иногда был так счастлив,
Что пробуждал к высокому порыв
У наших дам — сих жриц роскошной лени,
Что, погрузясь дивана в мягкий пух,
Покоятся, как жены ханской сени,
Откуда Гименей, как злой евнух,
Прогнал и муз, и бога песнопений...
Но с тем прости пора волшебных снов,
И в душу пустота легла невольной:
Что таинство для черни богомольной —
Не таинство для опытных жрецов.

Так наш герой из этой светской школы
Извлек урок печальный и тяжелый.

Он в главный догмат кодекса
любви
(Любви девиц и мальчиков) не ве-
рил:
На бытие двух душ родных свои
Не полагал надежды; чувство ме-
рил
Не целой вечностью, но он ценил
Минутное, быть может, увлече-
нье
И, к горю дев, давно им говорил:
Вернее вечности одно мгновенье.

А здесь, теперь? Один в самом се-
бе
Свидетель внутренней глубокой
драмы,
Один и зритель и атлет в борьбе
Высоких чувств души с судьбой
упрямой, —
Невольно он пред первым, кто
спросил
С участием: «О друг мой, что с
тобою?» —
Что было в нем, доверчиво излил
И летопись печальную раскрыл
Пред чистою, невинною душою...

Раз встретил он мать Нины.
Смущена,
Как полоумная была она.
«Что ваша Нина?» — «Нина? Две
недели,
Как всё больна и не встает с по-
стели:
Горячка страшная... Я день-день-
ской
Всё на ногах... За что, за грех ка-
кой,
О господи, нас посетил слезами!
К себе пускает лишь одну меня.
Карлино не видал ее три дня.
Она зовет вас, бредит только ва-
ми,
Придите к нам».

Как мне?.. Нет, мне нельзя.
Мое явленье может быть опасно
—
Я испугать ее могу. Напрасно
Бойтесь вы. Пройдет, уверен я,
Ее болезнь. Горячки в эти лета
Бояться нечего. Притом пора,
Мне ехать надо нынче в ночь, до
света,
Прощайте, я уеду до утра.

Как ехать? Что вы? Что вам то-
ропиться?

У вас квартира на год ведь. Что ж
так?

Куда?

Еще не знаю.

С ней проститься

Вы не хотите?

Не могу никак.

Он понял всё... Что ж делать? На-
до

Бежать, бежать от новых тяж-
ких зол

И, может быть, от счастья и от-
рады...

Кто знает, для него, быть мо-
жет, цвел

В сени олив и лавров фраскатан-
ских

Сей горный цвет на камнях
тускуланских.

Затем, быть может, высшая ру-
ка

Его вела чрез Альпы снеговые,

*В сей пышный край звала издалека
И дни ему сулила золотые, —
Так наш Владимир думал и меч-
тал,
Готов был верить и захохотал.*

.....

*Да, дело есть мешаться в сплет-
ни наши*

*Началу всех начал и нисходитъ
С высот небес во область щей и
каши?*

*Карлино, Нина, дай вам бог вку-
сить*

*Все радости от счастья земного,
Дай бог плодиться вам и долго
жить*

*По разуму евангельского слова.
О, женищинам удел завидный дан*

—
*В несчастьи — покорность и тер-
пенье!*

*И выдвинул он пыльный чемодан,
Сложил свои невинные творенья*

—
*Бумаги, где описывал он Рим,
Десяток книг, пейзажи и портре-*

ты,
Все древности, отысканные им,
И зарядил в дорогу пистолеты.
«В путь, в путь, друзья мои! В
краю ином
По-прежнему мы с вами зажи-
вим!
В России мирно лежа на лежанке,
Не в первый раз нам чувство по-
давлять,
Утешимся, а там начнем писать
Еще стихи к прелестной фраска-
танке!
Конечно, их, по счастью, не про-
чтут...
Но все меня поэтом назовут, —
Поэтом быть — великая отрада!
Все думают: иначе он рожден,
Иначе чувствует и мыслит он...
О жизнь, о жизнь! Ты дар небес
иль ада?

Я еду. Долг и честь мне так ве-
лят.
Но отчего, на подвиг благород-
ный
Решившись, ни грустен я, ни рад
Особенно? С решимостью холод-

ной
Мне всё равно идти, что в смерт-
ный бой,
Что за обед
Плод это сплина или воспитанья?

Да, Нину испугала пустота
Моей души. Душа без упования,
Без пламенных стремлений и
мечтанья!
История ж ее или проста,
Как хроника монаха-грамотея,
Иль полная, живая эпопея.
Всё дело в том лишь, как ее по-
нять.
Есть случаи, и их ни рассказать,
Ни описать, — а сколько в них
значенья,
Дум сладостных, для сердца вдох-
новенья!
Хоть наша встреча... Как тут
описать?
С Наташей... Странная еще отра-
да
Мне в имени ее и до сих пор.
Казалось нам — и с первого уж
взгляда, —
Что дружны мы давно, и разговор

Наш был как бы друзей давнишних, взор
Досказывал неконченные речи, —
А тот восторг, а те полуслова,
Пожатые рук, условленные встречи!..
А этот вздор, которым голова
Моя тогда пылала! Жажда славы!
Как всюду я кидался на лукавый
Ее привет... Всё улыбалось мне;
Науки были ясны так, как слепы
Ученые и книги их нелепы;
Как подорвать, я думал в тишине,
Весь хлам систем их... Но, наскучив ими,
Я бросил их, назвавши их смешными.

Мне действовать хотелось! А у нас
Как действовать? Чужою быть машиной?
Ума и совести и чести не спросясь,
Как вол, ломился лбом. Зачем?
Причины
Не знай — и ты отличный граж-

данин,
Здесь — малый царь, а там — хо-
лопий сын.
Слиянье власти с рабством!..
Утопист,
Осуществить я жаждал указанья
Разумных прав и светлого позна-
нья —
Прослыл я как разбойник, дуэ-
лист!
Я думал, что в воинственном раз-
гуле
Есть больше жизни! Браво! На
Кавказ!
Вот факт простой: случилось не
раз,
В каком-нибудь разграбленном
ауле,
В ущелий стоишь на карауле.
Где больше прозы? А как загля-
нуть
Тогда мне в душу, в сердце, в грудь
—
Какая там поэма клокотала!
Какая рама ей была!.. Потом
Всё просто: я спешил в любимый
дом —

Увы! — кумир мой замужем. Сначала
Не верил я, а там поверил, С ней
Мы виделись — в прошлом ни пол-
слова,
Как будто всё в порядке шло ве-
щей.
Упрека и отчаянья смешного
Не обнаружил я и, как Катон,
Всё перенес... А сколько есть Ка-
тонов?
Что ж это? Плод общественных
законов?
Кто не таков, тот нынче и сме-
шон...
Сократы века! Яд мы пьем по-
слушно,
Не жалуясь, что смертоносен он,
—
Живьем себя хороним равнодуш-
но!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Так он сидел, добыча тяжелых
мук,
Свеча горела тускло у камина;
Стихали вокруг соседи к ночи.
Вдруг

Открылась дверь, в дверях явилась Нина.

Она была вся в белом. По плечам Вилась коса. Порыв души смятенной

И сумрак придали ее очам
Чудесный блеск. Не девою смиренной,

Она была Сибиллой вдохновенной,
Внимающей божественным речам...

Огонь любви, огонь негодованья
Прекрасные черты одушевлял;
Румянец с бледностью в лице играл,
Вздымало грудь неровное дыханье.

Как! Нина, здесь? Так поздно...

О, ты мой!

Ты здесь еще!.. Нет, то обман, я знала.

Ведь ты не думал, не хотел меня
Убить... Их шутка!.. А как я страдала

От этой шутки!

Бедное дитя!

Что, что с тобою?.. Нина, успокойся,
Ты так встревожена.

О нет, не бойся!

Ты плачешь?..

Нет, теперь уж я смеюсь —
Ведь я с тобой. Пускай придет
мир целый,
Я вокруг тебя руками обовьюсь,
Как змей... Я буду биться львицей
смелой
И не отдам тебя.

Скажи ж, чего
Боялась ты?

Ты едешь?

До того
Кому нужна?

Ты едешь?

Да... и скоро.

О, есть ли сердце у тебя? Гляди
В глаза мне прямо. Что в моей
груди?

Прочти, что в ней?.. Ты понял?

Приговора

Судьбы ты не прочел в ней?.. Так
иди,

Прочь, камень северный, палач
жестокий...

Прочь! По свету скитайся одино-
кий!

Но... милый друг, клянись мне на-
всегда...

Мой ангел, успокойся.

Я тверда,

Я в памяти. Не глупый бред про-
студы

Мои слова... Послушай, я клялась...

Мне сердце — бог; я сердцу отда-
лась.

Через мой труп ты выйдешь лишь
отсюда.

Одно лишь слово — и решилась я.

Скажи мне прямо: любишь ли ме-
ня?

*И взор, сверкавший некоей дивной
силой,
Она в него безумно устремила.*

Он был в борьбе с собой.

*Не любишь, нет?
Знай, где б ты ни был, я пройду
весь свет.
Я отыщу... отмщу... Сам бог пору-
ка!*

*Меня ты знаешь, Нина. Жизнь мне
мука.
Тебя обречь той муке — нету сил
Во мне. Быть может, я б тебя
любил
Последнюю любовь мою,
Любил бы так, как, может быть,
никто.
В моей душе ведь только заперто,
А не погасло чувство, — но не
смею
Души твоей я отравить собой.*

*Не думай обо мне. Здесь жребий
мой —
Любовь. Любовь не есть расчет*

презренный

О благах жизни, а закон священ-
ный.

Где голос сердца — голос божий в
нем!

Нельзя любить и разлюбить по-
том...

В последний раз тебе, быть мо-
жет, ныне

Твой жребий ясен. Друг мой, выби-
рай:

Его отвергнуть хочешь ли? Но
знай,

Отказ твой — смерть твоей
несчастной Нине.

Я смерть найду.

Но, Нина, погляди,

Чего ты хочешь? Ко всему презре-
нье

Питаю я; но у меня в груди

К невинности осталось уважение.

Тебя поймать в расставленную
сеть

Легко; упиться ласками твоими,

И после к ним остыть, охоло-
деть,

И после бросить...

О, клянусь святыми,
Я поняла огонь твоей души
И благородство чувств.

Итак, реши,
Мой ангел.

Я тверда.

Семью родную,
Старушку мать и родину святую
Оставить ты должна.

Всё знаю я.

Оставить край, где всё — сады,
поля
Блестают розами, где небо пышет
Лазурью жаркой, звезды так горят,
Где с детства всё лелеяло твой
взгляд,
И променять всё то на край, где
дышит
Почти весь год и вьюга и мороз,
В нагих полях ни миртов нет, ни
роз,

И люди ходят — мехом обвитые!

Я знаю всё.

*Оставить круг друзей
И променять их... на каких лю-
дей?
Ты знаешь ли, что значит свет?
Какие
Там существа? Ты с ними век жи-
вешь,
И каковы они — не назовешь.
В них скрыто маской чувство и
природа,
И даже сердца скована свобода!
Как ты войдешь, от головы до
пят
Тебя измерит их холодный взгляд;
Пустой привет их речи — шип
змеиный;
Их пустоту под пышною личиной
Ты в силах снести?*

*На всё готова я,
На всё, на всё! В тот миг, когда
тебя
Я встретила, тогда лишь я узна-
ла,*

Что у меня в груди есть сердце.
Ты
Его извлек из сна и темноты,
И с той поры мне жизнь понятна
стала,
Ты вокруг меня разлил чудесный
свет...
Нет, я Карлино не любила... нет!
И, как звезда вечерняя, склонила
Она головку ко груди его,
И повторяла, глядя на него:
«О нет, нет, я Карлино не люби-
ла...»

А он тебя, преступница, любил,
Неблагодарная, любил душою!..

Он здесь, о боже!

Здесь и слышал всё.

Ты слышал?.. Что ж ты следуешь
за мною?

Ты думаешь, что счастье свое
Продам такой я низкой ценою?
(Вынимает нож.)
Молись, в последний раз молись!

Змея!

Владимир... Боже! Он убьет меня...

Владимир берет кинжал. Нина бросается между ними.

*Оставь его: он зверь! он зверь!..
Карлино!*

От детства знала друга я в тебе

*Молю я, выслушай!.. Моей мольбе
Отказа ты не знал... Я та же Ни-
на...*

*Та ж Нина!.. Мной пригретый
змей...*

*Та Нина! Та, кого от детских дней
Лелеял я, как мать лелеет сына,
Иль более — ведь так не может
мать,
Как я тебя, любить и обожать...
И что ж? С другим целуясь, всё за-
была,
Клянется, что меня и не люби-
ла!..*

Оставь ее, оставь: она моя!

*Бой с женщиной... постыден бой
неровный...*

Стыдися! За нее отвечаю я!

Условимся спокойно, хладнокровно.

*Сойдемся за горой с рассветом
дня.*

Судья нам будет бог.

Изволь, с тобою

*Сойдемся завтра... нынче с ней
расчет.*

*Не верь ему, Владимир, он убьет,
Обманет!*

Замолчи!..

*Знай, я любить умел — умею
мстить!..*

*Людей пустых угроз я не робею,
Я жил с людьми: был добр, умел
любить,*

И наругаться ими я сумею!

Беги!.. Ему, о друг мой, не вверяй-

ся,
Знай, знай, Карлино, я его люблю.

О Нина...

Друг... увидимся... спасайся...

Убийца низкий! Я отмщу, злодей!

Увидим!

Эй! На помощь! Помогите!
Разбой, разбой! Преступник здесь!
Вяжите!

Вот он: давно за Ниною моей
Ухаживал и сети ставил ей.
Он заманил ее: угрозой, лестью
Он обольстит, злодей, ее хотел.
В слезах она противилась бесче-
стью,
Кричала. Я на вопль ее поспел.
Вломился в дверь. Он, яростью ки-
пящий,
Ее зарезал!.. Нина, ангел мой!
То ль было нам обещано судьбой?

Он лжет, он лжет...

— Она как ангел спящий!

— Ужели он убил?

— Он был всегда

Так добр.

— Да, добр; всегда похож на волка.

Я говорил, не будет никогда

От этих выходцев пути и толка.

— Ах, он злодей!

— Карлино бедный! Жаль

Его: они друг друга так любили!

— А мать чего смотрела? Были

Советы ей.

— Ее убьет печаль.

— Да, с полчаса тому, как забега-

ла

Она ко мне и дочери искала.

— И к нам!

— И к нам!

— Я только что ложусь,

Карлино в дверь: ведь испугал, бо-

жусь!

Где, где она?.. Дитя мое родное!

Дитя мое!.. Проснись, золотое!

Откликнись! Что я сделала тебе?

Нинета! Или ты меня не зна-

ешь?..

За что, о боже, ты меня кара-

ешь?..
К такой ли я готовила судьбе
Тебя, мой ангел... О бесчеловеч-
ный,
Я изорву тебя... Я кровь твою
Испью... Или убей меня, молю,
Я буду с ней, с моею Ниной, вечно!

Прибрать старуху. Тело унести.

Да, бедной ей пришлось теперь
плести
На дочкин гроб гирлянды подве-
нечны.

Преступника, свидетеля свести
В тюрьму. Карлино! Где он? Где
он? Скрылся!

Чтоб с горя он на жизнь не поку-
сился...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Идут года... С Адама мы твердим
Единодушно эту правду злую.
Оставимте Италию святую,
Оставимте Фраскати, пышный
Рим,

На нашу Русь заглянемте родную.
Я думаю, уж я наскучил вам,
Твердя одно: «Италия святая!»
Но ведь она не вовсе нам чужая,
Дары ее завещаны и нам,
И нам ее отворены чертоги,
И мы званы священствовать во
храм,
Где царствуют досель, назло ве-
кам,
Из мрамора изваянные боги;
Где властвует над нежною душой
И красоты и славы мощный ге-
ний;
Где в золоте и в бронзе вековой
Повсюду мысль протекших поко-
лений
Записана их творческой рукой...
Вкруг этих черт бродящие наро-
ды,
Читая их, вы поняли ль ее?
В себе, в себе узнали ль бытие
Иной, святой, возвышенной приро-
ды
И чувств иных биение в груди?
Не поняли? Так бог уж вас суди!

Итак, прости, прости на годы

многи!

*Быть может, я под мирт твой
вновь приду,*

*Но тот же ль буду? Те же ли най-
ду*

*Здесь сердца сны, восторги и тре-
воги?*

*Иль постепенно север заморит
То, что меня теперь животво-
рит..,*

*Прощай, руин зеленый плющ и ро-
зы,*

*И ты, царица спящих сих долин,
Грусть думная, восторженные
слезы...*

*Пойму ль когда опять язык руин?
Отвечу ль им высокими страстя-
ми?..*

*Прощай, о говор вечно шумных
струй,*

*И ты, смуглянка с яркими очами,
И жаркий наш под миртом поце-
луй...*

*О, трудно мне последнее проща-
нье,*

*Италия, в слезах тебе сказать,
Как тяжело, о милое созданье,*

О ангел мой, в последнее лобзанье

От уст твоих уста мне оторвать.

Прислушайтесь... звучат иные звуки...

Унынье и отчаянный разгул.
Разбойник ли там песню затянул
Иль дева плачет в грустный час
разлуки?

Нет, то идут с работы косари...
Кто ж песнь сложил им? Как
кто? Посмотри

Кругом: леса, саратовские степи,
Нужда, да грусть, да думушка, да
цепи.

Пойдем на звук волынки полевой.
Как вечер тих! В росе фиалка дышит,
И свищет соловей в глуши лесной,
И долго в ночь заря на небе пышет.

Вот барский дом на холме. Вкруг
стоят

Пушистые березы вековые,
Ряды теплиц, а под горою сад
И пруд, а там избушки тесовые
По берегу излучистой реки.

Вот на гору поднялись мужички,
Всё с песнями; но только увидали
Господский дом, примолкли, шапки
сняли;

Приказчик к барину пошел один,
Чтоб доложить, как много десятин

Распахано, и скошено, и сжато.

Кто ж барин-то?.. Узнаете ль его,
Читатели?.. Рассказа моего
Он был герой в Италии богатой.
Да полно, он ли? Как он потол-
стел

(Что значит ведь у нас — похоро-
шел),

Румян, здоров, глаза как маслени-
сты,

И праздничный какой имеет вид!..
Что ж? Дай господь! В деревне ап-
петит,

Движенье, сон, хозяйство, воздух
чистый...

Владимир! Здравствуй! Как-то
ты живешь?

Рисуешь, пишешь, классиков чита-
ешь?

Остришь над всем? Влюблен?
Успешно?.. Что ж?
О, милый мой, как громко ты зе-
ваешь!..
Посмотримте, как он проводит
день.

Он, возвратясь давно из-за грани-
цы,
И не заехал в русские столицы,
А в глушь своих забился деревень.
Выписывал газеты и журналы,
Сперва читал их все, а после мало,
И наконец читать их перестал.
Он «Quotidienne» и «Siecle»[100] по-
лучал,
И прочие различного объема,
Различные умом и остротой,
И, наконец, «Diario di Roma» [101]
С его кузиной «Северной Пчелой».

Раз дождик шел. Как кровлею тя-
желой,
Всё небо тучею обложено.
Туман сокрыл и холмики и доли;
И грязь, и сыро, скучно и темно.
Владимир поздно встал, пил чай
душистый;

Кольцом пускал из трубки дым
волнистый;
Насвистывал затверженны дав-
но,
В Италии еще, два-три мотива —
«Fra raso» из Лучии, «Casta diva»
[102]
Из Нормы — и, свистя, смотрел в
окно
Иль в комнате ходил диагональ-
но.
Остановясь перед окном, в стек-
ло
Стал барабанить. «О, климат пе-
чальный!
Какая грусть! Ни выйти на село,
Ни на гумно! Чай, озимь постра-
дает...
Поехать на охоту?.. Да хромает
Пегас. К тому ж, я что-то тяже-
ло
И беспокойно ночью спал сегодня,
Дай загляну в какой-нибудь жур-
нал».
Он кипу целую журналов взял,
Случайно вынул номер прошло-
годний
Diario di Roma и читал:

«Богоотступник и злодей Карлино,
Оставивши Абруцци, между скал
Разбил свой стан, под самой Палестриной.
Известный лорд *** тут проезжал
В Неаполь и, с семейством и женою,
Зарезан был разбойничьей толпою.
Меж жителей распространился страх;
Правительство усиливает меры:
Отправлены туда карабинеры,
Учреждены конвои на путях».
«Карлино?.. Уж не он ли тот Карлино,
Которого знавал я?.. Может быть».
Он далее читал:
«Но изловить
Не могут шайки, и от Палестрины
Уже к Дженсано перешел злодей.
Намедни шли в Альбано капуцины
И девушка. Презренный изверг сей
Заставил их плясать, а сам с сво-

ей...»

Но, на беду, вошел на месте этом
Павлушка в дверь (смотритель за
буфетом),

Ужасно хочется мне в мой рас-
сказ

Всего два слова лишние приба-
вить

Насчет Павлушки, чтоб, шутя,
для вас

Всю биографию его представить.
Он барином еще покойным, ста-
риком,

Был взят во двор господский ка-
зачком,

Одет был в казакин и панталоны
Широкие, а на груди патроны.

Доныне казакина своего

Он не лишил нашивки сей. Его
Павлушкой звали девушки-вост-
рушки,

И до седин остался он Павлушкой.
Вот всё.

Обед готов-с.

Что, суп иль щи?

Вы приказали щи.

Еще что будет?

Жаркое дичь; с подливкою лещи...

*Скажи-ка повару, не то забудет,
Чтоб он в подливку луку покро-
шил.*

Пойти обедать.

За обедом.

*Утром приходил
Петрушка Чайковский.*

Ну, что ж?

*Ишь, барин
Его просил откушать вас. Тата-
рин
И Лыков будут.*

*Что ж мне до сих пор
Не доложил?*

Он был часу в десятом,
Вы почивать изволили. Да в двор
Еще наехал было Ласлов с бра-
том,
Я отказал.

Что ж это? За меня
Распоряжаться стали вы?

Да я
Подумал так, что будет не угод-
но
Вам их принять.

Я мог бы отказать
И сам. Какой вы все народ негод-
ный!
Мне всё вперед докладывать, ска-
зать.
Ты слышишь?

Слушаю. Еще в то ж время
Приказчик был и приносил вам се-
мя
Какое-то, прислали в образец.

Зайдет пусть после. Рябчик пере-
жарен.

Обед свой жирный кончив нако-
нец,

Отправился всхрапнуть часок
наш барин;

Проснувшись, стал пить чай и
взял

Доканчивать начатый им жур-
нал.

«Посмотрим, как плясали капу-
цины

Под дудочку несчастного Карли-
но;

А девушка?»

«Презренный изверг сей

Заставил их плясать, а сам с сво-
ей

Боготпротивной шайкой любовал-
ся,

И после распял, как уж наругался
(На небесах награда будет им:

Их церковь сопричислила к свя-
тым).

А девушка, обняв его колени,

Молила умертвить ее скорей,

Но не внимал свирепый изверг ей,

Не тронули его мольбы и пени...

И обнял он ее и целовал,

И у себя три дня ее держал.

Меж тем, такой же страстию
пылая,
Озлоблены товарищи его
Предать вождя решились своего
(Их вразумила дева пресвятая,
Заступница людей перед твор-
цом).

К Неттуно перешел своим он ста-
ном.

Проснувшись утром, поглядел
кругом
И видит — он один, пред атама-
ном

Исчез его разбойничий народ,
Наместо их карабинеров взвод.
Он взят; сидит в Сант-Анджело,
и скоро,
По составленьи формы приговора,
Близ храма Весты будет он каз-
нен.

На исповедь идти не хочет он».
«Карлино! Мы с ним встретились
однажды.

Был в жизни нам один урок, но
каждый
По-своему его растолковал.
Несчастный! Помню, он всегда
бывал

Так скромн, тих, в мечтаньях
благороден...
Я помню... Но я разве с ним не схо-
ден?
Обманут был он жизнью так, как
я;
Мы оба стали те же мизантро-
пы, —
Над ним гремят проклятия Евро-
пы,
А я слышу как честный человек...
Да чем же лучше я? О, жизнь! О,
век!
Павлушка! Эй! Приказчику Ивану
Скажи, доклад я принимать не
стану.
За ужином я гуся буду есть
Да сыр. В еде спасенье только
есть!»

16 (28) декабря 1843, 1844, Париж,
Петербург

МАШЕНЬКА

Куда как надоел элегий современ-
ных
Плаксивый тон; то ль дело ино-
гда
Послушать старичков-рассказчи-

ков почтенных
Про молодости их удалые года, —
Невольно веришь им, когда, почти
с слезою,
Они, смотря на нас, качая голо-
вою,
Насмешливо твердят: «То ль бы-
ло в старину!»

Теперь из их времен я свой рассказ
начну.
Хоть он в моих устах теряет сто
процентов;
Хоть ныне далеки мы от блажен-
ных дней,
Дней буйных праздников, гусар-
ских кутежей,
Уездных Ариадн, языковских сту-
дентов;
Хоть этих лиц теперь почти уж
боле нет,
Хотя у нас теперь иные люди,
нравы, —
Но всё еще пойдем мы были про-
шлых лет
И дедов старые проказы и забавы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жил на Песках один чиновник.
Звали
Его Василий Тихоныч Крупа.
Жил тихо он. В дому лишь прини-
мали
По праздникам с святой водой по-
па;
А братии своей мелкочиновной
Он никогда почти не приглашал,
Хоть знали все, что службой без-
греховной
Он тысячу рублишек получал,
Да дом имел, дочь в пансионе да-
ром,
Так «скуп старик» — все говорили
с жаром.

Когда бы вы увидели его,
Вы, чуждые чиновничьего мира,
«Чудак, чудак!» — сказали б про
него;
И воротник высокий вицмундира,
И на локтях истертое сукно,
Уста без жизни, волосы клочка-
ми,
Глаза тупые с бледными зрачка-
ми, —
Да, точно б вы сказали: «В нем

давно
Всё человечество умерщвлено».

Он двигался, как машина немая;
Как автомат, писал, писал, пи-
сал...
И что писал — почти не понимал;
На благо ли отеческого края,
Иль приговор он смертный объяв-
лял —
Он только буквы выводил... Порою
Лишь подходил к соседу сторо-
ною,
Не для того, чтобы прогнать
тоску
Иль сплин, а так... понюхать та-
бачку.

Над ним острился молодой на-
род:
«Чай, в сундуках у вас есть капи-
талец,
А ведь, злодей, к себе не позовет.
— Что деньги вам: ведь вы один,
как палец.
— Куда-те! Говорят, что дочка
есть.
Скажите! Что, на вас она похо-

жа?

— Ну, если так, вам небольшая честь.

— И у нее шафрановая кожа?»
Старик молчит или, поднявши
глаз,
Из-за пера шепнет: «Получше
вас».

Так жизнь его ползла себе в тиши,
Без радости и без тоски-злодей-
ки...

Ни разу не смущал его души
Ни преферанс задорный по копей-
ке,

Ни с самоваром за город пикник.
Но вдруг все в нем заметили дви-
женье,

Стал о погоде говорить старик
И цену спрашивал французских
книг;

Видали, он на Невском, в дождь, в
волненьи,

Глядел в окно у магазина мод —
«Ишь, старый черт!.. Кого-нибудь
да ждет».

Однажды встал он рано; задыха-

ясь,
Всю ночь почти он глаза не сме-
жил.
Вздел туфли и открыл окно. Он
был
Тревожим чем-то, так что, оде-
ваясь,
Наместо колпака чуть не надел
Чулоч. Был праздник; день светил-
ся яркий;
Кругом далеко благовест гудел;
Тут в берегах тесьмой канал бле-
стел:
В кружок теснясь, за миской щей
на барке
За полдником сидели бурлаки...
Какое утро с свежестью и жа-
ром!
Земля как будто дышит ранним
паром,
А небеса так сини, глубоки!

Василий Тихоныч открыл окошко
Другое, в сад, — и ветерок с ку-
стов,
Как мальчик милый, но шалун
немножко,
Его тихонько ждавший меж цве-

тов,
Пахнул в лицо ему, в покой про-
рвался,
Сор по полу и легкий пух погнал,
На столике в бумагах пошептал
И в комнате соседней потерялся.
Василий Тихоныч глядел кругом
На зелень, на сирень, большим ку-
стом
Разросшуюся там, — и улыбался.

Единственной забавою всегда
И собеседником его, и другом
Был чижик. С ним одним между
досугом
Он разговаривал, и иногда
Не только о вещах обыкновенных,
Но даже о предметах отвлечен-
ных.
Почувствовав прохладный вете-
рок,
Чиж стал скакать по клетке и
забился;
Вдруг сел, чирикать начал и за-
лился
Потом так громко, чисто, как
звонок.
Василий Тихоныч, ему с улыбкой

Грозь, речь начал: «Что, куда так
шибко?

Что, Шурочка, распелся так ку-
да?

Что весел так? Иль знаешь раз-
ве?.. А?

А кто сказал тебе? Подслушал,
верно,

Как говорил вчера Анютке я?

Подслушать тоже любишь?.. Я
тебя!

Мошенник! Наказать его пример-
но!

Сейчас скажу директору!.. Смот-
ри!

Ну, что ты слышал, Шурка? По-
втори!

Что?.. Машенька к нам будет?..
Знаешь Машу?

Не знаешь? То-то ты и спал всю
ночь.

Полюбишь ли ее, голубку нашу?
Смотри же — полюби: она мне
дочь.

Она тебя за то полюбит тоже...
Ну, а как нет? А как начнет ску-

чать,
И станет плакать и худеть,
вздыхать?
Не пережить мне этого... Эх, бо-
же!
В три месяца, чай, к роскоши она
Привыкла у княгини... Ведь не
шутка —
Балы, театр... А здесь?.. Не смете-
на
Ведь даже пыль... Что ж дрых-
нешь ты, Анютка!
Да подмети, да пыль сотри. Ишь,
сад
Зарос совсем. Дай заступ поско-
рее, —
Куртинки пообрежу... да в аллее
Проклятый подорожник вон... а с
гряд
Крапиву... Ах, мой бог, какая га-
дость!
Что, старый хрыч, о чем же ду-
мал ты?
Щавель, крапива — славные цве-
ты!
Вот хорошо готовил дочке ра-
дость!»

Он принялся копать, возил песок,
Полол и рыл, как записной садов-
ник.

Ну, глядя на него, никто б не мог
Подумать, что он классный был
чиновник —

Уж полдень был. Затихнул вете-
рок;

Недвижные листья к земле скло-
нились;

Железо крыши и камни накали-
лись;

На улицах всё пусто; тишь кру-
гом;

Один мужик на барке да собака
На солнце спали; голуби рядом
Под крышею, под слуховым ок-
ном,

Уселися, ища прохлады мрака.

Василий Тихоныч, кряхтя, отвез
Последний сор. «Ну, эдак будет ли-
хо!»

Сел на скамью под ветвями берез,
Отер свой лоб и любовался тихо,
Как мак, нарцисс пестрели между
роз.

«Ну, лихо будет!.. Уф, как жарко,

душно!

Умаялся». Совсем не думал он,
Чем за свой труд он будет на-
гражден:

Лишь не было б здесь только Ма-
ше скучно.

«Ну, дождался, голубушка, тебя!
Целковики копил не даром я!

Вот поживем годок-другой, а
там уж

Как раз пристроимся и выйдем за-
муж!

Ух! Набежит пострелов! Кликни
клич —

Лука Лукич, да что Лука Лукич!
Столоначальники... мое почте-
нье!

Бей выше... сам начальник отделе-
нья!..

Анютка, выйдь-ка в переулок, —
что?

Не видно ль там... не едет там
никто?

Гляди, гляди, послушай-ка, что
это?»

— «Да ничего не видно...» —

«Врешь, карета...»

Как ничего? Гляди... Я слышу

стук».

— «Да кабы стук, так слышно б...
(Старый бредит!)»

— «Анютка!.. Эй, беги, подай сюр-
тук,
Да что ж стоишь ты, дура?..
Едет, едет!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Василий Тихоныч не мог довольно
Налюбоваться дочкою своей.

Заботливо показывал он ей
Сад, комнаты и, трепеща неволь-
но,

Смотрел, как ей понравится?

«Вот тут

Гостиная... У нас пойдут балиш-
ки.

Ух! гости-то наедут, набегут;

Постарше кто — посадим за кар-
тишки...

В саду — фонарики со всех сторон.

А здесь, смотри, какой у нас бал-
кон, —

По вечерам мы будем на балконе
Пить чай».

— «Ах, да! Я буду вам читать

Всю ночь, всю ночь! Я так люблю

не спать!

Как весело! Не то что в пансионе

—

*Там в десять уж извольте почи-
вать!»*

*«Какая ты хорошенькая, Маша!
Любуясь ею, говорил папаша. —
Да поцелуй меня еще, дружок...
Эх, нет покойницы Настасьи
Ананьевны! Знать, не судил ей бог,
Как мне, дожить до такого сча-
стья!..»*

*Старик отер слезу, и из очей
У Машеньки блеснули слезки то-
же.*

*«Эх, старый я дурак! Ну! царство
ей
Небесное! Ты мне всего дороже!
Не плачь, дружок, развеселись ско-
рей».*

*Как описать вам Машу беспри-
страстно?*

*В ее чертах особенности нет,
Хотя черты так тонки и пре-
красны,
Заманчив щек прозрачный, смуг-*

лый цвет,
Коса густая, взор живой и ясный...
Но не люблю я дев ее поры:
Они — алмаз без грани, без игры;
И я, смотря на деву молодую,
Прекрасную, как мраморный ан-
тик,
Твержу — ах, если б жизни луч
проник
И осветил чудесную статую!

Действительность, где страж-
дет нищета,
Где сдавлен ум ярмом поработе-
нья,
Где ищет дух отрады в усыпленьи,
Где чувство сдавлено, где жизнь
пуста,
Вся в кукольной комедии прили-
чий;
Где человек — манкен, где бог —
обычай, —
Была для Маши пламенной чужда
И называлась прозою презренной.
В ней разум спал; зато ее мечта
Работала, как зодчий вдохновен-
ный:
Фантазия без образов, без лиц,

Как дивное предчувствие чего-то,
Творила мир без цели, без границ,
Блестевший яркой, ложной позоло-
лотой.

То гением хотелось ей парить
И человечеству благотворить:
Одним движеньем палочки вол-
шебной
Пролить покой и силу целебной
Больные раны излечать; то в
глушь
Уйти, меж гор и бездн; жить в
гроте диком
С одним созданием избранным, ве-
ликим
И утопать в гармонии двух душ...

Для старика не много измененья
В житье-бытье произошло тогда,
Как появилась Маша: иногда
Был на гулянье с дочкой в воскре-
сенье;
Ложился позже, позже стал
вставать;
На цыпочках ходил, когда читать
Изволит Маша... Лилии, тюльпа-
ны
В саду явились; в зале фортепьяны

(Хоть музыкантшей Маша не была)

Да пяльцы у рабочего стола.

На столике валялось разных книжек

Десяток — вот и всё... Ах, нет, забыл,

Из Шурочки вертлявый желтый чижик

Повышен: Ламартином назван был,

Хоть старику темна была причина —

«Да чем же хуже Шурочка Мартына?» —

Почти не изменилось ничего;
Предметы те же, но с иной душою,

С иною жизнью. Свойство таково
У женщины: наполнить всё собою!

Вокруг нее как будто разлита
Нам чуждая, другая атмосфера,
Какой-то свет, и мир, и теплота,
Любовь и смех, спокойствие и вера.

Прошла неделя — Маша весела,

Глубокий мир ее уединенья
Воспламенял ее воображенье...
Сердилась лишь, скучна она была,
Когда старик опаздывал обедать,
Да на подруг роптала — не могла
Никак понять: как можно не про-
ведать?
Не раз она в Морскую в бельэтаж
Послания по почте отправляла;
Решилась объяснить и писала...
Как вдруг гремит знакомый эки-
паж,
И с дочерью подъехала старушка.

— Zizine!

— Marie! Вот, видишь ли, Marie,
Как слово я держу.

— Zizine! Ах, душка!

О, мы друзья, и вечно? Говори!

— О, вечно!..

— У меня так было много
Тебе сказать...

— И мне!

— О, ради бога,
Скорей!

— Постой. Как мило у тебя —
Цветы...

— Цветы? Всё накупил папаша.

Ты не поверишь, душка, как меня
Он любит.

— Твой рара?.. Ах, Маша,
Мне кажется, я люблю его
За то, что он тебя так любит...
Право...

Хоть он такой...

— Zizine!

— Ах, ничего,
Ну, не сердись. Что это за кудря-
вый
Цветок?

— Простой.

— А этот вон, большой,
Высокий, желтый? Верно, доро-
гой!

— Подсолнечник.

— Милашка! Ах, конечно,
Я для себя велю купить... Marie,
Завидовать тебе я буду вечно!
Как хорошо тебе здесь, посмотри,
Счастливица! Аллея! Сколько те-
ни!

Какой чудесный запах от сирени...
Как весело здесь целый день гу-
лять,
Мечтать и думать, думать и
мечтать.

— Конечно... Но одной, без друга,
скучно!

— А я-то что ж? Ты только напиши,

Верь, я явлюсь. Мы были неразлучны

И в классах. Ты — ты часть моей души.

— Ах, добрая Zizine!

Смеясь сквозь слезы,

Подруги обнялись. Как вешни розы,

Пылали щеки их; рука с рукой;

Головка Маши смуглой и живой

Лежала на груди блондинки Зины.

У Греза есть подобные картины.

Я многое обдумала одна,

О, боже! Для чего я не богата!

Ты знаешь, душка, я ведь не жадна

И, верь, презренного металла,
злата

Желала б я для счастья людей.

Пренебрегла бы я законы света:

Нет, где-нибудь, в лачуге, без друзей,

В страданиях, нашла бы я поэта;

К нему б пришла я ангелом люб-

ви,
Сказала бы: «Ты удручен судьбою,
Но я даю тебе, своей рукою —
Любовь мою и золото: живи!
Живи!..» Ему была б я вдохнове-
нием,
Он миру бы слова небес вещал,
И целый мир ему б рукоплескал...
Как я б была горда своим творе-
нием!

— Когда б, Marie, была поэтом я,
Я б выбрала тебя своею музой!
Но ведь поэты — гадкие мужья;
Брак, говорят, им тягостные
узы...
Кто это, погляди, Mimi, скорей!
Кавалерист и на коне... Вот чудо!
Вообрази: знакомый! Точно, он
Бывал всегда у Верочки Посуды.
— Противный! Как он был всегда
смешон!
Я презираю!
— Что же он здесь скачет?
Ах, погляди, какой чудесный конь!
А латы, каска блещут, как огонь!
Ах, душка — каска! Что же это
значит?

Зачем он здесь?

— Как смел?

— Скорей уйдем.

Подумает, что мы нарочно ждем.

— Заговорит, пожалуй!.. Фи, как стыдно!

— Ах, боже! Маменька, за мной...

Прощай,

Marie!

— Прощай, Zizine, не забывай!

— Ах, *quelle idee*[103]! Мне, право, преобидно!

— Нет, поклянись!

— Я раз уж поклялась.

— Так мы друзья?

— Ах, боже мой, конечно!

— И вечно?

— Да!

Карета понеслась,

И девушки расстались с криком:
«Вечно».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чуть освежась холодной водой
И наскоро свернувши косу змей-
кой,

В капоте легком, с обнаженной

шейкой,
Красавица являлась в садик свой,
К своим цветам, то с граблями,
то с лейкой.
Потом в тени, среди семьи цве-
тов,
Как их сестра, садилась и читала.
О, как тогда ее кипела кровь!
Из рук порою книга выпадала.
И в сладком забытьи неслась то-
гда
Душа ее... бог ведает куда...

Кавалерист меж тем являлся ча-
ще...
То будто вихрь промчится на ко-
не
В красивой каске, в блестящей бро-
не;
То так идет, расстроенный, мо-
лящий.
Он Машеньку немножко занимал
(Так, крошечку! Предмет ее меч-
таний
Всё был поэт — дитя святых
страданий).
«А этот что? Быть может, про-
играл!

Ведь эти гадкие мужчины, право,
Бог знает, как живут!.. Против-
ный он!

Обкрадывать друг друга им заба-
ва!»

Она ушла, захлопнувши балкон,
Но на себя потом досадно стало:
«Кто право дал его мне оскорб-
лять?»

Могу ль я людям запретить гу-
лять

По улице? Им нравится — пожа-
луй!

Пускай и он... Привыкла я давно;
Быть может... О, мне, впрочем,
всё равно!»

Как звезды средь небесного селе-
нья,

Он совершал обычное течение.
Так медленно идет, усы крутит,
Вздыхает, в сад задумчиво гля-
дит.

Раз, встретив взоры Маши, покло-
нился,

Но так был бледен, грустен и
угрюм,

Что в этот миг ей не пришло на

ум,
Что надо рассердиться. Он со-
крылся.

Другой, быть может, бросил бы
письмо.
Но сей герой писал не очень шиб-
ко,
Он размышлял: в письме одна
ошибка
Испортит дело — вечное клеймо!
Ведь девушка из пансиона часто
Напишет правильней, чем Марс
усастый.

Остановясь однажды за решет-
кой,
Заговорил он так печально, крот-
ко,
Что Маша испугалась его.
— Сударыня, вам ничего не стоит
Страдальца осчастливить.
— Мне, кого?
Что вам угодно?
— Если беспокоит
Вас просьба — я, пожалуй, замол-
чу.
— Что вам угодно?

— Ах, прошу... позвольте...
Из сада вашего иметь хочу
Цветок я непременно.

— Вот, извольте.

— Нет, нет, не этот.

— Розан?

— Нет, не тот.

— Который же? Скажите, я не
знаю.

— Ах, если б мог я указать... Ну,
вот
Что подле лилии...

— Не понимаю,
Тут был нарцисс — его я сорвала.

— Нет, не нарцисс... Вы им так
любовались!

Тюльпан, где, помните, еще полз-
ла
Букашка, вы сначала испугались...

— Не знаю, где же мне его най-
ти?..

— Позвольте на минуточку вой-
ти?

— Как это можно? Папеньки нет
дома.

— Так что ж, ему расскажете по-
том,
Что приходил я только за цвет-

ком.

Что ж тут дурного?

— Вы ведь незнакомый! —

И думала она, как Гамлет: БЫТЬ
Или не БЫТЬ — впустить иль не
впустить?

— Ах, что вы? Что вы? Боже мой,
уйдите!

Я закричу.

— Уйду-с. Из-за цветка

Уж вы поднять историю хотите!

Вы лед: душа в вас как гранит
жестка.

Вы слезы лить готовы над рома-
ном,

А человек пред вами хоть умри —

Вам всё равно. Каким-нибудь
тюльпаном,

Который свянет нынче ж до зари,

Вы дорожите... Это ведь ужасно!

— Возьмите, я хоть все цветы
отдам,

Мне их не надо... Но зачем же вам
Тюльпан так нужен?

— Ангел мой прекрасный,

И можете вы спрашивать — за-
чем?

Глядеть и знать, что вы его каса-

лись,
Что вы ему с любовью улыбались
—

А я слезами оболью... Затем,
Чтоб он всегда мне вспоминал
мгновенье,
Когда от вас теперь, из сожаленья,
Он дан мне... Вы не знаете, ваш
лик,
Как ангела господня, я встречаю,
С тех пор, как вас увидел, я постиг

Все ваши совершенства.

— Я не знаю,
Чего же вы хотите!

— Иногда
Позвольте видеть, слышать вас,
хоть тайно,
Хоть издали; улыбку, хоть случайно,
Мне искупить ценою слез моих —
Позволите? О, я вам благодарен
За жизнь. Ах, дайте ручку!.. —
В этот миг

Анютка из окна шепнула: «Барин!»

— Ах, папенька! Пустите.

— Я приду

Сюда же завтра.

— Боже мой, скорее

Уйдите! —

«Машенька, где ты? В саду?

Анютка, собирай обед живее!

Здорово, Маша, ангелочек мой.

Не знаю, право, друг мой, что со мной?

Я смолоду трезов был в поведеньи;

И нынче разве что для дня рожденья

Сотерну рюмку. Я, вот видишь, встал;

Ну, к должности пришел, дела сыскал —

Всё хорошо. Кузьма Ильич Батыев

Перебелить мне предписание дал

В палату в Могилев, нет, прежде в Киев, —

Всё хорошо, окончил, написал,

Сел за другое — тут меня схватило

Под ложечкой, в глазах аж помутило,

Да, слава богу, тут случись со мной

Ошлепников, Панталеон Иванович.
«Что с вами, говорит, вы б шли
домой

Да выпили чего такого на ночь».

Насилу вышел — тут уж отлегло,
И, слава богу, вот совсем прошло».

— «Ах, бедненький! Ах, добрый
мой папаша!»

Как коршуна избегший голубок,
К отцу прижавшись, зарыдала
Маша.

— «Эх, дурочка! Прошло ведь. С нами
бог!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как тонкий яд в взволнованную
кровь,

Прокралась в сердце Машеньки
любовь;

И мощно вдруг в душе проснулись
юной

Живым аккордом дремлющие
струны.

Ей чудный мир открыл врата
свои,

Мир сладких тайн, пленительных

мечтаний,
Мир с негою блаженства и стра-
даний,
Со всею милой глупостью любви.

О, не беги любви, дитя мое!
Пусть розы цвет лицо твое утра-
тит,
Зато твой дух, всё бытие твое
Такою полной жизнью охватит!
Вокруг тебя пока мир целый
спит;
Потом проснется вдруг, загово-
рит,
В блаженстве ты душою с ним
сольешься,
Тогда найдешь ты друга в нем се-
бе:
Он засмеется, если ты смеешься,
Заплачет, если плачется тебе.
И звезды вечера тебе укажут
Свой тайный смысл; поймешь вне-
запно ты,
Что шепчут ночью листья и цве-
ты;
И слезы дивные глаза увлажят;
Услышишь: мир шепнет тебе
«люблю» —

И этот звук проникнет грудь
твою,
И грудь твоя, уста и очи скажут:
«И я люблю...»

У Машеньки в глазах
Всё изменилось: будто на крылах
Какой-то гений, дух неуловимый,
По комнате ее порхал незримо,
Над нею вился, жил в ее цветах.
Как часто вдруг, себя не понимая,
Невольно остановится она,
Глядит и внемлет, втайне зами-
рая,
Как будто бы она там не одна:
В ее окно ворвавшиеся ветки
Черемухи, сирени и берез,
И ветерок, дышавший негой роз,
И чижик, резво прыгавший по
клетке,
Как будто с кем-то были заодно
И видели не видимое ею...
И Маша думала: «Душа его
Является беседовать с моею...»

Теперь, в часы волшебных вечеров,
Когда заря полнеба обнимала,
Понятною, торжественною ста-

ла
Ей музыка. Язык ее без слов
Так ясен был, так полн душевной
боли,
И в этом царстве воплей, бурь и
слез
Неосязаемый редел хаос,
Мир возникал веленьем высшей
воли;
Но книга, прежде верный, милый
друг,
Теперь у ней уж падала из рук:
Казалось ей там всё так глухо,
немо...
Что ей Омир и Шекспир, если в
ней
Творилася великая поэма,
Всех эпопей громадней и живей?
Как ни возись с октавой иль сонетом —
Всё будешь перед ней плохим по-
этом!

Какие ж песни пела муза ей?
Какой она заслушивалась лиры?
В величии героев древних дней,
Строителей Бабеля и Пальмиры,
Иль рыцарем креста, любви и

дам,
Иль музыкальным странником
Прованса
Ее герой предстал ее мечтам?
В его речах — то нежный стих ро-
манса,
Исполненный любви, и слез, и нег,
У окон замка, с арфой, ночью лун-
ной;
То вопли Байрона, земле перуны,
Угрозы небу; мощный, гордый
смех,
Великий, злой — хоть женски-ма-
лодушный.
И чувству новому во всем послуш-
но
Вся отдалась она своей душой;
Участия хоть в ком-нибудь иска-
ла;
И, наклонясь над розой молодой,
Как другу, тайно ей она шептала
События романа своего,
Тоску любви и трепет ожиданья,
Восторг и робость тайного свиданья
И долгого лобзанья волшебство...

Он говорил: «Мы будем неразлуч-

ны,
Поедем в полк, возьмем отставку;
там
Постранствуем по разным городам,
В Италию, — о, нам не будет
скучно!
Но мой отец — он человек крутой,
Меня женить он хочет на другой,
Но пусть меня оставит он без
крова —
Лишь сердце может друга указать...
Но надобно до времени молчать
И папеньке не говорить ни слова.
Уж он кому-нибудь словцо вернет:
Расскажет — ну, хоть чижиху, а тот
Анютке, Аннушка — куме Феклуше,
И прокричат по улицам кликуши».

О, боже мой! Всё есть в его словах,
Чтоб поширять фантазии летуч-

чей:

Гоним отцом, ему душой могучей
Противостал; он презрел тлен и
прах

(Касательно наследства); как из-
гнанник,

Скитаться он пойдет, печальный
странник;

Но с ним она — под небом голу-
бым

Италии; там гондолы и Брента,
Там мир искусств, Феррара и Сор-
ренто,

Везувий, море, Колизей и Рим!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Василий Тихоныч имел привычку,
Обед окончив, поласкавши птич-
ку,

Пойти всхрапнуть.

Однажды той порой

В ближайшей к дому улице глухой
Остановилась странного размера
Извозчичья карета. У угла

В шинелях два стояли офицера,
И бойкая у них беседа шла.

Один из них был давний наш зна-

комец
Кавалерист и маменькин пито-
мец;
Хоть летопись боярской их родни
Давно хранила имена одни
Прокофия, Егора и Ивана,
Но вследствие какого-то романа
Обычая порядок изменен
И Клавдий — Клавдием был наре-
чен.

Другой — его я имени не знаю,
Да вряд ли кто и знал, я полагаю;
Он вышел сам из строевых чинов,
Его все звали просто — Гвоздарев.
Он слыл всегда отчаянным руба-
кой,
Лихим товарищем, а оттого
Не обходилось дело без него,
Грозившее опасностью иль дра-
кой.

Ну, брат, поддел! Уж если ты не
врешь —
Забавная история!
— «Прекрасно!»
Изо всех лжей, в таких вещах,
брат, ложь —

Гнуснейшая, порок, братец, ужасный!

Скажи, соврал ли я когда-нибудь? Ты помнишь Соню — прелесть что такое!

Ведь не соврал! Я не могу надуть Товарища. Потом, княгине Зое Не сам ли ты записки отдавал?.. Да что тут говорить — увидишь скоро».

— «Ну, молодец! Ведь дело не из спора.

Вот Вьюшкин — фу ты, черт, как врет! — сказал,

Что подцепил посланницу, — да только

Посланница-то просто...»

— «Ну, нашел!

Понравится он женщине: осел!»

— «Посланница!.. Ведь правды ни на столько!

Я только так тебе теперь сказал; Не знаю, что за статъ тебе возиться

С девчонками; и из чего тут биться —

Слез... Господи! Навяжутся... Пропал!

Я не могу — расплачусь сам как дура.

Что делать, братец, — скверная натура!

Нет, женщин я люблю, да вот таких,

Как кто-то написал стихи про них:

«Милей мне жрица наслаждений
Со всею тайной упоений...»»

— Эге! давно ль ты стал читать стихи?

— Читал, братец, да много чепухи.

— Так девочки...

— Ни на что не похожи.

— И я тебе скажу стихами тоже.
Старинные: как в корпусе я был,
Еще тогда их как-то затвердил,

—
С девицами мне очень пригодилось.

Как, знаешь, брякнешь вдруг: «Постыли мне

Все девы мира!» Смотришь — и склонилась

Головкою и тает, как в огне;

А я себе реку, как жрец искусства:

«Ты рождена воспламенить...» Фу,
черт!

Соперник тут — капут и a la
porte![104]

Да вот стихи: скажи, какое чув-
ство

Сравниться может с торже-
ством

Над ниспровергнутым врагом?

Перед тобой твой враг — невин-
ность,

Стыд, добродетель и закон.

Друзья — природа, кровь, и сон,

И места нега и пустынность.

Нет, в женщине всего милей

Самой себе сопротивленье

И прелесть трудного паденья.

Люблю дразнить я сердце в ней,

Навесть на душу сон глубокий,

В ней чувством разум подавлять

И к упоению порока

В ней тихо душу приучать».

— Да, хорошо в стихах, а так-то
гадко,

Поплачешься. Ей-богу, никогда

Не буду брать я на себя труда

Вам помогать. Бьет, точно лихо-
радка.

— Эх, баба, трус! Тебе б гусей пасти;

Да если ты боишься, так поди.

— Нет, что! Уж обещал.

— Чего ж ты трусишь?

— Да, как заплачет, так язык прикусишь.

Смотри, мелькнуло что-то там, в саду.

— Ну, жди меня, я тотчас с ней приду.

— Ступай, ступай! Уж эти мне интрижки!

Как не побьют их, право, никогда!
Как будто делом заняты мальчишки.

Добро б мещанка — ну, туда-сюда,

Ну, немка, швейка или хоть цыганка,

А то ведь всё, как ни было б, дворянка.

Чай, у нее и связи, и родня...

— Ну, ангел мой, давно я жду тебя;

Что, наконец успела ты собрать-

ся?

— Куда же, друг мой?

— Как куда? Венчаться.

— Послушай, Клавдий, нынче я всю ночь

Проплакала.

— Что так?

— Мне страшно было...

— Пожалуйста, дурного не про-
рочь.

— И не было во мне день целый си-
лы

Глядеть на папеньку; зачем скры-
вать

От старика?

— Ну, расскажи, пожалуй —

А он пойдет по городу болтать.

И план наш, счастье — всё как не
бывало!

Нет, ты меня не любишь. Для те-
бя

Я бросил всё... Что ж, этого всё
мало?

Нет, это не любовь.

— Ах, полно! Я твоя...

— О чем же плачешь ты, душа
моя?

— Не знаю... Так... Мне в этот миг

казалось,
Что будто бы навек я расстава-
лась
И с домиком и с садом...
— Пустяки!
Мы завтра же сюда как раз под-
катим.
Папа нам будет рад — ведь ста-
рики
Посердятся, а там, глядь, в три
ноги
Ударят сами... Но мы время тра-
тим.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прошло три дня. Поутру Гвозда-
рев
Шел к Клавдию. «Черт знает что
со мною!
Ведь, кажется, натурой боевою
Я наделен, и двадцать пять годов
На линии чуть с чертом не сдру-
жился.
А тут теперь с девчонкой пово-
зился...
Стал сам не свой, и гадко, чай,
взглянуть.
Уж не болезнь ли это? Ноем

грудь...

Нет, не болезнь, а просто скверность. То-то,

Всё думаешь затылком. Помогать

Черт знает в чем припала вдруг охота!

Да не подумал, к рожке ль, есть ли статья!»

— Эй, Куликов, ну что, не принимают?

— Да не звали; должно быть, почивают.

— Здоровы?

— Слава богу.

— А она?

— Кто-с, барыня? Да что им?

— Очень плачет?

— Известно, плачут.

— Чай, она больна?

— Да, то больна, а то поет и скачет.

— А барин что?.. Он крепко полюбил?

— Насчет того не слышно разговора,

Да мы не долго ведь — наскучит скоро.

— Ну, ты скажи, что я, мол, приходил.

А Клавдий, с трубкой длинною в руках,
На канане сидел, как падишах,
В халате шитом, в узорочной феске.

Луч солнечный, скользя сквозь занавески,

Прозрачный дым разрезав, за клубив,

По комнате лился золотой струей;

И мимоходом, ярко озарив

Тальони бюст, хрусталь с живой игрою,

Он упал на голову, на грудь

Марии спящей.

Милое созданье!..

Кто на нее, в волшебном обаяньи.

Не загляделся бы, боясьдохнуть?

Как живописно, как небрежно ловко

Она раскинулась: одна рука

Заброшена за милою головкой;

К другой прижалась жаркая щека;

И косы, пышные, как шелк разви-
тый,
Бегут, блестя, с подушки пуховой;
Там ножки так заманчиво от-
крыты,
И очерк форм прекрасных... чуд-
ный вид —
Устами бы коснулся, упоенный,
Холодных плеч, щеки воспламе-
ненной!..
Но эта мысль, которая не спит
И спящую красавицей играет,
То пурпуром лицо ей обагрят,
То бледностью в ланитах пробе-
жит,
То сдавит грудь, и грудь ее зане-
ет,
Как будто крик обиды в ней за-
мрет,
То ужасом уста ее раскроет,
То в поцелуй горячий их сомкнет;
Нет, эту мысль, ту деющую душу
В ней чувствуя и с трепетом сле-
дя,
Ты, очарован, скажешь: «Спи, ди-
тя,
Сна таинства я дерзко не нару-
шу».

*И Клавдий думал: «Пусть она поспит,
Покуда самовар не закипит».*

*— Ну, розанчик, насилу встала ты,
Ленивица. А я уж приступаю
К чаю.*

*— Зачем же ты, не понимаю,
Не разбудил?*

— У вас ведь всё мечты.

*Особенно под утро — о, я знаю!!!
Скажи же, что ты видела во сне?
А, покраснела!*

— Вам какое дело?

— Признайся, всё мечтала обо мне?

— Вот вздор какой! Нимало.

— Покраснела!..

*Мадам прислала шляпку и бурнус.
Когда не так — прошу уж извиненья, —*

Я виноват: я выбрал на свой вкус.

— Ах, шляпка белая... я в восхищеньи!

Вот именно какой хотелось мне.

— Да не ее ль ты видела во сне?

— Пожалуйста!.. Ах, как сидит

чудесно!

Бурнус прекрасный. Этот цвет
небесный

Ко мне идет. Ведь я всегда бледна,

И брови черные, глаза большие,

Ну, погляди, я, право, недурна.

Я выпущу тут локоны: густые

И черные на голубом — *charmant!*

[105]

Вся завернусь в бурнусе с гладкой
спинкой.

На шее с легкой палевой косынкой,

В атласных башмачках, — *mais*

c'est piquant![106]

— У! божество мое!

— И мы с тобою

Поедем за город, где нет людей.

— Хоть за сто верст.

— Я жажду всей душою

Увидеть небо, лес, простор полей.

Ведь я почти природы не видала;

Раз только летом с папенькой гу-
ляла:

За нашим домом поле и ручей, —

Как весело... Ах, что-то мой папа-
ша!

Что с ним теперь! Ах, боже мой,
где он?

Он не простит меня!.. Он раздражен,
Он так любил меня!..
— Что это, Маша,
Опять ты плачешь, — скучно! Я
сказал,
Что он нам даст свое благословение,
Но надо ждать. Священник не венчал
И не хотел венчать без позволения
Родителей, но после обещал,
Поеду, говорит, к архиерею.
Меня ты сердидьшь глупостью своей.
— Прости меня. Я верю, я о том
Не буду даже думать.
— И прекрасно!
И вот она опять с улыбкой ясной.
Исчезла вмиг сверкнувшая слеза;
Она глядела так ему в глаза
Доверчиво, как смотрят только
дети,
— Послушай, Клавдий, ты мне всё
на свете,
Ты счастлив ли, как я?
— А мог ли б быть

Я меньше счастлив?

— О, как жизнь прекрасна!

А жизнь в одном лишь слове — век любить.

А ведь живут и без любви... Ужасно!

Не верю я: жить без любви — страдать.

Но знаешь ли, когда б меня спросили,

Как я люблю и сколько, — отвечать

Я б не могла... Ужели б заключили,

Что не люблю я? О, как свет смешон!..

— Эге, так вот, не в этом ли твой сон?

— Ах, ты всё шутишь!.. Помнишь ли, об этом

Ты говорил со мной давно уж, летом;

Ты, помнишь ли, сказал мне, что любовь

Без жертв не есть любовь; я этих слов

Значение теперь лишь угадала.

Хоть я тебе покорна, как судьбе,

*Всё кажется, что сделала я мало
И что ничем не жертвую тебе.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Как опустел наш домик на Пес-
ках!*

*Закрыты ставни, заросли травюю
Дорожки, и крапива в цветниках.*

*Недавно бурей сломаны ночью,
Лежали ветви желтые дерев;
Никто прибрать не думал их с до-
рожки,*

*Ни подвязать попорченных ку-
стов,*

*Ни вставить стекол выбитых в
окошки.*

*Василий Тихоныч лежал больной,
Без памяти, в горячке. День-день-
ской*

*При нем была сиделка нанятая,
Гадавшая спокойно при больном,
Что скоро ли ее доука злая
Окончится каким-нибудь концом,
И вымещавшая на кофеишке
Заботы о проклятом старичиш-
ке,*

Нет, время не старик. Нет, в

старце ум
Спокоен, мудр, безгневен, тверд,
угрюм.
Нет, время — женщина, дитя;
ревниво,
И легкомысленно, и прихотливо;
Капризное, вдруг радость унесет,
За миг блаженства вырвет злые
слезы,
Сорвет с чела цветущий мирт и
розы
И тернием колючим обовьет;
Но вдруг потом пробудится в нем
жалость,
И выкупить свою захочет ша-
лость, —
Тут явится оно опять, как друг,
И исцелит мучительный недуг.
Василий Тихоныч, чуть-чуть, по-
малу,
Стал поправляться, в комнате
бродить
И иногда на солнце выходить,
Гулять один в соседстве, по кана-
лу.

Осенний день был ярок. Громкий
звон

Гудел далёко. Было воскресенье.
Василий Тихоныч встал рано. Он
Всю ночь не спал. Тяжелые виде-
нья
Его терзали, отгоняя сон.
Он вышел на крыльцо. Цыплята,
куры,
Кудахча, там теснились к пшену.
Он их ласкал при этом в старину,
А нынче отошел, сказавши: «Ду-
ры».
Он в залу. Солнцем оживленный,
там
Веселый чижик песнью заливался,
Как в дни, когда, бывало, по
утрам
Здороваться старик к нему яв-
лялся
И говорил, что было за душой.
Теперь он стал с поникшей голо-
вой;
Особенно теперь он вспомнил яс-
но
Иные дни, которых не вернешь...
А чижик пел всё так же звонко-
гласно...
«Да что, дурак, ты горло-то де-
решь,

Да замолчи, сверчок, ушам ведь
больно!»
Он отошел, сердитый, недоволь-
ный.

По службе был приятель у него.
Уж двадцать лет они сидели ря-
дом;
Вернее — двадцать лет друг к
другу задом
Они сидели... Боже мой! Чего
Не делает судьба на свете белом!
Приятели по дням сидели целым,
Друг друга слыша, чувствуя, сле-
дя,
Почти в лицо друг другу не глядя.

Давно Иван Петрович в службе
высох,
Но, может быть (не знаем мы
того),
У множества голов сих стран-
ных, лысых,
Как кажется, умерших для всего,
Которых мир так жалко обезли-
чил,
Всё есть одно, куда живым клю-
чом

Прорвалась жизнь и с чувством и с умом...

Так узник был, который науком
Всю жизнь ума и чувства ограничил.

— Василий Тихоныч, пойдём гулять.

— Где мне гулять!

— На острова поедём.

— Эх, полно вам.

— Да что же вам лежать

Весь день в берлоге таким медведем...

Поедёмте, наденьте вицмундир.

— Ах, знаете ль, не хочется, ей-богу!

— Ну, полно же, живей, марш-марш в дорогу!

В трактир зайдём пить чай.

— Ну, уж в трактир

Я не пойду. Там, чай, народу много,

И в публику мне страшно выходить.

— Вот то-то, всё сидит да дома тужит!

Что б, например, к обедне вам

сходится?

Отец Андрей так трогательно
служит!

— Нет, не пойду, Иван Петрович.

— Что ж?

— Так, не могу.

— Уж вы надели брюки?

— Всё не могу.

— Вас, право, не поймешь.

Да ну, скорее мундир да шляпу в
руки!

— Меня как будто лихорадка
бьет,

Так на сердце нехорошо.

— Пройдет!

— Нет, не пройдет; уж разве богу
душу

Отдам, тогда пройдет. Так не
пойти.

— Охота вам так страшно гово-
рить,

И всякий смертен.

— Смерти я не трушу.

— Берите шляпу.

— Что мне смерть теперь?

— Да полно, говорят.

— Так околею,

Как пес, какой-нибудь поганый

зверь.

Глаз некому закрыть мне, как злодею.

— Ну, ну, пойдём. Ну, запирайте дверь.

Чиновники скромненько ваньку
взяли

И поплелись рысцой на острова.
«И летом был денек такой едва
ли,

Смотрите-ка, ведь будто спит
Нева».

Василий Тихоныч хранил молча-
нье,

Зато Иван Петрович говорил:
«Как пыльно! Уф! Дышать почти
нет сил!

Да слезем тут, пройдемте до гу-
лянья.

Смотрите-ка, народу что идет,
Чай, всякие — держитесь за кар-
маны,

Кто их теперь в толпе-то разбе-
рет...

Глядите-ка, пристал какой-то
пьяный

К купчихе, знать: повязана плат-

ком.

Здоровая, ей-ей, кровь с молоком!
Чай, ест за трех! Ишь жирная ка-
кая!

Эге, ругнула! Вот люблю, лихая!
Да это что, смотрите-ка сюда:
Здесь прежде будки не было. Когда
Поставили? Спросить бы часово-
го...

Ах, нет, была, да выкрашена сно-
ва.

Послушаем шарманки. Ишь какой
Тальянец-мальчик, а уж чернома-
зый.

Чай, сколько он проходит день-
деньской!

Как вертится! Ах, дьявол пучегла-
зый!

Есть нечего в своей земле у них,
И суются куда бы ни попало.

Да. Ну, у нас бы припугнули их.
Вот немец — тоже честный на-
дувало:

Я чай, сигар из браку наберет,
А тут, поди-ка, сунься, так сде-
рет

За штучку гривенник да пятьал-
тынник.

Вот что! И знай.
Подвинемтесь туда,
К каретам. Ты, седая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись,
аршинник!
Не видишь, что чиновники... Ско-
рей,
Василий Тихоныч, не пропустите,
Директорша. Да шляпу-то снимите.
Проехала. Директор не при ней.
А вон коляска... Да кто в ней, гля-
дите —
Не знаете? Ведь стыдно и ска-
зать...
Вся в кружевах теперь и блондах...
Танька,
Та, что жила у Прохорова нянь-
кой!
И шляпка вниз торчит... Тож ле-
зет в знать!
Чуфарится! Туда ж с осанкой бар-
ской!..
А ведь сегодня скучно. Для меня
Гулянье не в гулянье, как нет цар-
ской
Фамилии да батюшки царя.
Василий Тихоныч, что ж вы стои-

те?.

Пойдем пить чай!»

— Глядите-ка... глядите...

— Кто там?

— Глядите...

— Кто?

— Она, она!..

Разряжена... Как весела... Смеялась...

— Пойдемте прочь, вам просто показалось.

— И он верхом... Мерзавец!.. Как жена,

С ним говорит... Да что вы, не держите.

— Василий Тихоныч! Уйдем, молчите!

Вы в публике... вниманье обратят.

Подумают, что вы... свести велят

В полицию...

— Она того хотела,

Так на же, пусть в полицию сведут!

Пускай при ней и свяжут и возьмут!

Пусти меня!..

— Опомнись, это тело

И кровь твоя...

— Ну, тело, кровь, пусти!

Отца забыть! С любовником уйти!

Отец — он стар, дурак! Какое дело,

Есть или нет отец... Пускай ревет...

Оставила... Пускай с ума сойдет,
Что жить ему: околевай, собака!
Смотрите все: вон, вон она, вон та —

Анафема! Будь веки проклята!..

— Уф, страх какой!

— Что тут за шум?

— Что? Драка? —

Старик умолк. Дрожащие уста,
Казалось, говорить еще хотели,
Но голос замер, ноги ослабели,
И он упал. Коляска понеслась
Как вихрь. Толпа кругом еще теснилась.

— Я с духом всё еще не собралась.
Вот ужаси! Она, моя родная,
Как взвизгнула!

— Да бледная такая!

— Что тут такое?

— Проклял дочь отец.
— Да, проклял; да за что же?
Злая доля
Тому, кто проклят... Ишь ведь
молодец!
— Ах, бабушка! Родительская во-
ля!
— Ишь, проклял!..
— Он ведь как безумный сам.
Смотрели бы за ним все по пя-
там —
Воды-то много тут. Чтоб не слу-
чился
С ним грех какой..
— Ты слышал, тут один
Порядочно одетый господин,
Чиновник, проклял дочь и утопил-
ся?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пришла весна. Светлеют неба
своды;
Свой белый саван сдернула зима,
Дома темны, как древние дома;
По улицам, журча, струятся во-
ды;
Нева блестит и дымчатой вол-
ной

Играет с жемчугом зеленой льдины.

Я Петербург люблю еще весной.
Как будто есть движенье: цепью
длинной,

В грязи шума и плеща колесом,
Стремятся экипажи; по колено
В воде еще кой-где, вертя кнутом,
С санями ванька тащится, рядком

С лошадкою, покрытой белой пеной;

И тротуар на Невском оживлен;
Толпы ползут туда со всех сторон;

Людей, как мух, живет весны дыханье;

И раздаются шумно восклицанья:
«Что, брат, весна! Я просто в сюртуке —

И ничего!» — «Я тоже налегке».

Лишь скептик, жертва местного недуга

(Зараза эта так у нас сильна),

Заметит: «Да, пожалуй, и весна,
А всё, гляди, ужо потянет вьюга».

Ну словом, жизни уличной простор!

Точь-в-точь Париж: кофейни, лавки, клубы,
Трактиры, моды, книги, шляпы, шубы,
Журнальных даже множество контор, —
А скептики еще толкуют злые
С сомнением — в Европе ли Россия?

Пойдемте вслед за яркою толпой.
Вот, пышными нарядами пестрея,
Две барыни и барин с бородой,
И с ними сзади красная ливрея.
— Как Петербург нашли вы, мосье Paul?
Довольны ли вы северной столицей?
— Что делать? Возвратясь из-за границы,
Невольню старую играешь роль —
Роль Чацкого.
— Ах, это, право, мода!
— Кто странствовал, тот любит наблюдать
В лице толпы особенность народа,
да,

Души его оттенки подмечать.
Один народ угрюм, спокоен, ва-
жен;
Тот вдохновеньем блещет; а дру-
гой
В лохмотьях — горд, беспечен, но
отважен.
А здесь, взгляните, — вид полу-
больной,
И мутные глаза без выраженья.
Рабы, рабы!.. Теперь гулять весной
Все будто бы идут из принужде-
нья!
Вы скажете — героем смотрит
тот.
Но где же гордость, мысль — ду-
ша геройства?
Всмотритесь лучше — этот весь
народ.
Есть юноша, убитый от забот
И поседевший в ночь от беспокой-
ства.
Безличие, в душе холодной лед,
Животной жизни сон и апатия —
И вот чем вас приветствует Рос-
сия!
— Ну, признаюсь, чудесный разго-
вор

На улице!.. Давно ль, с которых
пор

Вы бойки так, совсем другие ста-
ли!

Я помню вас студентом...

— Я созрел,

В два года много я узнать успел.

— Ужели сердцем вы не трепета-
ли,

Когда родной язык вы услышали?

— Какой язык, и как здесь гово-
рят!

Французские слова на русский лад!

Не тот язык, что искрится ал-
мазом,

И радует, и поражает разом

В устах француза; нет, совсем
другой,

Сухой, дипломатически-пустой,

Какая-то привычка к мертвым
фразам.

Вы, женщины, вы корень зла всего.

Одушевить язык своей улыбкой,

Сродить его с своей природой гиб-
кой

И женским сердцем воспитать
его

Вы не хотите... Грубая ошибка:

Как ни возись с упрямым языком
Писатели-прозаики, поэты, —
Он будет сын, воспитанный от-
цом,

Не знавший ласк сестры и не со-
гретый

Улыбкой матери.

— Кто ж виноват?..

Вы точно Чацкий... Желчь и
злость — что слово.

Вы нынче вечер с нами?

— Очень рад...

Я так увлекся... Тетушка здорова?

— Мерсі.

— А дядюшка?

— Он очень хил.

— Кузины?

— Вас увидеть будут ради.

Додо уж замужем... И после дяди
Получит много муж... Он очень
мил.

— А ваши все друзья?.. Мими?

— Какая

Мими?

— Брюнетка, помните, живая,
Ваш друг.

— *Fi donc!*[107]

— Вы вышли вместе с ней

Из пансиона...

— Боже мой, молчите!

— Мими... ваш друг?

— Ах, что вы говорите!

— Вот дружба-то!

— Нет у меня друзей.

— Жива ль она?

— Да, умерла... для света.

Матап, татап, чудесная карета,

Что привезли из Лондона Sophie...

— А где Sophie?

— Вон там.

— А с ней мосье Fifi?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Но где она, где героиня наша,

Где бедная, где любящая Маша?..

Убита ли нечаянной грозой?

Иль чистая душа и с ней сродни-

лась?

Из уст отца проклятье разрази-

лось,

Как гром небес, над юной головой;

Надменный свет, ласкающий

невежду

И мытаря, грабителя, шута,

Для ней навек закрыл свои врата

С ужасной надписью: «Оставь на-

дежду»...

(Ты пал — так падай глубже; не мечтай

Когда-нибудь опять увидеть рай,
Где человек блажен, безукоризнен,
Так скучно-чист, так чопорно-без-
жизнен.)

Мария всё — увы! — пережила...

Пережила; она, как прежде, лю-
бит.

Пусть страсть ее гнетет, терза-
ет, губит, —

Ее любовь под бурю была
Еще сильнее и пламенней. Каза-
лось,

Что дивная душа проснулась в
ней;

Как под грозой прекрасный цвет
полей,

Она в слезах, казалось, укрепля-
лась.

Пусть свет ее карает и разит,
Пусть страшный остракизм на
ней лежит,

Что суд толпы посильно беспо-
рочной,

Ругающей непризнанную страсть,

Хотя о ней мечтающей заочно
И каждый миг готовой втайне
пасть?

А Клавдий? О, как ей мечталось
сладко
Всю жизнь свою ему лишь посвя-
тить,
Смягчать его, исправить недо-
статки.
Врожденное добро в душе рас-
крыть.

Любовь надеется... Однако ныне
Неделя, как исчез он. Жив ли он?
И целый мир для Маши стал пу-
стыней.

Он вспыльчив, он, быть может,
завлечен
В дуэль... Быть может, кровью ис-
текает,
И не она как друг при нем была...
«Ах, лучше пусть убит, чем изме-
няет», —
Вопило сердце, но она ждала.

Звонят. «Он, он!» И молнией блес-
нула
Ей радость. Взор мгновенно про-

светлел,
Но крик, напрягший грудь, вдруг
излетел
Глубоким вздохом: сердце обмануло —
То был не он.

— Я к вам... я послан к вам
От Клавдия.

— От Клавдия? О, боже,
Он жив?.. Ах, где он?

— Жив-то жив.

— Так что же?

— Как вам сказать, не знаю, право сам;

Довольно трудно, хоть всего два слова.

— Ах, говорите, я на всё готова!

— Он в полк уехал; срок стал выходить...

— Уехал? Без меня? Не может быть,

Я вас не понимаю.

— Очень ясно:

Уехал в полк.

— И я пойду за ним.

— Послушайте, от вас скрывать напрасно:

Отец его суров, неумолим,
И Клавдий... вас оставил.

— Нет, вы лжете!

— С чего ж мне лгать пришла
охота вдруг?

Вот вам письмо.

— Подложное!

— Прочтете,
Того не скажете.

— «Любезный друг,
Чтоб избежать несносных объяс-
нений,

Мне тягостных, а также и тебе,
Беру перо. Оставь все слезы, пени,
Сообрази и покорись судьбе.

Пора, мой друг, нам наконец рас-
статься.

Ты — умница, ты всё сама пой-
мешь;

Ты хороша, одна не пропадешь;
Итак, прощай, счастливо оста-
ваться!

Верь, не забуду я любви твоей, —
На первый раз вот тысяча руб-
лей».

— Вот видите, каков он?

— Боже, боже!..

— Я говорил: ни на что не похоже

Ты, братец, делаешь; а он свое:
Что надоела, надобно ее
Оставить.

— Изверг!

— Изверг, и ужасный!

Да что вы плачете? Ей-ей, напрасно!

Слезинки б я не пролил за него.

В его душе — святого ничего!

Он говорит, что женщин только
любит,

Пока ему противятся оне,

Что вопль и слезы только в нем
сугубят

Презрение... Мария, верьте мне,

Ни ваших слез, ни мыслей он не
стоит...

Не знаю, право, что вас беспокоит.

Да плюньте на него. Несправедлив

Он к вам; да вы ужель его не знали?

Он эгоист бескровный и едва ли

Когда любил, быть может, и
счастлив

Он оттого бывал у женщин в свете.

Хотите ль знать, каков он? В нем

всё ложь,
И доброго и чести ни на грош;
Письмо — всё вздор; резоны эти
Всё выдумки, всё те же в сотый
раз.

Он просто в Царском, пьет напро-
палую,

Кутит как черт, ведет игру боль-
шую.

Я очень рад, что он избавил вас
От объяснений, — это труд на-
прасный.

Вы стали бы тут плакать, он —
курить

И в потолок пускать колечки ды-
ма...

Послушайте... Вы будете люби-
мы.

Нельзя вас видеть миг и так уй-
ти,

Не полюбить... Клянусь, вы так
прекрасны...

Не плачьте. Верьте, вы не так
несчастливы,

Как кажется... Клянусь, вам впе-
реди

Так много в жизни... Маленькая
тучка

Примчалась, и чрез миг пройдет
гроза,
И эти косы, дивные глаза,
И эта ножка, пухленькая ручка...
Мария! Дайте вашу ручку мне...

Ах, ручка, ручка! Только ведь во
сне
Такую видишь... Ангел черноокий,
У ваших ног клянусь, любить все-
гда,
Всю жизнь свою любить, как ни-
когда
Он не любил... Не будьте же же-
стоки,
Позвольте мне любить вас, век
любить!...
И он рукой старался охватить
Марии стан. Его прикосновенье
Вдруг вывело ее из онеменья.
— Стыдитесь, что вы?
— Ангел милый мой!
Отдайтесь мне.
— Пустите!
— Ангел милый!
Отчаянье в ней пробудило силы,
Глаза зажглись обиды полнотой,
И — хлоп пощечина... Но наш ге-

рой

Нашелся.

— Ну, теперь уж расцелую!

— Подите вон!

— Нет, расцелую!

— Вон!

Я вас убью!

— Ты шутишь шутку злую!

Но полно, мир воюющих сторон,

И руку! Вы не в духе?

— Прочь подите!

— Вы шутите?

— На шаг лишь подступите,

Я размозжу вам голову!

— Уйду-с...

Эк подняла какую ведь тревогу!

Нет, Клавдий, ты надул меня, ей-

богу!

Бесенок! Право, лучше уберусь...

— Ах, Клавдий, Клавдий! Где ты?..

Что со мною?

Что сделал ты?

И голос ослабел,

Румянец, вызванный обидой злою,

Угас, и лик как будто помертвел.

Недвижная, поникши головою,

Она, казалось, силилась понять,

Что было с ней... Хваталася руками
За голову, как будто удержатъ
Стараясь разум; мутными глазами
Искала всё кого-то... Давит грудь
Стесненное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы... Но — увь! — в
страданьи
И слезы даже могут обмануть...
Потом как бы вернулась сила сно-
ва,
И вырвались из уст и стон, и сло-
во:
«Он обманул!.. Я всем теперь чуж-
да...
Он прав, все скажут: он ведь нико-
гда
И не любил, она одна любила...»
И горькое рыданье заглушило
Ее слова...

Что ж думала она?
Какая мысль в душе свинцом ле-
жала?
Что из груди разбитой исторгало
То стон, то плач, то хохот, то
порой

В очах сияло тихою слезой?
Одно: «Он разлюбил...» В ней сердце,
разум,
Вся жизнь ее, казалось, были разом
Убиты этим словом роковым.
«О, если б хоть увидеться мне с ним!
Вот деньги... О, палач без сострадания!
Он выкуп дал позора моего!
Ах, где он сам, где низкое создание?
Я б бросила ему в лицо его
Червонцами... Одно, одно осталось!»
И будто светлой мыслию чело
Вдруг просияло: точно отлегло
От сердца. Что-то страшное, казалось,
Она задумала.

Мария шла дрожащею стопой,
Одна, с больной, растерзанной душой.
«Дай силы умереть мне, правый боже!
Весь мир — чужой мне... А отец?..

Старик...
Оставленный... и он... Он проклял
тоже!
За что ж? Хоть на него взгля-
нуть бы миг,
Всё рассказать... а там — пусть
проклинаят!»
Она идет; сторонится народ,
Кто молча, кто с угрозой, кто
шепнет:
«Безумная!» — и в страхе отсту-
пает.
И вот знакомый домик; меркнул
день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицам ложилась
От фонарей, деревьев и кровель тень.
Вот сад, скамья, поросшая тра-
вою,
Под ветвями широкими берез.
На ней старик. Последний клочок
волос
Давно уж выпал. Бледный, он ка-
зался
Одним скелетом. Ветхий вицмун-
дир
Не снят; он, видно, снять не дога-
дался,

Придя от должности. Покой и мир

Его лица был страшен: это было Спокойствие отчаянья. Уныло Он только ждал скорей оставить мир.

Вдруг слышит вздох, и листья задрожали

От шороха. «Что, уж не воры ль тут?»

А, пусть всё крадут, пусть всё разберут,

Ведь уж они... они ее украли...»

Старик закрыл лицо и зарыдал,

И чудятся ему рыданья тоже,

И голос: «Что я сделала с ним, боже!»

Не зная как, он дочь уж обнимал,
Не в силах слова вымолвить. «Папаша,

Простите!» — «Что, я разве зверь иль жид?»

— «Простите!» — «Полно! Бог тебя простит!

А ты... а ты меня простишь ли, Маша?»

<1845>

СНЫ

Поэма в четырех песнях ПОСВЯЩЕНИЕ

*Уж в зелени берез есть ветки золотые;
По небу рыхлые, как комы снеговые,*

*От севера плывут грядками облака;
Всё ясно говорит, что осень уж близка;*

*Выходят старики, поля обозревая,
И колос шелушат, про умолот смекая,*

*Пытаясь вынести из годовых трудов
Крупницу опыта для будущих годов...*

*И в жизни так пора приходит: разум строгий
Велит уж подводить под прожитым итоги, —*

И память повела его, как чародей

*В волшебный лабиринт, средь
темных галерей,*

*И ряд картин пред ним во мраке
озаряет...*

*На всё, что предо мной она разоб-
лачает.*

*Уже взираю я с спокойною душой.
Уж всё так далеко, всё кажется
мечтой!*

*Фигуры движутся, как в дымке
фимиама,
Уже на всё легла эпическая рама,*

*И свет таинственный, и муза в
тишине
Всё взором обняла и песни шепчет
мне...*

*О сын мой, милый сын, как резвый
и живой
Малютка розовый, играешь ты со
мною!*

Тебе по вечерам я сказываю сказки,
И вдруг ты тяжело дышать начнешь, и глазки

Блеснут слезинкою... Задремлешь ли порой,
Задумываться я люблю перед тобой

И губок подвижных в изменчивом движенье
Угадывать твои невинные виденья...

И вот ты вырастешь... Быть может, для тебя
Судьба не даст сказать мне сказку про себя,

Вот СНЫ тебе мои... В них всё, что хладный опыт
Открыл мне, проведя чрез слезы, скорбь и ропот.

Свидетель будешь ты уже порыной:
Быть может, наши Сны сочтешь

уже мечтой

*И сказкой наш удел и наших дней
страданья...*

Молю — да будет так!..

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

*Есть домик — он теперь глядит
уж старцем сирым,
Но некогда он мне казался целым
миром!*

*Уютно он стоит между берез и
лип;
У дома спуск крутой; а там — ре-
ки изгиб,*

*И за рекою луч, сквозь дождевую
тучу,
Блестит на городке, на домах,
сбитых в кучу.*

*Веселый смех детей, как в роще
пенье птиц,
Звучит в том домике; в нем нет
угрюмых лиц,*

И видимо на всем благословенье

бога,
Хоть бедность не чужда была его
порога;

Зато там был приют простых и
добрых чувств
И билися сердца при имени ис-
кусств.

Искусства труженик, без жажды
славы лживой,
Отец мой там обрел приют себе
счастливый.

Что в жизни вынес он, каким до-
стиг путем
Житейской мудрости — не знали
мы о том...

Вокруг его друзья немногие собира-
лись;
Все вместе старились... лишь
смертью разлучались...

Нам свято имя их: они учили
нас...
Но он, божественный, бывало,
углубясь,

Как бы исполненный душевного
виденья,
Он пишет в мастерской святых
изображенья, —

Всё из саду к нему заглядываем
мы...
Всё было чудно нам средь влаж-
ной полутьмы

В пространной мастерской: бо-
лезненная дума
В лице художника, творящего без
шума,

В самозабвении, статуи возле
стен,
Холодные как смерть, и подвиж-
ной манкен

С румяной маскою, с горою кудрей
жестких,
Сядущий как пророк на плотни-
чьих подмостках.

Но бросил кисть отец, и «дети»
крикнул нам,
И мы со всех сторон бежим по

цветникам,

Все, даже меньшие, к нему, при-
встав на цыпки,
Руками тянутся и ждут его
улыбки...

О, много я часов в той мрачной
мастерской
Провел потом, носясь бог знает
где душой!..

Из братьев я хоть был всех ста-
рее годами,
Но разум спал во мне, как озимь
под снегами...

Когда собирались мы в кружок по
вечерам
И мать из Библии урок читала
нам,

Тяжелый сон меня одолевал при
чтенье...
Но помню, раз она о первых днях
творенья

Рассказывала нам по книге Бы-

тия, —
Впервые изумлен, внимал прилежно я,

И после чтения, как братья шли
уж в спальни,
Тихонько убежал я сада в угол
дальний

И, взоры устремив на звездный
свод небес,
Казалось, понял смысл прочитанных чудес.

С тех пор ума во мне господень
перст коснулся,
И он от праздного бездействия
очнулся.

И много лет потом я помнил
этот миг,
И посвятил ему свой первый детский стих.

Когда же мать моя нашла его
случайно,
Я, вспыхнув, убежал, стыдясь за
труд свой тайный,

*И плакал я, когда она меня на-
шла,
И кудри гладила, и с лаской обня-
ла,*

*Стараясь мне взглянуть в потуп-
ленные очи...
Я точно вышел вдруг на свет из
мрака ночи,*

*И в чудном блеске мне являются
всегда
И отрочества дни, и школьные го-
да,*

*Когда беспечно пел я солнце, моря
волны,
Волною на песок закинутые чел-
ны*

*И дев невидимых, которых посвя-
щал
Я в красоты лесов, пустынь и ди-
ких скал.*

*Но город, где я рос, мой дар счи-
тал юродством.
Хоть люди в нем цвели от празд-*

ности дородством,

*Но праздность видели в занятиях
моих
И кару в худобе моей за чтение
книг.*

*И лишь немногие и близкие зна-
комцы
Да бурсы городской смиренные пи-
томцы*

*Мои творения читали — кто бра-
нил,
Кто неумеренной хвалой превоз-
носил.*

*Но я почувствовал, что их суда
мне мало.
Иное поприще мечта мне откры-
вала.*

*К нам быстрая молва за вестью
весть несла,
Что в мире поднялась борьба
добра и зла,*

И каждое ловил я огненное слово,

*И жаждал искусить свой дух в
борьбе суровой...*

*Так в замке, на скале, на дне сы-
рой тюрьмы,
Вдруг слышно узнику среди глубо-
кой тьмы,*

*Что с моря выстрелы несутся бо-
евые,
Всё ближе... Вот дрожат грани-
ты вековые,*

*Вот парус как пятно в окне его
мелькнул,
И ветр к нему занес и дым, и кри-
ков гул;*

*Кругом шипят в воде и бьют о ка-
мень ядры;
Он слухом лишь следит, как дви-
жутся эскадры,*

*И кинулся б к окну — да окна вы-
соки!
И, проклиная цепь, он плачет от
тоски...*

*И я решил отцу открыть свои мученья
И на далекий путь просить благословенья.*

*Спокойно выслушал слова мои старик
И, помню, просиял как юноша в тот миг.*

*«Тебе не место здесь», — сказал он, вдохновенный,
И к матери повел в покой уединенный.*

*И говорил я ей, что гибну я в глуши;
Что дар коснеет мой в бездействии души;*

*Что славное пришло для человека время;
Что новое господь на землю бросил семя;*

*Что в душу избранных его он насадил
И страждущим раздать велел,*

и — час пробил —

*Сияет и для них надежды свет
любезный,
Как Ною радуга над беспредель-
ной бездной;*

*Что зданья старого дрожит уже
скелет
И в трещины его уж новый бле-
щет свет;*

*Что некий муж, в ночи являясь,
мне глаголет:
«Где посох твой? Вставай!» — и в
путь идти неволит.*

*«Пусти, — я умолял, — я буду
утешать
Надеждой скорбного и добрых
прославлять!»*

*Всё выслушав, она промолвила
мне строго:
«Но где же знаменье, что это го-
лос бога?»*

Нам сказано: не все внушенья —

от небес,
И образ ангела приемлет часто
бес».

А я: «Нет, не земным подвигнут я
внушеньем,
Его проверил я молитвой и сомне-
ньем.

Кто знает? То, над чем и старец
изнемог,
Нередко лепетом младенца ска-
жет бог!

О, не держи меня и дай благосло-
венье,
Да чистый шествую я ближним
во служенье».

И голову склонил к ее коленам я.
И, взор то на отца стремя, то на
меня,

Сказала дивная дрожащими уста-
ми:
«Тебе ответствовать могу я
лишь слезами!

Останешься ль у нас — ты будешь
тосковать
И скрытой скорбию мне душу над-
рывать!..

Уйдешь... о, для чего тебя я поро-
дила!..»
Но больше говорить ей сила изме-
нила.

И плакала она, склонясь ко мне
главой,
И тихо молвила: «Иди! Господь с
тобой!»

Досель, о дивная, мне образ твой
сияет!
Слеза безмолвная с ресницы упа-
дает...

Покорно говорят уста твои:
«Иди!»,
А руки жмут меня к взволнован-
ной груди...

Но вот отец развел твои тихонь-
ко руки,
И обнял он тебя, свои скрывая му-

ки,

Мне подал знак уйти, а сам тебе
шептал
Слова святых надежд и в очи це-
ловал...

И я оставил сень отеческого до-
ма.
И дни прошли в пути. Душевная
истома

Меня лишала сил. Осенний ветер
выл...
Впервые понял я, как дом отцов-
ский мил,

Я всюду видел мать: душа ее боле-
ла,
Всё что-то высказать, казалось,
мне хотела...

Из сердца моего, бог ведает куда,
Мечты умчались, как птички из
гнезда...

Я на горы взошел. Долины в мгле
тонули,

И звезды в небесах холодные блеснули...

*И страшным сном в ту ночь мой дух был возмущен.
То был пророческий, тревоги полный сон.*

*Он возвестил мне всё, что после совершилось...
Но поздно мне его значение раскрылось.*

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

*Мне снилось, что я всё в горах еще бродил.
Всечасно на пути мой шаг меж плит скользил.*

*Лопух, чертополох за платье мне цеплялись,
И точно духи, в них дремавшие, взвивались*

*И били крыльями, как птицы.
Грудь мою
Сжимал пустыни страх. Вдруг вижу, на краю*

Обрыва гор стоит почтенный
странник, резко
Рисуясь статуей на небе, полном
блеска.

Я радостно, узрев живое суще-
ство,
Как младший старшего, привет-
ствовал его.

Он поднял голову, как будто с
неохотой
Прощаясь с думою и тяжкою за-
ботой.

«Куда стремишься ты?» — спро-
сил он. Я в ответ:
«Ищу я истины, иду туда, где
свет».

Он на слова мои так горько улыб-
нулся,
Что я потупил взор и духом со-
дрогнулся.

Но тотчас прежний вид спокой-
ствия приняв,
Он молвил кротко мне: «Да, юно-

ша, ты прав.

Иди за мной. Тебе я славный путь
открою».

Сказав, он до меня дотронулся ру-
кою,

И полетели мы в пространстве
голубом,
Как два орла летят, не двигая
крылом.

Воздушный сей полет мне не ка-
зался странным.

Дол скрылся. Месяц всплыл над
облаком туманным,

Как будто снежную метель в нем
серебря,

И дух мой весел был. Когда ж за-
жглась заря,

Обширный увидал я город. В нем,
как ленты,

Шли улицы. Кругом дворцы и мо-
нументы,

И башни, и мосты. Народ везде

кишил,
Как в муравейнике, и к площади
валил,

Где цельные быки на вертелах
вращались,
Пылали маяки и знамена кача-
лись.

И стал я различать, спускаясь,
звук трубы,
И стон, и вой, и крик, и частый
треск пальбы.

У городских ворот спустились мы
на землю,
И я едва успел опомниться, как
внемлю,

Что по полю на нас толпа людей
валит,
Как туча черная, и дико голосит.

Как пух во облаке поднятой вих-
рем пыли,
Помчался с ними я. Они в крови
все были,

И я гляжу-на мне одежды не мои!
Я тронул их рукой — смотрю, ру-
ка в крови;

Я крикнуть к спутнику хотел, но
вижу: красным
Он машет колпаком и голосом
ужасным

Перед толпой вопит, как зверь
свиреп, космат...
«То он ли?» — думал я и страхом
был объят.

Но он, схватив меня рукой, «Бес-
нуйся с ними!
Кричи! — сказал. — И прочь с со-
мненьями пустыми!»

Вбежали в город мы. Дома одни
горят,
Другие грудюю дымящейся ле-
жат;

Повсюду битвы след. Размощены
дороги,
Об мертвых, что ни шаг, то пу-
таются ноги.

Там, с шпагою в руке, патриций
молодой
Лежит, упав навзничь, с разбитой
головой.

Там женщина: с одежд струею
кровь ллется,
А на груди ее живой ребенок бьется.

За горло двое там схватясь, рази-
нув зев,
Валялись мертвые, в борьбе око-
стенев.

Там груды целые, и мы чрез них
неслись,
И выбежали вдруг на площадь, где
стеклись

Несметные толпы и точно жда-
ли нас,
Вокруг больших костров крича и
веселясь.

И начали кидать в костер сокро-
вищ груды.
Со звоном лопались хрустальные

сосуды.

Церковной утвари расплавленный
металл
С костра горящими ручьями нис-
падал.

На куклу вздев венец и царские до-
спехи,
Ее повергли в огонь при сатанин-
ском смехе.

«Воспой их торжество!» — мой
спутник мне вопил,
Но новый шум меня сильнее того
смутил.

Я вижу — женщину везут на ко-
леснице
И честь ей воздают, как следует
царице.

То полная была, румяная жена.
Чело в венке из роз, до чресл обна-
жена,

На клики и почет, что чернь ей
расточала,

Ругательством она и смехом от-
вечала.

Вокруг танцовщицы шли, бубна-
ми стуча,
Жрецы, и трубачи, и вестники,
крича:

«Раздайтесь! Се Любви богиня,
Мать-Природа!»
Как змей ползет в нору, вся вере-
ница хода

По лестнице во храм ушла. И я
толпой
Туда же вдвинут был. Тут дух
смутился мой

Иным позорищем. Весь храм сиял
огнями.
От верху до низу, как в цирке, сту-
пенями,

Шел помост, как цветник, тол-
пой мужей и жен
Пестрея. Посреди был идол водру-
жен —

Сатир, при хохоте вакханки бого-
мерзкой,
Срывающий покров с весталки ла-
пой дерзкой.

У ног кумира сонм жрецов стеной
стоял
И в пламенных речах собранью
возглашал:

«Возрадуйтесь! Конец насильству
и работе:
Мы мир преобразить грядем во
имя плоти!»

В ответ, при стуке чаш, при кли-
ках торжества,
Вокруг раздался взрыв хулений бо-
жества,

И с наглостью мужи и жены пред
собранием
Являли свой восторг бесстыдным
лобызаньем.

Мой спутник тихо мне: «Сегодня
кончен бой
За власть. Наутро же подыметяся

другой.

Покуда — твой черед. Мгновение
приспело,
И слава — твой удел, лишь что
скажу я — делай!»

Сказав, явился он в кругу жрецов
других,
Как их верховный жрец, в одеждах
дорогих.

Пред голосом его их крики были
малы.
Так пред рыканьем льва смолка-
ют вдруг шакалы,

И хор болотных жаб, и крики
птиц ночных,
И всякий звук в степи замрет на
краткий миг.

Ругаясь над трудом, над троном,
над святыней,
Он чернь превозносил и, призывая
ныне

Ее к великому свободы торже-

ству
И наглым образом уподобляя
льву,

Который, цепь разбив и надышав-
шись волей,
От гнева отдыхать улегся на пре-
столе,

Воззвал ко мне: «Певец! Вот наше
божество! —
На идол указав. — Воспой же нам
его!»

И подал с высоты мне золотую
лиру.
Но, любострастному в лицо
взглянув сатиру,

Негодования не мог я превозмочь
И лиру срамную отбросил гневно
прочь.

«Свобода, — я вскричал, — не пир,
не рабство крови,
А духа торжество и благодать
любви!

От сердца песнь моя; а сердцем
чужд я вам
И гимна не спою разнузданным
страстям!»

Мой спутник с высоты меня оки-
нул взором,
И взор его блеснул, как молния,
укором.

Но я, трепещущий, далёко был. В
тот миг
Виденья чистые моих пустынь
родных

И профиль матери, пред образом
стоящей,
Мелькнули предо мной... Так пут-
ник, весь дрожащий,

В грозу, при молнии увидит пред
собой
Вдруг церковь белую средь темно-
ты густой.

Но то был миг один. По храму гул
промчался.
И, точно гром в горах, ужасный

крик раздался:

«В огонь его, в огонь поборника цепей!»

И всё задвигалось. Жрецы от алтарей,

С подмосток вся толпа, как лю-
тых тигров стая,
Рванулась на меня, всё на пути
ломаю...

Я схвачен, поднят был и, слыша
дикий вой,
На зверских лицах вокруг конец чи-
тая свой,

Я бился, выскользнуть стараясь
на свободу,
Как угорь пойманный скользит и
рвется в воду

Из рук детей, в весну шумливую
гурьбой
Пришедших на расплёт, оставлен-
ный рекой.

Но, выбившись из сил, уже я пом-

ню смутно,
Что с хохотом слился народа рев
беспутный,

И я над бездною туманною стою,
И подле путник мой, личину сняв
свою,

Как прежде, важен, тих, и с кротостью благою
«Прощай, — мне говорит, — мы
встретимся с тобою.

Но помни: океан, бушуя, ил со дна
Подъемлет, но потом уляжется
волна,

И берега цветут от брошенного
ила».
Значенье этих слов тогда мне
тайной было.

От ужаса едва сознание храня,
Я смутно понимал, что вождь
мой спас меня.

И он исчез. И тут от скорби и
смятенья

Я стал переходить в холодное забвенье.

*Лишь чувствовал, что мрак вокруг меня густел,
Сырой, ужасный мрак... и я летел,
летел...*

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

*Когда заблудшийся в ночи, в лесу густом,
Вдруг слышит шепот струй и,
слухом лишь ведом,*

*Приходит к озеру, и вдруг на влаге спящей
Увидит — огонек плывет к нему дрожащий,*

*Поняв, что то ладьи вдоль берега кружат,
Что раков ловят там иль сонных щук багрят,*

*Он мыслит, что спасен от голода и зверя,
И дышит радостно, в свое спасенье веря, —*

Так жизни свет в душе я снова
ощутил.

Еще без голоса, но очи уж открыл

И, приходя в себя, был рад, что
сердце билось,
И всё понятнее кругом мне ста-
новилось.

На лестнице дворца лежу я,
недвижим,

В ином уж городе. Патруль про-
шел. Но им

Я не замечен был. Заря меж тем
вставала,
И бледная лазурь на небе ожива-
ла.

Я встал и в путь пошел. Всё тихо.
Ни собак,
Ни запоздавшихся по улицам гу-
ляк.

Вот зданье — всё темно, но уж
над ним зарею
Сияла статуя, держа весы рукою.

Там первые лучи заискрились
вдруг
На буквах золотых. Прочел я:
«Храм наук».

Я дальше. Вот чертог. Уж окон
верхний ярус
Горит как жар. Лес мачт, кой-где
алевший парус,

Меркурий и Нептун мне дали ра-
зуметь,
Что то торговли храм. Успел
лишь оглядеть

Его, как пантеон узрел я велича-
вый
«Гражданских доблестей и дел во-
инской славы».

На солнце он уж весь сиял. К нему
пути
Уставлены людьми, литыми из
меди.

С гранитной лестницы, опершись
о перила,
Смотрел я вниз — и дух мой ра-

дость окрылила.

Столб солнечных лучей забрызгал
по реке;
С церквей понесся звон. Вблизи и
вдалеке

Задвигался народ; суда пошли,
обозы...
«О, вот счастливый край!» — вос-
кликнул я сквозь слезы.

Тут двинулись полки, литаврами
гремя.
Народ в какой-то храм бежал. За
ним и я.

«Алтарь отечества», — прочел я
у фронтона.
Войска туда несли развитые зна-
мена.

Явился царь. Как лев, спокоен был
он, тих;
Как солнце он сиял средь поддан-
ных своих,

Среди сподвижников цветущих и

маститых,
Широкой лентою через плечо по-
витых.

С явлением его в строю блестя-
щих рот
Раздался звучный клик, и шапки
снял народ.

Мне в душу ясный лик царя запал
глубоко,
И я для сей страны стал гимн
слагать высокой.

Попарно уж стихи рождались в
голове;
Виднелась бездна рифм, как по лу-
гу в траве

Блестящие цветы, и ими прихот-
ливо
Стал мысль я убирать и стих ло-
вить счастливый,

Как праздник кончился и, говора
полна,
От храма хлынула народная вол-
на.

Я с нею двинулся. Но дух мой уми-
ленный
Смущен картиною неожиданною
мгновенно.

В народе, вижу я, схватили стари-
ла.
С бумагою его костлявая рука

Махала высоко в толпе над голо-
вами.
«К царю, к царю!» — вопил он,
скрежеща зубами.

«Что это?» — я в толпе ближай-
шего спросил,
Но, оглядев меня, тот взоры от-
вратил.

Когда же, стражею осилен, ста-
рец скрылся,
Стоявший предо мной ко мне обо-
ротился

И, задыхаяся от внутренней гро-
зы,
Сказал мне, осуша в ланитах след
слезы:

*«Ты, верно, здесь чужой иль вырос
на безлюдье,
Что смеешь говорить пред делом
правосудья!»*

*Но, умягчась потом: «Старик
тот в годы слез
Всё достояние отечеству принес.*

*Но комиссар хотел присвоить
часть из дара,
И жаловаться он пошел на ко-
миссара.*

*И как уж суд судил — не знаю до
сих пор, —
Но он был обвинен как казнокрад
и вор,*

*А комиссар и днесь, без всякой
укоризны,
Жиреет бедствием народа и от-
чизны».*

*Заметив мой испуг, он продол-
жал смеясь:
«Однако не всегда блаженствует
у нас,*

Кто смело заповедь нарушит «не укради».

Ссылают и воров, разнообразья ради.

Как пес прикормленный, здесь вор
ру друг — закон,
Лишь не воруй один. Строжайший
заведен

Порядок у воров, и в том их само-
хвальство,
Чтоб часть была тебе и часть бы
для начальства!

В всеобщем грабеже — всеобщий и
дележ!
А грянет свыше гром — виновных
не найдешь!

В начальстве — ни пятна, и чест-
ны ревизоры,
А царство целое едят, как черви,
воры!

Старик тот ждал царя... Мы
рвемся все к царю!
Да свечи за него мы ставим к ал-

тарю!

*Он — вечный труженик, он строг
и мудр, мы знаем, —
Но путь до истины ему недосяга-
ем.*

*Куда ни взглянет он, сам жаждой
знать томим,
Мгновенно вид иной приемлет всё
пред ним!*

*Стеной клевет, и лжи, и лести
ядовитой
И царство от царя и царь от цар-
ства скрыты.*

*Но... боже! что со мной! — сказал
он, вздрогнув весь. —
Всё видеть и молчать — в том
мудрость жизни здесь!*

*Да рвется из души неволью злое
горе».
Замолкши, канул он в толпе, как
камень в море.*

Мне душу охватил неведомый ис-

пуг.

Увидя вдалеке знакомый храм наук,
Я в сень его спешил искать успокоенья.

Тут новое меня сразило изумленье.

Я вижу — юноши сидят на ступенях,
С котомкою у ног, с слезами на глазах.

На их одеждах пыль дороги отдаленной.
Украдкой между них нырнул старик согбенный

И, озираясь вокруг, им книги раздавал,
Меня увидя, он в отчаянье вскричал:

«Еще один! и ты, как в край обетованья,
Из дальней, чай, страны пришел ко храму знанья!»

Увы, несчастные! закрыт для вас
сей храм!»

И, отойдя со мной, он волю дал
речам:

«Ты старше всех, тебе за тайну я
открою:

Наука сражена была здесь клеве-
тою.

«Наука — это бунт!» — твердили
в слух царя...

Коснулся дерзкий лом ее уж алта-
ря.

Затушен был огонь, и, как воспо-
минанье,

Для вида надпись лишь оставлена
на зданье.

Лишь избранная там вкушает
молодежь

В софизмы дикие обернутую
ложь...

Наука, вся в слезах, как скорбная
Ниоба,

Средь воплей чад своих, которых

давит злоба,

Возводит взор к царю... Но слух
его закрыт!..

О, если бы ты знал, как грудь ее
скорбит!

Устроен трибунал под веденьем
сержанта,
Чтоб крылья обрезать у всякого
таланта.

Сломив сатиры бич и в формен-
ный наряд
Одевши резвых муз, от мзды спас-
ли разврат,

Как будто видели в его распро-
страненье
Необходимое для царства учре-
ждение!..

Беги от здешних мест, пока есть
мощь в душе!

Я — стар, и зло допью в заржав-
ленном ковше...

Был тоже молод я, был верный

жрец науки...

Беги, — сказал он, сжав мне крепко обе руки, —

Беги, иль, оробев однажды навсегда,

Не знай в душе своей ни чести, ни стыда,

Не то — да будет вот, смотри, тебе уроком», —

И оглянулся я: в молчании глубоком

Пред нами скованных колодников вели.

Солдаты с ружьями вокруг их сурово шли,

Прохожие в суму монету им кидали

И молчаливо их глазами провожали.

Меж зверских лиц один пленил меня красой

И взглядом женственным, и я, скорбя душой,

Несчастному подать желая утешенье,
Спросил, приблизившись: «В чем
ваше преступленье?»

Один ответил тут мне с хохотом в устах
Такою шуткою, что мозг в моих
костях

Сотрясся и душа почувяла злодея.
То слыша, юноша, собою не владея,

С цепями длань подняв, «о боже»
простонал
И, видя ужас мой, весь вспыхнув,
мне сказал:

«Не думай, что мы все безбожники такие!
Мы терпим ту же казнь, но за вины
другие,

Хоть выше кары нет, как чувствовать весь век,
Что об руку с тобой есть зверь, не человек!»

«За что ж, — спросил я, — ты
страдаешь, отрок милый?»
— «О, юности моей потерянные
силы!

Как почки сочных роз, вы сгибли
не цветя! —
Воскликнул он. — Я был почти
еще дитя,

Почти по слухам знал отечества
я раны,
И — дети — строили безумные
мы планы!

Но в детском лепете был слышен
правды глас, —
И вот-с злодеями сравняли каз-
ню нас!»

«Несчастный!» — я вскричал,
ушам не доверяя
И жаркие к нему объятия прости-
рая, —

Но сторож с важностью меня
отсторонил
И, перепуганный, вокруг взоры обво-

дил;

Старик же за руку схватил меня тревожно.

«Что ты? — он закричал. — Что ты, неосторожный!»

Несчастье ближнего прилипчивей чумы!

О, горе нам теперь! погибли оба мы!»

И, судорожно сжав мне руку, он стрелю

Помчался в ужасе, влача меня с собою.

Я падал, я стонал, а он вопил: «Беги!» —

Как будто гнали нас незримые враги.

Вот город кончился, вот поле вокруг глухое,

А всё в ушах «беги!» звенело роковое,

«Беги!». Но скоро я упал, изнемо-

жен,
Вцѣпяся в спутника, но гневно
рвался он...

Так утопающий товарища хватает,
Который сам терять уж силы начинает

И в ужасе, презрев несчастного
мольбу,
В богопротивную вступает с ним
борьбу...

Но миг — и вырвался вожатый
мой и скрылся...
Широкий горизонт вокруг мраком
обложился..,

В тупом бессмыслии глядел я,
как исчез
Последний лоскуток лазуревых
небес,

И показалось мне, что бог во
глубь эфира
Уходит, отвратя лицо свое от
мира,

*А сумрачный Князь Тьмы, с тиа-
рой на челе,
Победно шествует владыкой по
земле,*

*И с ним его сыны, как псов голод-
ных своры,
Трибуны и жрецы, клеветники и
воры...*

*И вот уж с грохотом тяжелых
колесниц
Всё ближе визг и вой... Я пал на
землю ниц,*

*Слова младенческих молитв при-
помнить тщился
И только «Отче наш» сказал — и
пробудился.*

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*С тех пор прошли года... Обманут
верой страстной,
Я в жизни изнемог... Сбылся мой
сон ужасный!..*

*Повсюду пламенным мечтам мо-
им в ответ*

В судьбах народов я читал: «Надежды нет!»

*С презрением в душе к бессилью
человека,
Все боли разделив обманутого ве-
ка,*

*Равно я поражал насмешкою сво-
ей
И веру стариков, и страстный
пыл детей.*

*Сомненье стало мне и гордостью,
и мукой,
И им кичился я над чернью близо-
рукой.*

*Лишь тот, кто слышал раз, как,
падая, стучит
Земля о хладный гроб, где труп
любезный скрыт,*

*Поймет, как тяжело душе, в по-
рыве к благу,
С горячей верою, терять на жизнь
отвагу;*

Поймет, как тяжело, стуча ру-
кою в грудь,
В отчаяньи стонать: «Всё тщет-
но! Кончен путь!

Нет! с жизнью нечего мне больше
лицемерить,
В ней нечего любить, и не во что в
ней верить!»

Болящею душой в забвеньи пото-
нуть
Хотелось мне, и вот опять я вы-
шел в путь...

Дохнуть мне воздухом пустын-
ных мест хотелось,
Где сладко некогда мне думалось
и пелось...

Я шел — и каждый миг ясней мне
образ был,
Каким я тот же путь когда-то
проходил.

Тот образ точно шел теперь со
мною рядом,
Как мальчик с старцем, то до-

прашивая взглядом

*Иль словом старика, то мчась за
мотыльком,
То лепеча с собой бог ведает о
чем.*

*И душу умилил мне спутник мой
незримый,
Святым неведеньем и верою води-
мый.*

*Вон церковь вдалеке — и он свер-
нул с пути
Туда вечерние молитвы прине-
сти;*

*Колодезь — там стоит крестьян-
ка молодая,
Толпятся овцы вокруг, у пойла
ожидая, —*

*Он деву мысленно Ревеккою зо-
вет.
Там жатва: труд кипит, сверка-
ет серп, и вот —*

Из книги Руфи стих, как рожь,

благоуханный,
Твердит он, запахом колосьев оба-
янный...

И вот на рубеже лесов и гор род-
ных
Благословенный сон коснулся
вежд моих.

Мне снилось: сквозь туман ищу я
всё дорогу,
Но вот густая мгла редееет поне-
многу;

Долина чудная открылась предо
мною,
Сады цветут вдоль гор, алеющих
зарей;

Озера розовым вдали сияют блес-
ком,
И воды нежат слух, как арфы,
звучным плеском.

Прохладный ветерок на голову и
грудь
Порхнул мне, и едва я им успел
дохнуть,

Как вижу — предо мной та Муза,
что слетала
Ко мне в те дни, как мать нам
Библию читала,

И та же у нее звучала песнь в
устах,
И в этой пеоне всё, как в утренних
лучах,

Дышало свежестью — святые
сердца грезы,
Молитвой тихою исторгнутые
слезы,

И счастья, и добра высокий иде-
ал...
И, слушая ее, я тихо зарыдал.

Она ж мне ласково: «Мечтатель
одинокий!
Как смертный, как слепец свер-
шил ты путь далекий!

Из жизни мира ты единый видел
миг:
Его не обнял ты и смысла не про-
ник!

*Последуй же туда, где смертных
суд смолкает».*

*И вот — небесная мне руку про-
стирает,*

*И, как две горлицы, теряясь в лу-
чах*

*Златого утра, мы помчались в
небесах.*

*В странах заоблачных полет наш
удержала*

*Она и молча вниз рукой мне ука-
зала.*

*Святая на земле царила тишина.
Я жадно узнавал, где город, где
страна,*

*В которых я бывал, где тщетно
тратил силы,
Где лучших сверстников оплаки-
вал могилы...*

*Но — чудо! Города, которые кля-
ня,
В слезах отчаянья навек, покинул
я,*

*В которых, думал я, всё гибнет
без возврата
От беззакония, слепотства и раз-
врата, —*

*Блистают и цветут! На всем пе-
чать труда!
Как чайки к ним плывут крыла-
тые суда...*

*Вон слышны молотов удары, вздо-
хи машин,
И рог пастушеский, и песнь с лу-
гов и пашен,*

*И, изумлением проникнут, я спро-
сил:
«Какой же это мир? Откуда
столько сил?»*

*Вот край. Он сдавлен злом, но
рвется жизнь отвсюду,
Как сочная трава сквозь камен-
ную грудю.*

*А это что?.. Смотри: там люди
строят храм...
Ужель то зодчий их?.. Да, точно!..*

То он сам!..

Его я видел раз... он был тогда ужасен!..

Как он задумался! Как силен! Как прекрасен!..»

Она ж: «На время дух пытливый усмири.

Я трепещу сама. Все силы собери,

Как бы готовяся на подвиг чрезвычайный...

Я подыму покров теперь с великой тайны».

*И вот, клубясь, с земли промчался фимиам,
Как в арфе струнный гул, слышалось нам,*

Что звуки носятся по горнему чертогу.

И Муза: «То летят мольбы народов к богу!

Внимай!» И, трепеща, в мольбах земных племен

Услышал я слова: «Отец! ты совершен, —

Да будем, яко ты, и мы все совершенны!»

Тут точно с глаз моих покров со-
влекся тленный,

Но Муза мне: «Молись от сердца
полноты!

Пред человечеством глубоко грешен ты.

Знай, к свету жизнь его стремится
шагом твердым.

В ней страсти разные звучат од-
ним аккордом.

И слышит полноту и мощь его
лишь бог.

Мысль не проходит мир без
жертвы и тревог,

И зло в руке творца есть жезл во-
ждя железный,

Вам указующий на пропасти и
бездны.

Ты человечества таинственный
удел
Лишь жизнью смертного изме-
рить захотел...

Нет, поколенья в нем, события и
люди —
Как цвет один, как мысль, как
вздых могучей груди.

Идет она вперед, безмолвно, как
судьба,
Ступает на цветы, ступает на
гроба,

Упадших жертв в среде своей не
замечая,
То руша, то творя и каждый миг
мужая...

Безумец, подыми в веселии чело!
В самом в нем сила есть, врачу-
ющая зло!

Там грянет вдруг она торже-
ственным ударом:
Войной, и ужасом, и кровью, и по-
жаром;

Здесь — всходит, как заря, в пре-
дызбранных мужах,
Нередко с царскою порфирой на
плечах...

Ты плачешь... То слеза любви и
умиления!..
Но вижу я в тебе еще одно сомне-
нье.

Как созерцаньем звезд, ты мыс-
люю одной
О человечестве подавлен и с тос-
кой

Ты мыслишь: что же ты в без-
гранном этом море?
Былинка, прах, ничто? Что труд
твой? Слезы, горе?

Из малых капель слит могучий
океан:
Так с человечеством, о смертный,
ты слиян!

Ты — часть его, ты — луч единого
светила!
Твой жребий с ним один, в тебе

одна с ним сила»!

*Стремися лучшим быть, тру-
дись, иди вперед —
И веруй: чистый труд во благо
всех идет...*

*И ты, певец, блажен, — блажен,
что знал страданья!
Ты утвердишь на них души своей
созданья!*

*Терновый путь ведет певца до вы-
соты,
Откуда ясен мир, — ее достигнул
ты,*

*И пусть из царства зорь, из мира
благовоний,
И вечной юности, и света, и гар-
моний*

*На землю падает святая песнь
твоя,
Как в знойный день роса, свежа-
щая поля,*

Как лучшей жизни весть, как пе-

нѣ вольной птицы,
Мелькнувшей узнику в отверстии
темницы.

Блаженством чистых слез смяг-
чив сердца людей,
Та песнь их возродит для новых,
лучших дней...»

О, речи чудные!.. И я впивал их
жадно,
Как нива в засуху впивает дождь
отраднѣй...

Мой жребий просиял. Мгновенно
новый свет
Мне разом озарил событѣя мно-
гих лет...

Как шум незримых вод; в грядущем
в то мгновенье
Почуял я тоску и радость вдохно-
венья...

И, полн восторга, в путь я снова
поднялся...
И вот — они шумят, родимые ле-
са!

Вот старых лип верхи, и вот, меня встречая,
Визжит домашний пес... Вот дом, вот мастерская,

И у треножника сидит седой старик
И пишет, прослезясь, Скорбящей Девы лик.

Знакомым голосом встревожен, кисть бросает...
от с воплем мать бежит, смеется и рыдает,

И к сердцу жмет меня, и шепчет в тишине:
«На горе ты рожден... но тем и мил ты мне!»

<1855> Петербург, Корвет «Баян»,
1856-1858

ПРИМЕЧАНИЯ (неполные)

А. Н. Манков прошел более чем полувековой творческий путь. Первый сборник его стихотворений вышел в 1842 году, а последнее прижизненное собрание сочинений в трех томах — в 1893 году. Книгу 1842 года поэт считал своим первым собранием сочинений. При жизни Майкова, помимо отдельных сборников (1854, 1864 и 1888), выходило шесть собраний (1842, 1858, 1872, 1884, 1888, 1893), которые автор называл «полными». Название это приходится считать условным. Сам Майков заметил в одном из писем: «...полное в смысле того, что автором выбрано и одобрено. Не вошло многое» (ГПБ).

После смерти поэта было издано еще три полных собрания (1901, 1911, 1914) уже в четырех томах: в последний, четвертый, том входили произведения, которые не включались самим Майковым в издание 1893 года.

Все собрания сочинений Майкова, начиная с 1842 года, открывались стихотворением «Посвящение», адресованным матери поэта Евгении Петровне Майковой (урожд. Гусятни-

ковой, 1803-1880), поэтессе, переводчице, прозаику,

В советское время избранные поэтические произведения Майкова изданы в Малой серии «Библиотеки поэта» (1937, 1952, 1957), в серии «Библиотека драматурга», в книге: Л. Мей. Драммы. А. Майков. Драматические поэмы (1961) и в Большой серии «Библиотеки поэта» (1977).

В основу настоящего собрания положено издание Большой серии «Библиотеки поэта». Тексты произведений, не входивших в нее, для настоящего собрания сверены со всеми прижизненными изданиями и автографами, а в примечаниях указаны источники, по которым они публикуются. В настоящем издании сохранена структура, принятая самим автором в последнем прижизненном собрании сочинений, где произведения распределены по томам, названным поэтом «Лирика», «Картины», «Поэмы», а внутри томов — по жанровым и тематическим разделам, например: «Подражания древним», «Элегии», «Отзывы истории» и т. д. Не меняется и расположение текстов внутри разделов, большая часть кото-

рых печатается полностью (не включены произведения, утратившие эстетический или исторический интерес). Заключают настоящее издание стихотворения и поэмы, не вошедшие в последнее прижизненное собрание сочинения Майкова, они расположены внутри жанровой рубрики в хронологическом порядке.

Публикуя свои произведения в периодике, а затем в собраниях сочинений, Майков, как правило, датировал их. При работе с его текстами выяснилось, что одни и те же произведения в разных прижизненных изданиях датированы по-разному, хотя произведения автором не перерабатывались. Поскольку многие сохранившиеся автографы имеют дату, часто подробную (число, месяц, год, место написания), и в письмах Майкова, как правило, сообщаются сведения о времени создания ряда произведений, многие даты удалось уточнить. Если точная дата неизвестна, но имеются косвенные свидетельства (выступления на литературных вечерах с чтением стихов, воспоминания современников и т. д.), то дается дата первой публикации или год, не позднее

которого написано произведение, при атом дата заключается в угловые скобки; предположительные даты отмечены вопросительным знаком; двойные даты, отделенные запятой, указывают время написания и существенной (иногда коренной) переработки текста; двойные даты, отделенные тире, означают, что произведение создавалось в течение ряда лет. При датировке учитываются также сведения о времени цензурного разрешения периодического издания или авторского сборника; в ряде случаев это дает возможность датировать произведения ранее даты, поставленной самим автором.

Объяснение устаревших слов, географических названий, а также имен и названий, связанных с античной и библейской мифологией, историей и т. п. (в примечаниях они выделены разрядкой), вынесено в Словарь. При пояснениях в Словаре, так же как и в примечаниях, учитывается контекст, в котором встречается поясняемое слово.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

БП — «Библиотека поэта».

БС — Большая серия «Библиотеки поэта».

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Дневник — А. В. Никитенко, Дневник в 3-х т., М., 1955-1956.

Ежегодник, 1974 — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год, Л., 1976.

Ежегодник, 1975 — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год, Л., 1977.

Ежегодник, 1978 — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год, Л., 1980.

МС — Малая серия «Библиотеки поэта». ^

ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив.

При ссылках на материалы творческого архива Майкова указываются все архивохранилища, кроме ПД. Отсутствие ссылки означает, что использованные в примечаниях автографы или письма находятся в ПД.

ЛИРИКА В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

Значительная часть стихотворения, составивших настоящей раздел, была впервые запечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842 {В дальнейшем в тех разделах, где большинство стихотворений впервые публиковалось в одном и том же издании, их первая публикация оговаривается только в преамбуле к разделу.}. Сохранился экземпляр сборника с кометами В. Г. Белинского (см. «Литературное наследие», т. 55, кн. I, с. 474-476, М., 1948). Одобрение критика вызвали стихотворения «Октава», «Раздумье», «Воспоминание», «Искусство», «Муза, богиня Олимпа, вручила две звучные флейты...», «Вакханка»,

Сон. Впервые — «Одесский альманах на 1840 год», с. 571, подпись: М. «Вот лучшее стихотворение в «Одесском альманахе», — писал В. Г. Белинский критику В. П. Боткину 1 марта 1840 г., — стихотворение, достойное имени Пушкина...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., тт. I-XIII, М., 1953-1959, изд. АН СССР, т. XI, с. 476) {Подробная ссылка на издание дается только при первом упоминании. В дальнейшем — автор, том, стр. — Ред.}. Об этом стих. он отзывался одобрительно и в неподписанной статье «Римские элегии» («Отечественные записки», 1841, No 8, отд. V), посвященной анализу антологической поэзии. Богиня мирная — Диана.

«Вхожу с смущением в забытые палаты...». Неведомые боги — см. примеч. к стих.: «Антики», с. 515.

Пустыннику. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, No 2, с. 96.

«Всё думу тайную в душе моей питает...». Строка 1 восходит к стих. А. С. Пушкина «Осень (Отрывок)». У Пушкина: «Иль думы долгие в душе моей питаю».

«Я был еще дитя — она уже прекрасна...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) не было указания на источник перевода. Перевод стих, французского поэта А. Шенье (1762-1794) «J'etais un faible enfant, quelle etait grande et belle...»

Искусство. Впервые — «Отечественные записки», 1841, No 11, с. 2, подпись: А. М-в.

Вакханка. Впервые — «Отечественные записки», 1841, No Ю, с. 310, подпись: А. М-в.

Мысль поэта. В стих, отразились некоторые мотивы поэзии А. С. Пушкина. Ср. его поэмы «Цыганы» («Взгляни: под отдаленным сводом...» и т. д.) и «Езерский» (строфа XIII).

Вакх. Бог лесов — Пан.

Дума. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842), без загл.

Сомнение. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, No 2, с. 108,

Плющ. Печатается по тексту первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842). Начиная с издания 1872 г. допущена опечатка в ст. 13 («Прекрасен»). Исправлено по автографу.

На памятнике. Впервые — «Отечественные

записки», 1842, No 2, с. 237, под загл. «Памятник».

«Пусть полудикие скифы, с глазами, налитыми кровью...». Первые строки стих. ср. со стих. А. С. Пушкина «Кто из богов мне возвратил...»: «Как дикий скиф хочу я Вить...» Восходит к Горацию (кн. II, ода VII).

Поэзия. Розы Пестума — см. примеч. к стих. «Розы», с. 517.

Барельеф. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, No 10, с. 109. Не исключено, что стих. написано под впечатлением от рисунка с помпейской мозаики, хранящейся в Национальном музее Неаполя. На мозаике изображен Силен, сидящий на споткнувшемся осле. См. в кн.: Mauri V., Le Musee National. Naples, 1959, s. 123. «Г-н Майков как будто ошибкою родился не в Элладе и не в век Перикла... Что может быть, так сказать, античнее, например, этой пьески...» — писал в 1847 г. В. Г. Белинский о стих. «Барельеф» (В. Г. Белинский, т. X, с. 83). Ф. М. Достоевский процитировал две заключительные строки этого стих, в беседе Дмитрия и Алеши Карамазовых в знаменитой главе «Исповедь горячего сердца в сти-

хах». Вл. Соловьев считал, что в ряду антологических стих. Майкова «Барельеф» «выше всяких похвал» (статья «А. Н. Майков» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона).

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

Большая часть стихотворений этого раздела была впервые напечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842.

Сафо

«Зачем венком из листьев лавра...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) в цикле под загл. «Подражания Сафо».

«Звезда божественной Киприды!..» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) в цикле «Подражания Сафо». Звезда... Киприды — Венера.

Анакреон

«Пусть гордится старый дед...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 113.

Проперций

Туллу. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) с подзаго-

ловком «(Из Проперция)». Подражание XIV элегии первой книги Проперция. Лесбийский сок — вино с острова Лесбос.

Цинтии. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) с подзаголовком «(Из Проперция)». Подражание XI элегия первой книги Проперция.

Гораций

«Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает?..». В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) под загл. «Из Горация. Ода V». Подражание V оде первой книги од Горация. Ризы влажные. — Восходит к стих. А. С. Пушкина «Арион».

«Легче лани юной ты...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) дано как оригинальное стих. Подражание XXIII оде первой книги од Горация.

Марциал

«Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1853, кн. 1. с. 122.

Овидий

Послание с Понта. Впервые — «Отечественные записки», 1843, No 7, с. 2 (др. ред.), как

оригинальное стих. Стих, ближе всего к IX посланию, входящему в книгу Овидия «Письма с Понта», книга IV. В послании поэт обращается к Помпонию Грецину, назначенному в 16 г. н. э. консулом. Некоторые мотивы Майков заимствовал из VII элегии пятой книги «Скорбных элегий» Овидия.

Эпикурейские песни. 1. «Мирта Киприды мне дай!..»; 2. «Блестит чертог; горит елей...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) включены в раннюю поэму «Олинф и Эсфирь». Бог гроздий — Дионис. 3. «Остроумица плясунья...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 129.

ИЗ ВОСТОЧНОГО МИРА

Все стихотворения настоящего раздела, за исключением «Единое благо», впервые напечатаны: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842.

Еврейские песни. 1. «Торжествен, светел и румян...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842) под заглавием «Еврейская песнь». 2. «Колыбель моя качалась...» В первой публикации (Стихотворе-

ния Аполлона Майкова, СПб., 1842) включено в поэму «Олинф и Эсфирь». Введение во храм... — согласно христианским легендам, дева Мария в детстве была приведена родителями в храм и посвящена богу.

Единое благо. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, No 8, с. 104, под загл. «Истинное благо». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 87. Печальный кипарис — у древних символ скорби, траура, печали.

ЭЛЕГИИ

Все стихотворения настоящего раздела, за исключением «Исповеди», были впервые напечатаны: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842.

Исповедь. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, No 12, с. 136, под загл. «Падение». Локк Д. (1632-1704) — английский философ-просветитель. Конт И. (1724-1804) — философ-идеалист, родоначальник немецкой классической философии.

Мраморный фавн. В автографе после ст. 47 следует восемь ст. (обозначенных в ранних публикациях восемью строками точек, а в

поздних — одной строкой точек):

*Скажи, перед собой видал ли ты
царей —
Под бременем венца, и скиптра, и
порфиры
Чело, изрытое печальями... Тогда,
Скажи мне, мученик державного
труда
Вам не завидовал, насмешники-са-
тиры?
И сардонический ваш смех им не
вещал,
Что их порфира — ткань, венец —
пустой металл?
Их нет уже, а ты... доньне ты
остался?*

Призвание. Изабелла (1451-1504) — королева Арагона и Кастилии; при ней снаряжались экспедиции Колумба (Генуэзца).

ОЧЕРКИ РИМА

Большая часть настоящего раздела впервые опубликована в «Отечественных записках», 1847, No 1. Одновременно с набора журнала «Очерки Рима» печатались отдельным изданием. В «Очерках» отразились римские впечатления Майкова, который в 1842-1844 гг.

совершил заграничное путешествие. Творческая история «Очерков Рима» подробно рассмотрена И. Г. Ямпольским (Ежегодник, 1976, с. 39-56). «В Риме, — сообщил Майков в письме близким от 6 ноября (н. ст.) 1842 г., через неделю после приезда в Рим, — я хотел видеть две вещи — развалины древнего мира, покрытые плющом и диким злаком, и развалины католицизма, облеченного во всю роскошь прежнего его величия, обратившегося ныне в одни внешние формы. Я искал и нашел обе эти развалины, каждая носящие печать своего особенного, оригинального величия <...> Да, в Риме — два Рима, и между тем и другим или страшная разница, или ближайшее сходство...» (Ежегодник, 1976, с. 40-41).

Вспоминая 1882 г. о пребывании в Италии, Майков заметил: «Тут, во-первых, Рим сам по себе, его топография, памятники, развалины. С особенным усердием занялся тут Тацитом, Светонием, Вергилием. <...> Это была одна сторона моей жизни в Риме, с другой были — мир искусств, их история итальянская литература, и рядом со всем этим — веселые кутежи русских художников в Риме» (Известия

ОЛЯ, 1979, № 4, с. 383, публикация И. Г. Ямпольского)

Capragna di Roma. В первой публикации («Отечественные записки») — др. ред. Окончательный текст: Стихотворения Аполлона Майкова» СПб.» 1872, ч. 1, с» 173. Италия святая, — Ср. в стих. А. С. Пушкина «Герой»; «Тогда ль, как с Альпов он взирает // На дно Италии святой...».

«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!»». По воспоминаниям писателя Г. П. Данилевского, в 1851 г. Н. В. Гоголь, одобрительно отзываясь о Майкове, прочел наизусть две первые строки стих, и заметил при этом; «Не правда ли, как хорошо?» (Гоголь в воспоминаниях современников, М., 1952, с 440).

После посещения Ватиканского музея. Ватиканский музей — собрание картин и скульптур, размещенное в различных строениях Ватикана. Майков имеет в виду скульптурную группу «Лаокоон» (ок. 50 г. до н. э.) и статую ч Аполлон Бельведерский» (4 в. до н. э.). Потемкинские палаты — дворец кн. Г. А. Потемкина-Таврического (1739-1791) в Петер-

бурге (ныне Таврический дворец).

«На дальнем Севере моем...» Впервые — «Метеор на 1845 год», СПб., 1845, с. 9, в цикле «Два отрывка из дневника в Риме». «Тот, кто так начал и так продолжал, — писал Н. А. Некрасов об этом стих, в 1856 г., — конечно, не мог возбудить сомнения в своем таланте...» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. в 12 тт., М., 1948-1952, т. 9, с. 394).

Нищий. В первой публикации («Отечественные записки») — др. ред. Окончательный текст: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1884, т. 1, с. 195. Мурильо Б. (1618-1682) — испанский художник, ряд его картин написан на библейские и евангельские сюжеты.

Fortunata. А. А. Григорьев в статье «Русская изящная литература в 1852 году» назвал это стих, «превосходным» («Москвитянин», 1853, т. 1, No 1, отд. V, с. 60). Без размышлений, // Без тоски, без думы роковой. — Эти слова, процитированные точно или с отступлением от источника, нередко встречались на страницах демократической прессы 60-х годов XIX в. Иронически переосмысленные, они направлялись не только против идейных противни-

ков, но и целили в их автора. Цитата из данного стих, обнаружена в заметке В. И. Ленина «Среди газет и журналов» (1906): «Бросьте же торг, генерал, и «без тоски, без думы роковой, без напрасных и пустых сомнений» вручите вожжи новому кучеру» (см.: В. Н. Фойницкий. О поэтической цитате в заметке В. И. Ленина «Среди газет и журналов» — «Русская литература», 1964, No 3, с. 211). Майков был в числе тех писателей, чьи книги В. И. Ленин имел в своей библиотеке.

Тиволи. Туллий — вероятно, Цицерон. Ратники новья веры — христиане.

«Всё утро в поисках, в пещерах, под землей...» Винкельман И. (1717-1768) — немецкий историк античного искусства, один из основоположников эстетика классицизма.

Антики. Алтарям Неизвестного бога. — В «Деяниях апостолов» (XVII, 23) сообщается, что в Афинах был жертвенник с надписью «Неведомому богу».

Игры. В первой публикации («Отечественные записки») есть цензурные купюры (точками заменены две последние строки), впоследствии («Стихотворения Аполлона Майко-

ва», СПб, 1858, кн. I, с. 239) автором восстановленные. Эпиграф — лозунг римской черни при Августе. Эти слова упоминает Ювенал в своих «Сатирах» (X, 81). Об этом стих, положительно отозвался Гончаров в письме к Майкову от 2 марта 1843 г. (И. А. Гончаров. Собр. соч. в 8 тт., М., 1977-1980, т. 8, с. 188).

Древний Рим. В первой публикации («Отечественные записки») есть цензурные купюры. Впервые без цензурных изъятий — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1.

Palazzo. В первой публикации («Отечественные записки») строка точек вместо ст. 53 (цензурная купюра). Без цензурного изъятия — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 245. В автографе после ст. 40 следует строфа (обозначенная в печатном тексте строкой точек):

*О, душу тяготит язык былых веков,
Отвсюду слышатся проклятия и стоны,
И вопли пытками замученных рабов...
На трупах и костях воздвигнутые*

*троны...
И лики праотцев, как будто из
гробов,
Потомкам шлют урок, страда-
нием наученный,
Как смерти муками охваченный
злодей,
Любви к добру своих учащий сыно-
вей.*

В том же автографе ст. 53 и 55 имеют различия с печатным текстом: «От прав, украденных насильно у народа» и «И движет вами клик: «Равенство и свобода!» Характер этих различий, так же как и содержание выпущенной во всех публикациях строфы, безусловно, свидетельствует об автоцензуре или прямом цензурном вмешательстве. Болонская хоругвь над вашей головой. — Речь идет о преемственности революционного движения в Италии (в 1815 и 1846 гг. в Болонье произошли революционные выступления).

ЖИТЕЙСКИЕ ДУМЫ

После бала. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 201. Стих. «После бала», «Утопист» и «Старый

хлам» были включены в сб. «Гражданские мотивы...», СПб., 1863. В предисловии составителя этого сборника А. П. Пятковского указывалось, что в издании «собраны лучшие произведения новейших русских поэтов, носящие на себе печать истинной любви к родине и гражданского служения ее благу». М. Е. Салтыков-Щедрин в рецензии (1863) на сб. «Гражданские мотивы...» писал, что стих. «После бала» не может рассматриваться как «гражданское» и что для такого рода произведений скорее подошел бы сборник «Эротическо-гражданских стихотворений» {см.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт., М., 1965-1977, т. 5, с. 334).

Утопист. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 205.

«Перед твоей душой пугливой...» Впервые — «Современник», 1855, No 11, с. 50.

«Уйди от нас! Язык твой нас пугает!..» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 199.

«Над прахом гения свершать святую тризну...» Впервые — «Современник», 1855, No 12, отд. II, с. 284, под загл. «Отрывок из поэмы

«Земная комедия», с подзаг. «(Памяти Пушкина)», В «Современнике» стихотворение заключало статью Н. А. Некрасова «Заметки о журналах за ноябрь 1855 года», а которой говорилось о нападках реакционных журналистов К. А. Полевого и Ф. В. Булгарина на А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Стих, конкретно направлено против клеветнической статьи К. Полевого о Пушкине («Северная пчела», 1855, No 255), «Да, чувства добрые он пробуждал в сердцах!» — Ср. в стих. А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»: «...чувства добрые я лирой пробуждал...». Вождь мой. — В «Божественной комедии» Данте сопровождает в его странствиях Вергилий. По первоначальному замыслу Майкова это стих, являлось частью поэмы «Земная комедия» (подражание Данте), позднее названной им «Сны» (см. примеч., т. 2).

На смерть М. И. Глинки. Впервые — «Русский вестник» т. 8, кн. 2, 1857, с. 283. Глинка Михаил Иванович умер 3 (15) февраля 1857 г.

Эоловы арфы. Впервые — «Отечественные записки», 1857, No 3-4, с. 659.

«Как чудных странников сказанья...» Впер-

вые — «Отечественные записки», 1857, No 9-10, с. 3. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 259.

«Когда, гоним тоской неутолимой...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 155.

Филантропы. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 200. Не исключено, что некоторые материалы для этого стих., как и для некрасовского «Филантропа» (1853), дала Майкову деятельность петербургского благотворительного Общества посещения бедных (подробнее см.: Б. Я. Бухштаб. Некрасов и петербургские филантропы. — Уч. зап. Горьковского университета, вып. 72, сер. ист.-филолог., 1964, с. 297-344).

Мать и дочь. Впервые — «Русский вестник», 1857, No 910, с. 409.

Старый хлам. Впервые — «Русский вестник», 1856, No 5, с. 557. Печатается по тексту: А. Н. Майков. Полн. собр. соч., СПб., 1884, т. 1, с. 173.

Он и она. Первая часть публиковалась как самостоятельное стих. под загл. «Первая любовь» — «Отечественные записки», 1857, No 9-

10, с. I. Часть вторая публиковалась как самостоятельное стих. без загл. — «Библиотека для чтения», 1857, No 5, с. 167. Впервые полностью — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 214, Печатается по этой публикации,

Приданое. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, о 411.

ФАНТАЗИИ

Розы. Впервые — «Отечественные записки», 1857, No 5-6, с. 664, О розы Пестума, классические розы! — Упоминаются в «Георгинах» Вергилия: «Пышные сады и розарии Пестума <...>, дважды в год цветущие...» (IV, 119-120).

Размен. Впервые — «Современник», 1853, No 1, С. 157 (др. ред.). Окончательный текст: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 166.

Пери. Впервые — «Отечественные записки», 1857, No 9-10, с. 4, с подзаг. «Восточное предание». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 178. Истоки образа пери — в поэме английского поэта-романтика Томаса Мура (1779-1852)

«Лалла Рук».

Допотопная кость. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 180.

Импровизация. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 182. По словам К. Д. Бальмонта, в этом стих. Майков «возвышается до современной нервности, достигает истинного художественного символизма» (К. Бальмонт. Горные вершины, М., 1904, с. 73).

Сон в летнюю ночь. Впервые — «Русский вестник», т. 12, 1857, с. 202, без посвящ., без даты. Автограф стих, в письме Майкова к Я. П. Полонскому от 14 октября 1857 г. Григорьев Аполлон Александрович (1822-1864) — русский поэт, прозаик, критик и переводчик (перевел, в частности, комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь»). Майков высоко ценил Григорьева-критика, считая его продолжателем лучших сторон критической деятельности В. Г. Белинского (см. его письмо к жене от октября 1864 г. — «Русская литература», 1962, No 1, с. 206). Знакомство их относится к первой половине 1850-х годов. Еще в 1846 г. Григорьев

писал о стихах Майкова и поэме «Машенька» (см. примеч., т. 2) в статье «Материалы для истории театра...» («Репертуар и Пантеон», 1846, No 12, с. 407). В 1852 г. он сделал попытку оценки поэзии Майкова в целом, посвятив ей большой пассаж в статье «Русская изящная литература в 1852 г.» («Москвитянин», 1853, No 1, отд. V, с. 57-61), а в 1858 г. опубликовал с посвящением Майкову одну из своих важнейших статей — «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» («Библиотека для чтения», 1858, No 1, с. 1-42). В марте 1858 г. в письме к Я. П. Полонскому Майков заметил, что, «не говоря о блестящих страницах про Байрона и Ж. Занд», в работах Григорьева можно найти «чрезвычайно дельные заметки о таких сторонах искусства, о которых и не снится другим нашим критикам, ибо поэзию Григорьев понимает чувством» (Ежегодник, 1975, с. 104). В 1853-1855 гг. Григорьев стоял во главе «молодой редакции» журнала «Москвитянин», о которой позднее Майков вспоминал: «В одну из самых тяжелых для меня эпох, в Крымскую войну 1853-1855 годов, я бросался из Петер-

бурга в Москву, чтобы почувствовать под собою почву... Я попал в молодую редакцию «Москвитянина» <...> У них я нашел не только оправдание и сочувствие, но и увидел в них совсем моих единомышленников...» («Историческим вестник», 1888, No 6, с. 694-695). На другой день после похорон Григорьева, 29 сентября 1864 г., Майков писал жене: «Теперь уж в литературе петербургской у меня нет друзей, т. е. душевно меня понимавших, Аполлон Григорьев все собирался разбирать мои стихи — да так и не успел; теперь уж никто не в состоянии написать мой литературный портрет» («Литературное наследство», т. 86, 1973, с. 397).

КАМЕИ

У храма. Впервые — «Современник», 1854, No 6, с. 219, под загл. «Подражание древним». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 104.

Анакреон. Впервые — «Современник», 1852, No 3, с. 109. Гончаров Иван Александрович — см. примеч. к стих. «И. А. Гончарову», с. 520. По мнению Н. А. Некрасова, это стих, «можно без преувеличения поставить рядом с

удачнейшими антологиями Пушкина» (Н. А. Некрасов, т. 9, с. 239).

Юношам. Впервые — «Современник», 1854, No 1, с. 9.

Анакреон скульптору. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 100. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 329. Толстой Федор Петрович (1783-1873) — русский скульптор-медальер, график, живописец. Упомянув Геру и Гебу, Майков имеет в виду иллюстрации Толстого к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька».

Алкивиад. Впервые — «Современник», 1853, No 11, с. 5. По мнению Н. А. Некрасова, стих, входило в число «более или менее заметных (если не замечательных) стихотворений, появившихся в последние годы» (Н. А. Некрасов, т. 9, с. 240).

Аспазия; Претор. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 94, 109.

Аркадский селянин Путешественнику. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 106, с цензурной купю-

рой в ст. 23 (выпущено слово «богомольный»). Впервые полностью: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 1, с. 340.

ПОСЛАНИЯ

Значительная часть стихотворений настоящего раздела была впервые напечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2,

П. М. Цейдлеру. В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, е. 283), под загл. «Ц.....ру» (в ст. 1 — «г.....му саду», в ст. 29 — «Ц.....р»). Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 1, с. 345. Петр Михайлович Цейдлер (1821-1873) — русский педагог, надзиратель и преподаватель Гатчввского сиротского института и других учебных заведений. Критик А. М. Скабичевский, сослуживец Цейдлера, считал, что Майков в своем стих, идеализировал университетского товарища, который, по мнению Скабичевского, представлял собой «заурядного школьного администратора» (А. М. Скабичевский, Литературные воспоминания, М., 1928, с. 175).

Я. П. Полонскому. Впервые как цикл — Сти-

хотворения Аполлона Майкова, 1858, СПб., кн. 2, с. 285, Стих. 1. «Твой стих красой и ароматом...». Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова. 1858, СПб., кн. 2, с. 285. Стих. 2. «Полонский! суждено опять судьбою злою...». Впервые — «Библиотека для чтения», 1857, No 9, с. 1. Автограф стих. Майков послал Полонскому в письме от июня 1857 г. Полонский Яков Петрович (1819-1898) — русский поэт, цензор Комитета иностранной цензуры, председателем которого с 1882 г. был Майков. «Единственный человек в Петербурге из числа пишущих, с которым сошелся я, — писал Полонский А. Н. Островскому 10 ноября 1851 г., — это А. Н. Майков» (Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.-Л., 1932, с. 438). Литературная критика того времени объединяла А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и А. А. Фета в «триаде» поэтов «чистого искусства». Сам Майков, говоря о «тройственном союзе поэтов» (Фет, Полонский, Майков), по-видимому, также хотел подчеркнуть свою творческую близость к этим лирикам (см. стих. «Я. П. Полонскому. Читано на его пятидесятилетнем юбилее 10 апреля 1887 г.», с. 486). Стих,

получено Полонским, бывшим в это время за границей, в августе 1857 г. Он откликнулся посланием «А. Н. Майкову. Ответ на стихи его: «Полонский! суждено опять судьбою злою...»» В архиве Майкова сохранилось несколько автографов стих. «Музе Полонского» (опубликовано И. Г. Ямпольским — Ежегодник, 1974, с. 134) и автограф стих, (без даты) «В альбом Полонскому». Вазари Д. (1511-1574) — итальянский архитектор, живописец, автор жизнеописаний итальянских художников. Сладостный певец Тибура и Пестума — Вергилий. Где Штернберг? Где Иванов? // Ставассер милый мой?.. — С живописцем В. И. Штернбергом (1818-1845) и скульптором П. А. Ставассером (1816-1850) Майков встречался во время своего пребывания в Италии в 1842 г. Они оба умерли в Риме. О каком Иванове идет речь — не совсем ясно. Возможно, имеется в виду скульптор Антон Андреевич Иванов (1815-1848); в 1841-1846 гг. он находился в Риме как пансионер Академии художеств. А брат мой, милый брат и т. д. — Речь идет о трагической гибели В. Н. Майкова (1823-1847), критика и журналиста. См. о нем также при-

меч. к стих. «На могиле», т. 2.

П. А. Плетневу. Плетнев Петр Александрович (1792-1865) — критик и поэт, связанный с кругом А. С. Пушкина, ректор Петербургского университета; сыграл важную роль в судьбе Майкова — начинающего поэта, представив его стихотворения высшим властям и популяризируя их в литературных кругах. Он рекомендовал их Жуковскому и Гоголю, с одобрением отзывался о них в письмах к Я. К. Гроту. Сохранились стихотворные послания, которыми обменялись Майков («Ваш светлый ум я верный вкус // Всегда отечественных муз // Нелицемерным был судьей...») и Плетнев (с эпиграфом из Жуковского «Не нам тебя благословлять») по случаю выхода в свет верного сборника стих. Майкова (1842). Тогда же в отчете о деятельности университета Плетнев дал этой книге высокую оценку. В рецензии на сборник Майкова 1842 г., написанной Плетневым, о молодом поэте говорилось: «...судя по верности умопредставлений, сочувствует он с антологическими поэтами Греции, как сочувствовал с ними Дельвиг, а судя по музыкальному, воздушно-прозрачному

стиху, с Батюшковым, Жуковским, Пушкиным и А. Шенъе» («Современник», т. 26, 1842, с. 50). Позднее Плетнев выступил с рецензией на стихи Майкова и поэму «Две судьбы». За стаю орлов и т. д. — Имеется в виду появление в России вслед за плеядой полководцев, выдвинутых Отечественной войной 1812 г., плеяды русских поэтов, к которой, несмотря на свой скромный дар, принадлежал и Плетнев. С другой стороны, сопоставление лебедя и орла как символов лирического и гражданского начал было широко распространено в литературе того времени. Наконец, в древнегреческих преданиях говорилось о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей.

М. Л. Михайлову. Михайлов Михаил Ларионович (1829-1865) — русский поэт, прозаик, переводчик и революционный деятель, родился на Урале; с Майковым познакомился в Петербурге в начале 1850-х годов. Простые племена и т. д. — Речь идет о собирании Михайловым башкирского фольклора во время литературно-этнографической экспедиции по командировке Морского министерства в

Оренбургскую губернию и на Урал. Далекая любовь — вероятно, к Л. П. Шелгуновой, жене публициста и революционера Н. В. Шелгунова. Ей посвящен ряд «альбомных» стих. Майкова. Пришел ты снова к нам. — Михайлов вернулся в Петербург в мае 1857 г.

И. А. Гончарову. Гончаров Иван Александрович (1812-1891) был близким другом семьи Майковых. В 1835 г. Гончаров стал домашним учителем А. Майкова и его брата Валериана. По мнению И. И. Панаева, он «без сомнения, много способствовал развитию эстетического вкуса» в своем ученике (И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 106). А. М. Скабичевский, напротив, считал, что «в качестве учителя поэта Аполлона Майкова он, конечно, озаботился привить достаточное количество бюрократического яда в голову своего ученика» (И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969, с. 70). В молодости Гончаров принимал участие в рукописных альманахах семьи Майковых «Подснежник» и «Лунные ночи». Стих. относится к тому времени, когда писатель, вернувшись из кругосветного путешествия на фрегате «Паллада», стал

публиковать свои путевые очерки, часть которых впервые сформировалась в качестве писем к семье Майковых, Майков также посвятил Гончарову стих. «Анакреон» и «Рыбная ловля»; Гончаров высоко отзывался о ряде произведения поэта (см. примеч. к переводу «Слова о полку Игореве», с. 563; к поэме «Сны», т. 2). Обращаясь к поэту в день его творческого юбилея, 30 апреля 1888 г., Гончаров писал, что его дружба с Майковым на протяжении пятидесяти лет «никогда ничем не омрачалась, не охлаждалась и была всегда тепла, чиста и светла, как поэзия юбиляра (И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8 тт., М, 1952-1955, т. 8, с. 500).

«В наш город слух пришел, что Сафо будет к нам...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, 1872, ч. 2, с. 413, Печатается по первой публикации с исправлением первого ст. по двум автографам («пришел» вместо «прошел»). Евдокия Петровна Ростопчина (1811-1858) — русская поэтесса. Комплиментарная критика 1840-х годов называла ее «русской Сафо». Дата стих., несмотря на помету в белом автографе: «Из старой тетради 1859 года»,

вызывает сомнение: скорее всего стих, было написано При жизни Ростопчиной.

Е. А. Шеншиной. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 415. Печатается по первой публикации.

НА ВОЛЕ

Весна. Впервые — «Русский вестник», т. 13, 1858, с. 396, без загл. «Помните у Майкова «Весну»? — писал М. Горький М. Г. Ярцевой. — ...Восемь строчек — 16 слов и полная картина» (М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., М., 1949-1955, т. 28, с. 216).

«Весна! Выставляется первая рама...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 113, под загл. «Весна».

«Боже мой! Вчера — ненастье...» Впервые — «Современник», 1855, No 12, с. 203 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 5.

«Поле зыблется цветами...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, No 9, с. 1.

Под дождем. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 125, в цикле «Летний дождь», без загл.

Звуки ночи. Впервые — «Русский вестник»,

т. 5, 1856, с. 352 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 138. Стих, вызвало одобрительный отзыв И. С. Тургенева в письме к Д. Я. Колбасину от 2 (14) ноября 1856 г. (И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт., М.-Л., 1960-1968. изд. АН СССР. Письма, т. 3, с. 34).

Утро. Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 1-2, с. 486. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 9.

В лесу. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 130.

«Маститые, ветвистые дубы...» Впервые — «Заря», 1869, № 11, с. 74, в цикле «Заметки и мгновения».

Голос в лесу. Впервые — «Русский вестник», 1856, № 11, с. 305.

«Всё вокруг меня, как прежде...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 9-10, с. 2.

«Вот бедная чья-то могила...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, тт. 2, с. 142.

Журавли. Впервые — «Библиотека для чте-

ния», 1856, No 11, с. 1, Печатается во тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 16. Стих. пародировалось (вместе с другими) в синтетической пародии Н. А. Добролюбова «Жизнь мировую понять я старался...» (цикл «Мотивы современной русской поэзии»).

Облачка. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 132.

Болото. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 140. А были дни, мое воображенье и т. д. — автор говорит о своих итальянских впечатлениях 1842 г. (см. примеч. к «Очеркам Рима»).

Пан. Впервые — «Заря», 1869, No 12, с. 104, под загл. «Полдень» (др. ред.). С примеч. Майкова к загл.: «Пан (от греческого слова ???, что означает всё). Греческий бог, олицетворявший собою жизнь природы; от того же слова происходит и название пантеизма, философской системы, обожествляющей природу». Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 21.

Пейзаж. Впервые — «Подснежник», 1858, No 2, с. 1. См. также стих. и примеч. «Н. А.

Некрасову. По прочтении его стихотворения «Муза», т. 2.

Ласточки. Впервые — «Библиотека для чтения», 1856, No 12, с. IV.

«Осенние листья по ветру кружат...» Впервые — «Эпоха», 1864, No 1-2, с. 496.

Осень. Впервые — «Отечественные записки», 1856, No 12, с. 259.

«И город вот опять! Опять сияет бал...» Впервые — «Современник», 1857, No 1, с. 165 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 150.

Мечтания. Впервые — «Современник», 1856, No 3, с. 84.

ИЗ ДНЕВНИКА

Большая часть стихотворений, составивших настоящий раздел, была впервые напечатана: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2.

«Еще я полн, о друг мой милый...» В первой публикации (Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2), вошло в цикл «Из прошлого».

«Люблю, если, тихо к плечу моему головой

прислонившись...» Впервые — «Отечественные записки», 1842, No 8, с. 160.

«Порывы нежности обуздывать умея...» Впервые — «Современник», 1853, No 2, с. 331.

«Точно голубь светлую весною...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, No 3-4, с. 658.

ДОЧЕРИ

Дочь Майкова Вера, родившаяся 21 февраля 1855 г., умерла 11 лет от роду. В письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 19 ноября 1892 г. Майков писал; «Это был бы такой ангел хранитель семьи, братьев и всех, с кем бы связала ее судьба. И у маленькой у ней была забота, чтобы всем было хорошо...».

«Новая, светлая звездочка...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 1, с. 419.

«Она еще едва умеет лепетать...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 162. Первая строка использована М. Е. Салтыковым-Щедринным в качестве загл. одной из глав «Помпадуров и помпадурш» (1864).

«Эти детские глазки...» Впервые — «Заря»,

1869, No 11, с. 74, в цикле «Заметки и мгновения». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова. СПб, 1872, ч. 2, с. 52.

«Не может быть! не может быть!..» Впервые — «Заря», 1869, No 11, с. 73, в цикле «Заметки и мгновения».

«Вот уж и гроб!.. и она...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 54. Печатается по первой публикации.

ИЗ СТРАНСТВОВАНИИ

На берегах Нормандии. Впервые — «Отечественные записки», 1859, No 11, с. 243, без загл.

«О вечно ропщущий, угрюмый Океан!..» Впервые — «Заря», 1869, No 11, с. 73, в цикле «Заметки и мгновения».

Альпийские ледники. Впервые — «Время», 1861, No 9, с. 242, под загл. «В горах». На чей-то зов: «Туда! Туда! — Ср. в стих. Гёте «Миньона» (пер. Майкова): «...Туда, туда! // Уйти бы нам, мой милый, навсегда!»

Альпийская дорога. Впервые — «Московский вестник», 1860, 22 апреля, с. 233, под загл. «На чужбине». И о странных и чужих. — В первой публикации — «странных», т. с. стран-

никах, странствующих.

«Всё — серебряное небо!..» Впервые — «Модный магазин», 1864, No 3, с датой и пометой: Ницца, 1859. Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова. М., 1864, с. 84.

«Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо...» Впервые — «Отечественные записки», 1862, No 12, с. 350, в составе «Неаполитанского альбома».

НЕАПОЛИТАНСКИЙ АЛЬБОМ (МИСС МЕРИ) 1858-1859

Впервые в полном составе настоявши раздел был опубликован в «Отечественных записках», 1862, No 12, с. 327, без подзаг. (начиная с Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, дается подзаголовок), Создание этого цикла связано с участием поэта в морской экспедиции корвета «Баян» на Архипелаг в 1858-1859 гг. «Но, — заметил Майков в автобиографии, — корвет в Грецию не попал, долго болтался в Ницце, Палермо и Неаполе: отсюда вышел Неаполитанский альбом». Первая публикация сопровождалась примеч. автора;

«Все стихотворения этого альбома относятся к Неаполю 1859 года. С тех пор там многое изменилось, но я уверен, что общий фон картины и теперь тот же: море и воздух Неаполя не изменится с переменою правительств и не перестанут производить веселое и светлое расположение духа в человеке, туземце или заезжем; Сан-Дженнаро еще долго будет делать свое чудо, а Везувий... вот, один только Везувий вдруг всему может положить конец». В «Искре» (1863, No 4, с. 58) была напечатана пародия В. Буренина на майковский «альбом» под загл. «Парижский альбом» и с посвящ. А. Н. Майкову. Примеч. Майкова к «Неаполитанскому альбому», в котором мимоходом говорится о политических событиях, потрясших Италию (освободительная война под предводительством Гарибальди), дало повод Буренину и свою пародию тоже снабдить примеч.: «Все стихотворения этого альбома относятся к Парижу прошлого года. Я уверен, что с той поры ничего не изменилось; там то же правительство, те же полисмены, тот же И. С. Тургенев; недостает только меня, но к лету я думаю побывать туда» (Поэты «Искры», т. 2, Л., 1955,

с. 715, БП, БС). Д. С. Мережковский находил в этом цикле «искусное подражание Гейне» (статья «А. Н. Майков» в сб. «Философские течения русской поэзии», СПб., 1896, с. 333), а Вл. Соловьев увидел в нем не более чем «альбомное остроумие весьма относительного достоинства» (статья «А. Н. Майков» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона). Сохранился автограф прозаического и стихотворного предисловия Майкова к «Неаполитанскому альбому», из которого следует, что поэт предвидел возмущение критики легковесностью «эскизов», «накиданных в стихах в этом альбоме», и пытался оправдаться, хотя и не без иронии:

*Что ж с собой привезу? Ни полезных
советов,
Ни идей для дальнейшего хода
прогресса в России,
Ни правительству важных каких
указаний...*

Авторская датировка цикла — условная, приурочена ко времени пребывания за границей. Ряд произведений, вошедших в «Неаполитанский альбом», написан Майковым по

возвращении в Россию, в 1860-х годах.

Дон-Пеппино. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 1, с. 439.

«Боже мой, какая нега...» Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 88.

«Вот смотрите, о мисс Мери...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). Возможно, в стих. речь идет о легендах, связанных с неаполитанской королевой Иоанной I (1326-1382),

К мисс Мери. Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). Стих. послано в письме Майкова к жене из Неаполя 16 мая 1859 г.

«Весь Неаполь залит газом...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). Залит газом. — Речь идет об освещении улиц газовыми светильниками. Times — респектабельная английская газета,

«Я люблю в Safe d' Eugора...» Печатается по тексту. Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 78. Сеет мак и т. д. — для изготовления опиума.

«Какое утро! Стихли громы...» Впервые —

«Современник», 1859; Но 1, с. 321, под загл. «Неаполитанское утро».

К мисс Мери. Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). В пустыню с воплем говоришь! — Иронически обыгрывается евангельское изречение «глас вопиющего в пустыне» (Марк, 1. 3; Матф., III, 1; Иоанн, 1, 23).

«Князь NN и граф фон Дум-ен...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). Б-ин — в Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1914, т. 1, с. 177 расшифровано как: Бурдин. Надо полагать, речь идет об артисте Александрийского театра и литераторе Федоре Алексеевиче Бурдине (1827-1887), друге А. Н. Островского.

«В темный храм один прокрался...»; «Вот с резной кафедры грозно...» Печатаются по тексту первой публикации («Отечественные записки»).

«Ах, меж тем, как вы стояли...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 86.

«Золотой архиепископ...» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные

записки»). Весь Неаполь чуда ждет и т. д. — Ожидаемое «чудо» — кипение «крови» святого Януария (итал. — Дженнаро), склянка с которой хранится в неаполитанском монастыре Сан-Дженнаро.

«Что за шум и крик? О боже!..» Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»).

«Вы повсюду — о мисс Мери!..» Красные каторжники. — Возможно, намек на гарибальдийцев, носивших красные рубахи.

Два карлина. Впервые — «Светоч», 1861, кн. 1, с. 13. Чудовище — Везувий.

Тарантелла. «Cia la luna e mezz'al mare...» — широко известная тарантелла итальянского композитора Дж. Россини.

Lacrymae Christi. Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»).

«Всё ты вредишь англичанкой». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 108.

«Фердинанд-король был рыцарь». Печатается по тексту первой публикации («Отечественные записки»). Запер всех нагих Венер. — Фердинанд II (1810-1859), король обеих

Сицилий, отличался крайней жестокостью в борьбе с освободительным движением в од-
новременно ханжеством (велел вынести из
музея статую Афродиты).

«Вне ограды Campo Santo...» Шла народная
волна. — Ср. в стих. А. С. Хомякова, поэта и
философа, впервые напечатанном в 1858 г.:
«Широка, необозрима // Чудной радости пол-
на, // Из ворот Ерусалима // Шла народная вол-
на».

«Дон-Пеппино русской бредит...»; «Пульчи-
нелль вскочил на бочку...»; «Мне Неаполь
опротивел...» Печатается по тексту первой
публикации («Отечественные записки»).

«Душно! Иль опять сирокко?..» Я Сицилия
горит. — Имеется в виду освобождение остро-
ва Сицилия от власти австрийской династии
Габсбургов в результате похода Гарибальди в
мае 1860 г.

«Говорят, со всех соборов...»; «Блестит са-
лон княгини Зины...» Печатается по тексту
первой публикации («Отечественные запис-
ки»). Княгиня Зина — очевидно, Зинаида
Александровна Волконская (1792-1862). В ее
петербургском салоне бывали крупнейшие

русские писатели: А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Б. А. Жуковский и др. С 1829 г. до смерти постоянно жила в Италии, где встречалась с деятелями русской культуры. Над мягкой красною фланелью и т. д. — См. примеч. к стих. «Вы повсюду — о мисс Мери!..», с. 525.

«Народный вождь вступает в город...» Народный вождь — Гарибальди, войска которого вошли в Неаполь 7 сентября 1860 г.

ДОМА

Мать. Впервые — «Библиотека для чтения», 1862, No 1, с. 3, без загл.

Весна. Впервые — «Нива», 1880, No 19, 10 апреля, с. 373, с посвящ. Н. Трескину. Коля Трескин — вероятно, сын Н. А. Трескина (1838–1894), цензора Московского цензурного комитета, директора учительского института при Московском воспитательном доме. Н. А. Трескин в студенческие годы дружил с братом поэта Л. Н. Майковым, который в 1863 г. женился на сестре Н. А. Трескина, а впоследствии стал крестным отцом Коли Трескина. Сохранились стих. Н. Н. Трескина «Аполлону Николаевичу Майкову».

8 память 30 апреля 1888 года» и письмо его Л. Н. Майкову от 11 марта 1897 г. с соболезнованиями по поводу кончины поэта.

Летний дождь; Сенокос. Впервые — «Подснежник», 1858, No 1, с. 1, 2.

Ночь на жнитве. Впервые — «Модный магазин», 1863, No 1, с. 1, под загл. «Отрывок из поэмы «Поля»».

В степях. Впервые как цикл (без стих. 3) — «Заря», 1870, No 2, с. 83, Полностью — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 2, с. 121. Стих. 3. «Мой взгляд теряется в торжественном просторе.»» Впервые — «Складчина», СПб., 1874, с. 428, под загл. «В степях», вне цикла, с датой; 1862.

Нива. Впервые — «Русский вестник», т. 7, кн. 2, 1857, с. 835. Включалось в многочисленные дореволюционные хрестоматии для народного чтения. Н. А. Добролюбов пародировал «Ниву» в стих. 1858 г. «Жизнь мировую понять я старался...» и отрицательно отозвался о ней в рецензии 1859 г. (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 тт., М.-Л., 1961-1964, т. 4, с. 355); другая пародия в стих. «Лето» (1858 или 1859).

«Дорог мне, перед иконой...» Впервые —

«Заря», 1869, No 1, с. 1. Послано Ф. М. Достоевскому с письмом от 22 ноября 1868 г. 11(23) декабря 1868 г. Достоевский писал Майкову: «Ваша «У часовни» — бесподобно. И откуда Вы слов таких достали! Это одно из лучших стихотворений Ваших» (Ф. М. Достоевский. Письма, тт. 1-4, М.-Л., 1928-1959, т. 2, с. 439).

СТРАНЫ И НАРОДЫ

«Сидели старцы Илиона...» Впервые — «Заря», 1869, No 11, с. 75 в цикле «Заметки и мгновения». Переложение третьей песни поэмы Гомера «Илиада» (ст. 149-158).

Платона единственные два стиха, до нас дошедшие. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 381.

Из Сафо. Впервые — «Огонек», 1881, No 17, с. 324 (факсимиле).

Рыцарь. Впервые — «Книжки «Недели»», 1892, март, с. 51, с подзаг. «(Из провансальских романсов)». Вольный перевод стих. провансальского трубадура Бертрана де Борна (ок. 1140 — ок. 1216) «Eu m'escondisc, donna, que mal mon mier...».

Из Петрарки. Впервые — «Отечественные записки», 1863, No 1, с. 70, без ст. 13-14. Полно-

стью — Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова, М» 1864, с. 74. Перевод сонета CCCXLVI из книги «На смерть мадонны Лауры» Франческо Петрарки (1304-1374).

Мадонна. Впервые — «Русский вестник», т. 24, кн. 1, 1859, с. 147. Автограф в письме Майкова к жене от 16 апреля 1859 г. И. А. Гончаров в письме к Е. В. Майковой от 8 мая 1859 г. из Мариенбада сообщал: «Дядя Аполлон читал нам немного правда, но зато прелестных три-четыре стихотворения. Давно я не слышал таких, особенно «Мадонна» и «Неаполитанское утро»» (вероятно, «Какое утро! Стихли громы...»).

Миньона. Впервые — «Модный магазин», 1866, No 21, с. 321. Перевод стих. Гёте «Mignon» из его романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».

Из Гёте. Впервые — «Гражданин», 1874» No 4, 29 января в подборке «На севере и юге». Перевод стих. «An Lida»,

Из Гёте. Лилли. Впервые как цикл — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893. т. 1, с. 391. По-видимому, цикл представляет собой поэтическую переработку стихов в прозе Гёте,

посвященных его роману с Лилли Шенеман. Второе стих. одновременно — свободное переложение гетевского «Seibstbetrug». 1. «Эта маленькая Лилли».» Впервые — «Книжки «Недели»», 1889, No 1, с. 72, вне цикла, без загл. и подзаг. 2. ««Надо кончить» — порешили...» Впервые — «Книжки «Недели»», 1889, No 10, с. 63, под загл. «Визави», вне цикла и без надзаг.

Из Гафиза. Впервые — «Гражданин», 1874, No 4, 29 января, с. 119, в подборке «На севере и юге». Гафиз (Шамседдин Хафиз, ок. 1325-1389 или 1390) — персидско-таджикский поэт. Майков переводил Гафиза, по-видимому, с немецких переводов.

Из испанской антологии. Впервые как цикл (без стих. 5) — «Русский вестник», 1879, No 1, с. 262. Без стих. 3, 6 — «Нива», 1892. No 4, 25 января, с. 85. Впервые полностью — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 149. 6 января 1879 г. Майков писал А. А. Майкову об этом цикле: «Скажу по секрету, что хоть они и названы из испанской антологии, но это только для проформы. Некоторые темы взяты в испанск<ом> репертуаре, но турнюра, пуанты, оправа и токарная работа — мои соб-

ственные» (ГПБ).

Из турецкой антологии. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 406. Печатается по первой публикации. Есть основания считать, что данный цикл, так же, как «Из испанской антологии», составлен из оригинальных произведений Майкова, стилизованных под Восток. Так, в черновых тетрадах, под загл. «Из восточной антологии», объединены, помимо вошедших в цикл «Из турецкой антологии», непечатавшиеся стих., имеющие явное отношение к личной судьбе Майкова.

Две белорусские песни. Впервые — «Заря», 1870, № 12, с. 3, с примеч. Майкова: «Песни эти изготовлены для сборника славянской поэзии, издаваемого Н. В. Гербелем. Основа первой очень древняя: видоизменялась она в разные эпохи». Переложение обеих песен сделано Майковым по «Сборнику памятников народного творчества в Северо-западном крае» (Вильно, 1866, с. 126, 19), составленному этнографом П. А. Гильдебрандтом (1840-1905), с которым поэт был лично знаком. Всего из этого сборника Майков перевел семь песен. 1. Пет-

русь. Перевод стих. «Далеко слыхаты». 2. «Ой, сынки мои, соколы мои...» Перевод стих. «Ой, сынки мае...»

Сон негра. Впервые — «Подснежник», 1860, No 1, с. 11, без указания на источник перевода. Перевод стих. американского поэта-романтика Г. Лонгфелло (1807-1882) «The Slave's Dream»,

Купальщицы. Впервые — «Модный магазин», 1863, No 6, с. 69, под загл. «На берегах Ганга», с подзаг. «Санскритский мотив».

Из «Крымских сонетов» Мицкевича. Впервые — «Беседы в Обществе любителей российской словесности», 1871, No 3, с. 141. Возможно, что работа Майкова над переводами из Мицкевича началась ранее проставленной им даты (в 1857 г. было задумано поэтом Л. А. Меем издание Мицкевича в русских переводах, где предполагалось и участие Майкова. Издание не состоялось). «Крымские сонеты» («Sonety Krymskie», 1825) — цикл стих. Мицкевича, неоднократно переводившийся многими русскими поэтами. 1. Аккерманские степи. Перевод стих. «Stepy Akermanskie». Зов с Литвы б далекой. — Мицкевич родился в Белорус-

сии, учился в Литве, в Вильне, интересовался историей, фольклором литовцев (см. его поэму «Конрад Валленрод»). 2. Байдарская долина. Перевод стих. «Baidary». 3. Алушта днем. Перевод стих. «Alushta w dzien».

Разрушение Иерусалима. Впервые — Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 72, под загл. «По прочтении Байронова «Падения Иерусалима»». Подражание стих. Байрона «On the Day of the Destruction of Jerusalem by Titus». Майкову принадлежит также точный перевод этого стих. под загл. «На разорение Иерусалима Титом» (Английские поэты в биографиях и образцах. Сост. Н. В. Гербель, СПб., 1875, с. 271).

Валкирии. Впервые — «Нива», 1883, No 13, 26 марта, с. 299.

ПЕРЕВОДЫ И ВАРИАЦИИ ГЕЙНЕ

Впервые значительная часть переводов настоящего раздела (17 стих.) была опубликована в «Библиотеке для чтения», 1857, No 4, с. 133-144 с посвящением переводчику, историку литературы А. Ф. фон Видерту и с предисловием, в котором Майков указывал, что «более старался передать тон и впечатление

подлинника, нежели гонялся за буквальной верностью». Несмотря на двойственное отношение к немецкому поэту («У Гейне многому можно поучиться, — писал он в архивной записке, относящейся к 1880-м годам, — но вместе с тем это опасное знакомство»), — к переводам его произведений Майков обращался в течение, всей жизни, публикуя их в периодике и в составе своих сборников! В Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1 включены 42 перевода, собранные в специальном разделе; один перевод — («Принцесса Шабаш») — в разделе «Века и народы» (т. 2, с. 111). Успеха они не имели. Н. А. Добролюбов отметил лишь «Пролог», т. с. оригинальное стих. Майкова, назвав его «прекрасным» (Н. А. Добролюбов, т. 2, с. 488). Д. Минаев откликнулся насмешливым стих. «В могиле» (Поэты «Искры», т. 2, Л., 1955, БП, БС, с. 136). Оценивая майковские переводы, А. Блок заметил: «Майков — слишком чужой Гейне...» (А. Блок. Собр. соч. в 8 тт., М.-Л., 1960-1963, т. 6, с. 121).

Гейне (Пролог). Впервые — «Современник», 1857, № 10, с. 309, без подзаг.

«Пора, пора за ум мне взяться!..» Перевод

стих. «Nun ist es Zeit, da? ich rait Verstand...»

«Сердце, сердце! что ты плачешь?..» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Herr, mein Herr, sei nicht beklommen...»

«Осеннего месяца облик...» Перевод стих. «Der blesche, herbstliche Halbmond...»

«Не теряй, мой друг, терпенья...» Печатается из первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Werdet nur nicht ungeduldig...»

«Много слышал добрых я советов...» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Gaben mir Rat und gute Lehren...»

На море. Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Meeresstille».

«Осердившись, кастраты...» Перевод стих. «Doch die Kastraten klagten...»

«Ну, время! конца не дождешься!..» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Das ist ein schlechtes Wetter...»

«Плачу я, в лесу блуждая...» Печатается по

тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 2, с. 15. Перевод стих. «Im Walde wandl' ich und weine...»

«Сиял один мне в жизни...» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «In mein gar zu dunkles Leben...»

«Я вглядываюсь жадно...» Печатается по первой публикации («Библиотека для чтения»). Перевод стих. «Ich stand in dunkeln Traumen...»

«Одинокая слезка...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 196. Перевод стих. «Was will die einsame Trane?..»

«В толпе опять я слышу песню...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 262. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 198. Перевод стих. «Nur ich das Liedchen klingen...»

«Что за милый это мальчик!..» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, 1872, ч. 2, с. 199. Перевод стих. «Diesen lebenswurd'gen Jungling...»

«Мне снилось: на рынке, в народе...» Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 201. Перевод стих. «Im Traum sah ich die Geliebte...»

«Меня ты не смутила...» Перевод стих. «Der Brief, den du geschrieben...»

«Ее в грязи он подобрал...» В первой публикации («Библиотека для чтения») авторская сноска к первой строфе: «В подлиннике иначе и цитация первой строфы оригинала. Перевод стих. «Ein Weib».

Невольник. Печатается по тексту; Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 206. Перевод стих. «Der Asra».

«На мольбы мои упорно...» Печатается по тексту; Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 208. Перевод стих. «Meinen schönsten Liebesantrag...»

Лилия. Впервые — «Современник», 1858, No 1, с. 129, без загл. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 254. Перевод стих. «Die Lotosblume angstigt...»

Чайльд Гарольд. Впервые — «Отечественные записки», 1857, No 5-6, с. 666. Печатается

по первой публикации. Перевод стих. «Childe Harold». Тело Байрона, умершего в Греции (Миссолунги, 19 апреля 1824 г.), было отправлено на родину поэта, в Англию, морем. Греция, в освободительной борьбе которой против Турции английский поэт принял горячее участие, почтила его память, объявив национальный траур. «Чайльд Гарольд» — поэма Байрона, носящая отпечаток его личной жизни.

«Ночи теплый мрак гвоздики...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 256. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Wie die Nelken duftig atmen!..»

«Он уж снился мне когда-то...» Впервые — «Отечественные записки», 1857, № 5-6, с. 666. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 2, с. 31. Перевод стих. «Hab ich nicht dieselben Traume...»

«Чудным звуком даже ночи...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 259. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Wie die Tage, macht der Fruhling...»

Король Гаральд. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 261. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 2, с. 34. Перевод стих. «Konig Harald Harfagar».

Али-бей. Впервые — «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти <...> Смирдина <...>», т. VI, СПб., 1859, с. 119, с подзаг. «(Из Гейне)» и датой: 1858. Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова. М., 1864, с. 75. Перевод стих. «Ali Bei».

«Ты вся в жемчугах и алмазах!..» Впервые — «Модный магазин», 1865, No 21, с. 322, под загл. «Из Гейне». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 220. Перевод стих. «Du hast Diamanten und Perlen...»

«Из моей великой скорби...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 264. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Aus meinen gro?en Schmerzen...».

«Посмотри: во всем доспехе...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858,

кн. 2, с. 265, Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Prolog» к циклу «Neuer Fruhling».

«Ты быстро шла, но предо мною...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 267. Перевод стих. «Wie rasch du auch vorubersclsrittest...»

Весною. Впервые — «Отечественные записки», 1857, No 56, с. 665. Печатается по тексту; Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 1, с. 42, Перевод стих. «Fruhling».

На горах Гарца. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 227. Печатается по первой публикации с исправлением опечатки в ст. 15 («И внизу») по автографу. Перевод стих. «Auf dem Hardenberge...».

Роман в пяти стихотворениях. Впервые — «Модный магазин», 1866, No 4, с. 49, под загл. «Роман в пяти стихотворениях Гейне». Перевод стих: 1. «Ein Fichtenbaum stent einsam...» 2. «Dein Angesicht so lieb und schon...» 3. «Mem Liebchen, wir sa?en beisammen...» 4. «Es leuchtet meine Liebe...» 5. «Am Kreuzweg wird begraben...»

Старые знакомые. Впервые — «Русский

вестник», 1889, No 5, с. 218, с подзаг. «(На тему Гейне)», с датой: 1889. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 465. Источник перевода не установлен.

«Они о любви говорили...» Впервые — «Модный магазин», 1866, No 13, с. 193. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 233. Перевод стих. «Sie sa?en und tranken am Teetisch...»

«Сколько яду в этих песнях!..» Впервые — «Модный магазин», 1866, No 13, с. 193. Печатается по первой публикации. Во всех последующих — опечатка в ст. 3 («сколько»). Перевод стих. «Vergiftet sind meine Lieder...»

«Краса моя, рыбачка...» Впервые — «Модный магазин», 1866, No 23, с. 353, под загл. «(Из Гейне)». Перевод стих. «Du schones Fischermadchen...»

Лорелея. Впервые — «Модный магазин», 1867, No 2, с. 22, с подзаг. «(Гейне)». Перевод стих. «Ich wei? nicht, was soil es bedeuten...».

Auf Flugeln des Gesanges. Впервые — «Модный магазин», 1867, No 5, с. 70. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 239. Перевод стих. «Auf

Flugeln des Gesanges...» Про войны людей и духов, и т. д. — Эти строки в немецком тексте отсутствуют.

«Нежданной молнией, вполне...» Впервые — «Модный магазин», 1866, No 1, с. 1, под загл. «Из Гейне». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 241. Перевод стих. «Ein Wetterstrahl, beleuchtend plotzlich...»

«Конец! Опущена завеса!..» Перевод стих. «Sie erlischt...»

EXCELSIOR

Название раздела заимствовано у Лонгфелло (см. о нем примеч. к стих. «Сон негра», с. 528. В данном разделе помещен и перевод стих. Лонгфелло «Excelsior»).

«О царство вечной юности...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 148. С бессмертными мадоннами // Счастливый Рафаэль. Среди изображений богоматери, выполненных Рафаэлем Санта (1483-1520), особенной известностью пользуется «Сикстинская мадонна» (1515-1519). Возможно, что этим стих. Майков откликнулся на 400-летний юбилей Рафаэля, отмечавшийся и в Рос-

сии (см. Ежегодник, 1978, с. 195-196). См, также стих. «Renaissance», с. 246.

«Чужой для всех...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 111.

Пустынник. Впервые — «Гражданин», 1883, март, с. 61, лит. прилож., с подзаг. «Отрывок». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 123. Факсимиле этого стих. открывает Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 1. См. также примеч. к стих. «А. П. Милюкову. По поводу моего пятидесятилетнего юбилея 1888 г., апр. 30», с. 562.

Excelsior. Впервые — «Огонек», 1881, No. 16, с. 306, с подзаг. «По Лонгфелло» и сноской к загл.: «От excelsus, высокий, возвышенный, благородный, совершенный».

«Куда б ни шел шумящий мир...» Впервые — «30 апреля. Стихотворения Аполлона Майкова (1883-1888)», СПб., 1888, с. 47. Печатается по первой публикации. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 февраля 1888 г. Они все в Книге Жизни... — Восходит к Апокалипсису (III, 5). Данный образ использован в ряде выдающихся произведений русской классики, среди которых «Ев-

гений Онегин» Пушкина, «Анна Каренина» Л. Толстого и др.

«Белые лебеди, вестники светлой Весны, пролетели...» Впервые — «Нива», 1891, No 1, 5 января, с. 2, в цикле «Из моей антологии» (др. ред.). Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 490.

«Зачем предвечных тайн святыни...» Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 369. Печатается по первой публикации.

«Вдохновенье — дуновенье...» Впервые — «Русский вестник», 1890, No 1, с. 33. Автограф в письме к сыну Владимиру от 27 октября 1889 г.

Художнику. Впервые — «Художественный журнал», 1882, No 2, с. 69, под загл. «К художнику», с датой 1881. В черновом автографе есть помета «Во время писания «Катакомб», т. с. второй части трагедии «Два мира». Автограф в письме к А. А. Голенищеву-Кутузову от 15 ноября 1882 г.

«Есть мысли тайные в душевной глубине...» Впервые — «Заря», 1869, No 11, с. 74, в цикле «Заметки и мгновения». Есть мысли тайные в душевной глубине. — Ср. в стих. Ф. И.

Тютчева «Silentium!»: «Молчи, скрывайся и таи // И чувства и мечты свои, — // Пускай в душевной глубине // Встают и заходят оне...»

«Возвышенная мысль достойной хочет брони...» Впервые — «Заря», 1869, No 11, с. 75, в цикле «Заметки и мгновения».

«О кончен труд — уж он мне труд постылый...» Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 369. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г.

««Не отставай от века» — лозунг лживый...» Впервые — «Альманах Север на 1890 г.», СПб., 1889, с. 173.

Перечитывая Пушкина. Впервые — «Русский вестник», 1887, No 1, с. 340.

«Мы выросли в суровой школе...» Впервые — «Русский вестник», 1890, No 3, с. 32. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 18 января 1890 г. (строки, «как они «вылились»») и поправки к тексту в письмах от 5, 8, 11 февраля 1890 г.

Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову. Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 365. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьев

вич (1848-1913), граф — русский поэт и переводчик; с Майковым его связывали многолетние дружеские отношения. Ему принадлежит стих. «А. Н. Майкову», которое он прочел на юбилее поэта 30 апреля 1888 г., а также некролог на смерть поэта («Журнал министерства народного просвещения», 1897, ч. СССХ, No 4, с. 46-53). Он утверждал, что Майков является продолжателем пушкинской линии в русской поэзии и едва ли не преемником Пушкина. В архивной заметке Майков дал характеристику поэзии Голенищева-Кутузова: «Кутузов перешел в школу Пушкина. Но еще ему мешает тургеневский элемент, т. е. поэтическое Тургенева в прозе. Он эту поэтическую прозу ввел в стихи, оттого растянутость, мелочность, подробность и — прозаизм».

Е. и. в. великому князю Константину Константиновичу. Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 365. Романов Константин Константинович (1858-1915) — русский поэт; подписывал свои стих. «К. Р.»; считал Майкова (наряду с А. А. Фетом и Я. П. Полонским) своим учителем, состоял с ним в переписке, посвятил ему два стих. (см. К. Р., Новые стихо-

творения, СПб., 1889, с. 117-118, 128-129). В архиве Майкова сохранился ряд неопубликованных стих., посвященных К. Р. Первая публикация данного стих. предварялась стих. К. Р., адресованным Майкову.

Ответ (К. А. Дворжицкому). Впервые — «Всемирная иллюстрация», 1888, No 1006, 30 апреля, с. 347 (факсимиле с Датой: 5 мая 1887). Печатается по тексту: «30 апреля. Стихотворения Аполлона Майкова (1883-1888)», СПб., 1888, с. 33. Дворжицкий Корнелий Адрианович — поэт, судебный деятель. В архиве Майкова сохранилось стих. Дворжицкого «Аполлону Николаевичу Майкову на стихотворение, посвященное «Е . и . в . великому князю Константину Константиновичу»» с датой: 2 мая 1887. Ответом на это стих. в является» вероятно, стих. Майкова.

Ответ Л. Впервые — «Русский вестник», 1888, No 2, под загл. «Л — у». Автограф (др. ред.) при письме Майкова сыновьям Владимиру и Аполлону от 6 июня 1887 г. Сохранились также: черновой автограф под загл. «Лебедеву — юноше, ответ на стихи» и белой автограф (др. ред.) под загл. «Юному поэту». В

письме сыновьям, посылая стих. Лебедева, Майков сообщает: «Стихи эти я получил недавно. Видно, юноша, но как будто что-то есть...» О своем стих. он замечает: «Главный порок в них, кажется, тот, что начал игриво, а кончил-то высоко». Стих. Лебедева, сохранившееся в архиве Майкова, начинается обращением: «К тебе, поэт, я прибегаю...». «Ответ» Майкова навеян следующими строками из стих. Лебедева:

*Скажи, поэзия ль святая
В желанный час тиши ночной
Овладевает всей душой,
И ум и сердце увлекая;
Когда как будто свет встает
В душе неопытной поэта
И мысли дерзостной полет
Несется за пределы света.*

«Мысль поэтическая — нет!..» Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 366. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г.

«Воплощенная, святая...» Впервые — «30 апреля. Стихотворения Аполлона Майкова (1883-1888)», СПб., 1888, с. 52 и «Русский вест-

ник», 1888, No 4, с. 50. Автограф с заметкой: «А вот вам — с одного маха вчера поздно вечером написанное стихотворение» — при письме Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 28 января 1888 г. Адский вихрь — образ, восходящий к «Божественной комедии» Данте (Ад, V).

«Вчера — и в самый миг разлуки...» Впервые — «Русский вестник», 1889, No 10, с. 41. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 сентября 1889 г. Об истории создания стих. см.: И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова (Ежегодник, 1974, с. 27).

«Из темных долов этих взор...» Впервые — «Русский вестник», 1883, No 1, с. 138 в подборке «Стихотворения», посвященной Вс. С. Соловьеву.

В. и А. Впервые — «Русский вестник», 1888, No 1, с. 253, под загл. «В<ладимир>у и А<поллош>е» с датой: Кадыкиной, 1887, окт<ябрь>. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 2 мая 1888 г. См. примеч. к стих. «У Мраморного моря», с. 537.

«О ставь, оставь! На вдохновенный...» Впервые — «30 апреля. Стихотворения Апол-

лона Майкова (1883-1888)», СПб., 1888, с. 54. Из письма Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 17 февраля 1888 г. и текста первоначальной редакции стих., заключенного в письмо, следует, что оно было задумано как вариаций на тему «Как хороши и свежи были розы» стих. И. П. Мятлева «Розы» <1834>. послужившую темой стих. в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...». В письме от 7 марта 1888 г. Майков посылая поправки к ранней редакций, а в письме от 10 марта — окончательный текст — со словами, его предваряющими: «Эврика! друзья моя, эврика!..», и последующим замечанием; «Н. Н. Страх<ов> мне сказал: ««Да это вы что ж? в ответ за юбилей написали?» А пожалуй и так». Моему издателю. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1893, т. 1, с. 516. Печатается по первой публикации. Автограф в письме Майкова к сыновьям от 27 мая 1893 г. Там же сообщается, что стих. написано 23 мая, в день рождения Майкова, в связи с подготовкой Собрания 1893 г. Маркс Адольф Федорович (1838-1904) — издатель, владелец иллюстрированного журнала «Нива» (1870-1918), где неодно-

кратно печатался Майков. При жизни поэта Маркс издал три собрания его сочинений (1882, 1884, 1893 гг.); после смерти поэта — еще три (1901, 1904, 1914 гг.; последнее — издание т-ва Маркс).

АКВАРЕЛИ

1885-1890

Айвазовскому. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 140. Айвазовский Иван Константинович (1817-1900) — русский художник-маринист, с которым у Майкова были дружеские отношения. Майков рецензировал выставку картин Айвазовского («Отечественные записки», 1847, No 4, с. 166-176, без подписи). В стих. говорится о картине Айвазовского «Закат на море», которая находилась у Майкова (см.: А. М. Федоров. «А. Н. Майков». — «Пробуждение», 1917, No 3, с. 154).

Мертвая зыбь. Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 368.

«Над необъятною пустыней Океана...» Впервые — «Русский вестник», 1885, No 5, с. 257. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 3, с. 396

Денница. Впервые — «Нива», 1879, No 11,12

марта, с. 198 Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 124.

Олимпийские игры. Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 367. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. На самом стих. помета: «(первый набросок найден мною в бумагах еще сороковых годов — переделано заново теперь)».

Жанна д'Арк (Отрывок). Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 368. Об истории создания стих. см.: И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова (Ежегодник, 1974, с. 27). Один из многочисленных автографов под загл. «Иоанна Дарк» завершается четырьмя строками, обращенными к героине «Неаполитанского альбома» мисс Мери, что позволяет отнести начало работы над этим стих. ко времени создания «Неаполитанского альбома», т. е. к 1860-й годам. Жанна д'Арк (ок. 1412-1431) — народная героиня Франции, во время Столетней войны возглавила освободительную борьбу французского народа против англичан.

Renaissance (К юбилею Рафаэля Санцио). Впервые — «Север», 1888, No 17, с. 1. Автограф

в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. Ренессанс — в истории культуры Западной и Центральной Европы — переходная эпоха (XIV-XVI вв.) от средневековья к новому времени. Ее характеризует расцвет науки и искусства, развитие гуманистического мировоззрения, обращение к культурному наследию античности. Юбилей Рафаэля Санти (400-летие со дня рождения) отмечался в 1883 г. и в России.

Гроза. Впервые — «Русский вестник», 1888, No 2, с. 130.

«Уж побелели неба своды...» Впервые — «Русский вестник», 1888, No 7, с. 50.

«Ты веришь ей, поэт!.. Ты думаешь, твой гений...» Впервые — «Гуслияр», 1889, No 39, с. 609 без загл. Коппе Франсуа (1842-1908) — французский поэт, примыкавший к группе «Парнас». О близости Майкова к «парнасцам» впервые писал В. В. Чуйко в статье «Современная французская поэзия» («Искра», 1873, No 31, с. 2). В письме Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 19 апреля 1893 г. упомянуто под загл. «Пантера».

У Мраморного моря. Впервые — «Нива»,

1888, No 11, 12 марта, с. 276 с датой: 1887, Кадькиой. Лето и осень 1887 г. Майков провел в Константинополе и его окрестностях. В то время там находились его сыновья: Владимир, служивший в русском посольстве, и Аполлон, художник.

На Чамлиджи. Впервые — «Русский вестник», 1891, No 4, с. 3. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 537. См. предыдущее примеч.

На пути по берегу Коринфского залива. Впервые — «Русский вестник», 1893, No 6, с. 2.

АЛЬБОМ АНТИНОЯ ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «АД- РИАН И АНТИНОЙ»

Все стихотворения настоящего раздела, за исключением «Высокая пальма...» и «Вдоль над рекой быстроводной...», были впервые напечатаны в Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3.

В конце 70-х — начале 80-х годов Майков работал над «драматической поэмой» «Адриан и Антиной». В его черновых тетрадах сохранились многочисленные наброски отдельных сцен. Замысел поэмы связан с его посто-

янным интересом к переходным эпохам, к истории и философии древности. Сохранился набросок стих., объясняющего обращение поэта к эпохе Адриана, который, по словам Майкова, «постигнуть тщился существо души и мира»:

*[Из цезарей, которых лики
Сберег потомству Ватикан,
Один мне близок — Адриан;
При жизни славимый, великий]
Законодатель, сердцевед,
Художник, мыслитель, поэт,
Военачальник, триумфатор, —
Недоставало лишь ему —
Покоя сердцу и уму —
Покоя — бедный император!*

Поэма не была завершена. В печати появилось лишь несколько отрывков, объединенных впоследствии в «Альбом Антиноя».

«Высокая пальма...» Впервые — «Полярная звезда», 1881, № 4, с. 1, под загл. «Из Альбома Антиноя», с подзаг. «Из поэмы «Антиной»», Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 152.

«Вдоль над рекой быстроводной...» Впер-

вые — «Полярная звезда», 1881, № 4, с. 2, под загл. «Из Альбома Антиноя», с подзаг. «Из поэмы «Антиной»». Автограф в письме к жене от 30 мая 1880 г.

«Смерти нет! Вчера Адонис...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3).

«Вы разбрелися...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3).

«Ты не в первый, раз живешь...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3). Ты не в первый раз живешь и т. д. — Речь идет о метампсихозе, то есть о перевоплощении или переселении душ, представление о котором характерно для ряда философских учений древности.

«В пустыне знойной он лежал...» Печатается по первой публикации (Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3). Что должно ближнего любить и т. д. — Речь идет об основах христианского вероучения (Матф., XXII, 39).

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Вопрос. Впервые — «Складчина», СПб., 1874, с. 429. Стих. доставлено в редакцию не

позднее 29 января 1874 г. В автографе, предназначавшемся, судя по пометам, для «Складчины», запись Майкова. «Имел в виду не одних писателей, а всю интеллигенцию, т. с. весь образованный класс. Ясно это или нет?» Мы все блюстители огня на алтаре, и т. д. — Восходит к евангельскому тексту (Матф., V, 13-14). Откликаясь на стих. Майкова, критик народнического направления Н. К. Михайловский писал: «Мне кажется, его так и следует понимать исключительно как вопрос...», но вопрос, по мнению критика, важный, ибо, «что, в случае надобности, дадим мы народу из запаса своей духовной пищи? Многого он не возьмет ни за что <...> или по крайней мере будет отбиваться изо всех сил. Многое мы, пожалуй, и посовестимся дать. Многое он знает не хуже нашего...» («Отечественные записки», 1874, No 4, с. 402).

Мани — факел — фарес. Впервые — «Русский вестник», 1889, No 1, с. 95. Автограф в письме к сыновьям от 30 октября 1888 г. с датой; Окт. 12-27/1888, поправки — в письме от 14 ноября 1888 г. Мани — факел — фарес (халдейское mane, shekel, fares) — исчислено,

взвешено, разделено. По преданию, эти слова, внезапно появившиеся на стенах чертога, в котором пировал царь Валтасар, предвещали гибель его царства (Библия, кн. Даниила, V). Посылая стих. сыновьям, Майков заметил: «Неожиданность и повесть поворота производит на всех сильное впечатление — а, так вот оно к чему идет... и от заключения вырастает грациозность пьесы, <...> Правду сказать без этой заключительной мысли, т. е. о нашем веке — что ж бы и писать о Бальтасаре?»

Ex tenebris lux. Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 367, без загл. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 21 февраля 1887 г. *Ex tenebris lux.* — Ср. в стих. Вл. Соловьева «Мы сошлись с тобой не даром..» (1892): «Свет из тьмы. Над черной глыбой...» — Восходит к Библии (Бытие, 1, 4, 18).

Рассказ духа. Впервые — «Нива», 1877, No 5, 31 января, с. 72, под загл. «Отрывок». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 128.

НАБРОСКИ

«Опыт! скажи, чем гордишься ты? что ты такое?»; «О трепещущая птичка...» Впервые —

Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 109, 110.

«Ты говоришь, у тебя нет врагов — извини, не поверю...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 564. Печатается по первой публикации.

Гр. О. А. Г. К — й. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 565. Обращено к жене поэта А. А. Голенищева-Кутузова (см. о нем примеч. к стих. «Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову», с. 534).

«В чем счастье?.. В жизненном пути...». Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 566.

О ПАМЯТЬ СЕРДЦА! ТЫ СИЛЬНЕЙ РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ!

Эпиграф раздела — цитата из стих. К. Н. Батюшкова «Мой гений», ошибочно приписанного Майковым Пушкину. «...Я помню, что в юности моем, когда я начал писать стихи, — писал Майков П. Н. Батюшкову 12 апреля 1887 г., — его произведения, а именно: «Умиравший Тасс», «На развалинах замка в Швеции», «Я берег покидал туманный Альбиона», «Есть наслаждение», которые я все

наизусть знаю от начала до конца, и потом «Антология греческая» — имели главное и решающее влияние на образование моего слуха и стиха. Пушкинское влияние уже легло на эту почву» («Русская старина», 1887, No 11, с. 561-562).

Из письма. Впервые — «Русский вестник», 1890, No 2, с. 138. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 569. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аволлову от 30 октября 1889 г.

«Улыбки и слезы!.. И дождик и солнце!..» Впервые — «Русский вестник», 1889, No 6, с. 285.

«О море! Нечто есть слышней тебя, сильней...» Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 366.

«У трата давняя досель свежа в тебе...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 131. Печатается по первой публикации,

«Гони их прочь, твои мучительные думы!..» Впервые — «Сборник Московской иллюстрированной газеты», 1891, вып. 1, с. 117, под загл. «Отрывок из письма ву»,

с датой: 1890. Буюк-Дере. Печатается по тексту: Полн. собр. соч., А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 574.

«Так!.. Добрым делом был отмечен...» Впервые — «Русский вестник», 1883, No 1, с. 138 в подборке из двух стихотворений под загл. «Посвящается В. С. Соловьеву». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 114. Адресат посвящения — Всеволод Сергеевич Соловьев (1849-1903) — писатель, издавал журнал «Север», где печатался Майков.

«Вне долга — жизни и не зная...» Впервые — «Русский вестник», 1890, No 12, с. 47. Печатается по первой публикации.

«Туманом мимо звезд серебристых проплывая...» Впервые — «Русский вестник», 1890, No 1, с. 33 в подборке под загл. «---й». Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 10 октября 1889 г.

ИЗ АПОЛЛОДОРА ГНОСТИКА

Стих. Аполлодора Гностика — литературная мистификация Майкова. «Вы знаете, что это за Аполлодор Гностик? — спрашивал Майков М. И. Сухомлинова в письме от 28 сентяб-

ря 1889 г. — Это моя выдумка: не люблю обнаруживать моих интимнейших мыслей и представлений, вот и прибегаю к такой уловке. Но секрет обнаруживаю не многим, а многих оставляю в заблуждении (даже филологов), что будто есть такой поэт II века; некоторые отвечали мне: «Знаю, знаю!»» («Русская старина», 1899, No 3, с. 494).

«Дух века ваш кумир; а век ваш — краткий миг...» Впервые — «Нива», 1877, No 16, с. 247 в цикле «Стихотворения (Два отрывка из записной книжки)» (др. ред.). Окончательный текст — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 117.

«Милых, что умерли...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, 1884, т. 3, с. 118. Печатается по первой публикации.

«Не говоре, что нет спасенья...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова» СПб., 1884, т. 3, с. 118. В автографе строка начиналась иначе: «Чем гуще ночь...» Ср. в «Сонете» (1835) П. А. Катенина; «Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды...» Возможен общий источник, установить который не удалось,

«Близится Вечная Ночь... В страхе дрогнула

сердце...» Впервые — «Гражданин», 1883, апрель, с. 87, «Литературное приложение», в подборке «Из гностиков».

Эпитафия (Списано с гробницы). Впервые — «Гражданин», 1883, апрель, с. 87, «Литературное приложение», в подборке «Из гностиков». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 118.

«Заката тихое сиянье...» Впервые — «Русский вестник», 1891, No 2, с. 57, Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 28 сентября 1889 г. вместе со стих. «Поэзия — венец познания...» под общим загл. «Из Аполлодора Гностика».

«Выше, выше в поднебесной...» Впервые — «Русский вестник», 1887, No 3, с. 369 под загл. «Из Аполлодора Гностика». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 589.

«Катись, катися надо мной...» Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 590. Печатается по первой публикации.

«Поэзия — венец познания...» Впервые — «Русский вестник», 1889, No 12, с. 44, в подборке «Из Аполлодора Гностика», с общей датой:

1889. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 16 ноября 1890 г. Автограф в письме к поэту К. К. Романову от 28 сентября 1889 г. вместе со стих. «Заката тихое сиянье...» под общим загл. «Из Аполлодора Гностика» (в редакции, совпадающей с первой публикацией).

«Пир у вас и ликованья...» Впервые — «Русский вестник», 1889, No 12, с. 44, в подборке «Из гностиков». Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 30 октября 1889 г.

««Прочь идеалы!» Грозный клик!..» Впервые — «Русский вестник», 1889, No 12, с. 45, в подборке «Из Аполлодора Гностика» с общей датой: 1889.

«Творца, как духа, постиженье...» Впервые — «Русский вестник», 1889, No 12, с. 45, в подборке «Из Аполлодора Гностика», с общей датой: 1889. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 1, с. 596. Автограф в письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 5 октября 1889 г. Иди и не грехи — цитата из Евангелия (Иоанн, VIII, 11) — обращение к раскаявшейся грешнице.

«Из бездны Вечности, из глубины Творенья...» Впервые — «Русский вестник», 1893, No 1, с. 1. Автограф с датой: Янв<аря> 23 <без года>. По всей вероятности, относится к 1892 г., поскольку другой автограф находится при письме Майкова к поэту К. К. Романову от 31 марта 1892 г. Майков пишет: «Его прилично было бы, кажется, прочесть на академическом обеде: как бы отнеслись к нему представители современного знания? Впрочем, это шутка, которая мне сейчас только пришла в голову, да, слава богу, и до академического обеда еще далеко...» Автор, по-видимому, осуществил свое намерение, поскольку еще один автограф включен в набросок речи Майкова «На академическом обеде. 29 дек<абря>». Текст стих. предваряется следующими словами; «Мм. гг. Я имею счастье в настоящую минуту находиться посреди, т<ак> ск<азать>, наследник слов науки, на пределах человеческого знания во всех его сферах и направлениях. Я выбрал прочесть нижеслед<ующее> стихотворение и — был бы счастлив, если бы кто-нибудь из сотни мужей науки <...> сказал бы мне с убеждением, что сказанная в стихах

мысль — неверна, что чувство, ее вызвавшее, он никогда не испытывал и никакой представитель истинной науки не должен его испытывать». Автографы также в письмах к сыну Владимиру от 9 января и 13 февраля 1892 г.

«Аскет! ты некогда в пустыне...» Впервые — «Русский вестник», 1883, No 3, с. 1, в содержании названо: «В пустыне». Автограф ранней редакции в письме Майкова к поэту К. К. Романову от 17 января 1893 г. как «написанное мною на днях стихотворение» с датой: 7-15 янв<аря> 1893 г. В письме тому же адресату от 19 января 1893 г. в ответ на критические замечания Майков сообщает: «<...> сам чувствовал, что аскета надобно растушевать, он и взят-то был для рамки, после написания главной мысли — образного выражения этой Нирваны, о которой философы пишут и все-таки не могут дать нам хоть мало-мальски вообразительное представление; затем противопоставить ей жизнь как «пламенник». И вот, подстегнутый Вами как перед преградой ленивый конь бичом, я сделал отчаянный прыжок изо всех сил, и льщу себя надеждой, что удачный. Несомненно удачный, что ни

говорите!» Здесь же другая редакция стих. с датой: 18 января и припиской: «Все-таки кажется это еще не окончательный вид пьесы. Надо дать ей полежать в тени». В письме ему же от 17 февраля говорится, что в стих. дана «характеристика буддизма и его опровержение». Стих. и поправки к нему в письме Майкова к сыновьям от 7-16 января 1893 г. с датой: 7-16 янв.<аря>/1893 и припиской: «Но это еще не конец». Время... Подымет нас в своем стремленьи. — Ср. стих. Г. Р. Державина «Река времен в своем стремленьи...».

КАРТИНЫ ВЕКА И НАРОДЫ

Савонарола. Впервые — «Библиотека для чтения», 1857, No 1, с. 4, где сопровождается указанием Майкова, что стих. составляет эпизод из поэмы «Вечный Жид». Работа Майкова над стих. была сложной и длительной. Некоторое представление о ее характере дает статья Ф. Д. Батюшкова ««Два мира», трагедия А. Н. Майкова, ее происхождение и ее критики» в его кн.: Критические очерки и заметки, СПб., <1900>, с. 75-76. Там же приведена одна из ранних редакций стих. По воспоминаниям

писателя Г. П. Данилевского, стих. «Савонарола» было горячо одобрено Н. В. Гоголем, которому автор мемуаров читал в 1851 г. отрывки из этого стих., а также из «лирической драмы» «Три смерти» (оба произведения ходили в списках). (См.: Гоголь в воспоминаниях современников, М., 1952, с. 439-440), 6 октября 1851 г. П. А. Плетнев писал М. П. Погодину, имея в виду, по-видимому, стих. «Савонарола» в «Три смерти»; «На днях Майков читая мне новые свои два стихотворения (исторического содержания)... Если бы жив был Пушкин, о! как бы крепко обнял он Аполлона по имени и по ремеслу!» (ГБЛ). Савонарола Д. (1452-1498) — религиозно-политический реформатор, глава Флорентийской республики, был низложен папой римским, повешен, а труп — сожжен, Медичи — флорентийский род, игравший важную роль в политической жизни средневековой Италии, из него вышли правители Флоренции. Te Deum — начальные слова католического благодарственного гимна.

Клермонтский собор. Впервые — «Отечественные записки», 1854, No 4, с. 175 (др. ред.).

Окончательный текст — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1888, т. 1, с. 276. Клермонтский собор — церковный собор, созданный в 1095 г. во французском городе Клермон. На нем был провозглашен крестовый поход против мусульманских стран. В 1853 г. «христианские» Англия, Франция и Сардиния в союзе с «мусульманской» Турцией выступили против «христианской» же России. О настроении Майкова в годы Крымской войны до некоторой степени дает представление его недатированное письмо к С. П. Шевыреву (к письму приложен автограф «Клермонтского собора»): «Чем бы ни кончилась настоящая война, но она долго будет памятна по тому одушевлению, которым сплотила весь русский народ, — вот вам истинно демократическая минута в нашей жизни, которая, по необъяснимой странности, не чувствуется только нашими <...> демократами. Вообще <...> не люблю никаких партий, и всегда жил себе особняком». Сходные мысли и чувства нашли выражение в письме Майкова к А. Ф. Писемскому от 5 августа 1854 г. («Санктпетербургские ведомости», 1854, 11 августа), в котором он осо-

бо упомянул написанное в 1854 г. стих. К. Павловой «Разговор в Кремле» (Полное собрание стихотворений, М.-Л., 1964, с. 158, БП, БС), близкое по духу и смыслу его «Клермонтскому собору». Сложная и неоднозначная реакция русского общества на события Крымской войны нашла отражение в отзывах о стих. «Клермонтский собор». Так, историк и археограф академик Я. И. Бередников готов был приветствовать в Майкове «нового Тиртея» (письмо от 1854 г. — «Русский архив», 1910, No 4, с. 567) (Тиртей — древнегреческий поэт, своими песнями вдохновлявший соотечественников на воинские подвиги). «Как хорошо окончание, последние строки в вашем Клермонтском соборе! — писал Ф. М. Достоевский Майкову 18 января 1856 г. — Да! разделяю с вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. 1. с. 16!). И. А. Добролюбов, прочитавший стих. Майкова в списке, писал А. И. и З. В. Добролюбовым 1 марта 1854 г.: «...маленькая поэмка Майкова под названием «Клермонтский собор» — прекрасная вещь и имеющая тоже современный интерес» (Н. А. Добролюбов, т. 9, с.

115). С осторожной (очевидно, по цензурным соображениям) критикой «Клермонтского собора» выступил А. В. Дружинин («Современник»;», 1854, No 4, с. 101-102, под псевдонимом «Иногородний подписчик»). В частности, «не совсем согласными с поэзиєю» он считал следующие строки стих. Майкова: «За то, что мы материализмом // Не раснастили разум свой, // Не наглумилися с цинизмом // Мы над бессмертною душой». Майков счел необходимым не только разъяснить свою позицию в письме в редакцию «Отечественных записок» (1854, No 5, отд. IV, с. 76-78), но и исправить первоначальный текст, исключив из него упомянутые Дружининым строки. Н. Г. Чернышевский в рецензии на сборник Майкова «1854-й год» с одобрением упомянул «Клермонтский собор» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 тт. М., 1939-1953, т. II, с. 645). Однако несколько позже он пересмотрел свое отношение к этому стих. «Майков, — писал он Н. А. Некрасову 24 сентября 1856 г., — одинаково несвободен, о чем ни пишет, — у него все по заказу: и антологические стихотворения, и «Две судьбы», и «Клермонтский собор»

(Н. Г. Чернышевский, т. XIV, с. 314). Людовик IX Святой (1214-1270) — французский король, участник крестового похода. Лучше смерть, чем срам. — Ср. в «Слове о полку Игореве»; «Лучше быть убиту, чем плененну!» (пер. Майкова). Ср. также известное обращение князя Святослава к русским воинам в 970 г.: «Мертвые сраму не имут». С ненасытной жадой // Бессмертья, славы и добра. — Ср. в «Стансах» А. С. Пушкина: «В надежде славы и добра...»

Певец (Из Шамиссо). Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 80. Переложение стих. немецкого поэта-романтика Адельберта Шамиссо (1781-1838) «Der alte Sanger». Я — в пустыне вопиющий. — См. примеч. к стих. «К мисс Мери», с. 525.

Исповедь королевы (Легенда об испанской инквизиции). Впервые — «Время», 1861, No 1, с. 185, с надзаг. «Легенда об испанской инквизиции», с подзаг. «Поэма, часть первая», без трех последних строф. Впервые окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 1, с. 269. Героиня легенды, по-видимому, королева Кастилии и Арагона

Изабелла (1451-1504). Она покровительствовала наукам, при ее содействии снаряжались экспедиции Колумба. В то же время под влиянием своего духовника Торквемады (ок. 1420-1498) Изабелла восстановила в Испании инквизицию. Дон Фернандо — Фердинанд (1452-1516), король Арагона и Кастилии, муж Изабеллы. Резные буквы и т. д. — Речь идет о книгопечатании, которое в Европе возникло в 40-х годах XV в. От пути Иезавели и т. д. — В стих. игра слов: библейскому имени Иезавель соответствует испанское «Изабелла». 30 декабря 1860 г. А. В. Никитенко сделал запись в дневнике: «Вечером читал у меня А. Н. Майков свое новое произведение: «Испанская инквизиция». Это, бесспорно, одно из лучших его стихотворений» (Дневник, т. 2, с. 168). Н. Г. Чернышевский об «Исповеди королевы» отозвался иронически (Н. Г. Чернышевский, т. VII, с. 950-951).

Жрец. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 74. Печатается по первой публикации. Две авторские даты свидетельствуют, по-видимому, о существовании ранней редакции данного стих. Это под-

тверждается наличием черного (под загл. «Жрец») и бедового (без загл.) недатированных автографов, лишь в немногих стихах совпадающих с окончательной редакцией.

Последние язычника. Впервые — «Русский вестник», т. 13, кн. 1, 1858, с. 207.

Приговор (Легенда в Констанцском соборе). Впервые — «Русское слово», 1860, № 1, с. 79, с подзаг. «Легенда об Иоанне Гусе» и датой: 1859. И. С. Тургенев назвал это стих. «прелестным» (И. С. Тургенев. Письма, т. 4, с. 7). В. Г. Короленко процитировал «Приговор» в статье «Приносятся ли вотяками человеческие жертвы?» (В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10 тт., М., 1953-1956, т. 9, с. 376), которая была направлена в защиту жертв судебного произвола. Констанцкий собор — вселенский собор католической церкви (1414-1418), проходивший в городе Констанц. Гус Иоганн (Ян, 1371-1415) — чешский национальный герой, возглавивший борьбу народа против католической церкви, феодалов, иноземного засилья; был осужден Констанцским собором и сожжен 6 июля 1415 г. «Да воскреснет бог» — из псалма LXVII, ст. 2.

Поэт и цветочница (Гетевская элегия). Впервые — «Русское слово», 1861, No 2, с. 100, без подзаг., с примеч. Майкова: «Форма этой пьесы и некоторые стихи и черты заимствованы из Гёте: «Der neue Pausias und sein Blumenmadchen»».

Алексис и Дора (Пересказ гётевской элегии). Впервые — «Русский вестник», 1870, No 1, с. 166. Перевод стих. Гёте «Alexis und Dora».

Конь (Из сербских песен). Впервые — «Русский вестник», 1860, No 3-4, с. 393, под загл. «Сербская песня». Перевод песни «Дјевојка и конь момачки» или песни «Будљанка Дјевојка и конь» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

Пастух (Испанская легенда). Впервые — «Будильник», 1866, No 85-86, 11 ноября, с. 338, подпись: М. Дон Педро — имя нескольких королей Леона и Кастилии. Один из них был прозван Жестоким (1334-1369). Возможно, в легенде к образу испанского короля присоединились черты характера короля португальского Педро Правосудного (1320-1367).

Менестрель (Провансальский романс). Впервые — Стихотворения Аполлона Майко-

ва, СПб., 1872, ч. 2, с. 553. Стих. представляет собой романтическую стилизацию, не связанную с поэзией трубадуров. «Молчите, проклятые струны!» — использовано как эпитафия к стих. А. Блока «Друзьям» (1908).

Мариэтта. Впервые — «Нива», 1886, No 12, 22 марта, с. 308. В стих. пересказан эпизод из жизни Гёте, отраженный в его поэзии («Kenner und Enthusiast»). Сохранился автограф майковского перевода этого стих. Яков Петрович Полонский — см. примеч. к циклу «Я. П. Полонскому», с. 519. Критик твой достоин почтенный. — Имеется в виду К. К. Арсеньев (1837-1919) и его статья «Поэты двух поколений» («Вестник Европы», 1885, No 10, с. 758), где наряду с общей положительной оценкой Полонского делаются критические замечания. Винкельман — см. примеч. к стих. «Всё утро в войсках, в пещерах, под землей...», с. 514).

Старый дож. Впервые — «Нива», 1888, No 17, 20 апреля, с. 426, Автограф при письме к поэту К. К. Романову от 14 января 1888 г., ранняя редакция, с датой; 1887, Дек<абря> 31). Автограф белее поздней редакций с датой: 1888,

27 янв<аря> при письме к тому же адресату от 27 января 1888 г., где Майков замечает; «Мне обидно, досадно, больно и совестно, что я послал к Вам — почти в черновом виде моего Старого Дожа. Он только что теперь убрался как следует и только в этом виде может иметь счастье Вам представиться». Автограф (с разночтениями) при письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 28 января 1888 г., другой автограф в письме к ним же от 1 февраля 1888 г., поправки к тексту данного стих. в письме к сыновьям от 15 февраля 1888 г. В приведенной цитате из Пушкина Майковым допущена неточность; у Пушкина: «Ночь тиха, в небесном поле...» Лев святого Марка — бронзовая статуя в Венеции, герб города,

ИЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА

Никогда! (Первая встреча славян с римлянами.) Впервые — «Заря», 1870, No 3, с. 104 под загл. «Бей его!», с подзаг. «Первая встреча славян с римлянами» и с примеч. Майкова: «Пьеса эта (по-словацки «Mor'ho», т. с. «убивай его»), взятая из словацкого поэта Халупки и переданная по-русски для изготовляемого Н. В. Гербелем «Сборника славянской поэзии»,

была читана в торжественном заседании Славянского благотворительного комитета в С.-Петербурге 14 февраля 1870 года. Эпизод, взятый г. Халупкой за основание его рассказа, находится у Аммиана Марцелина и относится к IV веку по Р. Х.» При переводе Майков исключил четыре первых, а также пятьдесят шесть завершающих стихов, тем самым значительно смягчив актуальный в то время политический радикализм подлинника. Халупка Само (1812-1883) словацкий поэт-романтик. Римский царь — очевидно, император Юлиан (331-363 н. э.). Меч иль мир во длани — перефразировка евангельского текста (Матф., X, 34). Горе побежденным — слова, с которыми галльский вождь Бренн обратился к побежденным им римлянам (Тацит, История, V, 48, 9).

Любуша и Премысл. Впервые — «Беседа», 1871, No 4, с. 74, с подзаг. «Чешское предание» и примеч. Майкова: «Стихотворение это заимствовано из Краледворской рукописи и хроник Далемила и Козьмы Пражского». Перевод эпической песни «Любушин суд» («Libusin soud») из «Краледворской рукописи», сборни-

ка подделок под старочешскую поэзию, созданного чешским поэтом, филологом и общественным деятелем В. Ганкой. В 1843 г. рукопись была полностью издана в Праге, и Майков, живший в этом же году в Праге, завязавший знакомство с Ганкой, мог видеть не только печатное издание, но и самую рукопись, подложность которой была доказана лишь в 1880-х годах.

Сабля царя Вукашина (Из сербских народных песен). Впервые — «Заря», 1869, No 2, с. 1. Перевод песни «Марко крљевич познаје очину сабљу» из сборника сербских народных песен Вука Караджича. Вукашин — сербский король (с 1367 г.). Марко королевич — герой сербского эпоса, борец с турками, сын Вукашина.

Сон королевича Марка. Впервые — «Заря», 1870, No 5, с. 5. В сб. «Славянство» (1877) это стих. печаталось с двумя примеч. от редакции: 1) «Королевич Марко-любимый богатырь сербских народных былин; он имеет в сербских былинах такое значение, как в русских — Илья Муромец», 2) к строкам «Вот — Белград позорившее знамя // Спущено навек с

его кремля»: «До 1870 г. в Белградской крепости (кремле) находился отряд турецкого войска; в этом году сербы настояли на том, чтобы турки были удалены из Белграда». Здесь же после ст. 64 как финал следовали строки, создание которых вызвано было, по-видимому, надеждами Майкова на освобождение части славянства от турецкого гнета в связи с начавшейся в 1877 г. русско-турецкой войной. Из примеч. редакции в первой публикации следует, что впервые стих. было прочитано на вечере в пользу Славянского благотворительного комитета 1 апреля 1870 г. Источник перевода не установлен. Следует предположить, что это оригинальное стих. Майкова, Марко — см. выше примеч. к стих. «Сабля царя Вукашина». Орлы Екатерины — государственные деятели и полководцы периода царствования Екатерины II: П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин-Таврический, А. В. Суворов, А. Г. Орлов-Чесменский и др. Восходит к стих. Г. Р. Державина «На кончину графа Орлова». Бьет врага Георгий или Милош. — Георгий (Карагеоргий, 1768-1817) — руководитель Первого сербского восстания 1804-1813 гг. против Тур-

ции. Милош Обренович (1780-1860) — сербский князь, участник Первого и руководитель Второго сербского восстания 1815 г. против Турции.

Радойца (Из сербских песен). Впервые — «Огонек», 1879, No 7, с. 147, под загл. «О славном гайдуке Радойце», с подзаг. «(Далматинское сказание)». Перевод песни «Мали Радойца» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Большая часть стихотворений настоящего раздела была впервые напечатана в «Русском вестнике», 1861, No 1, под общим заглавием «Мотивы из народной поэзии нынешних греков» с примеч. Майкова: ««Мотивами из народной поэзии нынешних греков» я назвал предлагаемое собрание стихотворений потому, что было бы не совсем верно назвать их переводами, по крайней мере некоторые из них <...> Для избежания всяких нареканий я откровенно сознаюсь, что более старался передать поэтический характер новогреческих песен, общее впечатление, жертвуя буквальной точностью; в выборе своем руководство-

вался какою-нибудь поэтической чертою, имеющею общее значение, напр<имер>, старался сохранить эту любовь к жизни и чувство красоты природы, и именно природы Греции. <...>, к созданию некоторых внес мне подала повод рассеянные там и здесь черты, часто два стиха или даже одна стих какой-нибудь песни...»

В архивном предисловии Майков, выражая благодарность Г. С. Дестунису, которому «обязан знакомством с языком и миром Новой Греции», ссылается на его свидетельство о той, что «местный колорит и общий поэтический строй новогреческой народной поэзии сохранен в этом сборнике».

Двадцать шесть песен были опубликованы в Новых стихотворениях (1858-1863) А. Н. Майкова, М., 1864. Несколько других печатались в периодике («Подснежник», «Современник», «Модный магазин» и др.).

Создание цикла новогреческих песен связано с участием Майкова в морской экспедиции корвета «Баян» на Архипелаг в 1858-1859 гг., участвовать в которой он, как и другие писатели (Гончаров, Григорович, Максимов, Пи-

семский), был приглашен, «дабы интересные экспедиции Морск. Мин. не проходили даром для литературы» (Майков, автобиография). Готовясь к предстоящему путешествию, поэт брал уроки новогреческого языка, тщательно изучал новогреческую историю и культуру. Но корвет в Грецию не попал; «результатом <...> обучения новогреческому языку <...> был перевод и подражания Новогреческих песен» (Там же).

Мать и дети. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Этой песни нет ни в одном сборнике. Я слышал ее в 1858 году на острове Милосе; к сожалению, не записал, и по памяти передаю теперь ее содержание».

«Ласточка примчалась...» Впервые — «Подснежник», 1858, No 2, с. 6 под загл. «Ласточка», подзаг. «(Народная новогреческая песня)», с примеч. Майкова: «Белым морем нынешние греки называют Архипелаг».

Двустия. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Тихо море голубое!..». Впервые — «Модный магазин», 1862, No 9, с. 197, под загл. «Из

новогреческой антологии». Печатается по тексту: Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова», М., 1864, с. 135.

Поцелуй. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Все собиратели полагают, что эта песня сложена где-нибудь на островах Архипелага; Марцеллус прямо указывал на Парос, Мустоксиди — на Корфу».

«Светлый праздник будет скор о...» Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»). Светлый праздник. — Речь идет о Пасхе и о христианском обычае трехкратного целования.

«Словно ангел белый, у окна над морем...» Впервые — «Современник», 1858, No 3, с. 253 в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 134.

«Меж тремя морями башня...» Впервые — «Современник», 1858, No 3, с. 254 в подборке «Новогреческие песни».

Старый муж. Что лимоны, груди поднялись. — «Обыкновенно встречаемое в новогреческих песнях сравнение» (примеч. Майкова в первой публикации («Русский вест-

ник»). Там же приводится греческий текст).

Молодая жена. Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 247, 29 ноября, с. 367, без загл., в подборке «Новогреческие песни».

Певец. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Птички-ласточки, летите...» Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 246, 22 ноября, с. 339, в подборке «Новогреческие песни».

Олимп и Киссав. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Это одна из самых известных новогреческих песен. Киссав — это древняя Осса. Олимп собственно турки никогда не могли покорить; это было единственное прибежище свободы греков; в его ущельях гнездились клефты и вели вечную войну с турками. Во всех сборниках, однако, она приводится в другом виде, как и перевели ее по-немецки Гёте и по-русски Берг. Но в сборнике Томазео <...> изложена она в этой редакции, которая показалась мне гораздо целостнее и выдержаннее, что и соблазнило меня передать ее по-русски».

Голос из могилы. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Раз-

мер большей части новогреческих песен. Последний стих этой песни находится только у Томазео». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 144.

Пленник. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 146.

Гадание. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 148. Египтянка — здесь цыганка.

Цавелиха. Али-паша (ок. 1744-1822)-турецкий наместник в Албании, в 1803 г. покорил сулиотов.

«Победу клефты празднуют, пируют капитаны...». Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 416, под загл. «Новогреческая песня». Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 2, с. 513.

Плач паргиотов. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Сорок клефтов на зимовки...» Впервые — «Иллюстрация», 1-862, No 246, 22 ноября, с. 339, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Новые стихотворения

(18581863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 133.

Чужбина. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова: «Образчик мириологов, то есть причитаний, которых так много в новогреческих песнях. В приведенном здесь веет как будто античный дух, несмотря на всю странность первой половины пьесы».

Борьба со Смертью. В первой публикации («Русский вестник») примеч. Майкова; «Понятия греков о смерти представляют странную смесь древних и средневековых понятий. Смерть называется Хароном, но она — скелет средневековый; ад — древний тартар и элизим, где заключенные тени мечтают о живом мире; там скачет смерть на коне; туда залетают птицы, — древность и середине века. Духовнохристианское начало, очевидно, не восторжествовало над пластическими представлениями греков». «У женя жена есть молодая!» и т. д. — В первой публикации примеч. Майкова: «В подлиннике о жене он выражается так: «У меня жена есть молодая! // Как она останется вдовою? // Засмеют ее, засудят люди: // Скоро ль выйдет — скажут, мужа хо-

чет. // Тихо ль выйдет — скажут, мужа ищет». То есть на людей не угодишь, идешь ли тихо, идешь ли скоро, все истолкуют как-нибудь обидно».

Ад. Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Что горы потемнели?..» Впервые — «Современник», 1858, № 3, с. 253, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 2, с. 277.

«Приволье на горах родных — приволье в темных долах...» Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 2, с. 221.

«В темном аде, под землю...» Печатается по тексту первой публикации («Русский вестник»).

«Опустели наши села...» Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 246, 22 ноября, с. 339, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по первой публикации.

«Показалась звезда на востоке...» Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 247, 29 ноября, с. 367, в подборке «Новогреческие песни». Печатается по тексту: Новые стихотворения

(1858-1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 134.

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ

Дух века. Впервые — «Финский вестник», 1845, т. 1, с. 1. Стих. представляет собой одну из многочисленных в европейских литературах вариаций, порожденных средневековой немецкой легендой о Фаусте — ученом, вступившем в сношение с дьяволом Мефистофелем ради знаний, богатства и мирских наслаждений, и трагедией Гёте «Фауст». В. Г. Белинский назвал «Дух века» в числе весьма немногих «счастливых вдохновений таланта», подвигшихся в 1845 г. (В. Г. Белинский, т. IX, с. 392). Готфрид Бульонский (ок. 1060-1100) — французский герцог, один из предводителей Первого крестового похода, первый правитель Иерусалимского королевства. Васко де Гама (1469-1524) — португальский мореплаватель, проложивший морской путь из Европы в Южную Азию. Кук Д. (1728-1779) — английский мореплаватель. Ченслор Р. (Ченслер, ум. 1556) — английский мореплаватель, положивший начало торговым отношениям России и Англии, оставил описание своего пребывания в России. Гамбс — фамилия извест-

ных петербургских мебельных мастеров (XVIII-XIX вв.).

Барышне. Впервые — «Современник», 1847, No 4, с. 467. В беловом автографе полного текста и в черновых набросках после ст. 284 следует ст., замененный во всех публикациях строкой точек. «В чулках, при шпаге и в лифрее». Его отсутствие в печатном тексте объясняется, вероятно, или прямым цензурным вмешательством, или автоцензурой. В середине 1850-х годов, отрицательно отзываясь о многих своих произведениях, написанных десятилетием ранее, Майков заметил; «Но посреди всего, что тогда я писал, и что, увы! тогда нравилось (а теперь меня бесит), прошла незамеченная одна пьеса, которая верна правде, — «Барышне». Ее не заметили, а напрасно. А лучше она других, потому что и написана была в огорчении. Был я влюблен тогда не в барышню; когда она находилась с барышнями, сии последние оказывали ей пренебрежение, тогда как я построил ей в воображении моем великую будущность примадонны. Я, взбесившись, и написал барышням — «барышню», чтоб показать, что они.

Той же девице, в которую я был влюблен, предстояла жизнь, исполненная лишений и борьбы, такая жизнь, которая должна была или ее погубить, или вывести победительницей из борьбы, с развитым сердцем, знанием тягости жизни. Вышло последнее — и слава богу» (Ежегодник, 1975, с. 85). Речь идет, по видимому, об А. И. Штеммер, ставшей в 1853 г. женой Майкова.

Дурочка (Идиллия). Впервые — «Отечественные записки», 1854, No 1, с. 6, под загл. «Дурочка Дуня», без подзаг. Настроение и в какой-то степени тема данного стих. напоминают стих. П. А. Катенина «Дура. Идиллия», впервые опубликованное в изд.: «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 232. Возможен общий источник, установить который не удалось. «...Майков написал небольшую поэму «Дуня-дурочка», — сообщал Н. А. Некрасов И. С. Тургеневу 17 ноября 1853 г., — это решительно лучше всего, что он писал» (Н. А. Некрасов, т. 10, с. 199). В 1860 г. в рецензии Н. А. Добролюбова это стих. оценивается уже по-иному — как дань моде изображать сцены «простого быта» (Н. А. Добролюбов, т. 6,

с. 50).

Рыбная ловля. Впервые — «Отечественные записки», 1856, № 3, с. 287, с подзаг. «Поэма», в посвящ. отсутствует имя А. И. Халанского. Посвящено лицам, для которых рыбная ловля, как и для самого Майкова, была «благородной страстью» и даже предметом переписки. Сергею Тимофеевичу Аксакову (1791-1859) принадлежат «Записки об уженье рыбы» (1847); он посвятил Майкову стих. «17 октября» (1857) — о рыбной ловле. Н. Ф. Щербина свое стих. «Уженье» (1854) после появления «Рыбной ловли» печатал с посвящ. Майкову. Ему посвящено и стих. Я. П. Полонского «Рыбак» (вольный перевод из Гёте). М. Н. Островский, брат драматурга, на юбилейном обеде в честь А. Н. Майкова 30 апреля 1888 г. вспоминал об А. Н. Островском; «Я никогда не забуду, с каким восторгом он читал ваше стихотворение «Рыбная ловля», посвященное и ему в числе многих других любителей рыбной ловли, помню, с каким умилением он повторял те места вашей поэмы, где вашею художественною, но трезвою кистью рисуются картины нашей природы» («Русский вестник», 1888, №

6, с, 302). Майков писал о своем увлечении не только в частной переписке (см. его письмо к А. Ф. Писемскому от 5 августа 1854 г. в «Санкт-петербургских ведомостях», 1854, 11 августа). Н. А. Некрасов в 1856 г, отозвал» о «Рыбной ловле» как о стих. «превосходном» (Н. А. Некрасов, т. 9, с. 393). Д. С. Мережковский, считавший, что современная тема в целом Майкову не дается, писал: «Несомненно лучшая из современных поэм Майкова «Рыбная ловля» (в его сб. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, СПб., 1893, с. 128).

Три правды. Впервые — «Народная беседа», 1862, No 1, с. 69. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1872, ч. 2, с. 265, с исправлением опечатки в ст. 28 (было: «посадишь») по всем последующим изданиям. По словам В. Н. Перетца (1870-1935), сказка восходит к повести о Варлааме и Иосафе, известной в Древней Руси. Известны также списки повести, относящиеся к XVII-XVIII вв., в частности, такой список («Притча о славии») находился в собрании историка Н. И. Костомарова (1817-1885), В. Н. Перетц пред-

полагал, что Майков мог узнать об этой рукописи от своего брата историка литературы Л. Н. Майкова (см.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и засл. проф. В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности, ч. 2, М., 1908, с. 823-827). Следует добавить, что сам Майков был знаком с Костомаровым. В мае 1862 г. они совершили совместную поездку в Новгород, во время которой осматривали старинные храмы, знакомились со старопечатными книгами и т. п. (Н. Барсуков. Воспоминания о Н. И. Костомарове и А. Н. Майкове, СПб., 1898, с. 8 и далее).

Картинка (После манифеста 19 февраля 1861 г.). Впервые — «Русский вестник», 1861, No 9, с. 299. Стих. Майкова, отражающее либерально-дворянскую реакцию на отмену крепостного права, неоднократно перепечатывалось в сборниках и хрестоматиях, выходящих в дореволюционной России. Вместе с тем оно было встречено единодушно отрицательной оценкой демократической прессы (см. пародию П. Шумахера «Кто она? (В pendant к «Картинке» Майкова)» — Поэты «Искры», т. 2,

Л., 1955, с. 883, БП, БС; рецензию М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1864 (М. Е. Салтыков-Щедрин, т. 5, с. 434-435).

Поля. Впервые — «Время», 1862, No 1, с. 103, с подзаг. «Отрывок из неоконченной поэмы». В начале 1860-х годов стих. пользовалось успехом. Майков «декламировал превосходно... Без «Полей» не обходилось ни одно литературное чтение, и стоило Майкову появиться на эстраде и прочесть что-либо другое, как из публики начинали раздаваться требования: «Поля! Поля!» — что подало поводом одному из сатирических журналов изобразить Майкова пред многочисленной аудиторией, с ужасом повторяющего вместе с нею свой стих.: «А там поля, опять поля!» (А. Ф. Кони. Воспоминания о писателях, Л., 1965, с. 136-137). Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что даже это стих., скромный либерализм которого вызывал насмешки демократической печати, подвергалось цензурным преследованиям. Сохранился беловой автограф стих. вод зам. «Отрывок из стихотворения «Поля»» — с цензурной правкой: ст. 59-102 вычеркнуты красным карандашом цензо-

ра. Ст. 13-24 в автографе отсутствует. После ст. 12 — зачеркнута некогда не публиковавшаяся строфа:

*И знаю я; им нет конца!
И тот, кто, дни свои губя,
В натуге сил, в поту лица —
Трудился здесь не для себя.*

Наброски этих ст. в разных редакциях (одна из них: «Кто ж в мире выше был тебя, // Народ, что здесь, в поту лица, // Прожил, трудясь не для себя?») записаны в нескольких черновых тетрадях Майкова. О прохождении данного стих. через цензуру и авторской трактовке его Майков сообщал в письме к Е. П. Ковалевскому от 6 декабря 1861 г. (Ежегодник, 1975, с. 111-112). Агент III отделения, присутствовавший на чтении «Полей» (в искаженном цензурной правкой виде) на вечере в пользу Литературного фонда 29 декабря 1861 г., докладывал: «Стихотворение это произвело фурор и глубокое впечатление и служит предметом всеобщего разговора. Все видят в этой картине изображение России и впадают в какую-то невыразимую тоску. Неизвестно, было ли оно процензуровано» (Ежегодник, 1975, с.

112).

Бабушка и внучек. Впервые — «Время», 1861, № 5, с. 235. Поскольку в черновой тетради — автограф среди стих. 1857 г., не исключено, что стих. косвенно связано со смертью Николая I, к которому Майков относился весьма противоречиво и в разные годы по-разному (см. примеч. к стих. «Коляска», т. 2).

Упраздненный монастырь. Впервые — Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова, М., 1864, с. 8, с подзаг. «Глава из поэмы «Поля». Упоминается в письме Майкова к соредактору «Русского вестника» П. М. Любимову от 9 января 1864 г. под загл. «Монастырь» (ЦГАЛИ). И жил пустынным житием — т. с. в отшельничестве. Царь Иван — Иван Грозный (1530-1584). Тяжелый млат ковал тебя. — Ср. в поэме А. С. Пушкина «Полтава»: «Так тяжкий млат, // Дробя стекло, кует булат». Позднее Майков иначе характеризовал деятельность Ивана Грозного (см. стих. «У гроба Грозного» и примеч., с. 554).

Песни. Впервые — «Искусства», 1860, № 1, с. 12. Печатается по тексту первой публикации. Пел о Страшном он Суде, II Пел о Злом и

Добром Муже. — Имеются в виду «духовные стихи» — нравоучительный жанр древнерусской народной поэзии. Распевались каликами переходжими, бродячими сказителями.

Два беса. Впервые — «Русский вестник», 1877, No 5, с. 256 с подзаг. «Баллада». В первой публикации ст. 109, по-видимому, в автоцензурной редакции: «Подписанный начальством просвещенным». Все заповеди и т. д. — Имеются в виду этические нормы, которые, согласно библейской легенде, бог заповедал еврейскому народу через Моисея: не убий (шестая), не прелюбодействуй (седьмая), не пожелай дома ближнего твоего (десятая) и др. Все десять заповедей были высечены на скрижалях (Исход, XX, 1-17). Я. К. Грот писал П. А. Плетневу 13 декабря 1865 г.: «...он читал мне новую, очень оригинальную поэму свою: «Два веса»». (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, Пб., 1896, с. 716.)

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ

Емшан. Впервые — «Гражданин», 1875, No 1, с. 16, с посв. В. А. Чембулатовой. Волынская летопись (точнее; галицко-волынская) содержит описание событий с начала XIII в. до 1292

г., отличается светскостью, поэтическим колоритом.

В Городце в 1263 году. Впервые — «Семейные вечера», 1878, No 12, с. 141. Князь Александр — Александр Невский (1220-1263), умер как и его отец Ярослав Всеволодович (1191-1246), возвращаясь на родину после переговоров в Золотой Орде. Князь Михаил — Михаил Всеволодович, князь Черниговский, в 1246 г. убит в Орде за отказ соблюдать местные обычаи. Чрез огонь я прошел. — Речь идет о монгольском обычае очищения от злых умыслов, для чего надо пройти горящий костер. Биргер Я. (ум. 1266) — шведский воевода, был ранен Александром Невским копьем в лицо во время Невской битвы. Памятен им пооттаявший лед!.. — Имеется в виду Ледовое побоище (1242). Всё лишь вконец претерпевый — спасен!.. — Восходит к тексту Евангелия (Матф., X, 22). Видит он: облитый словно лучом золотым и т. д. — При Петре I (кормчий) в 1724 г. мощи Александра Невского были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург (в Александрово-Невскую лавру). «Наше солнце зашло!» — слова митрополита Кирилла, возвестившего о

смерти князя (приводятся Майковым близко к тексту, по-видимому, по псковской второй летописи).

У гроба Грозного. Впервые — «Русский вестник», 1888, № 5, с. 116, с эпитафиями: «Как тогда (в Ветхом Завете) вместо креста потребно было обрезание, так и вам вместо царского владения потребно самовольство. Тщуся с усердием людей на истину и свет наставить, да познают единого истинного бога, в Троице славимого, и от бога им данного государя, а от междоусобных браней и строптивного жития да престанут, которыми царство растлеваются» (Письмо Иоанна к кн. Курбскому); «На христианский же род (свой народ) никаких мучительных сосудов (орудий) не умышляем; но паче за них желаем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати» (Там же); «Сей Государь (Иоанн IV) мой предшественник и образец, но я с ним еще не мог сравняться» (Слова Петра В. см. Штелина 1801. Москва, ч. II, с. 93-95)». Грозный — Иван IV Васильевич (1530-1584), первый русский царь (с 1547). Апология Грозного в стих. Майкова встретила неодобрительное отношение

поэта и философа Вл. Соловьева. См.: Письма В. С. Соловьева, т. 3, СПб., 1911, с. 9 и пародию на стих. (В. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, Л., 1974, с. 171, БП, БС). В своей статье о Майкове, напечатанной еще при жизни поэта, Соловьев, специально останавливаясь на стих. «У гроба Грозного», писал: «Нельзя, конечно, заподозрить гуманного поэта в сочувствии злодеяниям Ивана IV, но они вовсе не останавливают его прославление, я в конце он готов даже считать их только за «шип подземной боярской клеветы и злобы иноземной»» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). Княгиня-мать — Елена Глинская (ум. 1538), по некоторым свидетельствам, была отравлена. Шуйские — русский княжеский род, представители которого играли видную роль в Московском государстве в XV-XVI вв. Во время малолетства Ивана IV заняли руководящее положение, но в дальнейшем были отстранены от власти. Бельский Б. Я. (ум. 1610) — князь, приближенный Ивана IV, противник Годунова, участник авантюры Лжедмитрия. Мстиславский И. Ф. (ум. 1586) — князь, полководец. Был обвинен царем в из-

мене после того, как ему не удалось защититить Москву от вторжения войск крымского хана. Курбский А. М. (1528-1583) — князь, близкий сподвижник Ивана IV. Опасаясь опалы, бежал в Литву, откуда писал царю письма, обвиняя его в неоправданной жестокости, Иван Грозный, в свою очередь, обвинял Курбского в сепаратистских устремлениях и в ненависти к царице Анастасии.

Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне. Впервые — «Русский вестник», 1868, No 2, с. 554. В черновом автографе трех последних строф вместо зачеркнутой последней строфы:

*Ладно, братцы! щи вам с кашей!..
Ну-ко, птенчик, наливай!
Поживи сперва ты с наше —
Да тогда и рассуждай.*

Стих. было прочитано Майковым 3 февраля 1868 г. на литературном вечере в память столетия со дня рождения И. А. Крылова. Ф. М. Достоевский советовал Майкову сделать стих. «эпизодом в целой поэме из того времени» (Достоевский. Письма, т. 2, с. 80). Софья Алексеевна (1657-1704) — дочь царя Алексея Ми-

хайловича, правительница государства при малолетних Иване V и Петре I. В 1689 г. была низложена Петром I, заключена в монастырь, затем пострижена в монахини. Раскола она не поддержала. Никоньянские попы. — Никон (1605-1681) — патриарх русской православной церкви. Его церковные реформы привели к религиозному расколу. Раскольники не признавали Никона, его вероучение объявляли «ложью». Аки римская блудница // На драконе восседя — из сочинения А. Денисова (см. примеч. к поэме «Странник», т. 2). Майков, по-видимому, цитирует по книге С. Максимова «Рассказы из истории старообрядства» (СПб., 1861, с. 55).

Кто он? Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 138 (др. ред.). Окончательный текст — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1858, кн. 1, с. 139. Входило в дореволюционные хрестоматии для народного чтения и неоднократно исполнялось на публичных чтениях для народа. Всадник — царь Петр I (1672-1725). Майков высоко оценивал его деятельность. Так, 7 марта 1868 г. он писал Ф. М. Достоевскому:

«Мы все будем гордиться Петром, простив ему кое-что...» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. 2, с. 416). Позднее, в 1880 г., о том же он писал жене: «...признаю гений Петра и необходимость его реформ...» («Литературное наследство», т. 86, М., 1973, с. 508). См. также стих. «Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края», эпиграмму «Петру Великому».

Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края. Впервые — «Гражданин», 1874, No 43, с. 1078, без загл., в статье «Сказание о Петре Великом». Поэтическое переложение «рассказа» VII из опубликованных известным фольклористом Е. В. Барсовым записей «Петр Великий в народных преданиях Северного края» («Беседа», 1872, No 5, с. 306-307). В журнальной публикации сопровождалось обширной вступительной заметкой и примеч. Майкова. Другой вариант предисловия сохранился в архиве поэта.

Ломоносов. Впервые — «Описание праздника, бывшего в С.-Петербурге 6-9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова...», СПб., 1865, и «Русский инвалид», 1865, No 75 (др. ред.). Окончательный текст — Полн.

собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 84. Стих. было прочтено 7 апреля 1865 г. на обеде В память 100-летия со дня смерти Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765). Майков был одним из инициаторов и организаторов Ломоносовского юбилея 1865 г. и принадлежал к тем общественным кругам, которым удалось придать юбилею Ломоносова официальный характер. В этом духе Майков высказался в заметке «Несколько слов по поводу столетней памяти Ломоносова» («Сын отечества», 1865, 31 марта, No 77, с. 607-610) и в комментируемом стих. (в особенности в первой редакции, прочтенной на юбилейном обеде). «Стихи хороши, — писал А. В. Никитенко, — только сильно направлены против немцев» (Дневник, т. 2, с. 503). «Немцефобный» характер стих. Майкова был отмечен министром внутренних дел П. А. Валуевым (Дневник П. А. Валуева, т. 2, М., 1961, с. 34). Демократический лагерь отмежевываясь от юбилейных торжеств и к юбилейным выступлениям Майкова отнесся отрицательно. Текст стих., прочитанный на юбилейном обеде, был опубликован в искаженном цензурой виде. Впервые доцен-

зурную редакцию обнарудовал проф. И. А. Шляпкин в журн. «Русский библиофил», 1911, No 7, с. 109. В недатированном письме к М. Н. Каткову (ГБЛ), говоря о предполагаемой публикации стих. в «Русском вестнике» (публикация не обнаружена), Майков писал: «Стихотворение переделано во многих местах, почему прошу печатать с этого последнего оригинала, а прежний порвать <текст стих. отсутствует — сост.>. Желательно бы мне было, чтобы пьеса была напечатана и в «Московских ведомостях» и в «Русском вестнике». В набросках статьи, посвященной откликам на ломоносовский юбилей, Майков писал, что торжества имели целью «сознательно почтить память великого праотца самостоятельности русской мысли, первого, который дал русскому уму веру в себя». «О чем мы плачем? Что мы стонем? и т. д. — Переложение начальных фраз сказанного Феофаном Прокоповичем (1681-1736) «Слова на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого <...> 1725, марта 8 дня»: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» (Фе-

офан Прокопович. Сочинения, М.-Л., 1961, с. 126). Он — кормчий был и т. д. — Ср. в стих. А. С. Пушкина «Моя родословная»: «Сей шкипер был тот шкипер славный». Мономах — великий князь Киевский Владимир Всеволодович (1053-1125), по преданию, получил от императора Византии знаки царского достоинства: венец и бармы. Курляндский конюх. — Имеется в виду Э.-И. Бирон (1690-1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, которая дала ему титул герцога. Недоброжелатели Бирона утверждали, что его дед был конюхом Курляндского герцога. Елизавета Петровна (1709-1761) — российская императрица, дочь Петра I. Екатерина II (1729-1796) российская императрица, которую Ломоносов воспел в ряде своих од. Орлы Екатерины — см. примеч. к стих. «Сон королевича Марка», с. 547. В письме к О. Ф. Миллеру от 3 ноября 1871 г, Майков особо подчеркнул значение Ломоносова для «века Екатерины»: «...первый, словом увлекший к идеалу современников, пробудивший в них чувства добрые, высокие, выведший их из тьмы бессознания. Независимо от писаний своих стал сам для своих питомцев <...> чем-

то столь великим, таким явным воплощением могущества русского духа, что им самим они гордились, и гордились тем, что и сами его плоть и кровь» (Ежегодник, 1978, с. 180).

Менуэт (Рассказ старого бригадира). Впервые — «Складчина», СПб., 1874, с. 427, без подзаг. Армидины сады. — Армида, героиня эпической поэмы итальянского поэта Т. Тассо (1544-1595) «Освобожденный Иерусалим», восточная волшебница, очаровавшая героя поэмы рыцаря Ринальда. Государыня — Екатерина II. Граф Орлов-Чесменский, Суворов, Князь Таврический — см. примеч. к стих. «Сон королевича Марка», с. 547.

Сказание о 1812 годе. Впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1884, т. 3, с. 20.

М. Н. Каткову. 1. «Мы — москвичи! Что делать, милый друг!..» Впервые — «Нива», 1870, No 1, с. 1, вне цикла, под загл. «В альбом...», с подзаг. «(Экспромт)» и датой: 1867 2. «Что может миру дать Восток?..». Впервые — «Русский вестник», 1887, No 7, о 364 (том посвящен памяти М. Н. Каткова), под загл. «Ex oriente lux», с посвящ. М. Н. Каткову. Беловой автограф под загл. «Oriente lux», вне цикла, ст. I

имеет вариант: «Что может Риму дать восток?..» Михаил Никв форович Катков (1818-1887) — русский журналист и публицист, редактор газеты «Московские ведомости», владелец и редактор «Русского вестника» (с 1856 г.). В 1850-е годы придерживался умеренно либеральных взглядов, в 1860-х годах перешел на реакционные позиции, Майков сотрудничал в журнале Каткова и, хотя и с некоторыми оговорками, выражал согласие с его позицией (см. письмо Майкова к жене от 19 июня 1880 г. — «Литературное наследство», т. 86, М., 1973, с. 508). Ермоген (Гермоген, ок. 1530-1612) — патриарх, церковный и политический деятель, во время нашествия поляков был ими заточен в монастырь, а затем умер голодом в тюрьме. «Что может миру дать Восток» и т. д. — Ср. программное стих. Вл. Соловьева «Ex oriente lux» (1890). Ср. также стих. Я. П. Полонского «Откуда?»! «Мне как поэту дела нет, // Откуда будет свет, лишь был бы это свет...», 1871. Ср. в трагедии «Два мира» (ст. 209-214) и четверостишие Майкова, записанное там же, где и черновой автограф данного стих.:

*С востока, о смертный, жди чуда,
С востока спасение нам,
И звезды восходят оттуда,
И солнце рождается там.*

См. также примеч. к стих. «Ex tenebris lux», с. 539.

Ф. И. Тютчеву. Впервые — «В память Ф. М. Достоевского», СПб., 1881, с. 12. Стих. было прочитано Майковым на торжественном общем собрании С.-Петербургского благотворительного общества 14 февраля 1881 г. Бедовой правленный автограф с подзаг. «(В 1865 году в альбом)». Другой автограф — в тексте одной из допечатных редакций «трагедии в октавах» «Княжна ***», посвященной памяти Ф. И. Тютчева, под загл. «Вместо Пролога», с подзаг. «Стихи, ему написанные в 1869 г.». Во всех печатных изданиях имеет дату: 1874. Однако стих., по-видимому, написано при жизни Тютчева, то есть не позднее 15 июля 1873 г. «...Знакомство с Ф. И. Тютчевым, — писал Майков в 1887 г. своему сослуживцу и биографу М. Л. Златковскому, — окончательно поставило меня на ноги, дало высокие точки зрения на жизнь и мир, Россию и ее судьбы

в прошлом, настоящем и будущем...» (М. Л. Златковский. Аполлон Николаевич Майков, СПб., 1888, с. 41). В архиве Майкова сохранилось недатированное стих. «Ф. И. Тютчев»:

*Есть чудный старец между нас:
Всегда — хотя на миг вас встре-
тит —
Он что-нибудь в душе у вас
Своею мыслию осветит.*

Майков редактировал собрание стихов поэта в издании 1886 года. Поймите лишь и т. д. — По воспоминаниям Майкова, Ф. М. Достоевский по поводу этих строк «воскликнул: «Да, да, поймите лишь! именно, именно, только бы поняли! Да нет, не поймут!..»» («В память Ф. М. Достоевского», с. 13).

Три смерти. Впервые — «Библиотека для чтения», 1857, № 10, с. 195, с подзаг. «Лирическая сцена из древнего мира», без посвящ., с обширными авторскими примечаниями, более не переиздававшимися, и цензурной купюрой ст. 284-292, замененных двумя строками точек. Окончательный текст впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 3, с. 3.

Лирическая драма «Три смерти» представляет собой часть обширного творческого замысла Майкова, связанного с постоянным интересом поэта к истории античности и раннего христианства. Замысел возник в конце 1830-х годов. Первой попыткой его воплощения явились «римские сцены времен пятого века христианства» «Олинф и Эсфирь» (1841), напечатанные в «Стихотворениях Аполлона Майкова», СПб., 1842. В предисловии к публикации автор писал, что эти сцены «суть опыт изобразить противоположность» двух начал, которые явились в Римской империи периода упадка и «не могли остаться в мире: чувственность и духовность, жизнь внешняя и внутренняя, явились во вражде, в противодействии, в борьбе на жизнь и смерть». Первый опыт не удался поэту, «римские сцены» при его жизни никогда не перепечатывались полностью. Значительную роль в дальнейшем формировании драматического цикла сыграл, по-видимому, отзыв Белинского, в котором не только были отмечены серьезные недостатки «Олинфа и Эсфири», но и определены возможности развития интересовавшей

Майкова темы, им не реализованные (В. Г. Белинский. Поли, собр. соч. в 13 тт., М., 1953-1959, изд. АН СССР, т. VI, с. 2223). Мысли Белинского об истории Рима, обращенные скорее в современность, чем в прошлое, оказались созвучными размышлениям и настроениям поэта и в какой-то мере способствовали созданию лирической драмы «Три смерти».

Работе Майкова над драматическим циклом предшествовало и сопутствовало серьезное изучение важнейших источников и исторических сочинений, относящихся к интересовавшей его эпохе. В биографических заметках второй половины 1850-х годов он писал: «Изучение философских систем породило «Три смерти», пьесу, которая писалась долю, или, лучше сказать, за которую я принимался несколько раз, обдeldывая то одно, то другое лицо, смотря по тому, находился ли я под влиянием стоицизма или эпикуреизма» (Ежегодник, 1975, с. 80). С другой стороны, замечал автор в письме к С. С. Дудышкину от 19 мая 1858 г., «...я не мог этих философов заставить остаться отвлеченными идеями, — в каждом из них сказывается человек, несмотря на то,

что у каждого в голове теория; Лукан — малодушный мальчик, который, по восприимчивой натуре, в минуту может быть героем; Сенека все-таки вышел стариком и падает перед сомнением в своем призвании; Люций тоже иногда выходит из себя» (Ежегодник, 1975, с. 108). В набросках предисловия к «Трем смертям» поэт дает истолкование того периода истории, к которому относится его произведение, и характеризует главных действующих лиц драматического действия: «Всякому ясно, что эта пьеса представляет три взгляда на жизнь людей древнего мира, в эту эпоху уже быстро катившегося к своему падению <...> Сам этот эпикуреец более по имени эпикуреец, или представитель эпикурейцев последних времен Рима, когда они далеко ушли от учения своего основателя <...> Они в эти времена скорее были скептики в своих метафизических понятиях, и из доктрин учителя сохранили только любовь к наслаждениям земными благами <...> Сенека представляет противоположную сторону — твердое убеждение в своей философии — и страдание оттого, что она отвергнута миром, и оттого, что он

чувствует бессилие человека спасти мир без непосредственной помощи божества. Лукан — молодой человек, избалованный счастьем, увлекающийся минутой. Спасти жизнь — его главная цель. Оттого такая непоследовательность в его мыслях: то он страшает возмутить Рим, то рвется у ног Нерона испросить прощение. Геройский конец женщины вдохновляет его — и он умер героем. В изложенных мною общих чертах я строго старался соблюсти историческую верность. Характер эпохи, картина общества, характер каждого лица — вот черты, от которых уклониться было бы грех. Что же до фактической верности — то перед нею я сильно погрешил: впрочем, кто хочет знать историю, тот обратится к Тациту, а не к моей пьесе, которая не более как поэтическое воспроизведение в картине духа эпохи». Как видно из незаконченных примеч. Майкова к драме, он собирался специально оговорить наиболее существенные отступления от исторических фактов, как, например, сцена смерти Сенеки, В «Трех смертях» можно отметить и ряд других эпизодов, восходящих к сочинениям истори-

ков, но переданных с некоторыми изменениями. Таков, например, рассказ Лукана о поэтическом состязании с Нероном или Ученика — об Эпихариде. Драма была закончена, по-видимому, в конце 1851 г. Ее первоначальная редакция под загл. «Выбор смерти», значительно более острая с политической точки зрения, чем окончательная, по цензурным условиям не могла быть ни поставлена, ни напечатана, распространялась в списках и воспринималась как протест против тирании, как выступление в защиту свободы личности и свободы слова. «Майков написал превосходное стихотворение «Выбор смерти»... — писал П. А. Плетнев Я. К. Гроту 29 сентября 1851 г. — Это что-то небывалое в новейшей поэзии нашей» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, Пб., 1896, с. 559). «Оба новые стихотворения свои, — продолжал он 31 октября того же года, — Майков читал у меня сам: одно «Выбор смерти», а другое «Савонарола» <...> Только теперь и думать нельзя о напечатании: цензура покамест похожа на удава, который инстинктивно бросается душить все, что дышит» (Там же, с. 560). 19 нояб-

ря того же года Плетнев писал М. П. Погодину: «О печатании новых стихотворений Майкова при нынешней цензуре нечего и думать, хотя в них ничего нет, кроме высокой и прекрасной исторической истины» (ГБЛ). «Весело думать — и почти не верится, — писал Г. П. Данилевский Погодину 26 декабря 1851 г., — что в наше время еще являются такие произведения, как «Свои люди — сочтемся!» и «Выбор смерти»!» (Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, СПб., 1897, с. 414). В декабре 1854 г. драма была разыграна в доме архитектора А. Штакеншнейдера, причем Сенеку играл автор, Лукана — поэт В. Г. Бенедиктов, Люция — домашний учитель рисования Н. О. Осипов (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, М.-Л., 1934, с. 44). Современники и в дальнейшем высоко оценивали «Три смерти». «С новым удовольствием прочел я лучшее поэтическое произведение нашего времени в октябрьской Библиотеке <для чтения>, — писал Майкову 27 ноября 1857 г. известный публицист П. Л. Лавров, — и с нетерпением ожидаю появления полного собрания стихотворений не только первого, но и единственного нашего

объективного поэта» («Литературный архив», т. 2, М.-Л., 1940, с. 285). В «Трех смертях» «мы не можем не признать венца всей майковской деятельности...» — утверждал в 1859 г. критик А. В. Дружинин (А. В. Дружинин. Собр. соч. в 8 тт., Пб., 1865-1867, т. 7, с. 513). В 1861 г. Д. И. Писарев назвал «Три смерти» в числе лучших произведений Майкова (Д. И. Писарев. Собр. соч. в 4 тт., М.-Л., 1955-1956, т. 1, с. 196). М. Горький рекомендовал включить драму «Три смерти» в один из сборников русской поэзии, выпускавшихся издательством З, И. Гржебина.

Николай Аполлонович Майков (1796-1873) — отец поэта. «Послание к смерти» — оригинальное стих. Майкова. В черновых тетрадах поэта сохранился его набросок (др. ред., с датой: 1851. Ноябрь). Как волки, щелкают зубами! — К этому стих, в «Библиотеке для чтения» примеч. автора: «Здесь Люций пародирует насмешки Лукиана над языческими богами — черта, показывающая лучше всего падение веры в древнюю мифологию в римском мире». Ну, Рим! тебе волчица — мать и т. д. — По преданию, Рим был основан братья-

ми-близнецами Ромулом и Ремом, которых нашла в лесу и выкормила своим молоком волчица. Иные люди в мир пришли. — Эту мысль Майков комментировал следующим образом: «Имелось в виду предание о знакомстве Сенеки с апостолом Павлом» (см. Ф. Д. Батюшков. «Два мира». Трагедия А. Н. Майкова — В его кн.: Критические очерки и заметки, т. 1, СПб., <1900>, с. 65). Речь идет о легенде, распространявшейся в средние века католической церковью, которая высоко ставила учение Сенеки. Гораціанское вино — фалернское, воспетое в одах Горація.

Странник. Впервые — «Русский вестник», 1867, № 1, с. 20 с подзаг. «Первая часть поэмы «Жаждающий» и послесловием автора. В журнальных примечаниях к «Страннику» Майков писал: «Бегуны, иначе странники, иначе сопелковское согласие (по селу Сопелкам Ярославского уезда, где их корень) — так называется одна беспоповщинская секта, составляющая крайнюю точку отрицания в расколе <...> Бегун должен все оставить, разорвать все общественные и семейные связи и жить токмо как «Христов человек». Это воззрение выска-

зывает мой странник...». Здесь же указаны источники поэмы: «Исторические очерки повестины» П. Мельникова (ч. 1, М., 1864), «Рассказы из истории старообрядства» С. Максимова (СПб., 1861), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. 4, М., 1862, с. СХVIII-СХХХI), сочинения историка раскола и ортодоксального критика старообрядчества Н. И. Субботина и др.

Взяв в «основание» своей «сцены» повесть П. И. Мельникова (псевд. Андрей Печерский, 1818-1883) «Гриша», Майков не сохранил целого ряда бытовых ее сцен, эпизодов «искушения» Гриши любовной страстью, но усилил драматический эффект окончания «Странника», введя сцену поджога дома, отсутствующую в повести Мельникова,

Характеризуя круг интересов и речь своих героев, Майков использует также литературное наследие протопопа Аввакума и библейские тексты. Такого рода заимствования, в том числе и точные цитаты, специально не комментируются.

Впервые Майков читал «Странника» на Карамзинском вечере 3 декабря 1866 г. (см.: Е. А.

Штакеншнейдер. Дневник и записки, М.-Л., 1934, с. 347-348). Произведение получило высокую оценку Ф. М. Достоевского: «А. Н. Майков написал драматическую сцену, в стихах <...> Это произведение можно назвать, безо всякого колебания, *chef d'oeuvre*'ом из «сего того, что он написал <...> Я слышал ее на разных чтениях (в домах) и не устаю слушать, но каждый раз открываю новое и новое. Все в восторге» («Литературное наследство», т. 86, М., 1973, с. 130).

На правиле стоит... — т. е. молится. Евфимий (ум. 1792) — основатель (в последней четверти XVIII в.) секты бегунов, или странников; ему принадлежит «Цветник десятословный». Аввакум (1620 или 1621-1682) — протопоп, один из основателей старообрядчества, выдающийся писатель своего времени, написавший ряд религиозно-полемических сочинений — «посланий». Был предан анафеме, сослан в Пустозерский острог, сожжен в деревянном срубе по царскому указу. «...Все приводимые мною места из Аввакума и др., — писал Майков в наброске предисловия к «Страннику», — суть почти только парафраз подлин-

ника, с сохранением в стихах его духа и колорита». Един с блистанием на митре и т. д. — патриарх Никон, см. о нем примеч. к стих. «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне», т. 1, с. 555. Раскольничьи легенды приписывают ему разные кощунственные поступки. Андрей Денисов (1664-1730) — один из руководителей раскола, занимался торговлей; стремясь обеспечить процветание старообрядческих общин, он проявлял дипломатическую гибкость в отношениях со светской властью. Иона (ум. 1461), Алексей (между 1293 и 1298-1378) — московские митрополиты, строгие блюстители церковного обряда. Под большие // Колокола пойдете — т. е. отречетесь от старообрядчества. Савватий (XVII в.) — монах, один из первых руководителей раскола. Гурий (XVII в.) — монах Соловецкого монастыря, старообрядец. Бурю // На озере Генисаретском словом // Утишил... — Речь идет о «чуде», будто бы свершенном Христом. Лабы, когда судить живым и мертвым и т. д. — Речь идет о Страшном суде (Евангелие). «Батыева тропа» — расположена за Волгой, возле Городца. По этой тропе предатели провели вой-

ска хана в город (см.: А. Филатов. Художник из города. — В кн.: Отчий дом, М., 1978, с. 190).

Из Апокалипсиса. Впервые — «Русский вестник», 1868, No 4, с. 560. Печатается по тексту: Стихотворения А. Н. Майкова в трех частях, ч. 3, СПб., 1872, с. 1. Перевод Откровения Иоанна, или Апокалипсиса (гл. IV-X). Вторая и третья строки перевода — из гл. I, 10-15. Последняя строка перевода — гл. X, 6. Перевод завершен не позже 7 марта 1868 (см.: Ф. М. Достоевский. Письма, тт. 1-4, М.-Л., 1928-1959, т. 2, с. 416). В автографе вступительной заметки к переводу (архив поэта) Майков, характеризуя памятник как «чудную книгу», рассматривает ее «со стороны той высокой поэзии, которую она исполнена...» Свои переводческие принципы он излагает в опубликованном предисловии (Стихотворения А. Н. Майкова в трех частях, ч. 3, СПб., 1872, с. 253): «Я старался передать подлинник почти подстрочно, придерживаясь более греческого текста, но вместе с тем сохраняя обаяние той прелести языка, которая разлита в нашем церковно-славянском переводе...», исполненном, по словам Майкова, красоты и силы». Известен отзыв Ф.

М. Достоевского о работе Майкова: «Ваш перевод Апокалипсиса, — писал он поэту 18 (30) мая 1868 г., — великолепен, но жаль, что не все» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. 2, с. 118).

Пульчинелль. Впервые — «Заря», 1872, No 1, с. 155, с датой: 1860 и с подзаг.: («На мотив одного из рассказов Андерсена в его «Was der Mond erzahlt...»). Печ. по тексту: А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. 2, СПб., 1884, с. 387, с восстановлением пропущенной строки («Во всей своей красе, во всем величьи») по автографу. В подзаг. первой публикации имеется в виду глава «Шестнадцатый вечер» из книги Г. Х. Андерсена «О чем рассказал месяц» (другое название — «Картинки в рассказах», СПб., 1875, с. 50-55). Майордом — здесь в значении мажордом.

Княжна***. Впервые — «Русский вестник», 1878, No 1, с. 72. В настоящем издании поэма датирована по архивным материалам. Создавая «Княжну ***», Майков шел от замысла остросатирической поэмы, обличающей крепостнический и антинародный характер взглядов главной героини, к трагедии, в героине которой, по его словам, «лицетворена»

«прошлая жизнь наша, т. е. высшего общества, порвавшего духовное единство с народом. Но это общество все еще связано с народом историей и — крепостным правом. Оно все еще хранитель исторического предания, хоть по инерции, но все идет по пути исторического призвания России. От этого оно имеет свои пороки и вместе доблести, при измене духу, все-таки славные воспоминания, участие в создании величия России, хотя бы политического и военного. Но это период законченный...» («Мысли о толках, порожденных «Княжной»» — архивная заметка). «Женя, — писал он там же, — думает начать новую жизнь. Наше либеральное общество, мои критики, думают, что с Женею — начало нового периода. Не отрицая, но даже признавая, что принципы, выводимые Женей и ее поколением, стремление к правде и погубило, обличив, ложь старой жизни, я все-таки далек от того, чтобы в Жене видеть зарю новой жизни России». В декабре 1876 г., за год до первой публикации «Княжны ***», Майков писал О. Ф. Миллеру, высказавшему ряд критических замечаний по авторской рукописи: «Я такого

мнения: без трагического не может быть никакого хорошего рассказа, каков бы ни был его тон. Даже высшая степень комизма — есть трагическое. Посему, представляя Вам небольшой рассказ, действительно с трагическими мотивами, <...> я Вам дал очень много; а если за ним открывается еще далекий фон и над ним широкий горизонт и если Вы это почувствовали, поэт может быть доволен собой. Необходимое условие всякого хорошего произведения — чтобы лица были видны. Я удивляюсь, что Вы моих лиц не видите! Генерал-аншеф, княжна, Женя — один род, в них фамильная черта, но век иной. <...> Не говорю уже о том, как все лица рисуются из их языка. Я сам чувствую, что в этой поэме в малом дано очень много, и притом все сконцентрированное, не размазанное. <...> Теперь о гоне. Вы говорите, его нет. А я вижу его и чувствую. Во-первых, иронию: она относится к свету (le monde); где салонный свет — там ирония, где натура, где живое — естественно, тон сочувственный, и выходило это само собой, без премедитации» (Ежегодник, 1978, с. 190-191). В набросках и черновых редакциях «Эпилога»

или «Post Scriptum'a», которыми Майков первоначально намеревался завершить поэму, он хотел сделать молодую героиню — Женю сестрой милосердия на русско-турецкой войне 1877-1878 гг., приобщив ее, таким образом, к судьбам народа и России. Впрочем, он предвидел и другие повороты в ее жизни:

*И что ж? Конец рассказу моему?
Конец. А что ж о Жени — бедной
Жени?*

*Что случилось с ней? Иль — канула
во тьму?*

*Иль жертвою погибельных уче-
ний*

*В Сибирь попала наконец, в тюрь-
му?*

*Иль — мало ли бывает превраще-
ний —*

*Со старой нянькой «грех свой за-
молить»*

*К святым местам ушла?.. Всё мо-
жет быть!*

И так и эдак — торная дорога!

В демократической среде «Княжна ***» вызвала резко отрицательное отношение. Об этом, в частности, свидетельствует статья М.

Артемьевой «Г. Майков как судья молодого поколения женщин», предназначенная для журнала «Воспитание и обучение», но запрещенная цензурой (ЦГИА). Даже О. Ф. Миллер в своей поздней статье («Русская мысль», 1888, No 6, с. 39) заметил, что Майкову помешала «крайняя озабоченность нигилизмом». Эпиграф — из романа «Евгений Онегин» (7, XLIV). Ее орлы — см. примеч. к стих. «Сон королевича Марка» (т. 1, с. 547). Канова А. (1757-1822) — итальянский скульптор-классицист. Кюстин А. (1790-1857) — французский писатель, составивший описания своих путешествий по разным странам. Его воспоминания о путешествии по России, в целом весьма неточные, содержали ряд метких характеристик обычаев и нравов высшего русского общества. Иметь и сметь сказать свое сужденье... Намек на известную реплику Молчалина в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3). Юноша-поэт. — Возможно, формула намекает на характеристику Ленского в «Евгении Онегине» (7, VI). Момплезир — дворец Петра I в Петергофе (ныне — Петрадворец), пригороде Петербурга. Царскосельский сад — парк в

Царском Селе (ныне г. Пушкин), окружающий дворцовые постройки; во второй половине XVIII в. там располагалась загородная царская резиденция. Вмиг разгадать Мадонну в светской даме! — Имеется в виду сонет А. С. Пушкина «Мадонна». Дельфийский бог — Аполлон. Что на челе высоком отразится? — Ироническое использование лермонтовских строк: «И на челе его высоком // Не отразилось ничего» («Демон», ч. I, строфа III). Бендеры — город в Молдавии. Во время русско-турецких войн им трижды штурмом овладевали русские. Кунерсдорф — деревня близ Франкфурта-на-Одере. Здесь в 1759 г. произошло сражение между русско-австрийской армией и войсками прусского короля Фридриха II (1712-1786), в котором победили союзники. «Армидин сад» — см. примеч. к стих. «Менуэт» (т. 1, с. 557). Во дни войны — Имеется в виду, очевидно, Крымская война 1853-1856 гг. Парижский мир — мирный договор, подписанный странами, принимавшими участие в Крымской войне; был невыгоден России. Севастопольским гром. — Имеется в виду героическая защита Севастополя во время Крым-

ской войны. Род восста на род... // Живяху бо по образу зверину... — Восходит к «Повести временных лет» — русской летописи, составленной в начале XII в. в Киево-Печерском монастыре. Во челюсть львину. — Восходит к евангельскому тексту: «Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей» (Второе послание ап. Павла к Тимофею, IV, 17). Как третий Рим, четвертому ж не быти... — Ср. «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (т. 2, СПб., 1889, с. 198-199), где приводится легенда об основании Москвы («третьего Рима»). «Восток — нам свет, Восток!..» — См. примеч. к циклу «М. Н. Каткову», т. 1, с. 557. И расскажу все в Третьем отделенье. — Третье отделение «собственной его императорского величества канцелярии» — орган политического сыска и следствия в царской России, упразднено в 1880 г. (дела переданы в министерство внутренних дел). Каламовы утесы. — Имеются в виду картины швейцарского художника-пейзажиста А. Калама (1810-1864), Кто-то раз весной <...> // Сказал ей вслед:

«Поехала домой!..» — В одной из редакций «Эпилога», куда первоначально входила эта строфа, данная реплика приписана Ф. И. Тютчеву. В своих заметках Майков, между прочим, отметил, что под «вторым» из поэтов, ведущих на вечере у княжны разговор о будущем России, следует разуместь Тютчева (первый поэт, по-видимому, сам Майков). И небо, и земля пройдет. — Восходит к евангельскому тексту: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Матф., XXIV, 35).

Кассандра. Впервые — «Русский вестник», 1874, No 5, с. 84. Печатается по тексту: А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. 3, СПб., 1884, с. 159, с исправлением по первой публикации опечатки («Но есть ведь утешенье в смерти!») в ст. 584. Переложение сцен из трагедии Эсхила «Агамемнон» (458 до н. э.). Рассказывая в автобиографии о своем увлечении античностью, Майков заметил: «...за Гомером явился Эсхил. Величайшее его создание из дошедших до нас — это «Кассандра», и — передать ее по-русски можно и должно было только переводом, но с тем, чтобы при верности филологической текста был бы передан высоко-про-

стой, местами дико-величественный язык и образы — и на этом фоне худой, бледный, с глубоко глядящими глазами, слабо-женственный образ Кассандры, которой Аполлон за отверженную любовь дал дар прозрения в будущее — но с тем, что ей, страстно любящей своих — эти свои не будут верить! Стал ли я на эту высоту в своем переводе <...>, судите другие!..»

Перевод закончен был не позднее 3 марта 1874 г.: в этот день сцены читались у И. А. Гончарова. «Нечего и говорить, что перевод прекрасный и чтение вышло очень занимательное», — записал в дневнике А. В. Никитенко, присутствовавший на чтении вместе с Н. С. Лесковым и др. (Дневник, т. 3, с. 308). «...Посылаю вам «Кассандру», — писал Б. М. Маркевич М. Н. Каткову 28 марта 1874 г. — Не имея возможности — очень всю жизнь жалел — проследить по греческому подлиннику о верности этого перевода, я могу только ограничиться внутренним впечатлением, какое на меня произвел поэтический текст Майкова — и с этой стороны горячо рекомендую его Р<усскому> Вестнику. Опираюсь при этом на

вполне согласное с моим впечатление, какое произвело чтение его самим автором на Георгиевского и некоторых членов Общ-ва любителей древней филологии, собравшихся у него по этому случаю: все они признали, что текст Майкова «по духу» весьма близко подходит к подлиннику и передает колорит Эсхила вполне удовлетворительно. Лично же я в восхищении и полагаю, что со мною согласится каждый одаренный поэтическим чутьем читатель» (ГБЛ). Однако И. С. Тургенев сомневался, может ли Майков быть переводчиком Эсхила (см. его письмо к Я. П. Полонскому от 28 ноября 1873 г. — И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт., М.-Л., 1960-1968. Письма, т. 10, с. 177). «...Чисто эсхилевского в переводе Майкова немного, — отмечал известный переводчик античных авторов В. А. Алексеев. — Это не перевод, а скорей вариация — и то довольно отдаленная на греческую тему...» (В. А. Алексеев. А. Н. Майков (Из дневника). — «Исторический вестник», 1914, No 2, с. 524).

Два мира. Впервые полностью — «Русский вестник», 1882, No 2, с. 659. Ранее (1872) печат-

талось без ч. 2. Опубликовав в 1857 г. «лирическую драму» «Три смерти», Майков продолжал работать над своим замыслом, связанным с историей раннего христианства в его столкновении с языческим миром, и в 1863 г. опубликовал новое произведение под загл. «Смерть Люция. Вторая часть лирической драмы «Три смерти»». Однако и это решение автора не удовлетворило. В архиве поэта сохранился черновой автограф под загл. «Смерть Люция. Часть вторая». Эта испещренная поправками рукопись — зародыш будущей трагедии «Два мира», куда сначала в качестве второй (1872), а позднее (1882) третьей части войдет кардинально переработанная «Смерть Люция». Трагедия «Два мира» завершает собой многолетний поэтический труд Майкова. Первостепенное значение для истолкования трагедии (как и для понимания всего драматического цикла Майкова) имеет его письмо к академику Я. К. Гроту, написанное в связи с присуждением Майкову за трагедию «Два мира» Пушкинской премии Академии наук. В начале письма Майков характеризует свои многолетние занятия всеобщей

историей, перечисляя наиболее авторитетные исторические сочинения и называя многочисленных изученных им авторов: писателей, историков, богословов и т. п. «События минувших веков я старался вообразить себе по их аналогии с тем, что прожил и наблюдал сам на своем веку, а нами проживаемая историческая полоса так богата подъемами и падениями человеческого духа, что внимательному взору представляется богатый материал для сравнения даже с далекими минувшими эпохами. Открывается удивительная аналогия явлений, но не роковая последовательность непреложных внешних законов, а нечто живое, вечно действующее в самой сущности духа человеческого <..> Таким образом, мне настоящее поясняет минувшее, и наоборот». Далее Майков характеризует героев своей трагедии (и одновременно «героев» современности): «И нынешнего старого развратного сановника, балетного завсегдатая и весьма неразборчивого в способах приобретения узнаешь в Публии, беззубом проконсуле, которого дурачит Аезбия; надменного, сухого аристократа, у которого от предков остались

только фамильные пороки и имя, который бранит новое только потому, что не ему достаётся собирать дань с текущей жизни, признаешь в старом Фабии, скряге, скопидоме, вздыхающем о древнем праве, по силе коего он мог бы в рабство себе взять всех своих должников. В этих наших героях *demi-monde*'а <полусвета (франц.). — Ред.~>, добрых и веселых по природе, остроумных, даже и знакомых с последними словами «науки», при всем том скучающих, и обремененных долгами, истощенных оргиями и наслаждениями и часто готовых на все {как Катилина} для стяжания чести и денег, — разве не узнаете вы в этой бледной толпе юных патрициев <...> В этой картине нельзя не узнать многое, нас окружающее. И циник оказался необходимым для моей картины. Скажу, впрочем, что он у меня вышел крупнее, так сказать, грандиознее и идеальнее, чем все циники Лукиана и др<утих> древних писателей. Я ему «польстил». Современные циники не должны бы обижаться, и они совершенно напрасно обиделись». Особое место в письме Майкова Гроту уделено проблеме «слога» — индивидуаль-

ного языка действующих лиц трагедии. С этой точки зрения охарактеризован ряд ее героев: христиане Иов, Марцелл, Эвмен, Главк, Лидия и др. Далее Майков сказал о трагедии: «В ней много моих «убеждений». Во-первых, главное — все, что Деций говорит о разуме к что возражает Марцелл, — это мои личные понятия и «убеждения». Не считая непогрешимым и высшею силою в мире человеческий разум, личный, я воспользовался случаем дать шпильку и коллективному разуму, так наэ<ываемому> vox populi (имеется в виду античное изречение: глас народа — глас божий (лат.). — Ред.), предоставив подлому Миртиллу сослаться на глас народа в восстании всех против христиан» (Известия ОЛЯ, 1979, No 4, с. 384, 385, 386, 388).

Трагедия «Два мира» вызвала многочисленные отзывы современников Майкова, преимущественно положительные, и почти единодушно была признана самым значительным его произведением. «Поэма г. Майкова, — говорил Я. К. Грот на заседании второго отделения Академии наук 19 октября 1882 г., — столь зрело обдуманное и тщательно об-

работанное художественное создание, что его нельзя не причислить к тем приобретениям нашей литературы, которыми она вправе гордиться» (Я. К. Грот, Отчет о первом присуждении премий А. С. Пушкина, СПб., 1882, с. 14),

Повествуя о первых веках христианства, Майков широко использовал библейские легенды и предания, вводил в поэтическую ткань трагедии, в речь ее персонажей парфразы и цитаты из Евангелия. В комментариях такого рода вкрапления специально не оговариваются.

Часть первая. Сцена первая. Спартаком пахнет, да! Спартаком! — то есть восстанием рабов. Престол, // И некто был на нем сидящий. — Речь Иова стилизована под слог Апокалипсиса. День суда — Страшный суд. Сцена вторая. Рим... // миру // Законы дал. — Древнеримское право было наиболее развитой правовой системой рабовладельческого общества. И сядь на трон // Философ и т. д. — Деций высказывается как последователь политического учения Платона (см. его «Государство»).

Часть вторая. В катакомбах. Он потом // Ученикам явился днем? — По евангельской

легенде, на третий день после казни воскресший Христос явился своим ученикам. «Отче наш» — начало и название христианской молитвы, обращенной к богу. Он в венце из терний. — По евангельской легенде, терновый венец был надет на Христа перед казнью. Он львами // Разорван был — т. е. был предан казни: погиб на арене цирка или был брошен на съедение зверям. Там, где нет ни воздыханья и т. д. — Перефразировка христианской заупокойной молитвы.

Часть третья. Ловите, ловите и т. д. — Слова Хора соотносятся с горацианским идеалом наслаждения жизнью, выраженным в его знаменитом призыве «Carpe diem!» — «Лови день!» («Оды», I, II, 8). Скончался // Великий Пан — Греческий историк Плутарх («Об упадке оракулов», гл. 17) рассказывал, что в царствование римского императора Тиберия кормщик корабля, плывшего из Пелопоннеса в Италию, услышал возглас: «Умер великий Пан». Сообщение кормщика было обнародовано и вызвало многочисленные истолкования. Раннехристианские писатели истолковывали его как весть о конце эпохи языче-

ства. Мирта Киприды мне дай! — см. стих, и примеч. «Эпикурейские песни», т. 1, с. 512. — Нет ...знака // На роже — т. е. нет рабского клейма. Рим горел // Неспроста. — Пожар 64 г. охватил почти всю территорию Рима. Он послужил предлогом для предпринятого Нероном гонения на христиан, обвиняемых в поджоге. От новых вер... // Из Халдеи, // Из Персии, из Иудеи. — Речь идет о проникновении в Рим культов Астарты, Митры и Христа. *Vae victis!* — см. примеч. к стих. «Никогда!», т. 1, с. 546. «Кончим представленья», // Как тот сказал!.. — В конце римской комедии к зрителям обращались с традиционной формулой: «*Plaudite, Asia est fabula*» («Похлопайте, представление окончено». — лат.). Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» (Божественный Август, 99) сообщает, что Август «в свой последний день <...> Вошедших друзей <...> спросил, как им кажется: хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

*Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напут-*

ствием».

Павел (первоначальное имя Савл) — один из апостолов, в прошлом принадлежавший к враждебной Христу иудейской секте фарисеев. По евангельской легенде, на пути в Дамаск Савл услышал голос Христа, который спрашивал: «Савл, Савл! что ты гонишь меня?», и уверовал в его учение. Впоследствии проповедовал в Риме. Бруту Цезарева тень // Являлась... в день // Фарсальской битвы? — Здесь Майков допустил неточность: у Плутарха говорится о битве при Филиппах, а не о Фарсальском сражении. В «Стихотворениях А. Н. Майкова в трех частях», СПб., 1872, неточность исправлена и этот ст. читается: «Сраженья при Филиппах». В последующих же изданиях так, как в Полн. собр. соч., 1893. И в Риме уж теперь два Рима! — По свидетельству А. В. Амфитеатрова, Майков первоначально хотел дать своей трагедии название «Два Рима» («Исторический вестник», 1903, No 3, с. 1012. Под псевд. Сандро).

Брингильда. Впервые — «Русский вестник», 1888, No 6, с. 3, без вступительного стих. «При посылке «Брингильды» в Малую Азию»

и посвящения. Вступительное стих. напечатано в сб.: «Красный цветок». Литературный сборник в память Всеволода Михайловича Гаршина», СПб., 1888, отд. II, с. 4, под загл. «При посылке поэмы «Брингильда» в Кадыкиой в Малой Азии», с датой: 2 апреля 1888. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 3, с. 377. Поэма была послана сыновьям Майкова Владимиру и Аполлону, находившимся тогда в Кадыкиое (см. примеч. к циклу «У Мраморного моря», т. 1, с. 537). Закончена Майковым в марте 1888 г., 30 апреля 1888 г. он прочел ее на праздновании своего литературного юбилея в Петербурге («Исторический вестник», 1888, No 6, с. 693). Представляет собой обработку фрагмента «Язык поэзии» из «Младшей Эдды» (см. примеч. к поэме «Бальдур», с. 477).

В одном из незаконченных отрывков предисловия к поэме «Бальдур» Майков остановился на «грандиозном образе Брингильды, королевской дочери-валкирии, которая спящую положена Одинок на высокую гору». Освобождение ее Сигурдой истолковано как «женитьба Солнца, освобождающего свою ми-

лую ладу — Землю, спящую под блестящим покровом снегов». Особое значение Майков придавал правильному чтению поэмы: «Эта игра ударений, разнообразие их по месту в каждом стихе не дает возможности установиться скучной монотонности трехсложного стиха, и неопытное ухо никак не может даже уловить, каким размером писана поэма, чувствует только плавность и гармонию речи. А эти качества в «Брингильде» чаруют меня и до сих пор, особенно Когда она сама заговорила — ее возвышенный поэтический тон, как блуждала по белым снегам — замок, наконец ее душевная речь <...> Ведь в этом роде у меня еще ничего не было писано. Новая форма! новое содержание! и я не знаю ничего, мне ее напоминающего!» (Письмо к сыновьям Владимиру и Аполлону от 13 апреля 1888 г. — Ежегодник, 1978, с. 201). «Брингильда» получила высокую оценку критика Е. М. Гаршина, брата писателя В. М. Гаршина (Е. Гаршин. Три поэмы, СПб., 1889, с. 10). А. И. М. — Анна Ивановна Майкова (урожд. Штеммер, 1830-1911), жена поэта.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 1893 ГОДА

В. Г. Бенедиктову. Впервые — «Сын отечества», 1840, № 6, с. 252, под загл. «Владимиру Григорьевичу Бенедиктову», подпись: А. М. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 111. Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807-1873) — русский поэт, был членом кружка Майковых, помещал свои стихотворения в рукописных альманахах кружка. В альманахе «Лунные ночи» находится список стих. Майкова и здесь же — стих. «Аполлону Майкову ответ Владимира Григорьевича Бенедиктова», начинающееся строфой:

*Что за милое посланье!
Что за пламенный призыв!
Мигом вспыхнуло желанье,
Окрылил меня порыв.
Можно ль хладным оставаться?
Как не мчаться? как не рваться
В этот радостный приют?
К морю, к неге и природе,
К дружбе, к Музам и свободе —
Прямо в рай меня зовут.*

Праздник Третьего Петра. — Петр III (1728-1762) предавался необузданным развлечениям; любил пировать в своем загородном доме близ Ораниенбаума.

Лунная ночь. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, No 1, с. 5. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 122.

Черногорец. Впервые — «Отечественные записки», 1842, No 4, с. 269. Печатается по первой публикации.

Чудный век. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 6. Печатается по первой публикации. Не бедный челн скользил по лону рек. — Ср. в «Медном всаднике» Пушкина: «Пред ним широко // Река неслася; бедный челн // По ней стремился одиноко». Беринг Витус (Иван Иванович) (1681-1741) — офицер русского флота, выдающийся мореплавател, его экспедиции на русском Севере внесли огромный вклад в историю географической науки. Прошел пролив, соединяющий Северный Ледовитый океан с Тихим океаном. Белый флаг — Андреевский (диагональный голубой крест на белом поле),

кормовой флаг кораблей русского военно-морского флота; учрежден в 1699 г. Петром I. В тени дубов коломенских... // Возрос небес помазанник молодой. — Коломенское — в XV-XVII вв, царская подмосковная усадьба.

«Туда, где море спит у скал пирамидальных...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 11. Печатается по первой публикации.

«Люблю над Рейном я громадные твердыни...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 30. Печатается по первой публикации. К спасенью благостыни. — Речь идет о крестовых походах на Восток в XI — XIII вв. с целью освобождения «гроба господня» из-под власти «неверных».

В. А. С.....у. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, № 3, с. 10, под загл. «Письмо», Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 51.

Стих, обращено к Владимиру Андреевичу Солоницыну (1804-1844), близкому другу семьи Майковых, учителю Аполлона и Валериана; в конце 1830-х и начале 1840-х годов он редактировал с О. И. Сенковским «Библиотеку

для чтения», способствовал публикации первых произведений Майкова. Букет с чугунного балкона и т. д. — Реминисценция «Каменного гостя» А. С. Пушкина (сц. 2).

Конец мира. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 134. Печатается по первой публикации. Архангел брани возгремит и т. д. — Имеется в виду Страшный суд. Стих. — подражание Апокалипсису и библейским пророкам.

Радость. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 28. Печатается по первой публикации.

Измена. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 88. Печатается по первой публикации.

Венера Медицейская. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 12. Печатается по первой публикации. В списке (рукописный альманах кружка Майковых «Лунные ночи», 1839) эпиграф в расширенной редакции (после слов «Римской императрицы» следует): «Ваятель — полагают некоторые из них — вовсе не думал представить богиню, но потомство, не веря, чтоб такая красота могла

быть уделом простой смертной, нарекло произведение его статуею Венеры».

В письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 февраля 1888 г. Майков вспоминал: «...в 1838 году Никитенко с кафедры посвятил чтению и разбору моих двух представленных ему стихотворений (мы ведь обязаны были представлять сочинения) Венера Медицейская и Гнев Божий. Разбор был торжественный. Никитенко объявил это представление ему двух таких пьес как событие. Слухи прошли заранее между студентами, и амфитеатр аудитории был набит изо всех курсов. А я, маленький, как теперь вижу, по 14-му году совсем от стыда скорчился, хотел спрятаться сколько мог. Но помню вот что: я несколько не возгордился, мне просто казалось, что так и должно быть, что так в порядке вещей, что это то же, что хорошо отвечать на репетиции, что знать хорошо урок. Да я и значения поэта не понимал. Какое было неразвитие тогда в сравнении с нынешним! <...> Вот это-то событие и решили принять как первое публичное, с кафедры, заявление о моей поэтической деятельности, и с него считать юбилей».

Слава. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 117. Печатается по первой публикации.

Певцу, Впервые — Стихотворения. Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 125. Печатается по первой публикации. Стих, было приведено П. А. Плетневым (см. примеч. к стих. «П. А. Плетневу», т. 1, с. 519) на Университетском акте 25 марта 1842 г. И, укрощен, приляжет лев и т. д. — Имеется в виду миф об Орфее.

Дориде. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 91. Печатается по первой публикации.

Магдалина. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 47. Печатается по первой публикации. Судя по упомянутым в стих, реалиям, описывается картина Тициана «Кающаяся Мария Магдалина».

Пери и Азраил. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 61. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, кн. 1, СПб., 1858, с. 89.

«Долин Евфратовых царицы...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 76. Печатается по первой публикации.

«Отвергла гордая мой чистый жар любви...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 143. Печатается по первой публикации. Эпиграф — неточная цитата из Вергилия (Энеида, IV, 465).

Мститель. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 149. Печатается по первой публикации.

Италия. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 162. Печатается по первой публикации. Мрамор твой II Давно по-
прал пришлец чужой. — Речь идет об австрийском господстве в Италии после Венского конгресса 1814-1815 гг. Зачем старик, как лунь седой и т. д. — Имеется в виду папа римский. Благословляет мир и град. — Имеется в виду формула папских посланий: «Urbi et orbī» (лат.) — «Городу и миру», т. е. всем. Облик мальчика лукавый — Амура. Лиры бог — Аполлон. Речь идет, вероятно, о собрании Ватиканского музея (см. примеч. к стих. «После посещения Ватиканского музея», т. 1, с. 514).

Два гроба. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 83. Печатается по первой публикации. Гранит Финлян-

дии... // Стал грозным сторожем под образом Петра. — Речь идет о пьедестале памятника Петру I («Медный всадник»). Скандинав — Карл XII (1682-1718), король Швеции. Разгром его под Полтавой 27 июня 1709 г. явился началом его падения. Носилки бранные — надгробный мавзолей, — Раненый Карл XII был на поле боя вынесен слугами. Возможно, образ подсказан Майкову пушкинской поэмой «Полтава» («Песнь третья»).

На смерть Лермонтова. Впервые — «Литературная газета», 1939, 15 октября (публикация Н. Л. Бродского). В письме (черновик) к издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому Майков, предлагая опубликовать стих, на страницах его журнала, писал: «Участье, с которым следили за развитием таланта покойного М. Ю. Лермонтова Отеч. зап., возлагает на меня нравственную обязанность поделиться с Вами впечатлением, произведенным на меня его кончиною <...> не желание найти предмет для песни своей музы, а истинное чувство заставило меня начертать эти строки — отчего, может быть, они и теряют несколько в литературном отношении».

Scholia. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 96. Печатается по первой публикации.

«Свершай служенье муз в священной тишине...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 116. Печатается по первой публикации. Первую строку ср. с пушкинской («Служенье муз не терпит суеты...») в стих. «19 октября» (1825).

Элегия. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, No 3, с. 135. Печатается по первой публикации.

Превращение. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, No 7, с. 5. Печатается по первой публикации.

Предсказание. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, No 11, с. 12. Печатается по первой публикации.

Минутная мысль. Впервые — «Библиотека для чтения», 1843, No 1, с. 12. Печатается по первой публикации.

«Для прозы правильной годов я зрелых жду...» Впервые — Ежегодник, 1976, с. 179 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации.

<Отрывки из дневника в Риме>. В 1840-х годах Майков напечатал ряд стих, (с подзаг. «Отрывок из дневника в Риме»), связанных с его пребыванием в Италии. В данном цикле собраны четыре стих.: первые два объединены указанным загл. в автографе, два другие публиковались с соответствующий подзаг.

1. «Лишь утро красное проглянет в небесах...» Впервые — Ежегодник, 1976, с. 180 (публикация И. Г. Ямпольского), Печатается по первой публикации. Волчица и пастух и мальчиков спасенье и т. д. — См. примеч. к «лирической драме» «Три смерти», с. 475. Чертоги Августов. — Имеется в виду дворец римских императоров на холме Палатин.

2. «Уж месяц март. Весна пришла: так густ...» Впервые — Ежегодник, 1976, с. 180 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. У свежих струй, люющихся из уст // Уродливых тритонов в гроте мрачном. — Описание фонтана «Il Tritone» в Риме.

3. Двулицый Янус. Впервые — «Отечественные записки», 1845, № 10, с. 231, с подзаг. «Отрывок из «Дневника в Риме», с датой: 1843.

Печатается по первой публикации, с исправлением опечаток («...встречалось мне в беге», «В снежных горах...») в ст. 55, 105 по автографу. В другом автографе вместо ст. 88-96.

*Великая мысль, как победное яр-
кое знамя
В руках полководца, ведет поколе-
нья и светит
Им силой надежды, в борьбе вдох-
новеньем и славой...
Ты понял ее — так оденься во бро-
ню и шествуй,
Борися и падай... Вожди исчезают,
но вечно
Останется мысль, вдохновившая
смелый их подвиг.
Тогда не напрасен останется след
твой в сем мире;
Тогда, умилен, пред твоей триум-
фальной статуей
Потомок пройдет с головой обна-
женной; и слава —
Сама за тобою придет — при-
хотливая дева.*

Вместо ст. 104-105.

Героя гробница — не мрамор с

*торжественной лестью —
А мир, где гремит, где блеснит
его славное имя...*

Я вижу великую реку... — Восходит к Апокалипсису: «И показал мне чистую реку воды жизни...» (Апокалипсис, XXII, 1).

4. «Во мне сражаются, меня гнетут жестоко...» Впервые — «Метеор на 1845 год», СПб., с. 10, в цикле «Два отрывка из дневника в Риме» (вместе со стих. «На дальнем Севере моем...» — см. в разделе «Очерки Рима», т. 1).

Гомеру. Впервые — Ежегодник, 1976, с. 179 (публикаций И. Г. Ямпольского.) Печатается по первой публикации. Интерес к Гомеру сопровождал Майкова всю жизнь, «В начале 50-х годов <...> выучился по-гречески, единственно чтобы расчухать, каким тоном написана «Илиада», ибо чувствовал, что Гнедич не наивен, а Жуковский сладок; должно быть более грубости и непосредственности» (Ежегодник, 1974, с. 51). В архиве поэта сохранились наброски прозаического перевода 1-й и 3-й песен «Илиады»,

Последняя элегия в Риме. Впервые — Ежегодник, 1974, с. 131 (публикация И. Г. Ямполь-

ского). Печатается по первой публикации.

Романс. Впервые — Ежегодник, 1976, с. 181 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. «Романс» — одно из немногих любовных стих. Майкова. В другом неизданном стих, поэт писал:

*Я не могу, подобно многим,
Разбить шалаш на площади
И всем творениям двуногим
Кричать: пожар в моей груди!
Придите, можете увидеть,
Как я умею изнывать,
Любить, терзаться, проклинать,
Боготворить и ненавидеть...*

«В этой сдержанности поэт склонен был видеть своеобразную целомудренность. Уже в конце жизни, в 1893 г., он пишет сыновьям: «Меня <...> упрекали в холодности, главное указывая на то, что нет у меня любовных стихотворений <...> Но о любви своей мне всегда было писать и говорить стыдно. Что кому до этого за дело! Каждого пускать с своим носом к себе в сердце!» (Ежегодник, 1975, с. 74).

Элегия. Впервые — «Отечественные записки», 1845, No 1, с. 238. Печатается по первой

публикации с исправлением опечатки в ст. 11 («оружьями») по автографу. «Memento mori» — первоначально: приветствие, которым обменивались члены монашеского ордена трапистов во Франции.

«Для чего, природа...» Впервые — «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым», СПб., 1846, с. 504. Печатается по первой публикации.

Рождение Киприды. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 633. Стих, свидетельствует об участии Майкова в борьбе В. Г. Белинского с реакционным журналистом и писателем, редактором газеты «Северная пчела» Ф. В. Булгариным (1789-1859). Стих, предназначалось для «Отечественных записок». Сохранились гранки с пометами цензора: в последней строке стих, зачеркнуто «я, я, я!» и предложено взамен два варианта: 1. «Я дерзну, я»; 2. «Это я». Тут же запись: «Только в этом виде напечатать можно». Литерами «Я. Я. Я.» подписывал свои статьи в «Северной пчеле» реакционный журналист, писатель и критик 1830-1840-х годов Л. В. Брант. В них он неоднократно выступал

против «Отечественных записок», руководимых В. Г. Белинским, подвергал злобной критике, граничившей с политическим доносом, издания Н. А. Некрасова («Петербургский сборник», 1846, и «Физиология Петербурга», 1845) и всю демократическую литературу. В своей борьбе с Булгариным Белинский немалое место уделял и Бранту (см.: В. Г. Белинский, т. IV, с. 19-20, 62-63; т. VI, с. 191 — 194 и др.). Брант, приглашенный в «Северную пчелу», писал критик в одной из статей, большая часть которой была запрещена цензурой, «обрадовался, что в руках патрона своего может быть грязною тряпкою, чтобы марать порядочных людей...» (В. Г. Белинский, т. IX, с. 647). Тогда же Брант был высмеян в статье И. И. Панаева «Литературный заяц» («Отечественные записки», 1846, No 2, отд. VIII, с. 124-126). Стих Майкова также написано, по-видимому, в 1845 или 1846 г.; при жизни поэта не публиковалось. Метило оно и в самого Булгарина, что подтверждается близостью основного его мотива басне П. А. Вяземского «Хавронья» («Отечественные записки», 1845, No 4, с. 328, под криптонимом ***), направленной против Бул-

гарина как литературного критика (см. о ней: В. Г. Белинский, т. IX, с. 140, 143). На эту же басню намекает и Н. А. Некрасов в своей эпиграмме на Булгарина («Он у нас осьмое чудо...», написана в 1845, опубликована в 1846).

Скульптору. Впервые — «Отечественные записки», 1847, No 1, с. 48 (в цикле «Очерки Рима»). Печатается по первой публикации.

Анахорет. Впервые — «Отечественные записки», 1847, No 1, с. 52 (в цикле «Очерки Рима»). Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, кн. 1, СПб., 1858, с. 218.

«Думал я, что небо...» Впервые — «Отечественные записки», 1847, No 1, с. 62 (в цикле «Очерки Рима»). Печатается по первой публикации.

На могиле. Впервые — «Современник», 1853, No 11, с. 79. Печатается по первой публикации. Стих, связано, по-видимому, с воспоминаниями о брате поэта, талантливом литературном критике и публицисте Валериане Николаевиче Майкове (1823-1847), умершем от апоплексического удара во время купания. 30 сентября 1847 г. Майков писал своей двоюродной сестре Ю. Д. Ефремовой: «Я до сих пор

еще не могу совершенно освоиться с своим положением; не только прошедшее нас связывало с братом, но все будущее созидалось вдвоем, так что один был необходим другому, и всякий план не иначе мог быть осуществлен, как трудами обоих. Но независимо от прошедшего и будущего всякий момент настоящего мы проживали вдвоем...» (Ежегодник, 1975, с. 78).

«Только пир полночный...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 633.

«Сухим умом, мой милый, ты...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 634.

«Полно притворяться...» Впервые — «Современник», 1853, No 3, с. 119. Печатается по первой публикации.

Поэту. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 635.

Н. А. Некрасову. По прочтении его стихотворения «Муза». Впервые — «Литературное наследство», т. 49-50. 1949, с. 615 (публикация С. А. Рейсера и А. Я. Максимовича). Датируется по содержанию и дневниковой записи Май-

кова (Ежегодник, 1975, с. 86). Не исключена позднейшая доработка, т. к. в стих, введены мотивы произведений Н. А. Некрасова, написанных во второй половине 1850-х годов. «Муза» (написано в 1851, напечатано — «Современник», 1854, No 1) — одно из программных стих. Николая Алексеевича Некрасова (1821-1877), вызвавшее острую полемику, в том числе и в стих. Н. Ф. Щербины, А. А. Фета, Д. Д. Минаева, И. С. Никитина, Вл. Соловьева и др. Несмотря на разницу в убеждениях, Майков в течение 12 лет (1847-1859) сотрудничал в некрасовском «Современнике». Известны положительные оценки Некрасовым ряда стих. Майкова (см.: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем в 12 тт., М., 1948-1952, т. 9, с. 393-395, 607-611). В дальнейшем в отношениях двух поэтов ведущей становится тенденция к резкому идейно-эстетическому размежеванию и полемике. См. также примеч. к стих. «Пастух» и «Арлекин», с. 498. Идет обрывом лес зеленый и т. д. — Эти строки с небольшими вариантами вошли в стих. Майкова «Пейзаж» (см. т. 1, с. 152). Отзываясь о поэме Некрасова «Саша», Майков 26 декабря 1855 г. записал: «Для

меня то любопытно, что этой пьесой как будто оправдалось мое послание к нему, за два или за три года перед сим писанное...» (Ежегодник, 1975, с. 86).

Весенний бред. Впервые — «Современник», 1854, № 4, с. 139. Печатается по первой публикации. Михаил Парфенович Заблоцкий-Десятовский (ум. 1858) — статистик, близкий друг Майкова со студенческих лет, постоянный посетитель кружка Майковых в 1840-е годы. В «Современнике» (1854, № 6. Литературный ералаш IV, с. 60-62) была помещена пародия Н. С. (критика Н. Н. Страхова) на этот стих., озаглавленная «Ночная заметка». В редакционной преамбуле к ней говорилось, что, хотя она и «опровергает» мысль Майкова, но служит доказательством, что «поэт тронул живую мысль». В пародии были такие строки:

*А, книга новая! И в ней «Весенний
бред».
Прелестно! Бредит так лишь истинный поэт.*

Одобрив картины природы и «стих» Майкова, пародист далее писал:

*Беда не в том, что слаб у челове-
ка разум,
Беда — заносчивость кичливая
ума,
Беда — к умам других неправое
презренье.
Не понимаешь ты? скажи: не по-
нял я,
А не кричи тотчас: безумье, за-
блужденье!
Вся крохотная мысль искажена
твоя
Ругательством пустым, бесчин-
ным и не новым...*

Майков, как следует из его неотправленно-го письма к М. П. Заблоцкому-Десятовскому (декабрь 1855 — январь 1856), считал, что его не поняли: ««Весенний бред» весь взят из жизни; как глупо его растолковывали: гонение на науку! Я-то на науку! нет, никогда! а на клопов, которые заводились в храме науки, — это так» (Ежегодник, 1975, с. 85). Позиция поэта не изменилась и спустя многие годы. К беловому автографу с попыткой позднейшей правки приложена следующая записка: «Перебирая свои старые бумаги, я нашел

прилагаемое стихотворение. Оно было напечатано сорок два года назад в Отеч. записках и вызвало тогда сильное негодование серьезной критики, усмотревшей в оном оскорбление достоинства науки. Я не перепечатывал его в собрании своих стихотворений не потому, чтобы поверил критике, уличавшей меня в обскурантизме, а потому что почувствовал сам, что в нем есть прозаические места и рассуждения. Перечтя, однако, его теперь, нахожу, что в нем — в первой и последней его трети чувствуется юношеский жар, свежесть, игривость и даже в общем выдержанность настроения. Если редакция Русского обозрения признает такое мое впечатление справедливым, то не имею ничего против напечатания его на страницах ее журнала. Прим. авт.». В журнал стих., по-видимому, не было отослано: публикация его не обнаружена.

Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе. Впервые — «Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности», 1854, т. 3, стлб. 388. Предполагавшаяся в 1853 г. публикация стих, в «Современнике»

не состоялась, т. к. его тема вызвала настороженное отношение цензуры, связанное с осложнением внешнеполитической ситуации в канун вступления в Крымскую войну Англии и Франции на стороне Турции. Отзываясь о «Памяти Державина» и некоторых других стих. Майкова, Н. А. Добролюбов писал в 1860 г.: «Все это было естественно и понятно в ту пору всеобщего увлечения воинственным величием России; но все это прошло, и поэты стараются уничтожить следы тогдашних увлечений в полных собраниях стихов своих» (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 тт., М.-Л., 1961-1964, т. 6, с. 159). Сам Майков также был недоволен сб. «1854-й год», куда вошло данное и ряд подобных стих. Уже в конце 1855 г. он писал: «...увлечение, смело высказанное, но временем не оправданное, отчего все ее пьесы в художественном отношении теряют. <...> Вся книжка «1854-й год» верна чувству, меня одушевлявшему, но недостаток в ней <...> — невладение страстью, желание навязать ее всем, гнев на тех, кои ее не разделяли, отчего разрыв с западниками в «Арлекине»: мечты о России, рисование того, что

должно бы быть, при закрытых глазах на то, что есть» (Ежегодник, 1975, с. 84, 85-86). Критические замечания на данное стих. см. в письме А. Ф. Писемского к Майкову от 8 мая 1854 г. (А. Ф. Писемский. Собр. соч. в 9 тт. М., 1959, т. 9, с. 571). Гаврила Романович Державин (1743-1816) — русский поэт, воспел в своих одах военные триумфы России. Победы при Синопе и Ахалиихе. — Во время Крымской войны, 18 ноября (ст. ст.) 1853 г., в Синопской бухте Черноморская эскадра адмирала П. С. Нахимова разгромила эскадру турецкого флота. Близ крепости Ахалцихе в Грузии 14 ноября того же года русские войска одержали победу на суше. Кагульский гром, — Имеется в виду сражение русских и турецких войск 21 июля 1770 г. во время войны 1768-1774 гг. на берегу реки Кагул, в котором победили войска П. А. Румянцева. Пошли к величью и добру. — Ср. в «Стансах» А. С. Пушкина: «В надежде славы и добра...». И как матрос и плотник жил. — Ср. в «Стансах»: «То мореплавателъ, то плотник...». Восстанъ же днесъ и виждь. — Ср. в стих. А. С. Пушкина «Пророк»: «Восстанъ пророк, и виждь, и внемли...». Дух отрицанья,

дух сомнения — цитата из стих. А. С. Пушкина «Ангел». Герои Измаила. — Крепость Измаил была взята штурмом войсками А. В. Суворова 11 декабря 1790 г. Державину принадлежит стих. «На взятие Измаила».

«Нет, не для подвигов духовных...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 640.

Осень. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 641.

<Коляска>. Впервые — «Московские ведомости», 1898, 18 февраля. При жизни Майкова не печаталось. Загл. Майкову не принадлежит, но, по-видимому, было им признано, т. к. позднее стих, фигурирует в его записях как известное под именем «Коляска». Стих, было написано в дни, когда в период Крымской войны, в марте 1854 г., корабли английского флота вошли в Финский залив и угрожали Кронштадту. Панегирик Николаю I, прозвучавший в этом и ряде других стих. Майкова 1854-1855 гг., резко подорвал репутацию автора в кругах русской интеллигенции. Всеобщее возмущение и недоумение, вызванное позицией Майкова, точно выразил в своей эпи-

грамме Н. Ф. Щербина, обратившись к автору «Коляски» с вопросом: «Скажи, подлец ли ты или «скорбен головой»?» (Н. Ф. Щербина. Избранные произведения, Л., 1970, с. 267, БП. БС. Там же другие эпиграммы на Майкова.) В некоторых стих., не предназначавшихся для печати или подвергнутых цензурной правке, а также в переписке Майков критически отзывался о царствовании Николая I. Такого, в частности, стих., записанное в черновой тетради 1855-1856 гг.. очевидно, уже после смерти царя:

*Я вижу трудовых сподвижников
Петра,
За ними следуют орлы Екатери-
ны.
Там александровских встречаю
генералов.
От Николая же времен
Ряд николаевских остался лишь
капралов.*

Через несколько лет, характеризуя положение России после реформы 1861 г., Майков писал М. Н. Каткову 15 сентября 1861 г.: «Мы чуть-чуть что <не> на точке поворота назад

<...> все, что было зло на новое, что только носило маску либерализма, поспешило вдруг проявиться во всем блеске николаевщины; во всем и везде видны заговоры, словом, обычное тупоумие выплывает теперь на всех ступенях общества, и науке и свободному развитию мысли предстоит, вероятно, новое гонение...» (ГБЛ). В дальнейшем отношении Майкова к Николаю I еще не раз менялось, но его колебания не вели к попытке усомниться в основах государственного строя.

Встреча. Впервые — «Отечественные записки», 1854, No 3, с. 1. Печатается по первой публикации.

Пастух. Впервые — «Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности», 1855, т. 4, стлб. 42. Было прочитано в заседании Второго отделения 18 ноября 1854 г. Написано в связи с Крымской войной 1853-1856 гг. Стих, получило высокую оценку Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова (см.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 9, с. 609). Сам Майков также выделил это стих, как наиболее удачное в сб. «1854-й год» (см.: Ежегодник, 1975, с. 84).

Арлекин. Впервые — «Современник», 1855, No 1, с. 205, без ст. 208-211. Полный текст впервые — сб. «1854-й год», с. <43>. Резкая оценка стих, дана в эпиграмме Н. Ф. Щербины («Он в «Арлекине» воспевал // Нам Третье отделение...»). Отрицательное мнение было высказано и в анонимной рецензии «Отечественных записок» (1855, No 2, отд. IV, с. 119). Считая, что его «мысли и чувства о России» были неправильно поняты, Майков писал С. П. Шевыреву (до 18 февраля 1855 г.): «Они говорили, что «непристойно говорить слогом Конька-Горбунка о великих событиях (революции) и смеяться над ними». Поддевают ловко, но недобросовестно, ибо в «Арлекине» ясно, что автор и не думал изображать картину этих мировых событий и смеяться над началами, ими выработанными, — избави меня боже! Мир не может теперь и стоять иначе как на этих началах; но я осмеял спекуляторов на эти начала. Я их назвал арлекинами, ибо им нет еще названия, они еще не обличены. Таких арлекинов в религии мм называем ханжами. Мы внаем арлекинов-патриотов <...> Но, кроме этих, есть и такие, которые опира-

ются и на другие почтенные начала и оскверняют их, придают себе значение и набивают карман. Неужели От. зап. приняли это на свой счет?..» (ГПБ). Во имя братства и свободы — намек на лозунг французской буржуазно-демократической революции XVIII в.: «Свобода, равенство, братство!» Крымский поход — Крымская война 1853-1856 гг. Nessun maggior dolore — цитата из «Божественной комедии» Данте (Ад, V, 121-123).

«Окончена война. Подписан подлый мир...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 654. В архиве Майкова сохранилась другая редакция этого стих. Вот ее заключительные строки:

*Но эта брань спасла честь русско-
го народа —
Уразумел, к чему способен он,
Когда б в его вождях был разум
просветлен,
И мир на знамени б его прочел:
«Свобода!»*

Парижский мирный договор, положивший конец Крымской войне 1853-1856 гг., был заключен 18 марта 1856 г. на невыгодных для

России условиях.

Вихрь. Впервые — «Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности», 1856, т. 5, стлб. 74 (раздел «Выбор из произведений современных писателей») с подзаг. «Из поэмы «Страшный суд»», и «Отечественные записки», 1857, No 1-2, с. 1. Дантов адский вихрь... к Я в ужасе упал полуживой — из «Божественной комедии» Данте (Ад, III). В это же время Майков писал и другое подражание Данте — поэму «Сны», см. примеч., с. 513.

Борьба. Впервые — «Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, изданные под редакциею Ник. Вас. Гербеля», т. 2, СПб., 1857, с. 71. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Der Kampf».

«В часы полуночных видений...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения, БП, БС, с. 658.

<Из «Неаполитанского альбома»>. Печатается впервые, по автографу. Стих, предназначались для «Неаполитанского альбома», но не были опубликованы. Точной датировке не поддаются; отнесены к 1858-1859 гг. — време-

ни создания большей части произведений данного раздела.

Новогреческая песня. Впервые — Ежегодник, 1974, с. 132 {публикация И. Г. Ямпольского}. Печатается по первой публикации. Автограф в письме Майкова к жене от 25-27 марта 1859 г. В конце 1850-х годов Манков перевел ряд новогреческих песен, но данное стих, является его оригинальным произведением («эту новогреческую песню сочинил я»). Да про море, море белое. — См. примеч. к стих. «Ласточка примчалась...» (т. 1, с. 548) Майков писал: «Белым морем нынешние греки называют Архипелаг».

«На белой отмели Каспийского поморья...» Впервые — «Отечественные записки». 1863, No 1, с. 1. Певец — Т. Г. Шевченко (1814-1861) в 1847 г. за ?тих. революционного содержания был сослан в Отдельный Оренбургский корпус рядовым с запрещением писать и рисовать.

Празднословы. Впервые — «Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова», М., 1864, с. 31.

Недогадливый. Впервые — «Народное чте-

ние», 1860, No 4, с. 76. Печатается по первой публикации с восстановлением по автографу пропущенной строки («Мать — учи его, как жить с женою!»). Перевод песни «Вукоман и Вукоманка» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

<Из «Сербских песен»>. Печатается впервые по автографу. Датируется приблизительно по времени работы Майкова над переводами из сербского фольклора. Перевод песни «На части» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

Другу Илье Ильичу. Впервые — «Библиотека для чтения», 1862, No 1, с. 1 (др. ред.). Окончательная редакция, но с цензурной правкой — «Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова», М., 1864, с. 28. Впервые подлинно авторский текст — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 660. Стих, имело сложную цензурную историю (ЦГИА). В числе других оно должно было публиковаться в приложении к «Русскому вестнику», вышедшем затем отдельным изданием («Новые стихотворения (1858-1863) А. Н. Майкова», М., 1864). 23 января 1864 г. председатель Москов-

ского цензурного комитета М. П. Щербинин писал министру внутренних дел П. А. Валуеву о том, что цензурный комитет, «затрудняясь одобрить» представленное редакцией «Русского вестника» стих, Майкова, в котором «выставляется неизвестное официальное лицо, которое, благодетельствуя России, под видом либерализма, введением французских порядков, в сущности есть не что иное как тиран либерализма», предоставляет решение этого вопроса «на благоусмотрение» министра. 25 января, не дожидаясь ответа Валуева, Щербинин сообщил министру о своем решении печатать стих, основанном «на удостоверении редакции, что они не заключают в себе ни малейшего намека на какое-либо государственное лицо, а делается обращение к другу поэта, юному либералу, толкующему с товарищами и обнаруживающему бюрократические и лжелиберальные наклонности...» Вместо испрашиваемого Щербининым «благоклонного одобрения <...> такого <...> действия» Московский цензурный комитет получил от министра резкий выговор. «Не могу не выразить сожаления, — писал Валуев 30 янва-

ря 1864 г., — о последовавшем уже напечатании стихотворения г. Майкова <...> так как заключающиеся в нем намеки могут возбудить такие толки и недоразумения, отстранение которых по действующим ныне узаконениям лежит на обязанности цензуры». Недовольство Валуева имело некоторые личные основания: из позднейшей заметки Майкова явствует, что в адресате «послания» министр увидел свои собственные черты и даже «стал допытывать, не его ли я разумел?» Однако смятение в высших цензурных инстанциях было вызвано куда более серьезными и для поэта и для издателя «Русского вестника» обстоятельствами: в петербургских кругах, близких ко двору, распространились слухи, что стих. «Другу Илье Ильичу» — пасквиль на Александра II. 14 февраля 1864 г. Ф. И. Тютчев получил письмо от Валуева, в котором последний утверждал, что в стих, «видят» прямой намек на Александра II (см.: Г. Чулков. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева, М.-Л., 1933, с. 157, 158). 16 февраля А. В. Головнин, который в 1861-1866 гг. был министром народного просвещения, писал великому кня-

зю Константину Николаевичу: «Посылаю Вашему Высочеству при сем стихи Майкова <...>, пропущенные московскою цензурою, как мне сказывал сегодня Валуев, вследствие усиленной просьбы редактора Каткова. Признаюсь, что я не пропустил бы их, несмотря на все желание мое простора печатному слову. Трудно поверить, чтобы в тех стихах не было прямого порицания действий государя и чтоб автор желал просто сопоставить администратора прежнего времени и нынешнего. Очевидно, что здесь дело идет не о типе, а о портретах» (Центральный государственный архив Военно-морского флота. Текст письма сообщен М. Д. Эдзоном), Автор вынужден был защищаться. 15 февраля по совету Ф. И. Тютчева Майков написал на его имя объяснительное письмо с тем расчетом, что адресат доведет его до сведения царя. 17 февраля основное содержание этого письма поэт изложил в письме к М. Н. Каткову: «Я поставлял на вид, что стихотворение написано 3 года тому назад — и в 1861 (кажется) было напечатано и читано публично, и никому в голову тогда не приходило такого глупого толкования...» (ГБЛ). Ар-

гументация Майкова не слишком убедительна: текст, помещенный в «Русском вестнике», резко отличается от текста первой публикации («Библиотека для чтения»), и основания, позволяющие увидеть некоторые черты царя в адресате стихотворного послания, несомненно, были (см., например, ст. 89-90, намекающие на реформу 1861 г.). Есть в стих, и намеки на Николая I — «папеньку» героя. Это, между прочим, подтверждается близостью ст. 433-434 поэмы «Сны», не пропущенных цензурой: «Старик тот ждал царя... Мы рвемся все к царю! // Да свечи за него мы ставим к алтарю!» к ст. 86-88 «послания»: «Конечно, память твой папа у стариков // Оставил добрую, — и ставят пред иконы // И нынче за него свечу...» Тем не менее из позднейшей пометы Майкова на черновике письма к Тютчеву следует, что объяснениям поэта царская фамилия поверила. Об этом автор «послания» и уведомил Каткова 18 февраля 1864 г.: «Великий князь наследник прочел вслух государыне стихотворение, и они не нашли никакой черты, в которой автор имел бы в виду государя <...> причем государь наследник сказал со своей

стороны, что он «умеет читать между строчками»» (ГБЛ). Таким образом, история с «пасквилем» разрешилась в целом благополучно, хотя и осложнила и без того напряженные отношения Майкова с Валуевым. Имела эта история и общественный резонанс, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что из рецензии М. Е. Салтыкова-Щедрина на сб. Майкова «Новые стихотворения...» был исключен, видимо, под нажимом цензуры, текст стих. «Другу Илье Ильичу», в гранках приведенный полностью (см.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт., М., 1965-1977, т. 5, с. 666).

<Из цикла «Дочери»>. Печатается впервые по автографу; см. примеч. к циклу «Дочери», т. 1, с. 523.

Недавняя старина. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения, БП. БС, с. 662. По первоначальному замыслу, стих, должны были открывать раннюю редакцию «трагедии в октавах» «Княжна ***» (см. примеч. с. 478). Позднее автор намеревался, по-видимому, использовать их как самостоятельные произведения.

Ваятелю. Впервые — «Кругозор», 1876, No 1,

1 января, с. 1, Печатается по первой публикации. Стих, написано, по-видимому, в связи с объявленным в 1872 г. конкурсом на проект памятника А. С. Пушкину в Москве.

«Люблю его — не баловнем Лицея...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения, БП, БС, с. 664. Записано на обороте черновика стих. «Пушкину» вслед за наброском письма, связанного с приглашением принять участие в пушкинских торжествах 1880 г. Герой стих. — А. С. Пушкин. Ферней — город во Франции, где жил Вольтер. Прочь Чайльд Гарольдов плащ! — Чайльд-Гарольд — герой поэмы английского поэта Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», свободолюбец и протестант, разочарованный в современной действительности. Майков отрицательно относился к влиянию Байрона на европейскую литературу, о чем, в частности, свидетельствует сохранившаяся в его архиве эпиграмма на английского поэта.

Эпиграммы. Майков писал эпиграммы на протяжении всей жизни, но не опубликовал их. Большая часть эпиграмм, вошедших в это собрание, впервые опубликована в изд.: А. Н.

Майков. Избранные произведения, БП, БС, с. 665-672. В примеч. источник текста указан только для стих., не вошедших в изд. БП, БС.

1. «За обе щеки утирал...» Впервые — Известия ОЛЯ, 1982, № 4, с. 369 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. И. Г. Ямпольский предполагает, что поводом к созданию эпиграммы могло служить знакомство Майкова с сочинением Михаила Петровича Погодина «Год в чужих краях» (М., 1844), в котором есть такие слова: «Если бы незнакомый человек попался в общество наших литераторов, он никогда не угадал бы, с кем случилось ему говорить: он мог бы почесть их хозяевами, светскими людьми, финансиерами, но никак не литераторами. Даже французского языка, противного для меня во всяких русских устах, он наслушался бы вдоволь от наших литераторов». «Впрочем, наиболее вероятно, — замечает публикатор, — что эпиграмма не связана с каким-нибудь конкретным его высказыванием, а имеет обобщенный смысл».

2. И. И. Л. в 1850-м году, И. И. Л. — Иван Иванович Лъховский (1829-1867) — литера-

турный критик либерального направления, входил в кружок Майковых. Луи Блан (1811-1882) — французский социалист-утопист. Прудон П.-Ж. (1809-1865) — французский публицист и социолог, Фейербах Л. (1804-1872) — немецкий философ-материалист. Грим — вероятно, Я. Гримм (1785-1863) — немецкий филолог и фольклорист. Пальмерстон Г. (1784-1865) — английский государственный деятель, один из вдохновителей англо-франко-турецкой коалиции, направленной против России в период Крымской войны 1853-1856 гг.

3. «С народом говори, не сдержанный боязнью...» Написана в связи со ставшими широко известными злоупотреблениями высших царских чиновников: казнокрадством, подкупами и т. п. Обращена, по-видимому, к Николаю I. Торговая казнь — наказание кнутом рукой палача в присутствии народа; в Москве до 1685 г. происходила на Красной площади.

4. В. П. Б. — Василий Петрович Боткин (1811-1869), писатель, критик и публицист либерального направления. В середине 1850-х годов началось размежевание «эстетической»

(Боткин, А. В. Дружинин, П. В. Анненков) и революционно-демократической (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов) критики. Майков был на стороне Боткина. Не исключено, что под «критиканами» подразумевается и Н. Ф. Щербина (см. ниже эпиграмму No 8), автор злых эпиграмм и на Майкова и на Боткина.

5. «Видал ли ты на небесах комету?..» Дмитрий Васильевич Григорович (1822-1899) — русский писатель-прозаик. Эпиграмма цитируется (с небольшими разночтениями) в письме Майкова к А. Ф. Писемскому от апреля 1856 г. (Ежегодник, 1975, с. 89-90) со словами: «Я произвел эпиграмму, которой много смеялись...», но без указания конкретного повода к ее написанию.

6. «Ты понравиться желаешь...» Печатается впервые по автографу.

7. «Бездарных несколько семей...» Связана с реакцией Майкова на поражение России в Крымской войне 1853-1856 гг. Оставаясь убежденным монархистом, Майков в ряде неопубликованных стих. и прозаических заметок разного времени проявляет резко отрицательное отношение к русской аристократии,

обвиняя ее в забвении интересов народа и равнодушии к его судьбе.

8. «[Щербина] слег опять, — Неужто? — Еле дышит...» Николай Федорович Щербина (1821-1869) — русский поэт, ему принадлежит несколько язвительных эпиграмм на верно-подданнические и консервативные стих. Майкова периода Крымской войны,

9. «От всех хвала тебе награда...» По-видимому, обращено к Я. П. Полонскому и связано с выходом в 1855-1859 гг. сборников его стих., завоевавших, как и некоторые его прозаические опыты и поэма «Кузнечик-музыкант», появившаяся в печати благодаря хлопотам и настояниям Майкова, успех у читателей и критиков различных направлений (Н. А. Некрасова, А. В. Дружинина, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др.). Владимир Рафаилович Зотов (1821-1896) — беллетрист, журналист консервативного направления. В архиве Майкова сохранились две злые эпиграммы на Зотова («Влад. Зотов» и «Рецензент»), смысл которых сводится к тому, что Зотов с ожесточенным недоброжелательством встречает появление всякого нового та-

Ланта.

10. «С трудом читая по складам...» Эпиграмма намекает на реакцию официальных кругов в связи с публикацией в 1864 г. стих. Майкова «Другу Илье Ильичу» (см. примеч., с. 500).

11. Валуев. В черновой тетради запись эпиграммы сопровождалась карикатурой Майкова на Валуева. Петр Александрович Валуев (1815-1890) — министр внутренних дел (1861-1868), в его ведении находилось Главное управление по делам печати. В период создания эпиграммы отношения Валуева и Майкова были сложными. Помимо личных причин (недовольство Валуева публикацией стих. «Другу Илье Ильичу»), неприязнь и противодействие Майкова вызывали меры, предпринимаемые министром по «обузданию» катковских «Московских ведомостей» (см. примеч. к циклу «М. Н. Каткову», т. 1, с. 557). Возмущение поэта вызывали и санкционированные Валуевым цензурные преследования славянофильских изданий И. С. Аксакова, особенно газеты «День». В той же тетради, где записана данная эпиграмма, находится черновой

автограф стих, под загл. «Проект предостережения Аксакову от Валуева» (другой автограф — под загл. «Пародия на Валуевские предостережения»), где высмеиваются основы деятельности министра.

12. «Академия кутит...» Эпиграмма была сообщена Майковым А. В. Никитенко 29 декабря 1867 г. на обеде после годового Акта в Академии наук.

13. «У Музы тяжкая рука...» Вот Пушкин дураком лишь назвал дурака и т. д. — Майков мог иметь в виду прежде всего эпиграмму А. С. Пушкина «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...», а также эпиграммы «Любопытный», «Как сатирой безымянной...». Александр Иванович Красовский (1776-1857) — председатель Комитета иностранной цензуры в первые годы службы Майкова (начиная с 1852) исполняющим обязанности младшего цензора и младшим цензором Комитета. О годах службы под началом реакционера я самодура Красовского, которого П. А. Вяземский в басне «Цензор» назвал «паркою ума, и мыслей, и свободы», Майков писал в стих., сохранившемся в его архиве:

*Но тут встает как демон злой
Муж с конской мордою, с улыбок
бесовской
И вислоухий, как осел:
Сам Александр Иванович Красовский —
«Читай, читай! трудись! пошел!
пошел!..»
И мысль моя опять под игом
чуждых бредней!*

О своей подавленности «тем гнетом, который на нас лежал, и господством кривды и всех мерзких правительственных систем, которые до того возбудили ненависть к существующему порядку вещей, что мы сделались неспособны к преследованию чистых целей искусства», Майков писал в середине 1850-х годов, осуждая многое, созданное им в 1840-е годы (Ежегодник, 1975, с. 83-84). Михаил Романович Шидловский (1826-1880) — начальник Главного управления по делам печати в 1870-1871 гг., откровенный реакционер. В бытность свою тульским губернатором послужил прототипом щедринского градоначальника с «органчиком» в голове («История одного города»).

14. «Вы «свобода» нам кричите...» Первая строка эпиграммы первоначально читалась: «[Все]м [свобода] [вы] кричите».

15. «Ты копируешь, что видишь, художник, случайные образы жизни...» Печатается впервые по автографу.

17. *De mortuis...* Название эпиграммы — начальные слова латинской пословицы «*De mortuis aut bene aut nihil*» — «О мертвых следует говорить хорошее или ничего не говорить».

18. «По службе возносяся быстро...» Адресат эпиграммы — Третий Иванович Филиппов (1825-1899), писатель и публицист славянофильской ориентации, знаток и собиратель старинных русских песен. В 1850-х годах — член «молодой редакции» «Москвитянина». Ты стал товарищем министра. — В 1878 г. Т. И. Филиппов был назначен товарищем государственного контролера, в 1889 г. — государственным контролером (государственный контроль — учреждение царской России, соответствующее министерству; осуществляло наблюдение за правильностью и законностью поступления государственных доходов и

производства расходов).

19. «Пишешь сатиры? — Прекрасно. Бичуешь порок? — Превосходно...» Эпиграмма, по-видимому, адресована М. Е. Салтыкову-Щедрину, в рецензиях и художественных произведениях резко, а подчас и зло критиковавшему политическую и эстетическую позицию Майкова. Возможно, однако, и введение эпиграммы в более широкий контекст отношения Майкова к сатире вообще.

20. После выставки художников. Печатается впервые по автографу.

21. К статуе Ниобеи. Печатается впервые по автографу.

22. «С покойное, звездное небо...» Впервые — «Нива», 1877, No 11, 14 марта, с. 170. Печатается по первой публикации.

23. «Почетным членом избирает...» В 1888 г. в связи с пятидесятилетним юбилеем творческой деятельности Майкова Петербургский, Казанский и Киевский университеты избрали его своим «почетным членом» («Русский вестник», 1888, No 6, с. 299).

25. «За погремушкою шута...» Иван Федорович Горбунов (1831-1895) — русский писатель

и актер, мастер устного юмористического рассказа. С ним Майков познакомился еще в начале 1850-х годов, в период сближения Горбунова и самого Майкова с «молодой редакцией» «Москвитянина».

26. «Киев, весной радостной...» Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836-1905) — драматург и критик консервативного направления.

27. «Вот Дамаскин Алексея Толстого — за автора больно!..» «Свободное слово» — название и рефрен стих К. С. Аксакова, прочитанного им на торжественном ужине в день столетнего юбилея Московского университета (1855). Впервые в подцензурной печати появилось в 1880 г. Дамаскин — поэма Алексея Константиновича Толстого (1817-1875) «Иоанн Дамаскин» (опубликована в 1859 г.).

28. «Нет своего в тебе закала...» Впервые — Ежегодник, 1974, с. 132 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. Автограф в письме Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 1 февраля 1888 г., где замечено, что стих, обращено «к нынешнему поэту вообще».

29. М.....м у. 16 ноября 1893 г. в письме к сы-

ну Владимиру Майков назвал адресата эпиграммы и процитировал ее текст. Отзываясь на услышанные 13 ноября (письмо к сыну от 14 ноября) в авторском чтении, происходившем в доме Майковых, главы из романа Мережковского «Юлиан Отступник», Майков заметил: «...прекрасный труд <...> Добросовестное изучение, воображение в пользовании богатым материалом, оригинальные картины. Очень рад, что из него выходит кое-что — нашел свою дорогу. Сбылось то, что я когда-то давно написал про него...» (далее следует текст эпиграммы). «Случилось так, — заключает Майков, — что пророчество сбылось». Поводом к созданию эпиграммы, по всей вероятности, явились выступления русского прозаика, поэта, теоретика символизма Д. С. Мережковского (1866-1941) в конце 1880-х годов в журналах «Вестник Европы», а затем «Северный вестник» со стихами: некоторые из них явились программными для поэзии раннего русского символизма.

30. Петру Великому. В 1872 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Петра I (1672-1725), в 1882 г. — двести лет со дня его титулования

царем и сто лет со дня открытия памятника ему в Петербурге («Медный всадник»). Эпиграмма Майкова, связанная, по-видимому, со всеми этими событиями, еще раз подтверждает положительное отношение поэта к деятельности Петра I.

31. «Смерть есть тайна, жизнь — загадка...» Печатается впервые по автографу.

32. «Профессор Милюков, в своем трактате новом...» Печатается впервые по автографу. Павел Николаевич Милюков (1859-1943) — русский историк, профессор; после 1905 г. лидер «конституционно-демократической партии» (кадетов). В своем труде «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892) отрицал положительное значение преобразований Петра I. Давно известным Милюковым. — Майков говорит об Александре Петровиче Милюкове, см. примеч. к стих. «А. П. Милюкову. По поводу моего пятидесятилетнего юбилея 1888 г., апр. 30», т. 1, с. 562.

33. Декаденты; «У декадента всё, что там ни говори...». Обе эпиграммы являются, по-видимому, откликом на первые выступления

русских поэтов-символистов в начале 1890-х годов.

35. Анопову. Печатается впервые по автографу. Адресат эпиграммы, по всей вероятности, Иван Алексеевич Анопов (1845-1907), директор (1884-1905) ремесленного училища царевича Николая в Петербурге, деятель по промышленному и техническому образованию. Старший сын поэта — Николай Майков — был инспектором этого училища.

К художнику. Впервые — «Художественный журнал», 1886, No 1, с. 7. Печатается по первой публикации.

Две судьбы. Впервые — ««Две судьбы». Быль Аполлона Майкова», СПб., 1845, с цензурными купюрами. При жизни Майкова поэма не переиздавалась. С восстановлением цензурных купюр «Две судьбы» были напечатаны в изд.: А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС. Там же приведен ряд доцензурных и черновых вариантов, имеющих существенное значение для уяснения политических взглядов Майкова в 1840-е годы. Цензурная и творческая история поэмы рассмотрена в Ежегоднике, 1974, с. 28-33. Современни-

ки подчеркивали злободневность поэмы, глубину понимания затронутых проблем, типичность образов. В рецензии на «Две судьбы» (февраль 1845 г.) В. Г. Белинский писал: «Талант г. Майкова, подавший такие прекрасные надежды, развивается и идет вперед: доказательство — его поэма, богатая поэзией, прекрасная по мысли, многосторонняя по мотивам и краскам» (В. Г. Белинский, т. VIII, с. 635). «Майкова поэма» «Две судьбы», — записал в дневнике А. И. Герцен 17 марта 1845 г. — Много прекрасных мест, много раз он умел коснуться до тех струн, которые и в нашей душе вибрируют болезненно. Хорошо отразилась в нем тоска по деятельности, наша чуждость всем интересам Европы, наша апатия дома etc., etc.» (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 тт., М» 1954-1961, т. 2, с 411). «Ты, я думаю, не читал «Двух судеб» Майкова? — спрашивал Н. Г. Чернышевский А. Н. Пыпина в письме от 30 августа 1846 г. — Вообще в них одно замечательно: жаркая, пламенная любовь к отечеству и науке. Взгляд его на причины нашей неподвижности умственной мне <не> кажется важным, но в этой книге есть чудные ме-

ста особенно о науке...» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., в 15 тт., М., 1939-1953, т. 14, с. 47). Прочитывая сочувственно ст. «Ужель, когда мессия наш восстал <...> Печальное безличье обезьянства», Чернышевский далее излагает в этом письме свои мысли о патриотизме, исторической миссии России, свое понимание общественного долга, Майков, по видимому, также сознавал, что в главном герое поэмы ему удалось запечатлеть один из характерных типов русской дворянской интеллигенции 40-х годов XIX в. (письмо к Ш. де Сен-Жюльену, относящееся к концу 1846 г. — «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, с. 331). «...Владимир — такой двойственный: в нем и русские чувства из «Москвитянина», они же и мои истинные, и Белинского западничество», — утверждал Майков в письме к П. А. Висковатову. И далее говорил о главном герое поэмы, что он «вроде Печорина, только университетского и начитавшегося творений Белинского...» (не датировано, см.: М. Л. Златковский. Аполлон Николаевич Майков, СПб., 1888, с. 40). По-другому, но также признавая типичность этого образа, писал в 1855 г. о

Владимире Н. Г. Чернышевский (в связи с разбором поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». См. Н. Г. Чернышевский, т. 2, с. 510). Впоследствии Майков резко переоценил «Две судьбы»: «...все ложь, кроме двух-трех лирических мест, и пьеса верх скверности» (Ежегодник, 1975, с. 85). Объясняется это характерным для позднего Майкова утверждением решающей роли в его духовном развитии 1850-х годов знакомства с «молодой редакцией» «Москвитянина» и, соответственно, отрицательным отношением к влиянию, оказанному на него «западниками», и в первую очередь В. Г. Белинским, под воздействием идей которого Майков находился в середине 1840-х годов.

Глава первая. Липпи (Фра Филиппо Липпи, ок. 1406-1469, или его сын Филиппино Липпи, ок. 1457-1504) и Джиотто (Джотто, 1266 или 1267-1337) — итальянские художники эпохи Возрождения. К. Гольдони (1707-1793) — итальянский драматург, создатель национальной комедии. А. Тассони (1565-1635) — итальянский поэт, борец за независимость родины. Купол Петра — собор св. Петра в Риме. И в Рим дорогу. — Имеется в виду, вероятно, Ап-

пиева дорога.

Глава вторая. Казанский — Казанский собор в Петербурге. А. Тьер (1797-1877) — французский реакционный государственный деятель, историк. Ф. Гиво (1787-1874) — французский государственный деятель, боровшийся с рабочим движением, историк. О'Коннель Д. (1775-1847) — ирландский сепаратист, борец за эмансипацию католиков в Ирландии. Ярославов двор — площадь средневекового Новгорода, на которой собиралось вече.

Глава третья. Светлый праздник — Пасха. С Байроном бы вместе // Желал я съездить ночью в Колизей! — «Байрон в Колизее» — загл. вольного перевода И. И. Козлова из IV песни «Паломничества Чайльд Гарольда» (впервые напечатан в «Библиотеке для чтения», 1834, т. VII, с. 120-123), Загл. и ремарка («Лунная ночь. Лорд Байрон бродит один по развалинам Колизея; бьет полночь») сочинены Козловым по мотивам строфы 128 байроновской поэмы. Торлони — герцогская семья в Риме, Исакий, жаль, к концу уже идет. — Строительство Исаакиевского собора в Петербурге было завершено в 1858 г. В числе других художников

его расписывал отец поэта Н. А. Майков.

Глава четвертая. Да, жизни розы, // Как говорят поэты, знал и я. — Подчеркнутые Майковым слова, по всей видимости, распространенная в поэзии начала XIX в. метафора. В частности, мы находим ее в вариантах пушкинской «Элегии» 1816 г. («Счастлив, кто в страсти сам себе...»): «Печально младость улетит, // И с ней увянут жизни розы». Не понимать, не видеть, не слышать // ...Не чувствовать — мне было бы отрадой. — Эти строки, несомненно, навеяны четверостишием Микеланджело-ответом на стихи Строцци, которые явились откликом на изваяние Ночи на саркофаге Юлиана Медичи во Флоренции. Будучи в Италии, Майков видел, конечно, творение Микеланджело. Таким образом, задолго до появления в печати (1868) гениального перевода Ф. И. Тютчева («Молчи, прошу, не смей меня будить...») в русской поэзии прозвучало вольное переложение знаменитых строк.

Глава пятая. Бог песнопений — Аполлон. На бытие двух душ родных свои // Не полагал надежды. — Выделенное Майковым слово —

намек на роман И.-В. Гете «Избирательное сродство». Началу всех начал — т. е. богу. Дай бог плодиться вам и долго жить и т. д. — Восходит к Библии (Бытие, I, 28). Подвиг благородный — цитата из стих. А. С. Пушкина «Поэту (Сонет)». Разбойник, дуэлист — цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 4, явл. 4).

Глава седьмая. Оставимте Италию святой. — См. примеч. к стих. *Campana di Roma*, т. 1, с. 514. «Северная пчела» (1825-1864) — русская политическая и литературная газета реакционного направления. «Лучия» («Лючия») — опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797-1848); «Норма» — опера итальянского композитора В. Беллини (1801-1835). Обе были очень популярны в России 1840-х — 1850-х годов.

Машенька. Впервые — в кн.: Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым, СПб., 1846, с. 391, с цензурными купюрами. При жизни Майкова поэма не переиздавалась. Впервые полностью текст исключенных цензурой ст. опубликован в Ежегоднике, 1976, с. 33-39. С восстановлением всех цензурных ку-

пюра поэма напечатана в изд.: А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС.

В. Г. Белинский, называя поэму «прекрасною», писал в рецензии на «Петербургский сборник», сыгравший важную роль в распространении и утверждении программы «натуральной школы» в русской литературе: «Сюжет даже не нов. Но в художественном произведении дело не в сюжете, а в характерах, в красках и тенях рассказа. С этой стороны поэма г. Майкова отличается красотами необыкновенными <...> Лучшая сторона новой поэмы г. Майкова — то, что на вульгарном языке называется соединением патетического элемента с комическим, которое в сущности есть не иное что, как умение представлять жизнь в ее истине. Этой истины много в поэме» (В. Г. Белинский, т. IX, с. 572; см. также т. X, с. 37). А. Григорьев считал, что «во всех прекрасных, но холодных изваяниях певца «Машеньки»» недостает иронии, которой, по его мнению, «в высокой степени» владеет А. Фет («Репертуар и Пантеон», 1846, No 12, с. 407). Сам Майков через десять лет после публикации поэмы расценил ее как неудавшуюся: «...мотивы взя-

ты из жизни, но неопределенна, не сознана
общая мысль поэмы; в герое — несколько об-
щих черт, рассуждения о любви, отношения к
свету, — все заученное, ходившее тогда в ли-
тературе с легкой руки Ж. Занда» (Ежегодник,
1975, с. 85). Языковских студентов. — Речь
идет о поэте Н. М. Языкове (1803-1846) и из-
данных им в молодые годы циклах студенче-
ских песен. И называлась прозою презрен-
ной. — Подчеркнутые Майковым слова — на-
мек на ироническую фразу А. С. Пушкина:
«Презренной прозой говоря» («Граф Нулин»).
Ламартин Альфонс (1790-1869) — француз-
ский поэт-романтик, историк, государствен-
ный деятель. Морская — название одной из
аристократических улиц Петербурга (ныне:
Большая Морская — ул. Герцена; Малая Мор-
ская — ул. Гоголя). Грез Ж.-Б. (1725-1805) —
французский художник-портретист, стремив-
шийся к идеализации природы. «Милей мне
жрица наслаждений // Со всею тайной упое-
ний...» — эти строки принадлежат самому
Майкову; в несколько ином виде они входили
в его ранее неопубликованное стих. «Рассеян
будешь в наслажденья...» «Постыли мне // Все

девы мира!» — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». «Ты рождена воспламенить...» — первая строка стих. А. С. Пушкина «Гречанке». Да вот стихи; скажи, какое чувство и т. д. — эти ст., изъятые цензурой, также принадлежат самому Майкову (они входили во вторую часть названного выше стих. «Рассеян будешь в наслажденьи...»). Тальони Мария (1804-1884) — французская балерина, выступала в Петербурге (1837-1842). Кузины? — Вас увидеть будут ради. — Выделенное в тексте курсивом слово «ради» — намек на вопрос Чацкого к Софье при их первом свидании: «Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите» (д. 1, явл. 7). «Оставь надежду» — цитата из «Божественной комедии» Данте (Ад, III).

Сны. Впервые — «Русское слово», 1859, No 1, с. 1 с цензурными купюрами (выпущено 122 ст. в «песни третьей», от слов: «В народе, вижу я, схватили старика» и до слов: «Как будто гнали нас незримые враги»). Впервые текст исключенных цензурой ст. опубликован в Ежегоднике, 1974, с. 46-49. С восстановлением цензурных изъятий текст поэмы опубликован в изд.: А. Н. Майков. Избранные

произведения. БП, БС. Там же приведены некоторые варианты, важные для уяснения сложной и противоречивой политической позиции Майкова в середине 1850-х годов, в том числе фрагмент чернового наброска посвящения к поэме, позволяющий предполагать, что первоначально оно было адресовано друзьям поэта из кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, и в первую очередь, по-видимому, Ф. М. Достоевскому.

Многочисленные архивные материалы свидетельствуют о том, что Майков в течение долгого времени (1855-1859) работал над поэмой, неоднократно возвращаясь к наиболее важным ее эпизодам. В октябре — ноябре 1855 г. автор читал поэму (в первоначальной редакции) близким друзьям и знакомым. «Вы помните это прекрасное стихотворение, — писал И. А. Гончаров Е. В. Толстой 20 октября 1855 г., — но тогда была одна половина, он прибавил другую, где сильно говорит о злоупотреблениях, ворах и невежестве в нашей родной стране и о том, как внешний вид порядка и строгости прикрывает все это. Сказанное в дантовском тоне, — это выходит ве-

лично, мрачно и правдиво» («Голос минувшего», 1913, № 11, с. 228). А. В. Никитенко записал в дневнике 24 ноября 1855 г.: «На днях <А. Н. Майков> читал у меня свое новое стихотворение «Сны». Оно написано уже в другом духе, чем последние его пьесы. Я советую Майкову не вдаваться ни в какие суетные учения или партии, а быть просто художником, к чему у него истинное призвание» (Дневник, т. 1, с. 425). Говоря о последних пьесах Майкова, А. В. Никитенко в первую очередь имел, по всей вероятности, в виду его стих., посвященные Николаю I, вызвавшие негодование демократической общественности (см. примеч. к стих. «Коляска», с. 497). В поэме «Сны», особенно в запрещенных цензурой строках, отразились совсем иные настроения автора, близкие передовой части русского общества. Позиция Майкова, впрочем, была весьма неустойчива. В декабре 1855 г. он писал, что «грех» сборника «1854-й год» искупается «не менее страстно, и, следовательно, опять далеко от истинной поэзии, — «Сном» — подражание Данту...» (Ежегодник, 1975, с. 86). А 15 апреля 1857 г. в письме к П. А.

Плетневу вновь говорил о важном для него значении «Снов»: «...нынешняя осень и зима были для меня самые счастливые в моей жизни авторской <...> я написал очень много, и чувствую сам, попал наконец на хорошую дорогу. И стих и приемы — все стало иное. Этому много виною, что в общих положениях (в моей философии) попал я на хороший Standpunkt <Сточку зрения, нем. — Ред.>, забрался на такую высоту, откуда понял значение событий и явлений, каким был свидетель в жизни, и решил инстинктивно, для себя, разумеется, многие из вопросов литературных, которые составляют предметы споров нашего пишущего мира. Следствием этого был величайший, благословеннейший мир в душе моей, полная свобода от чужих принятых и отвергаемых воззрений и новое, спокойное течение мыслей и стихов. Успокоенная насчет вопросов века, муза моя разродилась <...> целой поэмой в 4-е песни. Поэма эта развилась из тех двух видений, которые я читал Вам прошлого года. Эти видения вошли в нее. Теперь вся она, кажется, кончена... (Ежегодник, 1975, с. 92-93).

Все старания Майкова опубликовать поэму полностью не увенчались успехом. После публикации «Снов» в «Русском слове» в искаженном цензурой виде Гончаров писал автору, интересовавшемуся отзывами о поэме: «Я, собственно, я — не шутя слышу в ней Данта, то есть форма, образ, речь, склад <...> Но говорят о нем — скажу откровенно — мало Причина этому, конечно, Вам понятна: поэма не вся напечатана, из нее вырезано сердце, разрушена ее симметричность, словом, она искажена и со стороны архитектуры, и со стороны мысли <...> По-моему, ничто так сильно не доказывает Вашего искреннего и горячего служения искусству, как эта. поэма: Вы создавали, не заботясь о цензуре, о печати, Вы были истинный поэт в ней и по исполнению, столько же и по намерению» (И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8 тт., М., 1977-1980, т. 8, с. 267-268). Находясь в Ницце, Майков читал свою поэму в доценаурном варианте П. А. Вяземскому, который сообщал 6 (18) декабря 1858 г. М. П. Погодину: «Здесь русская эскадра, при ней русская литература: Майков и Григорович <...> Майков написал прекрасную поэму «Сны», где

много поэзии и действительности» (ГБЛ). По-видимому, там же автор читал «Сны» и семье декабриста С. Г. Волконского, в архиве которого сохранилось несколько списков этой поэмы.

Посвящение. О сын мой, милый сын, как резвый и живой и т. д. — «Посвящение» и вся поэма автобиографичны.. Здесь, вероятно, имеется в виду сын поэта, Николай, родившийся 24 января 1853 г.

Песнь первая. Искусства труженик, без жажды славы лживой — отец поэта, художник Николай Аполлонович Майков (1796-1873). Речь идет о детских годах Майкова, проведенных под Москвой в поместье отца, сельце Никольском, недалеко от Троице-Сергиевской лавры. Из братьев я хоть был всех старше годами. — Братья Майковы: Аполлон (1821-1897), Валериан (1823-1847), Владимир (1826-1885); журналист и переводчик, Леонид (1839-1900), историк литературы, академик. Красным // Он машет колпаком... — Красный колпак — фригийский.

Песнь третья. Явился царь и т. д. — Речь идет о Николае I. Убежденный монархист,

Майков тем не менее не мог не ощущать, в каком тяжелейшем положении находилась Россия во времена николаевской реакции. Однако он склонен был объяснять все злоупотребления лишь влиянием на царя окружающих его лживых, ничтожных и презирающих народ и родину сановников (см. эпиграмму «С народом говори, не сдержанный боязнью...» и стих. «Окончена война. Подписан подлый мир...»). От храма хлынула народная волна. — См. примеч. к стих. «Вне ограды Campo Santo...», т. 1, с. 526. «Наука — это бунт!» — твердили в слух царя... и т. д. — В 1849 г. появились настойчивые слухи, вызванные постоянным ужесточением правительственной реакции, о закрытии университетов и превращении их в узкоспециальные учебные заведения. В начале Крымской войны 1853-1856 гг. начальством было инспирировано «желание» студентов обучаться военному строю, чтобы в случае необходимости вступить в ополчение.

Песнь четвертая. В черновых набросках этой «песни» имеются строки, связанные с коронацией Александра II (26 августа 1856,

Москва), — они позволяют прояснить позицию Майкова, уповавшего на решительные преобразования, которых он ожидал от нового императора,

Примечания

В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1955, с. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (том, страница).

[^^^]

Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, с. 533.

[^^^]

См.: Л. Ланский. Библиотека Белинского. — «Литературное наследство», т. 55, М., 1948, с. 474-476.

[^^^]

Д. Мережковский. Вечные спутники. Достоевский. Гончаров. Майков, изд. 3, СПб., 1908, с. 66.

[^^^]

И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова. —
«Ежегодник Рукописного отдела Пушкинско-
го дома на 1974 год», Л., 1976, с. 37.

[^^^]

«Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сборник материалов. Составил П. Е. Щеголев», М.-Л., 1926, с. 20-26.

[^^^]

И. Г. Ямпольский. Из архива А. Н. Майкова, с. 42.

[^^^]

«Русский библиофил», 1916, No 7, с. 80.

[^^^]

Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, М.-Л., 1962, с. 355.

[^^^]

М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 5, М., 1966, с. 434.

[^^^]

Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти т., т. 6, М.-Л., 1963, с. 278.

[^^^]

«Русский библиофил», 1916, No 7, с. 74.

[^^^]

Б. В. Мельгунов. К творческой истории поэмы Некрасова «Саша». — «Русская литература», 1977, No 3, с. 101.

[^^^]

Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив А. Н. Майкова.

[^^^]

Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив А. Н. Майкова.

[^^^]

См.: А. Уманьский. Аполлон Николаевич Майков. — «Русское богатство», 1897, No 4, с. 41.

[^^^]

Ф. Зелинский. Древний мир в поэзии А. Н. Майкова. — Из жизни идей, СПб., 1908, с. 235.

[^^^]

М. И. Сухомлинов. Особенности поэтического творчества А. Н. Майкова. — «Русская старина», 1899, No 3, с. 486-487.

[^^^]

А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11, изд. АН СССР, М.-Л., 1949, с. 495.

[^^^]

Эти три стихотворения, которые я назвал «Эпикурейскими песнями», назначались в поэму «Три смерти», как бы сочинение Лукана; но одно за другим браковывались.

[^^^]

Римская Кампанья (итал.). — Ред.

[^^^]

Любовник (итал.). — Ред.

[^^^]

Счастливая (итал.). — Ред.

[^^^]

Я сотворен божественной силой, высшим знанием и первой любовью.

Данте, Ад, песнь III (итал.). — Ред.

[^^^]

Хозяин! хозяйка! (итал.). — Ред.

[^^^]

Дворец (итал.). — Ред.

[^^^]

Нарастание звука (итал.). — Ред.

[^^^]

Если бы я был ангелом. (итал.). — Ред.

[^^^]

В медленном темпе (итал.). — Ред.

[^^^]

В быстром темпе (итал.). — Ред.

[^^^]

Гостиница «Великобритания» (итал.). — Ред.

[^^^]

«Таймс» (англ.). — Ред.

[^^^]

Кафе «Европа» (итал.). — Ред.

[^^^]

Городские власти (итал.). — Ред.

[^^^]

«Прекрасная соррентинка»? (итал.) — Ред.

[^^^]

Почему нет? (итал.). — Ред.

[^^^]

«Уже луна посреди моря» (итал.). — Ред.

[^^^]

Слезы Христовы (лат.). — Ред.

[^^^]

Кладбище (итал.). — Ред.

[^^^]

Кафе «Европа» (итал.). — Ред.

[^^^]

Какое прекрасное имя! (итал.). — Ред.

[^^^]

Напротив, лицом к лицу (франц.). — Ред.

[^^^]

На крыльях песни (нем.). — Ред.

[^^^]

Возвышенное (лат.). — Ред.

[^^^]

Возрождение (франц.). — Ред.

[^^^]

В поэме Антиной предполагается родом из Сирии, через которую проходили всякие философские и религиозные учения древности, оставляя свой осадок в местном населении. То были учения Египта, Вавилона, Иудеи, Греции и Рима и пр. Все эти влияния отразились во впечатлительной душе красавца-Антиноя, и в альбоме, куда он выписывал, что его поразило, и вносил также свои заметки.

[^^^]

Из тьмы свет (лат.). — Ред.

[^^^]

Тебя, бога <хвалим> (лат.). — Ред.

[^^^]

Святой отец! (исп.). — Ред.

[^^^]

«Хорошо, хорошо!» (лат.). — Ред.

[^^^]

Господа (итал.). — Ред.

[^^^]

Тот синьор (итал.). — Ред.

[^^^]

И художник? (итал.) — Ред.

[^^^]

Эти четыре строчки найдены в бумагах Пушкина, как начало чего-то. Да простит мне тень великого поэта попытку угадать: что же было дальше?

[^^^]

По обязанности, по должности (лат.). — Ред.

[^^^]

Салонные игры (франц.). — Ред.

[^^^]

«Если бы ты знал, как я тебя люблю!»
(франц.). — Ред.

[^^^]

Первого любовника (франц.). — Ред.

[^^^]

Рассказ этот взят из Волынской летописи. Емшан — название душистой травы, растущей в наших степях, вероятно полынок.

[^^^]

Городец на Волге; там умер на возвратном пути из Орды в. к. Александр Ярославич Невский в 1263 году.

[^^^]

Кн. Михаил Черниговский.

[^^^]

Рассказ этот представлен здесь почти без изменений, как он записан Е. В. Барсовым в Онежском крае и напечатан между многих других, в «Беседе», под общим названием «Петр Великий в преданиях Северного края». Он записан собирателем со слов рассказчика прозой; но и в этой прозе сами собой сквозят стихи, я пытался только восстановить их, почти нигде ничего не прибавляя от себя. Петр, повелевающий стихиями, — это такой колоссальный образ великого государя, а описание бури и потопление свейских лодок — такая живая, сжатая и верная природе картина, что было бы жаль, если б эти красоты народного творчества прошли незаметно в истории нашей поэзии.

[^^^]

«Бедный высохший листок, // Оторванный от
своей ветки, Куда ты летишь?» — «Я ничего
об этом не знаю... // Я лечу, куда несет меня ве-
тер...» Арно (франц.). — Ред.

[^^^]

Остроумец наподобие (франц.). — Ред.

[^^^]

Всё кончено (франц.). — Ред.

[^^^]

И этот рыцарский ум!» (франц.). — Ред.

[^^^]

Мера.

[^^^]

Дорогой мой (итал.). — Ред.

[^^^]

Маэстро (итал.). — Ред.

[^^^]

Свинья (итал.). — Ред.

[^^^]

Богиня, звезда (итал.). — Ред.

[^^^]

чахотки (греч.). — Ред.

[^^^]

разрыва сердца (лат.). — Ред.

[^^^]

Нас терпят — против воли (франц.). — Ред.

[^^^]

Целомудренной Дианы (франц.). — Ред.

[^^^]

Как у студента (франц.). — Ред.

[^^^]

Рисовой пудры (франц.). — Ред.

[^^^]

Он меня пугает иногда (франц.). — Ред.

[^^^]

Вот это человек!.. (франц.). — Ред.

[^^^]

Я от этого теряю голову! (франц.). — Ред.

[^^^]

И все-таки она движется (итал.). — Ред.

[^^^]

Князь «Весь мир» (франц.). — Ред.

[^^^]

Эта бедная княжна... все понятно! (франц.). —
Ред.

[^^^]

Святой Франциск (франц.). — Ред.

[^^^]

Следует признать (франц.). — Ред.

[^^^]

В подлиннике: Гефест. Весь этот монолог сокращен в переводе.

[^^^]

Она понимает Ореста, сына Агамемнонова, которого Клитемнестра, со своим любовником Эгистом, удалила из Аргоса. В третьей части этой трилогии Орест, преследуемый фуриями, приходит в Афины, и тут Ареопагом, под влиянием Паллады, полагается решение о прекращении родовой мести, о чем здесь и пророчествует Кассандра.

[^^^]

Средний род (лат.). — Ред.

[^^^]

Горе побежденным! (лат.). — Ред.

[^^^]

Дающему не изменил ли разум? (лат.). — Ред.

[^^^]

Право — захватившему первым (лат.). — Ред.

[^^^]

О женщина, вечно изменчивая... (лат.). — Ред.

[^^^]

Застольная песнь (греч.). — Ред.

[^^^]

Помни о смерти (лат.). — Ред.

[^^^]

Нет большей боли (итал.). — Ред.

[^^^]

Обязательно (итал.). — Ред.

[^^^]

О мертвых <следует говорить хорошее, или
ничего не говорить> (лат.). — Ред.

[^^^]

Обсудим (франц.). — Ред.

[^^^]

*Нужно, чтобы я тебя покинул
(франц.). — Ред.*

[^^^]

*«Ежедневная газета», «Век»
(франц.). — Ред.*

[^^^]

«Римский дневник» (итал.). — Ред.

[^^^]

«Скоро», «Чистая дева» (итал.). —
Ред.

[^^^]

Какая мысль! (франц.). — Ред.

[^^^]

За дверь! (франц.). — Ред.

[^^^]

Очаровательно! (франц.). — Ред.

[^^^]

*Это так пикантно! (франц.). —
Ред.*

[^^^]

Фи! (франц.). — *Ред.*

[^^^]